

ШУКУР АСКАРОВ
ГЕНЕЗИС
АРХИТЕКТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА

4/3

ШУКУР ДЖУРАЕВИЧ АСКАРОВ

ГЕНЕЗИС АРХИТЕКТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ЎЗБЕКИСТОН Республикаси
Ўзбекистон Республикаси
Б/Н

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА «SANAТ»
ТАШКЕНТ 2014

УДК: 72 (575.1)
ББК: 85.118(5Ў)
A90

Аскарлов Шукур Джураевич. Генезис архитектуры Узбекистана. — Издательство журнала «San'at», Ташкент, 2014. 224. стр. текста + 320 таблиц иллюстраций.

Рекомендовано к изданию Советом кафедры «История и теория архитектуры» архитектурного факультета Ташкентского архитектурно-строительного института.

УДК: 72 (575.1)

Монография начинается с ранней истории, ранних империй и античности с эллинизмом, переходя к средним векам, Возрождению, новому времени и к Узбекистану в Содружестве независимых государств. Происхождение и процесс развития древней, исламской и новой архитектуры, то есть ее генезис раскрыт базируясь на методологии региональных исследований. Они усиливались в поздний советский период и стали практически осуществляемыми с обретением Узбекистаном независимости. В генезисе архитектуры и градостроительства раскрыты прежде неизвестные истоки и направления развития, главные вехи и важные законы каждого периода.

ББК: 85.118(5Ў)
A90

Рецензенты: Э. В. Ртвеладзе, академик АН Республики Узбекистан,
доктор исторических наук, профессор.
М. К. Ахмедов, доктор архитектуры, профессор.

<http://jicaalumni.uz/>

Данная монография подготовлена и опубликована при финансовой поддержке Ассоциации выпускников JICA.

ISBN 978-9943-388-55-0

© Шукур Джураевич Аскарлов
© Издательство журнала «San'at», 2014

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ИСТОКИ	
X–I тыс. до н.э. БОГИ, ГОРОДА И КОЧЕВНИКИ	6
II–I тыс. до н.э. ПРОТОГОРОДА И ПРОТОГОСУДАРСТВА: БАКТРИЯ	6
IV в. до н.э. – IV в. АНТИЧНОСТЬ: АРХЕТИПЫ	7
IV–I вв. до н.э. ЭЛЛИНИЗМ: СИНТЕЗ АРХЕТИПОВ	8
III–IV вв. РУБЕЖ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: К ПЛАНИРОВКЕ ФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА	11
III–VIII вв. ФЕОДАЛИЗМ: РОЖДЕНИЕ АРХИТЕКТУРЫ НОВОЙ ВЕРЫ, НОВЫЙ ГОРОД	12
ИСЛАМ	
VII–VIII вв. ВСТРЕЧА ШАМАНИЗМА, ЗОРОАСТРИЗМА, ХРИСТИАНСТВА И СУФИЗМА С ИСЛАМОМ	14
IX–X вв. СТАНОВЛЕНИЕ	15
XI–XII вв. РАСЦВЕТ	19
XIII–XIV вв. ВОССТАНОВЛЕНИЕ	22
XV в. КУЛЬМИНАЦИЯ	26
XVI–XVII вв. ШЕЙБАНИДЫ	35
XVIII–XIX вв. ХАНСТВА	43
XI–XIX вв. ПЕРЕКРЁСТОК АРХИТЕКТУР - ИЗ КИТАЯ В ТУРЦИЮ И ИНДИЮ	49
- ИЗ МОНГОЛИИ В ИТАЛИЮ	53
- ИЗ БУХАРЫ В ИНДИЮ	54
- ИЗ ИТАЛИИ И РОССИИ В ИНДИЮ	58
НОВОЕ	
XV–XIX вв. РОСТ ГОРОДОВ УЗБЕКИСТАНА	61
XIX–XX вв. ИЗМЕНЕНИЯ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ	64
1917–1933 гг. ТРИ ЭТАПА К КОММУНЕ	73
УРБАНИЗМ И ДЕЗУРБАНИЗМ	84
НАЦИОНАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА	98
АГИТПРОП И КОНСТРУКТИВИЗМ	105
1934–1954 гг. ПО ГЕНПЛАНУ МОСКВЫ	115
ВОСТОК ПЛЮС КЛАССИКА	124
1955–1990 гг. СОВРЕМЕННОЕ	132
РЕГИОНАЛЬНОЕ	140
МЕСТНОЕ	149
1991–2011 гг. РОСТ ГОРОДОВ	154
СОХРАНЕНИЕ ГОРОДОВ	166
ТИПОЛОГИИ, АНСАМБЛИ, СТИЛИ	178
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	201
ПРИМЕЧАНИЯ И ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	204

GENESIS OF UZBEKISTAN'S ARCHITECTURE

FOREWORD	5
ORIGINS	
10,000–1,000 B. C. GODS, CITIES, AND NOMADS	6
2,000–1,000 B. C. PROTOCITIES AND PROTOSTATES: BACTRIA	6
4th century B. C. – 4th century ANTIQUITY: ARCHETYPES	7
4th – 1st century B. C. HELLENISM: SYNTHESIS OF ARCHETYPES	8
3rd – 4th centuries ANTIQUITY TO MIDDLE AGES: TOWARDS FEUDAL CITY PLANNING	11
3rd – 8th centuries FEUDALISM: BIRTH OF NEW FAITH ARCHITECTURE, NEW CITY	12
ISLAM	
VIIth – VIIIth centuries SHAMANISM, ZOROASTRIANISM, CHRISTIANITY, AND SUFISM MEET ISLAM	14
IXth – Xth centuries FORMATION	15
XIth – XIIth centuries FLOWERING	19
XIIIth – XIVth centuries RESTORATION	22
XVth century CULMINATION	26
XVIth – XVIIth centuries SHAIBANIDS	35
XVIIIth – XIXth centuries KHANATES	43
XIth – XIXth centuries INTERSECTION OF ARCHITECTURES	49
CHINA TO TURKEY AND INDIA	49
MONGOLIA TO ITALY	53
BUKHARA TO INDIA	54
ITALY AND RUSSIA TO INDIA	58
MODERN	
XVth – XIXth centuries GROWTH OF UZBEKISTAN'S CITIES	61
XIXth – XXth centuries CHANGES OF RUSSIA'S CITIES	64
1917–1933	
THREE STAGES TO COMMUNE	73
URBANISM AND DESURBANISM	84
NATIONAL ARCHITECTURE	98
AGITPROP AND CONSTRUCTIVISM	105
1934–1954	
PER MOSCOW'S MASTER PLAN	115
EAST PLUS CLASSICS	124
1955–1990	
CONTEMPORARY	132
REGIONAL	140
LOCAL	149
1991–2011	
CITIES' GROWTH	154
CITIES' CONSERVATION	166
TYPOLOGIES, ENSEMBLES, STYLES	178
CONCLUSION	201
NOTES & SOURCES OF ILLUSTRATIONS	204

ОТ АВТОРА

Независимость выводит Узбекистан за наложенные распавшейся империей границы. Реалистическое восприятие прошлого и настоящего — требование дня. Мышление в контексте общего мирового развития и включённость действий в актуальные мировые процессы, — вот гаранты эффективности принимаемых сегодня решений. Узбекистан централен в Средней Азии, государственные образования которой меняли мир своей архитектурой и градостроительством. Зарождаясь здесь, архитектура достигала кульминаций в самых отдалённых странах, а придя извне, обогащалась и опять распространялась от этого перекрёстка культур. Советское архитектуроведение сделало много для познания страны и региона, Г. А. Путаеченкова выводила к связям с миром, но в целом «железный занавес» ограничивал исследования и игнорировал или искажал целые периоды зодчества. Поэтому происхождение и процесс развития древней, исламской и новой архитектуры, то есть её генезис раскрыт здесь базируясь на методологии региональных исследований, усилившихся в поздний советский период и ставших практически осуществимыми с обретением Узбекистаном независимости. Архитектура исследована в мировом контексте, в связях с ближними и дальними странами, с которыми формировалась совместно.

Ранняя история, ранние империи и античность с эллинизмом прочно связали Европу и Азию. Архитектура Средней Азии произошла от самых истоков архитектур великих религий. В античность, с воздействием Персии на Грецию и Рим, вслед за персидскими волхвами, пришедшими благословить младенца Иисуса, персидские архитектурные инновации дали толчок к раннехристианской базилике Св. Софии в Константинополе. В её грандиозной литургии тогдашний мир увидел путь к Богу, воспринял его и ислам, описав в Коране и назвав «знаком Бога». Планировка, конструкции и символы того пути проникали в архитектуру Средней Азии и Индии десяти веков, — до начал новой архитектуры. Исламское градостроительство Узбекистана восприняло наследие Кампыртепы на юге Средней Азии, а архитектура — идеи хонакох Баба Ата на её севере. В расширившемся сегодня информационном поле весьма значимым для той эпохи становится Кырк Кыз. Длившийся весь исламский период генезис таких близких и в то же время различавшихся типов зданий, как хонакох и мечеть, оказался сложным и драматичным. Конструктивные новшества архитектуры из Азии в очередной раз, при Чингизидах и Амире Темуре, Италия перенимала для возведения базилики Санта Мария дель Фиоре над колыбелью Возрождения Флоренцией. Типологии исламской архитектуры и градостроительства Узбекистана генерировались по XVII–XX вв. вплоть до Индии и Турции, и наиболее ярко проявились в копировании Бухары в Индии XI–XVI вв. и в генезисе стиля Дворца Правосудия от Биджапура XVII в. до Чандигарха архитектора №1 XX в. Ле Корбюзье.

Сегодняшние трансформации к рыночной экономике восходят к возвестившему новую историю раннему капитализму XIV–XV вв. Кульминацией в переходе от средневековья к новому времени стала архитектура Темуридов. Новая архитектура Узбекистана является наследницей её свершений, сменившихся в XVI–XIX вв. умеренным ростом. Россия принесла архитектуру промышленных XVIII–XIX вв., Советы — авангард 1917–1933 гг. и классицизм 1934–1954 гг. «Свет архитектуры Америки», как говорил А. В. Щусев, проник, сначала посредством проекта города Ле Корбюзье, в перепланировку Ташкента, а затем классицизмом Нью-Йоркской публичной библиотеки — в его собственный ташкентский театр имени Алишера Навои. В 1955–1990 гг. новая архитектура вернулась, но в освобождавшемся от тоталитаризма мире усилилось стремление народов к региональной и местной самобытности. С обретения в 1991 г. независимости, Узбекистан в Содружестве независимых государств возрождает свою архитектуру. Периодам архитектуры и градостроительства свойственно поначалу отвергать предшествовавшее, но затем — восстанавливать и даже изобретать его вновь. Поэтому в непрерывном процессе генезиса важно не отторгать, а наследовать и совершенствовать законы каждого периода.

ИСТОКИ

X–I тыс. до н.э.

БОГИ, ГОРОДА И КОЧЕВНИКИ

X–I тысячелетия до нашей эры — эпоха формирования цивилизаций с ирригацией и городскими поселениями. В начальные для той эпохи тысячелетия, то есть в период неолита или новокаменного века, человек после обитания в пещерах эволюционировал в хозяйствах близкородственных семей. В III–II тыс. до н.э., то есть в эпоху бронзы, в патриархально-родовых общинах выделилась знать, и её цитадели поднялись над поселениями, обносившимися фортификацией, — так возникали первые поселения земледельцев (1). Самые ранние цивилизации речных городов образовались в Египте и Китае, вдоль

Евфрата и Тигра в Месопотамии и в долине Инда в Индии. В городах-государствах Месопотамии власть имущие внушали населению, что судьба городов, гражданами которых им удостоено быть, находится во власти собрания богов. То есть, цивилизованность Месопотамии самым непосредственным образом связывалась с послушностью горожан. Альтернативой были хаос и проклятья в земной и загробной жизни. И собрание богов навлекало гибель на неправедных горожан и их такой же неправедный город, как то и случилось с городом Ур, павшим под натиском варваров (2). Такую исходившую из истоков цивилизации веру в связь праведности горожан и их города унаследовал и ислам, предписав это в Коране и повлияв тем самым на градостроительство мусульманских государств (см. раздел Из Бухары в Индию). Кольбель цивилизации Месопотамия с IV тыс. до н.э. и речная цивилизация Индии с III тыс. до н.э. влияли на Центральную Азию и, следовательно, на территории современного Узбекистана: Месопотамия через Иран со II тыс. до н.э. и Индия через свои центры, простиравшиеся до Амударьи. Первейшим строительным материалом были древесные плетения: месопотамские сводчатые коридоры болотных, как их называют, арабов более всего распространились на заре архитектуры, а юрты кочевников привели к рождению купола. На кочевые и оседавшие народы Центральной Азии веками воздействовала и процветавшая в III–II тыс. до н.э. в дельте реки Мургаб (Туркменистан) цивилизация Маргианы, или Маргуш. Архитектура храмов её столицы Гонурдепе вторила храмам Северной Месопотамии, Хеттского царства в Малой Азии, и Западного Ирана (3). А крестообразный план цитадели Гонурдепе отозвался во II в. до н.э. в плане храма огнепоклонников на кладбище кочевников Шоштепа, что на территории современного Ташкента (4). Многовековые же три надстройки храма огня Гонурдепе повторились в VII–XII вв. в двух надстройках *хонаках* Баба Ата в Каратау, Казахстан (см. разделы Становление и Расцвет).

II–I тыс. до н.э.

ПРОТОГОРОДА И ПРОТОГОСУДАРСТВА: БАКТРИЯ

Со второй четверти II тыс. до н.э. цивилизация долины реки Инд приходила в упадок из-за вторжения в Индию называемых скифами племён кочевников-скотоводов из степей Центральной Азии. Кочевые народы мигрировали из мест с суровыми природными условиями в плодородные речные долины, и были наиболее ужасавшими и разрушавшими города варварами. Из этих кочевников и их боевых приёмов в грядущие эпохи формировались армии государств Среднего Востока. Одержимость кочевых народов к доминированию, их дальновидное планирование и организаторский талант способствовали превращению

покорённых ими городов-государств в центры обмена, производства, и империй (5). И на равнине между Амударьёй и Гиндукушем с середины II тыс. до н.э. возникла цивилизация Бактрии — «матери всех городов». Её культура через могучую Амударью переносилась в Сурхандарью и далее на север, а также по течению тоже на север вплоть до Хорезма, распространяя генезис зодчества по территории сегодняшнего Узбекистана. Узбекистан поэтому является наследником цивилизации, возникшей из смешения кочевых и оседлых народов вдоль берегов Амударьи, — одной из великих рек, качавших колыбель человеческой расы. С конца II тыс. до н.э. крупные земледельческие поселения образовались в Ферганской долине (6). Поселения разрастались в агломерации, и возникла культура первых городов, то есть протогородов. Их квадратные или круглые планы символизировали космос, к которому возносились расположенные в их центрах храмы и дворцы. Сурхандарьинское поселение Сапалиттепа середины — второй половины II тыс. до н.э. имело квадратный периметр стен (82 x 82 м) с вынесенными наружу Г- и Т-образными месопотамскими коридорами, становившимися ловушками для врага. Внутри крепость застроена кварталами находивших здесь убежище земледельцев и скотоводов. Это поселение эпохи поздней бронзы — наиболее ранний в Узбекистане памятник оседлоземледельческой культуры. В конце II-I трети I тыс. до н.э. в оазисах рек и каналов Сурхандарьи и Хорезма усадьбы и города строились как крепости с войсками против кочевников. В Джаркутане, близ Шерабада, на площади более 200 га сложилась агломерация укреплённых поселений с храмом и резиденцией правителя в центре. Такой тип протогородской и протогосударственной организации распространился, и поселения вокруг цитаделей стали вырастать в ранние города для того, чтобы уже в эпоху античности разрастись в двух- или трёхчастные города вокруг цитадели, с росшими далее пригородами (7, 8).

IV в. до н.э. – IV в.

АНТИЧНОСТЬ: АРХЕТИПЫ

Первая половина и середина I тыс. до н.э. — эпоха оседлых и кочевых государств. С VIII–VII вв. до н.э. из Бактрии и Маргианы древнеиранские племена дошли до дельты Амударьи. Из цитадели VII–VI вв. до н.э. вырос Афросиаб — начало Самарканда. В земледельческих оазисах возникли города в окружении стойбищ тюрко- и ираноязычных кочевых и полукочевых саков и массагетов, издревле населявших весь Туран. Это им с VI в. до н.э. Ахемениды Ирана принесли античность (9, 10). Основанная Киром Великим (558–529 гг. до н.э.) Ахеменидская империя влияла на формирование Греции и предшествовала Римской империи. Бактрия стала ахеменидской сатрапией, а её столицей — основанный в VI–V вв. до н.э. город Бактры. Крупные города возникли в VI–IV вв. до н.э. в южном Хорезме (11). В V в. до н.э. с Алтая и монгольских степей вторглись монголоидные группы, и от их смешения с тюрко- и ираноязычными народами произошли эфталиты (белые гунны). Множество интенсивно обжитых и укреплённых городов возникло в рабовладельческих Бактрии и Согдиане (12). Советские археологи доказали, что Средняя Азия ахеменидского периода была урбанизирована так же, как и Средиземноморское побережье (13). Ахемениды распространяли свои древние верования, которые выразились в архитектуре. Для них гора олицетворяла силы небес по отношению к земле, вход в гору означал вход в священное и потому храмы уподобляли горам. Символ космоса квадрат ориентировал по странам света, центр же поднимался для связи с божественным. Иран продолжил опыт колонных храмов Египта и сводчатых коридоров Месопотамии, впервые начав на Востоке сугубо светское строительство путём раскрытия колонных айванов в середине фасадов к саду и городу, распла-

нированным по сторонам света, — этим символизировалось согласие с силами космоса. Характерными в архитектуре Ахеменидов стали: их круглая столица Экбатана (715 г. до н.э.) с цитаделью и радиусом 1 км, жилые 1-этажные дома с айваном по фасаду или же 2–3-этажные дома-башни на платформах (14) и, естественно, месопотамские коридоры (15). Эти первичные образцы, или архетипы, определили впоследствии архитектуру комплекса Кой Крылан Кала, а также *рибатов* и *кёшков*. На этом античном наследии сформировались архитектурные школы: тохаристанская (по имени самого большого народа Бактрии), согдская и хорезмская (16). Это из Египта и Месопотамии, отмечал великий русский и советский зодчий А. В. Щусев, произошли архитектура восточных стран и западноевропейская классика, и в этом смысле «мусульманский Восток и Византия являются прямыми продолжателями классической архитектуры» (17). Классику на Востоке продолжала и распространяла культура Ирана.

IV–I вв. до н.э.

ЭЛЛИНИЗМ: СИНТЕЗ АРХЕТИПОВ

В долгую эпоху античности вошли 3 века эллинизма, распространявшего от Европы до Индии про-греческую культуру (18). Эллинизм способствовал совершенствованию античного классического зодчества и его большему проникновению во все сферы жизни разных стран. Завоёвав Ахеменидскую империю, «Александр Македонский стал ахеменидским правителем, поддерживавшим её политические и экономические структуры, покровительствуя иранским политическим деятелям и становясь в глазах народа преемником бежавшего правителя Дария. Александру сопутствовал успех именно благодаря тому, что он изменил немного в покорённой стране» (19). Эллинизм в Центральной Азии начался со вступления в неё в 336–323 гг. до н.э. Александра Македонского, который в 330–329 гг. до н.э. вошёл в город Бактры. Обученный своим учителем Аристотелем греческим идеалам, Александр в ходе колонизации возводил города в греческом стиле. Он поощрял смешение греков с бактрийцами, формируя так называемых миксэллинов, чтобы управлять через эту элиту (20). В IV–II вв. до н.э. Бактрия была в империи Селевкидов, и город Бактры стал её восточной столицей в 293–280 гг. до н.э. Греко-бактрийское царство просуществовало 120 лет, с середины III в. по II в. до н.э., когда с северо-востока вторглись кочевые саки и восточноиранский европеоидный народ юэчжи. В Хорезме воцарилась юэчжйская династия. Городище Акшахан-кала конца II в. до н.э. — начала I в. (в нынешнем Берунийском районе Каракалпакстана) являлось одной из ранних столиц древнего Хорезма. Здесь над прямоугольной территорией 42 га нижнего города возвышался тоже прямоугольный верхний священный город (¼ нижнего). Культово-церемониальный храм размером 60 x 60 м с внутрисконными коридорами, угловыми башнями и входами с каждой из четырёх сторон сохранил галерею. В ней сохранились фрагменты фресок-портретов хорезмских царей и членов царского дома, — они правили до конца II в. до н.э. — начала I в. Эти фрески древнее известных росписей Афросиаба (VII в.), Варахши (V–VIII вв.), Пенджикента (V–VIII вв.) и Топрак-калы (III вв.). В период со II в. до н.э. по IV в. в Хорезме сменились минимум две династии (21). Бактрию юэчжи разделили на пять княжеств (22), — возможно, от буддийских представлений о мире как состоящем из пяти частей: пяти гор, пяти кочевнических стойбищ, и т. д. Из юэчжей в I в. до н.э. вышло племя кушан — основателей Кушанской империи по III в. Кушанское царство, по Э. В. Ртвеладзе, устанавливало связи с Римской империей в обход Персии по северному, так называемому Великому индийскому, пути. То есть от Таксилы в Бактры или Ай-Ханум и далее по Амударье,

а от неё через Маргиану или Хорезм к Каспийскому морю, и по северу Кавказа к морю Чёрному (23). Примечательно, что три века спустя этим же обходным путём Тюркский каганат установит с Византией связи, сильно повлиявшие, как увидим далее, на генезис архитектуры в Средней Азии. Утвердившийся при Кушанах в I в. буддизм стал официальной религией, и существовал в государствах Средней Азии до XII в. Кушаны сплестили греческую, иранскую и буддийскую культуры. Они распространили этот синтез в Согд, Фергану, Хорезм, Шаш, и способствовали апогею эллинизма. После эллинизма античные государства Средней Азии прекратили своё существование.

На рубеже античности и эллинизма в местной кочевнической традиции Хорезма укрепилась античная зороастрийская. В IV в. до н.э. Хорезмшахи возвели династийный погребально-астральный комплекс Кой Крылган Кала. Его комплекс возвышен, имеет диаметр 42 м, и находится в кольце кварталов радиусом до 87 м внутри стены с 9 крепостными башнями и входом между двумя полукруглыми башнями (24). Такая композиция круглого святилища в кольце жилищ произошла от кочевнических захоронений приаральского Тагискена IX–II вв. до н.э., а её оси по сторонам света — от иранских зороастрийских дахма. В начавшийся период эллинизма, несшего регулярную греческую планировку, на берегах Амударьи получил развитие прямоугольный город. В III в. до н.э. на переправе через Амударью греко-бактрийский царь Деметрий заложил город Деметрия (затем Дермед, Термед, Термез) в прямоугольнике стен (450 × 120 м) с башнями. Кушанская Деметрия стала цитаделью, от которой до 500 га разросся город в крепостных валах (25). Влияние эллинистической планировки испытали и города Хорезма, воспринимавшего по Амударье новое градостроительство и входившего в 250–125 гг. до н.э. в Греко-бактрийское царство. В Хорезме III в. до н.э. – III в. установилась традиция регулярных городов и поселений. Их прямоугольные сырцовые стены укреплены башнями и контрфорсами, имели внутрстенные стрелковые галереи, а единственные городские ворота защищал предвратный лабиринт. Застройка городов нанизана на центральную магистраль, устремлённую сквозь поперечные улицы жилых кварталов к площади с дворцом и храмом (святилищем огня). Таковы в III в. до н.э. Джанбас Кала (200 × 170 м) на стыке оазиса и степи, и в III в. столица античных Хорезмшахов Топрак Кала (500 × 350 м) (26). Топрак-кала сооружена в 30 км северо-западнее династийного погребально-астрального комплекса Кой Крылган Кала. Традиции эллинистической прямоугольной планировки отозвались и в кёшке Тешик Кала VI–VII вв., а именно в его оборонительных стенах и вратах.

Эллинизм предпринимал монументальные меры по защите своих городских культур от кочевнического варварства. С III в. до н.э. по распоряжению селевкидского правителя Антиоха I Сотера для защиты земледельческого оазиса от вторжения кочевников возвели первую стену округа дельты Мургаба, названную Маргинской (27). Вокруг Самарканда также возвели стену Девори Киёмат (Стена судного дня) или Стена Искандара, — считалось, что она возведена Александром Македонским. Эта стена послужила и феодальному городу границей его оазиса. А в III в., тоже ради защиты от кочевников, к северу от реки Зарафшан возвели «стену Согда» длиной 120 км (28).

Лавины кочевников, тем не менее, продолжали топить Согд и Бактрию, вторгаясь в оседлую жизнь оазисов. Со II в. до н.э. кочевые и оседлые племена Ферганы образовали царство Давань с 70 большими и малыми городами, замками и крепостями феодалов, контролировавшими ирригационные системы (29). Кочевники привносили и свои формы поселений. Емши-тепе в Шибирганском оазисе севера Афганистана вошёл в десятку крупнейших городов Бактрии, и примечателен своей круглой планировкой, произошедшей от кочевых традиций. Для ночёвки в степи кочевники ставили свои повозки кругом, а сами

45

располагались внутри. Ограждая себя от возможного нападения системой обороны из круга повозок, кочевники и прочие свои навыки применяли для оборонительных сооружений города (30).

При Кушанах развился город Балх, который исследователи во всём мире долгое время принимали за Бактры. Кушанский Балх значительно расширился, центр переместился к югу от цитадели Бола Хисар и новую территорию города обнесли стеной. За ней на юге возник пригород со ступой Тахти Рустам. Городские стены были прямых и криволинейных очертаний. В последующем, город вырастет из них, и при Темуридах будет уникально перепланирован по римскому образцу.

Архитектура эллинизма от Сурхандарьи до Хорезма следовала, с одной стороны, ахеменидским залам или дворам в гуще месопотамских коридоров, и колонным портикам, именовавшимся по-местному *айванами*, а с другой — эта архитектура сильно тяготела к греческому типу здания *мегарон*. Мегарон — прямоугольный жилой дом с входом в виде портика на двух столбах — получил развитие в греческом храме. За обращённым на восток входом с двумя колоннами (*пронаос*) расположено главное помещение (*наос*) с меньшим помещением (*адигон* — недоступный, священный), за глухой стеной которого, со входом из обводного коридора, расположено помещение утвари и приношений *опистодомус* (*описто* — позади). Храм окружала колоннада — перистиль. В греко-бактрийские

II–I вв. до н.э. в спланированном по греческому решётчатому плану городе Таксила (Пакистан) к северу от его ворот построили подобный храм Джандайял (47 × 25 м) (31). В позднем греко-бактрийском зодчестве *пронаос* обрёл черты ахеменидского *айвана*, и план типа *«айван-пронаос — мехмонхона-наос — П-образный коридор с жилыми и хозяйственными помещениями»* широко распространился в домах и храмах селений Дальверзин и Халчаян Денауского рай-

она. Этот синтез ахеменидской и эллинистической классики продолжался по раннее средневековье в согдийском Пенджикенте, богатые жилые дома которого блистали *мехмонхой*, нередко четырёхколонной, в обводе жилых и хозяйственных помещений (32).

Зал же в обводе коридоров стал настолько характерен для буддийского зодчества Бактрии (святилища и кумирни Кара-тепе в Старом Термезе), что французский учёный заявил: «греческие цари явно покровительствовали буддизму» (33). В свою очередь, буддийский монастырь-*вихара* Ак Бешим VII–VIII вв. в Чуйской долине Кыргызстана удивительным образом отозвался в комплексе мавзолея-*хонаках* Султан Воиз Бобо в Хорезме. Воиз Бобо, то есть *пир* (наставник) — имя суфийского *шайха*, покровителя верблюдов, проповедника и чудотворца; его культ уходит в эпоху зороастризма и распространён в Иране и Средней Азии; имя пророка Заратуштры тоже значит верблюд, жёлтый или серый. Дошедшая до нас архитектура мавзолея-*хонаках* Султан Воиз Бобо характерна для начала XIV в. (ячеистые сталактиты, ступенчатые арочки над парусами, жжёный кирпич без полихромного декора), а в Хорезме и Каракалпакии XVI–XVII вв. она стала прототипом многих святилищ. Камеры-*чиллахона* вдоль коридора вокруг центрального мавзолея предназначены для затворничества, в комплексе же перед мавзолеем паломники совершали пятничные трапезы-*халим*. В XIX в. правления Аллакулихана коридор мавзолея, дворик перед ним, а также *айваны* и мечеть были перестроены. В южной нише мечети — *михраб*, за её стеной — двухкупольная *ошхона*: она сообщается проёмом с *онг-айваном*, примыкающим к мужской *мехмонхоне* в юго-восточном углу мечети и, через коридор, с женской *мехмонхой* прямо за нею. Высокий *онг-айван* с востока от мечети и низкий *терс-айван* напротив него образуют дворик перед восточным входом в мечеть, — как в хивинском жилом доме.

Ген греческого храма-мегарона проник и напрямую, без посредничества буддизма, в раннеисламские святилища, приведя в замешательство исследователей архитектуры

Узбекистана и Пакистана. Греческий трёхчастный план с центральным святилищем-целлой и с *пронаосом* и *олистомодусом* по обе стороны, отозвался в планах хорасанского Талхатан-баба (близ Мерва, IX в.) и индостанского Халид Валида (близ Мултана, XI–XII вв.). В обоих объектах квадрат центрального святилища одинаково фланкирован узкими боковыми помещениями (некогда *пронаоса* и *олистомодуса*). Первый объект Б. Н. Засыпкин называл мавзолеем, А. М. Прибыткова — мавзолеем-мечетью, а Г. А. Пугаченкова — мечетью (34). Второй же объект, самый ранний из мусульманских мавзолеев на Индостанском субконтиненте, сохранил от греческого храма даже обводной коридор, облачив всё это в архитектуру укрепленного башнями исламского *кёшка*. В здешних мавзолеех XIII в. два фланкирующих помещения всё более уменьшались и затем были упразднены вовсе, оставив лишь стены *кёшка*, несущие центральный купол (35). Вот так, эллинистическое понимание святилища удивительным образом передавалось и начальным векам исламизации. Эллинизм впитал местные ахеменидские архетипы и, трактуя их шире и изысканнее, перенёс синтезирующие свойства своих архетипов в архитектуру ислама.

7

III–IV вв. ●●

РУБЕЖ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: К ПЛАНИРОВКЕ ФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА

К III–IV вв. крушатся Римская и Кушанская империи, обозначив рубеж античности и средневековья. Из затухающих на берегах Амударьи очагов эллинизма возникают искры исламского зодчества. Поиски греческого поселения Пандахейон обнаружили на рубеже XX–XXI вв. городище III в. до н.э. – середины II в., получившее название Кампыртепа. Здешняя переправа из Бактрии в Согдиану возникла ещё в эпоху неолита, образовав, со времён протогородов, три городища: западное Шортепа V–IV вв. до н.э., центральное Кампыртепа, и восточное Шураб Курган III–IV вв. у русла Карасу. Между Шортепа и Кампыртепа находилась предположительно переправа Александра Македонского в Трансоксиану и обратно. Работы, возглавлявшиеся Э. В. Ртвеладзе, выявили, что возникшее при греческих правителях Бактрии городище Кампыртепа прошло четыре периода формирования и сохранило кушанскую застройку. Крепость III–I вв. до н.э. разрослась к I–II вв. в трёхчастное городище с цитаделью, жилой застройкой в пределах стены, а также пригородом. В середине II в. значительную часть поселения подтопило переменичивое течение Амударьи. Кампыртепа — это важный этап в эволюции города. На заре цивилизации высшее сословие горожан разделялось от низшего: один из первых в Месопотамии город Мари имел круглый план из двух поясов застройки для власть имущих и простолюдинов. Эти два пояса застройки разделяла стена и обязательная при ней окружная улица. Из такого разделения произошло устойчивое впоследствии формирование внутреннего и внешнего городов. Со времён небольшого Мари, города разрослись. Выросло до радиуса 175 м и городище Кампыртепа в своих стенах. Жилая застройка между цитаделью и стенами имеет срединную окружную улицу. Застройка разделена также радиальными улочками на кварталы, по пять 2–4-комнатных домов в каждом (36). Похожим образом спланировано и раннеисламское сельское поселение Гардани Хисор V–VIII вв. (близ селения Мадм Айнинского района, Таджикистан). На склоне ущелья, между замком феодала на вершине и крепостными стенами, протянулись вдоль срединной улицы кварталы 1–4-комнатных крестьянских домов, — всё в радиусе 50 м. Архитектура цитадели Кампыртепа (по И. М. Азимову) сходна с реконструкцией замка Гардани Хисор (по В. Л. Ворониной) (37). Из всего этого следует, что на рубеже античности и средневековья по-прежнему много небольших протогородов, но активные из них

8

вырастали в городища с поясной, согласно сословию, и квартальной, согласно роду, застройкой. Два пояса застройки предвосхитили деление крупных городов ислама на внутренний и внешний (*рабату-дахиль* и *рабату-хоридж*).

III–VIII вв.

ФЕОДАЛИЗМ: РОЖДЕНИЕ АРХИТЕКТУРЫ НОВОЙ ВЕРЫ, НОВЫЙ ГОРОД

В III–IV вв. кризиса рабовладельчества и становления феодализма Средняя Азия правилась полунезависимыми и независимыми династиями Хорезма, Согда, Чача (38), в её оазисы вторгались полукочевые племена, перекраивая территории и распространяя шаманистские культы. Иран же объединился в Сасанидскую империю III–VII вв., оспаривавшую у Рима господство на Востоке и оградившуюся от кочевников севером 170-километровым Александровым валом от Каспия до гор Эльбруса. С зороастризмом как государственной религией, Сасаниды создали изменившие мир новые архетипы зодчества. Это прежде всего — купол на квадратном основании, а также новый светский дворцовый церемониал, выразившийся в сложном плане и, соответственно, в новой пространственной системе покрытий. После многовековых узких арок и протяжённых сводов, рождение величественного сасанидского купола на парусах ознаменовало союз квадрата и круга, ставших символом единства. Во дворце Бахрама V в Сарвистане (420–440 гг.) церемониал отныне осуществлялся не в *айване* перед фасадом, а раскрывался по мере прохождения сквозь систему залов под параболическими арками и сводами, окружавшими центральный купол на квадратном основании. Месопотамские сводчатые узкие коридоры были расширены предназначенными для зрителей боковыми нефами под полукуполом на спаренных опорах (пролёт свода 5,1 м, а полная ширина с нефами 7,9 м) (39). Купол на квадрате и боковые нефы на спаренных колоннах, — это то, что дал Сарвистан (а не римские Пантеон и базилика Максенция, как обычно утверждают) величественной базилике Св. Софии (532–537 гг.) в Константинополе. Римская базилика с божеством в алтаре и иранский дворец с государем в *айване* были упразднены и сменены динамично разворачивавшимся в пространстве театрализованным культом с кульминацией под центральным куполом. Месопотамские коридоры, тысячелетиями указывавшие направление движения, теперь нашли цель — купол, указывавший на Бога. Распор купола в Св. Софии погашен мощными столбами — внутренними контрфорсами, по два с каждой стороны. Своды боковых нефов участвуют в погашении этого распора. Колоннады являются границами между зрителями и обожествлённой церемонией с патриархом, священнослужителями, и императором со свитой (40). Базилика Св. Софии воистину явила чудо той эпохи, и церемониал в ней воплотил для тогдашнего сознания людей путь к Богу. Маршрут этого пути воспринял и ислам, назвал его «правильным» и описал его в Коране, и этот маршрут был возведён в архитектуре первого в Средней Азии *хонакох* (см. раздел Встреча шаманизма, зороастризма, христианства и суфизма с исламом).

С середины V в. жизнь в Средней Азии стабилизировало государство восточно-иранских эфталитов (белых гуннов): развивались земледелие, ремёсла и торговля, возникали замки земледельцев-*дехан*, города выходили из кризиса, — наступала новая формация. Ремесленно-торговые поселения располагались вдоль караванных дорог. Расстояния между ними рассчитывались для остановок караванов и не превышали 22–24 км. (41), что близко к 25–30-километровым дневным переходам на Великом Шёлковом пути (42). Восточнохорасанская дорога связала

9

10

11

Иран и Афганистан с Самаркандом, Ташкентом и Ферганой; другая дорога связала Кеш и Несеф с Бухарой. Под Бухарой в середине VI в. тюрки в битве разгромили эфталитов и установили Тюркский каганат. С 568 г. ставка тюркского кагана на реке Талас, минувя санидский Иран, обменивалась по северу Каспийского моря и Кавказа посольствами с Византией (43). Тюркам подчинилась и Бактрия, называвшаяся с V века Тохаристан.

12

Патриархальные общины уступали место *дехканам* с их служивыми издольщиками, — так утверждался феодализм. *Дехкан* — это понятие времени Сасанидов для выделявшихся из общин феодалов-земледельцев (44). Издольщики составляли дружину *дехкан* и находили защиту в их укрепленных замках-*кешках*. *Кешк* V–VI вв. севернее Термеза спланирован месопотамскими коридорами на стилобате высотой 10 м с входом по подъёмному мосту от соседней башни. *Кешк* хорезмской Тешик-кала VI–VII вв. высится над прямоугольником оборонительных стен, унаследованных от эллинистического влияния, и имеет вход от отдельной башни по висячему мосту. А *кешк* VII в. под Самаркандом «ощетинился» волне коридорами-ловушками для врага, — как протогород Сапаллитена II тыс. до н.э., — открыв центральный вход только с одной стороны своего квадратного плана. Первый этаж *кешков* покрывали сводами, а второй — балками, в центрах фасадов — *айваны*. Таким образом, архитектура феодализма стала наследницей тысячелетних воинственных прототипов: протогородов, городов эллинизма, и позднеантичных домов-башен.

13

Одновременно, протогорода превращались в города, а замки-*кешки* — в цитадели городов. Во второй половине VI в. *кешк* над базаром, собиравшим торговый люд со всей округи, вырос в цитадель Бухары. *Кешками* был застроен и эллинистически прямоугольный план *шахристана* Бухары. С VI в. до н.э. по III в. на юге современного Ташкента выросло городище земледельцев Мингурюк с цитаделью, дворцово-храмовым комплексом и прямоугольным *шахристаном*. А в VII–VIII вв. на северо-западном арыке Каракамыш поднялся дижканский *кешк* Актепа, и на западном канале Бозсу — храм-некрополь. Поселения оазиса возникали из разных типов зданий, но преобладали *дехканские кешки*, защищавшие от набегов северных кочевников и своими натуральными хозяйствами устанавливавшие рыночные связи с городами на юге. Эти феодальные агломерации поселений нуждались в защите. Поэтому, вслед за Александровым валом V–VI вв., защищавшим Иран от кочевников подобно Великой китайской стене III в. до н.э., и Бухарский оазис оградили в V–VII вв. от кочевников стеной Кампир Девор в десятки километров.

Цитадели (*кухендиз*) и собственно города (*шахристан*) становились средоточием жизни. И, когда с середины VII до второй половины VIII вв. Среднюю Азию завоевали арабы, те поселения стали вырастать в новый тип города, и их прежняя терминология на фарси дополнялась арабской: город (*мадина*), пригород (*рабат*). Не только новый тип города, но и пригород делились на внутренний и внешний. И они именовались соответственно на фарси/арабском: *дарун/дахиль* и *берун/хоридж*. В Фергане VI–VIII вв. насчитывалось 6 больших и около 100 малых городов. Бухара и Кеш по древней традиции делились главными улицами вчетверо, но отныне возобладала иррегулярность (45). Форму и рост Бухары обусловило её положение в оазисе: ввиду его протяжённости с северо-востока на юго-запад, четверо ворот по осям *шахристана* дополнили ещё двумя воротами. Ворота Нау вели на северо-восток, а Ворота Бену Саад — на юго-запад. Первые вели к святым местам в Кармане и Нурате, а вторые связывали Бухару с Хорасаном. Направление улицы на юго-запад, на Хорасан, продублировали, со временем, улицей и от южных ворот *шахристана* тоже на юго-запад. Направления обеих улиц в Хорасан закрепились и в XVI в. воротами в городских стенах Абдулазизхана и Абдуллахана.

14

VII–VIII вв.

ВСТРЕЧА ШАМАНИЗМА, ЗОРОАСТРИЗМА, ХРИСТИАНСТВА И СУФИЗМА С ИСЛАМОМ

Тесным взаимоотношениям Тюркского каганата с Византией способствовала тюркская торговая империя Хазария (VII–X вв.) к северу от Кавказа (1, 2). Через неё отношения с Византией поддерживал с VIII в. и Хорезм, и хорезмская епископия вошла в крымскую митрополию. Из Византии через Хазарию по Средней Азии распространялось христианство.

15

В результате, архитектурное наследие Византии стало своим и для потомков тех кочевых скифов-скотоводов, о стационарных зимовьях которых писал ещё Геродот (3). В среднем течении Сырдарьи на северных склонах Каратау такие зимовья в виде прямоугольных ограждений из валов и стен имели ритуальные помещения (4). Таковы поселение Актобе-2 I–IV вв. (Чардарьинское) в реконструкции Т. Н. Сениговой и город Баба Ата VII–XII вв. близ райцентра Чулаккурган Чимкентской области в реконструкции археолога Е. И. Агеевой. Поселение со временем выросло в цитадель с небольшим дворцом и *шахристаном*; город же, помимо цитадели и *шахристана*, разросся до трёх *рабатов* (5). Это вырастание кочевых зимовий с VII в. в оседлые поселения и города XI–XII вв. осуществлялось посредством тех же *кёшков* и тех же месопотамских коридоров. Ими строили и перестраивали и ритуальное здание в цитадели Баба Ата. Восьмигранной формы и в обрамлении прямоугольных помещений, оно, — как и храм огня в Гонурдепе, столице Маргианы (6), — надстраивалось, один этаж над другим, согласно чередовавшимся веяниям в вере и архитектуре. Первый же этаж храма Баба Ата VII в. повторил план и даже ориентацию константинопольской Св. Софии, засвидетельствовав этим контакты Тюркского каганата с Византией.

16

В план из Константинополя вошли верования Средней Азии, искавшие крова и находившиеся в V–VII вв. в состоянии соперничества (7). «Степные кочевники Средней Азии хоронили на дне глубоких колодцев» (8) и вокруг совершали ритуал шаманизма. С приходом зороастризма, над колодцем возвели *оловахона* (комнату огня): «в зороастризме, тело сначала оставляли на платформе-*дахма*, и затем расклёванные птицами останки бросали в колодец, где они разлагались негашёной известью» (9). «При Сасанидах каждому покойному полагалась своя *дахма*. Она стала общей с приходом ислама» (10). Во II–VIII вв. в Ираке и Сирии возник суфизм (араб.: *тасаввуф*) (11) и, распространившись в Среднюю Азию, он, по всей видимости, и возвёл по плану из Константинополя свой *хонакох* (буквально: большая комната) в городище Баба Ата. Почему суфизм и почему *хонакох*? — По XVI в. именно суфийские *хонакох* развивали в архитектуре Узбекистана композицию храма Баба Ата. В центре этого храма археологи нашли закопчёную сажу и пеплом *оловахону* с колодцем, а кровля служила *дахмой*. Помимо ориентации 58 градусов на юго-запад, в Баба Ата повторены также два входных коридора-*нартекс* и трёхчастные галереи Св. Софии. Идея той базилики — вознесение к Богу — стала главной и в суфийском *хонакох*. Поэтому, *хонакох* — не только типологический, но и мировоззренческий брат базилики.

Ритуал в Св. Софии начинали с ночного бдения и встречи восходящего солнца в правой галерее второго этажа, затем переходили налево в галерею, и потом спускались к алтарю (12). При происходившем в Св. Софии этом ритуале, 73 года спустя после её возведения, для аналогичных ночей бдения и молитвы шёл в пещеру близ Мекки 40-летний Пророк Мухаммад, и там ему снизошло Откровение (13). Книга этих Откровений Коран указывает

«правильный» путь тем, кто ищет истинного Бога: «Когда вы покинете идолопоклонников и их идолов, найдите приют в Пещере. Восходящее солнце сядет справа от Пещеры и, с его заходом, перейдите налево мимо усопших в Пещере» (14). «Правильный» путь Корана, как видим, сходен с ритуальным путём в Св. Софии. На этом пути Коран одобряет и «место молитвы» над усопшими (15). Поэтому, следуя Корану, турки на *дахме* Баба Аты ожидали восходящее солнце в правом пещерообразном коридоре, и затем переходили налево, мимо покойных в *оловхоне*, к «месту молитвы». Этим местом молитвы стало трёхчастное помещение на северо-востоке плана *хонаках* Баба Ата — одна из первых в Средней Азии мечетей. На юге же Средней Азии, согласно распространённому мнению, первенствовала мечеть, а *хонаках* возник в одном из её помещений. Когда же солнце над Баба Атой заходило, совершавшие ритуал спускались в *оловхону* к уже расклёванным птицами останкам, чтобы сбросить их в колодец.

17

Большим, нежели поселения прежних эпох, стал исламский город. Начертанный астрономами в 759–769 гг. круглый план столицы Аббасидского *халифата* Багдада на реке Тигр стал воплощением на земле вселенского порядка с центральной колонной мечетью и дворцом *халифа* ал-Мансура под символизировавшими Рай куполами зелёного цвета. Мощная стена со 112 башнями охватила кольцо всевозможных административных учреждений, а в жилых и торговых кварталах столицы жили этносы и племена и были представлены хозяйства империи. Четверо ворот города были надстроены куполами и именованы пунктами назначения. Багдад недолго сохранял этот идеальный план, но его радиус 1,3 км впредь станет образцовым параметром, которому в городах ислама старались следовать при определении границы поселения. Параметры роста контролировались исламскими институтами и отцами городов. Об этом свидетельствует и согласованное вырастание в широтном направлении двух среднеазиатских духовных центров: Бухары XVI в. и Хивы XVIII в. «Юридическая система ислама была достаточно хорошо учреждена в почти всех крупных мусульманских городах для того, чтобы иметь важные узлы монументальных ансамблей» (16, 17).

18

IX–X вв.

СТАНОВЛЕНИЕ

С установлением с середины VI в. кочевыми тюрками державы Туркестан, они с VIII в. вторгались во многие государства и с IX в. становились дворцовой гвардией или могущественными правителями, переняв, таким образом, «первый исламский классицизм у Омейядов и Аббасидов VII–X вв.» (1). В X в. на базаре Шаша (Ташкент) гвардия Саманидов купила молодого Себук Тегина из тюркских Карлуков с озера Иссык-Куль. Он в X–XI вв. основал династию Газневидов, проявившую «характерную для тюрков способность ассимилировать чужую культуру и, в то же время, сохранять доминирующее положение завоевателей» (2). Первый политический и культурный Ренессанс Средней Азии IX–X вв. имел центром город Бухару, где в арабских переводах с греческого, сирийского, персидского и санскрита «науки и философия Аристотеля были подняты на новые высоты Авиценной (908–1037 гг.) и другими» (3), чтобы затем распространиться повсюду вместе с тюрками. В IX в. Ал-Хоразми развил воззрения Платона и описал мироздание в виде «неподвижной земли и 8 сфер, вращавшихся вокруг неё и несших солнце, луну, 5 планет и неподвижные звёзды» (4), — эта картина впоследствии символически воплощалась в архитектуре и градостроительстве.

Города ислама начинались с местных кочевых поселений, с укреплённых крепостей и городищ. Тюркские юрты возводились в огороженных некапитальными сооружениями ханских ставках и при опасности там же укрывались население и скот. Аналогична была

жизнь и феодальных кочевых селищ вокруг дехканских *кёш*ков. Эти полукочевые поселения пополнили число городов ещё недавно кочевых тюрков и оседлых согдийцев. Арабы нашли города выходящими за стены *шахристанов*, а *кёшки* ещё долго оставались характерной чертой городского и пригородного ландшафтов.

На западе и востоке завоёванного ими мира арабы требовали жилищ от местного населения и, при недостатке в городах дворцов для конфискации, заставляли строить их для себя. Построенный халифу Хишам ибн Абд ал-Малику для защиты границ империи Омейядов *караван-сарай* Каср ал-Хайр аш-Шарки (728–729 гг., Сирия) имеет между внешней стеной и центральным двором колонный зал и множество двухэтажных комнат вокруг двориков. Такой *караван-сарай* в стиле дворцов Сасанидов приспособили потребностям арабской элиты, окружив его сельскохозяйственными 850 га внутри 22-километровой крепостной сырцово-кирпичной стены (5).

В следующем веке схожий объект построили на другом конце империи ислама: сырцовый *кёш*к, называемый Кырк Кыз, в местности Шахри Саман близ Термеза. Саманиды — дети и внуки Самана (Саман-худа), землевладельца из области Балха, — получили в 819 г. во владение важные области Мовароуннахра со столицей в Бухаре, и в первой половине X в. государство Саманидов достигло могущества. *Кёшки* того времени, сохраняя традиционный облик, утрачивали оборонную функцию. Таков и Кырк Кыз. Квадрат плана 54 x 54 м расчленён по осям месопотамскими коридорами, ведущими в центральный дворик 11,5 x 11,5 м; в образовавшихся четырёх частях здания насчитывается около полусотни двухэтажных комнат, есть и трёхстолпный зал (6).

Каср ал-Хайр аш-Шарки и Кырк Кыз демонстрируют стремление арабов строить свои пограничные форпосты по типовым планам и позволяют говорить об отлаженной типологии уже в ранней архитектуре *халифата*. Эти два комплекса ставят под сомнение утверждения о форпостах как о стихийно возникавших шатрах арабских гарнизонов, застраивавшихся затем местными жителями (7). Поэтому, Кырк Кыз — это не дворец или загородный замок (В. Згура), не летняя резиденция рода Саманидов (Г. А. Пугаченкова), и не *хонакх* (Б. Н. Засыпкин) (8). Он построен по разработанному для *халифата* типовому плану, а привлечённые к строительству лучшие местные мастера возвели над ним все местные типы сводов и куполов. Эти типы покрытий стали гимном сырцово-кирпичной архитектуре накануне её перехода к жжёному кирпичу. Кырк Кыз как типовой форпост на переправе через Амударью принадлежал Аббасидскому *халифату*, нежели самим Саманидам. Для арабов это был *рибат* или *рабат*, пограничное укрепление борцов за веру на завоёванных землях. В IX–X вв., с сокращением в Средней Азии *дехканских* поселений и развитием сельской жизни вокруг городов, в *кёшки* стали входить с первого этажа (9), они дали начало поселениям и городам, и с формированием крупных феодальных городов XI–XII вв. *кёшки* сохранились лишь как сельские усадьбы.

Арабские географы IX–X вв. Ибн Хордадбех и Кадама, Истахри и Хаукаль, Макдиси и другие оставили подробные письменные сведения о городах. Археологические исследования 1940–1980-х гг. выявили связывавшие их древние и средневековые караванные дороги с расположенными на них крепостями и *караван-сараями с сардобами*. Эти протянувшиеся с юго-запада на северо-восток дороги отразили направление распространения цивилизации ислама: от Бухары, Несефа (Карши) и Кеша (Шахрисабз), через Нуратинские горы и Самарканд к городам Ходженту, реке Сырдарье, а за ней к Бинкенту (Ташкент) и далее в казахстанские степи. Многие из выявленных памятников на этих дорогах датируются IX–XII вв. С распадом арабского халифата и формированием в 840 г. тюркской династии Караханидов *шахристан* и цитадель Арк Бухары обнесли стеной *рабата* (10), и это стало моделью для цитадели *ирабата* Самарканда (11). Из такого типа города с двумя пригородами-*рабатами* развился тип города на границе со степью — в этом смысле показателен Бинкент.

Арабы обновляли защищавшие от кочевников стены городских оазисов и строили вдоль них пограничные укрепления *рабаты*. В VIII–IX вв. Хорезм укреплял крепостями и сторожевыми башнями свои границы с тюркскими кочевыми племенами. Самарканд и окрестные селения ещё с рабовладельческих времён были обнесены стеной Девори Киёмат с 9 воротами, оазис же Бухары — стеной Кампир Девор. В 714–970 гг. к северо-западу от цитадели Арк Бухары сформировался *идгох* — открытая праздничная территория перед молитвенной стеной *мусалла-номозгох* — в 849–850 гг. его и северную часть *рабата* охватила стена (12). Прежних землевладельцев *дехкан* из Бухары вытесняли люди новой торговой формации: власти распродавали пашни *дехкан* купцам караванной торговли, и бок о бок с *кёшками дехкан* в *шахристане* возводились кварталы и торгово-ремесленные улицы. К западу от цитадели располагались дворцовые кварталы Саманидов; между цитаделью и шахристаном была возведена мечеть; у южных же ворот *шахристана* бурлил ещё доарабский базар Атторон. Если стена Бухары конца IX в. стала первым укреплением территории её *рабата* с севера против кочевников, то к X в. *рабат* разросся втягеро, а в конце века был обнесён стеной ещё и с юга. Тогда же, по всей видимости, были объединены северная и южная стены. Стены же так называемого внутреннего *рабата* либо не было, либо она была так незначительна, что быстро исчезла, не оставив о себе памяти ко времени историка Бухары Мухаммада Наршахи (899–959 гг.). В 999 г., саманидскую Бухару захватили Караханиды. С начала XI в. от Хорасана до Хорезма правили тюркские династии, они и несли в покоряемые страны — в качестве города-модели ислама — образ Бухары с её обращённой к Мекке цитаделью.

20

Как и оазисы Самарканда и Бухары, оазис Балха был огорожен против набегов кочевников стеной 70-километровой длины с 12 воротами (13, 14). Собственно город имел *шахристан* и *рабат* (15). Когда городская жизнь ушла из принадлежавшего земледельцам *шахристана* (16) в *рабат* торговцев и ремесленников, и «Исмаил Самани предпочёл Бухару Самарканду, Балх стал третьим городом Средней Азии, звавшимся *Куббат ул Ислом* (Купол Ислама)» (17), равным Бухаре в экономике и значительно превосходившим её в удобствах и качестве жизни (18). Окружавшие разраставшийся Балх кочевые ханы и знать вступали внутрь стен его оазиса и разбивали там свои шатры. Назвав оазис *шахри берун* (внешний город) и пригороды *шахри дарун* (внутренний город), эти кочевники стали и город называть соответственно *шахри берун*, а его цитадель *шахри дарун* (19). В Самарканде, его оазис (в стене Девори Киёмат) и пригород (в стене Девори Кундаланг), равно как и город с цитаделью, тоже получили такие названия (20). Это движение кочевников в город с переносом пригородных наименований на собственно город подтверждает диктат кочевников в урбанизации IX–XV вв.

В IX–X вв. в Хорезме, на правом берегу Амударьи и в головной части канала Гирье, у стен разрушенного арабами замка, вырос город Наринджан правильного прямоугольного плана. В число тринадцати городов Хорезма вошла Хива. В 995 г. столицей Хорезма стал крупнейший на пересечении караванных дорог Ургенч с цитаделью на юге и единственными воротами на севере городской стены. Зенита своего развития достиг портовый город Термез с шахским дворцом, пятничной мечетью, а также базаром внутри городских стен. В X в. спустившийся с холмов Афросиаб начал расширяться на юго-западную равнинную территорию, положив начало Самарканду. Формировался его внутренний *рабат*, а с XI в. и прямоугольный внешний *рабат* с четырьмя воротами. За его стеной росли два кладбища: к западу от цитадели, и Чакардиза на востоке. Ядро будущего Ташкента переместилось от городища Мингурык на 4,5 км северо-западнее — к арыкам Бозсу и Калькауз. Город имел цитадель с двумя воротами, *шахристан* с тремя воротами и концентри-

21

ческие стены двух *рабатов* с десятью воротами во внутренней и семью воротами во внешней стене. Во внутреннем *рабате* теснились базары и жилая застройка, во внешнем располагались усадьбы, а за стенами города — усадьбы с садами. Около ворот стен внутреннего *рабата* множилось базары, религиозные, квартальные и другие центры. В целом, для городов этих веков характерно всё большее уплотнение застройки в пределах их четырехчленённых или радиальных планов. С разрастанием городов, цитадели и *шахристаны* пустели и теряли значение, за городами возводились мечети-*мусалла*, и число поместий росло. В этих пригородах святыни и базары становились новыми центрами, и пульс жизни города бился там, за его стенами.

«Мечеть — это любое место, где вы молитесь», — говорил Пророк Мухаммад. Пространство перед стеной *михраба*, по-арабски *мусалла*, стало открытым пространством молитвы *идгах* за городом. Ислам ориентировал пространства в священном направлении на Мекку. Со временем пространство молитвы покрылось тентами или аркадами, и называлось в ранних текстах *ал-мукатта*. В Иране и Средней Азии это пространство приняло форму *чортака* от зороастрийского храма огня. Добавление четырехъяванного двора определило пространственную концепцию мечети. Последовавшие мечети наследовали приём пристроек к квадрату двора. Пристройки сращивали мечеть с городской застройкой так, что вовне выступал только её портал. Компонентами мечети стали: *михраб*, покрытие и купол перед ним, *минбар*, *максура* (павильон правителя), двор, *дакка* (платформа для того, кто повторяет *имама*, находящегося у *михраба*), минарет, помещение омовения. Мечеть 770 г. между цитаделью и *шахристаном* Бухары расширили в X в. как соборную со стеной *михраба* и деревянными навесами вокруг двора, — этим было начато многовековое формирование будущей мечети Калян.

На юго-западном пригороде Бухары, на месте захоронения одного из четырёх братьев из династии Абубакра Саада, Усто Мухаммад построил в IX в. гробницу и мечеть, — и этим положил начало многовековому строительству здесь могильников, *дахма*, *хазира*, мечетей и *медресе*. На территории 50 га сформировался крупнейший некрополь Средней Азии Чор-Бакр. С рубежа IX–X вв. в монументальном строительстве вместо сырцового кирпича распространился жжёный кирпич, способствовавший разработке новых пространственных конструкций. Прежние высокие эллиптические арки сменились низкими трёхцентровыми стрельчатого профиля. Своды выкладывались наклонными поперечными или клинчатыми отрезками, а прежде единичные купола стали объединять в сводчато-купольные системы. Купола, прежде на арочных парусах четверика, стали выкладывать на восьми и шестнадцатиграннике. Со временем паруса обрели сталактитовые формы. И постановка купола на барабан довершила устремлённость архитектуры вверх.

Мавзолеи Средней Азии возникли из кочевнических ритуалов погребения. Расположение покойного под погребальным тентом в окружении скорбящих определило тип сырцовых мавзолеев Тагискена (IX–III вв. до н.э.): возникла повторявшаяся *юрту* постройка в кольцевой обстройке. Юртообразная постройка была пустой, ибо покойного опускали в подземный склеп. Апофеозом этой архитектуры стал мавзолей Саманидов в Бухаре начала X в. Полусфера купола усыпальницы Саманидов покоится на шестнадцатиграннике, восьмерике и, наконец, кубе стен со скрытым обходным коридором. Истоки форм этого мавзолея можно также видеть, помимо обходных коридоров древних городов и храмов, в угловых башнях древних гуннов и в сасанидском чортате. Обходной коридор не имеет здесь прежних оборонных или культовых функций, — он облегчил, вместе с усовершенствованными угловыми парусами, подкупольную стеновую конструкцию. Покрытый филигранной зыбью орнаментов из жжёного кирпича, куб — этот древний символ земли — ассоциировался теперь с Каа-

бой Мекки и, вместе с символом небес куполом, олицетворил Вселенную. Формы мавзолея выразили древнюю символику в рафинированной, благодаря жжёному кирпичу, геометрии от Ал-Хоразми, Ал-Фаргони и Ибн-Сины.

Хонакох, полагали ещё недавно, «не существовал в IX–X вв.» (21) и отпочковывался в X в. от *медресе* Ирана. На самом же деле, *хонакох* возник на вольном севере Центральной Азии, свободном от консервативных городов и открытым разным веяниям. *Хонакох* Баба Ата к IX в. надстроили, сохраняя ориентацию Св. Софии. В Баба Ата зародились и две комнаты *хонакох*: *зикрхона* и *самохона*. На втором этаже базилики Св. Софии, против алтаря, восседал император (22). В аналогичном месте *хонакох* Баба Ата, то есть в коридоре над входом в *оловхону*, была ниша 3 × 2 м в плане, и в ней — *суфа* (платформа) шириной 1 м и высотой 0,5 м (23). Эта ниша с *суфой* стала *зикрхоной* — местом чтения Корана, а шаманский ритуал вокруг колодца в зороастрийской *оловхоне* сменил *само* — суфийский танец вознесения. *Зикрхона* в *хонакох* всегда размещалась *выше самохоны*, и поэтому В. Л. Воронина, К. С. Крюков и И. И. Ноткин называли её антресолюю. Исполнение *само* возносило в духовный экстаз, во власть, как верили суфии, божественной силы (24). Поэтому, *шаїх* Абу Абдулла Мухаммад ибн Али ал-Хоким ат-Термизи (800/810–869/910 гг.), автор «одной из первых мистико-метафизических систем в исламе» (25), называл *самохону* духовным центром, «сердцем — источником знания». *Зикрхону* же Термизи называл «внутренним сердцем», льющим свет набожности, местом познания (*илми*), видения невидимого (*гойуб*), и предвидения (*башор*) (26).

XI–XII вв.

РАСЦВЕТ

В начале XI в. в Бухаре утвердилась династия Сельджукидов, разбившая в 1040 г. Газневидов, и простершаяся в 1075–1318 гг. как империя до Средиземноморья. В этот период была дана форма всем элементам мусульманской культуры. Сельджукидский период стал второй, после Омейядов и Аббасидов, эпохой исламского классицизма. Сельджукиды создали мощную архитектуру больших пространств и монументальных форм, высоких минаретов и устремленных им вослед двойных куполов, конструктивно новаторских покрытий и восхитительных кирпичных поверхностей, не нуждавшихся более в штукатурке. Государство управляло строительством большинства зданий и сооружений исламской типологии. При этом внедрялись стандартизация и типовые проекты.

Города в их древних границах — круглых, квадратных или прямоугольных — стали тесны для XI–XII вв. Разваливались стены цитаделей, запустевали даже аристократические кварталы Саманидов на северо-западе Бухары, а высившиеся над *шахристанами* *кешки* земледельцев-*дехан* вытеснялись новыми кварталами торговцев и ремесленников. То есть, происходило то, что претерпели ныне советские города: их меняют те, кто эффективнее создаёт капитал. Ломя старое, разрастались *рабаты*, внутренний и внешний, и на их стыке концентрировались ремесленно-торговые и религиозные центры *махалля*, *гузаров* и *даха*. Вызревал феодальный город с системой разновеликих общин и центров. Урбанизационные процессы в городах Центральной Азии этого периода значительно опережали подобные в России. Бухара уже в IX–X вв. была окружена кольцом стен, тогда как Москва оградил Кремль, Китай-город, Белый город и Скородум в XVI в. В XI в. выросший к югу от Афросиаба густонаселённый *рабат* Самарканда обнесли стеной и звали *шахри бирун* — внешний город. Подновлена была и стена Девори Киёмат, охватившая намного более обширную территорию, называвшуюся также *шахри бирун* — внешний город. Города быстро разрастались в ожидании планировочных реформ. Неспокойное кочевническое окружение заставляло

укреплять стены Бухары: в 1102–1130 гг. сырцовым крепостным валом и в 1164–1165 гг. из жжёного кирпича. Обе стены укрепили и в начале следующего века, будто в предвидении грядущего монгольского нашествия. Мухаммад Хоразмшах укрепил Бола Хисар (Высокие стены) Бухары и Самарканда (1). Стена Самарканда имела «четверо больших ворот» (2), вспоминал Темура (3, 4). К его времени стена *рабата* X в. исчезла, как и стена Бухары IX в., и с XI в. Самарканд имел прямоугольный внешний *рабат* с четырьмя воротами. План города 1875 г. сохранил их ломаную прямоугольную уличную сеть, наподобие улочек иранского города Язд XIV в. (5), история которого переплеталась с историей Самарканда. Из плана проступают две П-образные улицы, меньшая внутри большей: они охватывают Регистан и идут к цитадели. Эти П-образные улицы являются следами стен *рабатов*: внутреннего X в. и внешнего XI в., которые имели размеры 800 x 800 м и 1,200 x 1,500 м.

Некрополь Шохи Зинда с его первыми мавзолеями возник в конце XI в. на востоке запущенного южного *рабата* Афросиаба, вдоль улицы IX–X вв. К западу же от него, у Кешских ворот Афросиаба кипели торговые ряды и *караван-сарай* главного базара Самарканда и всего Согда. Сложился и интенсивно застраивался Термез: в стенах *шахристана* находились цитадель термезских шахов, монетный двор, главные базары, тюрьма; за *шахристаном* разросся обнесённый стеной *рабат* торговцев и ремесленников; вторым кольцом стен охватили и оставшуюся территорию города. Новые ремесленно-торговые и религиозные центры Термеза образовались тоже на стыке его внутреннего и внешнего *рабатов*. После афросиабского и узгенского, термезский некрополь Султан Саодат стал третьим линейным ансамблем мавзолеев, застраивавшимся по тюркской ориентации север-юг.

Дворец караханида Шамс Ал Мулька был построен во второй половине XI в. за южными стенами Бухары в саду Шамсабад с пастбищами для лошадей и заповедником для диких животных. Дворец вскоре разобрали, но его преемники в течение ещё полувека возводили за стенами Бухары сборно-разборные дворцы на деревянном каркасе, продолжая тюркские кочевые традиции. В конце же этого века караханид Ахмадхан велел разобрать свой дворец в бухарском пригороде Джуйбар и перенести его в цитадель. Там эту сборно-разборную конструкцию приспособили для *медресе*.

Купол возвысился до небывалых высот, но не на оболочках парусов, как в глазах мавзолея Саманидов, а на искрящихся гранями структурах сталактитов. Распространилась стрельчатая арка с её меньшим распором, лучшей сопротивляемостью сейсмическим воздействиям, и возводимая из нескольких центров без кружал. Из древнейших способов возведения сводов и куполов из камыша и древесины родился тип купола с арками-нервюрами. Последние восприняли нагрузки вместе с оболочкой и переросли впоследствии в мощные подпружные арки куполов. Добротную кирпичную кладку стен и покрытий дополнила красота терракоты и резьбы по ганчу и дереву. Геометрическое усложнение конструкций сталактитов превратило их в сугубо декоративные подвесные скорлупы. Купол диаметром 18 метров над *караван-сараем* Рабати Малик (XI в.) — один из крупнейших в исламской архитектуре той поры.

Минарет как место для *азана* (призыва на молитву) издревле не считался необходимостью; вахаби Аравии поныне считают его излишним и показным. Поэтому функцию минарета зачастую выполняли башни-*гульдаста* на углах крыш. Изначальными функциями минаретов были означение границ и центра пространства, и дозор за его окрестностями. Минареты развились также из доисламских одиночных или пристенных, при крепостях, дозорных башен вдоль караванных дорог. Первоначально сырцовые и с XI в. круглые сужающиеся на восьмигранных цоколях, минареты с XII в. возводились из жжёного кирпича с узорчатыми поясами или вертикалями ствола, фонарём и сталактитовым карнизом, как в Джаркургане (1108 г.), Бухаре (1127–1129 гг. — это минарет Калян высотой 50 м), Вабгенте

(1196–1198 гг.). В Джаркургане ствол минарета из шестнадцати полукруглых гофр завершён декоративными поясами, а его первоначальная высота превышала 50 метров. Будучи ориентирами в городах и вне их, минареты превратились из культового атрибута мечети в воплощение мощи ислама и могущества правителя, в политический символ государства.

Мечеть Саманидов X в. к западу от цитадели Афросиаба расширили с XI в. в соборную. Её два входа обратили на северную площадь с крытым базаром и мастерскими ювелиров, а три — на галерею южной площади. К началу XIII в. ремесленные постройки плотно обступили мечеть с севера и юга. Проста и строга мечеть Тарик Ханз (VIII в.) в Дамгане, — самая ранняя исламская постройка Ирана, арабский тип плана на которой окаймлён месопотамскими коридорами из сасанидских эллиптических арок на приземистых столбах. От этой мечети произошла мечеть Дегарон (XI в.) в выжженном бухарской пустыней селении Хазара. Внутри сырцовых стен, четыре кирпичные арки на кирпичных колоннах несут центральный купол, купола и в углах помещения, а между ними — своды. Такой тип караханидской мечети — Караханиды доминировали в Трансоксиане и Восточном Туркестане 963–1211 гг. — с централизованным планом и одним куполом перед михрабом эволюционировал до величественных форм мечетей Малой Азии, современной Турции (6). В Бухаре соборная мечеть Калян имела лишь деревянные навесы вокруг двора, поэтому в XII в. её перестроили в жжёном кирпиче с четырёхъяванным двором. За южными стенами города, на территории сада Шамсабад, в 1119 г. построили из жжёного кирпича стену с михрабом, — началось пятивековое формирование загородной мечети-мусалла Номозгох. В XII в. мечеть Номозгох построили и к западу от Афросиаба, в трёх километрах от Регистана, за городскими воротами Шайхзода. В XI–XII вв. ещё были распространены мечети в виде деревянных стоечно-балочных навесов и зачастую без ограждающих стен. Новшеством стало покрытие их галерей куполами на колоннах и столбах. В мечетях-мусалла айван начал выступать во двор ещё в предшествовавший этап, в начале же XII в. его обозначили порталом с двумя минаретами. Затем портал с двумя минаретами взметнулся и над главным входом в мечеть. На этом этапе сформировался устойчивый тип мечетей, медресе и караван-сараяв с двором и четырьмя айванами.

Медресе произошли от буддийских храмов-вихара. От них унаследованы арочный портал, группа помещений входа, галереи двора, главенство обводных коридоров, бытовые и хозяйственные функции которых создадут в мечетях, медресе и караван-сараях ячеистые худжры. Медресе всегда входили в состав больших мечетей, — отсюда идентичность их планов и форм, и даже перенесённая Сельджукидами из мечетей традиция хронить известные личности в медресе.

Хонакох суфийских орденов возглавлялись духовными наставниками, являвшимися зачастую мастерами ремесленных цехов. Поэтому, в сравнении с начальными школами и медресе, хонакох являлся институтом одновременно и профессиональной подготовки и духовного мистического поиска Бога в этой жизни. В XI–XII вв. суфизм был признан ортодоксальным исламом, и множившиеся хонакох стали идеологической опорой сельджукидских правителей. В X–XII вв. хонакох Баба Ата надстроили верхним третьим зданием, но уже по тюркской ориентации север-юг. Правый пещерообразный коридор нижнего здания ввели в среднее здание, а колодец подняли до самого верхнего здания (7). Эти три здания, одно над другим, принимались археологами за сельскую усадьбу VII в., за жильё крупного феодала VIII–IX вв., и за жильё с мечетью X–XII вв. (8, 9). Архитекторы же называли нижнее здание VI в. захоронением (10) и храмом огня (11). Колодец, связывавший три этажа, очевидно, воплощал ад: согласно Корану, лицемеры падают в его самый низ, под дерево Заккум со смертельными плодами.

Мавзолеи наиболее многочисленны среди памятников этого периода. В их консервативных формах прогрессировали ставшие важными для последовавших эпох конструкции купола. Над пространившимся восьмигранным планом, облегчавшим переход к куполу, вспарило пространство интерьера. Крохотный мавзолей XI в. Шубурган Ота (Бухарская область) с восьмигранным планом развил «портально-купольную композицию мавзолеев, наиболее законченное и эффективное решение которых воплощено в мавзолее Турабек Ханым» (12). Ургенчские мавзолеи Фахраддина Рази и Музаффара Текеша (конец XII в.) завершены кочевническими шатровыми покрытиями. Кубовидный интерьер первого мавзолея углами сталактитами переведён к венчающему восьмиграннику. Подкупольное же пространство второго мавзолея несколько ниже, составляя полтора квадрата, и усыпальница в целом имеет приземистые кочевнические пропорции.

Караван-сарай — самые распространённые из типов зданий исламской архитектуры. Их нижний этаж — склад товаров, верхний — гостиница. Животных оставляют у водоема в центре двора. *Карбан* значит «покровительствующий торговле». Другое арабское название *рабата* означает «привязывать коня». Прототипами этих бастионов являлись произошедшие от римских военных крепостей-кастеллумов ахеменидские и сасанидские укрепленные посты контроля за ирригационными системами. Военная функция первых *рабатов* со временем уступила место религиозной, превратив их в мечети и *медресе*. Из общения с кочевнической округой, в Хорезме IX–X вв. распространились круглые планы *караван-сараяв*. *Караван-сарай* Рабаты Малик XI в. между Бухарой и Самаркандом имел на главном фасаде центральный портал и угловые башни, стиль которых достигнет позже апогея в бухарском минарете Калян. Портал вёл в три двора — из них центральный вёл в дворцовую часть под большим куполом в квадрате малых куполов, и отсюда раскрывались два боковых двора. Рабаты Малик имеет неподалеку *сардобу* — подкупольное хранилище снеговых и дождевых вод.

24

XIII–XIV вв.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Монгольские XIII–XIV вв. зачастую рассматриваются исследователями как прервавшие развитие, и потому либо игнорируются вовсе, либо, как незаслуживающие отдельного рассмотрения, присоединяются к другим этапам истории, как например: XI–XIII, XIV–XV вв. (1). Между тем, этот этап самостоятелен, отличителен присущими только ему достижениями архитектуры, и потому важен. Имеющие место при смене формаций начальные десятилетия разрушений не должны затмевать чёткого видения развития. А оно не только не оборвало местные достижения, но восстановило их в новом качестве. И самое примечательное то, что потенциал этих веков не сгинул, но усилил в школах зодчества их происходившее из глубин веков родство со Средиземноморьем.

После того, как Чингизхан отдал Среднюю Азию своему второму сыну Чагатаю (1185–1242 гг.) и его потомкам, в 1290 г., на торговом пути между Центральной и Малой Азией, на предгорных пастбищах, столь необходимых образу жизни монголов, их иранский правитель Аргун заложил летнюю столицу Султаню (Султанская). После кончины Чагатая, сыновья Аргуна правили и Чагатайским улусом: Газанхан в 1295–1304 и его брат Мухаммад Олжейту Худобанда в 1304–1316 гг. (2), — и это определило особые связи Амира Темура и его династии с Султанией. Темура был в Султании в 1385 г. во время похода на Иран и, при одном из постоянных визитов его двора в этот город, здесь родился его внук Улугбек. Дворец

25

Девонхона Олжейту стал образцом для Темура, и превзойдён им во дворце Ак Сарай в Кеше. А ансамбль мечети Джамии Олжейту напротив *медресе* его любимой жены был превзойдён в самаркандском ансамбле мечети Биби Ханым и *медресе* Сарай Мульк Ханым (3).

Города проявили родство со Средиземноморьем, продолжив в своей планировке геометрию магических чисел, в частности 12-ти. В градостроительстве Азии «VII–IX вв. отличились уйгуры, и их страна стала вскоре самой большой из тюркских, с их правителем-*хаканом* в столице Каракоруме с 12 воротами» (4). Эту столицу, ставшую и монгольской, окружили 12 языческих храмов (5, 6). Город Балх до его перепланировки Темуром имел 12 ворот (7), а кочевой шатёр Темура стоял на 12 столбах.

В 1220–1221 гг. монгольского нашествия города от Ургенча на севере до Термеза на юге были обращены в руины. Монголы разрушили плотину амударьинской воды, смыв Ургенч. В 1220 г. по приказу Чингизхана была разрушена стена прямоугольного внешнего *рабат* Самарканда XI в. В этом же году были порушены 30000 защитников Бухары, и в лучах мартовского солнца её пригородная равнина светилась как полный крови поднос. Как это делали на заре цивилизации варвары, рушившие города Месопотамии, Божьим бичом возвестил *оубя* и Чингизхан у бухарской мечети Номозгох: «Не погрязли бы вы в грехах, не наслал бы вам Бог такое наказание как я» (8).

Жизнь возвращалась, но обрушивались новые напасти. В 1272 г. войска теперь уже Хулагухана вторглись в Мовароуннахр, и разрушенные Кеш, Нехшеб и Бухара оправились в самом конце XIII в. В конце XIII в. Марко Поло писал о Самарканде как о большом и роскошном городе. Разрушенный монголами Андижан правнук Чингизхана Кайдухан перестроил с конца XIII в. в столицу Фергану. Так она называлась в последующие три века, передав затем своё имя всей долине. К 1330-м гг. домонгольская градостроительная культура и архитектурные типы зданий были восстановлены. Самарканд 1333 г. со стенами всё еще в руинах марокканский путешественник Ибн Баттута отнёс к самым большим и прекрасным в мире городам. Ургенч в первой половине XIV в. стал центром мусульманского богословия, готовившим кадры для *медресе* Золотой Орды. Город вырос на север до 430 га и восхитил Ибн Баттуту торговым зданием *тим* над центральным перекрёстком, а также *медресе*, которое построил Кутлуг Темур. Столица Хорезмшахов процветала на торговле с Восточной Европой, но перестала существовать после пятого, 1388 г., похода на неё Амира Темура. В XII–XIV вв. сложились 3 экономических типа городов: малые и средние рыночные, и большие на торговых путях, такие как Бухара, Герат, Самарканд, Исфахан (9).

Дворец сборно-разборный, подобный тем, что строили Караханиды в пригородах Бухары, был сооружён в 1318–1326 гг. на расстоянии 2,5 фарсаха от города Несеф по распоряжению чагатайского хана Кебека. Дворец по-монгольски Карши, и именно так был переименован этот город. О другом дворце, Кутлуг Темура в Ургенче, Ибн Баттута писал, что «большая часть дома деревянная», выдавая этим его кочевническую сборно-разборную архитектуру.

Хонакох до недавнего времени не считался исследователями древним и самостоятельным типом здания, и его принимали за мавзолей (Г. А. Пугаченкова), «мечеть-мавзолей» (В. Л. Воронина, К. С. Крюков), «зимний зал всякой мечети» (Л. Ю. Маньковская) или дворец (П. Ш. Захидов). При такой типологической путанице, Академия Наук Узбекской ССР и заключила, что в монгольские XIII–XIV вв. «не было построено ни одного солидного общественного здания» (10). Справедливо возникал вопрос: как же тогда *хонакох* как институт суфизма стал опорой государств Темуридов и достиг при них апогея своего развития?

В ту эпоху гнёта и предрасположенности к мистике, поиски надежды не просто восстановили *хонакох* как тип здания, но возродили его в совершенно новом качестве. В центре богословия Золотой Орды городе Ургенче выучился Сайфиддин Бохарзи (1190–1261 гг.), основавший суфийскую общину за Каршинскими воротами Бухары и упокоенный в тамошнем мавзолее. А «с конца XIII в. монгольские правители приглашали христианских миссионеров в Азию, и к 1328 г. кафедра епископа от Папы Иоанна XXII была учреждена в семиреченском Алмалыке, и затем в Ургенче и Самарканде. И при монгольском правлении христианство переживало ренессанс по всему ханству, включая период правления Казанхана (1339–1346 гг.)» (11).

Новаторские *хонакох* поднялись близ центров христианства в Самарканде и Ургенче. В кишлаке Мозори-Шариф «место молитвы» XI в. расширили в *хонакох* Мухаммада Бошаро (1343 г.) с диаметром купола 7,6 м. А в кишлаке Остана при мавзолее Казакхана 1287 г. построили *хонакох шайха* Мухтора Вали с диаметром купола 8,5 м. Диаметры куполов увеличили благодаря новому расположению стен под ними. Углы подкупольного квадрата усилили четырьмя парами стен перпендикулярно главной оси этих *хонакох*, — как в базилике Св. Софии: то есть, миссионеры конструктивно совершенствовали *хонакох*. В парах стен обоих *хонакох* расположены лестницы: подобно пандусам в парах стен Св. Софии, они ведут наверх — в *зикрхону* и далее на кровлю. Специалисты расходились во мнениях относительно времени строительства таких подкупольных квадратов: В. Л. Воронина, К. С. Крюков и И. И. Ноткин датировали их началом XIV в., тогда как С. Г. Хмельницкий — домонгольским временем (12). Новые данные о миссионерах позволяют заключить, что подкупольные квадраты обоих *хонакох* были построены к середине XIV в.

В Остане сильная тюрко-монгольская традиция сориентировала *хонакох* по сторонам света, даже *михраб* строго на юг. Для ритуалов перед *михрабом* и в *зикрхоне* нужно было выходить на кровлю и определять время: днём по длине тени от солнца, а ночью по положению Луны, используя данные, уточнявшиеся в обсерватории Хулагухана в иранской Мараге. Суфии *хонакох* были в курсе новшеств астрономии. Термизи указывал, что откровение от Аллаха усваивалось в *зикрхоне* «рациональной» личностью в зависимости от её интеллекта (*акл*) и практического опыта (*тажриба*). Архитектура *хонакох* в Остане подтверждает это. К западу от купола находятся две *зикрхоны*, — каждая с тесной камерой-*чиллажона* для уединения. Выход на кровлю из южной *зикрхоны* осуществляется из узкого колодца над камерой-*чиллахоной*. Выбравшиеся на кровлю спускались затем во вторую, северную, *зикрхону*. Это было вызвано тем, что в *хонакох* строго соблюдалась иерархия новичков и старших суфиев; поэтому, южная *зикрхона*, по всей видимости, предназначалась для первых, а северная — для вторых. В центральное подкупольное пространство *самохоны* глядят зарешёченные окна не только этих двух *зикрхона*, — на востоке кровли ступени спускаются к двум другим окнам, тоже смотрящим в это подкупольное пространство. Здесь на востоке, как и в Баба Ата, суфии встречали солнце, сообщали об этом находившимся внутри, и затем, в течение дня, следили за траекторией светила, чтобы завершить ритуал в его западном положении. Таким образом, даже при изменившейся ориентации *хонакох* его кровля оставалась местом астрологического наблюдения. На западе кровли, над двумя *зикрхона*, в начале 1970-х гг. И. И. Ноткин нашёл «следы пола и стен помещения» (13), очевидно, соединявшего выходы из обеих *зикрхона*. Это помещение следует реставрировать для восстановления пространств суфийского ритуала.

В 1358 г., 27-й Хан улуса Чагатай Темуруша доставил в Бухарскую суфийскую общину, для упокоения близ Бохарзи, убитого в Самарканде 26-го Хана Баёнкули. Для покойного Хана

26

27

суфийская община возродила первый суфийский *хонакох* Баба Ата VII–XII вв., утвердив тем самым семь веков преемственности в этом типе здания. План *хонакох* в Бухаре переориентировали по сторонам света, как то уже было сделано в *хонакох шайха* Мухтора Вали. Коридор же в южной стене, как и в Баба Ата, ведёт на кровлю. Как и в Баба Ата, имеется колодец диаметром 0,5 м: он пробит в полу *зикрхоны*, чтобы из неё Божий свет и *зикр* лились к праху Баёнкулихана и далее в большую комнату для танца *само*.

Мечеть уступила место *чиллахоне* в силу важности уединения и размышления в *хонакох*. Помещение мечети в Баба Ата заменено в северной стене бухарского *хонакох* пещерообразным коридором-*чиллахона*. Божественное откровение нисходило как к тем, кто был в *зикрхоне* и *самохоне*, так и к тем, кто входил в *чиллахону* на *сорокадневное* уединение *хилват*. «Хилват позволял Божественному свету засиять в сердце затворника и дать ему истинное знание о Боге и себе» (14). Как же этот свет доходил до затворившихся в темноте? — «Произнесение формулы *зикра* начинали в месте средоточия духовного света, т.е. в левой части груди, и затем плавно «двигали» его из нижней части груди наверх и вправо, пока он не вернется в своё исходное место. Таким образом, духовный свет совершал полный круг в груди совершавшего *зикр*» (15). Легко заметить, что верхнее положение духовного света следует Термизи, а его перемещение в груди напоминает «правильный» путь Корана. *Зикр* — тихий или громкий — совершался ради экстаза, который высвобождал напор страстей и просветлял сердце (16). Этим личность приближалась к Божественному. Этим *хонакох* и отличался от мечети. Идея вознесения в экстазе заявлена на главном фасаде *хонакох* Баёнкулихана ступенчатой формой портала.

Приняв от Темуршаха прах Баёнкулихана, суфии определили своё место в *хонакох* тоже по Корану. А в нём говорится, что «собака усопших лежала у входа в пещеру» (17). Собака-хранительница пришла в ислам из зороастризма, где она три дня сторожила усопшего, дабы подтвердить, что он мёртв (18). Выражения «Не будите спящую собаку» или «Не тревожьте лежащую змею» значат: «Не меняйте порядок вещей, дабы не навлечь худшего». Английское *watchdog* (сторожевая собака) поныне означает надзирающих за порядком. Потому-то, подобно собаке Корана, суфии уже в Баба Ата расположились над входом: в нише-*зикрхоне*. Ввиду того же и Баёнкулихана похоронили под *зикрхоной*. Но в священной Бухаре захоронение и *зикрхону* расположили на обращённом к Мекке западе *хонакох*.

В 1369–1370 гг. по бухарскому образцу построили *хонакох* 28-го Хана Туглук Темура в Алмалыке (Кыргызстан) — он являлся летней стоянкой (*яйлов*) и местом *курултаев* Чагатаидов (19). Туглук Темур возвысил 25-летнего Темура до *амира* и *хокима* Кашкадарьи (20): «Туглук Темур возложил на меня в 1362 г. правление всеми ордами Мовароуннахра, вплоть до города Балх», — вспоминал Темур (21). План *хонакох* Баёнкулихана, где мечеть заменена пещерообразной *чиллахоной*, здесь ещё более изменён: захоронение вынесено из-под *зикрхоны* вперёд — под центральный купол.

Зикрхону над Баёнкулиханом снесли в XX в.: посчитали, что «устройство коридоров только для выхода на кровлю вряд ли оправдано» (22). И, поскольку пол *зикрхоны* был ниже кровли, после сноса *зикрхоны* под кровлей осталась пустота, и сегодня любой поднимающийся наверх на кровлю с удивлением заглядывает в ту пустоту сквозь проём в стене. Автор такой реставрации подытожила: «Эти таинственные коридоры, вызывавшие различные домыслы по поводу их функции, — несомненно инженерная конструкция для облегчения веса стен и экономии строительного материала» (23). Пещерообразные коридоры *хонакох* Баёнкулихана были для происходивших здесь суфийских ритуалов. Поэтому необходима реставрация *зикрхоны* в её подлинном состоянии, зафиксированном в чертеже Красильникова 1935 г.

XV в. КУЛЬМИНАЦИЯ

Империя завоевывалась Темуром в кочевничестве, развившемся в изысканный стиль жизни и архитектуры. Пригород на севере Самарканда, вдоль склона Афросиаба и арыка Оби Рахмат, Темур выбрал для своей *орды*, продолжив тем самым традицию располагавшейся здесь некогда монгольской *орды*. Монгольскую ханскую *орду* охватывала стена Девори Кундаланг, протянувшаяся на юге между стеной собственно города и стеной Девори Киёмат оазиса Самарканда. «В *орде* Темура, принцы, братья, сыновья, *амиры* и солдаты, — все, в соответствии со своим положением и званием, располагались в долине на 10 *фарсангов* (7–8 км) от лугов Конигиль на севере до канала Шавдар на юге. Шатёр на 40 колоннах, называвшийся *боргох* (резиденция) окружали семь других *боргох*, большие шатры и навесы; и шатры всех султанов окружали главную *орду*; далее были шатры *амиров* областей и начальников охраны, официальных лиц и командиров» (1). «Темур приказал соорудить много шатров для себя, своих жён и армии, чтобы отмечать праздники и справлять свадьбы. 40 000–50 000 шатров *орды*, с садами и улицами, располагались вдоль водных потоков вокруг города. Шатёр Темура был квадратного плана, высотой в три копья и шириной в сто шагов. Его купол на 12 столбах был окружён портиком на колоннах. Зубчатая башня пронизывала купол и имела на углах длинные столбы, каждый с медным яблоком и луной. Этот величественный шатёр был похож на замок. Внутри, между столбами, люди поднимались на самую вершину, где располагался трон Темура» (2). Симметрия этого шатра символизировала центр мира, его купол — небесный свод, а высокие столбы — мировое дерево, соединявшее землю и небеса. Реконструкция этого шатра предпринята в конце XX века (3). Идея шатра и трона Темура произошла от так называемого древа со многими семенами, росшего близ горы — древнеиранского центра земли. Оно было символизировано как мировое дерево мастером из Парижа Вильгельмом Бушем в 1241–1242 гг. во дворце Чингизхана в Каракоруме, и затем оно стало национальной династийной эмблемой Чингизидов (4), символизировавшей ось мира (5).

«Посередине потолка шатра Темура, — заметил посетивший его испанский посол Руи Гонсалес де Клавихо, — было самое богатое изображение, с четырёх сторон обрамлённое фигурами четырёх орлов со сложенными крыльями» (6). Такие птицы под куполом базилики Св. Софии, на её четырёх парусах, изображают «фантастические фигуры серафимов — плотных существ, у которых человекоподобные головы как бы вырастают из крыльев» (7). «Серафимы, согласно Библии, это крылатые небесные ангельские существа, поддерживающие трон Бога, служащие как духи-хранители и изображаемые с тремя парами крыльев» (8). Базилика Св. Софии, явившаяся источником вдохновения для архитектуры *хонакох*, как видим, повлияла своей символикой и на шатёр кочевой архитектуры Темура. Впоследствии эта базилика ещё не раз будет интерпретирована архитектурой Темура и его наследников.

Пригороды Самарканда прославились садами-*чорбог* и аллеями-*хиёбон*. На севере это: Боги Накши Джухон и Богча у подножий Чупан Аты, Боги Майдон к северу Афрасиаба, Боги Джухон Нумо на пути в Кеш. На востоке: Боги Дилкушо и Феруза. На юге: Боги Булди и Боги Зогон в продолжение аллеи Кучаи Хиёбон от ворот Феруза; Боги Чинор и Давлатобод; аллея-*хиёбон* от ворот Каризгох. На западе: Боги Нау у городской стены и Боги Бехишт поодаль, сад вокруг мечети Номозгох. Размеры садов были большими, соразмерными параметрам городов: 750 × 750 м, 750 × 1500 м, 1000 × 1000 м. По Шарафиддину Язди, четыре сада в пригородах Самарканда — Боги Джухон Нумо, Боги Эрам, Боги Дилкушо, Боги Тахти

Карача — были спланированы по подобию тех, что в городе Шираз, Иран. Все сады пришли в упадок уже в конце XV в.

В последней трети XIV в. Темуру принадлежала Средняя Азия. Сельджукидские и монгольские конструкции ещё более укрупнились, их формы гармонизировались в неданном величии и утончённости, архитектурные массы обрели гигантские размеры и агрессивный декор. Зодчество возобновило, как в древности, общение с греко-римским миром. В первой половине XV в. внук Темура Улугбек (1393–1449 гг.), развивая воззрения Платона и Ал-Хоразми, изобразил на стенах своей Обсерватории «небесный свод с 7 небесными сферами, 7 подвижными планетами, и неподвижными звёздами» (9). Обсерватория Улугбека (1424–1429 гг.) развила тип обсерватории в иранском городе Мараве (1260 г.) и исследования в ней укоренили в сознании Темуридов понимание вселенского порядка жизни и архитектуры. По звёздам стали определять направление на киблу, и сильно варьировавшаяся до этого времени ориентация зданий стала точнее. Математический трактат астронома Гиясиддина Каши с теорией и методами построения арок, сводов, куполов и сталактитов привил зодчим чувство масштаба и геометрии. Посредством кирпичика и исходившей от его размеров системы пропорционирования, архитектура — как бы велика она ни была — сохраняла сомасштабность человеку. Зодчество периода Улугбека, оставаясь устремлённым ввысь, совершенствовало уравновешенные пропорции и изысканный декор. Во второй же половине XV в. правили введомые *шайхом* ордена Накшбандия Ходжа Ахромом правнук Темура Абу Саид и его сын Султан Ахмад, и становившаяся камерной архитектура приходила к умиротворению духа. Архитектура Темуридов подразделяется на 3 периода: правления Амира Темура (1370–1405 гг.), классики первой половины XV в., и Темуридов XVI–XVII вв.

29

Город неузнаваемо трансформировался при Темуриде, и для понимания этого полезно, как и с *хонаках*, взглянуть на другую сопредельную Узбекистану страну. В 1362 г., получив город Балх от 28-го чагатайского хана Туглук Темура, молодой Темуриде прибыл туда и с установленного на холме шатра наблюдал за окрестностями города и за своим отрядом, расположившимся внизу вдоль ручья (10). В 1366 г., вспоминая он, внук хана Казагана чагатайский *амир* Хусайн спрашивал меня, следует ли ему превратить Балх в местоположение его правительства, и я отвечал ему ни в коей мере не думать об этом» (11). В 1368 г. Хусайн информировал Темуриде о своих планах управления чагатайским улусом из Балха и, с этой целью, о реконструкции его стен. В тот же год он отправился с Темуридом в Балх, реконструировал разрушенную Чингизханом цитадель, и переселил в неё население. В 1370 г. Темуриде с ханским титулом и армией два дня штурмовал Балх, цитадель была разрушена, Хусайн убит, а его воины сдались. Балхский, 9 апреля 1370 г., *курултай* провозгласил Амира Темуриде правителем Мовароуннахра, население вернулось из цитадели обратно в укреплённый стенами город (12), и Темуриде перенёс столицу в Самарканд (13), разместив в его цитадели свой правящий аппарат (14). Цитадель же Балха была восстановлена в годы правления Шахруха (1405–1447 гг.) (15).

30

Жизнь городов этого времени переместилась из *шахристанов* в *рабаты* не случайно: к разрастающемуся городу устремлялись кочевые ханы и знать, вступая внутрь стен его оазиса и разбивая здесь свои шатры. Они именовали оазис *шахри берун* (внешний город) и пригороды *шахри дарун* (внутренний город), а собственно город — *шахри берун* и его цитадель *шахри дарун* (16). В Самарканде оазис (в стене Девори Киёмат) и пригород (в стене Девори Кундаланг), город и цитадель тоже получили эти названия (17). Этот подчинившийся диктату кочевников город и стал

31

средоточием власти Темура, хотя многие события, празднования и приёмы продолжали совершаться в *орде*.

Трансформировавшийся город ислама продолжал усваивать греческое наследие. Мавзолеем сестры Темура Ширин Бека Ака украсило изречение Сократа о бренности жизни: «Люди в этом мире словно птицы, порхающие в клетке с приманкой». Привезённая же Темуром из Бруссy (Малая Азия) дверь его шатра изображала святых Петра и Павла. Балх с его восьмигранным радиальным планом греко-римского происхождения — тоже часть такой культуры этого периода. Восьмигранно-радиальный город Витрувия (вторая половина I в. до н.э.), возрождённый в Италии, был заимствован для Балха, возможно, через монгольскую столицу Султанию — этот магнит для двора Темура и центр контактов с итальянцами. Укрепив Самарканд в 1370 г. *хисаром* («стеной» по-древнетюркски), Темур в 1404 г. рассёк столицу радиальными улицами, как в Балхе, — эти улицы в обоих городах функционируют поныне. Радиальный план Витрувия для Балха и затем для Самарканда способствовал ставшим интенсивными взаимосвязям города и оазиса.

Темур рассёк прямоугольную уличную сеть *рабата* Самарканда радиальными улицами на север, восток и юг. Радиальные улицы начинались во внутреннем *рабате*, пересекали внешний *рабат*, и направлялись к новой городской стене-*хисар*. Эти улицы являлись (некоторые до сих пор являются) парными: одна была городской, а другая ответвлялась от неё и проходила внутри *махалля*. За внешним *рабатом* Самарканда улиц и застройки было мало. Поэтому здесь, 10 мая 1399 г. Темур выбрал место, «наилучшее в столице» (18), для мечети Биби Ханым. В отличие от стены внешнего *рабата*, Темур строил свою новую стену-*хисар*, как отмечала О. А. Сухарева (19), на гребне возвышенности, и это усилило её оборонное значение и мощь. Стена *хисар* не строилась, как полагали (20, 21), по стене внешнего *рабата*.

Хисар Темура сравнивали со средневековым *шахристаном* (22), небольшой и давно изжившей себя городской формой, и это принижало его эволюционное значение. В эту эпоху вырастал новый тип города. За его двумя средневековыми стенами возникали новые центры с резервировавшимися для их развития землями. В Европе, для защиты интересов формирующегося капитализма, такие окраинные центры и их земли обносили третьей стеной, как то и было сделано во Флоренции 1284–1333 гг. (23). Амбицией Темура был Самарканд имперский, превыше всех тогдашних столиц. Поэтому его градостроительство шло в ногу с эпохой и заимствовало из колыбели итальянского Ренессанса. И двустенный город-*рабат* вырос до третьей стены, воплотив город-крепость, тюркский *хисар* (24). Чтобы убедиться в этом, сравним стену Флоренции 1284–1333 гг. и стену-*хисар* Самарканда 1370–1372 гг.

1. Обе столицы имели равные территории внутри своих третьих стен. Во Флоренции центры производства были на окраинах, и третью стену возвели для их защиты. Стена охватила открытые, зарезервированные под производства, территории, а также загородные сады и огороды. Этим она расширила территорию города до почти 5 кв. км. в ожидании его будущего роста (25). *Хисар* Самарканда тоже охватил свободные территории и расширил город до 4 кв. км.

2. Радиальные улицы рассекли средневековые лабиринты Флоренции и Самарканда. Во Флоренции, сквозь ворота её второй стены, строившейся с 1173–1175 гг. до середины XIII в., улицы прошли прямее, шире и длиннее, чем в её центре. Так же поступил и Темур, пробив радиальные улицы сквозь лабиринты *рабата*.

3. Центры этих двух столиц стали фокусами дальнейшего роста. В радиусе 1,3 км от Балтистерия прошла третья стена Флоренции. В Самарканде в таком же радиусе от Регистана прошла стена *хисар*.

4. Обе столицы были поделены на равное число частей. Темур разделил территорию *хисара* не на восемь секторов, как в Балхе, а на шесть — как во Флоренции. До 1343 г. Флоренция была поделена на шесть районов (*сестьеры*), каждый с городскими воротами (26). В *хисаре* тоже шесть его частей выходили к шести воротам: Шайхзода, Аханин, Феруза, Сузангаран, Каризгох, Чорсу.

5. В столицах поощрялось качество строительства. Застройка Самарканда соперничавшими *амирами* была нацелена на то же, что и начавшаяся ещё в XIII в. политика Флоренции по поощрению качества строительства, для чего в 1377 г. был принят специальный закон (27).

6. Население Флоренции быстро росло, но в 1348 г. его смела чума, и численность восстановилась только в XIX в. Размер Самарканда тоже, сквозь бедствия веков, оставался постоянным до XIX в. При Темуре город достиг максимума. Затем он корректировал свою организацию. Стена *хисар* стала моделью для стены Бухары XVI в., существовала в XIX в., и исчезла в начале XX в.

Эволюция города той эпохи беспрецедентна, поскольку «тогда начиналась истинная планировка городов» (28). Темур превратил Самарканд из глиняного в кирпично-мраморный, из *кишлака* в метрополис. Он подчеркнул его положение как имперского центра, превзойдя его великие города. Поэтому окрестным *кишлакам* были даны названия Багдад, Дамаск, Каир, Султанья и Шираз. В организации же столицы Темур демонстрировал важную для тюрков ориентацию север-юг. Вслед за некрополями Узгена, Афросиаба и Термеза XI в. Темур превратил религиозно-культурный центр Шохи Зинда в царский некрополь. Его застроенная с XI в. мавзолеями улица-коридор шла с северо-востока на юго-запад. При Темуре в 1370-е гг. она продолжилась по склону Афросиаба, но в направлении север-юг. Завершилась же она внизу постройками Улугбека и более поздних веков. Уложение покойных в Шахи Зинде (в могиле ли, склепе, *сагане*, гробу или без него) было по линии север-юг с поворотом лица на запад, к Мекке. В 1370–1372 гг. Темур строил новую цитадель на западе Самарканда и сооружал стену-*хисар* с улицами от её шести ворот к центру, многокупольному *тиму* Чорсу. В 1404 г., за год до смерти, Темур замыслил строительство оси север-юг уже через весь Самарканд в виде крытой торговой улицы от ворот Аханин. Спрямление улицы было начато у северных ворот Аханин ансамблем соборной мечети Биби Ханым и *медресе* Сарай Мульк Ханым. На центральном пересечении её с другими радиальными улицами формировался ансамбль площади Регистан. С юга же в 1380-е гг. поднялся мавзолей Рухабад. На рубеже XIV–XV вв. от Рухабада к югу проложили мощёную белыми камнями дорожку (существовала по XIX в.) к ансамблю *медресе* и *хонаках* Мухаммада Султана, дополненным в 1404 г. мавзолеем Гури Амир. К юго-востоку от ансамбля в 1470-е гг. возвели мавзолей Ак Сарай.

Духовным наставником Темура был *шайх* Мир Сеид Береке, прах которого перенесли из Андохя в Гури Амир для уложения у его ног Темура, согласно завещанию Амира. Мир Сеид Береке стал третьим, упокоенным на самаркандской оси, суфием: прямо на линии от Гури Амира к мавзолею Рухабад *шайха* Бурханиддина Сагарджи и далее на север, на территории цитадели, находился мавзолей Кутби Чахар Духум *шайха* Нуриддина Басира, возведённый по приказу Темура в 1370-е гг. Так, в трёх самаркандских осях — афросиабской, общегородской и суфийской — Темур вписывал свой градостроительный порядок в духовное наследие предков. В 1434–1435 гг., то есть ровно через сто лет со времени возведения первого *чортака* Шахи Зинды, Улугбек возвёл *чортак* и над входом в этот ансамбль, таким образом, завершив его. Эти факты говорят о тщательности и преемственности в формировании Темуридами градостроительных ансамблей. На родине Темура, город Кеш в 1378 г. обнесён ровом и прямоугольником стен с башнями через 50 метров, с подъёмными мостами к воротам. «Кеш известен своей неприступностью, на страницах времени запечатлена

высота его стен и башен», — восторгался позднее придворный историк (29). Город был поделён на четыре части улицами, расходящимися от торгового купола Чорсу. У северных ворот возведён дворец Темура Ак Сарай, к западу от него — кварталы знати и духовенства, а с юга на оси запад-восток — комплекс Дор-ут-Тиловат — Дор-ус-Саодат. Символизм осей север-юг в Самарканде и запад-восток в Кеше сложился из: соборной мечети в начале каждой оси, могилы суфийского святого в середине, и усыпальниц Темуридов в завершении. Возрождённые Темуридами после монгол стабильные и зрелые города сохранили на века постоянство своих планов и параметров.

Купола на этом этапе развивали конфигурации юрт древнетюркского и монгольского типов. Над юртой, первый тип купола с островерхим завершением выросал плавно из цилиндра под ним. Второй же имел полусферическое завершение, будучи сплюснут и вздут над цилиндром. Первый тип мужественной конфигурации стал отличительным для архитектуры Темуридов Средней Азии. Второй же с женственно вздутым профилем дал декоративным внешним куполом мавзолеев Ширин Бека Ака (1385–86 гг.), Усто Олима (1380-е гг.), Бурундука (1390-е гг.) и паре других в Шахи Зинде, и у Темуридов Индии он достиг непревзойдённой экзальтации над Тадж Махалом. Конструктивные системы переходов от четверика к кругу были переведены внутрь высокого барабана и завершены внешним декоративным куполом. Это вознесло здания стремительно вверх: если стоящий в конце коридора Шохи Зинды мавзолей Ходжа Ахмада (середина XIV в.) имеет высоту одинарного купола 3,5 метра при диаметре 5 метра, то в мавзолее Казы Заде Руми (первая четверть XV в.) высота второго купола достигла 12 метров при диаметре 6,5 метра. То есть, купол вознёсся в 3,5 раза при расширении диаметра в 2 раза. С конца XIV в. подкупольное пространство расширяли нишами по осям стен так, что план становился крестообразным. План перекрывали параллельными арками с куполами на них — в *хонаках* Ходжа Ахмада Яссави, мечети Туман Ака в Самарканде, *медресе* Улугбека в Самарканде и Гиждуване, и других. Эта постановка купола на двух парах перекрещивавшихся арок стала революцией в его тысячелетнем развитии. Арки расширили подкупольное пространство, размер купола более не зависел от периметра стен, место последних заняли устои в углах восьмигранного плана, через арочные проёмы между ними интерьер раскрылся вовне, а снизившийся центр тяжести покрытия повысил сейсмическую устойчивость. Эта конструкция пришла из гератского *медресе* Гавхар Шод 1432 г. и мечети Мавлий Она в Тайбаде 1444 г. Самостоятельности от конструктивного купола достигли и подкупольные декоративные скорлупы из ганча или папье-маше: развившись над сталактитами угловых парусов, они рельефными сине-золотыми стеблями древ рая устремляли взор к небесам.

Минареты, висившиеся группами над зданиями, Темура увидел в Султании, где этот приём монголы осуществляли особенно эффектно. И в Самарканде этим приёмом стали завершать мечети, дворцы, *медресе* и *хонаках*, обозначая пространства больших ансамблей. Четыре высоких минарета взметнулись с углов двора между *медресе* и *хонаках* Мухаммада Султана и мавзолеем Гури Амир, а два меньших минарета поднялись на портале, ведущем в этот двор. Эти шесть минаретов визуально завершили градостроительную ось север-юг, начатую восемью минаретами мечети Биби Ханым и продолженную минаретами площади Регистан.

Дворцы Темура подразделялись на интимные в пригородных садах и официальные городские. Пригородные двух-трёхэтажные дворцы стояли в деревянной ограде на глинобитном холме посреди обнесённого стеной регулярного сада с разноцветными шатрами и юртами, и к их portalу вёл мост надо рвом с водой. Стоечно-балочные разборные конструкции таких дворцов с куполами, контрфорсами и зубчатыми стенами встречались также в садах гигантских официальных дворцов, таких как Ак Сарай. Его двор с хаузом

посередине имел длину 100 метров и завершался порталом и куполом зала Темура для приёмов и собраний. Портал же всего дворца с рекордным 22-метровым пролётом арки достиг 50-метровой высоты минаретов и имел множество этажей и помещений. Дворец высился всего в 80 метрах от ворот города. Такое тесное пространство, как и в ансамблях *кош* с противопоставленными фасадами, предназначалось не столько для и восприятия, сколько для подавления смотрящего. Это внушало и надпись на портале: «Если сомневаешься в нашей силе и могуществе, взгляни на наши постройки». Испанский посол Руи Гонсалес де Клавихо отмечал гигантоманию Темура неоднократно. «Усыпальницу (Дор-ус-Саодат в Кеше, 1379–1404 гг. — Ш. А.) Темурбек приказал построить для себя. Месяц назад он остался недоволен ею, говоря, что вход низок, и велел переделать» (30). «Он остался недоволен и мавзолеем (Мухаммада Султана, ставшего Гури Амиром, 1403–1404 гг. — Ш. А.), сказав, что низок. Приказал сломать и в десять дней перестроить под страхом наказания. Работали день и ночь. Прибывал сам дважды, на носилках, ибо не мог уже ездить верхом. Мавзолеем выстроили в эти десять дней» (31).

Мечеть соборная и с четырьмя *айванами* двора достигла пика своего развития. Мечеть Биби Ханым построили в 1399–1404 гг. иранские мастера, оторванные от завершения портала *хонакох* Ходжа Ахмада Яссави. Чтобы входящие в город воспринимали мощь правления Темура, мечеть Биби Ханым (1399–1404 гг.), прославлявшую походы Темура в Хорезм и Индию, построили, со всеми её огромными массами, над северными воротами Самарканда точно так же, как дворец Темура Ак Сарай (1380–1404 гг.) над северными воротами Кеша. Их высоченные порталы с множеством этажей и помещений являлись фактически самостоятельными зданиями, невиданными в архитектурной пропаганде той эпохи. План 83 x 62 метра фиксировали угловые минареты. Портал с аркой пролётом 19 метров вёл во двор с купольными галереями на цилиндрических каменных столбах. Портал главного из четырех *айванов* имел высоту 44 метра и, как портал входа, был фланкирован минаретами. «Когда её (мечеть Биби Ханым, 1399–1404 гг. — Ш. А.) закончили, он остался недоволен передней стеной, слишком низкой, и приказал разрушить. Перед ней выкопали две ямы, чтобы разобрать фундамент и, когда работа заспорилась, он сказал, что берётся вести наблюдение за одной частью работ, а наблюдать за другой частью велел двум своим приближённым, дабы контролировать, кто кончит быстрее. Каждый день он велел нести его туда на носилках и оставался там, торопя работавших. И над этой постройкой работали днём и ночью. И застройку улицы (от Регистана к воротам Аханин — Ш. А.) приостановили только из-за повалившего снега» (32). Увеличение подкупольного пространства главного *айвана* мечети Биби-ханым уже вскоре после строительства дало в стенах и арках трещины, повлекшие многовековое осыпание этого колосса. Поэтому, в построенной по заказу Мирзо Улугбека бухарской мечети Калян первой половины XV в. тип мечети Биби Ханым повторен более сдержанно, без минаретов, с непритязательными порталами боковых входов во двор.

Медресе двухэтажные в Бухаре и Самарканде и одноэтажное в Гиждуване построил Улугбек в 1417–1433 гг. Самаркандское *медресе* на Регистане (1420 г.) — самое большое, с боковыми входами во двор, мечетью на главной оси, и четырьмя *дарсхона* в углах. Исключительно спрорпорционированные и размерами не уступавшие постройкам Темура, фасады *медресе* Темуридов не отличались от мечетей. Именно поэтому два *медресе* Регистана образовали впоследствии величавую площадь перед мечетью-*медресе* Тилля Кари.

Мавзолей выражают почитание Темуридами суфизма, и проявилось это с кончины и похорон в 1370–1371 гг. суфия Кеша и Несефа Шамсиддина Кулола, наставника бухарского *шайха* Бохоуддина Накшбанда. Отец Темура *амир* Тарагай построил к западу от его могилы одноэтажное *медресе*, в *гурхоне* которого был похоронен сам. Могилу суфия Темур покрыл ониксовидным мрамором, и в 1379–1404 гг. строил к востоку от неё величествен-

ную усыпальницу Дор-ус-Саодат для себя и потомков. Это культово-общественное здание вокруг двора размером 33 × 41 м содержало мавзолеи со склепами, *зиёратхону*, залы теологических наук, и прочее. Улугбек же возвел над могилой Шамсиддина Кулола новый купольный мавзолей на квадрате плана и с четырьмя арками по сторонам, в каждой дверь и окно. К западу от него в 1435 г. Улугбек построил соборную мечеть Кок Гумбаз, следуя оси мавзолея суфия и нарушая ориентацию на Мекку. А через два года он пристроил к мавзолею с юга усыпальницу для своих потомков. Все эти постройки объединились застройкой двора *медресе* Дор-ут-Тиловат. Так, в течение полувека от могилы суфия выросла символическая ось ансамбля Дор-ус-Саодат (Обитель Счастья) на востоке и Дор-ут-Тиловат (Обитель Молитвы) на западе, с кладбищем духовенства и знати посередине.

Хонакох этого периода возмужал как никогда, ибо Темуридов воодушевляло это здание, в котором суфизм искал не посмертную, а прижизненную, в этом мире, встречу с Богом. Широкий спектр верований и учёности, которые веками формировали *хонакох*, подвергался ортодоксами критике. Учение Яссави сочетало исламский *шариат* с монгольским законом *ясса*, и потому «Чагатай за свою упорную привязанность к Яссави пользовался у мусульман чем угодно, только не любовью» (33). Чагатаидам и затем Темуру ставили на вид то, что «старотюркский закон *тура*, будучи связан с *ясса*, стояли в их государствах выше *шариата*» (34). Учитывая это, Темур сбалансировал эти верования в *хонакох* Ахмада Яссави (1389–1399 гг.). План этого *хонакох* ориентирован под 32 градуса на юго-запад, то есть точнее на Мекку. Мечеть расположена на западе от захоронения Яссави, а суфийские залы на востоке. Помещения *хонакох* Яссави расположены в плане как в тюркской *юрте*. Яссави лежит на почётном севере. Слева от входа (где в *юрте* находится хозяйственный инвентарь) находятся *китобхона* (библиотека) и *халимхона* (кухня со столовой). Справа же от входа (где в *юрте* посуда и продукты) расположена *кудукхона* (помещение с колодецем). Напиток оттуда молящиеся испивали из котла, стоявшего в центре *хонакох* подобно котлу в центре *юрты*. В конструктивном же отношении, *хонакох* Яссави опять походил на базилику Св. Софии: обе стороны здания разделены на три части парными стенами — внутри этих контрфорсов находятся лестницы на кровлю. С кровли Божий свет льётся, сквозь косые окна в барабане купола, на могилу Яссави. Он также льётся, сквозь колодец в кровле, к похороненным в суфийском Малом Ак Сарая. В этом *хонакох* паломники совершали коранический «правильный» путь: Шейбанихан проходил здесь «по тропе молящихся» (35). В *хонакох* Яссави вперёд вынесена *зикрхона*: она стала нишей в величественном портале. Из неё суфии, совершавшие ритуал на кровле, обращались как в зал для *само*, так и на площадь перед *хонакох*. Этим прежде скрытый *хонакох* стал государственным общественным центром.

Генезис мощной архитектуры этого *хонакох* археолог и востоковед М. Е. Массон комментировал очень близко к уже приведённым взглядам А. В. Шуцева на общие истоки европейской и азиатской архитектур. М. Е. Массон рассматривал архитектурные черты *хонакох* Яссави как «почерпнутые из стилей Персии Сасанидов и императорской Византии», акцентируя, что «сасанидское воплощение в архитектуре единства царя небесного и земного государя отразилось в константинопольской Святой Софии». Потому, заключал он, *хонакох* Яссави «можно именовать среднеазиатской Аией Софией» (36).

Этот прямоугольный план с двором или залом в центре и с расходящимися от них коридорами становился типовым во дворце Темура Ак Сарай (1380–1404 гг.) и в мавзолеях *хонакох* Дор-ус-Саодат (1379–1404 гг.) в его родном городе Шахрисабзе. План был также принят в 1405–18 гг. в Мешхеде зодчим Кавамиддином Ширази для мечети Гавхаршод жены сына Темура Шахруха, и в 1418–38 гг. — им же в Герате для *медресе* Гавхаршод.

Суфиев Яссавии почитали в Индии Бабура, где в 1565–1569 гг. они велели построить в Агре 23-летнему императору Акбару дворец Джанхонгири Махал по плану *хонакох* Яссави, продолжив, таким образом порядок базилики Св. Софии. Двор Джанхонгири Махал проторнее *джамоатхоны* мавзолея-*хонакох* Яссави, но в обоих зданиях сходны соотношения ядра и периметра. Коридоры ведут со всех концов здания ко двору с северным и южным залами. В XIX в. на площади перед Джанхонгири Махал раскопали котёл из монолитного гранита и с датой 1611 г. правления Джанхонгира, сына Акбара. «*Ховузи Джанхонгири*» и поныне стоит перед дворцом. Его диаметр 2,42 м. повторяет диаметр казана в Туркестане 2,45 м. и не оставляет сомнения о прототипе дворца и котла. Внук Акбара Шахджанхон построил в 1637 г. в Бари, пригороде Агры, охотничий дворец Лал Махал, оведя его регулярный четырёхчленённый сад *чор-бог* периметром плана Джанхонгири Махал. Императоры поддерживали внешнее сходство архитектуры со своей прародиной Средней Азией, однако во внутреннем содержании их архитектуры всё более преобладали культы Индии и идеалы колонизировавшей Европы.

Всеми признаками семивековой эволюции архитектуры *хонакох* обладает здание, вызывавшее споры: мавзолей это или дворец (37, 38, 39)? Его руины высятся близ бывших самаркандских ворот Феруза. Здание ориентировано под 62 градуса на юго-запад, то есть примерно как *хонакох* Баба Ата и Мухаммада Бошаро. Коридор на втором этаже шириной 0,7 метра соразмерен коридорам *хонакох* Баба Ата (0,9 м) и Баёнулхана (0,8 м). Суфийские помещения расположены на востоке, а мечеть на западе, как в *хонакох* Яссави. Слева от портала и перед мечетью, на втором этаже, находится *зикрхона*. *Михраб* мечети покрыт 8-гранным куполом 2-метрового диаметра, — как в *хонакох* Мухаммада Бошаро, — это свидетельствует и о сложении в то время самаркандского стиля архитектуры *хонакох*. От *михраба* мечети винтовая лестница поднимается в *зикрхону*, которая даже по отношению к уровню пола второго этажа возвышена на 44 см. Как и в других уже рассмотренных *хонакох*, эта *зикрхона* имела несколько суф. Однако, исследователи романтично приняли эти суфы *зикрхоны* за полки кладовки для имущества принцессы, упокоенной в этом, как они полагали, мавзолее (40). Под этой *зикрхоной*, то есть за *михрабом* мечети, находится помещение первого этажа, предназначавшееся для усопших, которых несли сюда ко времени молитвы на носилках — «четырёхногом деревянном коне» по Яссави. Исследователи середины XX в. приписали *вакф* 1464 г. о захоронении принцессы «в западном углу сада Феруза» (41) к руинам этого здания в центре сада, и ошибочно назвали его «мавзолеем женщин и детей Темуридов Ишрат-хане» (42, 43, 44). Это слово, значащее «дом наслаждений, публичный дом», они слышали от простолюдинов, и поверили им, ибо не ведали о суфийском понятии *ишорат*. В IX–X вв. суфии обсуждали мистические поиски, прибегая к намёкам-*ишорат* (45). В XIV в. *ишорат* значило «указание», и на него уповали в затворничестве (46). Суфии получали *ишорат* от Бога и вверяли его Темуру, — поэтому в XV в. Ходжа Убайдуллох Ходжа Ахрор и его окружение писали *Ишорати Аъло* (Высшее, Государево указание) (47). Само название говорит о типе этого здания: *Ишорат* + *хона* = Дом указаний Бога. То есть, — *хонакох*.

Уже в конце XIV в. Темуру служили мастера из иранского города Шираз, чтобы возводить подпружные и пересекающиеся арки. В 1389–1405 гг. Ходжа Хасан Ширази и Шамс Абдулла Ширази строили Темуру *хонакох* Яссави, перекрыв его Большой Ак Сарай подпружными арками. Помещения *Ишоратхоны* тоже перекрыты новой конструктивной системой пересекающихся арок. Рубеж XIV–XV вв. как дату *Ишоратхоны* подтверждают и росписи её белых стен синими и золотисто-оранжевыми цветами, — как в мавзолее (1385–1386 гг.) сестры Темура Ширин Бека Ака. После армии, суфизм стал второй опорой империи, и *хонакох* в саду Феруза заказал он. Таким образом, рубеж XIV–XV вв. как дату этого *хонакох* подтверждают

его иранские строители, декор, а также архитектура пригородов Самарканда: в то время за северными воротами столицы святилище Хазрати Хизр тоже функционировало как *хонакох*.

В архитектуре Ишоратхоны чрезвычайно важна кровля: к ней устремлены все четыре винтовые лестницы здания. По ним, ритуал, начатый в восточной части здания, поднимался прямо на кровлю, а оттуда спускался в западную часть здания — в *зикрхону* и мечеть. С развитием астрономии, в *хонакох* по небесным светилам, сочетая рациональное и иррациональное знания, проверялись не только ход времени, но и истинность явлений жизни. В своих исканиях суфии использовали предпосылки науки. В силу своего широкого функционального предназначения, *хонакох* с самого зарождения был не «залом всякой мечети», как полагали, — напротив, мечеть была одним из его залов. Поэтому в Ишоратхоне суфийская *зикрхона* и заняла место впереди и над *михрабом* мечети.

Хонакох сложился под влиянием разных верований как весьма специфичный комплекс, на протяжении семи веков объединявший захоронение, *зикрхону*, *чиллахону* и *самохону* с мечетью. Зародившись на кочевническом севере Средней Азии, *хонакох* прошёл хорезмским и согдским путями, синтезировался в бухарском *хонакох* Баёнкулихана, и возродился при Темуре. П-образный план как «правильный» путь к Богу сориентировал *хонакох* под 60 градусов на юго-запад, тюрки и монголы повернули его по сторонам света, Темур скорректировал его под 32 градуса к Мекке, но в Ишоратхоне план вернулся к изначальной ориентации. *Хонакох* трижды заимствовал ритуальные, планировочные и конструктивные особенности базилики Св. Софии, и при Темуре бросил ей вызов своими могучими формами над Ахмадом Яссави. В Ишоратхоне же заявил о себе самаркандский стиль *хонакох* с единством места для покойного, *зикрхоны* и мечети. Возникший как «дом молитвы» над погребением, *хонакох* постоянно занимался астрологией, однако, расцвет её опоры астрономии вызвал строительство специализированных обсерваторий. В Средней Азии развитие астрономии Темуридов продлило жизнь *хонакох*. Со временем же, астрологические ритуалы *хонакох* всё более обесценивались успехами астрономии в обсерватории Улугбека 1429–1449 гг. Кровля *хонакох* перестала использоваться для наблюдений, план «правильного» пути *хонакох* терял необходимость. И, — хотя многовековой тип этого здания ещё проявил свои черты на втором этаже *хонакох* (1544–1545 гг.) Бохоуддина Накшбанда (1318–1389 гг.) в Бухарской области, — в последующем этот тип здания прекратил свой долгий генезис, и архитектуру *хонакох* вдохновляли уже другие факторы наступивших новых времён.

Имперская типология архитектуры Темуридов сменила имперскую корпоративность архитектуры Сельджукидов. Не просто приобщавшиеся к городской жизни кочевники, но сложившийся высший класс городской аристократии начал трансформировать исламскую типологию. Типы отличались не стабильностью, как в предшествовавшие периоды, но динамичным обновлением по всей империи. Их функциональные программы определялись самими Темуридами, структура же и стиль видоизменялись строительными корпорациями, переезжавшими или заимствовавшими друг у друга. Примеры последнего — привнос, вместе с хорезмскими зодчими, шатровых покрытий в мавзолеи Джахонгира в Шахрисабзе и Чашма Аюб в Бухаре, а также — иранские зодчие. Мухаммад Бин Махмуд из Исфохана был автором всего комплекса Гури Амир и бухарского *медресе* Улугбека. Г. А. Пугаченкова полагала, что в Биби Ханым налицо перенос исфоханских традиций на самаркандскую почву (48), тогда как А. А. Поуп видел дальнейшее развитие стиля порталов Биби Ханым в мечети Гавхар Шод (1418 г.), примыкающей к святыне Имама Реза в Мешхеде (49). Так из разрозненных школ в сообщавшихся друг с другом сопредельных странах империя выплывала великий стиль.

Ренессанс культуры не только Средней, но всей Центральной Азии продолжал концентрироваться в Самарканде внука Темура Улугбека (правил в 1409–1449 гг.), а также в Герате

сына Темура Шахруха (правил в 1405–1447 гг.) и праправнука Темура Хусайна Байкары (правил в 1469–1506 гг.) (50). Наступившие после Байкары политическая децентрализация и фрагментация вокруг обособившихся городов «привели к их соперничеству и произвели культурные достижения, подобные таковым в городах Ренессанса Италии — это тоже позволило востоковедам утверждать о Ренессансе Темуридов» (51). Центральноазиатская архитектура довершила свой генезис в эпоху Ренессанса XIV–XVI вв. и, в частности, Реформации 1517–1555 гг.

Утверждениям о последовательных Ренессансах архитектуры IX–XV вв. способствовало то, что Центральная Азия издревле развивалась вместе со Средиземноморьем по схожим образцам, и архитектура Темуридов стала кульминацией этого процесса, ознаменовав выход от средневековья к новым временам. Второй, после армии, опорой государств Темуридов стал суфизм, а сердцевиной духовных поисков — суфийский *хонакох* с проводившимися в нём ритуалами вознесения к Богу. Архитектуроведение нового времени путалось в происхождении *хонакох* и принижало его значение. Мы проследили типологию этого здания: прототип, отличительную ориентацию, устойчивый тип плана, главные помещения, канонизированные ритуалы. *Хонакох* произошёл от единого для христианства и ислама ритуала «правильного» пути к Богу, а в своей ориентации и геометрии он сохранял традицию константинопольской базилики Св. Софии. *Хонакох* над прахом Яссави Темур возвысил до величия главного храма христианства. Темуриды коренным образом трансформировали и унаследованные ими города, создавая беспрецедентные новые. Темур возобновил общение Центральной Азии с греко-римским миром, и его Балх повторил восьмигранный план идеального города Витрувия. Вслед за Балхом, Темур перепланировал радиальным и *хисар* Самарканда. *Хисар* породила новая жизнь, выплеснувшаяся за городские стены навстречу оседавшим в оазисах кочевникам, — это они переносили названия оазиса (*шахри берун* — внешний город) и пригорода (*шахри дарун* — внутренний город) на город и его цитадель. Возник тип расширившегося города с новыми центрами и резервировавшимися для его роста землями. Такое развитие стало общим для городов эпохи Ренессанса, и потому вызвало схожие черты в планировке Флоренции и Самарканда. Темуриды наследовали предшествовавшие Ренессансу Средней Азии, и взлеяли свой собственный Ренессанс. Коран как теоретическую основу зодчества дополняли суфийские доктрины Термизи, Яссави, Ибн Араби, а затем и геометрия Вселенной по Улугбеку. Темуриды исповедовали веру не идеалистически для самоизоляции, а прагматично для самосовершенствования. Архитектура Темуридов ознаменовала собой высшее в культуре Центральной Азии, и новое знание о ней расширяет понимание региона, восполняет его роль в мировых связях, воздаёт должное его прогрессирующей общественной мысли (52).

XVI–XVII вв. ШЕЙБАНИДЫ

Росший с XVI в. в городах Европы капитализм контролировал с XVII в. торговлю с Азией, начав этим смену азиатской городской цивилизации европейской. Центральная же Азия пребывала в историческом противоборстве кочевой и городской цивилизаций. Хлынувшие со степей Золотой Орды войска так называемых кочевых узбеков под водительством Шейбанихана в войнах и междоусобицах с Темуридами утвердились от Хорезма до Герата. После 1540-х гг. двоевластия Бухары и Самарканда, в 1557–1598 гг. всеузбекский Абдуллахан II сплотил державу Шейбанидов вокруг Бухары, переживавшей второй, после Саманидов, подъём. С открытием Европой торговых путей через Атлантику, Великий шелковый путь ушёл в историю, и Шейбаниды усилили экономический и культурный обмен по оси

север-юг с Россией и Индией. Политический же их союз с Турцией, самым мощным суннитским государством, не вырвал их из изоляции. Обойденная мировыми связями и ослабленная войнами с шиитским Ираном, страна впала в застой. Переход узбекских кланов в XVII в. к оседлой жизни в оазисах среди тюрков и таджиков сопровождался принятием определения узбек для всего населения. Шейбаниды сохраняли кочевое деление узбекских племён на уделы. Центром удела рода Алчин стал Самарканд. Политика его правителя Ялангтуш Баходира, вождя узбекской династии Аштарханидов, была независима от столичной Бухары, а его походы на Кабул, Мешхед и другие города, обеспечили стабильность, богатство и подъём Самарканда. Правители с сословиями ремесленников и торговцев усиливали исламские основы архитектурной и градостроительной типологии. Благодаря этому, городские пространства обрели цельность, хотя и утратили прежний размах и качество.

Город XVI в. и его судьба при штурме и обороне стали определяться артиллерией. Бухару к середине века обнесли стеной, подновлённой под изобретение века, и расширили к западу, востоку и северу. Глинобитная стена высотой 10 м и внизу шириной до 5 м имела массивные полукруглые башни для пушек и бойницы для огнестрельного боя. От её снесённого, при расширении города на запад, отрезка остался прямой проспект Хиёбон. На севере же, подверженном набегам туркмен, замуровали городские ворота, ведущие непосредственно в центр *шахристана*. А Великий шёлковый путь из Ирана через город и далее в Фергану и Китай перенаправили из центра на восток от *шахристана* к северным Самаркандским воротам. Площадь города определяли его широтным диаметром внутри городских стен (1). Пространства перед общественными зданиями поднимались на возвышавшиеся платформы. Ялангтуш Баходир на месте *караван-сарая* Улугбека на Регистане построил *медресе* Тилля Кари, а на месте здешнего *хонакох* — *медресе* Шер Дор. Постановка зданий фасадами друг к другу в ансамбле *кош*, что значит парный, обособляла пространства улиц и создавала площади. Таковы ансамбли Бухары: мечеть Калян и *медресе* Мири Араб, *медресе* Модарихан и Абдуллахана, *медресе* Улугбека и Абдулазизхана. Постановка же трёх зданий фасадами в центральное пространство или в одну сторону сформировала выдающиеся площади: Лаби Ховуз в Бухаре из *хонакох* Нодир Девон Беги — *медресе* Кукельдаш — *медресе* Девон Беги; Регистан в Самарканде из *медресе* Улугбека — мечети и *медресе* Тилля-Кари — *медресе* Шер Дор; площадь некрополя Чор Бакр близ Бухары из *хонакох*, мечети и объединившего их в глубине портала. Водоём Лаби Ховуз (36 x 46 м), предназначенный стать сердцем города, вырыли в 1620 г. по велению Нодир Девон Беги, что значит пост, эквивалентный Великому визирю. Благодаря трём выходящим к водоёму зданиям, комплекс Лаби Ховуз обрёл исключительную градостроительную и архитектурную важность. Три здания *медресе* сформировали красивейшую в мире площадь — Регистан Самарканда. А общественные здания центра Бухары объединились в красивейший в истории мирового градостроительства ансамбль, благодаря торговым *тимам* (крытым рынкам), *токам* (пассажам на перекрестках улиц) и *дуканам* (лавкам) вдоль улиц. Более 60 видов различных ремёсел развивались в Бухаре и Самарканде XVI–XVII вв. (2). Заняв центры городов, торговый и ремесленный люд проник и в цитадели: наводившая ужас цитадель Темура в Самарканде была застроена их кварталами и мастерскими (3). После ансамбля Ходжа Абди Дарун XV в., традицию небольших умиротворяющих ансамблей продолжили: квартальный ансамбль мечети-*хонакох* Ходжа Зайнуддин, ансамбль *хонакох*, мечетей и *медресе* в комплексе Бохоуддин Накшбанд, и Лаби Ховуз с тузовыми деревьями ещё 1477 г. Разнообразие ансамблей превратило Бухару в один из «самых интересных в мире городов» (4).

Пригород Бухары Чор Бакр по велению Абдуллахана засадили к северу плодовым садом, и к нему от города провели аллею-*хиёбон* с деревьями вдоль арыков и протяжённостью в один *фарсах*. В развитие традиции северо-западного саманидского пригорода

Бухары IX–X вв., на северо-востоке Самарканда XVI в. был возведён квартал Нау шейбанидской аристократии.

Подкупольное пространство развивалось к целесообразной конструктивности, хотя предпочтение отдавалось и эффективным темуридским куполам. Отказ от их двойных и тройных внешних куполов уменьшил нагрузку на стены и снизил центр тяжести зданий, что способствовало прочности и сейсмостойкости. Пересекающиеся арки для постановки на них купола перебрасывались не только параллельно стенам, но и под углом к ним. Центральный купол, поначалу неуклюже взгромоздившись на арки, впоследствии слился с их линиями, арки пронзили купол нервюрами жёсткости и, опираясь на их каркас, купол вспарушился в разных направлениях. Производимое этим впечатление хорошо развитой мускулатуры (5) сообщило приземистую мужественность шедевр периода — *хонакох* ансамбля Бохоуддина Накшбанда. В *туме* Абдуллахана (1577 г.) и *хонакох* Файзабад (1598–1599 гг.) световой фонарь в зените купола дополнен окнами освещения в поясе парусов. Зодчих этого периода, в отличие от предшествовавшего, заботило освещение интерьера через двойные купола. Поэтому два зала *медресе* Мири Араб (1535–1536 гг.) и зал мечети в ансамбле Чор Бакр перекрыты арками с фонарём так, что свет в фонарь поступает из окон барабана внешнего бирюзового купола.

Мечети этого периода совершенствовали унаследованные исторические типы. Номозгох Бухары XII в. в виде михрабной стены дополнили в XVI в. *мусаллой* в виде галереи трёх куполов с центральным порталом и лестницей к *минбару* справа по фасаду. Однорядный трёхкупольный *номозгох* распространился по торговому пути на юго-восток от Бухары, где к концу XVI в. в г. Касби повторился в некрополе Султан Мир Хайдар. Зрелую же форму он обрёл в г. Карши: квадратный в плане *михраб* обращён в главный купольный зал и далее к portalу, в боковых же галереях сгруппированы по четыре купола. Над главным залом висится темуридский по стилю бирюзовый купол. Взамен разрушившегося средневекового Номозгох к юго-западу от Афрасиаба, в 1630 г. Нодиром Девон Беги построена новая мечеть Номозгох. Центральный зал (9 x 9 м.) перекрыт куполом (пролёт 5,4 м.) на пересекающихся арках и фланкирован к северу и югу двухрядными трёхпролётными галереями (6). Тип и название мечети Кок Гумбаз темуридского Шахрисабза повторились в XVI в. в городе Ура-Тюбе (7). Ярким представителем 200 квартальных мечетей Бухары XVI в. стала Баланд (то есть Высокая: на платформе) на юго-западе города. Её квадратный в плане зал с росписным дощатым потолком выходит в Г-образный деревянный *айван*. Белизна ганчевых стен *айвана* контрастирует с яркой красочностью майолики. План Баланд развит и доведён до совершенства в XVII в. в мечети Аль-Бухари в *кишлаке* Хартанг под Самаркандом: двухпилонный шестикупольный зал с выступающим из западной стены крупным *михрабом*, шестикупольный *айван* на массивных пилонах, две башни-*зулдаста* в концах михрабной стены и одна полубашня в угловом пилоне *айвана*. В мечетях Магоки Аттари (перестроена в 1546–1547 гг.) и Магоки Курпа (построена в 1636–1637 гг.) их подземные этажи (Магок значит подземная) с пилонами в центре зала продолжили тип первых бухарских мечетей на здешних зороастрийских и буддийских святилищах (Магоки Аттари построена на стенах таковых в конце XII в.). Зал второго этажа Магоки Курпа покрыт двенадцатью куполами и выходит на галереи боковых фасадов. Второй от *михраба* купол поднят на световой барабан, на который поставлен еще более высокий барабан внешнего декоративного купола. Тип подземной мечети здесь вознесен до темуридской высоты. Вход в первый этаж — по оси портала главного фасада, а во второй этаж — по сторонам портала. В Таш Мечети *кишлака* Вангази Бухарского района (конец XVI в.) — кульминации развития многостолпных мечетей — из решётки плана выделена центральная ось крупных пространств к *михрабу*: входной массивный портал,

вестибюль под куполом диаметром 3,8 м, центральный купол диаметром 5 м, квадратное в плане пространство перед *михрабом*.

Хонакох — его наличие давало населённым пунктам XVI в. право называться городом.

Поколениями миссионеров, вовлекавших тысячи последователей, учение Ясавии распространялось из Хивы, а Накшбандии — из Бухары (8). Центрально-купольные композиции *хонакох* формировались вокруг зала мечети. Другая важная их особенность — раскрытие вовне. Шедевр этого типа — *хонакох*, возведённый в 1554–1545 гг. шейбанидом Абдулазизханом близ могилы Бохоуддина Накшбанда, скончавшегося в 1389 г. духовного наставника здешнего дервишского ордена Накшбандия. План двухэтажного *хонакох* 40 × 40 м с центральным залом 14,8 × 14,8 м акцентирован мощными порталами по сторонам света. Купол на пересекающихся над залом арках впечатляет мощью. К нему, на кровлю, ведёт восточная лестница, а на западе кровли другая лестница спускается под этот купол в помещение с решётчатым проёмом над залом мечети. Этот спуск аналогичен спуску к восточным окнам над *самохоной* хорезмского *хонакох* Шайха Мухтора Вали. То есть, определение времени

35

по светилам и сообщение его находившимся внутри оставалось важным в *хонакох*. На востоке и юге второго этажа *хонакох* многочисленные помещения объединены Г-образным коридором. В его витиеватом следовании с северо-востока на юго-запад выделяются расположенные по концам его восточного отрезка восьмигранные угловые комнаты. Символизирующие вознесение восьмигранники указывают на то, что эти помещения предназначались для ритуалов вознесения. Начинаясь здесь с восходом солнца, ритуалы продолжались по коридору до его юго-западного конца, — в этом проявилось многовековое эхо ритуалов в базилике Св. Софии и *хонакох* Баба Ата. То есть, в III–VIII вв. феодализма в Азии и затем в Европе родилась эта архитектура новой веры с пространством театрализованного культа, достигавшего экзальтации под центральным куполом. Возникшая в сасанидском Сарвистане и возвышенная далее в византийской Св. Софии, архитектура этого ритуала проникла на степной север Средней Азии, где объединила под одной кровлей шаманизм, зороастризм, христианство, суфизм и ислам. Тамашний первый *хонакох* VII в. претерпел интереснейший генезис, утвердив свои черты и в XVI в. на втором этаже *хонакох* Бохоуддина Накшбанда.

36

Один из фасадов центричного плана *хонакох* Абдулазизхана выделен монументальным порталом, как в бухарских *хонакох* Файзобод (1598–1599 гг.), Нодир Девон Беги (1619–1620 гг.), Мухаммад Ёр Оталык (1668 г.), и в самаркандском *хонакох* Ходжа Абди Берун (1633 г.). Торжествующий над ансамблем Лаби Ховуз *хонакох* Нодира Девон Беги является

таким зданием символически, поскольку состоит лишь из зала, а издревле необходимых для *хонакох* помещений в нём нет. Между тем, когда в 1587 г. в *кишлаке* Чилангу под бухарой скончался Шейх ал-Ислам Эмир Хуссейн Мулло Мир, там век спустя, по образцу *хонакох* Нодира Девон Беги, построили *хонакох* Хаким Мулло Мир. Позади зала этого *хонакох* на целых четырёх уровнях возведено всё для суфийских ритуалов: от помещения для усопшего и *зикрхоны* над ним до *чиллахона* на самом вершине. *Хонакох* Нодира Девон Беги раскрыт городскому центру и официоз в нём превышает суфийских будней. Зато бухарскому *хонакох* нет равных в артистизме. Его южный боковой фасад представляет развивающуюся к главному фасаду тему панелирования в блестяще продуманных пропорциях. Искусством панелирования бухарские мастера блеснули в 1624–1625 гг. в Индии императора Джахонгира на протяжённых фасадах его цитадели в Лахоре. В освящённой веками глухомани между Нукусом и Турткулем, посреди моря захоронений, эволюционировал от доисламского буддийского монастыря-*вихара* мавзолеей Султан Воиз Бобо хорезмской школы зодчества. К древнему *хаузу*

37

у некогда ворот шахристана Бухары обращён комплекс мечети-хонакох Ходжа Зайнуddина XVI в. С перекрёстка двух улочек арочная ниша юго-восточного фасада ведёт в зал и далее в *айван*. Вдоль юго-западного фасада размещены четыре *худжры*, три из которых выходят на открытый к улице *айван* с надгробием *шайха* Зайнуddина. Ш. Е. Ратия в своём плане реконструкции торговой улицы Самарканда XV в. рисовал на Регистане крупное восьмигранное в плане здание с указанием: «Купольное сооружение *ханака*, существовавшее в XVI в. на месте *медресе* Шир-дор» (9). Подкупольный зал самаркандского *хонакох* Ходжа Абди Бирун раскрыт, через двери входа, на север и на восток, а в начале XX в. в этих направлениях была выслана квадратным кирпичом платформа перед зданием. В северо-западном углу платформы в начале 1980-х гг. обнаружен узкий вход в купольную камеру планом 2,2 x 2,0 м. и высотой 2,35 м.; от её пола колодец диаметром 0,8 м. на глубине 10 м. от поверхности земли расширяется во вторую, на этот раз земляную камеру, и от её пола продолжается глубже вниз (10).

Минареты небольшие строятся при каждой квартальной мечети Бухары. В пригородах же, невысокий минарет возведён по оси ансамбля Чор Бакр, а в ансамбле Бохоуддин — со сдвигом от оси фасада *хонакох*: в интересах окружающей пространственной композиции. В комплексе единичности сеидов Мир Хайдар (XI–XVI вв.) в Касби близ Карши пространство перед мавзолеями и летней мечетью тоже отмечено минаретом. Минаретам ортодоксы предпочитали купольные башенки-*гулдаста* над углами кровель зданий.

Медресе выделили Бухару и Хиву этой поры в качестве двух религиозных центров Средней Азии (11). В одной Бухаре их насчитывалось 150. Вход в них, в отличие от самаркандских, не прямой: двор просматривается через *ланджару*, а ведут в него два боковых Г-образных прохода. Углы дворов скошены для входа в здешние *худжры*. При входе в *медресе* Мири Араб справа находится зал мечети-*дарсхона* и слева усыпальница *шайха* Мири Араба — инициатора возведения *медресе* и духовного наставника Убайдуллахана; он упокоен у ног *шайха*. В *медресе* Абдуллахана (1588–1590 гг.) обращённые к солнцу северный и восточный *айваны* двора заглублены сильнее в сравнении с пребывающими в тени южным и западным. Помещения за северным и западным *айванами* развиты настолько, что выходят из прямоугольного плана. Сложные начертания групп помещений в углах двора, за его *айванами* и в фасадном корпусе стали выражением функционального перенасыщения *медресе* в этот его золотой век. Зеркальная же постановка его против *медресе* Модарихан (1566–1567 гг.) сформировала градостроительный ансамбль *кош*. *Медресе* Модарихан ориентировано к Мекке, *медресе* же Абдуллахана построено по сторонам света и только помещение мечети спланировано к Мекке. К городу раскрыты аркады вторых этажей самого крупного в Средней Азии *медресе* Кукельдаш (1568–1569 гг.), других бухарских *медресе* Хиебон (1655 г.) и Бозори Гусфанд (1670 г.), и *медресе* Сеид в Денау. Постановка *худжр* «спиной друг к другу» увеличила их число до 100 в бухарском *медресе* Фатхулла Кушбеги (1585–1586 гг.), и обращённые в город внешние *худжры* становились *дуканами*: так здание *медресе* выходило своими ячейками в городские базары. В 1651–1652 гг. в ансамбле *кош* к бухарскому *медресе* Улугбека XV в. возведено *медресе* Абдулазизхана. В нём придворный зодчий Мухаммад Солих следовал двум прототипам: исключительно проработанному плану *медресе* Мири Араб и красочно организованным помещениям за дворовыми *айванами* в *медресе* Абдуллахана. *Дарсхона* при входе и мечеть на оси двора покрыты сложными литыми ганчевыми плафонами, расписанными в технике *кундаль* с золотисто-синими плетениями орнаментов и романтическими пейзажами. Изобилующий декор *медресе* вдохновлён трогавшей Абдулазизхана мистической поэзией приближенных к нему суфиев. Поступавшие из Китая дикинские картины развесистых полновесных цветов в объёмистых вазах на подставках

с выползающими из-под них драконами нашли место и на панелях портала этого *медресе*. И такой непринуждённый стиль декорирования панелей фасадов был тоже перенесён бухарскими мастерами в Индию императора Джахонгира на панели фасадов его цитадели в Лахоре. Самаркандское *медресе* Шер Дор фасадом и планом повторило *медресе* Улугбека, но объёмами обстройки двора уступило ему. Соседняя мечеть-*медресе* Тилля Кари вобрала в свой обширный западный корпус городскую соборную мечеть, и остальные три стороны двора заняли *худжры* со вторым этажом только по главному фасаду. В отличие от прошлых периодов, *худжры* XVI–XVII вв. благоустроивались: передняя с очагом для угля и поглощающим колодцем вела в жилую комнату с нишами вдоль стен, камином и (если это второй этаж) окном на улицу. Небольшая камера при внешней стене служила кладовой. *Худжра* предназначалась двум студентам или преподавателю без семьи. Изощёренные планы *медресе* Мири Араб и Абдуллахана возникли именно из-за такой детализации интерьеров *худжр*.

Мавзолеи не приемлются в этот период суннизмом, и правители, как в раннем исламе, находят упокой в *медресе* и *хонаках*. Мавзолеи единичны, строятся более не в городах, а поодаль от них. В переходный этап XV–XVI вв. возводился мавзолеем Шохи Джалил комплекса Подшо Пирим в Ферганской области. Он воплотил местную традицию, величие темуридского стиля и аскетизм суннизма. *Зиёратхона* и *гурхана* беспортального мавзолея объединены в мощный объём (план 18 × 8 × 6 м., высота 4 м.) с двумя наклонными уступами, над которыми высятся два купола, поддерживаемые также наклонными уступами четвериков. Древнетюркская концепция стилобата стала здесь сильным средством выражения идеи покоя над могилой проповедника ислама. Кривые куполов и подкупольные пространства спропорционированы по канонам архитектуры Темуридов XIV–XV вв., а отделаны простым ганчем, что свойственно XVI в. Мавзолеем Ходжа Абди Берун построен в пригороде Самарканда (1633 г.); мавзолеем Суюниджхана (1531–1532 гг.) в составе *медресе* Баракхана Ташкенте. Над мавзолеем Лангар Ота (конец XVI в.) в Кашкадарье взметнулся темуридский внешний купол на высоком барабане, — как и в новаторском бухарском *хонаках* Косим Шайха (1558–1569 гг.), о котором речь далее в разделе Из Италии и России в Индию.

Захоронения под открытым небом широко практикуются в этот период. *Дахма* — это монолитное прямоугольное надгробное возвышение. Облицованная серым мрамором *дахма* (5,85 × 5,9 м., высота 2,65 м.) Шейбанихана и членов семьи отмечала центр двора *медресе* Шейбанихана в Самарканде. *Медресе* уже нет, и *дахма* сейчас находится у мечети Тилля Кари. Под квадратной и облицованной мрамором *дахмой* покоится Бохоуддин Накшбанд. К *дахме* с запада ведёт длинная дорожка, и вдоль неё на 2,5 метра возвышаются *дахма* сильных мира Бухары: Абдуллахана, Субханкулихана, Убайдуллахана, Нодира Девон Беги. Между этими *дахма* и *хонаках* Бохоуддина во времена эмирата построены две айванные мечети Музаффархана и Хакима Кушбеги, минарет перед восточным фасадом *хонаках*, и *медресе* к северу от него. Два бассейна дополнили ансамбль. *Дахма* Ходжа Абди Берун находится в ограждённом ажурной кирпичной стеной дворике. Облицованная мрамором *дахма* 7,35 × 5,49 × 1,6 м. выстлана поверху кирпичом на земляном основании и в середине её возвышается тоже выложенная кирпичом *сагана*. К западу от *дахмы* — *айван* XIX в. Иной тип открытого фамильного захоронения в большом количестве ограничивает центральное пространство ансамбля Чор Бакр с запада, юга и востока. *Хазира* — это обнесённая стеной территория с *дарвозахой* впереди и *худжрами* по сторонам, *айван* поминальной мечети позади них обращён к могилам.

Караван-сарай для торгового люда и *рибаты* для постоя войск продолжали, особенно при Абдуллахане, строить по программам государственного строительства. Как и на заре ислама, их и в это время строили по типовым планам, на что указывают вычерченные по

модульной сетке планы бухарского мастера XVI в., обнаруженные в середине XX в. *Караван-сарай* Абдуллахана в Караул Базаре, что на дороге из Бухары в Карши, имеет квадратный план с центральным входом и помещениями охраны. Помимо купольных галерей для стойл и складов, двор обстроен *худжрами*, имеет *айваны* по осям и завершен главным при мечети. В центрах городов *караван-сарай* уже нежеланны: когда в 1623 г. бухарский ансамбль Лаби Ховуз решили дополнить *караван-сараем* из двух дворов (гостиного и скотного), отцы города — в этот век *медресе* — предпочли обратиться к первому двору в *медресе* Нодира Девон Беги. От *караван-сарая* отличались полностью крытые *рибаты*. *Рибат* на дороге из Бухары в Мубарек и другой в Кызыл Чапы в горах Нураты состоят из одного-двух казарменных помещений для солдат, *худжр* для старшего состав^а, и галерей для коней. Облик *рибатов*, каменных внизу и из жжёного кирпича *поверху*, создавали стены с угловыми башнями, промежуточными полубашнями и куполами покрытий.

Крытые базары — *тим* (рынок), *ток* (пассаж), *чорсу* (купол на перекрестке) — достигли вершины своей типологии. *Чорсу* XV в. в центре Герата его строители развили в XVI в. в Токи Заргарон (Купол ювелиров) *шахристана* Бухары. Ансамбль базара Бухары протянулся от площади Регистан на западе до Лаби Ховуз на востоке. На его улицы выходили *караван-сарай* и бани, и близ них находились крупные мечети и *медресе*. Расположенные на Регистане Токи Орд Фурушон (Купол продавцов муки) и Токи Тиргарон (Купол изготовителей стрел) обслуживали Арк и кварталы знати к западу от него. Токи Заргарон, *тим* Абдуллахана, Токи Телпак Фурушон (Купол продавцов шапок) и Токи Саррафон (Купол мянял) тяготели к торговым предательствам вокруг Лаби Ховуз.

Дворцы правителей Хорезма, бухарских Убайдуллахана и Абдуллахана размещались за городом и потому назывались *чорбагами* (12). Их регулярная планировка и шатры происходили от темуридских садов и кочевых традиций. Во второй половине XVII в. при Абдулазизхане над воротами Арка Бухары возведена Ногорахона (буквально: Барабанная) — трёхэтажное сооружение с двумя угловыми башнями-*гулдаста*. С севера, запада и юга центрального помещения проходит галерея второго этажа. У шести арочных проёмов западной галереи сидели вельможи, наблюдая за празднествами на Регистане. Галерея охватывает кладовую музыкальных инструментов со входом на востоке. На уровне же третьего этажа были часы с боем, слышимым на расстоянии одного *фарсаха*, и здесь же лицом к Регистану играли музыканты. Также во второй половине XVII в. Субханкулихан возвёл Куринишхону — Коронационный двор. Вход в него, в Хозяйственный двор и Двор приветствий Саломхона, — из-под *чортака*. Вид на Коронационный двор при входе преграждает стена-*зуломгард* («разделяющая»). В Саломхону *амир* и посетители проходили через *айван* и Корихона (помещение для чтения Корана) в юго-западном углу Коронационного двора. Помещение Саломхоны открывало *амиру* перспективу её двора, площади Регистан на западе, а за стеной южнее находилась спальня *амира*. За Коронационным двором, в центральной части Арка, простиралась спланированная по сторонам света регулярная застройка Урды с узкими улочками и дворами гарема. Лишь ориентация мечети отклонялась от этой строгой планировки Арка.

Цвет и монументальная пропаганда. Взметнувшаяся в небо бирюза темуридского купола имела место в этот период, прочие же цвета всё сильнее определялись традициями суфизма. Распространился белый ганчевый интерьер, а практиковавшиеся до этого цвета во второй половине XVI в. утёмнились до чернильно-фиолетовых мозаик и чёрно-белых орнаментов. Очевидно, из-за недостатков технологии. Белый цвет для суфизма — это воплощение света, чистоты и единства, чёрный же символизирует самоотречение ради воссоединения с божественным (13). Мозаика *тимпанов* двора Мири Араб, наряду с белым, голубым, синим и жёлтым, включила и марганцево-чёрный цвет.

В мечети-хонаках Ходжи Зайнуddина орнамент стен зала белый, синий и чёрный. Чаша купола хонаках Файзабад прорезана белым орнаментом по чёрному фону в технике *кырма*. Жёлтый цвет, уже возникший в Мири Араб, усиливался в архитектуре вместе с зелёным, и во время Абдуллахана установилась сине-зелёная гамма. В архитектуре Бухары XVI–XVII вв. «режет глаз нестройная гамма зелёных и жёлтых тонов (некоторые тимпаны даже имеют жёлтый фон)» (14). На самаркандской мечети-медресе Тилля Кари XVII в. «мозаичный покров неприятен своей жёлто-зелёной гаммой» (15). В суфийском понимании жёлтый — это активный цвет, символизирующий воздух, лето, юность, тогда как зелёный — пассивный цвет, символизирующий воду, осень, зрелость (16). Если в майолике медресе Мири Араб и Модарихана встречается жёлтый цвет, то грандиозная мозаика медресе Шер Дор и Тилля Кари вся жёлто-зелёная. В архитектуре и градостроительстве Темуридов ориентация север-юг исходила из кочевническо-тюркской традиции, а восток-запад — из исламской. Аналогичное проявляется у Шейбанидов с цветом. В мечети Баланд выбор цвета для изразцовых шестиугольных плиток на стеновых панелях зала соответствует кочевническо-тюркской и исламской традициям: цвет тёмно-синий на северной и южной стеновой панелях, и зелёный на восточной. Майолика медресе Абдуллахана сочетает белые, голубые и синие цвета, общие для кочевническо-тюркской и исламской традиций. Синий цвет, по суфизму, пассивен и символизирует землю, зиму и старость. Красный цвет и позолота используются для архитектурных акцентов. Арки и тимпаны мечети-хонаках Ходжи Зайнуddина — кирпично-красные, а ниши, *михраб* и синяя чаша купола — золочёные. Западная стена *михраба* мечети Баланд золочёная в технике *кундаль*, а потолок — золочёный красно-синий. Сталактитовый полукупол *пештака* медресе Абдулазизхана расписан красным цветом. Как и в прошлые периоды, монументальная роспись вдохновлялась книжными миниатюрами: в *худжах* медресе Абдулазизхана росписи в форме медальонов взяты из книжных заставок. Того же происхождения, очевидно, и индийские павильоны и киоски сине-белой настенной живописи в интерьерах медресе Абдулазизхана. Несмотря на запрет богословами изображений живых существ, на тимпанах портала медресе Нодира Девон Беги и затем медресе Шер Дор появился солнечный диск с человеческим ликом. В первом медресе к нему летят огромные диковинные птицы с ланью в когтях — ещё доисламские символы благоденствия и весеннего обновления. А во втором медресе под солнцем изображены преследующие ланей тигры — символы мощи Ялангуша Баходира. В панно медресе Абдулазизхана изображены летящие к солнцу птицы, а в медресе Девон Беги у могилы Ходжа Ахрара в Самарканде — настагающий джейрана лев. Так в монументальной пропаганде прославление власти и науки Темуридов сменилось прославлением мощи Шейбанидов и фантастическими видениями. Диковинную флору и фауну определяли господствовавшие в естественных науках представления о мироздании.

Корпорации и типизация неразрывны в этот период: ремесленные цеха перестали быть придворными, множились, процветали и обслуживали широкие слои общества. Замыслы не доводились до конца: незавершен отделкой главный фасад медресе Кукельдаш, для поддержания пространства площади Регистан только по главному фасаду мечети-медресе Тилля Кари возведен второй этаж *худжр*. При проектировании различных типов зданий использовались стандартные модульные чертежи. Компановка декора из блоков, блистательно выполненная ещё в XII в. в ургенчском мавзолее Фахраддина Рази, развита в этот период для сборности вариантов и их массового использования (один из показательных — бухарское медресе Абдулахизхана). Некачественную поливную керамику отличают поблекшие цвета и тусклые поверхности. Падение качества архитектуры заметно даже в мечети-медресе Тилля Кари, построенном лишь на четверть века позже Шер Дор.

В первой половине XVIII в. упадок международной торговли, междоусобные войны и набеги кочевых племён расшатали порядок и власть в Средней Азии. В 1702–1714 г. столица Хорезма Хива обратилась к России за поддержкой. В 1740 г. главные города Средней Азии пали перед артиллерией иранского Нодиршаха. С 1750 г. афганская часть Туркестана выпала из-под влияния Бухары и оказалась во власти Кабула и Кандагара, центров будущего афганского государства (1). Самарканд обезлюдел, всего два населённых квартала осталось в Бухаре и 40 семейств в Хиве. После разрухи и чумы, прошлое величие этих городов всё же возвращало в них переселенцев, к примеру, каршинского *амира* Насруллахана (1827–1860 гг.), решившего: «Неужели город Темура со всеми его мечетями и *медресе* будет пустовать?» (2). Во второй половине века возобновился переход кочевников к земледелию и оживилась внешняя торговля. Образовались Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства, и на их стыках — города и территории претендовавших на независимость беков и шахов. И всё же, «несмотря на закрытость местных экономик, территориальную фрагментацию, часто сталкивавшую ханства в конфликтах, а также частые налёты кочевников, наносившие ущерб ханствам, сформировалась национальная общность на этнической и лингвистически-литературной почве. К концу XVIII в. проявились также черты определённого культурного возрождения. К 1804 г. в Хиве закрепилась новая династия Кунград, улучшившая систему ирригации и оживившая торговый обмен и городскую жизнь» (3). Централизованная власть Хорезма распространилась от Сырдарьи до Мерва, и торговля с приволжской Россией способствовала подъёму градостроительства Хивы. Однако, к наступившему в середине XIX в. расцвету, интересы Хорезма фатально столкнулись с российскими, — как за пять веков до этого они столкнулись с монгольскими.

Город. Хивинская Ичан Кала на площади 26 га (400 × 650 м.) сохранила тип *шахристана* Средней Азии с его оборонительной стеной, цитаделью, соборной мечетью, другими общественными зданиями, минаретами, базаром, жилыми кварталами. Задолго до установления протектората России в 1873 г. этапы роста города фиксировались российскими инженерами и топографами (4). Прямоугольный план города, ещё не разгромленного войсками иранского Нодиршаха, простирался от ворот на востоке до цитадели на западе. Дорога от ворот к цитадели обстроена жилыми кварталами как в хорезмских городах начала эры. Различие в том, что в городах начала эры их прямоугольник с дорогой ориентировался с севера на юг, а в Хиве XVIII в. — с востока на запад. Цитадель расположена на самом западе Ичан Калы, и значительный рост внешнего города на запад обеспечил весь город равной максимальной удалённостью от цитадели: 1000 м. Как и в Бухаре XVI–XVII вв., в Хиве стремились цитадель сделать равноудалённым центром городского плана. Издревле башни стен и дворцы цитаделей, а также сами города вне цитаделей стремились обращать к востоку: к восходу солнца. Центр Бухары рос от площади Регистан на восток к Лаби Ховуз, и монументальная застройка Ичан Калы прорвалась через восточную стену *шахристана* к издревле бурлившему здесь базару. Топонимика сохранила важность востока для городов Средней Азии: восточные ворота Шахрисабза звались Кунчикар (Восходящего солнца), тогда как остальные трое ворот называли по городам, куда они вели; и стороны света население города определяло по этим названиям ворот (5). В XVI–XIX вв. городские планы исчерпали развитие на восток и, для равновесия относительно центра, они расширялись к западному от цитаделей направлению. Северо-запад городов издавна являлся элитным для Саманидов в Бухаре и для знати и духовенства в Шахрисабзе. Большинство населения Шахрисабзского бекства составляли узбеки племени *кенежес*, и в

квартал Ходжа Мир Хомид к западу от центра Шахрисабза жили старые темуровские *ке-негесы* (6). Элита северо-запада Бухары ещё в XVI в. вошла в город со своими обширными садами, перенесла стену города западнее на 500–800 м. В XIX в. и в Хиве нарушили овал стен на западе включением в город тамошних обширных пашен и садов знати. В Бухаре в качестве мерил роста был принят широтный размер города внутри городских стен, и он превысил 3000 м (7), таким же стал и размер Дишан-калы Хивы в широтном направлении (8). Оба эти города вырастали вдоль водных каналов и дорог в широтном направлении, а к северу и югу от своих *шахристанов* развивались незначительно, их размер в этом направлении — 1500 м. В округлом плане Ташкента такова длина его радиальных улиц от центрального базара до окраины города. Город XVIII–XIX вв. достиг максимума роста и переходил к совершенствованию своей планировочно-пространственной организации. В XVIII в. Ташкент вырос на торговле с Россией, и ему подчинились города и сёла южного Казахстана. Город и его отношения с кочевнической округой управлялись не монархом, а аристократическим сословием *ходжей* (усиливавшимся в политике Ферганы и Ташкента с XVI в.) с цехами ремесленников, торговцами и земледельцами. Если при Караханидах и Сельджукидах власть над степными племенами осуществлялась через родо-племенную верхушку, то городское самоуправление XVIII в. было внове, и потому русские звали Ташкент Гамбургом Средней Азии и феодальной республикой. Отношения города со степью были переменчивы: Ташкент платил дань казахским ханам, контролировавшим его безопасность от окрестных кочевников, но в конце XVIII в. город подчинил кочевников, ликвидировал ханов и понудил их платить дань скотом и конницей. За глинобитными стенами цитадели и внутреннего города с его базаром, внешний город делился на четыре *дахы* с четырьмя *хокимами* и соперничавшими военизированными отрядами. Это деление предопределил ландшафт: овражный ручей долины реки Чирчик от Лабзака до улицы Самарканд Дарваза и перпендикулярная ему улица от Сагбанских до Бешагачских ворот. Юнусходжа — правитель переходившего на конный транспорт самоуправлявшегося Ташкента — распорядился сохранять пешеходность города, «запретив горожанам-ремесленникам ездить по городу верхом; подвезая к нему, они должны были спешиваться и вести коня на поводу» (9). Коканд вырос к 1860-м гг. до 40–50-тысячного населения и обнесён стеной с 12 воротами. Заложенная в 1830-е гг. Урда кокандских ханов постепенно выросла своими 8 га в застройку центра старого города, а с 1876 г. русское градостроительство окаймил её и прилегавший сад прямыми улицами и площадями (10). Территория Самарканда XIX в. сохраняла древнее деление на четыре *дахы* или *китъа*, каждая с 30 *гузарам* (11). В быту жителей Шахрисабза сохранялось архаичное деление города на две соперничавшие части, верхнюю и нижнюю, хотя основным было деление на 53 квартала (12). В Бухаре, при расширявшейся на запад элите и многочисленных *хонаках* бедноты на востоке и юго-востоке, богачи селились также на подступах к базарам, преобразя, таким образом, ядро города (13). Возведение общественных зданий выпрямляло изломанные контуры жилых кварталов, перспективы главных улиц фиксировались минаретами, по одну сторону улицы или между двумя таковыми организовывались площади, и в застройке часто использовался тип ансамбля *кош*. Не план города определял правила строительства, а условия конкретного места требовали от зодчих тактично вписываться в среду. Её многообразию и отличает, поэтому, площадь Регистан в Бухаре от одноименной площади в Самарканде. Величие самаркандской площади возведено на простом плане, а будничная многоликость бухарской складывалась многоэтапно формировавшимися ансамблями *кош*: два *медресе* Поянда Бий Оталык и Шадым Бий, два *медресе* Нихол и Бозори Гусфанд, мечеть Боло Ховуз и портал Арк; разрывы же в обстройке заполнили *медресе* Доруи Шифо и *хонаках* Усто Рухи.

В пригородах Бухары к восстанавливавшимся и расширявшимся дворцам прокладывались уже не аллеи-хлебон, а каменные дороги. Дворец Ширбундун в эмирском саду в 4 км. восточнее Бухары окружался в Навруз 500 ярмарочными палатками чиновников и торговцев, — их распланировка военными восходила к походным военным лагерям-ставкам (14). В 4 км. севернее города на рубеже XIX–XX вв. перепланировали сад и выстроили дворец *амира* Ситораи Мохи Хоса. В XIX в. в 11 км. восточнее Хивы состоятельный горожанин возвёл загородное убежище вроде бастиона Куня Арк, на вершине которого в *худжре* уединялся в XIV в. Акшайх Бобо. Четырёхэтажный жилой дом Чадра Ховли имеет на первом этаже конюшню и жилое помещение с глинобитной лестницей наверх. На втором и третьем этажах — по одному жилому помещению с одноколонным *айваном*. На четвёртом этаже — два разделённых стеной *айвана*. Сообщения между этажами — по лестнице, приставной к люкам перекрытий.

Подкупольное пространство, из-за застоя в монументальной архитектуре, не отмечено техническими новшествами. За редким и скромным использованием кутула на пересекающихся арках, технология покрытий в целом вернулась к простейшим тропам и парусам, куполам *балхи* и сводам времён зарождения зодчества. Под куполами, некогда монументальные конструкции уступили место народным лепным паховым и каркасно-балочным опорам. Величие подкупольных пространств сменилось многообразием приземлённых пространств. Поэтому зачастую, не обращаясь к куполам, мастера прозрачными методами строили дворцы как возвеличенные народные жилища. Приоритетом стало искусство чередования открытых пространств и замкнутых объёмов. Городское и кочевое, уникальное и обычное соединились в стоечно-балочном синтезе.

Мечети — к концу XIX в. их в Бухаре было 218, из них около 200 квартальные (в начале XX в. было 192 старых квартала) (15). Мечеть Боло Ховуз (1712 г.) на площади Регистан являлась второй пятничной мечетью Бухары. К её залу с 12-метровым в диаметре куполом примыкали с севера и юга дворики *медресе*. В 1917 г. перед порталом построили *айван* с 10 колоннами в два ряда. Таким образом, стену *айвана* составили портал и два этажа арочных лоджий. Пролёт архитрава *айвана* трижды, через каждые два пролёта, поднят вверх с 14-ти на 16-метровую отметку для оригинальности силуэта фасада. Аналогичен архитрав и построенной при входе в цитадель Арк мечети Джоми (XIX в.): у неё четырёхколонный зал, а *айван* — с севера, востока и юга. Мечеть комплекса Халиф Худойдод (1777–1855 гг.) имеет при квадратном купольном зале тоже трёхсторонний *айван*; к мечети примыкает *медресе* в виде обстроенного *худжрами* двора с *сардобой*. Самая ранняя из дошедших мечетей Хорезма — Сеид Ота (1749 г.) в г. Ханка — состоит из трёх типов пространств: двора с *айванами* деревянных колонн, однокупольного (диаметр 6 м.) *хонаках* и другого двора под балочным покрытием на ряде колонн. Квартальные мечети Ота Мурод Матриз Кушбеги (1800 г.) и Богболлы (1809 г.) решены как жилой дом: за входом с помещениями по сторонам раскрывается обращённый на север большой *айван* двора, а за *айваном* — зал мечети. Многостолпна и замкнута соборная мечеть Хивы (1788–1799 гг.) с 212 деревянными колоннами в зале 46 × 55 м, освещаемом двумя восьмигранными проёмами кровли. *Михраб* в южной стене, ворота в северной, а минарет рядом с воротами. В мечети Джума (1809–1812 гг.) Коканда, главной из 600 мечетей ханства, укрупнён тип сельских мечетей Ферганы с двором, ярким *айваном* (100-метровой длины и с 98 колоннами из Индии) и минаретом (высота 22 м.). В 1883–1895 гг. Андижан построил мечеть-*медресе* Джоми на руинах разрушенной землетрясением мечети Номозгох XVIII в. Протяжённый фасад и четыре минарета-*гульдаста* повторили архитектуру Урды в столице ханства Коканде. Канон цельного фасада разрушен: портал выдвинут вперёд, второй этаж короче первого, в углах фасада самостоятельные купольные объёмы аудиторий-*дархона*. Двор 121,5 × 174,5 м. имел четыре

входа с севера и юга и обстроен *худжрами медресе*. Как платформа Урды, первый этаж почти глухой с редкими оконцами *худжр*, зато второй открыт аркадной галереей с дверями *худжр*. Это — ещё один, с XVI в., пример раскрытия *медресе* в город. На западе — мечеть с самым высоким (31,8 м.) в Фергане минаретом, а на севере — *хонаках* (16). Построенная в начале XX в. в Намангане мечеть Ота Валихон Тура покрыта куполом диаметром 14 м и имеет *айван* по трём сторонам. Купол на столбах является заимствованием из архитектуры Турции (17).

Хонаках Пахлаван Махмуда в Хиве имеет перекрытый двойным ярко-голубым куполом центральный объём, ориентированный по север-юг и раскрытый во двор и боковые помещения. С *хонаках* Муий Муборак началось многолетнее строительство *медресе* Абулкасым (1820–1850 гг.) в Ташкенте: портал квадратного помещения *хонаках* замыкает главную ось двора (18). Из *гузаров* знати и духовенства XV в. в северо-западном углу плана Шахрисабза остался лишь один Суфи Гузар и рядом — ремесленные кварталы (19). То есть, в городской среде единство суфизма и ремесленной среды закреплялось, в то время как знать покидала переполнявшийся город.

Минареты, возникшие как древние знаки территории того или иного племени, индивидуализировались и связывались с именами своих могущественных создателей. В Хиве минареты возводили в чётком ритме через каждые 200 метров с определённым градостроительным замыслом (20). С востока на запад Ичан Калы следуют минареты: кладбища Абдал Баба (XVIII–XIX вв.), *медресе* Полвон Кори (1905 г.), мечети Сеид Шеликер Бая (1842 г.), мечети Джума (XVIII в.), Ислам Ходжа (1910 г.), Калта Минор (1852–1855 гг.), комплексов Бика Джан Бика (1894 г.) и Мухаммад Махаррам (1903 г.). Минарет мечети Джума находится у её входа и доступен изнутри. Бухарское *медресе* Халиф Ниязкул (1807 г.), известное как Чор Минор, имеет по углам своего двухэтажного кубического объёма четыре 20-метровых минарета с голубыми изразцами купольных фонарей. Подобное возрождение, после Темуридов, пучка минаретов связано с проникновением в XVI–XVII вв. архитектуры городских ворот Чор Минор (1591 г.) в индийском Хайдарабаде. У угла главного фасада хивинского *медресе* Мухаммад Амин Хана на 26 метров высится незавершённый Калта Минор с разноцветными майоликовыми поясами крупного орнамента. При диаметре 14,2 м и предполагавшейся высоте свыше 70 м, этот колосс уступил бы в исламском мире лишь дельтскому Кутуб Минару XII в. В середине обширного двора андижанской мечети-*медресе* Джоми высится минарет с голубым куполом. В 1910 г. построен самый высокий в Хиве минарет Ислам Ходжа высотой 44,6 м. Некрупный минарет возвёл Усто Ширин Мурадов в 1917 г. над восьмигранным ховузом перед мечетью Боло Ховуз, — в завершение бухарской традиции XVI–XVII вв.

Медресе Хивы переживали золотой век: здесь их построили 64 (21). *Медресе* Ширгазихана строилось в 1718–1725 гг. в 120 м южнее центральной улицы восток-запад Ичан Калы на пониженной территории. Поэтому, для поддержания пространства центра Ичан Калы, только обращённый к *шахристану* главный фасад имеет второй этаж. Небольшие *медресе*, такие как Ислам Ходжа (1910 г.) тоже имели только два этажа по главному фасаду, остальные же три фасада были стенками-кулисами. Такая забота о городском пространстве, видимо, заимствована из Ирана, из обстроек Мейдани Шах и Масжиди Хахим в Исфahanе. Хивинские *медресе* развивали бухарские нововведения XVI–XVII вв.: второй этаж не только боковых, но и заднего фасадов *медресе* Мухаммад Аминхана (1851–1852 гг.) раскрылся стрельчатыми лоджиями; в ансамбле *кош-медресе* Кутлуг Мурад Инак (1804–1812 гг.) и Алакулихана (1834–1835 гг.) платформы перед их фасадами раскрыты на окружающие улицы аркады торговых лавок. Древняя платформа превратилась в Хиве XIX в. во двор чести, *cour d'honneur*, обретший в 1871 г. перед *медресе* всемогущего Мухаммад Рахимхана форму площади с портално-купольным входом и торговыми рядами по периметру. Второй этаж только на главном фасаде *медресе*, а на остальных фасадах он имитирован глухой стеной,

порталы и парапеты фасадов двора завышены, — всё это усилило замкнутость пространств внутри и вокруг *медресе*. В Бухаре XIX в. возвели 60 *медресе*, всего же их насчитывалось около 170 (22). Колонная мечеть в *медресе* Чор-Минор расположена так, как и мечеть в *медресе* Халиф Худойдод: на юго-западе двора. *Медресе* Абулкасым (1820–1850 гг.) Ташкента состояло из *хонакох*, *мактабхона*, к нему примыкали мечеть и баня, и выходило оно на гузарную площадь с *ховузом* и кладбищем. Мечеть-*медресе* Джоми рубежа XX в. в Андижане типологически аналогично мечети-*медресе* Тилля Кари в Самарканде расположением мечети в глубине двора.

Мавзолей Кусам ибн Аббаса (XI–XIV–XV вв.) в Самарканде достроили Г-образной стеной, направлявшей движение в него из коридора Шохи Зинды. Путь от входного *чортака* Шохи Зинды по коридору достигает кульминации в тёмных и искривлённых полуподземных пространствах комплекса мавзолея. Сочетание наземных, полуподземных и подземных помещений усложняло путь *зиёрата*, создавало определённое таинство, усиливало эмоциональное воздействие на паломников (23). Изоляция входящего, его умиротворение и воздействие на него — в этом суть среднеазиатского мемориала. В кочевых культурах архитектура мавзолеев переходила от шатра к куполу, от входа в стене к *порталу*, от обнажённых конструкций к декору (24). Ходжа Амин Кабри (1750–е гг.) в Намангане вдохновлен кочевнической культурой и грузными порталами XI–XII вв.: орнамент плиток родственен орнаментам кочевых киргизов, звездчатый барабан купола аналогичен таковому в казахстанских мавзолеях. Самый богатый в позднесредневековой Средней Азии мавзолей Пахлаван Махмуда с величественным двойным куполом строился в 1810–1913 гг., чтобы стать усыпальницей хивинских ханов. Скорняк, поэт и борец XIV в. Пахлаван Махмуд посмертно канонизирован как святой покровитель Хивы и его надгробие находится в северо-западном углу комплекса, на месте его мастерской. Комплекс состоит из портала входа, *айвана* летней мечети, нескольких усыпальниц ханов и членов их семей, *корихона* — помещения для чтения Корана, *худжр* для странников, и кладбища на северо-востоке.

Захоронения под открытым небом. В ансамбле бухарской мечети Халиф Худойдод двор *медресе* ведёт к кладбищу с могилой Халифа и *айваном* летней мечети при ней, — по типу захоронений-*хазира* Чор Бахра. Этот тип открытых захоронений развит в Дахмаи Шохон (1825 г.) Норбутабия и его потомков на кладбище Коканда. Намогильные платформы-*дахма* обстроены здесь присущими захоронениям-*хазира*: портално-купольным входом, арочной оградой, и мечетью-*айваном*.

Караван-сарай и *рибаты* стали к XIX в. пограничными оплотами Бухарского ханства в борьбе с кочевниками, как, к примеру, многочисленные *рибаты* окрест города Джизак. Последний самый крупный в Средней Азии хивинский двухэтажный *караван-сарай* Аллакулихана построен в 1832–1833 гг. С 1835 г. конструкции его главного фасада начали нести и купола пристроенного *тима* Аллакулихана — крытой торговой улицы, связующей Ичан Калу с Дишан Калой. Здесь, как и в *медресе* этого периода, мы видим расширение отдельного типа здания в многофункциональный градостроительный комплекс. В середине XIX в. Кокандское ханство строило крепости на Сырдарье и в Семиречье против кочевнической степи и российской экспансии.

Крытые базары — *тим* (рынок), *ток* (пассаж), *чорсу* (купол на перекрестке). *Чорсу* над перекрёстком шести радиальных улиц построили в Самарканде XVII в. к северу от *медресе* Шер Дор по желанию *амира* Бухары из кирпичей разрушавшейся мечети Биби Ханым. Куполом *чорсу* перекрыли и в 1780-е г. центральный перекрёсток двух улиц Шахрисабза. *Тим* Аллакулихана 1835 г., что к востоку от дворца Тош Ховли, предназначался для торговли шёлком.

Дворцы. В Ногорахона над воротами бухарского Арка на рассвете били в барабан, пять раз в день *азончи* призывал к молитве, в праздники же утром и вечером, а также в приезд и отъезд *амира* играл оркестр (25). К северу от западных ворот хивинской Ичан Калы с 1686–1688 гг. по начало XX в. строился Куня Арк (Старая крепость). Здешний бастион открывал панораму всего города, и в эпоху артиллерии его обратили в арсенал порохового завода. Под бастионом, в центре двора Куриниш — круглая в плане *суфа* для *юрты*, с юга на неё обращён двухколонный *айван*, за ним Тронный зал с тронном в алькове западной стены. На востоке, у ворот Куня Арка, зимняя и летняя мечети, вторая обращена шестиколонным *айваном* в Монетный двор. На севере ансамбль завершён двором гарема с четырьмя *айванами* на юге, и с западным, ведущим в зал и альков по типу Тронного зала. Куня Арк достраивался Аллакулиханом как второй дворец. Первым же был Тош Ховли (Каменный двор) 1830–1838 гг. За его суровыми стенами и башнями — три двора с *айванами*: Арз Ховли для официальных приёмов, Ишрат Ховли для частных приёмов, и гарем. Два первых двора сообщались с гаремом посредством прямого коридора в середине плана. С небольшой площади западный вход дворца ведёт в Арз Ховли, и опосредованно в гарем и Ишрат Ховли. Два последних обслуживаются и входом с южной улицы. На юге дворов — высокие *айваны* с двумя комнатами за каждым из них. Из пяти *айванов* гарема четыре предназначены для жён, а пятый, наиболее декорированный, для самого хана. Арз Ховли и Ишрат Ховли имеют по одному *айвану* и в них возвышаются круглые в плане *суфы* для установки *юрт*. В Арз Ховли *суфа* расположена против входа: в ней хан принимал кочевых соседей. В Ишрат Ховли *суфа* примыкает к *айвану*: в холод хан с семьёй перебирался из сырых комнат в *юрту*. В 1863–1873 гг. Худоярхан Коканда форсировал строительство дворца Урда на прямоугольной платформе (68 × 143 м.) 5-метровой высоты. Для его кыргызской матери Хаким Ойин во дворе возведена войлочная *юрта*. Дворец на деревянном каркасе и под земляной кровлей предваряет блистающая майоликовая ширма главного фасада с аркадами и четырьмя угловыми башенками фасада и портала. К portalу от базарной площади вёл пандус (типа бухарского Арка) длиной 40 м и с *зиндоном* (темницей) под ним. Дворец состоял из управления, резиденции хана, гарема и имел восемь дворов. Три последних были в двухэтажном гареме и сообщались с хозяйственным двором. Справа от входа раскрывался протяжённый двор мечети-*медресе*. Платформа и сад были обнесены стеной и за ней — рвом с водой. Бухарский загородный дворец Ситораи Мохи Хоса строился в два этапа. Трёхдворовый и двухэтажный Старый дворец (1892 г.) Музаффархана унаследовал традиции бухарских жилых домов. Новый же дворец (1917 г.) Ахадхана расположен в обширном саду, сочетавшем традиционный *чорбаг* с европейским паркостроением. В нём свободно расположены здания приёмной, главного корпуса, гарема, зоосада, складов и пр. Отход от замкнутых дворцов Средней Азии ещё более очевиден во дворце Нуруллабая (1906 г.). За его стенами с башнями, подобными дворцу Тош Ховли, находится только гарем вокруг сада, тогда как европеизированные здания Арзхоны и Куринишхоны возведены вдоль городской улицы.

Декор/Цвет и монументальная пропаганда. Тип хивинского жилища с обращённым на север высоким *айваном* и помещениями за ним показал пример сочетания открытых, полуоткрытых и замкнутых пространств, и этим вдохновлял в течение XVII–XX вв. архитектуру дворцов Куня Арка, Тош Ховли, Нуруллабая. Одновременно, *юрты* дворов и декор стен Куня Арка, Тош Ховли и кокандской Урды отразили силу кочевых традиций. «Вышивка и ткани были роскошью для кочевника, и ими он занавешивал свой шатёр. Оседая в городах, он желал только того, чтобы облицовка керамикой его дворцов и мечетей воссоздавала тот же эффект» (26). Поэтому, на стыках кочевой и оседлой культур развивался мотив фасада-ширмы. Зелёные и жёлтые изразцы, наряду с синими, голубыми и белыми,

составили декор фасада-ширмы кокандской Урды. Орнаментальные панно стен дворов Тош Ховли имитировали ковры, узоры их белые на синем фоне, тогда как потолки айванов — красно-коричневые. Деревянные потолки с яркими росписями торжествуют и над гладко оштукатуренными белыми стенами приёмных комнат в кокандской Урде. Цвет в Тош Ховли использован согласно психо-физиологическому воздействию: стены айванов и помещений в холодной бело-сине-черной гамме, в интерьерах белая резьба по ганчу; потолки же — красно-золотые. Изразцы с виртуозными орнаментами Усто Абдулла Джина (Мастер Абдулла Бес) восхвалены в стихах Пахлавана Махмуда (вплетённых в картуши его мавзолея) как «возбуждающие удивление и зовущие в духовный мир» (27). Ставший религией ремесленников суфизм выделял семь стадий духовного восхождения: мир природы и человека — восприятие и ощущение форм — духовное восприятие — воображение — дух — божественное вдохновение — божественная истина (28). Как объёмы мавзолеев, так и светотени панелирования стен, происходят от мавзолея Саманидов. Панелированием отличились порталы мавзолеев Наманганской области. Арка портала мавзолея Ходжа Амин Кабры окаймлена, по самаркандскому типу портала, плоской П-образной полосой и другой горизонтальной над ней. В мавзолее Мавлоно Бобо в такие полосы вставлены многочисленные арочные ниши. Плоскость же портала мавзолея Девона Бобо с такими же полосами разбита на решётку пилястр и тяг с панелями ниш (29).

Школы. Политическая активность и одновременно географическая удалённость Хорезма способствовали развитию его мастерами школы зодчества со своеобразием пространства и декора. Цельная и оригинальная, она произошла от раннеиранских и домонгольских форм зданий и их декора. Тамашний суровый климат сделал необходимыми неожиданные объединения различных типов зданий или же их фрагментов в конгломераты вокруг двори-ков. Народные мастера игнорировали рафинированную геометрию прошлых веков и прагматично искривляли планы и фасады даже весьма крупных зданий в соответствии с иррегулярностью градостроительных ситуаций, — жизнь с её обновлявшимися требованиями функциональности трансформировала каноны архитектуры ислама. Разные архитектурные школы сформировали и свои типы порталов, — вместе с выработанными конструктивными стандартами в них воплотились и своеобразные духовные устремления и эстетические предпочтения наших народов. Так, Хорезм — это сужающиеся вверх порталы с консолю-но-ячеистым карнизом и угловыми башенками. Самарканд — это прямоугольные порталы с П-образным обрамлением арки и угловыми колонками. Бухара — ступенчатые порталы с мощными угловыми башнями. Фергана же — стройные или грузные порталы с тонкими или массивными башенками; они, как правило, расчленялись на прямоугольные панно с декоративными арочками, заполненными резным ганчевым орнаментом (30).

XI–XIX вв.

ПЕРЕКРЁСТОК АРХИТЕКТУР

Из Китая в Турцию в Индию

Вслед за Саманидами, прокламировавшими свое сасанидское происхождение, Караханиды в Мовароуннахре и Газневиды в Хорасане и Хорезме стали накануне XI в. первыми тюркскими правителями. Тюркская империя Сельджукидов простёрлась в 1075–1318 гг. от Центральной Азии до Средиземноморья. Страны (улус) этой империи явились этно-политической основой тюркских династий во главе с великим султаном и его сыновьями, правившими, как султаны, регионами или же, как шахи, провинциями. Возглавлявшийся *вазиром* (премьер-министром) тайный совет *амиров* управлял административными, финан-

совыми, юридическими и военными делами. Ханы и *илики* (знать), словно божественные олицетворения неба и солнца, жили в шёлковых и атласных шатрах, в *карши* (дворцах), *тура* (замках и крепостях) и *орда* (командных пунктах). Из этих типов поселений кочевых тюрков перераста в ядро города и повлиять на градостроительство суждено было, как показывает многовековая история, командному пункту — *орде*.

Еще с домонгольских времен самаркандцы для отдохновения устремлялись в расположенную к востоку местность Кон-и Гил вдоль арыка Оби-Рахмат. Конигиль или Конигуль значит на фарси «любовь к цветам» (1). «Самаркандские султаны месяц или два выезжают и живут на фарси «любовь к цветам» (1). Предпочитая городу простор пригородов, «Темур приказал оповестить по всему Самарканду, чтобы городские торговцы, продавцы, повара, мясники, пекари, портные и башмачники и все прочие ремесленники собирались на поле, где он был со своей ордой. Пусть поставят там все свои шатры и торгуют своими товарами, а не в городе», — свидетельствует испанский посол Руи Гонсалес де Клавихо (3). Поляну Конигиль Темур выбирал для разбивки своей ставки, резиденции, дворца, и первоисточники описывают довольно просторную картину орды. «В понедельник 07.09.1404 г. прибыли в Конигил. Для его величества возвели с четырёх сторон ограждения-сарaparда и величественный белый шатёр, шитый золотом и драгоценными камнями. Слуги обустроивали его неделю так, чтоб в нём сидели десять тысяч человек» (4). «От Конигил до Шавдара, на расстоянии примерно десять фарсангов, расположилась благословенная орда Сахибкирана: все принцы, старшие братья, сыны, амиры, ... солдаты всех родов, каждый соответственно своему положению и должности. На месте расположения большой орды установили на сорока колоннах главный шатёр-резиденцию, вокруг же него ... возвели большой полог, защищающий от лучей солнца. А вокруг разместились амиры уездов, командующие войсками, ... чиновники и предводители-сардоры, — каждый в своём шатре» (5).

Фарсанг или фарсах времени Темура равен 4,8 км. 10 фарсангов (48 км) — преувеличение даже для раздольной кочевой жизни Темура. В 1362 г. близ Балха двести конников из Кандагара расположились лагерем в двух фарсах (9,6 км) от местоположения Темура; в 1363 г. армия Ильяса Ходжи маршировала в сторону Кеша, расположилась лагерем на расстоянии четырёх фарсах (19,2 км) от того города; а в 1364 г. Амир Хусайн прибыл в окрестности Кеша и расположился лагерем на расстоянии четырёх миль (6,4 км) от армии Темура (6). Восток от пригородной Самарканду поляны Конигиль до канала Шавдар на юге протяжен на 8 км. Эти просторы Бабур описывал так: «туман Шавдар, примыкающий к городу ... очень хороший туман, с превосходным воздухом, полный приятности; воды там много и блага земные дешёвы. Путешественники, выдавшие Миср и Шам, не могут указать другого такого здорового места» (7). Это практически весь восток от Самарканда, и предпочтение его, видимо, объясняется древней тюркской традицией ориентации и роста цитадели и города на восток — к восходу солнца. Проходившая здесь пригородная стена, известная с XII в. как Девори Кундаланг (по-монгольски «ханская ставка»), была устоявшейся зоной кочевых поселений. В её центральной части с IX в. сформировался мемориальный комплекс Ходжа Абди Дарун. Сюда, от ворот Феруза темуридского Самарканда, провели обсаженную тополями аллею Кучаи Хиебон к саду Боги Булди. В этом же тумане раскинулись не менее известные темуридские сады Дилафруз, Дилкушо (у Оби Машхада) и Давлатобод (у Даргома). На этом просторе, обширные пригородные сады-*чорбаги* Темура имели стороны от 750 до 1500 м, то есть превышая радиус плана Самарканда. Центр этих садов был отмечен постройкой типа кешк: «А посередине этого сада стоял очень красивый дом, выстроенный в виде креста и богато отделанный. Он имел три алькова, здесь садился сеньор, — пишет Клавихо о Тумуре, — перед входом в альков в виде арки висела на шестах украшенная занавесь, другие альковы также убраны занавесями» (8).

И если Самарканд строился «методом проб» веками, то его кочевой пригород возник почти мгновенно: «в полях Темура приказал поставить много шатров для себя и своих жен и войску, чтобы оно собралось здесь на праздники и свадьбы. Каждый знал, где должен ставить свои шатры. Не прошло трёх или четырёх дней, как были установлены вокруг царских шатров около двадцати тысяч других. В его орде все распределены по определённым улицам. Всего в орде около 50 000 шатров, множество других расставлено в садах, на лугах и у воды вокруг города» (9). Отсюда, из кочевого пригорода, управлялся город. Формировавшийся класс кочевой аристократии начинал трансформировать исламский город в темуридский с торжествующим кочевым стилем жизни.

Происходивший в орде официоз явился стержнем её планировки и, впоследствии, планировки города. Для прибывавших в орду послов разных стран дипломатический церемониал тюрков выказывал авторитет своего владыки и его государства. Поэтому, по пути в главный шатёр *кагана*, послы проходили сначала между рядами многотысячных войск и затем мимо рядов повозок с драгоценными изделиями (10). Это было унаследовано и *ордой* Амира Темура в загородных садах Самарканда XIV–XV вв. «Входную дверь в загородный сад» замечает Клавихо в начале своего церемониального визита, и дополняет: «у этой двери стояло много привратников с палицами в руках. Войдя, посланники увидели шесть слонов с деревянными башенками. Их повели дальше». Шли они долго. В конце пути, продолжает Клавихо, «Амир находился у входа, перед дверью в прекрасный дом, восседал на возвышении, а перед ним был фонтан» (11). Таким образом, движение в одном направлении, довольно протяжённом, началось и завершилось входами сначала в сад и затем во дворец, и входы эти располагались под *айванами*. Находившиеся при входной двери в сад Амира Темура «шесть слонов с деревянными башенками» были, по исторической традиции, заимствованы из Императорского дворца в Пекине. В этом дворце узбеки — в составе правителей и в качестве военных — были влиятельны в XIII в. (12). Поэтому пекинские слоны с башенками являлись не просто древней, но и хорошо усвоенной тюрками и сохранявшейся до нового времени многовековой традицией. Слоны с башенками изображены на китайской гравюре XVIII в.: у ворот в Южный двор Пурпурного города Пекина процессию к императору встречают стража и «чёрные слоны». «Слоны перед Южными воротами, видимо, являлись длительное время атрибутом Императорского дворца в Пекине» (13).

Пришедший из Индии в Китай буддизм проповедовал мир с пятью священными горами: одной в центре и четырьмя по краям. Соответственно этому идеальный мир и изображался в буддийских *мандалах*, — этих центрированных и симметричных, круглых или квадратных картинах, населённых божествами. Подобно *мандале* изображён и план Императорского дворца Пекина на гравюре трактата III–II вв. до н.э. Она была воспроизведена в книге И. Ньюгофа, изданной в 1670 г. в Амстердаме. На ней огромный квадрат садов разделён крестом анфилад дворов, выступающих из-за периметра квадрата во все четыре стороны, чтобы вновь утвердить крестообразность. И в каждом из дворов — центральном и четырёх по осям — блистательные дворцы.

Под китайским влиянием, и монгольские кочевые стоянки группировались из шатра хана с окружавшими его четырьмя *орда* — шатрами четырёх жён. Впоследствии и столичный город Каракорум стал центром четырёх ханств монгольской империи. Монгольские ламаистские монастыри XIII–XVI вв. повторяли не пекинскую крестообразность, а следование дворов один за другим и постановку торжественных ворот или дворца на оси движения посреди стены, разграничивавшей дворы. Вот эта преобладавшая прямолинейность и перешла от монгол в планировки тюркских *орда*. Прямолинейную издревле ось движе-

ния в церемониалах тюркских *орда* дополнила впоследствии заметная крестообразность планировки, тоже прототипам Китая.

Планировки тюркских *орда* от Центральной до Малой Азии в той или иной степени приближения следовали китайской и монгольской моделям. Урда 1863–1873 гг. кокандского Худоярхана показательна в этом отношении. От базарной площади последовательно расположены два передних и три внутренних двора образуют главную ось Урды. С середины же этой цепочки дворов, правее её и параллельно ей, следуют два хозяйственных двора. Управление хана располагалось в первом внутреннем дворе. В следовавших за ним дворах — гарем. Два передних двора главной оси Урды разделены стеной, продолжающейся в обе стороны и отделяющей Урду от города. Вот эту ось, перпендикулярную главной оси и сообщающей всей композиции крестообразность, поддерживают: справа протяжённое здание мечети и *медресе*, а слева начинающийся отсюда просторный сад Урды. Так пекинская крестообразность возродилась в Коканде. Огромный же пекинский сад здесь тоже окружает постройки Урды, правда, неполно: с трёх сторон.

В тюркских *орда*, в отличие от китайских и монгольских планировок, впоследствии усилилась та ось, что шла параллельно главной и содержала, как в кокандской Урде, хозяйственные дворы. В восхищающей весь мир дворцах тюркских правителей Малой Азии и Индии в эту вторую параллельную ось хозяйственных дворов решительнее перенесли гарем. Окружные группировки женских юрт в монгольских *орда* превратилась в линейный, с тенденцией роста, ансамбль. Стамбульский дворец Топкапы XVI–XIX вв. спланирован из четырёх дворов. Ворота Первого двора раскрыты к базилике Св. Софии и церкви Св. Ирины, перед ними находился Арсенал, а называются они Ордакапы — Ворота Орды, что значит Ворота местопребывания главы государства. За Ордакапы раскрывается Второй двор, ведущий по главной оси к Воротам счастья. Другие аллеи этого двора ведут к северной параллельной оси дворца, где расположены Диван (Государственная канцелярия) и Сокровищница, а также на юг — к кварталу Кухонь. Пройдя Ворота Счастья, посетитель непосредственно попадает в расположенную в Третьем дворе Тронную комнату, а также к Мечети и Семейному кварталу на севере и Баням на юге. То есть, в Топкапы возникла и третья параллельная ось — южная, с сугубо обслуживающими Кухнями и Банями. И, наконец, за Тронной комнатой Третьего двора, через Сокровищницу и Кладовую, проходят в Четвёртый двор с павильонами Сада тюльпанов, спускающегося к волнам Босфора. Таким образом, в Топкапы главная ось Орды обрела ясно выраженные функции: Второй двор является распределительным к частям Орды, Третий двор служит церемониям, а Четвёртый — времяпровождению на природе. Проходными сквозь эту череду дворов являются: Ордакапы, Ворота счастья с Тронной комнатой, и Сокровищница. В срединной части комплекса, к северу от его Второго и Третьего дворов, и расположен линейный конгломерат Гарема. Эта скученная часть дворца контрастирует с церемониальной осью, рассредоточенной и с весьма тщательно продуманными архитектурными акцентами.

Две оси дворцового комплекса выстроены параллельно и Темуридами Индии в цитадели Шахджанабада (1638–1648 гг.). Церемониальную ось здесь составляют: Лахорские ворота — Базар — Джилвахона (Главный двор для спешивания) — Ногорахона — Девони Ом — Сад и Ранг Махал. Слева от них, параллельную им ось составляют: сад Хаёт Бахш — баня — мечеть Моти — павильон Саван — сад Мехтаб. В обоих комплексах в Стамбуле и Шахджанабаде, в начале их параллельной оси расположена мечеть, и в завершении оси — сад с постройками для времяпровождения и духовных ритуалов. Как и планировка Топкапы, устремлённая к волнам Босфора, планировка цитадели Шахджанабада достигает кульминации над водами реки Джамна. То есть, тюркская *орда*, приняв в начале тонкости

китайской модели, по мере вживания в культуры новых покорённых стран, трансформировала строение и составные элементы той модели применительно к обновлявшемуся мировоззрению тюркских правителей. Церемониал изначально являлся стержнем тюркских *орда*. Впоследствии его сопровождала параллельная ось чувственности и духовности. Она превзошла церемониальную ось и достигла кульминации во дворцах над водами Рая, обещанными Кораном праведникам.

Из Монголии в Италию

Названный «неправдоподобным» и «маловероятным» (1) анекдот Джорджо Вазари о вертикально поставленном яйце как прототипе купола Брунеллески для флорентийской базилики Санта Мария дель Фиоре, тем не менее, принят повсюду в мире. В оправдание истории с яйцом, упоминались и некие «планы» Брунеллески (2). Но они никогда не были раскрыты. Зато взаимосвязи Европы и Азии той эпохи указывают на заслуживающие внимания действительные начала этого купола. Эти начала распространялись в качестве инноваций из Центральной Азии задолго до рождения Брунеллески, и затем вдохновляли процесс создания им базилики.

Флоренция 1296 года предприняла решительные меры для прекращения «кризиса христианства в XIII-м в.» (3). Был введён запрет на торговлю с «неверными» и на арабские цифры (4), несмотря на их практичность в сравнении с цифрами римскими. А в знак возрождения веры, «опора христианства» промышленная корпорация Арти Мажжоре заложила Санта Мария дель Фиоре. Архитектура базилики проявилась после учреждения второй епархии Папы Иоанна XXII-го в монгольской столице Султаннии в 1318 г. (5) и с прибытием консула Венеции в Тебриз в 1325 г. (6). На протяжении 1350-х гг. Арнольфо ди Камбио поменял начертанные им шаткие колонны на массивные пилоны, — как в мавзолее Олжейту в Султаннии.

41

Флоренция заложила пилоны в 1380 г. Мавзолеем Олжейту, согласно реконструкции А. А. Поупа, имел по периферии купольные помещения (7), — Флоренция заимствовала и их в качестве апсид, противостоящих распору купола. Брунеллески повторил также силуэт и две оболочки купола мавзолея Олжейту. Заимствована целая композиция, но она доведена, благодаря камню, до грандиозного масштаба. Заимствование происходило на протяжении 37 лет.

42

Так же быстро, для той эпохи, отреагировала Италия и на архитектуру новой державы в беспокоившей её Азии. В 1402 г., из Центральной Азии в Азию Малую вступил Амир Темура, чтобы победить османского султана Баязида, давно утравившего Европу. Опасавшееся тюркского вторжения, христианство серьёзно восприняло Темура, и европейские послы зачастили в Центральную Азию. Майоликовые фасады венецианского Палаццо Дожей 1340–1441 гг. «произошли от архитектуры Темуридов XV-го в., и капители колонн Палаццо изобразили латинян и тюрков» (8).

Отныне Италия заговорила по-тюркски. Законченный в 1410 г. барабан для купола флорентийской базилики называли *тамбура* (9). Подобный барабан был здесь в новинку и, поскольку «роль Филиппо Брунеллески в создании барабана неясна» (10, 11), само это новое слово для барабана говорит о многом. Итальянское *tamburo* (12) — одного корня с провансальским танцем *tambourin* под звуки бубенцов барабана и с мальчиком-барабанщиком *tamburino* (13), скопированным итальянской армией от наступавших в Испанию 1212 г. арабов (14). Эти барабаны произошли из Центральной Азии, и не от персидского *tabirah* (барабан) (15), но от тюркского *dombira* (барабан, включая и архитектурный) (16). Моделью для купола Брунеллески стали купола Темура, вознесённые в 3,5 раза, вдвое боль-

ше диаметров, благодаря высокому барабану. Архитектурные инновации Темура достигли Флоренции, искавшей барабан и купол для строившейся уже 100 лет базилики. Тюркская *домбира* распространилась затем, как *tamburo*, в европейских языках.

Тюркская, от Центральной Азии до Средиземноморья, империя Сельджукидов 1075–1318 гг. столкнулась с крестовыми походами христиан 900–1492 гг. на Святую землю. «Европа вновь открыла своё классическое прошлое, теперь в переводах с арабского» (17), и это столкновение привело в 1050–1250 гг. к «Возрождению XII в. — техническому совершенству и готическому стилю в архитектуре» (18). Заимствованные из Азии стрельчатые арки, ребристые купола, и поддерживающие кровлю контрфорсы уменьшили боковой распор и заменили римские полукруглые арки и своды, «не способные перекрывать большие пространства» (19). Хотя начало готики приписывают Франции XI-го в. (20) или итальянской Ломбардии (21), многие «указывают на исламские ребристые купола» (22), и говорят о «возможно исламском происхождении западной готики» (23), заключая, что «своей славой готическая архитектура в немалой мере обязана введению стрельчатой арки» (24). Восемь каменных ребер купола Брунеллески повторили ребристый деревянный каркас тюркской кочевой юрты, чтобы символизировать Восемь смертей или Восьмой день воскресшего Христа. Объединённые девятью, согласно числу небес Рая, горизонтальными кольцами (25), они вместе воссоздали облегчённую конструкцию купола из кессонов, восторгавших Брунеллески в римском Пантеоне.

43

«Лёгкие арочные конструкции и двойные купола мавзолея Султана Санджара (1140-е гг., Мерв, Туркменистан), — подчёркивала Г. А. Пугаченкова, — возникли на полтора века ранее подобных методов в мавзолее Олжейту (1305–1313 гг., Султаня, Иран) и на три века ранее купола Филиппо Брунеллески (1418–1470 гг.) над Санта Мария дель Фиоре во Флоренции» (26). Уже в XI-м в. конструктивные инновации Сельджукидов в мечети Джамии Исфахана были донесены до Италии. Кирпичная кладка «ёлочкой» усилила купола сельджукидских мечетей. Эту кладку широко использовали и в малых куполах североитальянской области Венето (27). Брунеллески заполнил свои кессоны этой сельджукидской кладкой, назвав ее *spirarsce* в своих рукописях 1426 г. Брунеллески стал первым, перенесшим *спиналеше* из малых куполов Венето в свой гигантский купол диаметром 45,5 метров. «*Спиналеше* взбежали спиралями к зениту Санта Мария дель Фиоре и, под весом верхних слоёв кирпичной кладки, спирали эти сжали, как цепкие жилы, пассивные горизонтальные слои купола» (28, 29). В 1536–1546 гг., для римской базилики Святого Петра, архитектор Антонио Сангалло нарисовал *спиналеше* купола, построенного во Флоренции без арматуры». Его рисунок зеркально воспроизводит спирали купола над сельджукидской, 1224 г., мечетью в Эски Малатия, Турция. Купол Сангалло, тоже ребристый, и на более высоком барабане, стал образцом для соборов Европы периода Реформации и Просвещения.

Купол Брунеллески явил ещё раз родство Средиземноморья и Центральной Азии, а именно: эти два региона издревле и постоянно влияли друг на друга, и потому использовали одинаковые или аналогичные модели земной и небесной геометрии.

Из Бухары в Индию

По традиции, уже отмеченной нами в истоках цивилизации, ислам, как и предшествовавшие ему древние верования, обусловил судьбу мусульманина и его города с их праведностью. Как и в *хонаках*, Коран повлиял также и на градостроительство, возвестив: «Как много городов мы порушили! Наш бич падал на них ночью или в полдень, когда они дремали. И когда наш бич падал на них, они лишь восклицали: «Воистину мы вели себя плохо».

Мы несомненно спросим с тех, к кому посылали вестников, и Мы спросим с вестников самих. Мы со всем знанием скажем им, что именно они совершали, ибо мы никогда их не оставляли. В тот день всем воздастся по заслугам. Возрадуются те, чьи благие поступки перевесят на весах справедливости, но те, что с поступками ничтожными, распрощаются со своими душами, поскольку они отвергали Наши откровения» (1). Пророчества Корана становились реальностью при «истреблениях населения непокорных городов и *кишлаков*» до монгольского нашествия и вплоть до XVI в. (2). Грехи горожан и Божья воля вели Чингизхана, по его заявлению, к разрушению Бухары. «Следуя классическому образцу своего века, Амир Темура наказывал несдававшийся город, но щадил его при немедленной капитуляции» (3). И, с обращённой к Мекке цитаделью, священная Бухара словно покорилась гневным словам Бога: «Я клянусь этим городом (а ты его житель), клянусь этим родителем и всеми, кого он породил: Мы создали человека, чтобы испытывать его невзгодами. Он полагает, что ни у кого нет над ним власти? «Я растратил несметные богатства», — чванится он. Он полагает, что за ним никто не наблюдает? Не ему ли мы дали два глаза, язык, и двое губ, и указали два пути? И, все же, он не кажется на должной Высоте. Та ли это Высота, что вы знали? Она — в освобождении раба; в куске хлеба в голодный день осиротевшему близкому, или любому другому, нуждающемуся в бедствии; в обладании верой и в проявлении стойкости и милосердия. Следующие этому встанут по правую руку; но отвергшие Наши откровения встанут слева, под надвигающийся на них Адский пламень» (4). Соответствуя этому, Бухара как центр учёности ислама учила, что Бог в Судный день пощадит покорных жителей праведного города. В приписываемом Пророку святом *хадисе* говорится, что в Судный день Бухаре суждено стать самым удачливым из городов, потому что среди её жителей было много *шахидов*, то есть павших за веру (5). Вот почему святые Бухары, вынужденные бежать в лихолетье на юг, в Индию, придавали её образцовый план и архитектуру тамошним поселениям, надеясь, таким образом, на спасение в Судный день. Культ Бухары процветал в городах на плато Деккан, регионе нескольких мусульманских государств Индии. А вслед за Бухарой в эти города были привнесены и черты градостроительства и архитектуры Темура.

Удачливой Бухара стала с X в., когда гвардия Саманидов купила на базаре Шаша (Ташкент) молодого Себук Тегина из тюркских Карлуков с озера Иссык-Куль, — это он в X–XI вв. основал династию Газневидов, избравший с XI в. г. Лахор (Пакистан) столицей своей Индийской провинции. Лахор стал восточной столицей государства Газневидов, возникшего на окраине саманидских владений и постиравшегося от Хорезма до северной Индии. С XII в. Газневидов сменила династия Гуридов с солдатами-тюрками из Центральной Азии, и Лахор стал плацдармом для покорения юга (6). Как и Бухару, Газневиды спланировали Лахор на Великом шёлковом пути. Он связывал Афганистан и Индию, пересекая город между воротами Дели и Таксали. От этой улицы у подножия цитадели IV–V вв., разбежались между городскими *гузарами* улицы на север и, в большинстве, на юг.

В 1294–1327 гг. столицу индусских племён Деогири (Гора Богов) тюркские султаны переименовали в Давлатабад (Обитель счастья). Следуя Ильханидским таблицам, составленным в обсерватории монгольской Мараги и, очевидно, следуя также таблицам самаркандской обсерватории Улугбека, его современник Феруз Шах Бахмани (1397–1422 гг.) проводил в обсерватории Давлатабада астрономические исследования (7). В результате, как воплощение возносящихся к Богу «девяти небес», Давлатабад вознёсся по горе девятью стенами: пять вокруг горы и четыре на ней. А спланирован он был как Бухара: под защитой цитадели и к востоку от неё. Расположенные на центральном перекрёстке мечеть Джамии XIV в. и Чанд Минар 1445 г. копировали мечеть и минарет Калян Бухары.

Гульбаргу основали в 1347 г. юго-восточнее Давлатабада, тоже повторив цитадель Бухары и, в километре на восток от неё, центральный перекрёсток города. Как и мавзолее Саманидов, некрополь династии Бахмани расположен к западу от цитадели. Как бухарская мечеть-мусалла Номозгох VIII–X вв., к северо-западу от цитадели расположена мечеть Шах Базар. И, как бухарский комплекс Бохоуддина Накшбанда (1318–1389 гг.), святыня Хазрат Гезу Дараз (1422 г.) расположена к северо-востоку от города (8).

В 1397 г. Лахор, без спопротивления, был взят отрядом войск Амира Темура. Отбывая из города, Темур назначил его правителем Хизар Хана. В 1414 г. Хизар Хан взойшёл на трон Дели и основал династию Сеидов. И с 1416–1421 гг. перестройка цитадели и стен города «положили начало ренессансу Лахора» (9).

В 1399 г. посещение Темуром Ферузабада, пятого города Дели, вдохновило в Деккане султана Феруз Шах Бахмани построить в 1399–1406 гг. собственный Ферузабад, тоже на реке для обороны и военных перевозок. Квадратный план города, две пересекающиеся улицы и цитадель на западе копировали Бухару. «Градостроительная модель тесно связана с темуридской традицией Средней Азии и, очевидно, отражает стремление к поддержанию связей с тем, что правящий класс Бахмани рассматривал как родину мусульманской традиции» (10). В Ферузабаде центральный перекрёсток Бухары впервые приблизили к цитадели так близко, что городу остались только два проспекта. Крест улиц как древняя метафора небес и цитадель над рекой как метафора дворцов над водами Рая стали ещё одной моделью праведного исламского города. Триумфом такой модели станет через два с половиной века Шахджананабад.

В 1411 г., Ахмадшах Гуджарата основал свою столицу Ахмадабад, повторив план декканского Ферузабада. Подобно практике градостроительства в Султании, Самарканде и Кеше, амиры построили 143 махалля Ахмадабада. Построенные Акбаром стены города 1582 г. защитили его от покорённых, но не заслуживавших доверия амиров. Этим Акбар следовал тому, какое внимание Амир Темур уделял стенам города: вначале штурмуя их, а затем укрепляя их для обороны.

В 1424 г. династия Бахмани переехала из Гульбарги в Бидар. Трёхэтажное *медресе* (1472–1482 гг.) премьер-министра Ходжа Махмуд Гавана «как будто прибыло сюда прямо из Регистана Самарканда» (11). «Архитектура *медресе* — безусловно темуридского характера» (12). Его *дарсхона* со сводами на пересекающихся арках возведены под прямым влиянием самаркандского *медресе* Улугбека (1417–1420 гг.), а минареты являются мужественным вариантом женственного Чанд Минора в Давлатабаде.

К юго-западу от Ферузабада, в 1490–1510 гг. город Биджапур с его цитаделью и перекрёстком в центре тоже скопировал Бухару. В 1570–1580 гг., радиальные улицы города направили к шести воротам его новой стены, как в Самарканде Темура. Затем, столица выросла на запад по прямой дороге к дворцам и садам знати и купцов, как в Бухаре XVI в.

Одил Шахи, правители Биджапура, самого могущественного из султанатов Деккана, балансировали свои искусства и архитектуру между Темуридами севера Индии и индусской империей Виджаянагара её юга. При этом они ориентировались и на Османскую Турцию, равно почитая в своей цитадели декканцев, арабов, персов, узбеков, черкесов, татар, грузин, и др. Османский гений Мимар Синан (1489/1490–1588 гг.) перенёс распор римско-византийского купола со стен на восемь колонн квадратного плана (в мечети Селимие в Эдирне, 1569–1575 гг.). Такой купол произошёл от покрытия тюркской юрты пересекающимися брусьями, — и этим Синан соединил тюркское наследие с римско-византийским. Новшество доставили в Биджапур для мавзолея Гол Гумбаз (1626–1660 гг.), — гигантской копии бухарского мавзолея Саманидов. До этого в Индии по мавзолею Саманидов были построены мавзолеи Гиё-

сиддина Туглака (1324 г., Дели) и Хушанг Шаха (около 1440 г., Манду). В Биджапуре вес пересекающихся арок направлен внутрь и этим гениально противодействует распылу купола. Купола Пантеона (118–128 гг., диаметр 43,2 м, круглый план) и Св. Петра (1547–1564 гг., диаметр 42 м, квадратный план) больше диаметра Гол Гумбаза (38 м), но последний покрывает большую площадь пола благодаря тюркским пересекающимся аркам. Вдохновлявшаяся турками мужественная архитектура Биджапура сохранила свою силу воздействия вплоть до XX в. Архитектура Дворца Правосудия (1646 г.) Мухаммада Одил Шаха вдохновила архитектора №1 XX в. Ле Корбюзье при создании Дворца Правосудия в столице Пенджаба городе Чандигарх (1952–1960 гг.) (13).

46

В 1548–1598 гг. император Акбар избрал Лахор столицей империи, расширил город на восток, охватив стеной из жжёного кирпича открытые территории, — так, как Темура охватил открытые территории стеной *хисара* Самарканда. Лахор состоял из 36 *гузаров*, из них 9 в стенах города. От центрального в городе участка Великого шёлкового пути ответвилось много улиц к городским воротам и они поляризовали застройку на *гузары* из *махалля* и с базарами (14).

47

Город Хайдарабад был основан в 1591 г. как открытый город без стен, вокруг четырёхчленённого сада Чор Чаман. К югу от сада с 1592 г. высится здание Чор Минор (Четыре минарета) с мечетью в нём в ознаменование победы над опустошившей штат чумой. К западу находится квартал знати — как в Бухаре и Биджапуре. Перекрёсток улиц Хайдарабада, как и Бухары, являлся метафорой небес, тогда как сад Чор Чаман символизировал Рай, обещанный Кораном для праведных. Городской сад Боги Дилкушо назван в честь знаменитого сада Темура в пригороде Самарканда.

Подытожим:

1. План Бухары с цитаделью и перекрёстком прямых улиц повторялся в городах Деккана, включая город Голконду 1512 г.

2. Названия цитаделей Балха, Бухары и Самарканда — Бола Хисар и Арк — повторены в цитаделях Гульбарги, Голконды и Биджапура.

3. Дистанция в 1 км от западных ворот цитадели до перекрёстка Бухары повторена в Гульбарге и Биджапуре.

4. Планы Бухары, Гульбарги и Биджапура имеют средний радиус 1,6 км.

5. Там, где в Бухаре была мечеть Калян VIII в., в аналогичном месте в Биджапуре построена мечеть Михтар Махал (15).

6. Комплекс Бохоуддина Накшбанда на северо-востоке Бухары повторен святыней Хазрат Гезу Дараз тоже на северо-востоке Гульбарги.

7. Правителей хоронили западнее цитаделей: Саманидов — в 1 км от цитадели за стеной Бухары IX–X вв.; первых султанов Гульбарги — в мавзолеях в 0,5 км от цитадели, и Ибрагима Одил Шаха — за стеной Биджапура в мавзолее в 1,5 км от цитадели.

8. Мечеть Шах Базар в Гульбарге и *Идгох* (открытая территория перед стеной *Мусалла-Номозгох*) в Биджапуре расположены к северо-западу от этих городов. *Идгох*, как правило, располагали за городской стеной, но в Биджапуре была скопирована Бухара, где ранние *Идгох* и *Мусалла-Номозгох* оказались внутри стены 849–850 гг. (16).

При всех этих впечатляющих примерах следования Бухаре, города Деккана долгое время оставались загадкой: «Как эти предприимчивые люди из далёкой Центральной Азии, некоторые с иранскими связями, пришли и установили свою власть в почти безлюдном регионе субконтинента, на плато Деккан, ещё предстоит тщательно выяснить» (17). Бухарцы составляли влиятельную религиозную и политическую фракцию во дворах Темуридов Индии и, с превращением Хайдарабада в оплот бухарских суннитов, его архитектура отозва-

лась в 1807 г. в самой Бухаре: её знаменитый Чор Минор, ворота в медресе Халифа Ниязкула, был построен этим преуспевающим купцом, курсировавшим, как и многие другие, между Бухарой и Декканом, неся товары и знания, в том числе и об архитектуре: «С незапамятных времён, торговцы и богачи привозили товары из Гуджарата и Малибара, но большей частью из Деккана» (18). Обратив тюркские города на запад к Мекке, Бухара Священная на протяжении XI–XVI вв. диктовала модель праведного города, размещение в нём зданий и комплексов, и их стиль, возвеличенный архитектурой Темура.

Из Италии и России в Индию

В 1474 г. в Кремле обрушился только что построенный Успенский собор, и Москва запросила у Рима итальянских зодчих для усовершенствования своей архитектуры. Когда в 1547 г. на трон возшёл Иван Грозный как преемник православных византийских царей, Москва возвестила себя Третьим Римом, и царь потребовал создать восьмипрестольный собор. Церковь Иоанна Предтечи (1547 г.) в Дьяково под Москвой в честь восхождения царя на трон и всемирно известный собор Покрова на Рву (1555–1560 гг.) на Красной Площади русские построили, учась у итальянцев. В итальянскую композицию от патриарха архитектуры Возрождения Антонио Аверлино ди Пьетро, прозванного Филарете, были введены атрибуты русской церкви.

Храм переживал спад и в Средней Азии. Суфийский орден Бохоуддина Накшбанда (1318–1389 гг.) отверг музыку и танцы ордена Ахмада Яссави (1103–1166 гг.). И потому в *хонаках* ордена Накшбандия, построенном в 1544–1545 гг. под Бухарой, от прежней типологии *хонаков* остался лишь коридор «правильного» пути. Он расположен на втором этаже и соединяет два восьмигранных ритуальных помещения на востоке и далее направляется сквозь южные помещения в западную часть *хонаков*. *Самохону* же для музыки и танцев заменила просторная мечеть в центре плана.

Итальянцы дали России найденный архитектором Филарете и важный для наступившей новой эпохи образ единения государства и религии, образ усиления светскости. Согласия государства и религии искал Абдуллахан II, объединяя вокруг Бухары враждовавшие уделы. Он активизировал контакты с Москвой, посланцы которой через Бухарию направлялись в Индию. В результате, влияние Рима и Москвы проявилось в совершенно новом типе *хонаков*, построенном Абдуллаханом II в 1558–1569 гг. для своего духовного наставника Косим Шайха в селении Кармана под Бухарой. Заимствованный от итальянского Ренессанса план с пятью частями трансформирован здесь, согласно исламскому принципу *чор* (четыре), выделением четырех угловых комнат, а не оси здания, как в Риме и Москве.

Индия этой переходной эпохи воспринимала от Средней Азии и традиционное и новаторское. Со времён Бабура здесь в почёте пребывали суфии Яссавии, построившие в 1565–1569 гг. в Агре 23-летнему императору Акбару дворец Джухонгири Махал по плану *хонаков* Яссави (1389–1399 гг.) в г. Туркестан. В эти же 1556–1565 гг. по новаторским фасадам Филарете и плану *хонаков* Абдуллахана II, в Дели с невиданным размахом был построен мавзолей Хумаюна, подтвердив тем самым принятие архитектуры Возрождения столицами России, Бухарии и Индии.

Так, в течение всего двух десятилетий в России, Бухарии и Индии царём Иваном Грозным, Абдуллаханом II и императором Акбаром были возведены новаторские национальные храмы — церковь Иоанна Предтечи, *хонаков* Косим Шайха и мавзолей Хумаюна. Этим трём государствам, католическое — то есть универсальное, с широкими вкусами и либеральное, — несло идею храма, обогатившуюся местными ценностями и строительными методами.

48

49

50

Поиски храма Бога завершились Тадж Махалом (1631–1648 гг.), геометрия которого довершила архитектуру оси Рим-Москва-Бухара-Дели. Тадж увенчал два века проникновения Ренессанса и Реформации в Россию-Бухарию-Индию. Своим парением над генеральным планом Тадж воплотил Божий трон, к которому веками стремились Темуриды. Чтобы организовать грандиозный сценарий Таджа согласно тюркской ориентации с юга на север, Шахджахан выкупил у Раджи Джай Сингха именно ту территорию, где Джамна совершает поворот, охватывая зелёные просторы противоположного берега. Театральный сценарий Таджа разворачивают: введение (ворота), развитие (сад), кульминация (мавзолей), и завершение (панорама простора Джамны).

51

Безупречность Тадж Махала возникла спустя два века после решения России обновить свою разваливавшуюся архитектуру с помощью итальянской бригады. Шахджахан был настолько привязан к плану Филарете, что применил его в 1638–1648 гг. для цитадели Шахджаханабада, а в 1641–1642 гг. воспроизвёл план Филарете в саду Шалимар г. Лахор.

А подобный созвездию план города Балха Темура вдохновил Шахджахана на строительство в XVII в. города Шахджаханабад, последней столицы Темуридов. План Балха символизировал вселенную Темура, поэтому в его центре Шахджахан расположил Имперскую Мечеть как ось от земли к небу, а ось цитадели упорядочил по образцам планов больницы Ospedale Мажжоре в Милане и дворца Эскориал в Мадриде.

52

В начале XVII в. в Иране, Средней Азии и Индии амбициозная архитектура Темура продолжалась в великолепных ансамблях новых центров Исфахана, Самарканда, Лахора. В их доминировавших зданиях было продолжено то, что начал Темура, выдвигая сельджукидскую мечеть вперёд, балансируя её план, и вознося порталы и минареты над городом. Гигантоманию, со временем, переняли для самовозвеличивания новые династии, как Сефевиды Ирана в их столице Исфахане для площади Майдани Шах с доминирующей на ней мечетью Масжида Шах (1612–1638 гг.). Глядя на это, и Самарканд решил возродить былую славу в новом ансамбле своего центра. В геометрическом центре *хисара* Темура обновился ансамбль площади Регистан: существовавшее *медресе* (1417–1420 гг.) Улугбека зеркально повторилось в *медресе* Шер Дор (1619–1636 гг.), и оба они были объединены мечетью-*медресе* Тилля Кори (1647–1660 гг.). В этих красивейших из площадей мира апофеоз мечети стал градостроительной нормой.

Градостроительная демонстрация достоинства достигла пика с 1638 г. в Шахджаханабаде — новом городе Дели, седьмом после его городов Кила Райпитора, Сири, Туглукабад, Джанонпанох, Котла Феруз Шах и Пурана Кила. План столицы Шахджахана строго определён императором, исходя из его собственной династийной судьбы. Шахджахана, привыкшего выставлять абсолютное превосходство своей персоны, сильнее всего тянуло к городу Балху, тогдашней столице одноимённой провинции Узбекского ханства. Балх всегда величали царским, и при Темуре он был спланирован на удивление в виде звезды с **восемью** секторами в восьмигранной конфигурации городских стен. Темуриды Индии рассматривали Балх в качестве порога их прародины Средней Азии. Поэтому, прокламируя себя Вторым в созвездии Темуридов, Шахджахан повторил план Балха Темура в Шахджаханабаде.

В Балхе, от цитадели Кала-и-Хиндуван (Индийская Цитадель) дорога на юг ведёт к городской стене времён Кушан и далее, сквозь расположенные в них ворота Хиндуван (Ворота Индии), направляется мимо колонии индийских торговцев в их страну. Шахджахан для начала подружился с послом Балха. Затем, он воспользовался раздорами вокруг трона Бухары с тем, чтобы вмешаться в дела Мовароуннахра. И наконец, в мае 1646 г., он благословил другого своего сына принца Мурад Бахша, — вместе с многоопытным правителем и ин-

женером Али Мардон Ханом, 50-тысячной конницей и 10-тысячной пехотой, — завоевать Балх. Войдя в июле в Балх, правители которого бежали в Иран, Мурад Бахш заболел и, не запрашивая отцовского разрешения, вернулся в Индию. На его замену Шахджахан направил, в январе следующего года, двух других сыновей, Аурангзеба и Шаха Шуджу. Аурангзев вошёл в Балх, но его борьба с многочисленными и воинственными узбеками затянулась, он потерпел поражение и, после долгих переговоров, армия отступила в Кабул.

Шахджахан рассматривал Балх в качестве духовного центра династии Темуридов, связывая с ним свои надежды на темуридское и исламское возрождение.

Задуманный как центр мира, Шахджиханабад произошёл от плана Балха, олицетворявшего вселенную следующим образом: семь секторов его плана являли семь планет (Луну, Солнце, Меркурий, Венеру, Марс, Юпитер и Сатурн) и, вместе с цитаделью правителя в восьмом секторе, они окружали центр — символ планеты Земля (1). План восьмигранного города по Витрувию, римскому архитектору и инженеру I в. до н.э., был заново открыт в Италии Ренессанса, и затем распространился от Средиземноморья до Средней Азии, являвшихся «регионами образованных людей вплоть до конца XV в.» (2). Темуриды продолжали следить за духовными идеалами Европы периодов Ренессанса и Реформации, чтобы лучшим образом использовать их. В Средней Азии 1368 г. восьмигранным стал Балх, и по Балху был построен Шахджиханабад (1638–1648 гг.). Конфигурация плана Балха была повторена как созвездие в Шахджиханабаде его стеной 6-километровой длины, 8-метровой высоты, 3,5-метровой толщины, и с 27 башнями. Башни городской стены, обычно восьмигранные и потому называемые *мусамман*, символизировали связь с небесами. Их называют и словом *бурдж*, что значит созвездие. Оба города занимают только четыре сектора восьмигранника между его северо-западным и юго-восточным радиусами, и к этим радиусам добавлены территории нерегулярной конфигурации. Добавленные территории на юге довольно похожи. Для Шахджиханабада скопированы даже такие детали плана Балха, как симметричное положение городских ворот в южной стене и их асимметричное положение в западной стене. Шахджиханабад превзошёл размеры Балха ввиду своего большего — в 1,4 раза — радиуса.

Обратимся теперь к имперской Джума Мечети, которая находится, вопреки установленным традициям, в лабиринте жилых кварталов и базаров Шахджиханабада. Такое необычное размещение тоже находит своё логически ясное объяснение из сопоставления с Балхом. Радиально-концентрической системе улиц Балха Шахджахан предпочёл иную, которая сложилась в спланированных тюрками городах Индии, а именно: только две прямые взаимоперпендикулярные дороги, сходящиеся у цитадели. Таким стал в Деккане план города Ферузабад, вдохновленного походом Темура в Индию. Поэтому, внутри звёздной конфигурации стен Балха Шахджахан распланировал свою столицу с двумя церемональными дорогами к цитадели. То есть, произошёл союз двух городов, связанных с именем Темура, и эти два города произвели Шахджиханабад: Балх + Ферузабад = Шахджиханабад. Не приняв радиально-концентрическую планировку Балха, император, однако, принял местоположение центра его плана. И там, где центр Балха символизировал место оси от Земли к Богу, Шахджахан построил имперскую Джума Мечеть. Многовековое и всеобщее забвение значения Балха и смысла его плана привело к тому, что Джума Мечеть Шахджихана воспринималась странно потерянной в неразберихе городской застройки. На самом же деле, это было продуманное расположение, которым проницательный император намеревался отметить возрождённую ось Темуридов к Богу в этой столице мира, где Земному следовало встречаться с Небесным.

Цивилизацию, на заре человечества зародившуюся в лоне Бактрии, Шахджахан обратил к её истоку, чтобы возродить в новом качестве.

XV–XIX вв.

РОСТ ГОРОДОВ УЗБЕКИСТАНА

Обновление Средней Азии началось с новой, с 1450 г., историей мира. Империю Темура сменило узбекское государство Шейбанидов и до установления российской и советской империй оставалось четыре века. В этот межимперский период XV–XIX вв. вместе с новой историей зачиналась и новая архитектура Узбекистана.

Начало межимперского периода города встретили с уже ¹воздействовавшими на них чертами градостроительства итальянского Возрождения. Города Балх и Самарканд зримо выделились из типологии градостроительства Средней Азии, поскольку были спланированы Темуридами согласно идеальному городу древнеримского зодчего Витрувия и колыбели Возрождения Флоренции. На севере, востоке и юге территории *хисара* Самарканда Амира Темура, в радиусе 700 метров от Регистана, концентрировались квартальные центры. Вслед за Самаркандом вырос и Герат Хусайна Байкары и Алишера Навои. Во второй половине XV в. Герат уплотнился, и над его центральным перекрёстком возвели торгово-купольное строение Чор Су. Жизнь выплеснулась за квадрат его стен на север, где вдоль канала Инджиль формировался пригород с девятью садами, дворцами, мечетями, *медресе*, *хонакох*, банями, больницами.

53

От центрального перекрёстка *шахристана* Бухары в радиусе 700 метров к югу, то есть за стеной *рабата* X в. (1, 2, 3), формировалась длинная улица оживлённых кварталов. В Ташкенте тоже в 700 метрах к северу от центрального базара и тоже за стеной *рабата* X в. формировался культовый центр Хазрати Имом. То были времена экспансии тюркских городов и государств, и города, поэтому, вырастали. Тюрки мигрировали на запад, формируя там мощные пригороды, как на северо-востоке города Халеб (Алеппо), который обогнал столицу Дамаск и стал в XIII в. первым городом Сирии (4). Халебский пригород процветал своими базарами тоже в радиусе 700 метров от центра города. Так, вырвавшиеся из раннеисламского *рабата* города XV–XIX вв. формировались в стандартном пешеходном параметре 700 м. Это хорошо видно и в городе Худжанд. Его цитадель возвели над берегом Сырдарьи в 1500 метрах от изгиба её русла на западе. А рос город на юг вдоль караванных путей и на восток вверх по течению Сырдарьи, превысив 1500 метров. Махаллинские и гузарные центры Худжанда на западе расположены в 700 метрах от цитадели, а на юге и востоке всё более превышали это расстояние по причине роста города. Все эти центры, как и в других городах, объединены здесь концентрическими улицами (Нариманова на западе, Озоди на юге и Джурь Зокирова на востоке) (5).

54

В XVI в. столица Шейбанидов Бухара возвела над своим геометрическим центром, по примеру Герата, торговый купол Токи Заргарон. В Самарканде же центром стал ансамбль площади Регистан 1417–1660 гг. О Самарканде начала XVI в. Захириддин Мухаммад Бабур писал: «У каждого промысла свой отдельный базар и они не смешиваются друг с другом». В базарах Бухары тоже «у каждого ремесла своё место и свой рынок», — писал в 1558 г. английский коммерсант и дипломат Энтони Дженкинсон. Бухара — как прежде Балх и Самарканд — имела внутренний-*дарун* и внешний-*берун*: бухарский Чор Су, то есть Токи Заргарон, находился в *даруни шахр*, а улица Саррофон в *бируни шахр*, — отмечал Бадриддин Кашмири (6). Э. Дженкинсон нашёл Бухару «окружённой высокой землёй стеной с раз-

55

личными воротами и разделённой на три части: две из них принадлежат королю, а третья отведена купцам и рынкам». Очевидно, что первые две части — это Арк с *шахристаном*, расширенным до западной стены 1540–1598 гг. Третья же часть — это кварталы южнее *шахристана*. Этим Э. Дженкинсон подметил усложнение города в связи с его классовым делением. *Шахристан* остался ядром Бухары, что и было заявлено возведением Токи Заргарон, и от него город значительно вырос на запад до 2000 метров и на юг.

А концентрическая улица в радиусе 700 метров к югу от Токи Заргарон стала планировочной осью кварталов в третьей, по Э. Дженкинсону, части города, «отведённой купцам и рынкам». Её западный квартал Гозиён славился как центр мусульманского образования. Средний квартал Турки Джанди с древними святынями кладбища принадлежал ремесленникам и торговцам. В восточном же квартале Эшони Пир жили и трудились обращённые в мусульманство евреи-*чала*, красильщики и кожевники. Эту протяжённую улицу, из-за её внутриквартального характера, зачастую не показывают на планах города. Между тем вдоль неё размещались 10 мечетей, 7 *медресе*, *хонакох*, синагога, баня-*хаммом*, *сардоба*, 2 кладбища, и цех с печами по обжигу ганча. И сегодня на ней функционируют 5 общегородских учреждений, 4 торговых и 2 культурных, а также гостиница. Жилые дома средней части улицы, как показали обследования 2010 г., не представляют интереса, тогда как на западе сохранились заслуживающие сохранения жилые дома, а наиболее ценные сосредоточены на её востоке: близ Лабии Ховуза и направления роста города на восток.

Последовав темуридскому Герату, за внешним *рабатом* Ташкента XVI в. распланировали «Сад Кейкавус» с планировочной осью, как и в Бухаре, по концентрическим улицам. И на безлюдных пустырях культового центра Хазрати Имом, вдоль берегов арыка Калковуз, возникло «место трона великих султанов» и летних резиденций правителей Ташкента, где зашумели, как и в пригородных садах Герата, учёные междисциплинарные диспуты, пирами и увеселениями. Для этого из Герата ко двору правившего Ташкентским уделом дяди Шейбани Хана Суюнидж Хана, — прибыл поэт Зайниддин Васифи. Мавзолее умершего в 1525 г. Хана возвели в 1528–1529 гг. и изразцовую надпись от поэта установили на нём в 1531–1532 гг. (7, 8).

Пригородные центры духовности обновлялись, глядя на новое в мире, и заимствуя модель архитектуры итальянского Возрождения. В XV в. Антонио Аверлино ди Пьетро (Филарете) создал план, по которому впоследствии Леонардо да Винчи нарисовал центрический храм. Он и стал символом важной для эпохи идеи единства государства и религии. В Ташкенте по такому плану в 1480–1490 гг. построили мавзолее правителя города Юнус Хана, в XVI в. — мавзолее Суюнидж Хана (вошедший в *медресе* Барак Хана, кульминацию комплекса Хазрати Имом), и также — мавзолее Зайниддина Бобо и Каффала Шоиши. В 1547 г. в Москве по плану Филарете итальянские архитекторы построили церковь Иоанна Предтечи. В донесении плана Филарете и в Среднюю Азию и в Россию посредничала Турция: через Стамбул план достиг Москвы (9), а до этого — и строителей мавзолей Юнус Хана: ведь и его внуку, Захириддину Мухаммаду Бабуру, артиллерия из Турции обеспечила победу в решающей битве в Индии. А в 1558–1559 гг. бухарскому Абдуллахану II, искавшему сближения с Россией, по итальянскому плану возвели мавзолее-*хонакох* Косим Шайха, его духовного наставника.

Таким образом, итальянские связи проявились в XIV–XV вв. в восьмигранной планировке Балха Амиром Темуром (с 1370 г.) и его сыном Шахрухом (в 1447 г.), в планировке Самарканда по плану Флоренции Амиром Темуром (в 1370–1404 гг.) (10), а в XVI в. эти связи продолжились видными личностями истории Узбекистана для совершенствования архитектуры центров новой духовности.

По темуридским садам Герата родившийся в этом городе в 1571 г. правитель Сефевидов Шах Аббас создал садовую эспланаду Шахар Баг своей столицы Исфахана XVI–XVII вв. Исфахан на протяжении веков формировался дистанцией 1500 метров. Начало городу положило в V–VI вв. еврейское поселение Яхудия, в 1500 метрах южнее которого возникло укрепленное поселение-кёшк местных дехкан Кале Табарак. В центре Яхудия образовалась площадь Мейдани Кадим, и от неё на 1500 метров разросся город. В 1612–1638 гг. на его юго-западе Шах Аббас возвёл площадь Мейдани Шах, и западнее — Шахар Баг. Одновременно, на северо-запад, в радиусе 1500 метров, разрослась иррегулярная застройка. С востока и с запада от Шахар Баг — тоже на 1500 метров — пролегла дорога в Шираз, и образовался регулярно спланированный район.

59

Так, в XV–XVII вв. вырастал из *шахристана*, двустенного *рабата*, и с учётом идеалов итальянского Возрождения, новый тип города. За его стенами возникли новые центры с резервированными для их развития землями. В результате влияния темуридских традиций Герата и проникновения дипломатии и культуры Италии и России застройку городов соединяли торговые купольные сооружения над перекрёстками и ансамбли *кош*; центры политики, религии и культуры перемещались в крупные пригороды с новаторскими типами зданий; и наконец, назрела следующая модель выращивания пригородов. В пределах пешеходного радиуса 1500 метров внутриквартальные улицы трассировались параллельно городским радиальным направлениям, как это имело место на северо-востоке, востоке и юге плана Самарканда Амира Темура: на радиальной Пенджикентской улице мечети Ёмини XV в. и Мирзо Пулод XIX в. обращены в тихие внутриквартальные улицы. Концентрические же улицы с центрами кварталов трассировались в радиусе 700 метров от городских центров. В радиусе 700 метров располагались: половина общественных зданий Исфахана XV в., большинство базаров Халеба и квартальных центров Самарканда, а также концентрические квартальные улочки Ташкента такие, как нынешние: тупик 9 Заркайнар, Олча, Харакат. В этих 700 метрах сохранился истинно местный внутригородской быт. Бухарская улица в радиусе 700 метров к югу от торгового купола Токи Заргарон тоже внутриквартальная и дублирует главную городскую улицу. Так кварталы обособлялись от разраставшегося и становящегося шумным города. Кварталы же пригородов становились центрами духовно обновлявшейся жизни.

60

Рост городов XV–XVII вв. наиболее чётко завершился в Хиве XVIII–XIX вв. План 1740 г. российского топографа Назимова зафиксировал прямоугольник *шахристана* Ичан Калы с её центральной дорогой от ворот на востоке к цитадели на западе. С образованием с 1763 г. Бухарского, Кокандского и Хивинского ханств торговля с Россией укрепила Хорезм, развил и градостроительство Хивы. На плане Базинера 1842 г. мы видим *шахристан* Ичан Калы уже выросшим на север и юг, а разросшимся на восток, север и особенно запад пригороды и сады *рабата* Дишан Кала — обнесёнными стеной с десятью воротами. То есть русские фиксировали попеременные широтные и меридиональные направления роста Хивы. Вот почему в этом процессе Ичан Кала не копировала прямоугольные индо-иранские города, как полагают зарубежные исследователи (11). — Ичан Кала сформировалась в результате процесса постепенного, как мы видели, роста, характерного для городов Узбекистана XV–XIX вв. Дишан Кала выросла от центра на запад по примеру Бухары на 2500 метров.

61

Расширившись двумя этапами на запад, Бухара потом, вплоть до XIX в. колонизации Россией, росла на восток, — отсюда предприимчивые бухарцы отправлялись в Россию и Индию. Оживлённый рост Бухары на восток усилился с прокладкой русскими железной дороги. Вдоль канала Шахруд, от мечети Кукалахурд (XVI в.) в восточном направлении,

возник целый ряд чарующих своей миниатюрностью строений: *медресе Домулло Хасан* (XIX в.), *мечеть Ойбинок* (XVIII–XIX в.), *медресе Иброхим Охунд* (XIX в.), *медресе Истега* (XIX в.), *медресе Саид Камол Бий* (XIX в.), *медресе Аттор* (XIX в.). Вплоть до XIX в. в Бухаре градостроительного плана не было, но пешеходность разраставшегося города контролировалась отцами города: широтным диаметром между городскими стенами (12).

В Ташкенте конца XVI в. стену внешнего *рабата* перенесли на север за арык Калковуз. Ташкент вырос также и на восток: за канал Анхор была перенесена к 1800 г. городская стена. Здесь в 1810 г. кокандские правители города построили крепость Урду, и в 1850-е гг. они реконструировали комплекс Хазрати Имом (13).

В росте городов в эти межимперские XV–XIX вв. проявились закономерности сохранения пешеходных параметров. С древнейших времён города Евразийского коридора формировались в пределах пешеходных параметров, в которых проявилась саморегуляция — неписанные правила 10–15-минутной временной нормы движения пешком и, как подтвердится в XX в., на транспорте тоже (14). Пешком — это 1200–1500 метров. В 10–15-минутной норме ходьбы и езды исследователь транспортных систем Дж. Мани (США) видел свойственное биологии человека самоограничение, существовавшее всегда по мере перехода людей от пеших к обновлявшимся видам передвижений (15).

Временная норма пешеходного движения особо важна для городов в условиях сухого жаркого климата. Пространства мусульманских городов Азии формировались как защита от природы, в противопоставлении экстремальному климату, в соприкосновении зданий, и изолированное здесь значило ущербное. Пространства же христианских городов Европы формировались как раскрытие к природе, она просматривалась между зданиями (понятие *прозор* на Руси произошло от законодательства Византии о виде, открывающемся из здания), и изолированное здесь значило также пожаробезопасное. Плотность и разьединённость застройки в этих двух климатах и культурах определила и разницу в радиусах их исторических городов, расположенных вдоль Великого шёлкового пути. Этот фактор был превыше остальных в формировании городов. Так, тюркский этнос, перемещаясь с XI в. из Центральной Азии в Азию Малую, приспособлялся к тамошнему влажному климату и перешёл от непрерывной морфологии города к прерывной из изолированных зданий. Поэтому здания Стамбула на османской миниатюре XVIII в. и на фотографии X. Проста 1940 г. демонстрируют этот второй тип морфологии, который турки приняли в тех краях с новым для них климатом.

Обращение к планировочным закономерностям пешеходных параметров стало в XX–XXI вв. характерным для нового градостроительства — автомобилизованного и теряющего масштабы человеческих пространств. Поэтому и поныне таким сильным остаётся стремление понять и применять эту первопричину своеобразия исторических городов.

XIX–XX вв.

ИЗМЕНЕНИЯ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

Новые города Туркестанского края рубежа XIX–XX вв. стали существенным изменением в эволюции российских городов. Российские зодчие приспособляли европейские градостроительные модели и архитектурные образцы применительно к условиям края. Первые города имели шахматный, а затем и распространившийся в мировом градостроительстве с XIX вв. радиально-кольцевой план. Первый тип плана являлся со времён античности военным, но в Туркестанском крае таким стал и романтический второй тип плана. Русский город планировался сначала

внутри крепостных стен, затем раскрепостился и стал расти. В Ташкенте он вырос, согласно градостроительной закономерности, до выясненного нами по предыдущему разделу пешеходного радиуса 1500 м. Застраивались же города в тогдашних архитектурных стилях, архаичных и новаторских. Русские искали решений зданий, могущих облегчить жизнь в местном климате, и их находки затем были использованы при становлении здесь социалистической архитектуры.

Многогранные города-крепости, с шахматными улицами или радиальными, были приспособлены французским инженером Себастьяном Вобаном для грозного оружия XVI в. — артиллерии. Трактат С. Вобана «Истинный способ укрепления городов» Петр I издал в России, а в 1717 г. соотечественника С. Вобана пригласили проектировать Петербург, и Ж.-Б. Леблон спланировал новую столицу в овале стен и по древнерусской градостроительной традиции: на мысу между реками Большая и Малая Нева (1). Крепостной овал происходил от плана древнего Рима радиусом 2588 метров, где от ворот в город вели улицы-лучи, согласно Плинию Старшему (73 г. нашей эры) (2). Такие улицы-лучи Рима во второй половине XVII в. «Король-Солнце» Людовик XIV направил от своего Версальского дворца в прилегающий парк и к Парижу. Это то сводобу лучевой планировки, а не ограничивавший овал плана Ж.-Б. Леблona и предпочли русские, душе которых простор роднее пространства. И в 1737 г. архитектор П. Еропкин спланировал Петербург как Версаль: с расходящимися от Петропавловской крепости тремя лучами-проспектами. Их направили к Москве в качестве каркаса для роста московской стороны Петербурга. Пример Петербурга повторили в Воронеже, Твери, Ярославле и других городах 1763–1778 гг.: их трёхлучие разошлось от гражданского центра в сторону крепости. Однако Россия, «прираставшая Сибирью», стала строить на её просторах города уже под защитой крепости, и потому именно от неё разошлись улицы Омска, Тюмени, и других городов: для контроля и, при необходимости, для обстрела. Крепости с улицами-лучами и были привнесены затем в Туркестанский край.

Сонную тишину колониального Ташкента нарушали редкие повозки, но в Европе и Америке транспорт уже расpirал города, побуждая искать новые для них планировки. В целях предотвращения планировочного взрыва Лондона, в 1898 г. английский экономист Эбенезер Говард изложил «Мирный путь к реальной реформе» в своей так и названной книге. Переполненным столицам Говард предложил строить города-сады на окраинных железнодорожных и автомобильных направлениях. Города-сады он рисовал круглыми или 6–8-гранными. Впоследствии из 8-гранников спланировали столицу Австралии Канберру (1908 г., Э. Гриффин), а из 6-гранников — центр столицы Индии Новый Дели (1913 г., Э. Лаченс) и автомобильную столицу США город Детройт. 6–8-гранники имели тот же пешеходный радиус до 1500 метров с остановками транспорта в центрах или на периферии. Похожими на эти многогранники улицами-лучами с 1853 г. был реконструирован Париж его градоначальником Ж. Османом. Водители транспорта, однако, путались на многолучевых перекрестках как в мышеловке (3). Поэтому от экспериментов с многогранниками вернулись к античной шахматной планировке. Её преимущество в США объяснили так: «Осмыслить пересечение более двух путей трудно, только простая система улиц даёт понятный образ города» (4). Лучи концентрируют пешехода относительно определённого места, тогда как решётка высвобождает транспорт города.

Со взятием Россией Ташкента в 1865 г. возвышенность на берегу канала Анхор стала крепостью, и её вал с тремя воротами и казармами внутри завершили уже к концу года. На генеральном плане, исполненном штабс-капитаном Писаревским, надписано: «Подвести улицы русского города под выстрелы цитадели». Для этого от южного бастиона крепости были распланированы радиальные улицы кварталов русского города, тоже обнесённого

66 стенами с шестью бастиями (5). Контроль и нового русского города, и соседнего с ним местного города был политическим приоритетом, и градостроительство служило этому. Вместо нового русского города южнее крепости, к её северо-востоку, стало расти, по плану М. Н. Колесникова, поселение шахматной планировки, как на казахско-киргизском севере. Пять лет понадобилось российским властям для осознания первостепенности Ташкента, и в 1870 г. гражданский инженер А. В. Макаров торжественно спланировал город как центр Туркестанского края Российской империи в виде обращённой на восток половины радиально-секторного 12-гранника. Так, в XVIII–XIX вв., когда Хива попеременно выростала внутри своих городских стен, в Петербурге Ж. -Б. Леблон 1717 г. и в Ташкенте штабс-капитана Писаревского 1865 г. замкнутый в крепостных стенах город был отвергнут, и он стал вырастать, воспроизводя модель города-сада.

67 Сравнение русского города Акмолинска (спроектирован в 1862–1866 гг., ныне казахстанская столица Астана) с Ташкентом показывает общее и особенное в планах новых городов Туркестанского края. Как и в Акмолинске, в Ташкенте русская крепость тыльной стороной обращена к реке, а бастиями — в сторону защищаемого русского города. В Ташкенте не приняли замкнутый в крепостных стенах город, и поначалу повторили шахматную планировку казахстанского города. Осознав затем необходимость контроля русского города, его спланировали опять радиально-кольцевым, но уже без крепостных стен и намного большим. Выводы из планировки русского города Ташкента были учтены в Самарканде, где цитадель Темура стала крепостью посреди двух городов — темуровского и нового русского.

68 Замышлявшиеся для обстрела крепости и улицы новых городов быстро утратили военную цель, уступая место гражданским приоритетам. Улица в старый город становилась хозяйственной артерией: по ней поставлялось сырьё к строившейся железной дороге в метрополию. К скверу в центре радиально-кольцевого плана добавились три площади: военная, торговая, церковная. Церковью в 1897 г. отметили и границу города. Церковь Сергия Радонежского (1897 г., Н. Латышев, Шапошников, Л. Киселёв) на самой высокой отметке ташкентского Лагерного проспекта (позже улица Пушкинская, ныне Мустакиллик) построили в 1500 метрах от центрального Кауфманского сквера. Она стала ориентиром в лучевых улицах нового города. Строительством церкви (снесена в 1934 г.) завершилась эволюция заимствованного из Европы радиально-кольцевого плана города в пределах пешеходного радиуса 1500 м.

69 Европа и Россия той эпохи воспринимали Восток через культуры арабской Испании и Византии, что и выразилось в причудливом так называемом мавританском стиле архитектуры. Он вдохновлял зодчих колониального периода, поскольку при очевидном упадке российской архитектуры рубежа XIX–XX вв. позволял оживить её экзотикой Востока. В Туркестане колониальная администрация и местная знать обогащали этот стиль местными мотивами. В кинотеатр Хива (1910 г., Г. М. Сваричевский) входили с перекрестка Соборного и Романовского проспектов нового Ташкента. П-образное, вокруг зрительного зала, фойе украшали картины диких тропических пейзажей. Зрительный же зал украшали картины В. В. Верещагина о хивинском походе русских войск; занавес изображал парад победителей на главной хивинской площади, а карниз — штыки и казацкие шашки. Вход в кинотеатр напоминал хивинские ворота Пахлаван Дарваза, а зубчатые завершения стен — тамошний ханский дворец Таш Хаули.

Вместе с мишурой мавританского стиля Европа и Россия учились у современной им Испании новаторской трактовке конструкций готического стиля. Так, в 1888–1890 гг. вы-

дающийся архитектор Барселоны Антонио Гауди построил Колледж сестёр Святой Терезы с параболическими арками, новаторскими для готического стиля здания. Точный профиль арки А. Гауди определял, подвесив между точками опоры цепь, параболическую линию которой он затем выстраивал симметрично наверху. Два десятилетия спустя, в 1912 г., в новом городе Ташкента Г. М. Сваричевский построил схожее по стилю здание Второй женской гимназии. Прямоугольник здания с выступающим из фасада вертикальным корпусом главного входа и балконом над ним, параболические арки проёмов, — всё исполнено по А. Гауди. То есть, новый Ташкент застраивался зданиями, типологически, конструктивно и стилистически не уступавшими тогдашней Европе. В 2003 г. здание гимназии реставрировано для Ташкентского международного Вестминстерского университета.

Новый город в градостроительном и архитектурном отношении занимал всё более активную позицию по отношению к старому. Вслед за организуемыми в нём ярмарками местные торговцы, в силу необходимости связей с русскими купцами и промышленниками, принимали их у себя и для этого заказывали отделку своих строений русским столярам и малярам. Узбекские же строители, работая в русских частях городов под руководством тамошних инженеров и архитекторов, осваивали новые строительно-технические приёмы. Мастера резьбы по ганчу, керамике или орнаментальной живописи, оформляя здания русских зодчих, приобретали новые художественные приёмы, которые затем применяли в своих постройках. При этом народные мастера теряли свою прежнюю роль строителя-универсала, превращаясь в отделочников, поскольку их сменяли получившие новое образование гражданские и военные инженеры, работавшие при колониальных учреждениях и строительных управлениях. Градостроительство и архитектура отныне определялись новыми специалистами европейского образования.

Гражданское и военное строительство в Туркестанском крае поначалу велось Военно-инженерным управлением при штабе войск, а с 1871 г. — Строительно-дорожной комиссией с военным инженером и архитектором И. А. Лехановым. С 1877 г. строительство вели отделения областных управлений под контролем Строительного комитета при Канцелярии генерал-губернатора края. Комитет затем заменили чиновником по особым поручениям, и с 1887 г. им стал гражданский инженер В. С. Гейнцельман, которого в 1908 г. сменил гражданский инженер Г. М. Сваричевский. Множившиеся кирпичные заводы обеспечили возведение конструктивно строгих и сейсмостойких, со сдержанным декором, зданий в так называемом кирпичном стиле. С 1905 г. применялся железобетон, и В. С. Гейнцельман отметил его надёжность в случае землетрясений (6).

По последствиям разрушительного землетрясения 1902 г. в Андижане Комиссия Туркестанского отделения Технического общества выработала правила постройки «массивных казённых зданий в Андижане и проект постройки зданий в землетрясительных районах». Главное внимание правила уделили доброкачественности, прочности и соблюдению определённых пропорций и размеров частей зданий. Они рекомендовали придавать плану компактную и, по возможности, квадратную форму, усиливая перекрытия металлическими и железобетонными конструкциями. Такие поиски рационального строительства были близки проникавшему в край стилю модерн с его стремлением к органичности функции, конструкции и формы. В проекте Торгово-промышленного музея в Ташкенте (1915 г.) Г. М. Сваричевский пошёл дальше этих рекомендаций и применил не квадратный, а наиболее оптимальный для сейсмических районов круглый план. Семь этажей куполообразного музея раскрыты большими оконными проёмами благодаря мощным железобетонным ребрам и металлическим переплёткам. Торгово-промышленный музей явил новую концепцию архитектуры, вызванной возможностями наступившей эпохи и могущей быть реализован-

ной уже в ближайшем будущем. Поэтому к проекту 1915 г. Г. М. Сваричевский возвратился в условиях становления социалистической архитектуры в проекте Музея искусств (1920 г.) и далее в жилых домах для рабочих «Скорострой» (1925 г.) и «Полушарие» (начало 1930-х гг.).

В новых городах выработались и принципы установки памятников царизму, православию, процессу завоевания и памяти павших. Сначала возникли небольшие часовни и памятные сооружения, ставшие затем частью композиционного порядка улиц, перекрёстков, площадей или парков городов, и уже потом были созданы крупные монументы, идейно наполнявшие городские центры.

Ташкент привлекал царские власти и русское купечество со времён Ивана Грозного, а с первой половины XVIII в. сюда устремлялись политические, торговые и научные миссии. В свою очередь дипломатические посланники ташкентских правителей посещали Россию. С 1865 г. 100-тысячный Ташкент стал главным городом Туркестанского края. В 1908 г. старый город насчитывал 141047, новый — 50413, всего 191460 человек. В 1912 г. в городе проживало 253281 человек. Городскими архитекторами Ташкента были А. В. Макаров, Н. Ф. Ульянов, Е. П. Дубровин, Г. М. Сваричевский, Г. П. Эпель, К. М. Тильтин, И. А. Маркевич. Озеленением, поныне поражающим приезжих, новый Ташкент обязан ирригатору Н. Ф. Ульянову, Самарканд — А. Н. Чернявскому, Новый Маргилан — И. П. Саковичу и Синклеру (7).

Часовня у ворот Камолон старого Ташкента возведена по проекту инженера Н. Ф. Ульянова в память павшим при штурме города в 1865 г. Об этом сообщали надписи на каменных плитах при входе и на металлической плите внутри часовни. Кубообразное помещение часовни обрамлено по сторонам мощными арками на приземистых колоннах и увенчано двумя, один над другим, шатрами с разделяющим их поясом арок на колоннах, — композиция напоминает Сенатскую башню Московского Кремля.

Территория нового Ташкента с крепостью, широкими эспланадами и большими участками военных казарм и складов первоначально не превышала 242 га. На углу Самаркандской и Махрамской улиц (ныне это место Выставочного зала Союза художников Узбекистана) располагался принадлежавший генералу М. Г. Черняеву домик, и здесь на небольшом прямоугольном пьедестале был установлен бюст генерала. После заселения этой части города в 1870 г. военный инженер А. В. Макаров разработал его план между арыками Чаули и Салар, и эта часть города застраивалась с 1875 г. В 1909 г. город перерос план 1870 г. кривыми и узкими переулками бедноты из соседних стран и России.

Воскресенский рынок (ныне Театральная площадь) был центральным, иззатённые галереи торговых сооружений по его периметру повторяли гостиные дворы российских городов. Поныне между театром имени А. Навои и Центральным универсальным магазином сохранился пассаж братьев Яшевых, компактное двухэтажное здание торговых и служебных помещений вокруг внутреннего двора. На западе города при Белом доме (1866 г.) были Соборная площадь и резиденция генерал-губернатора Туркестанского края. Дом в 1877 и 1883–1884 гг. перестраивался, предположительно архитектором А. Л. Бенуа. На Соборной площади высились романо-византийского стиля Спасо-Преображенский собор и колокольня (1888 г., А. И. Резанов, И. М. Погосский, В. С. Гейнцельман). К востоку от Соборной площади, через квартал, на небольшой площади была построенная в 1868 г. из сырцового кирпича самая старая в Ташкенте церковь Св. Иосифа и Георгия. В 1877 г. к ней пристроили боковые террасы, а к отдельно стоявшей колокольне — крытый переход. Вторым, после Спасо-Преображенского собора, крупным зданием города стал особняк опального князя Николая Константиновича (1889–1890 гг., проект А. Л. Бенуа, строительство В. С. Гейнцельмана) — построенное в саду подобие европейского охотничьего дома. Соборный (ныне Сайилгох) и Московский (ныне Амира Темура) проспекты были главными в городе и пересекались на центральной Константиновской площади (ныне сквер Амира

Темура). На площади по обеим сторонам Соборного проспекта построены здания мужской и женской гимназий (1878–1883 гг., инженер Янчевский, ныне Юридический институт). В центре площади-сквера (проект Н. Ф. Ульянова 1883 г.) в 1913 году установлен самый крупный в Туркестанском крае памятник генералу К. П. фон Кауфману и его войскам (проект военного инженера Н. Г. Шлейфера, строительство Г. М. Сваричевского). На высоком бетонном пьедестале, стилизованном под полуразрушенную башню старых оборонительных сооружений, стояли три бронзовые фигуры — самого генерала с саблей в руке и в позе победителя, воздвигавшего знамя солдата и другого, трубившего отбой. Скульптура внизу изображала терзавшего змею орла. Памятник демонстрировал милитаристскую сущность царской завоевательной политики. Через дорогу, на пересечении аллеи Городского сада (ныне сад Хокимията), стоял памятник Русскому солдату (скульптор М. Ф. Микешин). Над кубом его стилобата высилась руина некоей башни, и скульптура на ней изображала устанавливавшего знамя солдата; по сторонам же стилобата были названия туркестанских городов и даты их взятия русскими войсками.

Московский проспект граничил со старым городом и, через Константиновскую площадь, на его юге возвели крупное двухэтажное с Н-образным планом здание Реального училища (1898 г., проект Максимова, строительство В. С. Гейнцельмана, ныне Министерство внешнеэкономических связей). Неподалеку была территория ярмарки со зданием биржи (1873 г., архитектор А. И. Леханов), приспособленным в 1877 г. под театр, а в 1915 г. перестроенным в Народный дом (И. А. Маркевич). На углу радиального Лагерного проспекта (ныне Мустакиллик) и кольцевого Хивинского (ныне Шахрисабзский) поднялся двухэтажный аптекарский магазин фирмы «Филипп Каплан и сыновья» (1906 г., Г. М. Сваричевский). На самом же севере Лагерного проспекта в 1873–1901 гг. при участии В. С. Гейнцельмана построили Обсерваторию. А на противоположном конце города, к началу сообщений по Среднеазиатской дороге, построили железнодорожный вокзал (1899 г., Г. М. Сваричевский).

Жилые дома нового Ташкента были сырцовые и одноэтажные, редко — двухэтажные. Даже состоятельные горожане довольствовались простыми конструкциями и фасадами небольших размеров. Одноэтажные дома в 4–5 комнат имели обращенные на улицу гостиные и столовые, парадный вход которых вёл далее в спальни, обращенные через террасы во двор. Сады во дворах были впоследствии застроены хозяйственными постройками. Беднота обитала в комнатках доходных домов галерейного типа. Распространились и дома на две-три квартиры по сторонам арочного проезда во двор. Городские правила обязывали благоустроить тротуары арыками и деревьями, обнести участки забором и завершить строительство в 2–3 года. Водопровода не было, пользовались арыками и колодцами, привозная же вода из артезианских ключей была дорогой.

К концу XIX в. диаметр нового Ташкента вырос с 4 до 10 км. В 1901 г. проложили бельгийскую конно-железную дорогу, в 1906 г. — железную дорогу до Оренбурга, затем появились первые автомобили, и в 1913 г. бельгийцы на базе конки проложили узкоколейный трамвай (8).

В 1912 г. настоятель римско-католической общины Туркестана Юстинас Пранайтис нашёл зодчего для возведения 2300 католикам Ташкента храма на его окраине. С первой мировой войны в городе были десятки тысяч военнопленных католиков немцев, австрийцев, поляков, построивших новыми тогда шлакобетонными блоками базилику в стиле европейской готики. К 1917 г. храм со статуями апостолов у входа завершили, и оставалась отделка интерьеров. После же, здание стало общежитием и складом расположенного поблизости медицинского института. С 1980 г. его передали консерватории, зал приспособили для органной музыки, а через год кафедра истории и теории архитектуры Ташкентского политехнического института выполнила проект реконструкции. В конце XX в. под руководством

архитектора С. Адамова кладку стен завершили в романском стиле, скатную кровлю увенчали двумя башнями со шпилями, решив установить над карнизом четырёхметровую статую Христа. С настоятелем Кшиштофом Кукулкой, службы возобновились на польском, русском, английском языках. В марте 1995 г. установили отлитый в Каменск-Уральском колокол — дар римско-католическому приходу Ташкента от Жана-Поля Вазияна — посла Франции в Республике Узбекистан. На пожертвования римско-католических общин Польши, США и прихожан установили орган (9).

Самарканд — после бухарских правителей в XVI в., возрождения с середины XVII в., смут и запустения второй половины XVIII в. — пополнился к середине XIX в. 25-тысячным населением. В 1868 г. на Чупанатинских подступах русские войска перешли вброд Зеравшан, встретились с ополчением *амира* Музаффера и без боя взяли город. В честь этого на склоне холма установили видную издали пирамиду памятника. Мраморные плиты по сторонам пирамиды сообщали о принимавших участие в походе воинских частях и военачальниках. Другой памятник установили у полуразрушенных ворот в самаркандскую цитадель: здесь двинувшиеся в сторону Бухары русские войска оставили небольшой гарнизон, который встретил восставших жителей города и воинов шахрисабзского бека. Памятник павшим в этом столкновении русским солдатам представлял собой белый и вытянутый вверх храмик с угловыми колонками и с фронтонами в четыре стороны. Квадратную площадку, в центре которой его поставили, огородили чугунной цепью между каменными базами от старых деревянных колонн, возможно, из построек цитадели. Позже на площади перед самаркандским вокзалом воздвигли памятник генералу Анненкову, руководившему работами по строительству железной дороги из Красноводска в Самарканд. С 1895 г. дорогу довели до Андижана с веткой на Ташкент, и движение до Ташкента состоялось в 1899 г., а в 1906 г. — и до Оренбурга. Строительство дороги в трудных природно-климатических условиях Средней Азии было достижением тогдашней науки и техники, и потому организатор этих работ был увековечен. Памятник по проекту А. Обера воздвигли из скалы светло-охристого цвета со стрельчатой нишей внизу. Завершена скала бронзовым бюстом генерала и скульптурой орла.

В 1870 г. Туркестанский генерал-губернатор Кауфман утвердил план нового Самарканда, территорию которого застроили уже к 1875 г. Город озеленили ширококронными деревьями вдоль арыков улиц. На юго-востоке новый город отгородился от города Темура зелёным массивом Абрамовского бульвара, а смежный с ним сад в 6,5 га при Доме самаркандского губернатора стал центром русского поселения. В 1880 г. внутри цитадели построили новую крепость площадью 8 га с более прочными стенами и двумя бастионами в сторону нового города для прострела его улиц. В 1883 г. для нового строительства в крепости разобрали построенный по велению Темура мавзолеем суфийского *шайха* Нураддина Башира, известный как Кутби Чахар Духум. К северо-востоку от сада Дома самаркандского губернатора распланировали площадь для парадов с Георгиевской церковью (1882 г.) в псевдорусском стиле, зданием Военного собрания (1882 г.) в стиле классицизма и зданием Общественного собрания (1895–1896 гг.). В 1896 г. на Абрамовском бульваре возвели двухэтажное здание Русско-китайского банка в стиле классицизма. В 1897 г. в городе проживало 55128, а в 1914 г. — 97550 человек. Жилая застройка из сырцового кирпича имела, соответственно климату, стены толщиной до 70 см, высокие и проветриваемые помещения и террасы. С начала XX в. её облицовывали жжёным кирпичом. Дом купца Калантарова (1911–1916 гг., инженер Г. О. Нелле) вокруг двора, с *шахнишином* в *мехмонхоне*, глазурованными печами и высоким качеством строительства объединил местные традиции и российские нововведения.

Коканд с четырьмя *даха* в стене с 12 воротами был к середине XIX в. столицей крупнейшего ханства. Урда Худоярхана в городе строилась в 1863–1870 гг. под руководством *усто*

Мир Убайдуллы и декорировалась до 1873 г. керамистами *усто* Абдуллою и Джамилем из Риштана, *усто* Закиром из Пскента, и мастерами-*усто* по росписи и резьбе по *ганчу* Фозилходжой, Мамасадыком и Юлдашем Наджарбаши. Урда состояла, с востока на запад, из парадного двора с малым и большим приёмными залами, среднего двора с мечетью, казной и канцелярией, и трёх дворов двухэтажного гарема. С 1875 г. Урда стала крепостью русских войск, и большой тронный зал был переоборудован под церковь. Ханские сады вокруг Урды застроили жилыми домами и казёнными учреждениями, зданием Военного собрания и церковью. Южнее Урды в западном направлении продолжили Розенбаховский проспект, и к нему в 1891 г. от железной дороги проложили Скобелевский проспект: перекрёсток проспектов стал центром города. Здесь поднялись, в стилях классицизма и модерна, банки (к примеру, Русско-азиатский банк, 1910 г., И. А. Маркевич), конторы, магазины, гостиницы и особняки предпринимателей. Деловая активность формировала капиталистический Коканд — самый крупный город Ферганской долины на рубеже XIX–XX вв.

Особняк братьев Вадьяевых (1907 г., Г. М. Сваричевский) на перекрёстке Скобелевского и Розенбаховского проспектов арендовали Московский и Сибирский банки. Галерея особняка с трёх сторон охватывает двор, а фасады обращены к проспектам круглыми окнами-дверьми, возвышающимися над ними металлическими куполами с окнами-люкарнами, и витиеватыми коваными решётками ограждений, — всё от стиля модерн. Особняк других братьев Мандалака (1904 г.) белеет стилем классицизма среди домов мелкой буржуазии на тенистой Банковской улице. Его два симметричных корпуса тоже с трёх сторон обращены во двор. Причём в каждом корпусе с одной стороны от входа расположены гостиная с альковом, столовая и широкая веранда. А с другой стороны от входа расположены кабинет и спальня, от которых коридор ведёт в кухню, ванную с туалетом, кладовую и комнату прислуги. При входе расположена лестница наверх, к высящейся над кровлей дома беседке. Ордер первого этажа дорический, беседки — ионический. Стиль особняка дополнен скульптурными рельефами из греческих храмов. Беседку особняка повторили под девизом Восток, в виде перголы над жилым домом рабочих, в конкурсном проекте 1925 г.

Новый Маргилан (ныне город Фергана) возник как военно-административный центр после падения в 1876 г. Кокандского ханства и образования Ферганской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Радиально-секторный план города контролировался двумя бастионами крепости, а три других её бастиона были обращены на противоположные подступы к городу. Просторно спланированный вдоль Маргилан-*сая*, город имел по его берегам общественный сад. В центре, перед собором имени Александра Невского, зданием Областного правления и Домом военного губернатора, стоял возведённый по эскизу А. Обера памятник М. Ф. Скобелеву. Бронзовый бюст известного в истории генерала возвышался на прямоугольном пьедестале с классической мраморной колонной.

Наманган стал небольшим уездным городком, в котором крепость расположилась между старой частью и новой русской, росшей на север к железной дороге. Эспланада при крепости была вскоре преобразована в сад с искусственным озером, — центр городской жизни по сей день.

Андижан имел на юге крепость и русский город, спланированный радиально-секторным в направлении к железной дороге. Крайняя в плане нового города улица, как и Абрамовский бульвар Самарканда, направлена в центр старого города. Облик нового города Андижана коренным образом изменило землетрясение 1902 г.: здесь стали строить в традициях деревянной архитектуры, и городок стал походить на русскую провинцию.

Каган образовался с проведением в 1887 г. железной дороги в нескольких километрах от Бухары. При вокзале для прибытия высоких российских чинов был выстроен в эклек-

тичном стиле дворец *амира*. Отсюда и далее, через промышленную зону при Каганских (Каршинских) воротах Бухары, российские фирмы, банки, магазины, аптеки, больницы проникали в её исторический центр. Новые кирпичные здания имели внутри тенистые улицы-пассажи и дворы, которые, как и дворы в древнем городе, защищали от шума, пыли, зноя. Достроенная *амиром* (в 1912–1914 гг.) мечеть Боло Ховуз (XVIII в.) с торжественным *айваном* перед ней и *медресе амира* Саида Алимхана (начало XX в.) с двумя дворами для занятий и проживания свидетельствуют об эволюции этих типов зданий. В северном пригороде Бухары, дворец *амира* Ситораи Мохи Хоса (рубеж XIX–XX вв.) имеет старую и новую части. Эклектичные постройки в саду с *ховузом* вдохновлены впечатлениями от поездок бухарских мастеров-строителей в Петербург и Ялту. Их шедевром считается Белый зал с резьбой по *ганчу усто* Ширина Мурадова.

71-74

Дворец *амира* в Кагане, крупнейший в Туркестане этого периода, тоже имитирует архитектуру Санкт-Петербурга множеством вертикальных доминант, навязчиво повторяя повсюду подковообразные арки популярного тогда мавританского стиля. Вовне и внутри архитектура пышет живописным и особенно рельефным декором, картинами ландшафтов России и Востока на фоне местного орнамента, русской деревянной резьбы и витиеватых строк Корана. Центральный зал дворца освещён верхним светом от плоской кровли, — по бухарской традиции она обширна и используется после захода солнца, для чего на неё ведёт лестница при парадном входе во дворец. Высокие залы, вместительные прохлады в летний зной возведены и в Ситораи Мохи Хоса, где для этого покрытие из пересекающихся арок поддерживает световой и вентиляционный фонарь. Перед воротами дворца, справа, гостям построен одноэтажный европейский коттедж с колонными верандами и гранёными помещениями по фасаду. В нём тоже, для защиты от зноя, гостиные освещены и проветриваются фонарём, плоская же кровля имеет прослойку для вентиляции. Важность фонарей осознана, конечно же, из исторической архитектуры Бухары. В саду дворца фонарь венчает и беседку *амира* над бассейном: к фонарю ведёт мостик от стоящего рядом минарета. Фонарная традиция перешла и в архитектуру Советов: зал Народного дома Бухары 1923 г. вентилировался фонарём на кровле.

Хива стала столицей Хивинского ханства в середине XVII в. при ханах Асфенди-яре (1623–1643 гг.) и Абдулгази (1643–1663 гг.). С конца XVIII в., благодаря походам ханов в сопредельные края, монументальная архитектура Хивы превзошла Коканд и Бухару. С начала XIX в. и до 1920 г. трон Хивы заняла династия узбекского племени *кунграт*. К 1873 г. российского завоевания архитектура Хивы процветала. Дишан Кала, сложившаяся вокруг Ичан Калы в XVII–XVIII вв., была обнесена в 1842 г. правления Аллакулихана 7-метровой стеной с 10 воротами. Зажиточные горожане застроили обе Калы общественными зданиями, но меньших размеров, чем в первой половине XIX в. Перемены наметились с началом XX в. В 1893–1913 гг. Мухаммад Рахимхан и Исфандиёрхан превратили мавзолей Пахлаван Махмуда в святыню Хивы, реконструировав соответственно двор и прилегающие улицы. Древняя цитадель Куня Арк снова стала зимней резиденцией ханов, и в 1910 г. был перестроен гарем. Начало реформ при дворе Исфандиёрхана связано с именем его *вазира* Ислама Ходжи, построившего в Ичан Кале медресе (1908 г.), минарет высотой 45 м (1910 г.) и новометодную школу (1912 г.). Новое более заметно в Дишан-кале: если Мухаммад Рахимхан II построил здешний летний дворец (1906 г.) своего сына Исфандиёрхана под влиянием дворца Аллакулихана в Ичан Кале, то здание официальных приёмов (1910–1912 гг.) Исфандиёрхана построили близ некогда сада купца Нуруллабая по-европейски, но с *айванами* по фасадам. Приёмную из семи комнат создавали местные мастера кирпичной кладки, резьбы по

ганчу, резьбы и росписи по дереву, а также архитекторы и строители из числа немецких колонистов. Здесь же, на севере Дишан Калы, по поручению Ислам Ходжи, построены больница и почта-телеграф (1910–1913 гг., московский архитектор Поп) — тоже по европейским нормам, но с введением традиционных хивинских форм и декора. От больницы и почты-телеграфа торжественная дорога проходила под построенными в их же стиле Кош Дарваза (Двойными воротами) к Ичан Кале. Так архитектура нового времени встретилась с древностью.

Санкт-Петербург переживал в начале XX в. воздействие покорённого Российской империей Туркестанского края. К империи были присоединены обширные территории с мусульманским населением, и власть имущие обеих сторон задумали строительство в столице метрополии крупной мечети. Санкт-Петербург имел православный собор, хоровую синагогу и буддийский дацан. А имперской столице надлежало иметь главные святыни всех своих религий.

Поначалу *амир* Бухары Саид Абдулла Ахадхан убедил царя Николая в необходимости выбора участка для мечети близ могил Романовых в Петропавловском соборе, дабы продемонстрировать «верность мусульман Российской империи», и затем *амир* выкупил желанную землю. Мечеть проектировали с 1906 г., и из 45 работ выбрали проект русского архитектора Николая Васильева. 14 декабря 1908 г. чертежи передали в Комиссию по планировке города, затем в Министерство иностранных дел, и в Академию художеств. Академия выступила против: мечеть слишком велика и слишком открыта для возведения близ Петропавловской крепости и, посему, разрушит эту часть города. Последовали ходатайство министра внутренних дел П. А. Столыпина и ещё один визит *амира* Бухары к царю. 27 июня 1909 г. министр получил одобрение царя. 3 февраля 1910 г. в присутствии государственных деятелей России, послов Турции и Ирана, и *амира* Бухары закладка мечети состоялась. Официально Соборную мечеть открыли уже при советском атеизме: в апреле 1920 г.

Соборная мечеть вместимостью 1500–2000 человек стала крупнейшей в Европе; сегодня она четвёртая, с первыми тремя тоже в России. Её 49-метровой высоты минареты вознеслись над *пештаком* и *михрабом*, декорированными мастерами из Средней Азии. Вся мечеть исполнена в стиле так называемого северного модерна, пришедшего в эту часть России из соседних Швеции и Финляндии с конца 1890-х гг. по начало XX в. В люстрах мечети мусульманский стиль Средней Азии тоже выражен средствами модерна.

Советы закрыли мечеть надолго, и открыли лишь к октябрьскому в 1956 г. визиту Президента Индонезии Сукарно дабы продемонстрировать ислам в России. Сукарно возжелал посетить и могилу Имама Бухари под Самаркандом, для чего Советы спешно бросились благоустраивать то забытое захоронение. Соборная мечеть Санкт-Петербурга открылась для богослужений лишь к концу XX века, а её ремонт завершили в 2003 г. (10).

1917–1933 гг. ТРИ ЭТАПА К КОММУНЕ

Самой характерной для нового общества и его архитектуры с 1917 г. стала идея коммуны, охватившая прежде всего здания народного образования, культуры и, особенно, жилище. Движение к коммуне осуществлялось в три этапа: 1917–1923 гг. разрухи, 1924–1927 гг. национального размежевания, и 1928–1932 гг. первой пятилетки.

Архитектура народного образования, и в первую очередь школ и техникумов, унаследовала от Туркестанского края 1914–1915 гг. следующее. Таджикистан: 10 начальных рус-

ско-туземных школ, готовивших служащих низших рангов и переводчиков; средних и высших учебных заведений нет. Туркмения: 58 церковных и русско-туземных школ, средних и высших учебных заведений нет. Киргизия: 107 начальных русскоязычных школ. Казахстан: 2 тысячи школ и из них 12 средних, 7 ремесленных училищ. Узбекистан: 171 русскоязычная школа, 4 ремесленных училища в Ташкенте, вузов нет. В Таджикистане, Казахстане и Узбекистане были местные религиозные школы, не имевшие отношения с колониальной системой образования и ликвидированные при советской власти.

В 1918 г. правительством Туркестанской АССР принято Постановление «Об организации дела народного образования в республике». В апреле 1919 г. Коллегия и Комиссариат народного просвещения слушали доклад представителя Технического отдела гражданского инженера Г. М. Сваричевского «О нормах и технических условиях для проектирования школьных зданий». Утвердив нормы для проекта «школы, идеально обустроенной в смысле педагогическом, санитарном и гигиеническом», заседание постановило: «В целях же немедленного перехода к строительству на местах разработать проект типовой школы временного характера, состоящей из трёх классов, учительской, помещения для учащихся в рекреационное время, коридора, передней и уборной. Проектировать из расчёта лишь на имеющиеся в крае материалы и способы возведения зданий, наиболее скорые и доступные при современном экономическом положении» (1). При строительстве были повторены план и конструкции русско-туземной школы для сельских местностей, спроектированной Г. М. Сваричевским ещё в 1917 г. и состоявшей из русского класса, так называвшегося туземного класса, и двух комнат учителя с кухней при ней.

76

На втором этапе движения к коммуне, самоопределившиеся с 1924 г. среднеазиатские республики приступили к строительству школ. Планы школ с комнатами по одну или две стороны от коридора определялись местными запросами и возможностями и были построены в кирпиче-сырце на деревянном каркасе. Облик школ случаен и его формировали: классический портик (Ходжент, 1925 г.), фонари покрытый промышленных цехов (Каттакурган, 1927 г.) или подобие портала (Ташкент, 1927 г.). В 1925 г. секция «Строительство» Госплана Узбекской ССР, определяя потребности в жилищном и коммунальном строительстве на 1926–1927 гг., констатировала по старому Ташкенту: «школы, за редкими исключениями, размещаются в постройках местного типа. Часто, из-за тесноты в здании школы, занятия проводятся в расположенных вблизи махаллинских домах. Поэтому в 1926 г. предложено построить две небольшие школы по 1333 кубических метра каждая» (2). В мае же 1927 г. Коллегия Народного Комиссариата Просвещения Узбекской ССР наметила «сообщить местам нормы и типовые планы школьных зданий, а также ускорить продвижение в Госплане вопроса о создании централизованного школьного строительства по ссудам» (3).

Только на третьем этапе движения к коммуне, в 1928 г., обратились к типу начальной школы 1919 г. Показательно, что в такой школе нашла себе место и новая власть. Проект назвали «административно-культурной базой на местах», который в 1928 г. Туркменская государственная строительная контора при ВСНХ Туркменской ССР разработала для отдаленных аулов. Под одной крышей размещены: помещение Ревкома (Революционного комитета), жилая комната учителя, расширенный учебный класс и прихожая перед ним. Автор проекта, архитектор-художник К. Бобровский, повторил план русско-туземной школы для сельских местностей, спроектированной в 1917 г. гражданским инженером Г. М. Сваричевским. В Туркмении такие представительства новой власти размещались не только вместе с начальными школами, — то же имело место в средних учебных заведениях республики. Далее мы рассмотрим исполненный в 1927 г. К. Бобровским «проект Дома Советов в городе Новом Чарджуе с временным использованием его здания под педагогический техникум».

С самого начала первой пятилетки 1928–1932 гг. школы среднеазиатских республик расширялись, сохраняя типологическую общность. Так, в трёхклассной школе Узпромстрой (1928 г.) центром композиции стал рекреационный зал, есть три класса одинаковых размеров, а также учительская с комнатой учебных пособий. В этом же году в трёхклассной школе Киргизии комнату учебных пособий превратили в мастерскую, сохранив жилую комнату учителя с кухней и летним помещением при ней. В Туркмении большее распространение получили двухклассные школы. К. Бобровский в 1928 г. трансформировал рассмотренный нами тип киргизской школы применительно к двухклассной. При входе — широкая терраса. Площадь вестибюля уменьшена, и к нему примыкают два учебных класса. Вместо одной квартиры киргизского учителя К. Бобровским запроектированы две, каждая с жилой комнатой, кухней и крытой верандой. В крупных поселениях Казахстана получила распространение четырёхклассная школа, она развила тип трёхклассной школы Киргизии, но уже без жилых помещений для учителей. Учебные помещения этого времени связаны со школьным двором через вестибюль или рекреационный зал. Заметны продуманное размещение групп помещений, оптимальные пропорции и хорошая освещённость классов.

В 1928–1932 гг. письменность среднеазиатских народов переведена на латинскую графику, и в 1930-х в Узбекской, Киргизской и Туркменской ССР введено всеобщее обязательное обучение детей и подростков. Началось проектирование и строительство типологически новых школ. Их первые типовые проекты: школа-девятилетка (Туркменистан, 1929 г., К. Бобровский), школа-семилетка и школа-десятилетка (Киргизия, 1930 г., соответственно инженеры И. Гутман и Семёнов). К. Бобровским разыгран ритмика пропорций фасада, главный вход в школу акцентирован куполом, введена даже надпись на здании. Фасад же школы-семилетки И. Гутмана напоминает рабочие бараки Киргизии того времени со скатной кровлей, длинными рядами окон и затерявшимися где-то в углу дверцами в школу. Со школой-десятилеткой инженера Семёнова сходна школа № 3 в центре Фрунзе (начало 1930-х гг.) — двухэтажная и одна из хороших в стиле конструктивистской архитектуры. Во всех этих школах укрупнились вестибюли, рекреации, мастерские, административные помещения, появились читальни, физический и химический кабинеты, физкультурный зал с комнатой врача, душевыми, раздевалками, санузлами. То есть в своих программах эти школы явились значительным шагом вперёд.

В архитектуре же зданий среднего специального обучения в 1919 г. для ремесленного училища в киргизской столице Пишпек Г. М. Сваричевский повторил свой проект для Самарканда 1917 г., — ведь на рубеже двух веков он работал архитектором при Управлении учебными заведениями Туркестанского края. Повторен план, но значительно упрощен фасад: время требовало простой архитектуры. В 1923 г. этот крупный мастер запишет: «Архитектура в смысле науки есть изложение истин, относящихся к проектированию и исполнению проектов зданий» (4). Кооперативный техникум построен в 1926 г. в Ташкенте молодым гражданским инженером А. И. Петелиным. Здание отличилось трактовкой национального стиля и потому рассматривается в соответствующем разделе. Многочисленными среди учебных заведений стали педагогические техникумы, ибо краю нужны были учителя. «Проект Дома Советов в городе Новом Чарджуе с временным использованием здания под педагогический техникум», — так названа работа архитектора-художника К. Бобровского, 1927 г. (5). В этом проекте мы видим характерное для Туркменистана совмещение в одном здании представительства советской власти и учебного здания, которое эта республика повторит в следующем 1928 г. в рассмотренной нами начальной школе, превращённой в «административно-культурную базу на местах». П-образное в плане здание Дома Советов под педагогический техникум расположено на углу городского квартала, в его правом корпусе находится зал со сценой

и библиотека-читальня, остальные помещения являются аудиториями, и их интерьеры через террасы раскрыты во двор со спортивными площадками и садом; особо спланирован хозяйственный двор с помещениями различных служб. Новая в крае власть шла в одну ногу с просветительством.

В движении к коммуне — для претворения в жизнь насущных задач социального и хозяйственного развития — республикам Средней Азии требовались типы культурно-просветительных зданий. И обращение к традиционным общественным постройкам *аулов*, *кишлаков* и старых городов для их трансформации в требуемом направлении стало логичным началом процесса.

«Дехкану не нужно специально ходить в «красную чайхану», как русскому крестьянину в избу-читальню потому, что *дехкан* испокон веков привык проводить свой досуг в чайхане, и задачей «красной чайханы» является привлечь к себе *дехкан*, и то время, которое они проводят за чашкой чая, использовать для беседы и чтения», — наставляла в 1925 г. газета «Правда Востока» в призывной статье «Внимание красным чайханам!» (6). Новое движение нарушило ту безмятежную идиллию, в которой пребывала традиционная восточная чайхана. Лишь с 1940-х гг. наметится возврат к многовековому спокойствию, и появятся так называемые чайханы почётных стариков. В эти же годы советская власть идеологически наступала на среднеазиатский быт посредством использования традиционных чайхан. Инициаторы движения за красные чайханы бурлили изобретательностью: в Киргизии и Казахстане были созданы «красные юрты». Посещаемость сельских чайхан зависела от режима полевых работ и менялась в зависимости от сезона, дня, часа. В зимние вечера, когда напряжённость полевых работ заметно спадала, посетители забивались в чайхану так плотно, что, действительно, яблоку негде было упасть. В сезон же посевной и сбора хлопка посещаемость падала. Но именно в страду каждый год и активизировалось движение за красные чайханы, и печать края так и формулировала: «Хлопковая компания — экзамен для красных чайхан». И попытки оживить красные чайханы в такую пору были, как правило, трудными. Тем не менее, находились такие, в которых работа всё же велась. Однако, как сообщала та же печать, эти «чайханы закрывались уполномоченными райкома, чтобы не отвлекать людей от посевной» (7). Красная чайхана не была архитектурным шедевром. Скромная традиционная постройка с единственным помещением для отдыха и чаепития превращалась ночью в некую гостиницу. Только к середине 1930-х гг. появляются красные чайханы, обычно «сельские, во внешнем облике которых отразилась главная цель их появления — стилизованные изображения коробочек хлопка. Со временем архитектурный облик красной чайханы составили порталы и арки. Более значимыми были изменения в интерьере. Лозунги и плакаты, социалистические обязательства и портреты вождей придали ему новый дух. В помещении красной чайханы можно было найти подобие библиотеки, редкое тогда радио, и даже стол справок. В крупных чайханах, кроме собраний, устраивались концерты и представления. Чайхана, однако, оставалась местом для мужчин.

Типологическая ограниченность чайханы и необходимость привлечения женщин к общественной жизни обратили к следующему типу культурно-просветительного здания — клубу. Как и первые театры, клубы возникали в первую очередь в старых городах. И, как красные чайханы, большинство клубов действовало в наскоро приспособленных для нового назначения старых зданиях. Только в 1927 г. в старом городе Ташкента, между площадью Эски Джува и махаллэй Охунгузар, было построено крупное, с внутренним двором, здание женского клуба имени Юлдаша Ахунбабаева. Клуб охватил работой значительную часть старгородского женского населения. Неподалеку от клуба, на площади Эски-Джува, женщины сбрасывали и сжигали паранджу.

Другой тип зданий — Дома *дехканина* — проектировались и строились с 1924 г., года образования среднеазиатских республик, — не столько как гостиницы для сельчан, привозящих в город сельхозпродукцию, сколько как клубы. В отличие от России, Средняя Азия того времени практически не знала Домов или Дворцов для рабочих. Поэтому Домам *дехканина* суждено было стать их среднеазиатскими эквивалентами. В «Плане регулирования части нового города Ташкента» 1924 г. Г. М. Сваричевский намелит местоположение Дома *дехканина* и даже стилиевые особенности его архитектуры. Став первым проектировщиком Дома *дехканина*, он предполагал разместить здание напротив существовавшего Народно-го дома колониального периода. По «Плану регулирования», Дом *дехканина* занимает угол оживлённого городского проспекта, и его главный вход — поргзл с двумя минаретами — обращён на перекрёсток. Этим Г. М. Сваричевский повторил фасад своего кинотеатра Хива в Ташкенте 1910 г. Дом *дехканина* состоит из двух групп зданий. Первая включает общественно-зрелищную часть и гостиницу и является официальной частью комплекса. Вторая же группа зданий включает комнаты хранения имущества, навесы для *арб*, гараж, перед ней расположен двор. Через улицу от комплекса Дома *дехканина* Г. М. Сваричевский запроектировал городской рынок. В последовавшие годы идеи Домов *дехканина* слились с Декретом Свнаркома о национализации памятников архитектуры от 20 августа 1918 г. Так, в мае 1925 г. ЦИК Узбекской ССР передал в ведение государства исторические памятники архитектуры республики. И в октябре того же года он издал постановление о «постройке Дома *дехканина* в амирском дворце Арк в Бухаре и об организации в загородном дворце *амира* Ситорай Мохи Хоса Дома отдыха для *дехкан* и рабочих» (8).

Для преодоления патриархально-феодалных отношений Туркмения в 1925–1927 гг. провела вторую земельно-водную реформу. Переходу к новым отношениям содействовала и архитектура. В 1928 г. Туркменской государственной строительной конторой при ВСНХ Туркменской ССР выполнен проект Дома *дехканина* для небольших поселений типа города Керки. План — заимствованный от кочевой *юрты* круг. Помещения вокруг центрального вестибюля тоже расположены как в *юрте*. Три спальни находятся против входа — там, где в *юрте* располагается место для сна и почётных гостей. Столовая расположена справа от входа — там, где в *юрте* находится место для посуды и продуктов. И, наконец, читальня размещена слева от входа — там, где в *юрте* хранят хозяйственный инвентарь и предметы ухода за скотом. Перед входом в эту социалистическую *юрту* — открытая терраса. Время всеобщего перехода к оседлости побудило назвать этот проект Домом *дехканина*, хотя, на самом деле, в нём развита архитектура первых красных *юрт* для кочевников. Композиция этого Дома *дехканина* функционально продумана, хорошо построена и отличается чувством пластики.

В 1927 г. на одной из главных улиц Душанбе архитектор П. И. Ваулин построил небольшую гостиницу — Дом *дехканина*: типичный Т-образный в плане клуб со зрительным залом в центре и перпендикулярным к нему корпусом клубных помещений. Массивные членения фасада, тяжёлый профиль арочных галерей, контраст белых поверхностей и оставленного нештукатуренным кирпича, острровершие кровли — все это выдавало северорусский стиль. Лишь изображение на фронто-не звезды, серпа и молота свидетельствовали о том, что это необычное здание построено в советское время. Впоследствии в нём размещался русский драматический театр имени В. В. Маяковского.

Для оседавших же кочевников создавались свои эквиваленты культурно-просветительного здания, названные Домами скотовода. Дом скотовода, разработанный в 1929 г. Госпланом Казахской АССР, включил основные группы помещений, характерные для Домов *дехканина*: общественная часть (красная чайхана — зрительный зал, библио-

тека, читальня) и жилая (гостиничные комнаты). Обе эти группы помещений в одном здании имеют отдельные входы. Во дворе — место для летнего показа фильмов и хозяйственные постройки (хлев, навесы и прочее). Киргизский проект Дома *дехканина* для постройки в 1930 г. в городах Фрунзе и Пржевальске — обычная гостиница. От разнообразной программы Дома *дехканина* оставлены только зал собраний и «научно-популярные комнаты», а зал собраний планировочно отделён от всей гостиницы и имеет свой вход.

Наиболее полную и удачную интерпретацию программа Дома *дехканина* получила в проекте С. Н. Полупанова для Андижана 1930 г. Генеральный план напоминает проект Г. М. Сваричевского 1924 г.: на углу улиц Бильдинской и имени Файзуллы Ходжаева высятся главный корпус Дома *дехканина* с гостиницей, театром, кино. Из второстепенных улиц въезжают в хозяйственный двор с навесами для экипажей, кузницей, конюшней и комнатой ветеринарного врача. Двор отделён от главного корпуса *ховузами* и зелеными насаждениями. Гостиница расположена в центре Дома *дехканина*, а во дворе, при сцене театра, размещены летние театр и кино. Каждая часть Дома *дехканина* самостоятельна, и крупно выведенная надпись ТЕАТР задает тон всему комплексу. Большой культурно-просветительный комплекс, обращенный лишь к приезжавшим в город сельчанам, был бы непозволительной роскошью. Поэтому задачи культурного роста самих городов потребовали его раскрытия к массам.

В массовом же порядке и наиболее последовательно движение к коммуне осуществлялось в жилище и, прежде всего, в домах для рабочих.

После 1917 г. обновление местных типов жилья и поиски типов жилья для рабочих развернулись в жилых массивах центров городов, отдельных домах городской застройки, окраинных жилых территориях и рабочих городках при промышленных предприятиях. В городах Средней Азии капитализм оставил три типа жилищного строительства: частные особняки, доходные дома в центральных районах, трущобы окраин близ промышленности. Поэтому развитие типов рабочего жилищного строительства привело городские Советы к руководству им в рамках планового хозяйства, и далее — к первым проектам планировок городов.

Ещё в 1923 г., накануне самоопределения среднеазиатских республик, Г. М. Сваричевский писал: «Предельно точное соответствие каждому этапу становится обязательным лозунгом постройки, и габарит здания является отражением производства» (9). Декрет ЦИК СССР от 16 мая 1924 г. «О содействии кооперативному строительству рабочих жилищ» способствовал развитию рабочего жилищного строительства. В 1924 г. городской архитектор Ташкента Г. П. Бауэр отмечал: «Эти тяжёлые условия и ненормальное положение жилищного вопроса заставляют новгородской местхоз уделить всё своё внимание широкому развитию жилищного строительства, обеспечить трудящихся города необходимыми жилищами. Полное прекращение за годы войны и революции нового жилищного строительства и, наряду с этим, полное отсутствие капитального ремонта существующих жилых домов создали в новом городе Ташкента крайне тяжёлое положение. Ведутся работы по созданию типовых домиков для рабочих, и идёт подготовительная работа по выработке твёрдых минимальных, научно обоснованных и согласованных с практикой технико-санитарных норм и мер с учётом климатических условий Ташкента и имеющихся здесь характерных строительных материалов (сырец, кирпич, *ганч*, *чия*, тополь, и прочее). Создаётся возможность предупреждения разного рода построек, проектируемых неграмотными техниками и другими лицами, которые в настоящее время обслуживают широкие массы рабочих и создают угрозу хаотической застройки города нерациональными и дорогими постройками» (10).

В Ташкенте конца 1924 — начала 1925 г. типовыми блокированными жилыми коттеджами на приусадебных участках предполагалось застроить кварталы Плана регулирования части нового города Ташкента. В этих коттеджах Г. П. Бауэр и Г. М. Сваричевский сохраняли особенности дореволюционных особняков людей среднего достатка. Каждый коттедж имел переднюю, три жилые комнаты, кухню и при ней летнюю террасу. Туалет и ванная, как правило, были отдельной пристройкой на приусадебном участке, делившемся на собственный двор и сад. А санитарно-техническими узлами в некоторых типах своих коттеджей авторы хотели «применить у нас в Ташкенте требования санитарные, технические и эстетические к благоустройству города, применяющиеся в настоящее время на Западе и в Центре России при устройстве рабочих поселков» (11).

Проведенный в начале 1925 г. в Ташкенте конкурс на проекты жилых домов для рабочих должен был определить: норму площади и стоимость, а также технико-экономическую помощь рабочим-застройщикам со стороны инженерных организаций. Конкурс признал «рациональным уменьшение квартирной площади и устройство потолков по стропилам» для увеличения кубатуры (12) в проектах под девизами Мой минимум, Что нам нужно, Конструкция. Конкурс рекомендовал «местным хозяйствам выработать варианты домов с отделённой от столовой кухней, что хотя и удорожает проекты, но рационально в жарком климате Средней Азии» (13). Была признана оригинальной идея выхода на крышу-террасу в проекте Восток, воспринята «весьма интересной идея дома не на фундаменте из жёсткого кирпича или булыжника, а на бетонной поверхности» (проект Конструкция) (14). Проект Скорострой Г. М. Сваричевского предложил жилой дом в форме полушария, подобно кочевой юрте. Как и в проектах аналогичной формы музеев 1915 и 1920 гг., Г. М. Сваричевский применил ребристую конструкцию купола. Интерьер поделён взаимно перпендикулярными в плане перегородками, пересекающимися в центре жилища у отопительной печи. Образовавшиеся четыре помещения трактованы как общая комната, спальня, кабинет и кухня. Организаторы конкурса просили автора проекта детально разработать необычные конструкции. Этот дом предполагался для строительства из сырца и без дефицитной древесины. Поэтому, в начале 1930-х гг., когда обострится ориентация на местные строительные материалы, Г. М. Сваричевский вновь обратится к Скорострою для коллективных домов, названных уже Полушарие.

Очевидно, по результатам конкурса рабочих жилищ 1925 г. был построен жилой квартал для рабочих железной дороги в этом же году в районе Тезиковой дачи под руководством Г. М. Сваричевского и Л. Н. Воронина из одноэтажных блокированных домов, каждый с двумя-тремя комнатами, террасой и участком. Жилой дом в рабочем городке в Янгиюле 1925 г. поделён по осям на четыре части, каждая с двумя жилыми комнатами и летним помещением в углу. В 1925 г. неудовлетворенный качеством жилищного строительства в центрах городов, Г. М. Сваричевский сетовал: «Казалось бы, необходимо требовать постройки не сырцовых, а кирпичных зданий соответственной конструкции и архитектуры» (15). В это время терраса, туалет с ванной, кладовая или сарай относились к категории «удобств», и потому зачастую могли отсутствовать. В рабочих городках строительных кооперативов Ташкента 1926 г. жилища имели единую конструктивную схему, но число жилых комнат могло быть разным из-за наличия или отсутствия одного из вышеперечисленных удобств. В жилом доме 1929 г. на улице Лермонтова в Ташкенте инженер Г. Левитов запроектировал одну ванную как удобство на три квартиры.

Рабочие жилища 2–3-этажные возводили в первую пятилетку с минимумом удобств, и началось строительство их комплексов. В 1928–1929 г. в центре Самарканда строительным

трестом Хлопстрой (начальник гражданский инженер Б. Савицкий) были построены первые массивы двухэтажных домов из двухквартирных секций с двух- и трёхкомнатными квартирами. К их дворовым фасадам пристроены просторные деревянные террасы, на которые обращены кухни. Одним из лучших в этот период стал трёхэтажный жилой дом на Пушкинской улице Ташкента, построенный в 1931 г. гражданским инженером К. В. Бабиевским, в числе других приехавшим в 1926 г.

84

в Среднюю Азию после окончания ленинградского вуза. Для лучшего проветривания туалеты и ванны соседних квартир сблокированы между лестничной клеткой и летним помещением. Отдельно от этих санитарных узлов, но в одном направлении проветривания, размещены кухни квартир. От этих подсобных помещений, по другую сторону линии проветривания, расположены жилые комнаты — общая комната и спальня. На главном фасаде стены подсобных помещений заглублены по отношению к стенам жилых комнат. Перепад их стен закруглён и оживлён балконами. Обословление подсобных и жилых помещений оправдано функционально, соответствует климату, и выполнено в чётком и экономичном плане.

85

К концу первой пятилетки, в 1931 г., Средняя Азия «ничтожно выполнила программу капитального строительства ввиду нехватки заводных дефицитных строительных материалов» (16). Пятое среднеазиатское строительное совещание 1932 г. констатировало: «Проектные организации не сосредоточили центральное внимание на разработке проектов, ориентирующихся на местные строительные материалы» (17). Поэтому инженер

86

С. А. Монковский приступил к работам по «неразмываемым сырцово-лёссовым блокам вместо обожжённого и сырцового кирпича» (18). Был также проведён конкурс землянок и жилых домов, на который проект жилого дома Юность на 32 человека представил Б. Н. Засыпкин, будущий авторитетный знаток и реставратор памятников среднеазиатской архитектуры. Его дом покрыт тремя параллельными и объединяющим их четвёртым перпендикулярным сводами. Высота помещений 3,2 метра. Эти своды из лёссовых блоков покрыты снаружи жжёным кирпичом на ганче с возможной цветной керамической облицовкой. Статически и сейсмически устойчивые своды наиболее просто решают проблему перекрытий без применения дерева. С них эффективно удаляются атмосферные осадки, что важно при применении сырцового кирпича. К тому же, при минимуме материалов на стены и покрытия, ограждается наибольший объём помещений. Учитывая всё это, Г. М. Сваричевский в эти годы даже пишет исследовательский очерк «Дувал и его применение в среднеазиатском строительстве» (19), детализируя свойства традиционных глинобитных конструкций. Для применения этой теории на практике и в продолжение своей идеи на конкурсе рабочих жилищ 1925 г., он спроектировал коллективные жилые дома Полушарие. В 1932 г. и инженер Б. К. Скорняков спроектировал двухэтажный сводчатый жилой дом Ташкентского городского Совета, частые капитальные стены которого повысили, однако, его стоимость. В этих жилищах экономия достигалась двойко: местными методами строительства и всё более внедряющимися элементами коллективизации быта.

87

«Жилищное строительство в Средней Азии в прошлом имело в виду лишь удовлетворение личных потребностей. Поэтому дома строились небольшие и для коллективного пользования негодные. Пятилетний план нового строительства, учтя это обстоятельство, предусматривает типовые одноэтажные и двухэтажные коллективные дома. В них общие кухни, коридорная система и прочее» (20). В одноэтажных общежитиях окраин пока ещё неясно, что в большей степени вызвало эти важные сдвиги: экономический расчёт или серьёзные программы изменения образа жизни. Поначалу избегали вторжения в частную жизнь, объединяя квартиры секциями, коридорами или галереями. В коллективизации быта определяющими были

предпосылки социального характера: общность групп людей и, что не менее важно, осуществление замысла единой инстанцией. В этом смысле интересна коллективизация в рабочих городках шёлкомотальных фабрик Среднеазиатского акционерного общества Туркшёлк. Проект Туркшёлка 1929 г. объединил две квартиры общей между ними кухней — квартиры эти не для двух семей, а в условиях жилищного голода для восьми человек. Обобществлённые кухни ещё не означали коллективизацию. Её озаменовали читальни, столовые, просветительские комнаты — отблески коллективизации в рабочих посёлках России 1920-х гг. Во второй половине 1920-х гг. Туркменской государственной строительной конторой при ВСНХ Туркменской ССР разработан проект деревянного барака Нефтедага. Он, как и Юность Б. Н. Засыпкина, спроектирован на 32 рабочих, что говорит о единой для республик Средней Азии программе такого типа барака. В центре симметричного плана — кухня с подсобными помещениями и обеденный зал, а по сторонам — четыре спальни. Между залом и спальнями — раздевалки, умывальные комнаты, комнаты дневного пребывания. Наилучшим в «экономичной коллективизации» явился вариант коллективного жилого дома Полушарие, выполненный Г. М. Сваричевским в 1931 г. Десять жилых ячеек, вестибюль и туалет образуют кольцо вокруг зала собраний, являющегося также и столовой. Это высокое пространство освещается через световые проемы в куполе диаметром 7 метров. Интересен проект коммунального жилого дома, разработанный в начале 1930-х гг. Туркменской государственной строительной конторой при ВСНХ Туркменской ССР. Сорок жилых ячеек поделены на 4 части как первичные коммуны. Ячейки состоят из жилой комнаты с летним помещением. Все ячейки через галерею сообщаются с кухней-столовой. Дворики таких первичных коммун сообщаются с центральным двором — местом общения всей коммуны. Автор этого дома-комплекса, очевидно, вдохновлялся монументальными среднеазиатскими сооружениями прошлого, а также идеальными поселениями утопистов прошлого.

Дома-коммуны и кварталы-коммуны появились на фоне жилищного кризиса в Средней Азии как социально новые институты с социально новыми в них служащими. Быт этих советских и партийных работников в Средней Азии проходил в общежитиях или гостиницах. Сохранилось фото полуразвалившейся мазанки 1920-х гг., служившей как «гостиница ОГПУ» (Отдел главного политического управления) в тогда ещё кишлаке Душанбе. Если в 1925 г. Народный Комиссариат Труда Таджикской АССР ютился в одной из лачуг кишлака Душанбе, то посреди этой горной долины уже закладывались первые общественные здания будущей столицы, а дом-коммуна работников ГПУ был построен здесь в 1932 г. инженером-архитектором Ревякиным и инженером П. М. Драчуком. Осенью-зимой 1925 г. в Самарканде по проекту военного инженера-строителя И. С. Катунина был построен комплекс Центральной республиканской совпартшколы, включавшей административный и учебные корпуса, а также столовую. А в проекте здания Киргизской областной совпартшколы во Фрунзе (1929 г., Государственная строительная контора Киргизской АССР) мы видим, помимо учебных классов, свойственные именно домам-коммунам помещения: зал, кружковые и шахматную комнаты, читальный зал и библиотеку, комнаты отдыха и прочее. Состав помещений и их планировка способствовали созданию атмосферы тесного и длительного общения слушателей, в большинстве своём людей приезжих, одиночек или малосемейных. Дома Главных политических управлений в Душанбе, Самарканде и Ташкенте содержали зачатки коммуны в бытовой и служебной жизни их работников. Жители первых в Средней Азии домов-коммун были фактически на положении командированных. Не влившись в существовавший в крае бытовой уклад, эти люди интенсивной и засекреченной работы возводили коммунальные здания, пригодные для личной и служебной жизни. Уже это обусловило временный характер таких домов-коммун.

С появлением же у командированных семей и их ростом, а также с развитием форм жилищного строительства в Средней Азии, временные и ограниченные в своём предназначении дома-коммуны распались и уступали место новым типам жилья.

Дом-коммуна в Самарканде проектировался архитектором С. Н. Полупановым в 1929 г. а построен был в 1930 г. Главный в нём — это жилой корпус, протяжённый с северо-востока

на юго-запад для того, чтобы защитить помещения от палящего во второй половине дня солнца. Жилой корпус в середине пересечён общественным корпусом. На его севере, при входе в дом-коммуну, расположена группа помещений активного общения: зал, открытая и закрытая столовые, и другие. На юге же расположены обращённые ко двору дома-коммуны помещения спокойного времяпровождения: кружковые, читальня, медпункт при солнечной и теневой террасах. Ближе к этому общественному корпусу спланированы однокомнатные жилые ячейки без летних помещений. А более просторные жилища на 2–3 человека состоят из передней, двух комнат и летнего помещения. Большинство из них ориентировано на благоприятный юго-восток и расположено близ санитарно-гигиенических блоков. Участок дома-коммуны находится на улице между центром города и железнодорожным вокзалом. С этой улицы торжественно спланированные пешеходные дорожки ведут к дому-коммуне. За домом, на большом участке, распланированы бассейн для плавания, физкультурные и детские площадки, огороды, сооружения для домашних животных и птицы, прачечная, очистные сооружения, — всё для самостоятельного натурального хозяйства. Вот эта-то идея дома-коммуны еще до её осуществления в Самарканде и была подвергнута сомнению и даже нашла убеждённых противников. В 1929 г. в своей декларации о домах-коммунах вообще архитектор Д. Фридман заявлял: «За дом-коммуну до сего времени выдавалось здание, которое, конечно, ни с какой стороны не может считаться таковым ни с точки зрения учёта возможностей организации, хотя бы в сокращённом виде, обобщённого быта, ни с точки зрения генерального плана, — поскольку такой одинокий дом находится среди сотен домов с квартирами индивидуального типа» (21). И в манифесте «За социалистический принцип планировки жилья» журнал «Строительство Москвы» заключил: «Архитектурная мысль не должна замыкаться только в решении задачи дома-коммуны как отдельной единицы, хотя бы и имеющей в наличии все элементы коммунального обслуживания. Ведь в таком случае американские небоскребы-отели явились бы для нас образцом» (22).

Поэтому в 1931 г., проектируя новый дом-коммуну для работников ГПУ в Ташкенте, С. Н. Полупанов уже совершенно в ином масштабе трактует коммунальное общежитие. Дело в том, что противники дома-коммуны как отдельной единицы предлагали верную альтернативу: «Всюду мы видим мощный порыв, стремление покончить с рутинной, старым укладом — мещанским бытом. Однако, несмотря на такой психологический сдвиг, дело фактически и сейчас стоит на месте. Идея коммунального жилья, в сущности, дискредитируется тем, что мы ещё не вышли за пределы домов-коммун, которые именно потому, что они — дома, не могут вместить в себе все элементы обобщённого жилья. При этом за единицу территории квартала-коммуны следует брать кварталы не современного города, а такую площадь коммунальной застройки, которая вполне рентабельно может быть обслужена всеми спутниками обобщённого быта» (23). Коммунальный комплекс в Ташкенте должен был подняться среди перестраиваемой окраины его новгородской части. Существовавшая жилая застройка этого района, а также проектировавшиеся новые улицы по границам квартала способствовали открытости его планировки. Всё это помогло при проектировании правильно соотнести идеи коммуны в доме, квартале и в окружающей застройке. С. Н. Полупанов считал основными факторами, определяющими архитектурное произведение, «1 — среду и общественные отношения,

2 — климатические особенности, 3 — материалы и конструкции, и 4 — художественную потребность» (24). Приоритет первого фактора с наибольшей полнотой раскрылся в работах этих лет, завершавших конструктивистский период творчества архитектора. Вынос общественных элементов за пределы дома-коммуны в квартал не мог не лишить ташкентский дом присущего самаркандскому дому духа комбината и привести к функциональной упрощённости. Даже композиционно единый с ташкентским домом его круглый зал собраний представляется большей принадлежностью окружающей городской застройки, нежели самого жилого корпуса. Поэтому в Ташкенте мы имеем, строго говоря, дом гостиничного типа в квартале-коммуне. Для С. Н. Полупанова важнее было выйти за пределы устаревшего понимания отдельного дома как коммуны и определить её крупномасштабные связи.

Такие связи чётко выражены на северо-западе квартала, где рядом с домом гостиничного типа архитектор построил секционный жилой дом. Дом гостиничного типа имеет к востоку столовую, а далее крытый переход на уровне земли связывает его с секционным жилым домом. От дома гостиничного типа, сквозь секционный жилой дом и дальше до крайнего дома на северо-востоке квартала, предусмотрен переход на уровне вторых этажей: он связывал жителей домов северной части квартала с комплексом детского сада. В южной же оконечности дома гостиничного типа и секционного дома действовала снабжавшая их жителей питанием фабрика-кухня, круглая в плане. Расположенные в средней части квартала фабрика-кухня, спортивные площадки, бассейн для плавания и места досуга удобно связаны с жилыми домами квартала двумя сквозными широкими пешеходными путями. Из такого предполагавшегося квартала-коммуны были осуществлены лишь гостиничный и секционный дома с фабрикой-кухней. Комплекс детского сада построили много позже. Следовательно, с самого начала не были осуществлены необходимые в квартале-коммуне связи минимума объектов: дома гостиничного типа — секционных жилых домов — фабрики-кухни — детского сада — площадок спорта и отдыха. Фабрика-кухня лишь при двух домах была воспринята роскошью и прихотью проектировщика, и потому снесена в 1938 г. То есть идея квартала-коммуны была реализована частично и прервана в самом начале. Это привело к нарушению задуманного функционирования комплекса, к множеству превратных представлений о целом по части, и вызвало долгие нападки на идею коммуны.

Обслуживать уже не квартал, а гораздо большие территории и даже промышленные предприятия города Ташкента была призвана другая фабрика-кухня по проекту инженера С. Чернявского (1930–1933 гг.), расположенная в новгородском центре. Эта строившаяся в тяжелейших условиях фабрика-кухня уникальна для Средней Азии и значима для всей советской архитектуры того периода. Несмотря на постоянные указания партийных и правительственных органов, подчёркивавших большое значение первой в Средней Азии крупной фабрики-кухни и потому необходимость внеочередного снабжения её строительными материалами, строительство длилось четыре года. Фабрика-кухня была рассчитана на 1500 одновременно обедающих и 5500 обедов в день. В её подвале — хранилища и заготовка продуктов, на первом этаже — кухня, на втором — обеденный зал, на крыше — летняя столовая. Остеклённый барабан вынесенного на консолях обеденного зала, открытые галереи и угловые объёмы лестничных клеток — всё это ориентировано на перекресток двух новгородских улиц. Фабрика-кухня функционировала недолго: из-за неудовлетворительного качества строительных работ изменилась предполагавшаяся планировка, нарушалась непрерывность доставки продуктов для столь крупного комбината, не сложилась работа нового общественного здания с рабочими комитетами промышленных предприятий города.

За домами-коммунами последовали так называемые Дома специалистов, проектировавшиеся и строившиеся с начала до середины 1930-х гг. Обобществление быта в них успело

проявиться лишь в начале 1930-х гг. Показательна дискуссия о будущем Дома специалистов в Душанбе. В этом Доме с яслями, прачечной и магазином, в каждой секции предусматривалось обобществление кухонь и ванных комнат. Но, рассмотрев проект, НККХ Таджикской ССР 7 апреля 1932 г. рекомендовал индивидуальные кухни и ванные комнаты, а также исключение элементов обобщественного быта (25). В этом проявилось влияние пересмотра в мае 1930 г. ЦК ВКП(б) «необоснованных и полуфантастических» попыток полного обобществления всех сторон быта (26). Невозможность коренной трансформации семьи подтвердили и так называемые дома переходного типа «для организации взаимного сожительства в них двух противоположных бытовых форм», то есть традиционной семьи и «перестроенного домашнего хозяйства» (27). По поручению СРЕДАЗЖОСО, приступили к «основной задаче по жилищному строительству — введению типового комбината, переходного к социализму, с обобщественным сектором, чтобы дать возможность трудящимся пользоваться в часы досуга культурным очагом, создать для детей ясли, детские сады и прочее» (28). Движение за дома переходного типа предполагало планировочные изменения в домах, неразрывных в функциональной взаимосвязи с коммунальными корпусами системы застройки. Так, в Душанбе на 1932–1934 гг. НККХ Таджикской ССР одобрил опытное строительство: «а) общежитий для бездетных холостяков с обобщественными услугами и удобствами; б) блочных домов 1,2, 3-х комнатных с кухней, могущей быть приспособленной в будущем под жильё; и в) общежитий для семейных с обобщественными услугами и удобствами» (29). Домами переходного типа было поддержано движение к коллективизму в жилой среде и к выходу коммунального общежития за пределы дома и даже квартала. При обсуждении эскиза планировки нового города Гиссара, НККХ Таджикской ССР постановил: «в жилых комплексах разместить дома переходного типа, исходя из существующих норм»; «считать необходимым укрупнить квартал путём объединения двух смежных кварталов, дав для каждого квартала отдельную школу» (30). Эти новшества были направлены на дифференциацию жилищ, определение общественного центра коммунальной жилой единицы, а также на укрупнение жилого комплекса в связи со структурой и развитием всего города. Масштабы коммунального жилищного строительства Средней Азии укрупнились. По принципам коммунального общежития организовывалась среда.

УРБАНИЗМ И ДЕЗУРБАНИЗМ

С 15 ноября 1920 г. «обстрелами из пушек и пулемётов четыре дня и четыре ночи Бухара была разрушена наполовину, 50000 горожан погибло, и власть взяли большевики» (1). Этим началось продолжавшееся весь XX в. разрушение Советами этого прославленного, одного из древнейших городов мира. Новый общественный строй не жаловал исторические города Туркестанского края и занял по отношению к ним идеологически продиктованную негативную позицию.

Двумя же месяцами ранее, 7 сентября 1920 г., был издан Декрет об учреждении в Ташкенте Туркестанского университета. Поначалу университет занимал два крупных здания бывших мужской и женской гимназий в центре города на сквере Революции, бывшем Кауфманском. В 1921 г., по заданию Народного Комиссариата Просвещения, новый комплекс Туркестанского государственного университета спроектировал академик архитектуры Ф. О. Шехтель. Его генеральный план составлен для территории с прямоугольным периметром, внутри которого сильно выражена радиально-кольцевая планировка, свойственная популярным тогда городам-садам дезурбанизма. Главные корпуса университета сосредоточены в центре кольцевой планировки. Вверху же размещены — вперемежку с территориями нескольких парков — комплексы медицинского, агрономического, физико-математического, истори-

ко-философского, социально-экономического, технического и военного факультетов. Завершают генеральный план университета расположенные на самом его верху общежития и посёлок профессорского и служебного персонала. Для этой замысловатой сети улиц разработана схема движения транспорта, а среди парков и водоёмов суждено было восторжествовать, судя по очертаниям планов, архитектуре классицизма и модерна.

К пятой годовщине нового строя были построены первые рабочие городки при Первой туркестанской государственной мануфактуре. Жилища были самыми примитивными, что сквозит даже в оптимистическом описании городка в районе Тезиковой дачи Ташкента: «Рабочий городок представляет собой 10 домиков на 20 квартир. Все домики, построенные, может быть, не так скоро и гладко, как это можно было бы сделать в более нормальной обстановке, представляют для их владельцев столько удобств...» (2). Рабочий городок Тезикова дача спланировали радиально-кольцевым как город-сад. Он имел четыре полукружные дороги, между которыми возводились домики для рабочих, а в обращённом в сторону железной дороги центральном парке построили летний клуб железнодорожников. Сейчас на месте клуба в зелени парка высится трёхэтажный колледж компании Железные дороги Узбекистана.

Ташкент 1924 г. переживал жилищный кризис: население удвоилось с 60 000 в 1917 г. до 130 000. Стихийно возникавшие торговые сооружения и многочисленные базары «засорили все главные улицы до такой степени, что затрудняли движение по ним» (3). Особенно в привокзальном районе малоценная одноэтажная застройка, зачастую трущобного характера, перемежалась с военными казармами, разного рода базарчиками и, тут же, с добротными 2–3-этажными общественными зданиями.

Для упорядочения центрального Воскресенского рынка Ташкента новгородской местхоз запроектовал в 1924 г. четыре типовых торговых корпуса (Г. П. Бауэр, Г. М. Сваричевский). Они не были осуществлены, но в том же году была предпринята более масштабная работа. Городской архитектор Г. П. Бауэр и консультант новгородского местхоза гражданский инженер Г. М. Сваричевский составили План регулировки части нового города Ташкента. План охватил улицу от вокзала к центру нового города, она должна была явить лицо города для тех, кто прибывал в него по железной дороге, и по ней же рабочие отряды маршировали на борьбу за новый строй. Поэтому все эти неприглядные улицы с привокзальными трущобами подлежали перепланировке и застройке, чтобы соответствовать идеалам нового времени. Словом, район должен был олицетворить социалистический Ташкент. Расположенные в этой части города крупные общественные здания Реального училища, Управления Туркестанских путей сообщения, Народного дома, Городской больницы стали в Плате регулировки градостроительными акцентами. Вместе с ними были предложены и социалистические новшества: университетский городок, Дом дехканаина с его рынком, здания библиотеки и музея, театр на площади с монументом, зелёный массив парка и зверинца, спортивный центр, и прочее. Здесь же предлагалось распланировать радиально-кольцевой городок-сад с кварталами из уже рассмотренных нами одноэтажных двухквартирных коттеджей с приусадебными участками. Посреди каждого квартала были спланированы, по английской традиции, небольшие парки. Этот проект намечал перепланировку лишь части нового Ташкента, не берясь за проблемы его старого города.

На протяжении 1920-х гг. сохранялись и росли дореволюционные беспланные рабочие жилые массивы близ промышленных предприятий на окраинах городов. Такими были Нагорный и Подгорный посёлки при кирпичном, керамическом и других заводах на восточной холмистой окраине Душанбе. Центральная дорога этих посёлков застраивалась красными чайханами, магазинами, амбулаторией, и прочим. «В 1924 г. к Пишпеку провели железную дорогу, связавшую его с крупными про-

мышленными центрами страны. И здесь во второй половине 1920-х гг. осуществили наиболее ёмкую планировочную работу того периода — жилой район, именованный Круглым городком, и существующий поныне под названием Рабочего городка. Городок застраивался одноэтажными жилыми домами вдоль четырёх кольцевых улиц, пересекавшихся 24-мя радиальными. В центре намечалось создание парка и площади с общественными зданиями. Данная планировочная работа выполнялась без участия архитекторов. Градостроительство в республике в целом осуществлялось без разработки генеральных планов городов и посёлков (4).

В 1925 г. Пишпекское жилищно-строительное кооперативное товарищество постановило: «Земельные участки для рабочих жилищ необходимо отводить в районе существующих предприятий. Посёлки следует благоустраивать и застраивать коллективными столовыми, читальнями, детскими площадками и т. п.» (5). Целью проектирования становилась жилая среда для рабочих, и она проявилась в соответствии с распространёнными на данном этапе городами-садами. Первое в Средней Азии повторение круглого плана идеального города-сада Э. Говарда в Круглом городке под Пишпеком объяснялось тем, что этот рабочий район, как и английская идея, планировался на садово-дачных землях близ проведённой железной дороги. В Круглом, впервые в Средней Азии, воплотилась идея английского экономиста-планировщика о городе-саде — спутнике главного города, соединённого с ним посредством железной дороги. Городок поэтому предполагался для железнодорожников, однако с ростом столицы он заселялся и приезжими. Посёлок пересекли новые магистрали, и его застройка длилась по 1950-е гг., во многом исказив первоначальный замысел Круглого городка. Не воплощённая до конца идея пригорода-сада и была сочтена формалистической (6). Первая кольцевая улица Круглого городка ограничивала центральный сквер диаметром 200 м. Вторая и третья, а также периферийная четвертая улица пролегли между жилыми секторами. Причём, третья улица-бульвар имела ширину 80 м, а остальные — 20–25 м. В 1920-е гг. такой генеральный план застраивался кооперативами и частниками. Для Круглого городка тех лет характерны одноэтажные и крытые камышом домики среди зелени участков. Жилые кварталы первой очереди возводились без общественных зданий, мест отдыха и спорта, которые возникали позднее вдоль первой кольцевой и некоторых радиальных улиц.

Подводя в 1925 г. «Итоги жилищного строительства за истекший сезон» (7), Г. М. Свиричевский разделил застройщиков следующим образом. Первая категория — «рабочие, застраивающие окраины, элемент наиболее нуждающийся. К ним предъявляется минимум требований». Застройка ими бывших частных земель крупных собственников близ предприятий стихийна и многолика. «Вторую категорию составляют застройщики среднего района. Они возводят сырцовые постройки по утверждённым проектам». В отличие от первой категории застройщиков, жилищное строительство здесь осуществляется организованно и одновременно целыми массивами. Впервые в рабочих городках создаются элементарные общественные центры. Городок железнодорожников имени Первого мая в Ташкенте 1926 г. состоял из 20 кооперативных жилых домов по одну сторону железной дороги, 100 частных домов по другую сторону, и школы на площади посреди городка, территория была обводнена и освещена, а рядом с городком были разбиты сквер и детская площадка.

Отмена частной собственности, создание единого государственного аппарата, осуществление плана ГОЭЛРО, и курс на индустриализацию привели к работам по расселению в масштабе государства. Неотъемлемым компонентом этих работ по расселению было многостороннее развитие нового человека. В конце 1926 г. городские улицы Пишпека дифференцированы как центральные, промежуточные и окраинные. С 1926 г. по улочкам объединявшихся старых и новых городов наряду с узкоколейным

трамваем 1913 г. помчались и отечественные автобусы. В сентябре 1926 г. проведена топографическая съёмка земель под будущую столицу Таджикистана, и СНК республики принял постановление «О строительстве города Душанбе», обязывавшее горисполком прекратить бесплановое строительство и начать проект планировки хотя бы на двести улиц. Хаосом городов занялись после принятия в 1926 г. Строительной секцией Госплана СССР перспективного плана гражданского строительства в Средней Азии на 1926–1931 гг. Он рассматривался как «ориентировочный минимум, который далеко не удовлетворяет огромной накопившейся потребности в новом строительстве» (8). Были намечены безотлагательные меры по первоочередному городскому строительству и действительному наступлению на исторически унаследованные типы расселения. Главное внимание уделялось не государственному и частному строительству жилищ, а кооперации, которая до этого времени в Средней Азии не преуспела. Типовые одноэтажные жилища планировались для 2–5 семей, из сырца и под железной кровлей. Планировались бани, бойни, здания торговли, водопровод, мощение улиц и древонасаждения. Отмечалось: «При быстро идущей застройке городов среднеазиатских республик не наблюдается никакого общего плана в разбивке городских земель. Это явление во многих случаях вызывает порчу городских планов». И предлагалось «выработать обязательные строительные нормы и правила застройки городов на ряд лет вперёд» (9). Планировка и строительство рабочих городков должны были быть дешёвыми и сейсмостойкими из местных материалов и с учётом новых типов зданий и сооружений. Указывалось на необходимость постепенного переустройства жилых домов в старых городах Средней Азии. Перепланировка старых городов называлась второй по важности, после строительства рабочих жилищ и городков. В обоих случаях рекомендовалось изучать заграничные правила застройки городов.

II съезд Советов Узбекской ССР в марте 1927 г. постановил, что «вопросы благоустройства старых городов заключаются в проведении водопровода, канализации, расширении улиц, древонасаждениях, предоставлении минимума условий культурной жизни» (10). СНК УзССР 5 июня 1927 г. в постановлении «О благоустройстве и санитарном содержании городов» поручил всем окружным исполкомам обязать домовладения, учреждения и организации, предприятия и частных домовладельцев оборудовать тротуары и следить за их исправным состоянием и очисткой; следить за состоянием, очисткой и ремонтом мостов, труб, арыков, городских мощёных и немощёных улиц, а также искусственных сооружений на них, и т. д. (11). В этом же году строительная секция Госплана УзССР отмечала: «С устройством для водопотребления общественных колодцев в городе Ташкенте следует запретить пользование заражёнными ховузами. Исчислены были 15 000 рублей на устройство 10 открытых колодцев от 5 до 10 метров глубиной с выкладкой верхней части кирпичом и с приспособлением для поднятия воды. Разрабатывался вопрос об устройстве артезианских колодцев, так как верхние воды заражены массой поглощающих колодцев, издревле практиковавшихся в городе» (12). Со вступившим в строй в 1930 г. водопроводом Бухары население получило надежду на избавление от болезней, вызывавшихся антисанитарией городских водоёмов. Старые города стояли также накануне электрификации. Эти санитарные и технические аспекты их реконструкции шли в ногу с реконструкцией духовной. ЦИК Советов и СНК УзССР от 20 октября 1928 г. постановили: «При составлении планов благоустройства и проектов планировок городских поселений органы местного коммунального хозяйства должны предусмотреть отвод земельных участков надлежащего размера и качества под специальные физкультурные сооружения, расположение которых было бы удобно для пользования ими населения» (13). На месте же существующих зелёных массивов организовывались Парки культуры и отдыха.

Все эти кардинальные перемены привели к тому, что к началу первой пятилетки, в 1927–1928 гг. инженерами столицы УзССР разрабатывался примечательный документ, названный

95

Проект распланировки старгородских земель для Рабочего городка и нового объединённого центра города Ташкента. Распланирована была территория к северо-востоку от старого города между водными каналами Каракамыш и Бозсу. Сюда выходила Тахтапульская улица, многократно выходящая от базара из центра старого города, чтобы пересечься с линией здешней железной дороги. На этой железной дороге была запроектирована новая станция вокзала, а по обе её стороны — два Рабочих городка. Каждый из этих двух городков по величине превосходил регулярно спланированный колониальный город Ташкента. Это говорит о том, что расположенные на железных

96

дорогах рабочие городки рассматривались всерьёз в качестве, образно говоря, локомотива, могущего потянуть за собой планировку крупнейшего города Средней Азии. В радиально-кольцевых планах двух Рабочих городков полностью воплотился половинчатый радиально-кольцевой план колониального Ташкента. И в этих планах уже нет колониальной стратегии защиты от местных старых городов. Напротив, новый объединённый центр города Ташкента должен был существенно преобразовать недавнюю столицу Туркестанского края, фактически соединив четыре её части: азиатскую, колониальную, и два новых Рабочих городка. Тот городок, что за линией железной дороги, так и остался на бумаге. Но на землях пригорода Тахтапуль построили Рабочий городок — в гораздо меньших масштабах, в прямоугольной сетке улиц и в сильно изменившемся сегодня виде. Вслед за Круглым городком Пишпека, два Рабочих городка Ташкента — с их скверами, приусадебными участками, коттеджами — стали откровенным применением дезурбанистической концепции городов-садов Э. Говарда в условиях Средней Азии той эпохи.

С 1927 г. рабочие городки при шёлкомотальных фабриках Среднеазиатского акционерного общества Туркшёлк строились тоже как городки-сады. Коллективизацию в их жилых домах, предложенную в этом же 1927 г. на конкурсе типового жилища для Средней Азии, рекомендовали в качестве экспериментального строительства. Отличительной

97

чертой городков Туркшёлка стала комплексность ради организации нового быта. В генеральных планах городков это проявилось в: чётком зонировании жилой и производственной зон с полосой озеленения между ними; системах бульваров и небольших парков — мест общения; группировке однотипных жилищ ради сплочения коллективов (холостяков, семейных); формированию центров городков из производственных и общественных зданий (дома культуры, детского дома, амбулатории, аптеки, кооператива). В рабочем городке в Маргилане (инженер Кривошапов) общественный центр — это круглая площадь перед фабрикой. К ней направлены улицы городка, а монумент на площади наполнял жизнь городка идеологическим смыслом. Туркшёлк развивал антисейсмическое домостроение усовершенствованием традиционных конструкций кирпичной кладки, оконных и дверных перемычек, перекрытий. Поощрялись и местные приёмы возведения жилища: плоская кровля и деревянный каркас стен.

98

Индустриализация богатого ресурсами востока Средней Азии вызвала строительство там рабочих посёлков — будущих городов. И разрешение тамошней «проблемы коренного кочевого населения» связывали с созданием новых промышленных и сельскохозяйственных поселений, в которых переход от мелкого индивидуального хозяйства к работе в хозяйстве коллективном создал бы предпосылку для ломки традиционного быта. В декабре 1927 г. Госплан Казахской АССР работал над созданием «культурных аулов в районах землеустройства населения». Культурные аулы как районные центры и будущие города следовало «изолировать от влияния байской верхушки в степи»

(14). Было выделено три типа культурных аулов: концентрического типа (сельскохозяйственный центр с промышленностью без перспективы роста); прямоугольного типа (торговый и промышленный центр); и косоугольного типа (переходный от торгового к крупному в будущем промышленному центру). Название аул приняли ввиду преобладания коренного населения в посёлках, а названия их типов определили по начертаниям магистралей. Обновление быта оседающих кочевников могло пойти двумя путями. Первый — трансформировать традиционные хозяйства-кыштакты в колхозы. Так, колхоз на 30 хозяйств размещали близ магистрали в окружении полей. Вокруг центрального парка группировали восемь четырёхквартирных домов без кухонь, ибо питание и досуг — в клубе-столовой, дети — в детском городке, а стирка — в бане-прачечной. «Мы вовсе не предлагаем каждому колхозу возводить сразу все эти здания и сооружения, — заявляли авторы проекта, — в зависимости от мощности колхозов, они могут строиться постепенно по генеральному плану» (15). Вторым же путём к новому быту было поощрение рационального и технически оснащенного индивидуального хозяйства, которое поначалу не отходило бы далеко от национальных традиций. Для этого во дворах заимствованных из России земледельческо-скотоводческих усадеб возводились казахские юрты. Распространение в это время английского и американского опыта поселкового строительства способствовало тому, что Госплан КАССР в качестве рациональной усадьбы для колхоза предлагал также генеральный план типичной американской индустриализированной фермы.

С начавшейся в 1928 г. первой пятилеткой, проекты показательных поселков были готовы в 1929 г., когда отмечалось, что прошлое постепенно терит свое влияние. Проект посёлка цинкового завода в Риддере, разработанный в 1929 г. Государственным институтом по проектированию предприятий цветной металлопромышленности, развил принципы одного из аулов. Посёлок отделён от завода полосой зелени, у реки — общественный центр и парк, имеются конный двор и ферма. Вдоль центральной улицы расположены жилые кварталы в окружении садов. Проект инженера-архитектора Л.И. Лоповка при сотрудничестве А.В. Оха, Л.О. Циперсона и Л.М. Ниппельбаума был направлен на отход от сельского характера застройки. И для этого предлагалось новое жилище. Нормой были приняты 9 квадратных метров на человека, так как ставить рабочего в условия худшие, чем те, которые он занимал в индивидуальном хозяйстве, значило бы сводить к нулю всю идею нового строительства. Были запроектированы квартиры для семей из 2–6 человек. Предусмотрены стандартизация конструкций, центральное отопление, водоснабжение, канализация и другое. Однако не технический усовершенствованный быт был целью жизнестроительства, ставившего проблему исторически новой формы расселения — социалистических городов. Согласно лозунгу «Новый быт — новое жилище» нужно было переосмыслить его как первичную ступень социальных связей. Вот почему авторы — в порядке самокритики — оговаривали: «Запроектированный по принципу лучших немецких поселков — Франкфурта, Бритца и других, — этот посёлок должен быть пересмотрен, так как в нём проблема обобществления не коснулась главного элемента — жилой ячейки» (16). Их труд «К вопросу о проектировании городского и сельского жилища в районах Средней Азии» предполагал к выходу в Среднеазиатском объединении государственных издательств и содержал три части: обзор практики, выбор типа жилища, выбор материалов и конструкций. Но добросовестный взгляд в прошлое ради конструирования из него жилища будущего уже «представлялся несколько устаревшим» (17). Именно так оценил этот труд рецензент Г.М. Сваричевский, видевший назревшую необходимость коренных преобразований: «Учитывая долговечность капитальных построек, а также то, что уклад нашей жизни, меняясь с каждым днём, быстро приближается к полной реконструкции быта на социалистических началах, полагаю, что проектировать и строить новое жилище следует, не задерживая ход развития долговечных переходных типов (форм). Отживающие свой век жилища следует предоставить отживающему поколению» (18).

«Промышленные посёлки — острова бытового переустройства. Промышленный посёлок — первая стадия социалистического города. Новый тип жилья последовательно социалистического типа должен быть не навязан, а принят рабочим населением, которое должно убедиться в том, что новые формы лучше и целесообразнее прежних» (19). Жизнь планировалась на воспитании детей вне семьи (но в двух шагах от родителей), на централизованном питании, общих прачечных и прочих центрах в системе жилой застройки. Общежитие взрослых располагалось близ интерната, школы или ясель. В его Г-образных трёх этажах — общественные помещения (столовая, клуб, и прочее). Близ них — ячейки для одиночек с санитарно-гигиеническими блоками. Обобществлённый блок на 76 человек тоже имел в центре прямоугольного плана общественные помещения и санитарно-гигиенический узел. Первый и третий этажи — для одиночек, второй и четвёртый — с двухкомнатными квартирами. При необходимости, ячейки первого со вторым и третьего с четвёртым этажами могли быть перестроены в квартиры в двух уровнях. Этот проект по директиве Госплана Казахской АССР 1927–1929 гг. вошёл в схему первой стадии социалистического города при предприятиях цветной металлургии. В таких городах были выделены: производство — общественный центр — жилая зона — зона отдыха — и учебный городок, связанный с производством и зоной отдыха. Центральную площадь формировали административные здания и клуб-столовая. К ней примыкали зона отдыха и физкультурный центр близ реки. Центр посёлка связан прямой магистралью с зоной завода, баней-прачечной и фабрикой-кухней. Осуществимость проекта подкреплялась изменениями в быту коренного населения. Оценивая разницу в традиционном образе жизни среднеазиатских наций, авторы признавали, что такие аспекты, как общественно-религиозные догмы и бесправность женщины относительно слабы на казахско-киргизском северо-востоке Средней Азии. Основываясь на исследованиях 1920-х гг., группа Л. И. Лоповка подчеркивала: «В массе своей казахи мало религиозны и фанатизм почти полностью отсутствует. Казахи по складу своему народ очень живой и восприимчивый ко всему новому. В промышленных центрах Казахстана, например в горно-металлургическом Риддере, казахские рабочие стоят на более высоком уровне, чем сельское население. Казахская женщина не закрывает лица. Она хоть и рассматривается как рабочая сила в хозяйстве и над ней тяготеет обычай купли-продажи, тем не менее, казахские женщины легче достигнут освобождения от неравенства». Авторы добавляли к этому и активное участие казахских женщин в общественно-политической жизни рабочих клубов и ячеек (20).

Изучить ростки нового быта, возникавшие в повседневной жизни, и учесть все материальные предпосылки призвало майское 1930 г. Постановление ЦК ВКП (б) «О работе по перестройке быта» (21). Этот курс обратил зодчих к традиционным архитектурно-пространственным формам быта коренного населения, к специфическим природно-климатическим условиям и, вместе со всем этим, к низкому уровню материально-технической базы строительства.

В 1928–1932 гг. первой пятилетки многие казахи ещё вели кочевой образ жизни и в аулах господствовали патриархально-феодалные отношения. В Киргизии две трети мелких скотоводческих хозяйств вели кочевой или полукочевой образ жизни. Перевод кочевников на оседлый образ жизни был связан с массовой коллективизацией в 1929–1941 гг.

И в 1929 г. в Казахстане развернулось массовое колхозное движение за оседание и землеустройство бывших кочевников. «В 1931 г. в Киргизии разбили усадебных территорий для 10 тысяч хозяйств 28 новых посёлков. И в следующие три года были построены дома для 45 тысяч семейств бывших кочевников, возникло 200 благоустроенных посёлков» (22). Для них в 1932–1933 гг.

проектировал архитектор В. П. Калмыков, родом из Средней Азии и хорошо знакомый с архитектурно-пространственными формами быта кочевников. Считая основной задачей в колхозах оседающих кочевников необходимость постепенного и планомерного привыкания к оседлому образу жизни, В. П. Калмыков тоже начал с жилой ячейки. От кочевнической *юрты* он заимствовал: антисейсмичность её круглого плана; малый периметр наружных стен; отсутствие углов (конденсаторов пыли и грязи), а также большую высоту, улучшающую вентиляцию и предохраняющую от солнечного перегрева. Мобильность *юрты* — при конструкции из деревянного каркаса с брезентовой стенкой или камышовыми плитами — была важна для скотоводческих хозяйств будущего. Начав с прямого подражания формам *юрты*, В. П. Калмыков перешёл к созданию «национально-привычных архитектурных форм» (цилиндрических, шестиугольных, прямоугольных) и частей зданий (летние помещения, балконы, причудливые оконные проёмы). Во всех этих жилищах для оседающих кочевников нижний уровень — круглая в плане общая комната, а верхний — антресоль с балконом или открытое летнее помещение на плоской кровле. Нижняя часть жилища — сырцовая, верхняя — из камышита по каркасу со штукатуркой; в центре жилища — печь, как и в традиционной кочевнической юрте. Архитектор развил эти черты нового жилища для более крупного круглого жилого дома в трёх уровнях, а также для блока антисейсмических шестигранных жилых домов. Следуя групповому расположению *юрт* в степи, В. П. Калмыков организовал круглые и шестиугольные в плане комплексы индивидуальных жилищ оседающих кочевников. В их центре — озеленённая площадь с водоемами (прототип — *ховузы* Бухары). Вокруг центральной площади — приусадебные участки, а далее — сельскохозяйственные угодья. Такие образования располагались гроздьями вдоль главной магистрали колхоза. Вдоль неё запроектированы: парк, группы жилищ в окружении сельскохозяйственных угодий, административный центр, животноводческий сектор и рабочий двор при транзитной дороге, на которую выходит колхозная магистраль. Другой посёлок в пустынно-степной местности имеет железную дорогу и протянувшиеся вдоль неё зоны производства, озеленения, жилья и отдыха, — как в известной поточно-функциональной схеме планировки города Н. А. Милютина 1930 г.

Города-сады Англии вдохновили строительство на рубеже 1920–1930-х гг. в окрестностях Нью-Йорка первых микрорайонов-общин (*neighborhood community*) до 60 га с разделением пешеходных и транспортных путей, для чего школа радиусом обслуживания 800 м размещалась в центре, а учреждения обслуживания — по периметру. В новом городе Рэдборн в 20 км от Манхэттена пешеходные и транспортные пути разделили полностью: каждый дом размещался между такими путями (23). Микрорайоны-общины оказали, начиная с этого этапа, сильное влияние на планировки и наших городов в XX в.

В 1928 г. Четвертое совещание по строительству в Средней Азии отметило «полную неувязку гражданского и рабочего жилищного строительства с перепланировкой новых и, в особенности, старых городов» (24). И в 1929 г. Председатель СНК УзССР Файзулла Ходжаев заявил: «Лишь в самые последние годы правительственные органы систематически изучают проблемы градостроительства и старых городов, лишь недавно мы сделали эти вопросы предметом наших годовых планов и пятилетки. В этом году мы впервые в высших органах партии и в Совнаркомке поставили и обсудили проблемы старых городов, посвятив им ряд заседаний, и наметили, наконец, конкретный план работы на этот год и на ближайшее время» (25). «Вопрос о старых городах — это вопрос о предоставлении работы пролетаризирующемуся кустарю-ремесленнику, это вопрос приближения наших предприятий к старым городам, это вопрос о строительстве ряда таких предприятий в старых городах, которые поглотили бы значительную часть свободных рабочих рук старого города и воспитали бы из них настоящих пролетариев» (26). В организованном в 1929 г. в Ташкенте Бюро по перепланировке городов

Средней Азии начали проектировать Самарканд, тогдашнюю столицу УзССР, и Ташкент. Автором эскиза-идеи перепланировки Самарканда (1929–1930 гг., эскиз не сохранился) был архитектор А. Панкратов. Бюро придавало большое значение перспективам развития городского транспорта. Однако вдохновленная идеей немецкого планировщика Теодора Фриша 1896 г. сеть новых магистралей Самарканда в форме спирали Архимеда с расходящимися от её вершины лучами была осуждена как оторванная от существующих реальностей. Неудача проектирования и переезд в 1930 г. столицы УзССР в Ташкент лишили проект А. Панкратова перспектив. Эти перспективы открылись перед бригадой начальника Бюро А. А. Сильченкова, выпускника московского архитектурного вуза в 1927 г. А. А. Сильченков придерживался директив узбекского правительства, привлекая одновременно спектр новейших тогда градостроительных идей. Им были учтены и те предварительные планировочные изыскания, которые проводились к тому времени в Ташкенте.

101

Для первых проектов перепланировок городов Средней Азии рубежа 1920–1930-х гг. проводятся геодезические съёмки городских территорий. В июне 1931 г. во Фрунзе создается Земельно-планировочное бюро для съёмок в городах Киргизии: Фрунзе, Пржевальске, Токмаке, Джалалабаде, Оше. Таджикистан, ещё в 1926 г. выполнив топографическую съёмку земель под свою будущую столицу, с 1929 г. образования Таджикской ССР и проведения железной дороги Термез-Душанбе интенсивно ведёт промышленное и жилищное строительство. В 1930 г. СНК Таджикской ССР утвердил первый проект планировки Душанбе, не имевший, однако, влияния на последовавшую застройку столицы. В этом же году создан Таджикский государственный проектный трест Таджикгоспроект с сектором планировки городов. При наличии заказов, в секторе не было специалистов по планировке городов. Приглашенные же иностранные специалисты очень скоро покинули республику по ряду субъективных причин.

Индустриализация и то, что с самого начала нового развития определялось как проблема коренного населения, привели в эти годы к поискам социалистического расселения, планировочных структур городов и их жилых комплексов в проектах Чарджоу как столицы Туркменской ССР, столицы Киргизской ССР Фрунзе, и городов Узбекской ССР Намангана и Андижана, и столицы Ташкента.

102

Распространившуюся в начале XX в. концепцию линейного города Советы именовали поточно-функциональной — по аналогии с промышленным конвейером. И именно так проектировалась столица Туркменской ССР Чарджоу на конкурсе 1931 г. архитектурными объединениями АРУ, ВОПРА, САСС. Поточно-функциональную схему Н. А. Милютин применили к территории столицы, расположенной между пустыней и рекой Амударьей. Новая столица как политический центр и центр текстильной промышленности располагалась между старым Чарджоу на юге и новым на севере. Здесь проходили: железнодорожный путь Керки-Хива, две автомагистралей, водный транспорт Амударьи, и линии воздушного сообщения. Поэтому, линейной столице надлежало стать «производной органического протяжения по всей долине» (27). Провозглашалось, что «планировка социалистического расселения не является случайным внедрением нового организма в существующие капиталистические формы расселения, а является следствием планировки целого района местности с учётом её экономики и общего плана народного хозяйства страны» (28). Между рассекавшими долину двумя автомагистралями проектировщики располагали полосы расселения, ширина и протяженность которых соответствовали количеству рабочих на стадиях производства хлопка. Город явил собой полосу шириной один километр вдоль Амударьи, где температура воздуха ниже на 10–11 градусов. Главная площадь с учрежде-

103

ниями культуры, науки и образования находилась на севере, между промышленностью и селитьбой первой очереди. Сюда, к Дому правительства вела 100-метровой ширины магистраль с расположенными вдоль неё общественными центрами районов. Жилые районы планировались от железной дороги к реке, с которой в город по каналам шириной 6–8 метров заплывал грузовой и пассажирский транспорт. Эти каналы улучшали микроклимат, а зелень вдоль них защищала кварталы от пыльных и горячих ветров. Распределяя городские центры равномерно, проектировщики Чарджоу провозглашали в духе дезурбанистов: «Нет окраин и нет центра! Есть город, в котором материальные и культурные блага равномерно расположены среди всего трудящегося населения в районных центрах и жилых элементах» (29). Существовавший быт предусматривалось изменить тремя типами жилья: индивидуальным, коллективно-групповым, и обобществлённым. Индивидуальный был данью среднеазиатской кочевой *юрте* и стационарному дому, сгруппированным вокруг центров со столовыми, душевыми, кино и спортзалами, библиотеками, яслями и пр. Коллективно-групповое — это индивидуальные жилища и общая кухня вокруг холла с выходом на плоскую кровлю (возможно, этим типом жилья и вдохновился в 1931 г. Г. М. Сваричевский, создавая свой коллективный жилой дом Полушарие). А обобществлённые кварталы состояли из жилых ячеек, и центр каждого квартала имел типовые ясли и интернаты, столовые, залы собраний, спорт и пр. Таким образом, центром становился санитарно-гигиенический блок (в переходном типе) или развитый общественный центр (в обобществлённом типе). Индивидуальные кухни и детские комнаты ликвидировались путём трансформаций ограждающих конструкций, поскольку питание предусматривалось в комбинатских столовых, а дети отдавались в сады и ясли. В генеральном плане города жилые районы пересекались полосами дошкольного воспитания (в продольном направлении) и школьного образования (в поперечном направлении). Последние продолжались полосами политехнического образования в зелёной зоне близ промышленности и гуманитарного образования вдоль побережья. С таким линейным расселением связывались надежды на достижение равных условий жизни для всех.

Также с учётом агроиндустриализации долины — на этот раз Ферганской в Узбекистане — в 1931–1932 гг. АРУ проектировала здешние города Андижан и Наманган. Здесь тоже возобладали дезурбанизм и, ради уничтожения противоположности между городом и деревней, город и тут стал центром агроиндустриального комплекса по засеву и уборке хлопка, его первичной обработке, и переработке в ткань. Рабочим, занятым во всех стадиях производственного процесса, следовало предоставить одинаковые условия расселения. Как и Чарджоу, Андижан и Наманган являлись городами-двойниками, то есть состоявшими из древнего города и его новой части колониального периода. Если Чарджоу спланировали на расстоянии и независимо от двух уже существующих городов, то в Ферганской долине древний и новый города являлись собой целостные и довольно большие поселения. Их нельзя было игнорировать, — требовалась реконструкция. Хотя АРУ и утверждала, что «жилищное строительство на основе индустриализации Средней Азии должно требовать организации населённого пункта вне обязательной зависимости от существующих исторически сложившихся поселений» (30), невозможность разрушения старых городов в кратчайшие сроки и перевода их населения в новые города становилась всё очевидней. Поэтому, лишь гибкое включение существующих городских и сельских поселений в единую административно-политическую, хозяйственную и культурную структуру экономического района могли привести к началу многолетнего процесса социалистического расселения. В этих проектах транзитная магистраль через Ферганскую долину пересекала центры Андижана и Намангана. Радиально-кольцевая сеть улиц русского нового города, санитарно-гигиени-

чески и технически приемлемого, почти не изменялась, но нерегулярная морфология азиатского старого города перепланировалась для нового строительства в прямоугольную сеть магистралей. Крепости этих городов — некогда место средоточия феодальной и колониальной властей — разрушались для организации центра социалистического города, удобно связанного с районом и долиной по транзитной магистрали. Промышленные зоны оставались на тех окраинах новых городов, где уже имелись предприятия, в большей части — хлопковые заводы. Новые же жилые районы развивались вместе с учреждениями коммунального обслуживания вдоль транзитной магистрали. Парки культуры и отдыха (по 80–100 га) становились частью единой системы зелёных зон кварталов, районов и промышленности. АРУ заявляла, что «для нового жилищного строительства в условиях Средней Азии важно определить прежде всего последовательность во времени практического осуществления мероприятий» (31). И поэтому планировала типы жилья, менявшие быт постепенно. Квартал состоял из домов индивидуального и переходного типа, но без домов-коммун. Поточно-функциональная схема Н. А. Милютина применена без присущей линейным городам растянутости коммуникации и системы центров. Вместо радикальных проявлений дезурбанизма и линейности, городам Ферганской долины было предложено то, что архитекторы извлекли из экспериментов с линейными системами: расположение у, но не вдоль дорог компактных населённых пунктов.

Линейные формы расселения оказались полезными для относительно не крупных поселений. И их несостоятельность решить проблемы больших городов обратила архитекторов к концепции «организованной децентрализации», предлагавшейся с начала века финским архитектором Элизлом Саариненем. Согласно этой концепции, город следовало рассредоточить на компактные федерации полуавтономных районов, соединённых скоростными магистралями. Каждая федерация явила бы тогда собой «функциональную концентрацию», где население трудоустраивалось по месту жительства при центрах производственной деятельности, таких как мастерские или заводы. Организованная децентрализация повлияла на план реконструкции Москвы 1924 г. (профессор С. С. Шестаков) и наиболее радикально проявилась в ряде её дезурбанистических проектов 1930 года.

Вывод промышленности за пределы города, организация близ неё федеральных районов, возрастание роли скоростного городского транспорта и перепланировка исторического центра, — всё это было принято и для первого проекта перепланировки Ташкента 1929–1933 гг. архитектором А. А. Сильченковым. Проект Ташкента разрабатывался, когда в советском градостроительстве радикальные аспекты урбанизма и дезурбанизма получали осуждение. Поэтому сложность проекта А. А. Сильченкова — в сочетании положительных аспектов этих двух градостроительных направлений начала XX в.

Восхищаясь недостижимыми фантазиями урбанизма, архитекторы в эти годы выбирали всё же гораздо более реальные предложения дезурбанизма, и это отразилось в их взглядах на то, как застраивать города Средней Азии. Многоэтажное строительство оставалось областью самых осторожных высказываний и проектных поисков. В 1929 г., например, академик А. В. Шусев предлагал для Самарканда уже не 1–2, а 2–3 этажа, и 3 этажа — в качестве крайней уступки (32). Вместе с этим, В. П. Калмыков, ссылаясь на многоэтажные народные жилые дома Кавказа и Аравии, считал застройку среднеазиатских городов крупными многоэтажными жилыми комплексами реальностью уже ближайшего будущего. И одним из первых впечатляющих видений подобного рода многоэтажных городов стала фантазия ленинградского архитектора Я. Г. Чернихова Город Востока (1931 г.). Очень напоминая супрематическую архитектуру художника Казимира Малевича, нарисованный Я. Г. Черниковым образ будущего восточного города уплотненностью своей застройки, подчёркнутой вертикальностью и игрой архитектурных объёмов вдохновлён конкретными исторически-

ми традициями и, — что не менее важно, — небоскребами США, завоёвывавшими тогда умы многих зодчих мира. Когда же в 1934–1935 гг. начались первые изыскания по укрупнению и зонированию колониальных решётчатых планов Фрунзе и Алма-Аты, В. П. Калмыков предложил для Фрунзе те круглые и шестиугольные в плане кварталы, что были спроектированы им ранее для поселений оседающих кочевников. Идея шестиугольной формы городских кварталов, предлагавшаяся для урегулирования городского движения ещё в семидесятые годы XIX в. Эрнстом Брухом, была воскрешена в двадцатые годы XX в. немецким архитектором Гартманом. И в конце двадцатых годов её популяризовали архитектурно-строительные журналы СССР. В необычной форме крупных городских кварталов В. П. Калмыков увидел средство создания выразительного ансамбля центра Фрунзе. На его измельчённый план накладывался планировочный крест из двух полос: полосы Парка культуры и отдыха, протянувшейся через весь город с севера на юг, и полосы шестиугольных кварталов, идущей с запада на восток. Другая полоса шестиугольных кварталов шла на западной окраине города близ промышленности параллельно полосе ПКЮ. Идея шестиугольных кварталов предполагала их обстройку по периметру многоэтажными жилыми домами с торговыми помещениями на первых этажах. В центре же озеленённого внутриквартального двора возвышался жилой дом башенного типа с гаражами.

Хорошим заделом для проекта перепланировки Ташкента стали работы в области ландшафтной архитектуры, проводившиеся Я. К. Гаазенкопфом (1888–1944 гг.), чехом по национальности. Прочувшись в Англии, Франции и Германии по специальности агронома-садовода и ландшафтного архитектора, он в 1918 г., по предложению Советского правительства работать по своей специальности в Средней Азии, начинает трудиться в Ташкенте вначале агрономом в Продовольственном комитете, а с 1919 г. заведующим Ботаническим садом при Среднеазиатском государственном университете. В 1924 г. он принял советское гражданство, восстанавливал пришедшие в упадок после войны и разрухи зелёные хозяйства городов, благоустраивал их. Я. К. Гаазенкопф выявлял сады, скверы, бульвары, нуждавшиеся в благоустройстве и реконструкции, а также пустыри, которые можно было бы превратить в зелёные массивы общественного пользования. Такие работы не требовали сноса застройки или больших затрат, и потому были по силам городским хозяйствам молодых республик. С открытием в 1928 г. Парка культуры и отдыха имени Горького в Москве, и в проекте перепланировки Ташкента 1929–1933 гг. разработанный Я. К. Гаазенкопфом ПКЮ занял центральное место. К проекту перепланировки Ташкента Я. К. Гаазенкопф разработал альбом Озеленение города Ташкента: городское садоводство 1926–1932 гг., в котором указывалась важность садов и парков для оздоровления города, для политико-культурного воспитания трудящихся и организации их досуга. Я. К. Гаазенкопф благоустраивал сады, парки, бульвары и пустыри: городской сад (у нынешнего Хокимията), сквер Коммунаров (у Музея искусств), сквер на площади Иски Джува, соседний старгородский парк. Положения альбома воплотились в садах, парках и скверах генерального плана Ташкента. Их было более двадцати и осуществление их всех было проиллюстрировано в альбоме. Было создано городское тепличное хозяйство для ежегодного выращивания для города ассортимента цветочных и древесных насаждений. Другой альбом предлагал создание ПКЮ на трёх территориях города, из которых, в результате, и была выбрана центральная территория на площади 80 га с ежедневной посещаемостью парка 10000 человек, для которых культурно-воспитательная работа сочеталась с коллективными формами отдыха. В разных по своим функциям зонах парка, среди соответствующего назначения зданий, было предусмотрено создать из деревьев и кустарников пространства с ближними и дальними планами, объединённые тем или иным художественным стилем. Крупной работой Я. К. Гаазенкопфа

1929 г. стал и проект Ботанического сада для Туркменской ССР, учитывавший климатические зоны этой республики. Рассчитанный на осуществление в течение 5 лет, сад был исполнен в английской концепции сохранения природы, хотя цветники в нём были итальянские, а так называемый показательный участок предполагался во французском стиле (33, 34).

В отличие от проектов Москвы, децентрализация Ташкента не распространялась на обширные территории, — он сохранял компактность, и это роднило его с организованной децентрализацией. Впервые было предложено застроить среднеазиатский город стандартными 4–5-этажными жилыми комплексами. Они были вдохновлены крестообразными в плане небоскрёбами Ле Корбюзье в его урбанистическом проекте города на 3 миллиона жителей. Сходство плана этого города и перепланировки Ташкента видно в: 1 — расположении промышленных зон и агросекторов по сторонам света; 2 — П-образном (у Ле Корбюзье) и подковообразном (у А. А. Сильченкова) центре города; 3 — диагонально-шахматной планировке магистралей. Выделяются три типа магистралей: 1 — радиальные от центра к пригородным федеративным районам; 2 — вдоль подковы общественного центра вокруг ПКИО; 3 — ромб магистралей, соединяющих промышленные федерации и агрокультурный сектор. А. А. Сильченков не считал целесообразной реконструкцию от центра, предлагавшуюся АРУ для городов Ферганской долины. Он учитывал тяжёлое положение в жилищном фонде старого города: «Сейчас надо оберегать этот жалкий жилой фонд и, опираясь на него как на резерв, вернуть мощное жилищное строительство на свободных от застройки садово-дачных здоровых землях. И к концу второй — началу третьей пятилеток, вместе с этим жилым фондом, достичь нормы 7,5 кв. м жилой площади на человека. А уж потом приняться за освобождение территории для будущего ПКИО» (35). Логичность застройки от периферии к центру подтвердила многолетняя практика строительства в столице. Ташкент определялся как федерация агросектора на западе с тремя промышленными городами (северным, восточным и южным) вдоль линии существующей железной дороги. Эта полоса промышленных зон охватывала жилые зоны трёх федераций. В проекте была выражена вероятность роста на северо-восток, что тоже подтвердилось развитием столицы. Бригада А. А. Сильченкова была убеждена в том, что «мелкобуржуазный и частный быт, возведённый на основе новой техники, представляется ещё более страшной и реакционной силой» (36). Поэтому, новые жилые комбинаты состояли из взаимосвязанных галереями и переходами детских садов и ясель, начальной школы, кухни-столовой, клуба, библиотеки, физкультурных сооружений и пр. Эти жилые корпуса на 4000–5000 человек крестообразно спланированы вокруг общественных сооружений среди зелёных насаждений квартала площадью 20–25 гектаров. Комбинаты мыслились как форма, переходная к домам-коммунам. Идее переходности способствовало расположение галерей и жилых ячеек, найденное А. А. Сильченковым (патент № 17698). Галереи были вынесены из жилого корпуса и смещены относительно уровней его пола так, что в оставшихся свободными пространствах способом трансформаций перегородок жители могли получить 10 типов квартир со сквозным проветриванием и прямым светом для всех помещений, включая передние и санитарные узлы. Массовое строительство четырёхэтажных жилых комбинатов современники восприняли критически, но уже во второй стадии планировки города бригадой под руководством архитектора Н. Н. Семёнова (1934–1937 гг.) 54% нового жилого фонда предусматривалось четырёхэтажным и 20% трёхэтажным. На месте плотно застроенного старого города проектировался ПКИО с прорезывающим его проспектом манифестаций и центральной площадью. Между парком и тремя федерациями

106

107

108

возвышались общегородские и федеральные общественные здания. А. А. Сильченков был выпускником московского вуза, и для центра Ташкента развил свой публиковавшийся в союзной печати дипломный проект городского общественного центра в виде гигантского кольца с вознесенными к небу многоэтажными корпусами. А. А. Сильченков предложил единый городской центр, объединивший два прежних: старогородской центр подлежал сносу, а радиально-кольцевая планировка центра колониального города становилась частью крупномасштабной системы магистралей социалистического города. Работе А. А. Сильченкова, как мы уже отмечали, предшествовал раздел «Озеленение генерального плана Ташкента», — он получил положительную оценку и был развит на последовавших стадиях развития города. К примеру, на предлагавшихся этим разделом двух территориях были впоследствии разбиты Ботанический сад АН УзССР и ПКЮ Комсомольское озеро (37, 38).

По завершении первый проект перепланировки Ташкента был подвергнут критике, А. А. Сильченков осужден как «враг народа», и автор, как и сам проект, исчезли. Материалы проекта были опубликованы мной в архитектурной печати Узбекистана 40 лет спустя, когда С. О. Хан-Магомедов помог мне отыскать А. А. Сильченкова в Москве (39). Последовавший после А. А. Сильченкова этап планировки Ташкента был резко приспущен от мышления на уровне глобальных идей к локальному землеустройству. И выполненная в Ташкенте в 1934–1937 гг. схема развития Ташкента была оценена экспертизой в Москве следующим образом: «... в начертании системы магистралей чувствуется чрезмерное подчинение рельефу и арычной сети. В результате структура плана недостаточно ясна и проста» (40).

Первый проект перепланировки Ташкента производил большое впечатление на тех, кто был знаком с ним. Вместе с этим, повод для критики проекта на просмотрах, обсуждениях и в отзывах 1932–1934 гг. давали два главных его качества: значительная перспективность, геометризм и симметрия, отрыв от естественных условий территорий и, как следствие, недостаточный учёт возможностей начала 1930-х гг. Первое качество было логично для времени, когда впервые в грандиозных масштабах требовалось дать общие намётки будущей организации и развития города. Исходя из этого, проект 1929–1933 гг. вернее было бы определить как генеральную схему перепланировки. Первый проект перепланировки Ташкента охватил четыре года активных градостроительных поисков в Средней Азии и синтезировал в себе не столько местную специфику, сколько — и это более важно — важные тенденции градостроительства начала XX в. и стремление идти в ногу с ним. А. А. Сильченков соединил в своём проекте урбанистические и дезурбанистические методы, руководствуясь директивами общегосударственного планового хозяйства в отношении к исторически сложившемуся городу. И, в результате, он конкретно изложил те черты и последовательность планирования крупного города, которые в 1940–1960-х гг. были «открыты» в трудах Вальтера Гропиуса — одного из четырех великих архитекторов XX в. У В. Гропиуса читаем: «Какая же последовательность процесса лучше всего поможет нам взломать тот порочный круг, который душит наши города? Поскольку они страдают от перенаселения и нуждаются в избавлении от «высокого кровяного давления», нужно прежде извлечь оттуда людей, которые не могут найти там работу, и устроить их при промышленности в добрососедских комплексах, сооружаемых за городом. Освобождённые, таким образом, пространства в городе могут быть использованы для создания необходимых коммунальных сооружений и парковых пространств, а также для обязательной сети дорог, соединяющих добрососедские округа друг с другом и с общественными центрами. Таким образом, заново открытые пространства умирающих городов вернутся к своей истинной функции органического объединения частей общества. Такое развитие, разумеется, требует времени. Планирование добрососедских комплексов на открытых пространствах

пригородов станет главным в процессе реконструкции. И затем полученный опыт позволит нам совершить более трудный шаг — развить новые общественные центры в границах самих старых городов» (41).

НАЦИОНАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА

В 1918 г. на съезде Советов Туркестанского края в Ташкенте была провозглашена Туркестанская АССР, которая для восстановления разрушенного народного хозяйства приступила в 1921–1923 гг. к государственному и хозяйственному строительству. Первым шагом республики содействовал российский академик архитектуры и мастер стиля модерн Ф. О. Шехтель, возглавлявший в 1921–1923 гг. архитектурно-технический совет Комитета по строительству государственных сооружений; он также являлся председателем комиссий и жюри конкурсов, преподавал и много проектировал. В 1921 г. по заданию Народного Комиссариата Просвещения Ф. О. Шехтель проектировал рассмотренный уже нами Туркестанский государственный университет в Ташкенте. В целях же хозяйственного строительства, Ф. О. Шехтелем для так называвшейся Голодной степи Узбекской ССР были выполнены проекты ирригационных сооружений и посёлков при них. Поскольку мастер не был непосредственно знаком с исторической монументальной архитектурой Средней Азии, над его выполненными

109

в национальном стиле общественными зданиями для Голодной степи высились откровенно арабские по стилю минареты и купола. Совершенно противоположное произошло в 1923 г., когда, совместно с художником В. Развадовским, Ф. О. Шехтель на первой Всероссийской кустарно-промышленной выставке в Москве построил Туркестанский павильон. Художник В. Развадовский преподавал в Ташкенте и возглавил отправленную в Москву бригаду узбекских мастеров-оформителей. Ф. О. Шехтель покровительствовал узбекским мастерам, самолично заботясь даже об их питании в то голодное время. И мастера декорировали Туркестанский павильон уже не в некоем мавританском, а в конкретно среднеазиатском стиле. Павильон имел Ш-образный план и центральный объём его главного фасада был уподоблен пропорциями и главными членениями мавзолею Саманидов в Бухаре. Бухара вошла в мировую историю как центр первого политического и культурного Ренессанса Средней Азии IX–X вв. В ней науки были подняты на новые высоты и затем распространялись по всему цивилизованному миру. По XVII в. столицы мусульманских государств планировались по Бухаре, а усыпальницы их правителей строились по мавзолею Саманидов. В этом смысле выбор мавзолея Саманидов для Туркестанского павильона был продуман. Выбор же его именно в это время, когда государство одолевало тяжёлый период разрухи 1917–1923 гг., возвестил о начале нового этапа возрождения Средней Азии.

Новая политика, идеология и архитектура сталкивались с прошлым миром прежде всего в общественных зданиях культурно-просветительного назначения. Сооружения этих трудных лет становились достоянием нации: не просто национальным стилем, но национальной архитектурой. В ней со всей решимостью заявлялась главная цель — внедрение социалистической культуры в старые города. В 1920 г. Народный Комиссариат Просвещения Туркестанской Республики постановил «немедленно приступить теперь же к постройке узбекского театра в старом городе Ташкента» (1). В 1921 г. Самаркандский областной отдел Туркестанского комитета государственных сооружений вёл переписку о постройке «мусульманского театра на стенах прежнего театра в Пушкинском парке Самарканда» (2). В 1921 г. Комиссариат Народного Просвещения Туркестанской Республики утвердил широкую программу строительства в городах Средней Азии «Народных домов для туземного населения» (3). Первое постановление стали исполнять лишь в 1927 г. в старом городе

Ташкента, начав строительство театра, получившего впоследствии имя Хамзы, затем театра юного зрителя Молодая гвардия, и потом имени Абнора Хидоятова. Результатом переписки 1921 г. стала настолько долгая эпопея реконструкции дореволюционного театрального здания, что в 1929 г. СНК УзССР определил другое место для строительства «мусульманского театра» — на «участке, отведённом Горсоветом на границе старого и нового городов Самарканда (4). А в 1923 г. — всего через два года после утверждения программы строительства «Народных домов для туземного населения», — несмотря на разрушения Бухары в гражданской войне, напротив цитадели Арк под личным контролем Председателя СНК Файзуллы Ходжаева воздвигли первый Народный дом, ныне Бухарский областной театр.

Функционирование театров в старых городах того времени могло стать переворотом в общественной жизни, особенно, в начавшемся политико-нравственном процессе раскрепощения женщины. Но театр, в сравнении с широкой программой и ярко выраженным демократизмом Народного дома, всё же отдалён от народных масс своим профессионализмом. Народные дома, как и в России, строились в Средней Азии и до революции. К примеру, Народный дом в колониальном городе Ташкента (1915 г., И. А. Маркевич), как и другой в колониальном городе Самарканда, стали привнесением из России в Среднюю Азию новой жизни демократизировавшихся городов Европы. В Брюсселе, к примеру, в 1897–1900 гг. архитектором Виктором Орта был построен ставший классикой новой архитектуры Народный дом Социалистической партии трудящихся Бельгии (5). Переняв из Европы такой институт общественного самоуправления, Россия у себя и затем в Средней Азии способствовала совершенствованию жизни городов, а изначальный социалистический характер Народных домов способствовал признанию и Советами их демократической программы. Программа Туркестанской Республики по строительству Народных домов наметила три их типа, каждый из которых должен был вместить культурно-просветительскую работу и партийную деятельность (6). Народный дом первого типа включал театральный зал на 3 000 человек, а также помещения клуба на 500 человек, библиотеки на 50 000 книг, читальни на 50 человек, Союза коммунистической молодежи на 500 человек, 5 комнат партийных и профессиональных организаций, женского отдела на 100 человек, и 3 комнаты редакции местной печати. Народный дом второго типа был половиной первого, а Народный дом третьего типа — четвертью первого. Народные дома первого типа предполагалось построить в Ташкенте, Самарканде, Коканде. Второго типа — в Андижане, Маргилане, Намангане, Марах, Каттакургане, Алма-Ате. И третьего типа — в Аулиеате, Кзыл-Орде, Казалинске, Ленинабаде, Пржевальске, Чимкенте, Туркестане, Ура-Тюбе, Красноводске и Оше. В программе строительства Народных домов ясно указывалось их местоположение в системе населённых мест — старые города. Этим, как и настойчивыми определениями «узбекский театр» и «мусульманский театр», Советская власть в Туркестанской республике чётко определяла начало культурной реконструкции, в первую очередь, старых городов Средней Азии посредством архитектуры с ярко выраженной национальной образностью.

Народные дома предполагались как грандиозные общественные центры старых городов. Но даже деление их по величине не приближало строительство к возможностям городских хозяйств. Предпосылки для реального строительства появились лишь с самоопределением среднеазиатских республик с 1924 г. Поэтому уникальным было строительство в 1923 г. в Бухаре Народного дома третьего типа. С улицы центральный вход ведёт в вестибюль, два фойе, зрительный зал и к сцене. На главном фасаде Народного дома, по обе стороны от его центрального входа, широкие лестницы ведут на второй этаж в помещения партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. Каждый из двух фойе при зрительном зале раскрывается во внутренний дворик — по

его периметру расположены помещения клуба, женского отдела, редакции местной печати, библиотеки и читальни. В эти дворики можно войти и с затенённых аркадных галерей главного фасада. Так многообразие функций Народного дома нашло своё ясное выражение на его главном фасаде. Народность дома выразили и традиционными формами портала, стрельчатых арок, тенистых галерей. В двух куполах над главным фасадом их металлические листы прибиты к четырёхгранному деревянному каркасу на квадратном основании, — такие купола характерны для русского строительства колониального периода. Из этого, а также из добротной планировки всего Народного дома и продуманного решения его просторного зрительного зала с местами по второму ярусу, можно предполагать, что его неизвестный зодчий был одним из опытных российских гражданских инженеров колониального периода. Портал и стрельчатые арки как национальные формы, а также впервые использованный в этом Народном доме приём расположения двориков при фойе по обе стороны зрительного зала многократно повторялись в архитектуре Узбекистана последовавших периодов — во двориках кинотеатра Ватан, лоджиях театра имени Навои, дворике театра имени Мукими в Ташкенте, и так далее. В годы проектирования и строительства этих театров крупный архитектор-реставратор Узбекистана Б. Н. Засыпкин сетовал на отсутствие направления в архитектуре: «руководящие органы в области архитектуры и искусства не ставят и не возглавляют движение к созданию национальной архитектуры» (7). Действительно, национальная архитектура начала XX века была во многом спонтанным явлением и, при отсутствии какой бы то ни было единой концепции, продолжала во многом инерцию XIX века по воспроизведению стилей прошлого. Одновременно, были и счастливые исключения, не оценённые, однако, общественностью тех лет и не вошедшие, поэтому, в истории архитектуры в качестве положительных примеров. Таким положительным исключением и стал Народный дом, построенный под руководством Председателя СНК Файзуллы Ходжаева: его значение заключается в том, что для такого типа здания впервые были определены планировка и формы архитектуры, определившейся с этой поры как национальная.

В годы лишений и перемен строительство зданий в Средней Азии оказывалось зачастую непростым делом, и потому одержимое новой идеологией общество воплощало свои устремления скорее в некрупных объектах пропаганды, исполненных из привезённых скульптур и на основе недорогих местных материалов. Поэтому монументальными эти объекты можно назвать не столько по их физической внушительности, сколько просто потому, что они — монументы, в смысле памятники, напоминавшие о важных обществу того времени идеях, событиях, людях. Эти ориентиры, воздвигнутые в хаосе тогдашней жизни, фиксировали в городах и сёлах места проведения многочисленных торжественных собраний и шествий. Идеи и символы их зачастую необычных архитектурных композиций закреплялись в качестве градостроительных акцентов и наполняли идеологически новым смыслом жизнь окружающих площадей, улиц, зданий. Эти объекты вместе с бурлившими вокруг них переменами в Средней Азии и определили ту палитру средств, которая затем более выразилась в стилях национальной архитектуры, а также конструктивизма.

Оживление архитектурной жизни в самоопределившихся с 1924 г. среднеазиатских республиках совпало с увековечением в монументальном искусстве памяти Ленина. 19 сентября этого года рабочие, железнодорожники, красноармейцы Самарканда поклялись «закончить осуществление мировой коммуны» и на привокзальной площади города открыли изменённый памятник колониального времени. Первоначально он был сооружён по проекту А. Обера генералу Аненкову, руководителю строительства железной дороги от Красноводска на Каспийском море до Самаркан-

да. Памятник представлял собой вертикальную скалу, и в 1924 г. с неё были сняты паривший на вершине орёл и расположенный ниже бюст генерала. Наверху установили новую скульптуру, а новую надпись в основании памятника обвели стрельчатой аркой.

Сооружением памятников руководили из центра страны, и это видно по мероприятию в Ашхабаде. В 1924 г. Центральная комиссия по увековечению памяти Ленина и ЦИК Туркменской ССР приступили к памятнику в «духе Востока» и утвердили проект академика А. А. Карелина. Краски и орнаменты знаменитых текинских ковров с надписями на туркменском и русском должны были приблизить туркменам идеи нового социального строя. Памятник построили в виде характерной для мемориалов пирамиды: 10-ступенчатая лестница ведёт к арочным дверцам квадратного в плане музея, на его крыше находится крестообразный постамент и уже над ним — сам пьедестал со скульптурой Е. Р. Трипольской. Академик Карелин и технический руководитель работ инженер Петров шесть месяцев изучали декор мечети Анау, чтобы вдохнуть в мемориал жизнерадостное искусство среднеазиатской майолики.

В 1925 г. на площади Регистан Самарканда, тогда столицы УзССР, чествовали её образование. Запечатлевшая это событие фотография и полотно художника В. В. Рождественского «Парад в Самарканде» показывают, насколько это было многолюдное событие. Трибуна для ораторов представляла собой красочный палас на четырёх опорах — он вдохновлён изображениями тентов на древних миниатюрах. В 1925 г. в Ашхабаде многочисленными флагами и лозунгами по-русски и арабской вязью завесили псевдоклассическое одноэтажное здание, ставшее местом Первого съезда Советов Туркменистана. По этому случаю перед зданием построили и два огромных фанерных минарета с аркой между ними и с узорами текинских ковров на них. Так, в обстановке первых политических акций определились формы будущего стиля национальной архитектуры. И эти общественные собрания, демонстрации и митинги, организовывавшиеся вокруг первых монументов (маленькие праздники, как говорил Ленин), демонстрировали массам политические и архитектурные идеалы нового строя.

Национальное размежевание республик Средней Азии с 1924 г. побудило всех, от начинающих техников до опытных зодчих, к проектированию в национальном стиле. Уникальным стало сооружение в это время в Каунчах (ныне Янгиюль) здания рабочего клуба с *нештаком* и высящимися над ним минаретами, куполки которых завершены полумесяцами, как в мечети. И, хотя в республиканских газетах это вызвало протесты — «Таким ли должен быть образ рабочего клуба?», — композиционный приём ещё долго сохранялся. Образ, полагали, был верен.

Построенный в Ташкенте в 1925 г. первый в СССР Гидротехнический институт стал научно-исследовательским учреждением по всем проблемам ирригации Средней Азии (сейчас здание Республиканского детского фонда). Профессор В. Д. Журин, крупнейший специалист в этой области, фактически строил для себя здание, прославившее его в профессии. Рельеф территории института спускался к арыку Салар, и это было использовано для создания здесь своего рода открытого исследовательского полигона. Для экспериментов по моделированию гидродинамики в ирригационных сооружениях были сооружены всевозможные лотки, перепады, шлюзы и каналы. Традиция — обязательный язык выразительности среднеазиатской архитектуры того времени, нашла у В. Д. Журина функциональное применение: по углам здания института вытянулись минареты — для красоты, для стиля, и они же служат вытяжными трубами систем парового отопления и искусственного охлаждения здания. В 1930 г. московский журнал критически отозвался о необычном в здании вестибюле, решённом «по образцу гаремного дворика испанского халифа» (8). В этих словах сквозило идеологически продиктованное обвинение архитек-

туре советской Средней Азии в исламской солидарности. Вестибюль Гидротехнического института, окружённый двумя рядами колонн со стрельчатыми арками и лестницей на второй этаж, своей камерностью, действительно, может напомнить дворы Альгамбры в испанской Гранаде времён арабских правителей. Однако, профессор В. Д. Журин, конечно же, был далёк от политизации, им попросту двигал один из наиболее известных и романтических образцов восточного стиля.

Кооперативный техникум (1926 г., А. И. Петелин) отличился П-образным планом, фасадом с *пештаком* и башней с солнечными часами, арочными окнами, высоким качеством строительных работ и первым в республике применением железобетона в сейсмических поясах и арке *пештака*. Этими традиционными чертами архитектуры А. И. Петелин стремился вписать техникум в комплекс расположенных по обе стороны от него мавзолеев Юнус Хана и Шайх Хованда Тахура. За прошедший век здание утеряло романтическую башню с солнечными часами и сейчас, с декорированными в последние годы *тимпанами пештака*, входит в комплекс Исламского университета, расположившегося в этой исторической местности Ташкента.

В национальном стиле активно работал и ленинградский архитектор-художник А. П. Удаленков, изучавший среднеазиатское архитектурное наследие в Туркомстарисе (Туркестанский комитет по охране памятников старины, искусства и природы), переименованном сначала в Средазкомстарис, а затем в Узкомстарис. Он принимал участие в археологических раскопках на территории Средней Азии, убеждённо и со вкусом используя особенности познаваемого древнего зодчества в лаконичных и конструктивно оправданных

113

формах новой архитектуры. Примечательно, что местные археологи неодобрительно, если не сказать ревностно, отнеслись к деятельности пришедших в реставрацию архитекторов-художников, старавшихся найти себе применение в Средней Азии. О А. П. Удаленкове, например, и о некоторых его коллегах критически отозвался в одной из своих публикаций мэтр среднеазиатской археологии М. Е. Массон. Архитектурные же проекты А. П. Удаленкова, выполненные ради обновления в Средней Азии зодческого стиля, проявили вынесенную им из археологических опытов способность ярко фантазировать, обнаружили его дар необычного интерпретатора исторических памятников. В них есть своя аура и своя дисциплина форм, и этим они по сей день привлекают внимание специалистов. Показательны в этом отношении три его проекта для Узбекистана и Туркменистана. В 1926 г. А. П. Удаленков совместно с художником К. И. Бондаренко напрямую воссоздали формы средневековой архитектуры для комплекса Республиканской больницы в Самарканде. Разве что план не повторяет замкнутые дворы средневековья и выполнен открытым, с парадным впереди двором, как в классицизме. В центре же выстает мрачный в своей архаике *пештак* с как бы подпирающими его справа и слева четырёхарочными корпусами, а далее корпус больницы растянут в обе стороны до куполов над злами в концах композиции. Архитектоника форм полностью повторяет средневековую монументальную архитектуру. На фасаде нет ни малейшего желания модернизировать образ. Автор явно любит средневековье, пытается трансформировать его и найти способы его уместности в новой жизни. А. П. Удаленков, по всей видимости, исходил из своей веры в то, что новая архитектура может и должна во всём или почти во всем развивать средневековую, которая и принималась за национальную архитектуру. Проект был представлен на конкурс, организованный Московским архитектурным обществом, и жюри МАО рекомендовало приобрести его, очевидно, рассматривая стиль проекта как одно из вероятных направлений развития национальной архитектуры в среднеазиатских республиках.

Ещё больший консерватизм А. П. Удаленков проявил в проекте Дворца труда в Ашхабаде (1927 г.), где не только архитектурные формы, но и организация плана, замкнутого вокруг внутреннего двора, ассоциируются со средневековым. Дворец труда спланирован как мечеть или *медресе* вокруг двора с главными архитектурными акцентами по его осям. Отличие лишь в том, что при входе во двор сделан демократический жест: двор раскрыт, как в самаркандской больнице, и уже там, в его глубине, возвышается торжественный портал зала собраний. При всей своей восторженности средневековыми формами, А. П. Удаленков, по-видимому, впитал и из творческой палитры современных ему архитекторов-рационалистов. А они, не будучи столь одержимы историей, старались понять объективные особенности эмоционального восприятия человеком простейших геометрических форм и, учитывая это, компоновали из них архитектуру. Видимо, от них А. П. Удаленков и принял полукруг для создания выразительных форм. Полукруг редко выделялся в среднеазиатской архитектуре, но А. П. Удаленковым он вводится намеренно и в качестве необычного акцента, — тем сильнее на такой необычной форме воспринимаются привычные стрельчатые арки и прочие традиционные средства выразительности. Полукруг зала собраний Дворца труда в Ашхабаде повторен в проекте театра в Мерве (1927 г.), но исполнен здесь со множеством деталей, усиливших его торжествующую монументальность, — а это и было целью А. П. Удаленкова, стремившегося превзойти среднеазиатские оригиналы по силе мощи. Два внутренних дворика при вестибюле и фойе театра в Мерве весьма напоминают аналогичное решение, впервые предпринятое в Народном доме в Бухаре.

К концу 1920-х гг. государственные органы перешли от постановлений 1920–1921 гг. к активному наступлению на старые города с программой строительства национальных театров. Определения «узбекский» и «мусульманский» театры вызвали волну стилизаций в духе исторической архитектуры. Театр, намечавшийся к строительству в старом городе Ташкента в 1920-м г., построили в 1927–1928 гг. (инженер А. Л. Цитович). Его возвели на углу улиц, ведущих к базару старого города. Из трёх порталов здания, главный портал обращён на перекрёсток и два других — в сторонние улицы. Над главным порталом высятся оголённые подобию двух минаретов и между ними — купол в колониальной ещё трактовке, окна же фасадов завершены стрельчатыми арками. Как и в Ташкенте, невелика программа и того театра, который в 1921–1929 гг. решали построить на границе старого и нового городов Самарканда, и конкурс на проект которого провели в 1928 г. Примечательно, что конкурсные проекты, не ограничившись копиями *нештаков* и орнаментальными украшениями, а искали образ национального театра прежде всего в функционально и конструктивно оправданных архитектурных массах, которые одновременно ассоциировались бы и с памятниками древности. Б. Н. Засыпкин воспользовался своими познаниями тектоники древнего зодчества для неожиданных контрастов и пластических находок. Вестибюль представляет собой половину шестигранника и покрыт характерным для Самарканда ребристым куполом. За ним возвышается мощный ступенчатый контрфорс, — между ним и сценической коробкой театра возведён ряд кирпичных сводов над зрительным залом.

В Самарканде, ставшем после Бухары столицей УзССР, к театру так и не приступили, но построенные в его колониальном городе два общественных здания свидетельствуют о принятых в то время способах создания национального стиля. Двухэтажное здание Дома Советов имеет выступающие из фасада два вертикальных объёма с балконами для выступлений ораторов. Стены имитируют башни крепостной архитектуры и завершены ложными проёмами и зубцами. Над стрельчатыми нишами стен высятся два купола, конструктивно и стилистически исходящие от русской

архитектуры. Центром П-образного плана здания является зал собраний. Другое же здание, выходящее на Университетский бульвар города, тоже П-образного плана, но вокруг двора, к которому обращён деревянный *айван*, — это ещё один из ранних примеров привлечения узбекских мастеров в новую архитектуру. На бульвар и боковые улицы это учебное здание обращено авангардистски декорированными *пештаками*, свидетельствуя, что его автором мог быть молодой, новоприбывший в республику, архитектор.

В 1927 г. известный в Туркменистане архитектор-художник К. Бобровский проектирует для города Новый Чарджуй здание горисполкома вокруг двух двориков. В квадратный план с коридорами и административными помещениями он необычным образом — диагонально — поместил объём зрительного зала с вестибюлем в одном конце и сценой в другом. Таким образом, в этом необычном решении плана коридоры административных помещений стали служить и как фойе при вестибюле и сцене. Диагональное расположение зрительного зала внутри квадратного плана разделило квадратный внутренний двор здания на два треугольных в плане внутренних дворики. И эти треугольные дворики превратились в летние фойе. Диагональное решение, столь удачно изменившее традиционный двор, так неожиданно, что возникает вопрос: не было ли такое решение результатом влияния прославленного павильона СССР, построенного в 1925 г. К. С. Мельниковым на Международной выставке в Париже?

Такие прорывы в Среднюю Азию авангардных идей — воспомин города-сады Э. Говарда или город на три миллиона жителей Ле Корбюзье — трансформировали местное профессиональное мышление. Но они, как мы видели, не всегда реализовывались, а ещё меньше оценивались по достоинству обществом, поскольку для этого отсутствовал необходимый творческий центр архитектуры. В таких условиях направленность архитектуры определялась мнением масс или официальным мнением, считавшими именно *пештак* выражением национального. А неизбежный при этом идеологический конфуз от средневековой сущности *пештака* в социалистическом здании должен был, как полагали, устраняться мастерством компоновки его форм архитектором. Поэтому, в 1932 г. даже опытный Г. М. Сваричевский ввёл *пештак* в протяжённый фасад здания Управления амударьинскими изысканиями, затем Центральный Комитет Коммунистической партии. Вся проблема виделась в такой компоновке элементов *пештака*, при которой его «культурная физиономия сотрётся дочиста», а для этого и требовались «такт и умение художника, задавшего известным строем идей», — так полагали хорошо знавшие, проектировавшие и преподававшие архитектуру зодчие русской национальности (9). В это время отсутствия национальных кадров в архитектуре, её стиль создавали русские зодчие. Поэтому следует рассудительнее относиться к предположению авторитетнейшего советского теоретика архитектуры о том, что национальный стиль этого времени был связан с панисламом (10). Такая оценка была высказана по поводу здания Управления амударьинскими изысканиями (ныне здание Президиума Академии наук) в Ташкенте. Связывать с панисламом его автора, многоопытного Г. М. Сваричевского, конечно же, абсурд. Центральным акцентом главного фасада здания Управления Г. М. Сваричевский принял *пештак*, но в его верхней части рельефно изобразил волны, стремясь хотя бы этим символом подчеркнуть социалистическое функциональное назначение здания. Стиль национальной архитектуры, как видим его на примерах работ В. Д. Журина и Г. М. Сваричевского, искался на данном этапе в обстановке идеологически продиктованных и несправедливых обвинений в панисламе. Стиль был нов и прямолинеен, но в последующем, с ростом национального самосознания и получением несомненного права существования, этот стиль станет мудрее и главное — многообразнее.

Как и национальный стиль, конструктивизм начинал воплощать свои эстетические идеалы скорее в некрупных объектах пропаганды. То, что сейчас известно как агитпроп, тогда началось с Декрета о памятниках республики от 12 апреля 1918 г., вошедшего в историю как план монументальной пропаганды. В самом центре столицы Советского Туркестана Ташкенте, его Кауфманском сквере, был убран символ колониальных побед рубежа XIX–XX веков. Памятник Генерал-Адъютанту Константину Петровичу фон Кауфману и войскам его, покорившим Среднюю Азию (1915 г., скульптор Н. Г. Шлейфер), прославлял русское оружие и указывал пределы азиатской части России. Этот символ колониальных побед заменили памятником Освобожденному труду — лаконичной деревянной композицией из молота и вознесённого над ним серпа. Памятник служил трибуной проходившим здесь демонстрациям и митингам.

117

Городской совет Самарканда тоже решил построить памятник в центральном сквере, где были упокоены четыре красногвардейца, павшие в боях за город в феврале-марте 1918 г. Для памятника над ними был рассмотрен и утверждён эскиз, составленный австрийским военнопленным, скульптором из Вены академиком Эрнстом Рушем. Работами по строительству руководил областной инженер Самарканда М. А. Туманов, и 1 мая 1919 г. памятник открыли. Стиль австрийского модерна, дорогие строительные материалы, и высокое качество исполнения работ выделили монумент Свободы от скромных и непритязательных памятников этого периода. Монумент по земле окаймлен цепями. В них закованы символизирующие угнетённый мир фигуры Рабов на четырех постаментах по сторонам памятника. Различные позы покорившихся и восстающих Рабов выражают стремление к свободе. Два барельефа посвящены освобождению Запада и Востока. На западном барельефе Пролетарий со знаменем солидаризуется с Рабочим у наковальни, и перед ними бессильна злоба Капиталиста. После этих ясных и понятных фигур-символов, на восточном барельефе мы видим просто трёх *Дехкан*, лишённых социальной индивидуальности и по-разному реагирующих на свет солнца. Наверху монумента женщина с поднятой рукой и четырьмя радостными младенцами символизирует триумф Свободы, отдалённо напоминая нью-йоркскую статую.

В 1924 г. в Красновосточных мастерских железной дороги Ташкента начальник кузнечного цеха Резуненко выразил идею мировой революции в композиции из частей паровоза. От бюста Ленина рычаги передают его идеи пролетариату. Движение рычагов фиксируют кулисы, показывая этим темп борьбы пролетариата в разных странах. Этот темп передается поршням — двигателям истории партии и рабочего класса. А вся композиция вращает колёса мчащегося по земному шару паровоза революции. Части паровоза образуют в плане памятника пятиконечную звезду. Годом спустя эту композицию, но уже со скульптурной фигурой, повторили на железнодорожном пути Москва-Ленинград (1). А в 1934 г. бюст заменили фигурой и в Ташкенте.

В 1924 г. бюст работы ленинградского скульптора Матвея Харламова прислали как подарок пролетариату Бухары, и для него в столице Бухарской Народной Советской Республики перепланировали площадь Регистан. Напротив бывшей эмирской цитадели Арк, южнее мечети Боло Ховуз и *медресе* Шодимбий, на специально привезённом грунте разбили сквер. Мраморные плиты затребовали из ремонтировавшегося тогда бассейна в женской половине дворца Ситораи Мохи Хоса. И в мае-июне организация Центрострой с художником-скульптором А. М. Ровинским возвели памятник с надписью: «Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная против сил и традиций старого общества».

Центром маленьких праздников стал и возведённый к десятилетию борьбы за новый строй памятник 1927 г. перед зданием железнодорожного вокзала у Каршинских ворот Бухары. Исполнительный Комитет Бухарского Окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов решил посвятить памятник бойцам Красной Армии, павшим при свержении Бухарского эмирата в августе-сентябре 1920 г., — в том году были свергнуты Хорезмское ханство и Бухарский эмират и провозглашены Хорезмская и Бухарская советские республики. На композицию памятника был проведён конкурс, и до нас дошла фамилия автора осуществлённого проекта: Мульханов. Памятник строили на пожертвования и, хотя он построен из жжёного кирпича, композиция стройна и даже ажурна, поскольку изобилует множеством архитектурных деталей. Четырёхгранный обелиск завершён на вершине металлическим макетом глобуса на легкой подставке. Нижнюю половину обелиска охватывает несколько отстоящая от него колоннада. В промежутке между обелиском и колоннадой, с задней стороны памятника, выложены ступеньки на верхнюю площадку. С этой, обращённой на привокзальную площадь, трибуны произносились речи, вдохновлявшие народные массы. Памятник перед зданием вокзала оставался центром площади. Здание вокзала в конце XX в. отдали церкви. В это же время на площади построили здание биржи, ставшее ещё одним фоном памятнику. Весной же 2011 г. памятник об истории города снесли.

К десятилетию Октября в Таджикистане из камня гор, окружающих кишлак Хорог, соорудили массивное кубообразное основание для крохотного бюста Ленина на стройном пьедестале. Вслед за бюстами, в Среднюю Азию поступали и тиражированные скульптурные фигуры Ленина перед Смольным дворцом Ленинграда (скульптор В. Козлов). В Ашхабаде скульптор Е. Р. Трипольская несколько изменила оригинал: вождь, с направлением правой руки уже на восток, предстал перед массами говорящим об их проблемах Востока. Для скульптуры же в Душанбе долго искали пьедестал. В 1926 г. ленинградский архитектор А. Белогруд спроектировал его в виде трёх опрокинутых вершинами вниз пирамид. В возведённом же памятнике 1927 г. пьедесталом стали два куба, — причём вместе с верхней плитой, все трое повернуты друг относительно друга спиралеобразно. Впоследствии плиту и кубы поменяли местами, успокоив, таким образом, их несколько вихлявшую композицию, и памятник, таким образом, простоял до распада СССР.

Монументальная пропаганда началась с небольших объектов и по мере расширения строительства в Средней Азии оказывала на него стилиобразующее воздействие. Её знаки и символы переносились на здания, строившиеся всё ещё в стилях колониального времени, — хотя бы этим выражалась их принадлежность новому общественному строю. Порой же новый язык архитектурной выразительности находили путём прямого копирования форм известных мемориальных сооружений этого времени. Таков, к примеру, любопытный клуб Союза строительных рабочих города Пишпека. Клуб назван именем Ленина и выполнен в 1927 г. неизвестным техником в Управлении строительного контроля при СНК Киргизской АССР. Фасад клуба вдохновлён композицией второго временного мавзолея Ленину (1924–1929 гг., А. В. Щусев). Фасад имеет строго симметричные проёмы главного входа и окон, и в центре над ними, над надписью «Ленин», как и в мавзолее, возведены пять венчающих колонн. От этого центрального портала в обе стороны поднимаются уступами стены фасада клуба — тоже как в мавзолее. В протяжённом корпусе главного фасада находится вестибюль, ведущий в канцелярию клуба, библиотеку, красный уголок, шахматную и буфет. В перпендикулярном же ему корпусе спланированы кассы, зрительный зал на 500 человек, сцена и её подсобные помещения. И в плане и на фасаде мемори-

альный характер этого клуба для рабочих подчеркнут его исключительной симметрией. Дух мемориала здесь даже довлеет над функциями клуба.

Первые памятники, как видим, воздвигали на площади завода (Ташкент 1924 г.), на привокзальных площадях исторических городов (Самарканд 1924 г., Бухара 1927 г.), на центральном перекрёстке горного кишлака (Хорог 1927 г.), на столичной улице (имени Путовского в Душанбе 1927 г.). Стилевого единства с окружающей городской застройкой потребует в 1934 г. конкурс на проект площади имени Ленина в Ташкенте. В это же время для выражения бессмертия нового строя популярными были знаменитые архитектурные сооружения, формы которых повторяли для выражения закона социального развития по спирали. Так, мощная спираль памятника III Интернационалу, выраженная в 1919 г. В. Татлиным, вдохновила памятник в Карши (начало 1930-х гг.): та же направляющая поступательного движения и те же выразительные повороты спирали вокруг неё. Из-за более инертного, чем у Татлина, материала, формы этого памятника обобщены и приведены к вертикальному положению. В это же время построен памятник в Янгиюльском совхозе, и его спираль аналогична уникальному в архитектуре Востока минарету аль-Мальвийя (то есть, витая, закрученная) в мечети Мутаваккиля иракского города Самарра, IX век. Так исламская традиция получила новую жизнь и вовлеклась, в стилистическом отношении, в новаторскую пропаганду бессмертия социалистического строя.

Таджикская АССР, с 1924 г. в составе УзССР, преобразована 5 декабря 1929 г. в Таджикскую ССР. Уже в 1928 г. в Душанбе были построены здания ЦИК и Наркомюста республики. Их привычные ещё с колониального периода протяжённые фасады акцентированы центральным и двумя крайними фронтонами. Новое же время обозначено на них красным флагом, гербом Таджикской АССР и соответствующими крупными надписями.

В эти же 1926–1928 гг. во Фрунзе здание СНК Киргизской ССР построил А. П. Зенков, автор здешнего самого высокого в Средней Азии деревянного кафедрального собора. Он выдержал разрушительное землетрясение колониального времени потому, что «талантливый российский зодчий был первым из тех, кто строил в сейсмическом районе, учитывая данные науки» (2). И в здании СНК тоже А. П. Зенков уделил внимание сейсмостойкости: вдоль обращённого к горам периметра здания устроены глубокие приямки. Они должны были приуменьшить удар по зданию идущих от гор сейсмических волн (3). В сейсмически опасных предгорных районах Казахстана и Киргизии, помимо качественного исполнения строительных работ, большое внимание уделяли расположению здания. В 1932–1933 гг., согласно предположениям гражданского инженера П. М. Вильгельмзона, в Алма-Ате на улице Курмангазы гражданским инженером Г. Г. Герасимовым были построены необычные по отношению к линии улицы одноэтажные сырцовые жилые дома для четырех семей народных комиссаров. Диагональ плана каждого особняка была направлена строго с юго-запада на северо-восток, то есть в направлении предполагавшегося воздействия сейсмических волн со стороны гор. Как и душанбинские строители, А. П. Зенков использовал классический стереотип здания, но с развитым Н-образным планом. Его коридоры ведут к девяти выходам, и этим зданию дан открытый демократичный характер. Очевидно поэтому такой план был повторен в 1933 г. Госпроектом Туркменской ССР для Дома Советов в Ашхабаде. В нём два внутренних дворика окаймлены характерными для юга галереями. План А. П. Зенкова конфигурацией создавал предпосылки для создания монументального облика крупного общественного здания. Однако, новую образность, здание не обрело. Поэтому, расположенные вокруг его центрального купола классические фронтоны со стрельчатыми готическими окнами обозначены символами из арсенала монументальной пропаганды — пятиконечными звездами с серпами и молотами.

В эти же годы ландшафтный архитектор Ташкента Я. К. Гаазенкофф выявлял сады, скверы, бульвары, нуждавшиеся в благоустройстве и реконструкции, а также пустыри, которые можно было занять под зелёные массивы общественного назначения. К генеральному плану столицы Я. К. Гаазенкофф разрабатывал альбом «Озеленение города Ташкента: городское садостроительство, 1926–1932 гг.», в котором указывалось на важность садов и парков как для оздоровления города, так и для политико-культурного воспитания трудящихся и организации их досуга. Садов, парков и скверов в альбоме для генерального плана Ташкента было более двадцати, и все они были проиллюстрированы, вместе с мерами по их осуществлению. В разных по своим функциям зонах центрального Парка культуры и отдыха, среди соответствующего назначения зданий, предусматривалось создать из деревьев и кустарников пространства с ближними и дальними планами, объединённые тем или иным художественным стилем. Этому способствовало и введение Я. К. Гаазенкоффом в эти парковые пространства высоких постаментов со скульптурными фигурами и бюстами исторических личностей. Скульптуры составляли единое архитектурное целое с зелёными стенами из аккуратно постриженных насаждений, которые образовывали коридорообразные проходы и небольшие площади в пространствах парка. Так, архитектурные пространства, на этот раз средствами ландшафтной архитектуры вместе со скульптурными акцентами, формировали ещё одну область воздействия монументальной пропаганды на народные массы.

На фоне такого состояния архитектуры Средней Азии, истинно новаторские черты стиля конструктивизма для региона определили братья А. А. и Л. А. Веснины, которых друживший с ними архитектор №1 XX-го в. Ле Корбюзье назвал основоположниками конструктивизма. Александра Александровича (1883–1959 гг.) занимали художественные принципы, тогда как Леонид Александрович (1880–1933 гг.) проектировал массовое жильё. Объединившись в 1923 г. в творческий союз, они в течение последовавших десяти лет и формировал этот стиль. К ним присоединился Моисей Яковлевич Гинзбург (1892–1946 гг.), после учёбы в Италии опубликовавший в 1924 г. манифест конструктивизма книгу *Стиль и эпоха*. А. А. Веснин и М. Я. Гинзбург редактировали печатный орган конструктивистов журнал *Современная архитектура*. С самоопределением республик Средней Азии с 1924 г. и с провозглашением в 1925 г. в Бухаре Узбекской ССР, сюда в эти годы прибывает с экспедицией студентов Московского архитектурного института М. Я. Гинзбург. Он увлечённо знакомит

с этим центром ислама, а выполненные под его руководством обмеры памятников публикуются до сих пор во всём мире в качестве уникальных документов архитектуры города. Как идеолог конструктивизма, М. Я. Гинзбург не мог не обратить внимания на поиски в Узбекистане стиля национальной архитектуры и, по возвращении в Москву, опубликовал в 1926 г. в *Современной архитектуре* статью *Национальная архитектура народов СССР*. В ней М. Я. Гинзбург впервые призвал архитекторов перевести замороженные взгляды с культовых монументов, как он называл, «мёртвого Востока» в совершенно иную область «живого Востока» — народное жильё, его дворники и террасы, рациональную планировку, свободу простых объёмов, контраст белоснежных поверхностей и тёмных проёмов.

И то был новый метод проектирования для Средней Азии. «Мечети Улугбеков остаются позади, — а впереди новые проблемы Домов Советов» (4), — провозглашал М. Я. Гинзбург, призывая к широте и смелости в архитектурном мышлении. Убедительность его идей о национальной архитектуре народов СССР и сила их воздействия на проектировщиков для Средней Азии заключалась в том, что он обоснованно указал на узость и бесперспективность копирования феодальной архитектуры: «Не выдерживает никакой критики воскрешение старых архитектурных декоративных форм того или иного национального стиля, так

как эти формы могут отразить лишь одну атаквистическую (то есть, свойственную далёким предкам — Ш. А.) национальную идею» (5). Сфотографировав с высоты минарета Каляя лабиринты бухарских улочек, М. Я. Гинзбург рассуждал: «Типичный жилой район восточного *кишлака, аула* или города — отправная точка для развития новой национальной культуры Востока. Если мечети Улугбеков — музейное наследие, то живой восточный город и жилой дом — бесконечно ценный материал для изучения, тот материал, который, конечно, должен войти как неотъемлемое данное в новый национальный облик народностей СССР» (6). «В этом лабиринте кривых и узких улочек, сбитых со своих осей, в асимметрии и поперечной протяжённости площадей, в членении жилого дома на несколько отдельных частей и дворов, в чёткости объёмов этой примитивной архитектуры, в плоских крышах и своеобразии в трактовке стеной поверхности, где отверстие окна или двери тонет в аскетической белизне плоских граней, — во всём этом сказалось множество чисто функциональных предпосылок Востока» (7).

М. Я. Гинзбург называл конструктивизм молодостью стиля. Зрелый стиль виделся ему органичным, а увядание стиля — декоративным. Конструктивизм мастерски развивали и на Западе, но от его тамошней сдержанности русский конструктивизм отличился эмоциональностью, выплёскивавшей энергию жизнестроительства. Этим и гордился величайший из конструктивистов Константин Степанович Мельников (1890–1974 гг.), чей рабочий клуб имени Русакова (1927–1929 гг., Москва) входит в число шедевров мировой архитектуры XX в. «Нас, русских, — писал К. С. Мельников, — захватила сильнейшая жажда строить новое счастье людей»; «я составлял проект грядущего счастья»; «удивительно, что великую среди Искуств Архитектуру вместо наслаждения зовут удобством» (8). Архитекторы строили изолирующую человека среду и рассматривали это животворящим в процессе жизнестроительства. Архитектура — функция эпохи, жизнестроение, организация форм новой жизни, — говорил М. Я. Гинзбург.

Новую жизнь организовывали в коммунах. Дом-коммуна в Самарканде С. Н. Полупанов построил из общественного корпуса и пересекающего его протяжённого жилого корпуса, за которым находились бассейн для плавания, спортивные и детские площадки, огород и сад, навесы для домашних животных и птицы, прачечная. В это время коммунальное обслуживание только одного дома подверглось критике, и поэтому в Ташкенте архитектор построил уже не дом, а квартал-коммуна с домом-коммуной, обычными секционными домами, детским садом, спортплощадками, фабрикой-кухней, и прочими. Разработки подобных кварталов способствовали проработке основ планировки будущих городов нового типа, в которых человек высвободился бы от повседневной рутины быта для труда и культуры. Способствовать этому предназначались и фабрики-кухни. Ташкентская фабрика-кухня была призвана обслуживать как горожан, так и рабочих промышленных предприятий. Её подвал (хранилища и заготовка), первый этаж (кухня), второй этаж (обеденный зал), и крыша (летняя столовая) планировались для обедавших в самом здании и для транспортировки обедов рабочим предприятий города ежедневно. Своей типологией и архитектурной композицией это здание было уникальным в масштабе не только Средней Азии, но и СССР. Здание двумя корпусами Г-образного плана охватывало двор, а угловой ротондой устремлено в город, выступая акцентом в перспективах его магистралей, — до 2012 г. его сноса.

В жизнестроительстве традиции не являлись для конструктивистов главным, — эти зодчие открыто сознавались в случайности своего обращения к архитектурному наследию. Однако, когда они обращались, то держались своего чёткого кредо. Архитектуру Востока М. Я. Гинзбург прямо называл чуждой, поскольку не раскрыты законы её восприятия и научного анализа. Поэтому, классифицируя наследие по эпохам, конструктивисты выделяли

присущее разным эпохам общее. Присущее одной эпохе им было несущественно, но общее для разных эпох — существенно. Несущественным был выработанный эпохой образ, существенными же — закономерности пространственного построения. Их А. А. Веснин определял как архитектонику, то есть то, что конструктивно, имеет структуру, конструкции. Это понятие конструктивизма не теряло популярности в течение всего XX в., и в сегодняшних вариациях конструктивизма производный от этого понятия термин архитекторон означает не пространство и не его закономерности, тем более в разных культурах. Первоначально понятие стёрла глобализация, и сегодня архитектоном называют элемент, многократно повторяемый в архитектурной композиции для придания ей движения и динамики. Наиболее показательным в этом отношении стало творчество английского архитектора иракского происхождения Захи Хадид, которую с юности вдохновляло искусство советского революционного авангарда.

За М. Я. Гинзбургом же, провозгласившем архитектонику народного жилья животворной для нового Востока, уже в следующем 1927 г. последовали А. А. и Л. А. Веснины, спроектировавшие подобно такому жилищу Физический институт в Ташкенте. Этот неосуществлённый проект Весниных — важное явление в архитектуре Средней Азии, поскольку в нём найдены точки соприкосновения новой архитектуры с тем, что широко определяется как региональное своеобразие. Ознакомившись со статьей М. Я. Гинзбурга, даже городской архитектор Ташкента Г. П. Бауэр упростил до конструктивистского аскетизма начатое им в стиле классицизма здание САКУ — среднеазиатского коммунистического университета. Классицизм главного фасада университета оживлён архитекторами от народного жилища — террасами. Сейчас в этом здании на улице Сайилгох находится Министерство юстиции.

Под влиянием идей М. Я. Гинзбурга и архитектор Г. Г. Вегман — московский участник конкурса 1928 г. в Самарканде — нашёл новый образ театра, предполагавшегося и как кинотеатр. Планировка и композиция исходят из климата, быта и облика азиатского города, предусматривая естественную вентиляцию зрительного зала, трансформацию вестибюля и фойе в сад и на плоские крыши. Умело использован рельеф: на перепаде его высот интересно решена лестница главного входа и парадий над ней навес, поддерживаемый тросами, что вызывает аналогии с архитектурой прошлого. Можно говорить об органической близости такого конструктивизма принципам национальной народной архитектуры. В проекте Г. Г. Вегмана интернациональные средства выразительности (колонны, большие стеклянные поверхности, формы-стереотипы) приближены к эстетике региональной архитектуры, а объемно-планировочная композиция развита внутри и свободно, — как в народной архитектуре. В 1929 г. влияние М. Я. Гинзбурга обнаружилось и у академика архитектуры А. В. Щусева, спроектировавшего вокруг внутренних дворов свободные объёмы Дом правительства УзССР в Самарканде. Используемые плоские кровли, три больших внутренних двора, и широко парящие над входами навесы подчеркивают открытость Дома правительства. Ритм ленточных остеклений масс здания нарастает от ступенчатой башни, расположенной на заднем плане, до башни с часами перед площадью парадов.

Самому же М. Я. Гинзбургу, как мы можем убедиться, так понравился проект Физического института Весниных, что их находки — композицию вокруг дворика, место зала собраний, и даже ракурс перспективы — идеолог конструктивизма повторил в 1928–1931 гг. в Доме правительства Казахской ССР в Алма-Ате. Над входом в алмаатинский Дом правительства М. Я. Гинзбург поднял плоскостной объём, монументальностью и Г-образным остеклением напоминающий сред-

121

122

123

невековые порталы с П-образной полосой орнамента. Эту-то монументальную форму М. Я. Гинзбурга и повторил в 1931 г. С. Н. Полупанов в Доме правительства УзССР в Ташкенте. Средневековый портал, который М. Я. Гинзбург отвергал в своей теории, в его же практике всё-таки появился. Интуитивно.

Заметив этот портал, С. Н. Полупанов заявил его демонстративно — ради монументальности, характерной величественным памятникам Средней Азии. Отложив привычные до этого свободу и многообразие своих композиций, он создал две абсолютно ровные плоскости на фоне такого же плоского фасада для того, чтобы создать эффект монументальности, характерной для зодчества Средней Азии. Стремление к синтезу с архитектурным наследием Узбекистана являлось постоянной особенностью конструктивизма С. Н. Полупанова. Но нигде оно не получало такого выражения, как в архитектуре Дома правительства в Ташкенте. С вводом же в эксплуатацию, Дом правительства УзССР С. Н. Полупанова рассматривали как неудачную с функциональной точки зрения и противоречащую эстетическим вкусам постройку. Действительно, покрашенное в пролетарски чёрный цвет, а потом и с солнцезащитными маркизами на окнах, здание перестало вызывать изначально создававшийся образ.

Дом правительства в Алма-Ате М. Я. Гинзбурга оказал влияние также на А. И. Герелло (1931–1932 гг. Алма-Ата, столовая СНК) и Г. Г. Герасимова (1931–1934 гг., Алма-Ата, Дом связи). Дом правительства вместе со зданием Турксиба (также М. Я. Гинзбург при участии И. Ф. Милиниса) и Домом связи образовали ансамбль центральной площади казахской столицы, став крупным достижением архитектуры рассматриваемого периода.

124

Для зданий же первых университетов поначалу был продолжен П-образный план дореволюционных учебных заведений с главным входом, вестибюлем и главной лестницей в середине, и второстепенными лестницами в боковых корпусах. Такой план оптимально вмещал разнородные помещения (залы, классы, учебные и учительские помещения, хозяйственные службы и мастерские при дворе), главный же фасад решался в стиле классицизма. Первым этот тип здания возродил в 1927 г. гражданский инженер Г. П. Бауэр для Среднеазиатского коммунистического университета (САКУ) в Ташкенте. Затем вузовский стиль был развит в здании Педагогической академии (ныне здание Самаркандского государственного университета), построенной в 1928 г. гражданским инженером К. Н. Тильтиным. Стиль сохранил положительные черты дореволюционных П-образных планов общественных зданий: в центре и по углам выделены основные места общественных собраний (вестибюль, фойе, зал, аудитория), при них же размещены междуэтажные лестницы, и этим акцентам подчинены планировочные компоненты второго порядка. Коридоры этажей окаймлены кабинетами и аудиториями, и большими окнами обращены во двор. Величавый облик университета решён с учётом его расположения вдоль бывшего Абрамовского бульвара, названного отныне Университетским. Главный фасад расчленён скупой и общо, поскольку он не виден из-за многолетних деревьев бульвара, — зато особое внимание уделено выразительности угловых аудиторий, которые видны издали идущим по бульвару. План самаркандской Педагогической академии продолжен в Рабочем университете в Ташкенте (1929 г., Г. М. Сваричевский) и весьма развит в проекте Политехнического института в городе Чарджоу (1930 г., инженер Пац).

125

126

Проекты сразу трёх техникумов — Индустриального земледелия, Гидротехникума и Художественного — выполнил направленный в УзССР из украинского города Харькова молодой архитектор С. Н. Полупанов. Начал он их для Самарканда, являвшегося столицей республики по 1929 г., а завершил в 1930 г. Наиболее артистичный Художественный техникум подытожил иска-

ния архитектора в первых двух проектах. Над выступающим вперёд корпусом зала выведено «ХУДУКСТРОМТЕХНИКУМ» — художественный кустарно-промышленный техникум. Композицию обогащают два других корпуса, башня лестничной клетки и объём вестибюля. Широко раскрытые террасы являются продолжением коридоров техникума на его главном фасаде. Они, вместе с самаркандскими орнаментами на торце зала и на лестничной башне, подчеркивают стремление архитектора к синтезу с местной культурой зодчества. Техникум, бесспорно, явил новую архитектуру учебного заведения. Не случайно пять лет спустя С. Н. Полупанов повторил её в Ташкенте для типового педагогического техникума. Художественный техникум построили на старгородской улочке Намазга (впоследствии Авиационная), что находится в низине за колониальным Абрамовским бульваром Самарканда. Объединить кустарей, то есть ремесленников, с новой промышленностью стремились в начале XX века авангардные учебные заведения, и самым ярким из них был германский Баухаус в городе Дессау, построенный в 1925–1926 гг. Вальтером Гропиусом. Сравнение с ним самаркандского Художественного техникума показывает, что С. Н. Полупанов вдохновлялся не только функциональной программой этой лидировавшей тогда германской школы, но и её беспрецедентной архитектурой. Свободная композиция из двух Г-образных блоков, высящаяся над ними башня, характерный шрифт названия школы, и даже ракурс перспективы здания Баухауса на его всемирно известной фотографии, — всё это вдохновляло С. Н. Полупанова при создании самаркандского Худкустпромтехникума. Это учебное здание вскоре перестало функционировать, — очевидно, из-за переноса столицы из Самарканда в Ташкент. В нём разместила областная противотуберкулезная больница и, с переделками в начале 1930-х гг. в стиле классики, здание утратило первоначальный вид.

Эмоциональная составляющая естественным образом становилась первостепенной в творчестве конструктивистов, и тут ассоциации с наследием были попросту неизбежны. Важным было, как понимать наследие. М. Я. Гинзбург и А. А. Веснин рассматривали эмоциональное шире, стремясь найти его первопричины в общественном устройстве, а также в пронизывающем всю природу ритме, темпе. Каждая архитектурная задача рассматривалась как иной ритм, иной темп, иная, в результате, образность. Конструктивисты отвергали уже сложившиеся образы или символы. Образы одной эпохи непригодны для другой, говорил А. А. Веснин, образность нельзя подменять символизмом. Задача современной архитектуры, — уяснял М. Я. Гинзбург, — найти такие формы и законы их сочетаний, в которых проявится ритмическое биение наших дней. И в пример он приводил отличие динамичного американского темпа жизни от романтического, как он считал, европейского. Ритмы жизни, заключал А. А. Веснин, диктуют архитектуре свои метры и свои пропорции.

В этих исканиях кубизм художников помог найти архитекторам средство выражения ритмов — архитектоны. После того, как в 1912 г. художник П. В. Кузнецов (1878–1968 гг.) на полотне Восточный город — Бухара уподобил её *сакли*, как тогда говорили, заокеанским небоскрёбам, в 1931 году архитектор Я. Г. Чернихов (1889–1951 гг.) в фантазии Город Востока вознёс многоэтажные дома Аравии и Кавказа до величия небоскрёбов Манхэттена. Манхэттен вдохновил и Ле Корбюзье на проект города для 3 млн жителей (1923 г.), и этот проект отозвался в первом проекте перепланировки Ташкента А. А. Сильченкова. Но в перепланировке Ташкента архитекторами стали не кубы и призмы, а районы города. Ими была образована федерация полуавтономных районов, как в концепции организованной децентрализации столицы Хельсинки финского архитектора Элиэла Сааринена. А поскольку Советы отвергали крайности урбанизма и дезурбанизма, А. А. Сильченков и попытался примирить урбанизм Корбюзье с дезурбанизмом Сааринена.

Архитекторам, этим «чистым конструкциям без балласта изобразительности», придавались, как и в абстрактной живописи, «энергетическая активность» и «динамические свой-

ства». Архитекторы должны были разворачивать их изнутри наружу, соблюдая, по А. А. Веснину, «удельный функциональный вес» каждого. Архитектонты египетских храмов постепенно сжимаются и психологически подавляют, в вилле же римского императора Адриана в Тиволи они гармонично контрастируют, а у Ле Корбюзье они переливаются друг в друга, — я же, продолжал А. А. Веснин, низким вестибюлем сильнее развернул фойе и большой зал (9). Так конструктивисты разясняли важность архитектонов.

Конструктивизм — и это важно — не отождествлялся с техникой. Увлечаться новейшими строительными материалами не следует, предостерегал К. С. Мельников. Техника — это лишь одно из средств: «Как бы техника не кичилась, ей никогда не достичь того храма, который она строит, и не перекричать застенчивый шёпот Искусства» (10). В силу такого своего убеждения, даже стиль модерн К. С. Мельников относил к «архитектурным клячам» из-за того, что, принимая новые конструкции, тот всё же облачался в старые формы.

Новое следовало создавать функциональным методом и активным отношением к жизни. Важно было «форму вывести из содержания с творческим воображением» (11), создавать «силами конструктивными систему пространственных переживаний человека», — пояснял М. Я. Гинзбург (12). К. С. Мельников же говорил о важности культуры архитекторов, которые должны «управлять глазом, как музыкант управляет слухом» (13). «К. С. Мельникова в истории архитектуры привлекало развитие конструктивно-пространственных средств. Этим объяснялся его интерес к Риму и готике, а сложность его пространственных построений была более близка архитектуре барокко, чем классике» (14). К. С. Мельников утверждал «творчество там, где можно сказать — это моё» (15). Этот гений подтрунивал над лидером рационалистов Н. А. Ладовским, скептически воспринимал саморекламу Ле Корбюзье и отвергал журнал конструктивистов Современная архитектура. Это давало повод некоторым исследователям противопоставлять его всем архитектурным направлениям, включая и конструктивизм. На деле, индивидуалистские и отторгающие заявления К. С. Мельникова исходили от его мастерства, вознесшего до совершенства именно конструктивистский метод.

В 1934 г. в Ташкенте объявили конкурс на проект Дворца культуры и труда — весьма характерного для этой эпохи здания. Крупнейшему зданию столицы отвели большую территорию южнее проспекта имени Файзуллы Ходжаева (ныне Алишера Навои), который предполагалось застроить новыми зданиями Наркоматов УзССР. По программе конкурса (16), в состав Дворца вошли: Центральные профессиональные союзы (1 380 кв. м), Узсвпроф (540 кв. м), вестибюль, почта и телеграф (318 кв. м), зал заседаний и столовая (360 кв. м). Строительство предполагалось, главным образом, из жжёного кирпича; железобетонные конструкции допускались только в неизбежных и конструктивно оправданных случаях; лишь незначительную часть комплекса разрешалось проектировать в четыре этажа. Проектирование осложнялись и тем, что конструктивизм в чистом виде был уже нежелателен, а предписанную руководством страны новую архитектуру Советского Востока — Восток плюс классика — ещё предстояло определить.

К. С. Мельников спроектировал Дворец культуры и труда в виде архитектонов — диска и разлетающихся прямоугольников, — которые он рисовал ещё в 1924 г. для Павильона СССР на выставке в Париже. Динамика архитектонов занимала его постоянно: выстреливающая композиция его выдающегося здания — клуба имени Русакова в Москве 1927–1929 гг. — родилась тоже из идеи дать «орудийный залп в будущее». «Основным принципом, коим руководствовался архитектор при проектировании Дворца культуры и труда, было стремление свести все части здания — театр, клуб, административный центр и др. — в единую мощную архитектурную композицию» (17). С левой стороны Дворца размещён многогранной

формы театр (зал съездов) со стоянкой автомашин, справа административный центр, а прямой путь ведёт в клуб и далее в парк вдоль арыка Чор Су. Всего Дворец имеет пять самостоятельных входов, ведущих, помимо прочего, в киноаудиторию квадратной формы и столовую круглой формы. По фасаду административного корпуса находятся трибуны и над ними — одномаршевые, с каждого этажа, лестницы. Последние привлекли архитектора как средство не только декорации, но и эвакуации при землетрясениях. «Детали решения полны характерной для архитектора Мельникова смелости и интересны как попытка добиться собственного языка архитектурной выразительности», — отмечала архитектурная пресса (18). К. С. Мельников предвосхищал: «Архитектура внешнего облика дворца построена на игре цвета к тени. Изумительное ташкентское солнце должно жить в содружестве с формами дворца и помогать ему вырисовывать эти формы на голубой лазури узбекистанского неба» (19). И он писал в Ташкент: «То, что называется Архитектурой, есть величественное. Звучный язык гранита Архитектуры тысячелетним эхом волнует сердце человека. Формы Архитектуры широким гулом из века в век переливаются и сохраняют свежесть и славу своего времени. Ценность Архитектуры — в её смелых творениях» (20). Центральный диск Дворца трактован как круглый, характерный для архитектуры классицизма, форум с монументом: сюда, мимо трибун, шествовали парады. Энергично изогнутый диск форума, разлетающиеся от него блоки, сдвижки корпусов и окон, изображения и знаки воздействуют на эмоции при движении вокруг и внутри здания. Диск, изначально занимавший архитектора, усилен как форум при помощи мотива классических колонн. Они, однако, не изобразительны, как в архитектуре классицизма, а оголены, и их ордерная система построена исключительно на правильных пропорциях, как того требовал А. А. Веснин. Архитектор соединил свой форум с улицей посредством сужающейся и этим как бы приглашающей аванплощади.

Другой конкурсант С. Н. Полупанов получил право реализации своего проекта Т-образного в плане здания, обращённого к улице пассивно протяжённым фасадом, — по этой-то причине здание в последующие годы потерялось за сквером с памятником Алишеру Навои и ныне используется по отдельности как театр юного зрителя, музей, и прочее. Т-образный план и пассивный фасад не выразили многофункциональную программу Дворца. Иначе, чем у К. С. Мельникова, С. Н. Полупанов трактовал и так называемый узбекский ордер, в котором упростил пропорции и детали деревянных колонн кварталных мечетей старых городов. Дворец культуры и труда, заказанный преимущественно как административный и строгий, получил у С. Н. Полупанова излишнюю декоративность. Вскоре во всех республиках Средней Азии стартовали поиски их собственных ордеров с национальными признаками.

В Средней Азии начала XX в. конструктивизм проявил свои важнейшие в международном масштабе черты. Опыт нашего региона подтвердил, что этот стиль воплощал поиски не столько технические, сколько прежде всего социальные и духовные. Конструктивизм организовывал восприятие нового и возвышенного для социально эволюционировавших программ архитектуры и градостроительства. К. С. Мельников пояснил это: «Архитектуру не делают, за Архитектурой летают» (21).

Из конструктивистских зданий давно ушли экспериментаторские программы жилищного строительства. Некоторые снесены, как ташкентские Дом правительства, дом-коммуна, фабрика-кухня. Оставшимся и приспособленным для других функций зданиям незнание их первоначальной важности нанесло ущерб, — алмаатинскому Дому правительства (ныне университетское здание) и самаркандскому дому-коммуне (ныне сельскохозяйственный лицей), — поскольку эти здания сильно изменены. В 1980-е гг. составлялся «Свод памят-

131

132

ников архитектуры Узбекистана», и в него мною были введены здания начала XX в. В результате, на здании САКУ, ныне Министерство юстиции, присутствует охранная табличка. Остальным зданиям так не повезло. Даже те, что сохранены достойно, реставрированы в угоду сегодняшним вкусам, не в стиле той эпохи. Сохраняя здания наших городов, мы бережём наше лицо, уникальную и богатую историю. Соблюдая же при этом стили их эпох, мы вызываем состояние уровня нашей сегодняшней культуры.

1934–1954 гг. ПО ГЕНПЛАНУ МОСКВЫ

Эти годы стали этапом подъёма тоталитаризма в ряде стран Европы и в СССР, и политики подавления национальностей в советском государстве. Создание Академии архитектуры СССР содействовало исследованиям научных основ архитектуры и градостроительства. Постановление о генеральном плане реконструкции Москвы дало директивы для разработки таких планов для столиц и городов союзных республик. Великая Отечественная война 1941–1944 гг. и последовавшая за ней «холодная война» стали испытанием для системы социализма и сдержали развитие архитектуры. С начала 1950-х гг. вступили в строй первые домостроительные комбинаты. Всесоюзное совещание архитекторов 1954 г. пресекло архаику в архитектуре. Набирали темпы типизация жилищного строительства, ориентация на местные материалы, механизация и индустриализация строительства. С последовавшей после смерти Сталина политикой «оттепели» налаживались отношения с Западом, и это высвобождало научную и культурную жизнь страны.

По первым генеральным планам начала 1930-х гг. на периферии городов строились 1–3-этажные рабочие городки с измельчённой уличной сетью и небольшими скверами общественных центров, и эти генеральные планы оставались документами для реконструкции населённых пунктов до 1950-х гг., указывая зоны центров, жилых районов, промышленности, и основные магистрали. В административно объединённых новых и старых городах, под лозунгом Ударим по старым городам!, распространялась единая квартальная планировка улиц. Регулярно спланированные и благоустроенные города колониального периода распространяли свой порядок на территории старых городов. При этом сохранялись монументальные памятники несомненной ценности, а менее капитальные *махаллинские* и *гузарные* центры были приспособлены, а то и разрушены. С начала 1930-х годов в Ташкенте прокладывались центральные улицы имени Алишера Навои, Усмана Юсупова, Ахмада Дониша, Богдана Хмельницкого, Шота Руставели и другие, соединив центр с рабочими городками на окраинах. По этим улицам с 1935 г. помчались ширококолейные трамваи, — они прослужили до марта 2011 г., когда их рельсы начали убирать и проезжие части расширять для значительно возросшего числа автомобилей.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1935 г. «О генеральном плане реконструкции Москвы» указало на необходимость роста столицы, её зонирования, формирования ансамблей улиц и площадей, строительства метрополитена, и др. Советское градостроительство порывало с той моделью дезурбанизма, которая предлагала формирование вокруг столиц колец из городов-садов, промышленных городков, и так далее. С ростом населения до 5–6 млн жителей на 30 лет, «Москва должна стать не союзом посёлков, а городом-столицей», — так определил цель архитектор В. Н. Семёнов в своей Теоретической схеме Москвы 1933 г. В ней выразилась концепция роста столицы. Теоретическая схема Москвы показывает, что В. Н. Семёнов находился под влиянием международного конкурса 1930 г. на проект реконструкции Москвы. Тот конкурс дал блестящие идеи роста советской столицы,

в частности В. Н. Ладовским и Ле Корбюзье. Проект Ле Корбюзье повлиял на Схему В. Н. Семёнова, и это видно в графических средствах выражения роста Москвы. Ле Корбюзье предлагал вырастание Москвы на новые территории, обеспеченное самым современным скоростным транспортом. Однако жизнь диктовала своё, и потому В. Н. Семёнов поставил рост Москвы в зависимость от наличных средств передвижения. И в этом смысле самым надёжным мотором для роста Москвы становился начавший строиться тогда метрополитен. Поэтому столица, неузнаваемо выраставшая у Ле Корбюзье, сохранила у В. Н. Семёнова свой округлый план с прямоугольными блоками новых районов в направлениях роста. В. Н. Семёнов не принимал планировку в виде сеток, полагая, что они делают город однообразным. Он предпочитал планировочные структуры, придающие городу индивидуальность. Он предлагал мастерским ведущих архитекторов создать на основе таких планировочных структур городские ансамбли. Образцовыми, при этом, назывались ансамбли Вены, Парижа, Ленинграда. В. Н. Семёнов реконструировал кольцевые магистрали, а радиальные магистрали в наиболее важных направлениях превращал в пересекавшие центр диаметральные магистрали. Магистралями и зданиями на них формировались главный и локальные центры. Широкое направление Москвы росло быстрее и потому стало главным. И вдоль этого направления вырастали планировочные кольца столицы. Магистралям следовало выразить движение к центрам не коридорной обстройкой, а просторными улицами с площадями и аркадами, приглашающими в жилые кварталы. Такое движение и формировало образы ансамблей. В. Н. Семёнов считал: «Центр может «держать» дистанцию не более двух-трёх километров. А дальше, по удобству и по условиям местности, нужно создавать другие группировки со своими центрами и своими композициями» (1).

134

Такой двухкилометровый центр и был впоследствии усилен в развивающейся по сей день композиции центра Ташкента.

Пока будущая Москва рождалась в планировочной мастерской В. Н. Семёнова, под руководством его однофамильца Н. Семёнова создавался второй проект перепланировки Ташкента 1933–1937 гг. Ташкент проектировался радиально-кольцевым, как это уже было

одобрено для Москвы. От центра его нового города к центру города старого была запроектирована двухкилометровая полоса парка. Его пересекла, вдоль канала Анхор, другая зелёная полоса с северо-востока на юго-запад. Параллельная ей зелёная ось была развита на востоке, вдоль канала Ёлар. То есть, как и в генеральном плане Москвы, значительные территории центра и периферии, были отведены под парки. На территории колониального города Ташкента возрождали его вторую площадь — Воскресенский базар. И в 1937 г. площадь расчистили от стихийной торговой застройки для строительства здесь театра оперы и балета на 1300 мест.

135

С учётом двух проектов перепланировки Ташкента, третий его генеральный план выполнен в 1938–1939 г. московский институт Мособлпроект. Автор А. В. Кузнецов уже 11 апреля 1938 г. докладывал на заседании Совета народных комиссаров (СНК) Узбекистана. За 20 предстоявших лет население города планировалось от 585 тысяч до 900 тысяч. Помимо развития на северо-восток (Рабочий городок на Тахтапуле), возникли два полюса роста: Ташсельмаш на северо-востоке и Текстилькомбинат на юго-западе. Поэтому территория в 14 тысяч гектаров росла на северо-восток и юго-запад. В тяжёлой и лёгкой промышленности планировались 117 тысяч рабочих. План имел 12 радиальных улиц, 3 кольца и несколько секущих направлений. Вдоль каналов — озеленённые полосы, а вокруг города — лесопарковый пояс 7–12-километровой ширины. Намечалось сохранить 20% жилого фонда, и новое жильё строить 2–3-этажным. Главной целью оставалось стирание грани между старым и новым городами.

Активизировались работы по главной площади Ташкента. Оставшаяся от колониального города, небольшая и окаймлённая одноэтажной жилой застройкой и деревьями вдоль арыков, она тогда именовалась Красной, затем имени Ленина, и ныне Мустакиллик. Конкурс 1934–1935 г. учёл высившийся на востоке площади Дом правительства УзССР. Конструктивистски лаконичный и выкрашенный в пролетарский чёрный цвет, он рассматривался теперь как «незаконченное оформление здания», поскольку советская архитектура взяла курс на освоение классического наследия. Поэтому здесь решили поставить памятник В. И. Ленину и впервые связать этот объект монументального искусства с градостроительным ансамблем площади. Московский проект (В. Д. Королёв, Д. П. Осипов) предложил колоссальный, то есть на несколько этажей, ордер по фасаду Дома правительства, памятник на севере площади, а при входе на площадь с востока — две высокие колонны с фигурами рабочего и колхозницы. Премированный проект (Архитектурно-планировочного управления Ташгорсовета под руководством Л. Райкина) сохранил конструктивистский стиль Дома правительства, от него предусмотрел вход на площадь, а памятник разместил на востоке. В 1937 г. перспективу Красной площади Ташкента выполнила, под руководством Л. Н. Воронина и М. Н. Дудина, будущий планировщик многих городов Узбекистана Т. Н. Калиновская. В этом проекте, в сравнении с конкурсными проектами, размер площади уменьшен двумя новыми зданиями на востоке, а рабочий и колхозница теперь установлены на их углах, обращённых к площади. На месте Дома правительства высятся новое башенное здание, вдохновлённое проектировавшимся тогда в Москве высотным Дворцом Советов (1933–1935 гг., В. Гельфрейх, Б. М. Иофан, В. А. Щуко). Шпиль башенного здания и высящиеся на востоке рабочий и колхозница поддержаны обелиском в центре площади. Гигантские арки к северу и югу от башенного здания отмечают вход на площадь и выход из неё. По торцам башенного здания площадь раскрыта на запад, к каналу Анхор, парку за ним, и далее к старому городу Ташкента. Проект Л. Н. Воронина, М. Н. Дудина и Т. Н. Калиновской повлиял на формирование этой и других площадей Ташкента, а заявленное в нём направление на запад, к старому городу, было развито в генеральном плане столицы 1938–1939 гг. Так, уже с 1937 г. — по образцу этого проекта — новые площади Ташкента стали формироваться доминантами из двух зданий до 4–5-этажей. Примеры: на площади Бешагач перед входом в Комсомольское озеро — два 4-х, а в углах 5-этажных жилых дома с колоннами колоссального ордера; против Педагогического института — такой же этажности жилые дома Текстилькомбината (1938 г., М. Беспрозванный).

На решётчатом плане улиц юго-запада Ташкента поднялся Социалистический городок Текстилькомбината с учреждениями культурно-бытового обслуживания и крупными зданиями Педагогического института (1938 г., А. и Е. Жмуйда), дворца Текстильщиков (1940 г., А. Корнаухов, А. Галкин), и собственно комбината с его поликлиникой (1936, К. В. Бабиевский). Центр Ташкента окружили шесть районов, и за ними, в радиусе 5–10 км, формировался зелёный пояс. Город насчитывал 10 парков культуры и отдыха, с 3-мя новыми на периферии. В центре, — наряду с Садам отдыха (ныне сад у Хокимията Ташкента), сквером Коммунаров (за Государственным музеем изобразительных искусств), сквером на площади Эски Джува и парком имени А. С. Пушкина (ныне А. Кадыри), — за 45 дней 1939 г. комсомольцы преобразовали карьер кирпичного завода за площадью Беш Ёгоч в Парк культуры и отдыха, названный Комсомольское озеро (М. С. Булатов, Л. Г. Караш, ныне Национальный парк). К 1942 г. были благоустроены 300 га парка Победа (М. С. Булатов, А. Мухамедшин). В составе генерального плана Ташкента 1938–1939 гг. был разработан стиль архитектуры кварталов вдоль улицы Навои, и этот стиль застройки был далее развит в ансамбле трёх зданий: кинотеатра Ватан, Управления

Среднеазиатского угольного бассейна и Горного техникума (А. А. Сидоров, Н. Н. Тимофеев). В 1938 г. на Урде построили мост через канал Анхор, и строительство улицы Навои стало первоочередным, ибо через неё в старый город вводилась новая жизнь и крупные здания, — как нынешнее здание Министерства здравоохранения, ряд 3-этажных жилых домов и крупнейшее в городе здание издательства.

С окончанием войны 1941–1945 гг., возобновились работы по главной площади Ташкента. Конкурс 1945 г. выявил два стиля её реконструкции. Проект В. Е. Архангельского, А. И. Петелина, А. А. Сидорова вдохновился средневековым и многократно повторенным куполом Гури Амира. Проект А. Б. Бабаханова, В. Волчек, С. Н. Полупанова исполнен в сдержанном классицизме, отобран, и в 1946 г. утверждён Всесоюзным конкурсом. Окончательный проект Правительственного центра (1947 г., А. Б. Бабаханов, В. Волчек, С. Н. Полупанов) продолжил идеи Воронина-Дудина 1937 г.: сохранилось шпильеобразное здание на месте Дома правительства и шпиль обелиска в центре площади. На севере и юге площадь ограничена одинаковыми корпусами зданий. Дом правительства фасадом обращен на восток, к прежде колониальной части Ташкента, а своими колонными дворами на берегу канала Анхор — к старому городу. Из этого проекта лишь к Дому правительства 1931 г. были пристроены два боковых корпуса: зала заседаний Верховного Совета, и правительственной столовой.

Пафос победы в Великой отечественной войне выразили, согласно классическим традициям, возведением Курантов (1947 г., А. А. Мухамедшин, инженер В. Левченко) на сквере новгородской части Ташкента. В самом конце войны в городе Алленштайн, что в Восточной Пруссии, сносили грозившую обрушением башню с часами над зданием ратуши. Сержант Айзенштейн из ремонтной бригады доложил коменданту города майору Соколову: «Механизм часов цел, может сгодиться, а в моём городе городских часов нет». Александр (Ишия) Абрамович Айзенштейн был из семьи потомственных часовщиков Ташкента. И командование выдало бумагу, что часы — подарок полка Ташкенту. В Ташкенте провели конкурс на проект 30-метровых Курантов в национальном стиле, поручив отделку резьбой по ганчу усто Ширину Мурадову. А. А. Айзенштейна избрали почётным гражданином Ташкента и назначили главным смотрителем Курантов. Подковообразный план сквера Ташкента архитекторы нашли, очевидно, схожим с такой же конфигурацией площади Пьяцца дель Кампо в итальянском городе Сиена, над которой высится башня *жампанилла*. В архитектуре Курантов видны и конкретные черты иранских, например города Язд, ветроулавливающих башен *бадгиров*. С магазинами первого этажа, Куранты эти стали визитной карточкой Ташкента, и они поныне сохраняют гармонию с возводимыми вокруг новыми зданиями.

С 1947 г. в Ташкенте начали курсировать троллейбусы, а с 1949 г. значительно удлинились трамвайные пути и продолжал увеличиваться автомобильный парк. В 1949 г. на улице Навои, перед Дворцом культуры и труда, ставшим Домом Советов (1939 г., С. Н. Полупанов, А. А. Сидоров, В. Е. Архангельский), возвели памятник Алишеру Навои (скульптор Л. Дитрих, архитектор В. Волчек). По оси здания и памятника, то есть в ансамбле с ними, на противоположной стороне улицы построено здание Управления треста Чирчикстрой (1950 г., В. Е. Архангельский). Центральные улицы сформировались в Андижане, Намангане и других городах Узбекистана. С инженерными сетями и транспортом они начали модернизацию старых городов. Их застройка зданиями в классицизме и национальном стиле распространила центральную зону в старые города. Каркас улиц первой очереди строительства был дополнен новыми площадями и парками культуры и отдыха, — сформировалась центральная зона столицы

(1949 г., М. С. Булатов). Проект планировки Ташкента 1938 г. был откорректирован генеральным планом 1954 г. (А. П. Бушуев, М. С. Булатов): территория столицы увеличилась к 1960 г. до 20 тысяч гектаров, а население — до 800 тысяч человек. В это время диаметр Ташкента вырос с 10 км в конце XIX в. до 25 км.

Строились новые промышленные города Чирчик, Бекабад, Янгиюль, Янгиер, Ангрэн, Алмалык, Кувасай, Нукус и др. Чирчик был образован в 1934 г. к северо-востоку от Ташкента из нескольких посёлков при кишлаке Ниязбек и селе Троицком. Генеральный план разработан московским Гидростройпроектом (1933–1936 гг., Г. Орлов, В. Лавров, В. Веснин). В 1940 г. здесь начала работу гидроэлектростанция, и подъём воды в реке Чирчик позволил развить ирригационную сеть района. Вступили в строй промышленные предприятия. В 1947 г. корректирована планировка Чирчика, а в 1952 г. утверждён его генеральный план. Архитектурный классицизм отозвался в симметрии плана, колоннах и карнизах Дворца культуры химиков (1956 г., архитектор А. Петросов). В двух выдвинутых вперёд корпусах Дворца находятся помещения для культурно-просветительской работы, а входной парадный двор между ними раскрыт через два ряда колонн колоссального ордера на площадь. Аскетизм стиля Дворца возвестил грядущую смену классицизма следующим этапом новой архитектуры.

140

В реконструкции исторически сложившихся городов Узбекистана не терпевшая инакомыслия советская идеология открыто проявляла свою сущность и, под предлогом борьбы с религией, игнорировала и разрушала их. Первейшим средством в этом была пробивка магистралей через центры этих городов.

Показателен в этом отношении почти неизвестный генеральный план Бухары, разработанный в первой половине 1930-х гг. мастером советской архитектуры И. В. Жолтовским (1867–1959 гг.). Генеральный план стал первой попыткой социалистической реконструкции этого классического города ислама, в котором главная ценность — его древняя, плотная и веками обогащавшаяся морфология, то есть каркас улиц, площадей, зданий. «Даже самые прекрасные сооружения мертвы, если они не связаны идеей единого города как живого, социального и архитектурного организма», — писал в это время мастер, словно подтверждая своё стремление создать новую Бухару целостно. «Начиная думать об образе будущего сооружения, я стараюсь решить основной для себя, как архитектора, вопрос: вхожу ли я в город для того, чтобы разрушить его существующую архитектурную композицию, или я подчиняюсь ей? Есть ли уже в этом городе архитектурная гармония или я её должен только создать?» (2). Бухару своим планом И. В. Жолтовский определённо разрушал. На древнюю морфологию города наложена решётка магистралей, продолженная на юг, куда впоследствии и развивалась новая застройка города. В этой решётке выделены две осевые магистрали север-юг и восток-запад, пересекающиеся к юго-востоку от ансамбля Лаби Ховуз, на границе древнего города. На этой новой советской площади общественные здания расположены на севере, а на восток и запад от площади тянутся новые жилые кварталы, — как это и будет исполняться в Бухаре 1930–1950-х гг. Южнее новой площади распланирован огромный прямоугольный Парк культуры и отдыха с театром, — ещё одно пространство советского центра города. Планировка несколько раз округлена магистралями и их площадями, которые прерывают монотонность решётки новых дорог. Кварталы решётки укрупнены по мере ухода от древнего города к периферийным территориям. Как организовывать жизнь в кварталах, — в тогдашнем советском градостроительстве чётких критериев не было. План И. В. Жолтовского, сообщила московская Строительная газета в статье Проект

141

новой Бухары, закончен в Горстройпроекте №1 архитектором Меерсоном и инженером Домбовским как генеральный проект планировки и реконструкции. Облик города изменён коренным образом. В старом городе намечено строительство школ и учреждений культурно-бытового обслуживания, водопровода и канализации. Главную широтную улицу имени Ленина (то есть нынешнюю имени Бохоуддина Накшбанда) предполагалось расширить до 60 метров. На всех улицах и площадях — зелёные насаждения и бульвары. Десятки кварталов двухэтажных домов. Начаты работы по приведению в порядок канала Шахруд, — он приносит воду в плавательные бассейны и водоёмы города. Население увеличивается на 30 тысяч и составит 80 тысяч. Выполненный под руководством И. В. Жолтовского проект был рассмотрен и одобрен Архитектурным советом Горстройпроекта. Эскизный проект обсуждался на собраниях трудящихся Бухары и встретил общее одобрение, — заключила газета.

В 1937 г. в Узпланпроекте Ташкента архитектором Ф. И. Долговым был выполнен второй генеральный план Бухары. Проект И. В. Жолтовского здесь трактован чётче: выделены тот

же парк, а также несколько бульваров, и между ними — уже не мелкая решётка кварталов, а более крупные жилые образования. На предшествовавшем этапе архитектуры Ассоциация революционных урбанистов проектировала междугородную магистраль через центры городов Ферганской долины, и улицы взрывоподобно уничтожали исторические города. В подобном духе

и И. В. Жолтовским была спланирована новая административная площадь Бухары у цитадели Арк. Ф. И. Долгов тоже спроектировал новое административное здание у входа в цитадель Арк, а от площади Регистан тоже взрывоподобно расчертил 4 прямые улицы, которые затем и были проложены. Вот так транспорт стал вторым, после оружия, средством Советов в разрушении Бухары. Магистрали первого генерального плана города разлетелись от площади Регистан подобно взрыву. И транспорт пересёк центр исторического города с востока на запад. В 1948 г. тот же архитектор в том же институте, переименованном в Узгоспроект, выполнил генеральный план исторической Хивы. В её внешнем городе Дишан Кала им спланирована новая административная площадь с теми же расходящимися от неё четырьмя прямыми улицами. Архитектура такой же площади была разработана в проекте центра города Ургенча, расположенного в трёх десятках километров к северу от Хивы. То есть, заявленная в начале 1930-х гг. концепция взрыва исторических городов продолжалась в их проектировании и застройке до конца 1940-х гг.

Осевое направление роста, предпринятое для Москвы, чётко проявилось в генеральном плане Самарканда (1937–1938 гг., Узпланпроект, М. С. Булатов). Завершивший учёбу в Московском архитектурном институте М. С. Булатов не знал о функционировавшем в конце 1920-х гг. Бюро по перепланировке городов Средней Азии и его проекте для Самарканда. Генеральный план М. С. Булатова был вызван всё той же необходимостью уничтожения, как говорили тогда, разницы между старым и новым городами и создания города с единой планировочной структурой. Учитель М. С. Булатова в Московском архитектурном институте — архитектор двора его императорского величества Г. Д. Гримм — привил юноше взгляд на историю архитектуры через учения о пропорциональности. И впоследствии пропорции стали главным в проектах и исследованиях М. С. Булатова. Генеральный план Самарканда, с этой точки зрения, тоже весьма выверен геометрически. 136-тысячный город на территории 3,9 тысяч гектаров спланирован вдоль символической осевой магистрали от Обсерватории Улугбека к железной дороге на юго-западе. Ось проходит по центру колониального города, радиально-секторный план которого сливается с радиально-кольцевой планировкой города советского. В Самарканде магистрали чётче в сравнении с генеральным планом

Ташкента: они делят город на районы, и внутри таких районов уличная сеть кварталов прямоугольна. В 1951 г. Академия архитектуры СССР заявила идею изоляции или «планировочного обособления» памятников в композиции города. В генеральном плане М. С. Булатова это уже сделано: Афросиаб превращён в парковую зону, а на город Темура и площадь Регистан наложена новая планировка.

В Самарканде, из-за его нескольких крупных ансамблей, — поясняло издание Академии архитектуры СССР, — «задача планировочного обособления решается сравнительно просто. В Бухаре или Хиве памятники разбросаны, обособление невозможно, возникает проблема объединения в ансамбль с современными сооружениями и подчинения их новому по своему содержанию художественному образу» (3). Академия архитектуры СССР не находила ненормальными такие свои формулировки, как «реконструкции подвергаются города» или же — «включение памятников архитектуры в композицию города осуществляется посредством их обособления» (4). Градостроительство же претворяло в жизнь такие директивы. И, как следствие этого, в генеральном плане и проекте первой очереди строительства Самарканда (1954, Узгоспроект, Ю. Булычёва и др.) главные транспортные магистрали проложены через центр исторического города. От вокзала на юге через Регистан к Афросиабу и к аэропорту на севере проложены улицы Регистанская и Ташкентская, впоследствии расширенные согласно проекту реконструкции (А. Балаев, Ю. Булычева, И. Габриэльян). Площадь Регистан «планировочно обособлена» и отгорожена от исторического города стеной четырёхэтажных домов серии 1–310, типовой четырёхэтажной школой, магазинами, кинотеатрами, и т. д.

Постановление о генеральном плане реконструкции Москвы способствовало поискам градостроительных норм с учётом опыта Англии, США, Германии, Франции. Так, жилые кварталы стали составлять 40%, общественные кварталы — 20%, озеленение — 20%, улицы и площади — 20% территории города. Вошло в обиход понятие радиуса обслуживания и, согласно ему, по городу стали распределяться здания, составляющие общегородские, районные и квартальные центры. Были проблемы с полным перечнем таких культурно-бытовых зданий. Композиции жилых районов и общественных центров рисовались по образцам градостроительных ансамблей прошлых веков (5). В 1938–1939 гг. впервые в СССР В. В. Кратюком был спроектирован экспериментальный микрорайон 1500 × 1200 метров с населением 6 тысяч человек. В нём были использованы идеи произошедших от городов-садов первых микрорайонов рубежа 1920–1930-х гг. близ Нью-Йорка. Жилая застройка высокой плотности с магазинами размещена по периметру, а в центре кольцевая дорога: внутри неё клуб, три школы и молодёжные центры творчества, а вне её — детские учреждения (6). Микрорайоны впредь станут составной частью районов. Если проект перепланировки Ташкента (1934 г., АПУ Ташгорсовета) выделял в сети мелких кварталов общественные центры местного значения, равномерно окружившие новый и старый города, то генеральный план Ташкента (1938–1939 гг., А. В. Кузнецов) выделил в этой же сети осевые магистрали и на них — центры районов. Несколько отставали генеральные планы областных городов: первая очередь реконструкции Анджана (1941 г.) запроектована всё ещё мелкими кварталами, а на северо-востоке при железной дороге — и вовсе городом-садом с радиально-полукольцевой планировкой. Перспектива города Пржевальска (1948 г., М. Муксинов, П. Иванов) показывает сплошную квартальную застройку и выделенный в ней центр местного значения: конфигурация его площади и архитектурный стиль зданий повторяют классицизм Европы. Так, в планировках городов 1934–1941 гг. из сети кварталов вычленились сначала общественные центры местного значения и затем

143

144

центры районов, — то есть осуществлялось первое и второе укрупнение планировочной структуры городов.

После войны жилые кварталы строились 1–3-этажными и с типовыми зданиями культурно-бытового обслуживания. Массивы таких кварталов с небольшими площадями и сквериками заполняли территории вокруг старых и новых городов. Мелкие кварталы заменялись более крупными жилыми районами, в которых и зародились подобия будущих микрорайонов, — это стало результатом первых двух укрупнений планировочных структур городов. Узгоспроектом проектировались исторические Андижан (1948 г.), Коканд (1950 г.) и Наманган (1953 г.) по тем же принципам, что и второй проект перепланировки Ташкента 1933–1937 гг., то есть в них была усилена их радиально-кольцевая планировка. Застройка городов осуществлялась по следующей цепочке укрупнявшихся планировочных единиц: *махалля* — *гузар* — квартал — микрорайон — район. Градостроительство продолжало мыслиться категориями предвоенных лет и оставалось зажатым догмами сталинистской системы, которые не реконструировали, а разрушали сложившиеся веками исторические города.

Разрушая города на стадии генеральных планов, Советы намеренно разрушали затем их планировочную структуру на стадиях детальной планировки и проектов застройки. Неприятие исторических городов начиналось с искажения их топонимики. Так, исторические *гузары* поначалу звались кварталами; с 1963 г. — *махаллями* более 500 человек, и мечети *гузаров* использовались как центры микрорайонов (7, 8). То есть *гузар* пытались заменить сначала понятием квартал, а потом — микрорайон. Называть *гузар* махаллём было невежеством. *Гузар* не мог быть и примитивным советским микрорайоном. Советы перекраивали сформированные мудростью веков исторические города под наспех заимствованное из Запада и превратное понятие новое градостроительство. Называя *гузары* *махаллями* более 500 человек и микрорайонами, новое градостроительство переносило в исторические города те крупные единицы, которые планировались в их новых частях. То есть начался длящийся и поныне процесс укрупненного искажения планировочных единиц исторических городов.

Малозэтажные, 2–3-этажные по периметру и 1-этажные внутри, кварталы для рабочих и служащих промышленных предприятий, которые строились вдоль главных улиц, составляли до 85 % городского и сельского строительства в Узбекистане. Поначалу жилые дома строились на участках 0,1 га (Рабочий городок трамвайного парка на Тахтапуле), затем они уменьшались до 0,06 га и менее. В планировку укрупнявшихся кварталов вводились тупиковые проезды к расположенным внутри них жилым домам. С этого этапа сокращавшихся придомовых зелёных участков и повышавшейся этажности жилых зданий микроклимат городской среды стал зависеть от композиции застройки по отношению к факторам климата и, в первую очередь, к солнцу и ветру. Необходим был новый подход к проектированию кварталов в городской застройке. Показателен проект квартала трёхэтажных жилых домов в Ташкенте: вокруг внутреннего двора с *айванами* по периметру, архитектура построена на стрельчатых арках, порталах подъездов и многочисленных куполах. Вместо такого поверхностного понимания застройки квартала, ташкентский специалист по строительной физике А. Антонини предпринял новаторский проект. Своим проектом он обратил внимание на необходимость учитывать прохладные бризы, дующие в Ташкенте в предрассветные часы с северо-восточных гор. В 4–6-этажной обстройке квартала, обращенные на северо-восток жилые дома являют собой решётку сквозных арок и сквозных летних помещений на разных этажах. Цель создания такой решётки — позволить регулярным прохладным потокам воздуха пронизывать застройку и, таким образом, оздоравливать воздушную среду города (9).

Важной оставалась ориентация на местные строительные материалы, конструкции и традиции, особенно на селе. Проект жилого дома колхозника (1935 г., архитектор Смирнович), ориентируясь на местные строительные материалы, продолжил традицию расположенной на крыше веранды, начатой колониального времени домом Мандалака и проектом дома Восток для рабочих 1925 г. В военные годы ориентация на всё местное стала насущной. Для застройки кварталов типовых одноэтажных жилых домов на Луначарском шоссе в Ташкенте и для рабочих металлургического завода в Бекабаде были разработаны кирпичные своды двойкой кривизны Узбекистан (инженер А. Рабинович). Ими покрывали, без леса и металла, пролёты до 20 м. Своды собирали из фрагментов шириной 2 м и длиной, равной перекрываемому пролёту. Жилые дома под такими сводами были 1-этажными и на 3 квартиры. Над 6 равными пролётами этих домов кровля имеет волнистый силуэт, в 4 центральных пролётах размещались лоджии входов, а под крайними пролётами — стена с окном. С дворами позади, такие дома формировали строчную застройку улиц. Сводчатой была и архитектура торгового ряда (1947 г., Л. Г. Караш) на старогородском базаре Ташкента: арочные лоджии ларьков его первого этажа и волнообразную стену второго этажа объединял возвышавшийся в центре фасада *пештак* с аркой *айвана*.

145

146

Поиски планов секций для жилых домов малой и средней этажности отличились в этот период последовательностью. После функционалистского метода К. В. Бабиевского, в компоновке жилой секции стали преобладать конструкции и экономика. Разграничение жилых и подсобных помещений ради их отдельного проветривания отошло на второй план. В простом плане капитальных стен плотнее планировались не две, а три квартиры. Для одноэтажных жилищ продолжили использовать планировку экономичного жилья рабочих первых послереволюционных лет. В таком 8-квартирном доме рабочих посёлка Фархадской ГЭС архитектор В. М. Дмитриев предусмотрел сквозное проветривание, веранды-*айваны*, придворовые участки. Двухэтажный галерейный дом рабочих шелкомотальной фабрики Бухары М. С. Булатов украсил романскими полукруглыми аркадами 1-го этажа и лёгкими колоннами с солнцезащитным трельяжем 2-го этажа. В 1936 г. архитектор С. В. Кутин предложил жилую секцию из трёх 2-комнатных квартир с лоджиями и балконом, а архитектор Ш. Ратия — две 3 и 4-комнатные квартиры с балконами. Конкурс Союза архитекторов Узбекистана 1939 г. отобрал секцию С. В. Кутина как наиболее экономичную из-за типизации конструкций. Секция спланирована под 2-мя равными пролётами продольных капитальных стен. В ней три 2-комнатные квартиры: каждая с кухней, туалетом и умывальником (ванной нет), и с выходом на балкон. Во второй половине 1930-х гг. в городке Ташкентского текстильного комбината были построены жилые дома с деревянными террасами на все четыре этажа. Как и деревянные террасы домов Б. Савицкого в Самарканде, они были пристроены к фасадам, имели 3-метровую ширину, и ступенчато сокращались с каждым этажом, образуя на каждом этаже дворики под открытым небом. В секциях 3—4-этажного жилого дома с колоссальными лоджиями и обычными балконами на набережную канала Анхор (1940 г., А. И. Павлов, А. Писадзе) развиты принципы секций К. В. Бабиевского и С. В. Кутина. В 1943–1946 гг. в институте Узпланпроект инженером В. И. Озеровым секция С. В. Кутина переработана для жилых домов малой и средней этажности. Секция из 5 равных поперечных пролётов обрела чёткий план для индустриализации её строительства. Все три 2-комнатные квартиры с кухней, туалетом, ванной и лоджиями обращены на главный фасад. В 1948 г. И. А. Рачинская и В. И. Озеров (Узгоспроект) совершенствовали эту секцию в домах серии 1–210. Она использована в жилом доме на канале Анхор (1948 г., М. С. Булатов, Л. Г. Караш) и в застройке

147

улицы А. Навои (1949–1950 гг., М. С. Булатов, Л. Г. Караш). Из передней проходят в шлюз с совмещённым санузлом, и далее в кухню, обычно с балконом. Секции жилых домов на улице Навои не соответствовали традициям быта населения, и потому, «помимо обращённых на улицу лоджий, со стороны двора к ним пристраивались веранды. Они, безусловно, улучшают условия жизни в доме, но часто недостаточно хорошо оформлены и обезображивают здания», — отмечала Академия архитектуры СССР (10). В 1953–1954 гг. архитектор И. А. Мерпорт (Узгоспроект) предложил самую экономичную секцию 1–310 для начинавшегося тогда крупноблочного строительства (11). Секция спланирована под тремя поперечными стенами: двух равных широких и среднего узкого, лестничного. По-прежнему 3 квартиры, но с 1, 2 и 3-мя комнатами, кухнями, санузлами. Однокомнатная квартира имела душ вместо ванной. В 2–3-комнатных квартирах из передней проходят в кухню через общую комнату. Жильцы предпочли другой путь: пробив дверь в кухню из санузла, ставшего проходным. Лоджии в секции заменены балконами. Секцию возводили заводы железобетонных конструкций. В 2–3-этажных секционных или галерейных жилых домах искали образ южного жилища посредством различных летних помещений. Так, 2-этажные секционные жилые дома в Чирчике и Бекабаде имели веранды 1 этажа и лоджии и балконы 2 этажа (И. Рачинская, В. Озеров), а 3-этажный секционный жилой дом Ташкентского текстильного комбината имел лоджии и угловые балконы. Наладилось строительство типовых зданий культурно-бытового обслуживания и хозяйственного назначения. Три этажа для застройки новых городов и 4 этажа для застройки больших городов разрешались лишь в качестве градостроительных акцентов.

ВОСТОК ПЛЮС КЛАССИКА

«Советская архитектура вступила в созидательный этап своего развития, — провозгласила Москва в 1934 г., — она сбрасывает с себя печать мертвящей скуки и серости, столь характерных для домов-коробок недавних лет. Великие архитектурные памятники классической древности и Возрождения приобретают для нас новый смысл» (1). Республикам Средней Азии следовало осваивать своё наследие в синтезе с классическим, и для этого была дана конкретная формула: Восток плюс классика. Поворот к европейской античности

и эпохе Возрождения многие принимали с трудом. Созданная Академия архитектуры не успевала информировать о классике, и архитекторы имитировали её по мере своей осведомленности и способности. Динамично устремлённые вперёд конструктивистские композиции наспех оформлялись классическими порталами (Академия наук в Алма-Ате, 1948, А. В. Щусев) или

же порталом оформляли вход в объём, ассоциировавшийся с национальной традицией (Павильон Казахской ССР на ВСХВ в Москве, 1954, И. Петров, А. Куприянов, Т. Басенов). Хотя наследие называлось шире — не национальное, а Восток — обособление архитектуры в республиканских границах продолжалось. Архитектор А. И. Павлов, к примеру, всерьёз рассуждал о типично узбекских или киргизских растениях, чтобы украсить ими капители колонн национального ордера. «По дороге в Москву на Всесоюзный съезд архитекторов», — сообщала в 1937 г. газета Кизил Узбекистон (№173), — «Долгов и Павлов дискутировали, и за неправильные установки, в том числе политические, были не допущены до съезда и лишены мандата. По возвращении городское собрание Союза архитекторов обсудило поездку. Выступившего на съезде своего Председателя Воронина сняли с поста, а Долгова вывели из правления и членов Союза. Преподаватели же Индустриального института Воронин, Колотов и Маркевич были осуждены за антисоветизм, а учебный процесс в институте постановили проверить».

В этой обстановке разброда и шатаний, как говорили в те годы, отличилась позиция академика архитектуры А. В. Щусева. Он ещё студентом приезжал в Среднюю Азию, изучал, обмерял и восхитительно зарисовывал её памятники. И потому теперь, когда классику все видели в Европе, этот мастер русской и советской архитектуры высказался в пользу ценности монументального зодчества Средней Азии и сопредельных с нею стран. А. В. Щусев выступал за широту зодческого мышления, за умение работать свободно, как это делал он сам, и в различных стилях. И когда работавших в стиле классицизма стали называть эклектиками и обвинять в эклектике, — что в переводе с греческого означает «я выбираю», — А. В. Щусев ответил: «Не надо бояться и превращать в своего рода жупел слово эклектика. Не всегда эклектика является синонимом халтуры, убожества мысли и плохой проработки заимствованных мотивов. В искусстве бесполезны и эклектики, если они одновременно являются значительными мастерами» (2). Этот метод создания архитектуры А. В. Щусев продемонстрировал на деле своей работой над театром оперы и балета имени Алишера Навои для Ташкента. А. В. Щусев пояснял: «Архитектура восточных стран имеет сходные черты с западноевропейской классикой, корни которой шли из Месопотамии и Египта. Это на их развалинах возникли и Византия, и мусульманский Восток — прямые продолжатели классической архитектуры» (3). Относительно же архитектуры театра он в 1935 г. наставлял: «Театр должен быть живописен и праздничен. Наружная архитектура должна быть величественна, украшая городской ансамбль монументальностью форм, скульптурой и архитектурно проработанными деталями. Театральное строительство требует организации, снабжающей высококачественными стройматериалами и архитектурными деталями» (4).

Театр оперы и балета имени Алишера Навои в Ташкенте был спроектирован А. В. Щусевым для конкурса 1937 г., завершён строительством в 1948 г., и удостоен Государственной премии. Тремя другими конкурсантами были ташкентские проекты К. В. Бабиевского с А. И. Петелиным, Б. К. Скорнякова, а также московский проект Д. Фридмана. Проект Б. К. Скорнякова был выдержан в архаичном стиле, вплоть до египетских колонн в интерьере. Проект Д. Фридмана предлагал классицизм в конструктивистском аскетизме. Предпочитавшие чистоту стиля К. В. Бабиевский и А. И. Петелин усилили в композиции театра колоннады, ассоциировавшиеся с петербургскими. А. В. Щусев же начал с эскиза в стиле московского классицизма, который впоследствии всё более пополнялся компонентами, способными создать Восток плюс классику, — и его эклектичному театру многие, действительно, затем с готовностью последовали. Протяжённый периметр здания театра оживлён выступающими поверхностями и западающими тенистыми пространствами главного портала и лоджий других фасадов. Портал ассоциируется с триумфальными арками Древнего Рима, но полукруглому очертанию арок архитектор придал едва заметную стрельчатость от Востока. К пилонам портала приставлены крупные сдвоенные полуколонны. Протяжённые боковые фасады театра являли непростую композиционную задачу. Их решение, однако, наметилось в архитектуре общественных зданий Узбекистана: из зала через фойе зрители выходили во дворы, как в бухарском Народном доме 1923 г. Вместо дворов А. В. Щусев обратил лоджии на окружающую театр площадь, и этим создал сильный композиционный акцент на боковых фасадах. Лоджии А. В. Щусева являются более величественными и массивными версиями утончённой лоджии Ф. Брунеллески, Ф. Луна и А. Роббиа во флорентийском Доме для подкидышей, известном также как Воспитательный дом (1445 г.). На боковых и заднем фасадах театра капители колонн вдохновлены капителями *михраба* бухарской мечети Номозгох XII в. В самый канун войны А. В. Щусев предпринял поездку в Бухару. Войдя с ташкентскими студентами в бухарскую мечеть Номозгох, мастер восхищённо остановился перед её *михрабом*. «Чудесные ка-

149

150

151

пители», — сказал он, — «обязательно использую их для театра». Бетонные варианты бухарских капителей, действительно, украсили лоджии театра. Карнизы фасадов театра, вместо классических европейских, исполнены как восточные сталактиты-*мукарнас*. Мастер проектировал театр первоначально в русском красном кирпиче, но затем предпочёл среднеазиатский жёлтый кирпич. На фоне такой кирпичной кладки фасадов театра выделяются мраморные и гипсовые архитектурные фрагменты. А. В. Щусев последовал опыту русских строителей колониального периода, а также опыту Ф. О. Шехтеля в Туркестанском павильоне 1923 г. и пригласил узбекских народных мастеров для отделки интерьеров театра. *Ганчевая резьба купола-тюбетейки* над зрительным залом, а также стен и потолков вестибюля и фойе выполнена под руководством А. В. Щусева и курировавших строительство Б. Н. Засыпкина и С. Н. Полупанова. Искусство таких мастеров Ташкента, Самарканда, Бухары, Хивы, как Усто Ширин Мурадов, Абдулла Болтаев, Т. Асланкулов, К. Джалилов, С. Наркузиев, Г. Негматов и другие, — сообщило классицизму театра народный характер. Художник Чингиз Ахмаров исполнил стилизованные под древние миниатюры настенные живописные панно на темы поэм Алишера Навои.

Метод создания А. В. Щусевым стиля театра проясняют принципы другого мастера этого времени — И. В. Жолтовского. Для сознательной интерпретации классики И. В. Жолтовский различал две линии её развития. Первая — античных греческих городов-государств (V–IV вв. до н.э.). Вторая — барочная, императорского Рима (I–II вв. н.э.) и особенно Контрреформации (XVI–XVII вв.), где зачинателем был Микеланджело. И. В. Жолтовский пояснял, что в римском Колизее (I в. н.э.), «на огромную систему пилонов, арок и сводов приставлена ордерная сетка, претендующая на роль несущего каркаса. Архитектура украшена не декоративными, а архитектурными формами. Ордер потерял конструктивный смысл и стал украшением». То есть классика переродилась в классицизм. И. В. Жолтовский заключил: «Стилей бесконечное множество, логика же архитектуры одна: неизменны законы архитектоники, сжатия, трения и растяжения» (5). Тектоника (греч. — искусство строительства) есть взаиморасположение частей и художественное выражение вонне конструкций и строительных масс здания. Когда А. В. Щусев проектировал театр для Ташкента, И. В. Жолтовский проектировал театр для Таганрога. Планы и габариты театров схожи, но стили демонстрируют два разных отношения к тектонике и, следовательно, две разные линии в сознательной интерпретации классики. Придерживаясь первой античной линии, И. В. Жолтовский стремился колонный ордер фасада сделать конструктивным. А. В. Щусев же избрал вторую барочную линию, и колонны фасада его театра декоративны: приставлены к portalу. И. В. Жолтовский шёл далее создания ордерной тектоники и, подобно некоторым мастерам классицизма, стремился к ассоциативной трактовке тектоники, то есть к уподоблению её живому миру. Тектоника, объяснял он, способна создать впечатляющий человека образ: «Членения формы выражают взаимодействие сил, разные моменты роста, борьбу с тяготением и инерцией, разные возрасты организма: стремительный взлёт юного побега, великолепное равновесие цветения, усталость увядания, тяжесть созревшего плода. Создать образ может только мастер, научившийся формировать материал по законам построения живой органической материи» (6).

Классицизм — это совершенствование традиции, нежели изобретение нового. Поэтому А. В. Щусев проповедовал, что копирование может быть оправдано, если выполнено мастерски. Он ещё в 1924 г. говорил: «В настоящее время пророческое око обращено к Америке, — свет архитектуры оттуда. Да, надо ориентироваться на Запад, но не потому, что мы бедны мыслью, а потому, что у нас пока мало средств и возможностей, и мы не можем учиться на жизненном опыте» (7). Из таких убеждений и произошло превосходство ташкентского театра над таганрогским. Почитавшейся А. В. Щусевым Америке

светить помогала Франция: американские студенты отправлялись учиться классике в парижскую Эколь де Боз-Ар (*Ecole des Beaux-Arts*) — Школу изящных искусств. Основанная в 1648 г., Школа преподавала классику Греции и Рима. И возвратившиеся на родину американцы создавали безупречные вариации классицизма. Лучшим в США воплощением классицизма от Эколь де Боз-Ар стало здание Нью-Йоркской публичной библиотеки (1897–1911) архитекторов Д. М. Каррере и Т. Хастингса. Главный фасад расположенной на Пятой авеню Манхэттена библиотеки поразительно повторен на главном фасаде ташкентского театра оперы и балета имени Навои, — чертёж фасада библиотеки, видимо, имелся у А. В. Щусева. А. В. Щусев осознавал культурные различия Америки и Средней Азии, и потому аллегорические скульптуры Истории, Драмы, Поэзии, Религии, Романа и Философии, важные на фасаде библиотеки, были убраны в ташкентском театре. Скульптуры заменены минаретиками с пятиконечными звёздами. А. В. Щусев укрупнил выступающий вперёд трёхарочный портал театра по ширине и высоте. Карниз, тонкой лентой бегущий по фасадам Д. М. Каррере и Т. Хастингса, А. В. Щусев увеличил по высоте, разделил массивными пилонами, и заполнил волнистыми рядами сталактитов-мукарнас. Так — после конструктивизма К. С. Мельникова и на этот раз в классицизме А. В. Щусева — западную сдержанность переборол русская эмоциональность.

152

Победивший в войне СССР стремился отразить своё величие в архитектуре. В 1947 г. Москва праздновала своё 800-летие и начала строить высотные здания, а Ташкент отмечал 500-летие Алишера Навои, именем которого и был назван театр А. В. Щусева. Как высотные здания, так и театр были вдохновлены заокеанским «светом архитектуры» именно потому, что в мире установились интернациональные образцы классицизма, которые на данном этапе и следовало мастерски совершенствовать. Исходя из этой сущности классицизма, специалисты разных стран и оценивают здание ташкентского театра как лучшее в республике, а его стиль — как один из лучших в мире (8).

Эрудированный и мудрый А. В. Щусев призывал архитекторов наряду с освоением европейской античности обратиться к изучению принципов и своей архитектурной классики, — и это было вернейшим средством против провинциализма, то есть рабского копирования чужих образцов. А. В. Щусев указывал, что архитектура Средней Азии XIII–XVII вв. «может с правом быть названа классикой Востока. Архитекторы, изучающие это богатое наследие мусульманской культуры, если подойдут строго к принципам её создания, найдут богатый источник для своего вдохновения и научатся многому у авторов этих замечательных сооружений» (9). Однако, в Узбекистане, закрытом тогда за советским «железным занавесом», не было зодчих, способных развить этот призыв А. В. Щусева.

Свою архитектуру, изучать которую призывал А. В. Щусев, архитекторы Узбекистана видели скорее фрагментами, а не как систему, всесторонне понятую. Так, здание Музея истории с *пештаком* и минаретами (1934 г., К. В. Бабиевский, А. И. Петелин, ныне Музей современного искусства на улице Истикбол) повторило схему фасада Народного дома, построенного за десять лет до этого в Бухаре. Профессор Л. Н. Воронин, являвшийся авторитетом в теории и преподавании архитектуры, определил метод создания национальной архитектуры следующим образом: «Если художник так скомпонует *пештак*, так поместит его в сочетании масс и форм, то культовая физиономия портала сотрётся до чиста. Ответственное — сочетание форм в образе, и здесь успех зависит от такта и умения художника. Созданный при таких условиях проект — это и есть та национальная архитектура, которая нужна нам» (10). Этим Л. Н. Воронин рекомендовал для новой архитектуры те примеры *пештака*, которые появились на предшествовавшем этапе. Уже тогда в *пештак* привносились

153

приметы функционального назначения того или иного здания или комплекса. Дворец Ситораи Мохи Хоса (амир Саид Алимхан, начало XX в.) открывается *пештаком*, европеизированным и одновременно чувственным: вместо традиционных стрельчатых арок многократно повторены полуциркульные романские, и во всём присутствуют красный цвет вина и кувшины. Главенствует же крупно выведенное первое стихотворение первой благодарственной главы Корана: «Хвала Аллаху, господу миров, милостивому, милосердному, властелину Дня воздаяния!». *Пештаки* времени Л. Н. Воронина провозглашали новое агрессивнее: «Да здравствует культура национальная по форме и социалистическая по содержанию!». В здании Клуба обувщиков (1935–1937 гг., Б. К. Скорняков) арки снова стрельчатые, но главенствует та же романская полуциркульная, заполненная лепестками, как над дверьми зданий английского классицизма. Более всего преобразовать *пештак* по предписанию Л. Н. Воронина постарался А. И. Павлов во Дворце культуры железнодорожников (1939 г.). Дворец построен по упрощённому плану строившегося тогда театра имени А. Навои. Ещё более упрощён фасад: отсутствие системы деталей лишило его масштабности, единственная романская арка портала смотрится как гипертрофированная ниша, а два яруса колонных галерей на кровле, призванные сообщить южный образ, смотрятся странно из-за топорности исполнения. Это самая скучная и доведённая до абсурда интерпретация *пештака*.

Понятно, что такое сочетание Востока и классики представлялось другим архитекторам механистическим. И поэтому они предпочитали копирование образцов европейского классицизма, как например В. Волчек и А. Ларионов в здании Ташкентского Комитета КП Узбекистана (1938 г., ныне административное здание на углу улицы Мустакиллик и сквера Амира Темура). Фасады рустованы по первому этажу, а второй и третий объединены пилястрами. Выступающий на главном фасаде портик покоится на аркаде первого этажа, и на нём четыре колонны колоссального ордера поддерживают высокий фронтон. Соседнее, в стиле классицизма, здание банка (1895 г., В. С. Гейнцельман), видимо, помогло В. Волчеку и А. Ларионову в определении средств композиции. Здание Педагогического института (1938 г., А. и Е. Жмуйда) тоже расположено перед сквером и обращено к нему вогнутым фасадом. Фронтон поддержан колоссальным ордером трёхэтажей, напоминая здание Ташкентского Комитета КП. По сторонам фасада гигантские скульптурные композиции пропагандируют важность народного образования. *Аекетизм*, тяжёлая рустовка стен, крупные колонны, скульптуры и рельефы, — всё исполнено в подавляющем духе, характерном для классицизма тоталитарного периода. Клуб текстильщиков (1940 г., А. Карнаузов, А. Галкин) акцентирует в классицизме южные мотивы:

заглублённые *айваны* центрального входа, галереи двориков по сторонам зала, театрализованные балконы фасадов, колоннады по их самому верху, как во Дворце железнодорожников. На улице А. Навои, напротив Дворца культуры и труда 1934 года, ставшего Домом Советов, в 1950-м г. В. Е. Архангельским построено здание Управления треста Чирчикстрой. Лаконичный и грамотно построенный в стиле классицизма фасад имеет центральный и боковые фронтоны, оживлён ритмом пилястр и окон, завершён выразительным карнизом, а арки ведут с улицы во двор. Перед зданием, на спуске к улице, организованы террасы с балюстрадами и фонарными колоннами. Сказалась выучка, полученная молодым архитектором у опытных московских мэтров. Классицизм зданий Ташкентского Комитета КП и треста Чирчикстрой не только стал следствием влияния стиля соседних зданий, — во втором случае очевидно намеренное стремление к созданию ансамбля по обе стороны активно застраивавшейся тогда улицы Навои.

Монументальная скульптура стала неотъемлемой частью классицизма зданий на главных улицах столицы. В центре фасада Клуба обувщиков, по сторонам его трёх торжественных входных дверей, подняты пары колонн коринфского ордера, — они несут скульптурные группы, поющие гимны искусствам (слева) и спорту (справа). Огромные скульптурные группы по сторонам широченной лестницы Педагогического института зримо указывают на важность этого центра народного образования всей тогдашней Средней Азии. Скульптуры эти чрезвычайно детальные и трогательны в передаче тогдашних этнических типов, устремлённых к просвещению с характерными, в руках, атрибутами жизни и обучения той эпохи.

157

Для поисков так и называвшегося ордера Советского Узбекистана А. И. Павлов в 1937 г. предложил свой проект. Колонна увенчана капителью коринфского типа с распустившимися коробочками хлопка. Архитрав и карниз имитируют в железобетоне и кирпиче деревянные балки народной архитектуры. С. Н. Полупанов продолжил поиски ордера, начатые им ещё в 1920-е гг. в архитектуре паркового павильона в Андижане. Абстрактные капители 1920-х гг. С. Н. Полупанов детализировал в графических эскизах и гипсовых моделях 1930-х гг. листьями и распустившимися коробочками хлопка. В 1939 г. он вместе с А. Сидоровым и В. Е. Архангельским развернул ордерную систему Восток плюс классика на протяжённом фасаде Дома Советов (ныне Русский театр юного зрителя) на улице А. Навои Ташкента. И в 1940 г. капители этого стиля украсили зал заседаний Верховного Совета УзССР (ныне зал Сената).

158

Вслед за Домом правительства и Домом Советов С. Н. Полупанова, архитекторы переосмыслили традиционные плоскостные фасады, колонные айваны, цветовую гамму и орнаментальный строй наследия Узбекистана. Ансамбль кинотеатра Ватан и двух административных зданий (1939 г., А. А. Сидоров, Н. Н. Тимофеев) на улице Навои стал вехой в развитии самобытного стиля. Колонны на фасаде кинотеатра возродили высокий айван бухарской мечети Боло Ховуз. Резные рельефы розеток на стенах дворов кинотеатра выполнены народными мастерами. Стиль кинотеатра перенесён на здания Управления Среднеазиатского угольного бассейна и Горного техникума. В глазах этих зданий две высокие, на четыре этажа, остеклённые арки подчеркивают тяготение всего ансамбля к центральному зданию кинотеатра. Арка слева была фоном для высокого постамента со скульптурой горняка с отбойным молотком в руке. Могущую скульптуру в 1990-е гг. борьбы с терроризмом, видимо, приняли за эдакого Терминатора, и она исчезла. Монументальный Ватан критиковали за «имитированный в железобетоне деревянный айван и перегруженность орнаментом» (11). Стиль здания точнее прояснил авторитет тех лет, известный реставратор Б. Н. Засыпкин: «Кинотеатр Ватан — это линия художественной интуиции, про которую можно сказать: «Я не знаю, но чувствую» (12).

159

Эта интуитивная архитектура с привлечением народных мастеров для её отделки была продемонстрирована и в 1939 г. в Павильоне УзССР (С. Н. Полупанов) на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ) в Москве. Ротонда перед Павильоном возведена на плане в виде 10-конечной звезды. Плоскую звездообразную орнаментальную кровлю ротонды несут сдвоенные деревянные колонны народной архитектуры, и их исполнил кокандский мастер Екуб Раупов. «Шаг вперед сделан, — отреагировал Б. Н. Засыпкин, — здесь нет мавританщины, нет изолированного решения несуществующего ордера. С. Н. Полупанов путём утрирования декоративных элементов создал внешний, пусть кратковременный эффект». Б. Н. Засыпкин прояснил причину подобных кратковременных эффектов архитектуры Узбекистана: «По-

160

161

зиции практиков в архитектурном деле менялись в зависимости от спроса дня, а не базировались на творческой позиции или теории архитектуры» (13).

Попыткой теоретического обобщения и стал изданный к 35-летию советской власти сборник Академии архитектуры СССР о республиках Средней Азии (14). В нём здание Музея истории осуждено за некритическое использование форм монументальной архитектуры. Здание Ташкентского Комитета КП Узбекистана «при высокой художественной культуре недостаточно воплотило образ советского здания». Портал кинотеатра Ватан сочтён впечатляющим, но перегруженным орнаментом, а некоторые «вычурные формы не вяжутся с монументальностью здания». Классицизм Клуба текстильщиков одобрен из-за учёта климата в колоннадах, балконах и галереях, но осуждён за боязнь орнамента, недооценку национальных форм и отсутствие конкретного типа ордера. Театр Навои назван «Дворцом народного искусства». Педагогический институт и Библиотека имени Навои (1948 г., В. М. Дмитриев) отмечены за порталы, не механически перенесённые с культовых зданий, а творчески переработанные в соответствии с назначением здания и характером его архитектуры. Все эти мнения отразили случайность и противоречивость методов республиканских архитекторов на предписанный Москвой стиль. Классицизм искали при поверхностной осведомленности о наследии и при неясных менявшихся критериях. А оценка архитектуры граничила с беспринципной вкусовщиной.

Военные годы обратили архитектуру Узбекистана к местным строительным материалам и методам народных мастеров. К 1944 г. в сугубо местных традициях был возведён театр имени Ташкентского Совета на 800 мест, ныне театр имени Мукими. Архитекторы Д. Хазанов, С. Тихонов и инженер А. Рабинович, авторы панно в фойе художники Р. Акбольшан и А. Николаев работали с народными мастерами. Юсуп Али-Мусаев, Эшонхон Холук Назаров и Эргаш Юсулов выложили купола театра. Декоративную отделку исполнили Ширин Мурадov, Ходжа Касымов, Абдулла Болтаев, Шимсиддин Гафуров, Кули Джалилов, Усман Икрамов. Декорированием зала руководили архитекторы А. Зайнуddинов и А. А. Сидоров. Участие последнего говорит о продолжении здесь продемонстрированного ещё в кинотеатре Ватан сотрудничества архитекторов и народных мастеров. Народные мастера возводили здесь и купола, и их работа стала шагом вперед, ибо театр А. В. Щусева они только оформляли. От площади Беш Ёгоч портал из трёх арок ведёт в вестибюль под малыми куполами, затем в фойе под куполом на 8 пилонах и, наконец, в зал со сценой, покрытые кирпичными сводами двоякой кривизны. Театр Мукими построен по плану театра А. В. Щусева, но компактнее, интерьеры его камерные, почти средневековые, в сравнении с возвышенными и вдохновенными интерьерами театра А. Навои.

Искания национальной ордера завершились в начале 1950-х гг. Ордер А. И. Павлова 1953 г. венчает капитель без коробочек хлопка, с мелким растительным и геометрическим орнаментом; архитраву придан классический силуэт, но карниз сохранил форму деревянной балки с орнаментом. А. И. Павлов считал, что «национальная классика» достижима путем приведения «национальных форм» к модулю, ритму и пропорциям. Критериями он считал: степень сложности композиции («пластику»), её эмоциональное воздействие («чувство восторга») и национальную специфику («национальные формы») (15). В 1954 г. перед Павильоном УзССР на Выставке достижений народного хозяйства в Москве С. Н. Полупанов создал монументальную версию легкой ротонды 1939 г. Это по-прежнему 10-конечная звезда. Колонны имитируют деревянные, но сгруппированы не по 2, а по 4. Завершена ротонда 10 вертикалями, похожими на початки. Последние появились над фасадами строившегося в то время Дворца текстильщиков в Ташкенте. Ротонда стала худшим, отяжелевшим, повторением прежней. В этот период архитекторы, что называется, варились в собственном соку, не осваивая подлинную классику архитектуры, и все более теряя живую связь с народными мастерами. Что же касается павильона типа ротонды,

то он весьма укоренён в культуре и в национальном сознании, и его торжественные образы будут возрождены накануне и в период независимости Республики.

Поиски классики в этот период были противоречивее, чем в послереволюционные годы, ибо с национальным она соединялась механистически. Это происходило оттого, что обращавшимся к классике Европы зодчим Узбекистана была неведома классика их собственной архитектуры. Лишь зная собственную классику можно по праву оценить классику чужой культуры. Знание собственной культуры дисциплинирует архитектора внутренне, позволяя ему правильно принять суть классики другой культуры. Это внутреннее понимание, — а не копирование планов, фасадов и деталей, или же фантазии по их поводу, — способно стать побудительным толчком к подлинному синтезу классики Азии и Европы. Нужно постигнуть классику и затем возродить её пафос согласно собственным чувствам и обстоятельствам проектирования. Классика в этот период понималась как поверхностный и украшательский декор, тогда как подлинный смысл слова *decoro* глубже и серьёзнее: приличие, достоинство. Поэтому чувство классики должно стать внутренней составляющей характера архитектора. Тогда идущая изнутри естественная дисциплина упразднит композиционную вульгарность.

До А. В. Щусева к кульминационной для Средней Азии классике зодчества Темуридов обратился в 1920-е гг. мастер английской архитектуры Э. Лаченс при работе над Правительственным центром в Дели. Вице-король Индии, на дочери которого Э. Лаченс был женат, возложил на архитектора задачу создания посреди Правительственного центра величественной резиденции Раштрапати Бхаван. Поначалу Э. Лаченс пренебрёг наследием Темуридов Индии, назвав, в частности дворец императора Акбара в Фотихпур Сикри «обезьяньей работой», но политическая ситуация всё же заставила его мобилизовать своё мастерство на интерпретацию наследия. И в нём Э. Лаченс обратил внимание, в первую очередь, на архитектурные формы, обеспечивающие тень, прохладу, аэрацию. И формы эти архитектор не повторил в их индийском виде, а воплотил средствами европейского классицизма. Два крупных фрагмента, однако, сохранили свой темуридский дух: это — регулярный архитектурный сад площадью 40,5 тысяч кв. м и купол Дворца вице-короля. Купол, как и его темуридские прототипы, состоит из двух оболочек, внутренней и внешней, и внешняя скорлупа пропорциями вторит куполу Гури Амира. Э. Лаченс по-своему, до неузнаваемости, переиначил барабан самаркандского купола. Он сохранил вертикальность нижней части купола Гури Амира, но венчающую округлую часть купола уподобил иконе индийской архитектуры — куполу храма Санчи (II век до н.э.). То есть мастер предпринял полёт своей фантазии на темы индийской и темуридской архитектуры. Об этом факторе успеха он говорил: «Нельзя копировать ордера. Нельзя оригинальничать с ордерами. Их следует усвоить так, чтобы осталась лишь суть. И тогда они станут удивительно органичными и совершенными, словно формы растений. Совершенство ордера весьма близко к природному по сравнению с тем, что создаётся в некоем порыве или случайно» (16).

В период 1934–1954 гг. Москва и Ташкент создавали различные модели архитектуры. В Москве искали два типа классики: с конструктивным ордерами периода античности или с декоративным ордерами периода Возрождения. Последний был избран А. В. Щусевым для театра А. Навои. В Ташкенте акцентировали национальное, стараясь вернее воплотить формулировку Восток плюс классика. Московским поискам содействовала Академия архитектуры, тогда как в Ташкенте они велись при отсутствии теории и по обстоятельствам, то есть по конъюнктуре. Вместо синтеза Востока и классики они чаще всего интерпретировались в отдельности. И результаты не удовлетворяли. Вдохновлявшихся Востоком обвиняли в некритичном исполь-

зовании *пештаков* и минаретов, в перегруженности орнаментом. А следовавших классике упрекали в отсутствии образа советского здания и национального ордера. Национальное следовало выразить в классической системе, и такие произведения появились. Сначала это нашли в Павильоне УзССР 1937 г., поскольку в нём не было мавританщины, то есть мешанины классики и экзотичного Востока. Полностью же это воплотилось в театре имени А. Навои. Приглашение академиком А. В. Шусевым народных мастеров декорировать театр поощрило их возрастающее участие в профессиональной архитектуре Узбекистана. Одновременно Советы жёстко пресекали обращение к многогранной классике архитектуры ислама, даже на уровне истории и теории. Показательна в этом отношении судьба видного историка материальной культуры Узбекистана Л. И. Ремпеля, репрессированного за свои публикации 1930-х гг. об архитектуре зарубежных мусульманских стран. Вместо предлагавшегося академиком архитектуры широкого взгляда на зодчество, Советы ограничивали кругозор зодчих местной народной архитектурой. И Восток всё более отождествлялся с народным зодчеством. Безусловно, ценное, народное зодчество в сравнении с профессиональной архитектурой имеет ограниченные пределы действия. Поэтому спектр видения традиций, заявленный в начале этого периода широко как Восток, был сильно сужен.

1955–1990 гг. СОВРЕМЕННОЕ

Послевоенные Советы, десятилетиями отгораживавшиеся от мира «железным занавесом», стали приоткрываться и перенимать опыт Запада, чтобы стать с ним вровень. Классицизм 1930-х-начала 1950-х гг. был отвергнут: «Мы за красоту, но против украшательства», — постановили архитекторы Узбекистана на своём четвёртом съезде в 1954 г. (1). 4 ноября 1955 г. вышло Всесоюзное постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». Держава поворачивалась в сторону развивавшейся во всём мире архитектуры, которая звалась *modern*, то есть новая. В СССР, однако, её называли современной, то есть нынешней, сегодняшней, — и ввиду незнания её истоков с XV–XIX вв., и из-за восприятия её в качестве очередного и недолгого капиталистического поветрия. После полного подчинения директивам Москвы для Узбекистана начинался процесс высвобождения от жесткой хватки центра.

Развитие этого периода определили следующие четыре этапа.

Начатая с конца 1940-х гг. планировка городов районами, состоявшими из микрорайонов, теперь осуществлялась повсеместно — как микрорайонирование. С 1956 г. внедрялись основы современного нормирования, и с 1963 г. в проектных институтах были учреждены научные подразделения. Типизация и унификация привели к типовым проектам жилых домов с вариантами квартир для массовой застройки. В середине 1960-х гг. были улучшены серии типовых проектов жилых домов и, согласно им, переоборудованы комбинаты индустриального сборного домостроения. Во второй половине 1960-х гг. разработаны серии жилых домов для строительства в 1970-е гг. Внедрялись типовые блок-секции и монолитный железобетон. Реконструировались центральные районы городов.

С 1970-х гг., в условиях политики разрядки в отношениях с Западом, страна обновлялась и критически оценивала радиально-кольцевую уличную сеть, которая направляла транспорт в центр. На эту уличную сеть, принятую советскими городами на предшествовавшем этапе градостроительства, теперь накладывалась прямоугольная сеть магистралей. Она в городах США эффективно разгружала от транспорта центральные зоны городов.

Вторжение в 1979 г. СССР в Афганистан отбросило назад начавшуюся разрядку, и страна впадала в десятилетие застоя. Выход в 1989-м г. из Афганистана положил конец холодной во-

йне. Время застоя стало причиной неэффективности, особенно, планировочных решений в градостроительстве.

На рубеже 1980-х-1990-х гг. экономические и социальные реформы лишили коммунистов монополии в стране, и в обстановке политики гласности и перестройки СССР распался. Накануне распада, в Узбекистане корректировались нормы архитектуры и градостроительства, заимствовавшиеся из Европы без учёта условий республики. Планировку городов укрупняли в третий, за советский период, раз: жилые районы с сокращавшимися радиусами обслуживания объединили в огромные планировочные районы, удобные для администрирования, но абстрактные для горожан. Поэтому градостроительной наукой было рекомендовано четвёртое, выверенное веками в исторических городах, укрупнение жилых районов в радиусе 1500 м с совершенствованием их планировочной организации. Этот радиус и был принят Строительными нормами и правилами обретшей независимость Республики Узбекистан.

Город

В 1958 г. между станцией железной дороги Самарканд-Бухара и древним поселением Кармана, на территории 8 км с севера на юг и 1,5 км шириной, был заложен город энергетиков и химиков Навои. Он проектировался поначалу Горстройпроектом Москвы, а в 1960–1969 гг. — Ленинградским институтом комплексного проектирования (Коротков А., Иванов В., Орлов И. и др.). Второй генеральный план 1978 года с первой очередью строительства до 1985 г. разработан до 2000 г. От промышленности город защищён санитарными зонами шириной 2 км. Районы спланированы по ступенчатой системе обслуживания: микрорайон — район — город. Наряду с 4–5 и 7–9-этажными микрорайонами, был и плановый одноэтажный район. В протяжённом микрорайоне №4 в 49 га два общественных центра объединены бульваром. Вдоль центральной магистрали города расположены: административные здания, гостиницы, ресторан, торговый центр, дворцы пионеров и химиков, музыкальная школа, дома связи и спорта, плавательный бассейн, летний и зимний кинотеатры, стадион. Методы градостроительства в Навои были развиты впоследствии в казахстанском городе Шевченко на Каспии, а с 1961 г. — в городе Зарафшан при горно-металлургическом комбинате у горы Мурунтау в центре пустыни Кызылкум. В отличие от расположенного в степи Малик линейного Навои, Зарафшан посреди пустыни решён генеральными планами 1964 и 1984 гг. компактно и замкнуто. Город по периметру и его центральная площадь с водоёмами и общественными зданиями обстроены 9-этажными жилыми домами, — для защиты от зноя и пыли пустыни. Между расположившимися внутри микрорайонами спланированы бульвары, они ведут на периферию, к направлениям роста города.

К середине XX в. города мира выросли до 10 млн человек и более. С 3 млн в начале XX в. до 8,7 млн вырос Лондон, а с 1,4 млн до 9,67 млн вырос Токио. Возникшие как города-сады, города-спутники не остановили разрастания главного города, — они увеличили расстояние между домом и работой, вызвав перегрузку железных дорог. Наряду с постоянными поездками дом-работа на общественном транспорте увеличились и свободные поездки на индивидуальных автомобилях. Вот этих свободных поездок и не выдержала радиально-кольцевая планировка, направлявшая всё к центру города. Годная для городов до 1 млн населения она была признана непригодной для 10-миллионных городов: «С возрастающей автомобилизацией эта участь постигнет Москву», — пророчествовал тогда японский мастер архитектуры Кендзо Танге (2). Поэтому планировку города важно приспособлять к постоянным транспортным и свободным транспортно-пешеходным передвижениям.

За первую половину XX в. диаметр Ташкента вырос с 10 до 25 км и планировку стало диктовать среднее время трудовых передвижений: 48–50 мин., на 20% больше нормативного, оно сократилось в 1963 г. до 30,8 мин. Проект перепланировки 1,2-миллионного Ташкента (1960–1964, Ташгипрогор: Ю. Пурецкий, А. И. Ванке) разрабатывался с проектом застройки его центральной части (Ташгипрогор: Адамов Л. Т., Адылов С. Р., Турсунов Ф. Ю., и др., и ЦНИИП градостроительства: Мезенцев Б., Якушев А., Зарицкий Б. и др.), одобренным на всесоюзном конкурсе 1964 г. Однако землетрясение 1966 г. вызвало разработку в 1967 г. и корректировку в 1968–1970 гг. генерального плана столицы на 25 тысячах гектаров (институт Ташгенплан: Ю. П. Пурецкий, М. Г. Лифановская, А. И. Ванке).

166 С 1971 г. по радиально-кольцевой планировке начали прокладываться прямоугольные сети магистралей, и в новой сети жилые районы объединились в так называемые планировочные районы. В генеральном плане Москвы четыре хордовые скоростные магистрали направили касательно к центру с его подземными магистралями и стоянками (3). Подземные магистрали генеральных планов Ташкента и Бухары не были осуществлены. В Ташкенте (1971 г., Ю. Пурецкий) были запроектированы скоростные магистрали: две в выемке и две непрерывного движения с развязками в разных уровнях. Центр планировалось охватить кольцом трамвая, а экспресс-автобусы и троллейбусы скоростных магистралей направить в планировочные районы. Планировочные районы были заимствованы из максимально урбанизированных городов Запада: воплощение урбанизма Нью-Йорк имеет пять районов — *borough*, исторически эволюционировавших из самоуправлявшихся графств и городков Англии и США. Аналогичные англо-американским районам *borough* планировочные районы у нас в период независимости назвали историческим термином *туман*, что значит уезд. Эти большие и структурно

167 неясные территории, — планировочные районы начинаются с радиуса пешеходно-транспортной доступности 2000–4000 м и площади 2–4 тыс. га, — население именуется привычным, но исторически и градостроительно неверным определением, к примеру, «квартал Юнусабад» вместо «Юнусобод *тумани*». Такое укрупнение — третье в советском градостроительстве — жилых районов в планировочные произошло без учёта традиций наших городов и образа жизни. Удобные планировщикам для расчленения укрупнившегося города и администраторам для управления им, огромные планировочные районы стали абстрактным понятием для горожан.

168 В 1977 г. введён метрополитен с тремя диаметрами на перспективу (4), — и среднее время трудовых передвижений сократилось до 25,7 мин в 1980 г. Сделав из этого вывод, 50% расчётной численности населения города стали размещать в километре от линий метро (5). Подземное сокращение времени передвижений привело к заключению: «Необходима дальнейшая работа по улучшению транспортно-обслуживания, в первую очередь развитие сети метрополитена» (6). Лучшими станциями метро ташкентские архитекторы назвали Площадь Мустакиллик, Чиланзар, Хамза, Пушкинская, Хамида Алимджана (7). В них оригинально пространственное решение и освещение. Чиланзар, Хамза и Хамида Алимджана — сводчатые большепролётные станции. В первой оригинальны керамические панно-миниатюры, а в третьей — осевые столбы освещения. Станции Мустакиллик и Пушкина с их колонными пространствами оригинальны освещением.

С конца 1980-х гг. научными исследованиями в УзНИИП градостроительства рекомендовано четвёртое укрупнение планировок городов радиусом 1500 метров для жилых районов. Магистрали и территории между ними, как показала практика застройки го-

родов, притягательны для людей в силу определённых закономерностей. Центр Ташкента проектировали как эспланаду восток-запад и перпендикулярную зелёную ленту канала Анхор, — а оказалось, что центры городской активности формировались в радиусе около 700 метров вокруг транспортных перекрёстков. В этом проявился градостроительный закон узлового — в радиусе пешеходной доступности — распределения центральных функций. Потому-то, в конце 1980-х гг. институт ЦНИИП градостроительства предписал размещение от перекрёстков: транспортных устройств — до 100 м, торговых улиц — до 100–350 м, учреждений здравоохранения и культуры — до 600–750 м. Подобные узлы центральности следовало развивать в начатой в этот период прямоугольной планировке Ташкента из 7 взаимно перпендикулярных магистралей непрерывного движения: 3 север-юг, 4 восток-запад. Достигнутые Ташкентом 25,7 мин. — не предел эффективности его транспортной структуры. В СССР (Г. Гольц) и США (Дж. Мани) предпочитаемым горожанами временем передвижений на транспорте и пешком выявлены 10–15 минут. Такое время передвижения можно обеспечить эффективным учётом в планировке как магистральных, так и пешеходных передвижений.

Скоростные магистрали нуждались в расчётах, а межмагистральные территории нуждались в определении их планировочной структуры. Однако, Всесоюзный градостроительный СНИП (8) не соотнёс величину и структуру районов с радиусами культурно-бытового обслуживания, с транспортной сетью, и с развитием города. Результатом стали: нечёткость транспортной структуры районов и неравномерный охват их территорий радиусами центров обслуживания. Радиусы либо оставляли неохваченные обслуживанием территории, либо накладывались друг на друга. Этим уже на стадии генерального плана допускалось нерациональное использование территорий. Схематически спланированные города начал деформировать непредусмотренный рост транспорта, и градостроительные нормы перестали отвечать требованиям времени.

До 2010 г. в Ташкентской системе населённых мест предполагалось реализовать трёхступенчатую систему городского транспорта из: железной дороги 100 км/час, метрополитена и экспресс-автобусов, и наземного городского транспорта. Приоритет отдавался массовому транспорту — 75% пассажиров, личные автомобили составляли 25%. Для 87% личных автомобилей планировались подземные и многоэтажные гаражи, а паркинги планировались из расчёта 300 га для 180 автомашин на 1000 жителей (9). Эти планы не были реализованы, ибо даже для автомобильного парка Москвы, выросшего с 235 до 690 тысяч машин, система магистралей не была сформирована, необходимая плотность транспортной сети не была обеспечена, и центр не был разгружен от транспортных потоков. Москва выросла за кольцевую автодорогу МКАД на северо-запад, юг и юго-восток. Хордовые (или, как их ещё называли, поперечные) и обходные магистрали вокруг её исторического центра так и не были полностью осуществлены (10).

Микрорайонирование

Микрорайонирование откорректировало предвоенные генеральные планы, в частности, жилищное строительство в каждом городе. В 1954 г. М.С. Булатовым и А.П. Бушуевым откорректирован генеральный план Ташкента с увеличением территории до 20 тысяч гектаров. С 1956 г. жилищное строительство у промышленных предприятий прекращается и ведётся централизованно за счёт ассигнований предприятий и ведомств. Поскольку прежние мелкие кварталы оказались неэкономичными, городские Советы стали строить 2–4-этажные микрорайоны в 40–95 га. Ми-

крорайон 1959–1965 гг. в новом городе Янгиере двухэтажен по периферии и одноэтажен в середине с участками 0,06–0,07 га. Крестообразный в плане бульвар застроен зданиями культурно-бытового обслуживания и выходит в расположенный в углу микрорайона парк площадью 11 га (11). Из микрорайонов сложились первые комплексно застроенные жилые районы крупных городов: ташкентский Чиланзар, на юге Андижана, северо-западе Коканда и Намангана, Гагаринский район в Самарканде. Удалённость жилых районов от промышленных предприятий компенсировалась учётом нового планировочного фактора: временных поездок на работу на транспорте. Корректурa 1954 г. быстро устарела: вместо 800 тыс. жителей в 1960 году, уже в 1959 г. в столице проживало 912 тыс. жителей. В 1958–1960 гг. германский журнал *Deutsche Bauzeitschrift* изложил принципы планировки микрорайонов и районов, которые СССР издал как Градостроительные основы (12). Немецкий микрорайон радиусом 1500 метров был пешеходным, автомобили въезжали в него только в одной точке, он располагал к отдыху и потому даровал чувство родины. Советы же сократили радиус этой территории до 1200 метров, назвав её жилым районом, состоявшим из четырёх микрорайонов, перенаселённых и открытых автомобилям по всему периметру. Так, на идее микрорайона сэкономили, а качество жизни в нём ухудшили. Уличную сеть городов, прежде формировавшуюся кварталами, такие жилые районы, естественно, укрупнили. Городские и районные центры росли в радиальных направлениях, особенно, вдоль общегородских магистралей, — и по ним города вышли в системы расселения, формируя агломерационные связи.

После землетрясения 1966 г., в реконструированном с помощью союзных республик Ташкенте строились новые жилые массивы. Жилой массив Чиланзар рос на запад, рос и начатый в 1968 г. северный жилой район Юнусабад, расширялся северо-западный массив Каракамыш, строились северо-восточные микрорайоны, на юго-востоке в междуречье Чирчика и Карасу поднялся массив Рисовый, на юге — массив Сергели, а на юго-востоке — Куйлюк. Уже к 1970 г. 100 тысяч семей были переселены в новые квартиры, введены в строй 50 школ, 40 детских дошкольных учреждений, десятки общественных зданий. Строились преимущественно 4-этажные здания, 7–9-этажных было 10%, а 2-этажных с приусадебными участками — 5–7%.

С прокладкой скоростных магистралей интенсивнее осваивались старые города (Ташкент, Андижан), и города росли к промышленным поселкам (Коканд) и зонам отдыха (Самарканд, Наманган). Особо активно это шло в Ташкенте, где после землетрясения значительный снос старого города вызвал строительство к западу от него, до внешней кольцевой дороги, одноэтажных усадебных массивов Янгиабад, Бешкайрагач и других. Опыт строительства здешних *махалля* Илгор, Янгишахар, Галаба, Тинчлик и других был использован в 1966–1967 гг. ТашЗНИИЭ-

172

Пом для проекта экспериментального микрорайона-*махалля* (40 га) в массиве Каракамыш, западнее площади Чорсу (13). Эти *махалля* были прямоугольной планировки, поскольку, вдохновлённые современностью, их архитекторы смотрели на прошлое свысока: «Криволинейные улочки и тупики старого Ташкента жители называют «змеиный след», — они несовместимы с современным транспортом» (14).

Строительные нормы и правила (СНИП) не соблюдались в жилых районах и микрорайонах: малые размеры их территорий и центров были увеличены, а высокая плотность жилого фонда снижена (15). Не был сделан вывод из уроков, полученных в самом начале этого периода. Так, в микрорайонах Навои лучше озеленялись группы жилых домов, потому их территории увеличили за счёт территорий садов микрорайонов. И в Ташкенте тоже «практика эксплуатации зелёных насаждений общественного пользования показала эффективность сравнительно небольших садов и парков» (16). Продолжалось сокращение радиуса жилого района до 1000 и даже до 800 метров. Скученные районы проектирова-

лись как спальни трудящихся и полноценная пешеходная жизнь из них была выхолощена. Микрорайон (60–120 га) и жилой район (180–300 га) не соответствовали местному образу жизни: до 25 % придомовых территорий, до 50 % территорий групп жилых домов, и до 25 % территорий микрорайонов не использовались жителями (17).

Ансамбли

Развивая стиль Восток плюс классика, но в среднеазиатском ансамбле *кош* (парный), 5-этажная гостиница Ташкент (1958 г. М. С. Булатов, Л. Г. Караш) построена напротив театра А. В. Щусева, образовав пространство Театральной площади. Фасад симметричного, вокруг двора, здания гостиницы формируют традиционные *оʻлваны*: заглублённый при входе и в виде колонного навеса на плоской кровле. Присущая новому градостроительству свободная планировка, русское понятие простор и здания бразильского архитектора Оскара Нимейера преобразовали главную площадь Ташкента. Два административных здания — 7-этажный протяжённый корпус Совета Министров и 20-этажная высотка Министерств — повторили архитектуру популярного в СССР бразильского архитектора-коммуниста. Здание Совета Министров поднято над землей на V-образных пилонах — как Павильон сельского хозяйства (1951–1954 гг., Сан-Паулу), а высотка Министерств вторит небоскрёбу Дворца Национального конгресса (1960 г., Бразилия). Так, в поисках регионального своеобразия, современная архитектура Узбекистана политизировалась, демонстрируя интернациональную солидарность с прогрессивными, как тогда говорили, деятелями культуры. Архитектура восстановленного после землетрясения центра Ташкента 1966–1974 гг. удостоена Государственной премии СССР. Созданная архитекторами Адамовым Л. Т., Адыловым С. Р., Зарицким Б. А., Пурецким Ю. П., Розановым Е. Г., Турсуновым Ф. Ю., Халдеевым Ю. А., Шестопаловым В. Н. и Якушевым А. В. самая просторная в СССР главная площадь Ташкента стала объектом критики, поскольку, за исключением редких советских парадов, оставалась безжизненной под палящим южным солнцем. От этой площади с Домом правительства, 7-этажным зданием Совета министров и 20-этажным зданием Государственных комитетов пешеходная эспланада шириной 160 м проектировалась через канал Анхор на запад, к старому городу. Там, к спортивному комплексу Пахтакор были достроены Дом молодёжи и Дворец искусств.

Композицию разрастающейся столицы активно формировали высотные здания. Девятиэтажный административный корпус (1971 г., Е. Калашникова и др.) поднялся над Вузгородком Ташкентского государственного университета, а башня издательства Шарк (1974 г., Р. М. Блезе, Н. Горбенко, Л. Христинич) — над центральной Театральной площадью. Ряды высотных зданий обозначили направления главных магистралей города: 9-этажные жилые дома на улице Пушкинской, ныне Мустакиллик (1969 г., А. Дубинский, А. Рочегов); высотные жилые дома вдоль улицы Б. Хмельницкого, ныне Бабура (1973–4 гг., А. С. Косинский, Ю. Мирошниченко, И. Демчинская; А. Хуршидов; художники А., Н., П., Жарские); Дом потребительской кооперации (1974 г., Ф. Боровик, Л. Клейменов, Ю. Репин) и другие высотные административные здания Узбекстанского проспекта. Высотными зданиями были обозначены и перекрёстки города. Девятиэтажные жилые дома отметили пересечение Первомайской (ныне Шахрисабзская) и Пушкинской (ныне Мустакиллик) улиц (1968 г., А. Рогачев, В. Гинзбург, О. Горская, и др.). Такие же дома поднялись на площади станции метро Буюк Ипак Йули (1970 г.). 17-этажная гостиница Узбекистан обняла сквер в центре некогда колони-

173

174

175

ального города (1974 г., И. Мерпорт, Л. Ершова, В. Ращупкин, и др.). А площадь Х. Алимджана полукругом охватили 18-этажные жилые дома (1980–1984 гг., С. Р. Аддылов, Ю. Мирошниченко, В. Исхақбаев). В завершении же улицы Навои была возведена 23-этажная гостиница Чор Су (1983 г., В. Л. Спивак, А. Асанов, Л. Нефёдов, и др.). Она повторила композицию 25-этажной гостиницы Бухарест (1967–70 гг., Харитон Д., Надрог Г., Моску И., и др.) в центре румынской столицы. Бухарестская же гостиница, в свою очередь, скопировала 28-этажный отель Лондон Хилтон (1963 г., Уильям Б. Таблер) на улице Парк Лейн у Гайд Парка. Тот высотный отель вызвал много недовольства: его сочли вторжением в пространство Парка, а Королева Елизавета, чей сад Букингемского дворца просматривался с этой высоты, поклялась, что её ноги в отеле не будет. Но в Бухаресте и в Ташкенте башню приняли в качестве важного градостроительного ориентира. Таким образом, современные высоты с готовностью копировались у нас для компоновки формируемой столицы, тогда как в сформированной уже столице страны подобного типа башня вызвала недовольство, требования учёта местных традиций и, в частности, городского окружения.

176

177

Годы застоя характерны отсталостью композиций градостроительных ансамблей и отдельных зданий. Стеклобетонные объёмы оборачивались в бетонно-мраморную солнцезащиту, имитировавшую национальные решётки-панджара (Музей Ленина (1970 г., Розанов Е., Шестопапов В., Кричевский В. и др.) Однако это были уже не традиционные лёгкие деревянные конструкции. Первоначально упругий стиль современной архитектуры отяжелел в железобетонных конструкциях с отслаивавшейся штукатуркой. Налицо была провинциальная тяжеловесность, усиленная отсталостью системы проектирования и строительства. Приём, найденный в Музее Ленина, был повторен во Дворце дружбы народов (1981 г., Е. Розанов,

178

Ф. Ю. Турсунов, С. Р. Аддылов и др.) на одноимённой площади (ныне Бунёдкор) из 9–12-этажных жилых зданий, и в этом ансамбле Дворец претендовал стать классикой современной архитектуры Узбекистана. С этой целью на площади перед зданием была поставлена колонная композиция по типу ротонд С. Н. Полупанова перед Павильонами Узбекистана на Выставках достижений народного хозяйства в Москве 1939 и 1954 гг. Перед ротондой установили памятник ташкентской семье Шомахмудовых, приютившей в годы войны детей разных национальностей. Гигантский приземистый дворец завершён бетонной сценической коробкой, и бетонные сталактиты свисают карнизами над бетонными решётками-панджара остеклённых фасадов. Весь этот навесной, на каркасе, серый бетонный декор смотрится суровой драмой и производит гнетущее впечатление неудавшейся работы. В этом здании современный стиль одряхлел и отяжелел, отразив социальный и архитектурный застой. «Если в театре Щусева богатые пластические традиции присутствуют в объёмном решении, то во Дворце дружбы народов они сведены к накладному декору в виде солнцезащиты» (Н. Смолина). «Дворец обвиняют в том, что это не органическая, не вырастающая из функции архитектура, а своего рода национальная коробка, футляр» (А. Рябушин) (18).

Застой отразился и в направленном к этой площади Узбекстанском проспекте. Он проектировался и строился в 1970–1980-е гг. ТашНИИПИгенпланом и Ташгипрогором без проекта детальной планировки. В результате, на 3-километровой дистанции от нового города до старого поднялись пять однообразных и унылых высотных административных зданий. Этот новый проспект не имел привлекательных для горожан культурно-массовых учреждений и потому не ожил. То есть, повторилась обезлюдившая гигантомания главной

179

площади Ташкента. Поэтому, в 1987 г. был предпринят конкурс на проект ансамблевой застройки Узбекистанского проспекта в комплексе с торговыми рядами улицы Навои и с массивом Караташ. Конкурс был призван, в осуществление давно задуманной пешеходной эспланады восток-запад, создать проспект, подобный Невскому в Санкт-Петербурге или Калининскому в Москве. Дистанция 200 метров между высотными зданиями Узбекистанского проспекта представлялась слишком большой, и потому для визуального сокращения её было предложено «одеть» высотки в треугольные в плане стеклянные призмы с атриумами внутри. А перспективу проспекта на западе предложили завершить, по опыту улицы Навои, 30-этажной гостиницей. Точную оценку проектов конкурса в контексте развития градостроительства Ташкента дал главный архитектор отдела генеральных планов УзНИИП градостроительства А. М. Александрович: «Шаблонами градостроительства Ташкента стали: чередование высокой и низкой застройки, завершение осевых перспектив высотками, монотонные и гипертрофированные по протяжённости пешеходные направления. Постоянная ориентация на эффект парадности сковывает поиски новых приёмов, направленных на индивидуализацию центра. При этом зачастую нивелируется существующая топография местности, такие как перепады рельефа, ландшафт. Отсутствуют какие-либо попытки интенсификации застройки, — а это одна из ключевых проблем градостроительства». Один из ведущих архитекторов института Ташгипрогор В. Л. Спивак: «Крупные, ещё не состоявшиеся архитектурные премьеры центра города Ташкента уже требуют коренного переосмысления. Почему мы получаем брак? Отчего нас не удовлетворяет архитектура Узбекистанской улицы? Обидно!» (19).

В мировом масштабе тоже подводились итоги так называемого современного градостроительства для выяснения, что из его принципов выжило, а что оказалось искусственным и, следовательно, подлежало корректировке или пересмотру. В этом отношении представляет интерес международная конференция, созванная в Чандигархе, столице индийского штата Пенджаб. Чандигарх был спроектирован основоположником современной архитектуры и градостроительства Ле Корбюзье, и на конференции в январе 1999 г. антропологи, социологи, администраторы и экономисты подводили итог полувековой жизни столицы и обсуждали тему: «Функционирует ли Чандигарх как город?» То есть, насколько эффективными или неэффективными проявили себя современные принципы планировки в условиях Индии. Чандигарх построили после раздела страны в 1947 г. Столицу, задуманную Джавахарлалом Неру совместно с Ле Корбюзье и А. Майером (американским планировщиком, работавшим до Ле Корбюзье), известный индийский архитектор Чарлз Корреа назвал женским городом (*zenana city*), имея в виду то, что из его 30 секторов каждый (1200 x 800 м, 5 000–22 000 жителей) ограждён глухой стеной с 8 входами. Ни одна дверь сектора не должна была выходить на окружающие скоростные дороги. Как результат этого, в секторах нет транзитных автобусов или машин. Однако, вопреки язвительности Ч. Корреа, многим чандигархцам обнесённые стенами сектора нравятся. Пока жившие в центральных секторах привилегированные классы населения наслаждались девственными природными ландшафтами, столицу окружили окраинные незаконные стихийные строения с 40% горожан в них. Население города, по проекту на 500 000 жителей, сейчас выросло в полтора раза, не считая непланового строительства на сельскохозяйственной периферии шириной 16 км, предусматривавшейся проектом Ле Корбюзье. 18 деревень этой территории разрастаются в спальни городских рабочих. Заметим, что и в Узбекистане новый город Зарафшан на рубеже XX–XXI вв. тоже прирос непланировавшимися жилыми массивами.

В то время как индийцы горды уникальностью Чандигарха Ле Корбюзье, многие считают его чужеродным, нерациональным, и далёким от нужд индийцев. Простор и несвязность центральной площади нуждаются в функциональном наполнении и композиционном завершении. Поэтому ещё в 1980 г. архитектор Р.П. де Арсе предложил проект озеленения этой площади ансамблями архитектурных садов. Примечательно, что аналогичное было осуществлено у нас в период независимости в Ташкенте ради решения проблемы простора главной площади Ташкента.

В Чандигархе мало общественного транспорта. Город не смог принять своих бедных жителей. 30 секторов первой стадии города планировались на 150 000 жителей, ныне же цифра приближается к 300 000. Население периферии может вырасти до 220 000, и из них 180 000 должны быть размещены в других населённых пунктах — городах-спутниках. Тогда уплотнённая периферия определит новое для Чандигарха будущее. В целом, у города есть потенциал для большей урбанизации. И эти проблемы городу всё ещё предстоит решать. Городу следует готовиться стать в будущем региональным мегаполисом (20).

Таким образом, демография, определение структуры жилого района, транспортная сеть, функции и композиции ансамблей, урбанизация и связанный с ней рост городов-спутников, стали альтернативами для городов рубежа XX–XXI вв.

РЕГИОНАЛЬНОЕ

В послевоенное время много стран высвободилось из-под колониальной зависимости от развитых держав. Начался процесс нового деления мира, в котором возобладали не диктат держав, а устремления развивавшихся стран. Эти страны активнее объединялись в регионы, и общие для них особенности определяли как региональные. Законодатель новой архитектуры Ле Корбюзье побуквенно выговаривал малоупотребительный тогда «р-е-г-и-о-н-а-л-и-з-м» и называл его, из-за связи с традициями, опасным врагом новой архитектуры. Как и следовало ожидать, региональные особенности выросли в проблему для новой архитектуры, и их изучением для практического применения занялись учреждённые с 1963 г. в проектных институтах научные подразделения. Такую работу вёл Ташкентский зональный научно-исследовательский институт экспериментального проектирования (ТашЗНИИЭП), учитывавший в климатическом делении СССР зональные особенности Средней Азии. Образованное в начале 1970-х гг. научное отделение Узбекского научно-исследовательского и проектного института по градостроительству (УзНИИП градостроительства) рассматривало в региональных особенностях не только сухой жаркий климат, в том числе и зарубежных стран, но и их исламскую культуру. Опыт зарубежных стран региона, прежде запретный как панисламизм и пантюркизм, теперь стал помогать в научном обосновании методов проектирования.

Исторические города

Как и в проекте центра Дишан Калы 1948 г., генеральный план Хивы 1978 г. (А. М. Александрович, Н. В. Казанская) разместил городской общественный центр на территории этого внешнего города. В восточных и западных стенах *шахристана* Ичан Кала пробили бреши для въезда транспорта. Это нарушило целостность уникального ансамбля. Ориентированные на север традиционные *айваны* здешних жилых домов сносились ради надстройки вторых и третьих этажей. Знаменитые хивинские типы жилых домов изменились из-за перенаселённости и стихии самостроя, превратившись в малоценные трущобы. Поскольку генеральный план города не был направлен на решение социальных проблем жителей исторического города, ускорилась деградация его жилых кварталов. Было налажено про-

изводство традиционного квадратного жжёного кирпича, хотя и без ассортимента конфигураций, фактур поверхностей и оттенков. Критерии реставрации на практике не применялись, и это привело к однообразию восстанавливавшихся памятников архитектуры. Мавзолей XVI в. Уч Авлиё, к примеру, был недопустимо облицован современным кирпичом, чем не могли не возмутиться директор и главный специалист Института реставрации (1). Разрушенные ещё в начале 1920-х гг. западные ворота Ата Дарваза Ичан Калы были в 1975 г. восстановлены перед новой Площадью гостеприимства с памятником Ал-Хоразми.

После первых проектов по разрушению исторических городов Узбекистана советское градостроительство в новых условиях предпочло ограждаться от них зданиями и эспланадами, обособляя их, таким образом, как туристские зоны. Самаркандский ансамбль Регистан с юга отгородили от исторического города стеной четырёхэтажных домов, а с севера и запада — озеленённой эспланадой, которую проект детальной планировки центра (1961 г., Т.Н. Калиновская) предлагал в качестве фона для архитектурных памятников. Вокруг же Регистана и других памятников темуридского города сносились исторические кварталы для «создания кольцевых объездов и аллей обзора памятников архитектуры» (2). В 1970-е гг. стали ценить городскую среду, и потому предлагали сохранять жилые кварталы вокруг Регистана, Гури Амира и Биби Ханым, приспособив их жилье и общественные здания требованиям жителей и получавшего развитие туризма. Такие разработки этнографических зон (УзНИИП градостроительства, Хоткин И.И., Аскарлов Ш.Д.) вошли в генеральный план Самарканда 1980 г. (Александрович А.М., Зотов А.Н., Валиев Р.М., и др.). Как и в Ташкенте, радиальную уличную сеть Самарканда рассекла крупная прямоугольная сеть скоростных магистралей. В межмагистральный квадрат попали темуридский и колониальный города. Следовало пересмотреть прежнюю систему улиц в сети новых скоростных магистралей, чтобы сдержать натиск транспорта на исторический город. Это стало бы началом сохранения его планировки.

С наложением на радиально-кольцевую планировку Ташкента прямоугольной сети скоростных магистралей, одна из них — Ахангаран-Сарыагач — прошла через исторический город, что вызвало дискуссии. Обследования ТашНИИПИГенплана 1980 г. включили свыше 40% территории исторического города к центральной зоне Ташкента, отметив, что «эта часть города уже не представляет целостного градостроительного образования». Одновременно на самой крупной ташкентской *даха* Себзор 90% её территории с более чем 300 домами в 33 *махалля* были признаны как представляющие культурную ценность. Были выделены 12 памятников архитектуры на государственной охране и 74 на местном учёте. Себзор с его 53 тысячами жителей на 300 га соразмерен крупному жилому району. Ветхие малоценные жилые дома здесь было решено заменить стилистически схожими новыми. За *махаллю* была принята жилая общность до 2 тысяч человек, а за *гузар* — 8–10 тысяч человек. В 1987 г. отмечалось: «Необходимо отказаться от прокладки магистралей по историческому городу. Поэтому рассекающая Себзор скоростная магистраль агломерационного значения Ахангаран-Сарыагач проектировалась в подземном транспортно-коммуникационном коллекторе. Радиальные же улицы исторического города (Карасарайская, Сагбан, Чагатай, Самарканд-Дарваза) планировалось включить, в качестве районных, в транспортный каркас города». И, действительно, в разрезе проектировавшегося транспортно-коммуникационного коллектора мы видим: А — дневную поверхность; Б — пандус съезда, поперечные связи, стоянки, гаражи, развязки, коммунально-складское хозяйство; В — инженерно-технический коллектор, скоростной транспорт; Г — транспортные системы: межселенные, экспрессные, грузовые, внутригородские. Экспресс-линии здесь расположены, согласно международному опыту, внизу, как это функционирует, например, в нью-йоркском метро (3). В конце

182

183

184

1980-х гг. было принято Постановление правительства республики по обновлению концепции реконструкции.

В 1960–1980-е гг. центры в исторических городах Узбекистана расширялись или же перемещались на новые территории, что вызывало необходимость гибких транспортных решений.

По генеральному плану (1962 г., В. Чунихин) новая Бухара развивалась преимущественно юго-восточнее сложившегося города, и по проекту реконструкции (1965 г., А. М. Александрович) новый центр города был перемещён с площади Регистан на стык исторического города с новыми районами. Отношение Советов к историческим городам подытожил посетивший Узбекистан в конце 1980-

гг. издатель международного журнала Современная архитектура Пьер Ваго: он заявил, что древняя Бухара «вызывающе забыта» советской властью (4). Ни в прежнем, ни в новом центрах Бухары Советы не искали связи с историческим городом. Средство примирения старого с новым планировщики увидели во входившей в это время в моду подземной урбанизации. В проекте детальной планировки центра Бухары 1977 г. советские центры 1930-х и 1960-х гг. связаны с историческим городом пешеходными путями над туннелями, в которых проложена кольцевая транспортная магистраль. Подземная урбанизация так и осталась проектным предложением. Повтор в Бухаре ташкентского туннеля для исторического города и потребовал пересмотра подобных концепций реконструкции.

Градостроительство

Исследования генеральных планов жилых районов 1980–1990 гг. (5, 6) обнаружили неэффективность их систем: культурно-бытового обслуживания, озеленения, пешеходных связей и размещения общественных зданий. Контакты населения, как выяснилось, происходят большей частью в масштабе не микрорайона, а группы жилых домов с населением, как и в *махалле*: 2000–3000 человек (7). Эти градостроительные находки были важны для сохранения исторических городов и внесения их преимуществ в новые районы. Поэтому в УзНИИП градостроительства для жилых районов 1980–1990 гг. были разработаны альтернативные приёмы планировки. Было выявлено, что наши исторически сложившиеся города — это не лабиринты улочек-«змеиных следов», как их называли в это время архитекторы-практики республики (8). Планам исторических городов присущи закономерности построения в пределах чётко соблюдавшихся пешеходных параметров (9), которые, как закономерности построения, следовало сохранять в исторических городах, и их также следовало вводить в планировку новых городских районов, а транспорту следовало стать средством культивирования пешеходности.

Поэтому в Бухаре, новые районы которой были запланированы по радиусам 800–1000 м, предприняли увеличение их до 1500 м, как это характерно для исторического города. Детально были показаны следующие преимущества укрупнённого жилого района:

- 1 — за счёт развития сети пешеходных связей и внутрирайонных проездов уменьшена плотность улиц с 3,9 до 2,9 км/кв. км;
- 2 — совершенствован планировочный каркас района: он уже не из раздробленных и несвязных микрорайонов, а объединён диагональной аллеей садов и общественных зданий;
- 3 — равномерно размещены центры: вместо периферийных учреждений обслуживания и центрального пустыря центры микрорайонов размещены на диагональной аллее с равномерно распределёнными учреждениями обслуживания;
- 4 — эффективно расположен сад района: вместо центрального большого парка (заброшенного и застроенного во многих городах) его площадь распределена в виде небольших садов вдоль диагональной аллеи, такие сады доступны большому количеству жителей, они формируют регулярные простран-

185

186

187

188

ства архитектурных садов, создаваемый ими микроклимат распространяется на территорию большую, чем у одного большого парка; 5 — расстояния до остановок общественного транспорта сокращены до 200 метров или 3 минут (то есть до 50% нормируемой СНИПом дальности) за счёт более гибких трассировок пешеходных путей; 6 — функции организованы в улицы и площади за счёт внимательной их организации, а не вразброс, как это часто делается в генеральных планах и даже в проектах детальных планировок.

В целом УзНИИП градостроительства выполнил: «Исследование планировки городов Узбекистана и региональной типологии» (1988 г.), «Анализ генеральных планов 1970–1985 гг.» (1986–1990 гг.) и составил «Региональные дополнения к СНИП» (1989 г.). В результате была обоснована и рекомендована структура жилого района: радиусом 1500 м. Радиус 1500 м учёл постоянное укрупнение планировочной структуры районов и закономерности морфологии исторических городов для восстановления прерванной в советские годы преемственности в исторических и новых городах. Выводы градостроительной науки были рекомендованы УзНИИПом градостроительства для нормирования в «Строительных нормах и правилах» Госкомархстроя Республики Узбекистан.

Жилые районы, занимая только 20–25 % территорий городов, влияют на сеть магистралей города и, следовательно, на экономическую эффективность планировки (10). СНИП рекомендует среднюю плотность магистральной уличной сети 2,2–2,4 км на кв км (11). На рубеже 1980–1990-х гг. УзНИИП градостроительства и ТашНИИПИгенплан выявили, что укрупнённые районы радиусом 1500 м уменьшают плотность с нынешних 3,9 до 2,9.

В 1989–1990 гг., переходные от СССР к СНГ, был образован региональный институт СредазНИИТАГ как филиал Всесоюзного научно-исследовательского института теории архитектуры и градостроительства. «В период перестройки стало очевидным плачевное состояние теории и практики зодчества. Раскрылось отставание от стран сопредельного Востока. В архитектуре и градостроительстве не были определены приоритеты и не разработана стратегия. Архитектурно-планировочное освоение старого города Ташкента не учитывало здешнего наследия и образа жизни. Большинство жителей желало остаться на своих территориях при условиях подведения газа и канализации. Поэтому планировалось сохранить социально-демографическую структуру, малоценное и ветхое жилье заменить коттеджами, развитыми *махаллинскими* центрами и проживанием по принципу самоорганизации» (12). Как и в Ташкенте, в Худжанде пришли к необходимости не реконструкции, как в советские времена, а восстановления исторического города. Рассечение его с XIX в. магистралями образовало так называемые кварталы, территории которых во многих случаях расходятся с границами исторических *махалля* и *гузаров*. Поэтому быт и администрирование либо существуют сами по себе, либо путаются в исторических пешеходных и новых, созданных транспортом, общинах. Расчёт новой системы *махалля* и *гузаров* был укрупнён, ориентируясь на современные проекты *махалля* в 3000 человек. В Худжанде советская магистраль запад-восток трассирована по территориям памятников архитектуры. Необходимы были: обвод крупных магистралей по периферии исторической части города, контроль в нём численности населения и развитие районных и городских общественных центров за его пределами (13). Характерное с колониальных времён противоречие границ исторических *махалля* и *гузаров* новым границам так называемых квартальных советов сохраняется в районировании городов. «Архитекторы делят город на планировочные районы, а жизнь течёт в административных районах. В результате объекты одного района не могут использоваться теми, кто живёт в соседнем районе. Следовательно, границы районов должны соответствовать радиусам расположенных в них объектов обслуживания. Несоввершенство системы районов и микрорайонов негативно сказалось на качестве жизни. Так, показатели роста преступности в Ташкенте

1988–1989 гг. с 6,6 до 9,3 (на 1000 жителей) оказались высоки в микрорайонах, где люди мало знают друг друга, и низки в *махаллах* Октябрьского (6,2), Сабир-Рахимовского (6,9) и Хамзинского (7,0) районов, где каждый — на виду» (14).

Общественные здания

Сквозь приоткрывавшийся «железный занавес» проник ставший интернациональным стиль стеклянной архитектуры и впервые воплотился в правительственном здании — шестизэтажном административном корпусе ЦК КП Узбекистана с примыкающим к нему залом (1964 г., А. Файнлейб, В. В. Березин, С. Ишанходжаев и др.). Вслед за ним появилась интерпретация молодыми архитекторами классики прошлого периода: в виде блока дорической колонны поднялся зрительный зал Дворца искусств (1965 г., В. В. Березин, С. М. Сутягин,

189

Д. М. Шуваев, и др.). Этот архитектурный стиль, названный современным, справедливо был воспринят как продолжение конструктивизма начала века. Поэтому в 1969 г. А. А. Сидоров и реконструировал свой кинотеатр Ватан 1939 г. для театра имени Хамзы, сменив колонны от бухарской мечети Боло Ховуз на фасад дворца культуры Московского автозавода имени Лихачева (1931–

1937 гг., братья Веснины). Импортированный стиль стеклянной архитектуры нуждался в защите от палящего южного солнца. И образцом для этого стала архитектура Музея Ленина (1970 г., Розанов Е., Шестопалов В., Кричевский В. и др.): его навесная солнцезащита стала средством выражения национального. В 6-этажном здании Областного и городского комитетов КП Узбекистана с тоже примыкающим залом (1971 г., Е. Видякин, А. Файнлейб) из стеклянного объёма выступил каркас здания для крепления на нём решеток солнцезащиты. От здания к зданию архитектура Узбекистана возвращалась к главному руслу эволюции новой архитектуры, сообщая ей региональные черты. Часто типологии зданий не менялись, и для своеобразия стеклянные объёмы обносились декоративными стенами-ширмами (Выставочный зал Союза художников, 1974 г., Р. А. Хайрутдинов, Ф. Ю. Турсунов). Декоративные решётки и стенки, а также бирюзовый цвет выразили в архитектуре рост национального самосознания и надолго превратились в едва ли не единственные или во всяком случае преобладавшие признаки национального своеобразия. Наложённый на здания декор часто наивно и прямолинейно заявлял об устремлениях общественного и архитектурного сознания. И такая поверхность в скором времени переросла в дефект стиля во Дворце Дружбы народов (1981 г., Е. Розанов, Ф. Ю. Турсунов, С. Р. Адылов и др.).

190

С одряхлением поверхность понятого современного стиля на сцену неизбежно входили традиционные типы зданий и самые общие черты их регионального стиля были призваны отразить конкретику национального. Яркой образностью прославились три столичных здания, вызвавшие много споров. На фоне стандартизованной и становившейся

191

безликой архитектуры кафе Голубые купола (1970 г., В. А. Муратов) отличилось оригинально разработанной модульностью и ордерами из колонн, балок и куполов. План построен на сетке 6 x 6 и 3 x 6 м в пределах прямоугольника 30 x 27 м. В центре — зимний зал, к северу — вестибюль, на западе — кухня, на юго-востоке — летняя терраса. В кафе есть также вестибюль с гардеробом,

помещения конторы, заготовок овощей, мяса, теста и выпечки лепёшек и *самсы*, моечная, очаги, буфет. Служебные помещения находятся в подвале. Расположенная рядом чайхана (архитектор Л. Дзимас) откровенно заимствовала формы народной архитектуры. Главный её зал выполнен в форме застеклённого колонного *айвана*. Решетки-*панджара*, резная дверь и колонны *айвана* выполнены народными мастерами на высоком уровне. Рядом

С деревянным помостом-тахтой железобетонная пергола нависла над мраморными сиденьями и столами, материал и масштаб сделали их не традиционными, а, скорее, декоративными, и потому посетители пользовались ими редко (15). В начале такого движения к национальным типам общественных зданий проектировались и строились типовые чайханы и бани-хаммом. Вскоре в столице появились мемориальная чайхана на улице Самарканд Дарваза (1968–1976 гг., Сутягин С. М., Браславский А. С., Тен В. И.) и много шумевшая в советской печати баня-хаммом на площади Чор Су (1977 г., А. С. Косинский). Мемориальная чайхана Самарканд — в честь 2500-летия города — расположена близ некогда стоявших здесь одноимённых ворот Ташкента. Её квадратный план диагонально рассечён похожими на пирамиду пилонами с лестницами и небольшими помещениями внутри, а центральная ротонда пронзает три этажа и завершена куполом. Первый этаж — вестибюль с двумя залами чайханы на 80 зимних и 50 летних мест. Второй — три зала столовой на 100 зимних и 45 летних мест, с буфетом в ротонде. Третий этаж — гостевой зал на 25 мест и открытое кафе-мороженое. По проекту института ТашНИИПИгенплан улицу предполагалось расширить до 60 метров с расположенными по её обе стороны 9–12-этажными микрорайонами на 25–30-тысяч жителей каждый. Появление в Ташкенте, лишившемся после землетрясения многих градостроительных ориентиров, новых зданий-символов стало закономерным и объяснимым явлением. В безликой среде массового строительства сооружения эти стали для горожан знаками места, времени. С их появлением усилилось изучение и внедрение типологии региональной и национальной архитектуры. Прикладная архитектурная наука назвала региональными аналогами из зарубежных стран со сходным климатом и традициями, а национальная архитектура стала ассоциироваться с внешними, часто декоративными, приёмами своеобразия.

192,
193

В архитектуре усилилось значение не конструктивной правды, а региональной образности. От конструктивной строгости Дворца искусств в Ташкенте С. М. Сутягин перешел к образу пирамиды в мемориальной чайхане. А. С. Косинский же показывал свою ташкентскую баню-хаммом на Чор Су — «Чем не постмодерн?» — как бы утверждая, что его архитектуру и стиль постмодернизма объединило обращение к образам в памяти людей. После зданий-ширм шагом вперёд стала пространственная система колонн-балок-перголы, заявленная в Голубых куполах и затем монументально вознесённая вокруг типового плана комплекса ресторанов Зарафшан (1982 г., В. Л. Спивак). Этот комплекс был заказан, по алматинскому примеру, правительством Узбекистана для участников многолюдных *курултаев*. В нём также предполагалось изготовление полуфабрикатов для филиалов в городе, — как то намечалось в начале 1930-х гг. в расположенной неподалеку конструктивистской фабрике-кухне.

194

Многоэтажные жилые дома

В 1960-е гг. секции многоэтажных жилых домов совершенствовались для формирования из них разнообразных градостроительных композиций. Экономика брала верх над рациональностью планировки: воздух кухонь проникал в комнаты, что прежде стремились предотвратить, а санитарные узлы уже не имели обязательного прежде естественного освещения. В таких квартирах, как установил институт ТашЗНИИЭП, температура в летние вечера превышала наружную на 10 градусов. В 1964 г. известную в прошлом жилую секцию серии 1–310 улучшили архитекторы Б. Блюм, М. Акрамов и В. Гитберг: вместо прежних 3-х квартир в ней остались 2 (4 и 5-комнатные) с выходом из кухни и общей комнаты на балкон. Древний на Ближнем Востоке приём вертикаль-

ного проветривания посредством шахты-бадгир теперь переосмыслили в качестве воздуховода многоэтажных домов. И 4-этажные дома с аэрошахтами были впервые построены в Ташкенте по чертежам Туркменгоспроекта (1964 г., Е. Высоцкий, Г. Жилина):

195

секция дома с расширенным корпусом состояла из 8 малокомнатных квартир. В 1967 г. микрорайон Ц-3 Ташкента застроен 9-этажными домами-башнями с вертикальным проветриванием (ЦНИИЭП жилища: М. Владимирова, В. Коробов, А. Криппа и др.). В 1968 г. автор серии 1–310 И. А. Мерпорт для борьбы с перегревом квартир предложил их увеличенные окна распахивать с вечера наружу. В 1960-е гг. были введены в строй два завода Камю для производства 9-этажных жилых домов с секциями из квартир коридорной планировки. И такими домами застраивались преимущественно магистрали. После землетрясения в Ташкенте были построены многоэтажные дома, развивавшие достижение архитектора И. В. Жолтовского 1949 г. в жилом доме на Большой Калужской улице Москвы. Там

196

секция с коридорами из восьми двух- и трёхкомнатных квартир позволила в доме шириной 19 м увеличить жилую площадь на 1 погонный метр уличного фронта. Похожие коридоры по оси плана и комнаты протяжённых пропорций расширили корпуса 9-этажных жилых домов микрорайона Ц-7 (1968 г., КиевЗНИИЭП). Протяжённый 9-этажный жилой дом (1968 г., архитектор В. Гинзбург) на перекрёстке улиц Пушкинской (ныне Мустакиллик) и Абдуллы Тукая (ныне Шахрисабзская) стал секционно-галерейным экспериментом. Вдоль его галерей расположены односторонне ориентированные квартиры, в концах же галерей — двусторонне ориентированные квартиры с чётким разделением общих и спальных помещений. Со временем, жители квартир зарешетили свои коридоры и галереи от доступа к их дверям посторонних.

197

Ещё в 1936 г. А. Антонини перфорированной архитектурой 4–6-этажных жилых домов призвал пропускать сквозь ташкентские кварталы прохладные бризы, дующие в предрассветные часы с северо-восточных гор. В 1980-е гг. в УзНИИП градостроительства было графически показано характерное для Ташкента проникновение преобладающего направления ветров в естественное озеленение вдоль рек, каналов и саев, и оттуда — в застройку города; в недоступных же территориях застройки были рекомендованы способствующие микроклимату традиционные архитектурные сады. В эти годы Ташкент застраивался 9-этажными домами фирмы Камю, фасады которых были решены архитектором Г. И. Коробовцевым, по опыту М. С. Булатова 1950-х гг., в виде колоссальных, то есть на несколько этажей, балконов на фасадах. Очень скоро, однако, и это оказалось недостаточным, поскольку осознали важность более эффективных приёмов аэрации интерьеров таких укрупнявшихся жилых домов.

198

В 1970–1980-е гг. улучшены квартиры и структуры многоэтажных жилых домов. С 1972 г. стали вновь отдельно проветривать подсобные и жилые помещения, а ванную обеспечивать естественным освещением — в 77-й серии кирпичных 4-этажных галерейных и секционных жилых домов (Р. И. Крюкова, М. О. Абдулов, А. С. Подлипов, и др.). В 1980-е гг. на базе серии 148-П тиражировались блок-секции жилых домов, из которых составлялись разнообразные комплексы. Девятиэтажные жилые дома этой серии с двумя квадратными

199

в плане жилыми блоками (каждый из 4 квартир) и соединённые в углах блоком лестниц-лифтов построены на Юнусабаде Ташкента. Московские критерии жилища всё более расходились с таковыми в южных республиках. И в 1985 г., готовя новые Строительные нормы и правила, институт ЦНИИЭП жилища отклонил предложения институтов ТашЗНИИЭП (Узбекистан)

и ТбилЗНИИЭП (Грузия) по увеличению площади летних помещений. И СНИП, действительно, сократил площадь летних помещений с 20 до 15% от площади квартиры. Такое пренебрежение к региональным особенностям вело к нивелированию архитектуры жилища и ухудшению условий проживания. И всё же, построенный в этом же году в Ташкенте экспериментальный 16-этажный жилой дом из монолитного железобетона (1985, О. Айдинова) был призван проверить исследования института ТашЗНИИЭП. На образ и план такого дома повлиял известный и один из первых после второй мировой войны крупных жилых комплексов — Ромео и Джульетта из 12 и 19-этажных корпусов в Штутгарте, Германия (1955–1959 гг., Ханс Шарун). Два корпуса экспериментального дома в Ташкенте объединены на 2, 5, 8, 11, 14 этажах традиционными дворами. Нижние этажи занимают магазины и общественные услуги, а плоскую кровлю — сооружения отдыха и спорта. В сравнении с секционными домами дворы этого дома способствовали формированию общинных контактов жильцов. В 1987 г. 16-этажный дом серии 148 был перепланирован институтом Ташгипрогор (В. Н. Бреусенко) для 12-этажных 63-квартирных каркасно-панельных домов, построенных на 8 перекрёстках Ташкента, в том числе на Ахангаранском шоссе и на Караташе. Актуальным оставалось дальнейшее переосмысление структуры высотного жилого дома для условий юга.

200

Последовательная трансформация структуры многоэтажного жилого дома осуществлялась в 1960–1990-е гг. посредством традиционного вертикального проветривания, называемого *соябон*, которое со временем его энтузиасты переименовали в климатрон. С 1961 г. под руководством И. А. Мерпорта в секторе жилых зданий ТашНИИ по строительству коллектив авторов (О. С. Джаббар, В. Н. Коломенский, Г. Корбут, В. Махмудов) выполнил проекты 9-этажных жилых домов по параметрам французской фирмы Камю (16). Эти-то дома и подверглись следующим трансформациям. По проекту В. М. Дмитриева, после землетрясения 1966 г., в Ташкенте строились 9-этажные каркасно-панельные жилые дома с летними помещениями четырёх квартир вокруг лестничной клетки. В. Н. Коломенский проектировал квартиры с лоджиями-дворами высотой в два этажа.

201

202

А. О. С. Джаббар проектировал замкнутые от внешней среды атриумы-*соябон* квартир при вертикальных аэрационных шахтах дома. Площадь атриума-*соябона* была выкроена из перепланировок передней, коридоров и летних помещений (17). В конце 1960-х гг. О. С. Джаббар предложил дополнительно регулировать микроклимат кондиционерами, и традиционные атриумы-*соябоны* стали атриумами-климатронами. Кондиционеры удорожали жилищное строительство на 20% и их эксплуатационные расходы требовали ещё 2%, но чередование с естественным проветриванием сокращало время пользования ими. Это важно, поскольку длительное использование кондиционеров отрицательно влияет на работу желез внутренней секреции человека. Атриумы-климатроны позволяют сквозное проветривание квартир даже в условиях полуденных штилей (18). В 1967 г. ЦНИИЭП жилища разработал для условий Ташкента проекты 9-этажных крупнопанельных домов фирмы Камю, и с 1969 г., впервые в нашей 9-балльной сейсмической зоне, стали возводиться спроектированные Ташгипрогором 9-этажные бескаркасные крупнопанельные многосекционные жилые дома (19, 20). В 1970-е гг. в городе Новый Узень на полуострове Мангышлак по проекту института Казгоспроект возводились жилые дома широкого корпуса с аэрационными шахтами для проветривания квартир, в первую очередь их подсобных помещений. В середине 1970-х гг. в каркасно-панельных 9-этажных домах Ташкента использовалось несколько иное решение — аэрошахта при лестничной клетке и лифте. Традиционные шахты-*бадгир* служили вертикальному проветриванию жилых помещений.

Аэрошахты же 1960–1970-х гг. вытягивали воздух из подсобных помещений квартир. Вертикальная аэрация жилых помещений эффективно не решалась.

Соябон и климатрон были лишь в первом приближении осуществлены в 16-этажном крупнопанельном жилом доме серии 148 (1984 г., А. И. Онищенко). Его H-образный план имеет в центре лестницу и лифт, а в 4 квартирах кухня, общая и спальня сгруппированы вокруг лоджии, уподобленной *соябону* народного жилища. На зиму лоджия оборудуется батареей отопления и превращается из летнего помещения в климатрон. Идею климатрона продолжили в 9-этажных домах-башнях из 2 блок-секций с 1–2–3-комнатными квартирами вокруг рекреации при лестнице и лифте (1985 г., С. Розенблюм). Между передней и балконом каждой квартиры размещена заглублённая остеклённая лоджия, которую можно объединять с общей комнатой и кухней трансформирующимися ограждениями. Решение С. Розенблюма развито в 1990-е гг. архитектором В. Рыжовым в жилых домах для строительства на перекрёстках Ташкента. В них варьировалось количество блок-секций: компактный дом на станции метро Г. Гуляма составлен из 3 блоков, а протяжённый на улице Б. Хмельницкого — из 8. Все эти эксперименты расширили корпуса жилых домов в 1,5–3 раза по сравнению с действующими сериями. Расширение корпуса снизило стоимость квадратного метра общей площади, сократило энергоресурсы на обогрев, повысило экономические показатели застройки. При этих нововведениях, недостатками планировок квартир всё ещё остаются: малые летние помещения, неудовлетворительная аэрация, несоответствие местному образу жизни.

16-этажные монолитные жилые дома сформировали композиции перекрёстков и магистралей Ташкента, но пространства внутри них оказались заполненными стихийными постройками их жителей. Решёткой между лифтом и квартирой отгораживают пространство для частного садика, на сквозняке при входе в квартиру возводят традиционную суфу, и так далее. Повсеместный опыт эксплуатации показал, что общие площади на этажах не могут попросту оставаться открытыми и требуют тщательной планировки и детального обустройства, — в противном случае жильцы заполняют их самостроем.

203

Малозэтажные жилые дома

Всесоюзная перепись населения 1970 г. выявила в Ташкенте семьи размером от 3,7 до 5,5 человек, в среднем — 4,2 человек (21). В дальнейшем средняя численность семьи в Ташкенте увеличилась с 3,9 до 4,8 человек, и в конце XX в. а составляла более 5 человек (22). Высоким оставался удельный вес семей из 6 и более человек. В 1979 г. в Ташкенте такие семьи составляли 1/5 часть всех семей, в Самарканде — 1/3, в Намангане — 1/2, в Маргилане — более 1/3, в Хиве — более 1/2 (23). То есть, прогнозы ТашЗНИИЭП 1960–1970 гг. о сокращении к 1980 г. числа больших семей в городах не подтвердились. Нужны были как гибкие для подбора типов квартир блок-секции, так и возрождённые малозэтажные жилые дома. Жилища для многодетных и сложных семей перспективны для республики. С принятыми в 1965 г. работами по реконструкции старого Ташкента, ТашЗНИИЭП спроектировал микрорайон-*махалла* в виде ковровой двухэтажной застройки с плотностью жилого фонда 4-этажной застройки. В 1967–1968 гг. в ташкентских микрорайонах Ц-3 и Ц-4, в комплексе с 4–9-этажными домами, построены 2-этажные кирпичные жилые дома из 4- и 5-комнатных квартир с дворами 50–70 кв. м (ЦНИИЭП жилища, М. Владимиров, В. Коробов, А. Криппа и др.), их первый этаж имеет общую, небольшую кухню, туалет, жилую комнату и лестницу на 2 этаж. Построенные впоследствии в микрорайонах Ц-5 и Ц-6 блокированные двухэтажные дома с дворами, как и двухэтажные дома в Ц-27, не до-

204

205

стигли необходимых плотностей жилого фонда. Эти дома оказались дорогими из-за недостатков проектов, отсутствия их промышленной базы и неразработанности технологии строительства. В то время как в 4-этажных микрорайонах более половины открытых пространств оказались заброшенными, в малоэтажной плотной застройке большая часть пространств могла бы стать индивидуальными дворами с гарантированным озеленением. Дворик в 40–50 кв. м, заключила кандидат архитектуры З. Н. Чеботарёва, следует сравнивать с верандой в 5–12 кв. м многоэтажного дома, а не с приусадебным участком в 300–500 кв. м, поскольку усадебная застройка не может рассматриваться городским типом застройки (24). В народном жилище летние площади превышают площадь зимних помещений в 2–3 раза, — в современной же квартире летнему помещению отводится лишь её 5-я часть. Жизнь в таких квартирах в самый жаркий период года *чилла*, то есть с конца июня по начало августа, невыносима. Квартиры должны иметь зимнюю и летнюю зоны, и их сообщающиеся пространства должны быть трансформируемы в зависимости от времени года и суток. «Система перехода от города через улицу, переулок, двор, *айван* к комнате — интимному уголку, который всегда был и будет нужен человеку, — вот что составляет главную ценность узбекского жилья», — было обнаружено ещё в трудные 1940-е гг. (25). Узбекское жильё состоит из последовательности: замкнутого помещения *хона* — летнего помещения *айван* — перголы *ишком* с *суфой* у *ховуза* — двора *сахн*. Замкнутые помещения-*хона* часто группируются вокруг полуоткрытого дворика-*соябон*. Высота помещений 1,8–3,6 м, а двориков-*соябон* — 3,6–12 м в зависимости от расположения *соябон* на земле или верхних этажах. Утро во дворе, полдень в закрытых проветриваемых помещениях, а вечер и ночь в увлажняемом дворе или дворике-*соябон* (26), — такой, сложившийся веками, режим проживания в узбекском жилище должен формировать среду для человека в условиях республики.

Анкетирование, проведённое в 1989–1990 гг. региональным институтом СредазНИИТАГ, показало, что любой квартире жители старого города Ташкента предпочитают усадебный дом или коттедж. Выше трёх этажей прекращается благоприятное влияние озеленения, обводнения и охлаждающего воздействия грунта. Кондиционирование же лишает воздух природных свойств, ухудшает самочувствие, вызывает заболевания» (27). Стратегия же борьбы с перегревом естественными методами такова: продление эффекта ночной и утренней прохлады, замедление перегрева в начале дня, убыстрение остывания воздушной среды вечером. Для этого — членить застройку межмагистральных территорий улицами в направлениях дневных и ночных ветров, и системы озеленения создавать как по-горизонтали, так и по-вертикали (28).

МЕСТНОЕ

Наряду с развитием современной и региональной архитектур, в городах Узбекистана активизировалась инициатива властей и населения за архитектуру, отвечающую местным потребностям. Профессиональная и народная архитектуры объединились ради приближения архитектуры к будничному образу жизни. Недавно заимствованные и названные современными нормы стали сопоставляться с многовековыми местными традициями. И это столкновение норм с традициями происходило особо драматично в исторически сложившихся городах Узбекистана.

Уже в 1954 г. на одном из заседаний Ташкентского городского исполнительного комитета отмечалась необходимость понижать этажность домов, ибо возводившиеся многоэтажные дома не учитывали местных особенностей и климатических условий. В микрорайонах всё вокруг являло собой открытые общие пространства, индивидуальных открытых про-

странств на земле не было, лишь веранда или лоджия квартиры предназначались для летнего быта семьи. А в традиционной застройке около 80% площади открытых пространств составляли дворики, служившие семье столовой, гостиной, спальней. В этом — коренное отличие современной застройки от традиционной и её серьёзный недостаток. Застройка секциями, утверждали сторонники *махалля*, изолирует людей и не предоставляет условий для восточного образа жизни, который зиждется на коллективизме (1). В секционных домах летний быт предусмотрен в летнем помещении, досуг и общение — близ жилья. Соседское общение и многолюдные торжества проводятся, как правило, на открытых рекреациях. Застройка Ташкента с его наиболее развитой в Средней Азии базой домостроения велась по нескольким сериям, в большинстве же других городов Средней Азии — лишь по одной или двум сериям жилых домов (2).

В целях изменения микрорайонов, в 1960–1970-е гг. исследовались традиции *махалля*. Указывалось на важность воссоздания сложившихся веками общественных связей и пространств *махалля* для обогащения окружения, образа жизни и психологии личности. В 1966 г. ТашЗНИИЭПом составлено задание на экспериментальный микрорайон и выполнен экспериментальный проект микрорайона-*махалля* (В. Анкудович, И. Гордеева, З. Чеботарёва). Этот экспериментальный микрорайон-*махалля* (40 га) проектировался западнее площади Чор Су как часть жилого массива Каракамыш. А с 1971 года по переработанному проекту Ташгипрогора (Г. И. Коробовцев, И. Коптелова, Л. Адашов, С. Адылов) в составе проектировавшейся межмагистральной территории строился микрорайон-*махалля* Ц-27. Он состоял из двух *махалля* с населением 2,5–2,7 тыс. жителей; радиус общественного центра *махалля* — 200 м, детских учреждений — 250–300 м, торгово-бытового центра на магистрали — 400 м; в двух- и девятиэтажной жилой застройке первая составила 57%.

Проект экспериментального микрорайона-*махалля* Калькауз (Ц-19) (Ташгипрогор, Научно-реставрационная и проектная мастерская Министерства культуры, Институт искусствознания: С. Р. Адылов, А. С. Косинский, Г. И. Коробовцев) стал началом работ по реконструкции северо-запада старого Ташкента. Были обследованы зарождение и развитие этого района старого города Ташкента, а здания народной архитектуры были обмерены для выявления приёмов создания комфортного микроклимата жилой среды и её ячейки в многоэтажных жилых образованиях. В зону реконструкции вошли исторические улицы Охунгузар, Заркайнар, Хазрати Имом, Корасарой, Себзор, Тахтапул, Каллахона, Подахона, Согбон, Чагатой и др. Проектом предлагались заповедно-туристская зона, музей-заповедник, базар и гостиничный городок. Композиционный центр — торговая улица, малозэтажные здания которой приспособлены для мастерских народных ремёсел. Максимально сохранялась историческая топография. Транспортные магистрали прокладывались на глубине 6 метров, не разделяя, а объединяя жилые территории. Понятия ограниченного улицами микрорайона не было, и центры *гузаров* размещались непосредственно над дорогами. Пешеходы и транспорт полностью разделялись. По мере удаления от сохранявшихся памятников архитектуры новая жилая застройка постепенно увеличивалась в этажности, достигая на периферии 12–16 этажей, отмечая этим линию стены старого города Ташкента. Доминировал 25-этажный башенный жилой дом с видовыми наверху площадками. Подобно 16-этажному экспериментальному жилому дому О. Айдиновой, через каждые три этажа высотных жилых домов располагались дворы до 300 кв. м для празднеств, национальной кухни, игр детей, озеленения. Жилые высотные дома имели шахты вертикального проветривания с холлами «полуторасветной» высоты, по идее О. С. Джаббара. Блок-секционная компоновка застройки гибко соответствовала демографическому составу населения (3).

Малозэтажные жилые дома и тупикообразные улочки *махалля* возродились в первом построенном экспериментальном микрорайоне-*махалля* Ц-27 (1971–1975 гг., Г.И. Коробовцев, Х. Халилова, Е Чинчева, и др.). Он застроен несколькими типами жилых домов: 9-этажными вдоль улицы Беруни, 4-х и 9-этажными — по периферии, 2-этажными коттеджами в середине, и 4-этажным домом с двориками на этажах, — он расположен на юго-востоке. Этот тип 4-этажного 60-квартирного дома с 5, 6, 7-комнатными квартирами и двориками (85 кв. м) на этажах стал редкостным экспериментом и разрабатывался в 1972–1975 гг. Он состоит из трёх блок-секций: Т-образной, рядовой и торцевой. Вдоль улицы Беруни 9-этажные 88-квартирные дома имеют предприятия обслуживания на первых этажах. К востоку от микрорайона-*махалля* расположена зона зданий общественного назначения. Сохранены некоторые из существовавших здесь жилых домов. Имеются общеобразовательная школа №102, музыкальная школа-семилетка, детские дошкольные комбинаты. Прошедшие полвека преобразили этот эксперимент: на палисадниках перед домами выстроились клетки индивидуальных гаражей, скромные советские коттеджи перестроили в величественные особняки. 60-квартирный жилой дом с двориками на этажах удобен для больших многодетных и сложных семей, в частности, семей с пожилыми родителями. Однако его открытые и просматриваемые дворики не подходили для сна на открытом воздухе, приёма пищи семьёй, уединённого отдыха. Дворики приставлены к жилищу, не являются его композиционно-планировочным центром. Поэтому дворики на этажах все эти годы обстраиваются. Спортивное поле в центре экспериментального микрорайона ныне полностью застроено жильцами, а в его северной части теперь возвышается соборная мечеть Фирдавс.

Понимание своеобразия вышло за пределы здания в стиле национальной архитектуры. Оно также перестало превозносить технику современной архитектуры. Свободная планировка тоже была поставлена под сомнение. Критичнее отнеслись и к региональной архитектуре, ибо она широка и этим обезличена. А конкретное место и его люди есть всегда. Поэтому архитектор и должен служить многогранной культуре людей этого места. И его работа всегда индивидуальна.

Архитекторы, однако, по советской инерции были склонны упрощать суть своей работы. «Думаешь, чабан в горах, мурлыча мелодию, задумывается о её национальности?» (С. М. Сутягин). «Мне кажется, все проще. Всегда есть земля. И вот её соки, воздух, ветер — они и дают то, что рождает настоящее искусство» (А. С. Косинский) (4). На деле и мемориальная чайхана создавалась с мыслями о египетских пирамидах, японской архитектуре и симметричных планах Луиса Кана. И баня-хаммом на деле глубже: это республиканские дискуссии 1966–1967 гг. о недостатке традиционных типов зданий (чайхан и бань-*хаммом*) вызвали их проектирование и строительство. Архитекторам-практикам свойственно не придавать значения своим же пред- или околопроектным изысканиям, даже тем, что достойны серьёзного внимания. Им также весьма свойственно замалчивать источники своего вдохновения, усматривая в признании этих источников некое проявление ущербности профессионального достоинства. Упрощающая и замалчивающая позиция профессиональных архитекторов объясняется несколькими причинами. Во-первых, это, конечно, результат недостаточности в обществе демократических норм, которые и позволяют расцвести анализу архитектуры. Вторая причина — это всепоглощающее служение архитекторов государственному проектному конвейеру. И, в-третьих, сильное у архитекторов чувство миссионерства. То есть, они видели себя прежде всего проводниками архитектурных стилей, шедших из России, Европы, Запада. А местная или региональная архитектура не становилась при этом базой для формирования их творческого мышления. От этих трёх факторов и происходил упрощенческий взгляд на творческий метод и местные реалии.

Профессиональная архитектура воплощалась вдоль парадных улиц и площадей городов Узбекистана. А вдоль неприметных холмов, арыков и садов, оставленных вне прямоугольных градостроительных систем, развивалась архитектура местной инициативы, создававшаяся горожанами и местными властями. Такие зоны отдыха в традициях местного населения возникали помимо генеральных планов или даже вопреки им, что уже указывало на отрыв этих документов от жизни. В городе Ургут Самаркандской области такие зоны возникали вдоль центрального *са* и в окружающих предгорьях. На горе между Ургутом и соседними селениями построена популярная у населения чайхана Топтепа с видами из *айванов* на окрестности. Одним из наиболее известных примеров стала чайхана общественного центра посёлка Афшона Бухарской области, где родился Абу Али Ибн Сина. Градостроительная роль архитектуры местной инициативы усиливалась на межгородских магистралах: в природном окружении местным населением строились малые архитектурные формы, места отдыха и общественного питания, общественные и даже производственные здания в национальном стиле, с куполами, арками, яркой керамической облицовкой. В сельских районах, менее охваченных типовым проектированием, распространились чайханы, бани-хаммом, сады *чор-баг*. Схематические решения генеральными планами центров городов и их пригородов восполнялись строительством на этих территориях зон отдыха в местных традициях. Показательна в этом отношении чайхана на 200 мест в Джизаке (1985 г., Р. В. Блезе).

212-214

В пригороде Самарканда, на берегу реки Зеравшан, народными мастерами Ургута, Каттакургона и других областных городов, построена зона отдыха Боги Шамол. В пригороде Термеза, близ заповедника Арал Пайгамбар на Амударье, сооружен ипподром, а на холме близ него — парк с рестораном, павильоном сельскохозяйственной техники и др. Озеленение, как и в соседней зоне отдыха у водохранилища Уч Кизил, осуществлено на привозном грунте.

215

Зоны отдыха на возвышенностях издавна осваивались среднеазиатскими правителями и освящались как центры мира. В 1980-е гг. на возвышенности двинулись не одиночки, а массы, и строительство на них традиционным методом *хашар* зачастую рождало архитектурный хаос. Означающий соучастие и взаимопомощь, этот метод подразумевает осуществление всеми замысла того, кому помогают, а не кто во что горазд, что имело место. Как раз потому, что генеральные планы и проекты детальной планировки не учитывали местных нужд, последние и следовало фиксировать и планомерно претворять в жизнь методами таких народных строек. В областных исторических городах местная инициатива поддерживала и восстанавливала городскую среду, которую ташкентские профессиональные проектировщики рассматривали как безнадежно ветхую и подлежащую сносу. Ранее всего это проявилось в Коканде — одном из центров узбекской культуры. Его центральное кладбище с могилами деятелей культуры было благоустроено мемориалами, чайханами, беседками. В старом городе реставрирован и открыт дом-музей Хамзы Хакимзаде Ниязи. В историческом городе Самарканда реставрированы старые и построены новые общественные центры кварталов на улицах Кайруанская и Кош Ховуз. Сад поэтов создан у ансамбля Регистан. Создававшиеся при участии народных мастеров Ургута и Каттакургона, эти объекты оживили пространства исторического города, который генеральными планами был лишь намечен к сохранению.

В массовой застройке городов местная инициатива проявлялась в изменениях жителями планировок квартир и придомовых пространств. Здесь она заявила себя антагонистичной профессиональным нормам проектирования и строительства жилой среды, тем самым демонстрируя предпочтения населения, которые проектировщикам следовало учитывать. Таким образом, архитектура местной инициативы утверждалась во взаимоотношениях

с профессиональной архитектурой. Всякий раз после нового профессионального стиля — будь то конструктивизм, классика или современность — появлялось больше свободы для их сочетания с приёмами местной архитектуры. Раскованностью от очередного профессионального стиля, свободой сочетания его с местной архитектурой и общением с местными мастерами отмечались творческие почерки А. В. Щусева и С. Н. Полупанова, затем — М. С. Булатова и А. Б. Бабаханова, в 1980-е — В. А. Муратова, А. С. Косинского, С. М. Сутягина, Р. М. Блезе. Поддержка архитекторами предпочтений населения видна и в современном Ташкенте, где экзотичные сооружения отдыха, досуга и быта возникли в парках (чайхана и кафе Голубые купола), в *махалля* (мемориальная чайхана у ворот на улице Самарканд Дарваза) и на крупных магистралях (чайхана Самарканд по дороге в аэропорт). В этом процессе местная архитектура выбирает в профессиональной архитектуре материалы, конструкции, формы и линии, помогающие выразить культуру местного населения. Так, зачастую интуитивно, отбирается и синтезируется целесообразное из профессиональной и народной архитектур.

Архитектура местной инициативы является ветвью самобытного народного творчества и сообщает новой архитектуре яркое своеобразие. Она является реакцией на ограниченность и недостатки функциональных и художественных сторон архитектуры и градостроительства. Усиление её в застройке городов — объективный и перспективный процесс. Поэтому следует изучать причины и характер местной инициативы и отводить ей должное место в процессе проектирования и застройки. Архитектура местной инициативы как отклонения от проектов и генеральных планов, их уточнение и исправление — это результат заметной дифференциации уровней проектного, управленческого и строительного видов деятельности, их недостаточной взаимной увязки. Объединяющим их началом и должны стать предпочтения населения. В этом проявит себя демократическая система градостроительной политики: проектирование — местная администрация — культурные слои населения. Профессиональные архитекторы и градостроители не принимали в счёт и, в лучшем случае, приуменьшали значение архитектуры местной инициативы. То было фактически попыткой уйти от происходивших в областях республики реальных градостроительных процессов, когда местная инициатива в них стремилась восполнить схематизм генеральных планов. Местная практика градостроительства выступала против норм проектирования, во многом установленных союзным центром.

Эти симптомы нездоровья в архитектуре и градостроительстве республики были опубликованы (5) и вызвали следующую реакцию руководства ведущего института УзНИИП градостроительства: «Процесс появления во многих городах республики архитектурных построек, не предусмотренных в проектных решениях, — реакция на сухость, рационализм и бездуховность современной архитектурной практики. Самодельная архитектура отличается умелым использованием материалов, гибкой планировкой, отвечающей быту и укладу жизни населения. Такая архитектура несёт в себе начала большой архитектуры, она органична по себе и с окружением. Самодельная архитектура должна стать предметом тщательного изучения. Современная архитектура массовых сооружений никак не отвечает вкусам народа, и архитекторы должны ставить перед директивными органами вопрос о коренном переустройстве проектного дела в республике, повышении роли архитектуры в обществе» (6).

Дискуссия подтвердила свою актуальность уже в 1987 г. в столице республики на конкурсе проектов застройки района Караташ, — в этот массив старого города продвинулся росший десятилетиями линейный центр Ташкента. В проекте застройки массива Караташ сохранённые здания *махалля* и *гузаров* были превращены в объекты туристского игрового и развлекательного центра. Он был уподоблен средневековому городу со рвами, крепостными воротами, минаретами и «гро-

тесными мечетями», как выразились авторы проекта. Такой городок предназначался для художников: для их мастерских было предложено реставрировать старые жилые дома. «Стилистическое использование национальной архитектуры в виде потешного городка в угоду скачущим туристам вызвало тревогу» архитектора Ю. К. Акопджанян (ТашНИИПИ-генплан): «Такое «освоение наследия» девальвировало бы ценности национального зодчества в виде некоей театрализованной архитектуры». Архитектор Р. А. Хайрутдинов (Ташгипрогор) осветил проблему подробнее: «Опыт застройки старого города показал низкий уровень его сохранения. На массиве Караташ были проведены социологические обследования, выявившие желание людей сохранить свои привычки и обычаи. В сложившихся махалля они исстари общались, поддерживая друг друга во время похорон, свадеб, ремонта и строительства домов, и т. д. При сносе этих махалля и расселении их жителей по разным районам города былая общность сменяется одиночеством, когда люди не знают соседей не только по дому, но и в подъезде. Старый город — это архитектурные памятники, сформированная народной мудростью жилая архитектура, стилистически неповторимая среда. Это всё нужно беречь как великую ценность, ибо без неё нация теряет своё лицо и превращается в обезличенную серую массу». Архитектор А. Т. Синий (Ташгипрогор) предложил «застройку массива Караташ осуществлять по разработанным специально для этой территории индивидуальным проектам». По индивидуальным проектам новые малоэтажные жилые дома в этом массиве были построены теми жильцами, которые смогли финансировать их строительство. Что же касается преобладавшего населения, оно было либо расселено в многоэтажные дома, либо строило себе жилища на окраинах города. Обращение жителей махалли имени Юлдаша Ахунбаева в Главном архитектурно-планировочное управление Ташгорисполкома «с предложением нескольких вариантов махаллинских центров с залом, чайханой, пекарней для выпечки лепёшек и помещениями для хранения инвентаря махалли» (7) возымело эффект, и посреди смешанной мало- и многоэтажной застройки массива Караташ появились в начале 1990-х гг. подобные комплексы махаллинских центров.

Отдаление генеральных планов от фактических процессов развития местных городов и их культуры проявилось особенно явно с середины 1980-х гг. В это время, наряду со схематичностью проектов городов и их районов, активно проявился самострой населения. Результатом стало то, что в 1990-е гг. обретения республикой независимости области и их города перестали заказывать генеральные планы республиканскому градостроительному институту и взяли развитие городов в свои руки. Городские власти поняли проявления недовольства населения советским типизированным панельным домостроением и отказывались от него. Эта конфронтация практики и норм оказалась весьма поучительной, поскольку вскрыла не только отрицательные аспекты, но и положительные перспективы. Они и по сей день требуют серьезного осмысления в архитектуре и градостроительстве.

1991–2011 гг. РОСТ ГОРОДОВ

С рубежа XX–XXI вв. всемирная интеграция и переход к информационным технологиям расширили границы урбанизации: штаб-квартиры крупных корпораций ушли из центров мегаполисов в пригороды и малые города, создавая компьютеризованные места работы практически повсюду, и стал возникать упраздняющий расстояния глобальный город. В городах сегодня живёт половина населения Земли, и к 2050 г. будет жить до 70%, — вот почему этот век называют веком городов. В Средней Азии 2025 г. будет четыре мегаполиса: Ташкент, Самарканд, Алматы, Бишкек.

В Республике Узбекистан свыше 100 тысяч человек — это население крупного города. В крупных городах проживает 53% городского населения. А 47% городского населения проживает в средних и малых городах, составляющих 85% общего количества городов. До 10 тысяч человек — это посёлок городского типа, до 20 тысяч человек — малый город, и 20–100 тысяч человек — средний город. В этих городах намечено развивать трудоинтенсивные производства для того, чтобы сдерживать миграцию в крупные города. Поэтому актуальны коренная модернизация промышленности, развитие инфраструктуры, обеспечение мобильности рабочей силы, поддержка технологичных и наукоёмких производств (1).

Проектирование и нормы

Указ Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова «О мерах по дальнейшему совершенствованию архитектуры и градостроительства в Республике Узбекистан» от 26 апреля 2000 г., Постановление Кабинета Министров «Об утверждении Положения о порядке разработки генеральных планов и застройки городов, районных центров и посёлков городского типа» от 14 августа 2000 г. и ввод в действие Олий Мажлисом Градостроительного кодекса в 2002 г. способствовали составлению и утверждённому графика разработок и корректировки генеральных планов городов, районных центров и городских посёлков (2, 3).

К началу 1990-х гг. расширилась центральная зона Ташкента, и в её составе преобразилась правительственная площадь столицы. При росте центральной зоны Ташкента с востока на запад, её правительственная площадь расширялась на север и юг между улицами Навои и Узбекистанской. В результате на юге поднялись правительственные и общественные здания, на севере — мемориал Вечному огню с монументом Скорбящей матери, а в центре — Арка доброты и монумент Счастливой матери.

218,
219

Центральная зона росла к историческому городу столицы. Строительные нормы и правила 1994 г. по градостроительству предписали: «Улицы исторически ценных зон городов не подлежат расширению, служат каркасом исторических зон. Не допускается движение транспорта по отношению к исторической зоне» (4). В 1995 г. три улицы исторического района Ташкента были спрямлены и расширены, и проект детальной планировки 2004 г. предусмотрел прокладку здесь проектировавшегося с советского времени скоростного транзита Ахангаран — Сарыагач. Центральная зона осуществлялась и в Андижане: благоустраивались центральные улицы; вдоль улиц устраивались инженерно-коммуникационные коллекторы и в них переносились линии электропередач, телефонной связи, газоснабжения; выводились экологически вредные производства; новые жилые массивы обеспечивались необходимыми инженерными коммуникациями. Приняты меры по предотвращению на фасадах строящихся и реконструируемых объектов архитектурных приёмов, не соответствующих традициям национальной архитектуры (5). Центральные зоны городов активнее связывались с магистралями внегородских направлений.

Узбекистан, с его международными проектами возрождения Великого шёлкового пути для выхода в соседние страны и моря, имел в начале обретения независимости свыше 43 000 километров автодорог. Из них половина относилась к межгосударственным и государственным, четверть — к областным, и четверть — к местным дорогам. К последним относятся и внутригородские дороги, в которых выделяются сети скоростных магистралей. Для прокладки скоростных магистралей Ташкента сооружены мосты и путепроводы. Мост через канал Бурджар на улице Бабура расширил и выпрямил дорогу к аэропорту. Путепроводы у Алайского рынка и на площади Хадра облегчили движение в центре столицы. Келесский, Юнусабадский и Куйлюкский путепроводы

220

вывели скоростное движение из города на северо-запад, север и на юго-восток. Скоростные направления дублируются метрополитеном. В августе 2002 г. открыта вторая очередь малой кольцевой дороги столицы. Узбекская национальная автомагистраль соединяет области республики и выводит к региональным и мировым рынкам.

Согласно утверждённым Кабинетом Министров Республики Узбекистан (18.04.2000 г., №08-3-82) «Мероприятиям по исполнению замечаний и предложений Президента Республики, высказанных при рассмотрении проектов мемориальных комплексов и генеральных планов городов», Госархитектстроем и ОАО Узшахарсозлик ЛИТИ (Александрович А. М., Соколова Е. В., Абдуллаев Б. У., и др.) в 2002 г. выполнена корректура генерального плана крупного города Навои. Основные положения генерального плана до 1991 г. реализовывались, застройка осуществлялась комплексно, к 2008 г. население Навои составило 125 тысяч человек, а на первую очередь составит 175 тысяч человек. Промышленные предприятия (химической, электроэнергетической, горнодобывающей, лёгкой, пищевой и других отраслей) расположены по линии железной дороги на западе и юге. Вдоль центральной улицы Навои с административным, торговым, культурно-просветительным и спортивным комплексами расположены микрорайоны с 4–5-этажными секционными и 7–9-этажными галерейными жилыми домами. Массивами жилой застройки защищены городской и районные парки. Микрорайонные же сады — это хорошо озеленённые пешеходные аллеи. Проект детальной планировки центральной части Навои разработан Узшахарсозлик ЛИТИ в 1999 г. Генеральный план соседнего города Кармана выполнен УзНИИП градостроительства в 1988 г. и до 1999 г. этот город являлся центром Навоийского района. В республике несколько замедлился рост городских поселений, демография населения изменилась к сокращению рождаемости, в жилом фонде увеличилась доля индивидуального малоэтажного строительства. Доля 1–2-этажной жилой застройки увеличилась с 23% до 53%, расширив селитебную территорию от 33% до 55% и снизив плотность в ней. Поэтому созданы два планировочных района: Навоийский из четырёх жилых районов и Карманский из трёх жилых районов. Навои обеспечен социальными объектами — детскими садами и школами, лицеями, клубами и кинотеатрами, библиотеками — от 65 до 160%. Обеспеченность же Кармана низка, поэтому развитие этого района приоритетно. Жилищное строительство в этом планировочном районе преимущественно 1–2-этажное; предусматриваются реконструкция центра на пересечении улиц Кармана и Бабура, сохранение и реставрация памятников архитектуры, вывод основных магистралей к пойме реки Зеравшан. Для укрупнения планировочной структуры принята двухступенчатая система учреждений повседневного и периодического обслуживания. Повседневные учреждения микрорайонов находятся в 400–500 метрах пешеходной доступности. Периодические же в центрах планировочных районов и города призваны обслуживать также и население области.

Индустриализированным средним городом стал Зарафшан. После периода интенсивного формирования производства и первой очереди селитбы, этот город переходит к умеренному развитию в составе Зарафшанской групповой системы населённых мест. Вместе с этим нормативная некогда ширина большинства городских магистралей ныне не соответствует возросшему автомобильному движению, и в часы пик возникают заторы и аварийные ситуации. С первой половины 1990-х гг. пригородные территории у железнодорожной станции внепланово застроены прибывшими сюда в поисках работы жителями Тамдынского района. Это поселение Янги Зарафшан, в 2002 г. включённое в границу города. Как и в Навои, ликвидация в Зарафшане планировочными средствами социальных различий между двумя районами является первоочередной задачей. Генеральный план выполнен в 2006 г.

221

222

Госархитектстроем и ОАО Узшахарсозлик ЛИТИ (Абдуллаев Б.У., Соколова Е.В., и др.). Первая очередь — 2015 г., расчётный срок — 2030 г. Численность населения 59,00 тысяч человек в 2008 г., и 80 тысяч человек на расчётный 2025 г. Основная селитебная зона развивается на северо-восток, где в конце периода сформируется второй жилой район и его центр. Параллельно и к западу от селитьбы, за санитарной зоной, развивается коммунально-складская зона. Периферийные многоэтажные дома защищали первые жилые районы города от зноя и пыли пустыни. Теперь же, со стороны неблагоприятных ветров размещаются кварталы индивидуальной одноэтажной жилой застройки. Микрорайонам тоже характерна компактная и замкнутая планировка с высоким уровнем благоустройства. Их защищённые от ветра и пыли центры связаны между собой озелёненными пешеходными бульварами. Небольшие городской и районные парки тоже размещены внутри жилых образований. В Янги Зарафшане также внутриквартальные площадки отдыха соединены озелёненными пешеходными улицами. Центральная улица имени Амира Темура сформирована жилыми домами граничащих микрорайонов, а также медицинским и учебным комплексами и др. Жилищное строительство в микрорайоне 12 осуществляется многоэтажным, существующие микрорайоны уплотняются, индивидуальная застройка ведётся в обоих городских районах. 1–2-этажные дома Янги Зарафшана и микрорайонов 13 и 14 составляют 67% первоочередного жилищного строительства.

Институт Тошкентбошплан ЛИТИ расширил Схему генерального плана города Ташкента и его пригородной зоны на период до 2015 г. до 42,5 тысячи гектаров в пределах внешней кольцевой автомагистрали. Здесь, в пригородном зелёном поясе с местами отдыха населения предусмотрены города-спутники Ташкента. В систему городских улиц вводится сеть из семи магистралей непрерывного движения с пропускной способностью в пять раз выше, чем у магистралей общегородского значения. Система общественного транспорта, метрополитена и скоростного трамвая вберёт не менее 70% пассажиропотока для уменьшения потоков индивидуальных автомобилей. Повысится эффективность использования территорий, интенсификация их застройки, уплотнятся функции. 60% жилищного строительства планируется на свободных территориях и 40% — на реконструируемых. Уменьшена доля 9–12-этажных и увеличена доля 3–4-этажного жилья. В Себзоре, исторической *даха* Ташкента, расширяются и спрямляются «стволовые» улицы для выборочной реконструкции жилой застройки, обустройства ирригационной сети и благоустройства (6). Возводимые вдоль основных улиц города многоэтажные секционные жилые дома с улучшенной планировкой решаются по требованиям заказчиков, объединённых Узжилсбербанком. Микрорайоны с малоэтажной индивидуальной жилой застройкой построены в Юнусабдском районе (Хасанбой-1 и Хасанбой-2), жилым массиве Урикзор Учтепинского района и др. (7). Тошкентбошпланом ЛИТИ в 2010 г. завершены генеральные планы городов Ангрэн, Тойтепа, Пскент и Достобод (Солдатское) до 2035 г. В одноэтажной массовой застройке — не сетка улиц, как прежде, а структурные магистрали вынесены из центров городов. Разработаны схемы магистралей городского и внешнего транспорта; инженерной подготовки территорий; планировочных ограничений. Тошкентбошпланом ЛИТИ и Узшахарсозлик ЛИТИ выполнены схемы районной планировки областей, Концепция градостроительного развития и генеральный план Самарканда, проекты Чимган-Чарвакской зоны отдыха, Генеральная схема расселения на территории Республики Узбекистан, а также работы по законодательному и нормативному регулированию градостроительной деятельности.

Введение частной собственности на землю усложнило территориальное управление в градостроительстве, и к двадцатилетию независимого развития в Узбекистане, как и в других странах СНГ, назрели схожие градостроительные проблемы. Первая проблема проистекла из

невозможности бюджетного финансирования проектов планировки отдельных территорий, административных районов и сельскохозяйственных предприятий; в результате прежде системный выпуск градостроительной документации нарушился. А градостроительная документация Российской Федерации в новых условиях была признана излишне многоступенчатой для Узбекистана. Не разрабатывались и проекты детальной планировки с их линиями планировочного регулирования, красными линиями застройки, водоохранными зонами, зонами охраны историко-культурного наследия, функциональным зонированием и так далее. Поэтому земли для строительства отводились без проектов детальной планировки. Второй проблемой стала разобщенность прогнозирующих и планирующих структур. Прогнозы и планы осуществляются разными ведомствами, без увязки концепций, сроков и расчётных параметров. Возникла необходимость надведомственной структуры, ответственной за комплексное развитие областей, поскольку в новое время были пересмотрены приоритеты и детали проектов на первую очередь и на расчётный срок строительства. Третьей проблемой стали нормы градостроительства. Излишне стандартизованные и второстепенные, они не предоставляли действительно необходимого. В результате никто не знал, как выгодно или невыгодно расширяться городу, развивать ту или иную его функцию, планировочную структуру, тот или иной вид транспорта и так далее. Всё это следует исследовать, и результаты представить в виде методических руководств и рекомендаций. И четвёртой проблемой были признаны градостроительные концепции (системы взглядов) и кодексы (системы законов), разрабатывавшиеся с обретением независимости странами СНГ. В концепциях и кодексах положения обобщены и абсолютны. Ведомственные же документы и административные решения юридически относительны. Поэтому предлагалось дополнить Градостроительный кодекс юридическими нормами. Это закрепило бы градостроительные решения, взаимоотношения, процедуры. То есть необходимо Градостроительное право, могущее предоставить специалистам правовую грамотность (8). Переработка Градостроительного кодекса признана необходимой и в Российской Федерации в части территориального планирования, зонирования территорий, разграничения полномочий между государственной властью и муниципалитетами. Исходя из Градостроительного кодекса, предложено принять законы по таким разделам градостроительной деятельности, как реконструкция, агломерации, макрорегионы, исторические города, муниципальные округа, пригородные зоны (9). То есть кодексы как законы должны предоставлять нормы для принятия на уровнях: государства — ведомства — муниципалитетов — специалистов.

Нормы обеспечивают градостроительство связь со вчерашней мудростью ради точности завтрашних успехов. Во времена перемен нормы забываются, поскольку создававшая их исследовательская деятельность прекращается. И градостроительство осуществляется методом проб и ошибок. Затем наступает время, когда для определения оптимальных решений призывается новое поколение. И действует оно, во многом изобретая велосипед. Вот почему для эффективности ожидаемых исследований, методических руководств и рекомендаций полезно принять во внимание следующий опыт кануна и первого десятилетия независимости.

Результаты проводившихся накануне независимости научных исследований были в 1994–2008 годы нормированы и утверждены Госкомархстроем и Архитектурно-градостроительным Советом при Кабинете Министров Республики Узбекистан. Строительными нормами и правилами по градостроительству 1994 и 2003 гг. нормирован, и Концепцией градостроительства Узбекистана 2001 и 2008 гг. утверждён радиус 1500 метров жилых районов (10, 11, 12, 13). Этот радиус выведен из параметров исторических городов. Соблюдение таких параметров называется международными организациями по охране наследия UNESCO, ICCROM и ICOMOS первостепенным при обеспечении доступностью и обслуживанием (14). Города Евразийского коридора исторически сложились по писаным правилам 10–15-минутной нормы прохождения пешеходом дистанции

1200–1500 метров. В XX в. 10–15-минутную норму обнаружили и на транспорте. Закономерность назвали свойственным биологии человека самоограничением, существовавшим всегда по мере перехода пешеходов к транспорту. Эти два вида передвижений формируют город, важно контролировать их нормы, то есть осуществлять мониторинг в исторических и новых районах. Наши Строительные нормы и правила ввели радиус 1500 метров и 15-минутную езду на транспорте при размещении объектов обслуживания, и рекомендуют каркас города из центров: общегородского, планировочных районов и на остановках транспорта (15). Повседневные объекты размещаются в 350–500 метрах от жилья, периодические (раз в неделю) — в 1500 метрах пешком или в 15-ти минутах на транспорте, эпизодические объекты (несколько раз в год) — в 20–30 минутах на транспорте. А от остановок транспорта объекты регулярного посещения размещаются не далее 100–150 метров, нерегулярного посещения — не далее 200–500 метров. Радиусы следует выверить в экспериментальном проектировании застройки районов для внедрения затем в практику градостроительства.

Сегодня стоит задача определения в этой современной триаде места для нашей исторической триады: *махалля* — *гузар* — *даха*. *Махалля* с радиусом обслуживания 150–200 метров; *гузар* без фиксированного радиуса, но на пересечении улиц нескольких *махалля* общей численностью 4–10 тысяч жителей; *даха* при радиусе исторического города 1500–2000 метров. С этой целью Строительные нормы и правила 1994 г. рекомендовали введение махаллинских центров; одновременно началось строительство и гузарных центров. Жилые комплексы *махалля* на 300–2000 человек рекомендовались для сельских населенных мест; в городах же «жилые образования могут приобретать форму *махалля* в зависимости от различного этнического состава населения» (16). Нормы 1994 г. рекомендовали махаллинский центр из этнографических чайхан, очагов национальных блюд и площадок для отдыха, но, очевидно, что он должен включать многое и из современной жизни, что, кстати, имеет место на практике.

Планировочные понятия каркаса и ткани остаются сегодня градоформирующими. Вдоль транспортного каркаса города распространяются зоны центральности, в пределах которых образуются районные и прочие общины. Все они пешеходны. Эти пешеходные модули на перекрестках каркаса и в его ткани способствуют выработке устойчивых градостроительных моделей. А это — шаг к целостной и дальновидной градостроительной политике вместо сиюминутной практики уплотнения застройки в пределах существующих сетей улиц.

Практика уплотнения

Города Узбекистана спланированы общинами для всего мира концепциями XIX–XX вв. и потому в начале XXI в. испытывают следующие, общие с миром, проблемы градостроительства.

Улично-дорожная сеть неэффективна из-за приращения к ней улиц периферийных районов при отсутствии обновления системы общегородских магистралей. В результате центры городов находятся на пределе пропускной способности, а уличная сеть периферийных районов развита недостаточно (17). Иначе говоря, улично-дорожная сеть не успевает за ростом городов. Москва отстаёт от зарубежных мегаполисов с их плотностями уличной сети: в Лондоне 9,3 км/кв. км, в Токио — 10,6, в Нью-Йорке — 12,4, в Париже — 15, и в Москве — 5,5 км/кв. км (18).

Магистрали перегружены из-за норм, устаревших при нынешней автомобилизации и возросшей миграции в города. Днём в центральном планировочном районе Москвы скорости снижаются, растягивая время поездок. В Узбекистане возросшая в 2–3 раза автомобилизация направила 30% транзита через центральные зоны городов и 50% транспортных потоков предполагаются на ещё не осуществлённые магистрали непрерывного движения (19). Поэтому нормативная в XX в. ширина магистралей в XXI в. способствует заторам и авариям.

Магистрали трассированы безотносительно к ближайшим территориям, обстраиваются непланировавшимися объектами и перестают, поэтому, соответствовать своему назначению. В Москве обстройка магистралей скоростного движения торгово-развлекательными комплексами (ИКЕА, АШАН, ОБИ, МЕГА) вызывает километровые пробки. Скоростные магистрали следует дублировать обслуживающими. В обслуживающие магистрали специалисты в Москве предлагают превратить некоторые внутрирайонные улицы, параллельные скоростным. Это аналогично планировке темуровского Самарканда, где радиальные городские улицы дублированы параллельными им внутриквартальными. Дублирование главных в системе расселения направлений следует предусматривать на ранних стадиях планировки.

Застройка переуплотняется, поскольку строить новое инвесторы предпочитают в центральных районах и ближайших пригородах с развитым транспортом и социальным обеспечением. При этом вырубаются зелёные насаждения и переуплотняются и без того плотно застроенные при Советах территории. В результате плотность населения Москвы — наивысшая среди развитых европейских и азиатских столиц, выше плотности Нью-Йорка, и одна из самых высоких в мире: свыше 10 588 чел./кв. км (20). Переуплотняет

также транспорт, занимающий все пешеходные пути. Для его сооружений (ав-

тозаправки и пр.) засыпаются водоёмы и застраиваются парки. Постановление «О мерах по наведению должного порядка в проектировании и строительстве объектов социального и гражданского назначения», подписанном Президентом Республики Узбекистан И. А. Каримовым 27 декабря 2011 г., предусматривает необходимость «привлечения к ответственности, вплоть до уголовной, категорически

запрещает размещение, проектирование и строительство отдельно стоящих объектов производства, торговли, общественного питания, сервисного обслуживания и рыночной инфраструктуры, не предусмотренных утверждёнными генеральными планами, на территории завершённых строительством массивов, жилых многоэтажных микрорайонов (кварталов)» (21). Уничтожение на территории Москвы парковых объектов констатировал 20 января 2012 г. премьер-министр РФ В. В. Путин. Поэтому, решили, что парк в 13 га, вместо гостинично-офисного центра Плаза на месте сносимой гостиницы Россия, «не усугубит транспортную ситуацию» (мэр С. С. Собянин) и «раскроет вид на Кремль» (В. В. Путин).

«ложившуюся улично-дорожную сеть следует сохранять», — рекомендуют специалисты транспортники, — а новую сеть магистралей создавать вне уровня земли и вне застроенных территорий: над железными дорогами, над природными комплексами и охраняемыми зонами, на неудобных землях. Генеральный план Москвы до 2025 г. предусматривает такие внеуличные и с ограниченным доступом, то есть платные, магистрали над железными дорогами и сохраняемыми сетями улиц (22).

Региональные экспрессы метрополитена Москвы проектируются по скоростным диаметрам и хордам 1971 г. Плотность линий метро на 1 кв. км территории составляет в: Париже — 2,8 км, Лондоне — 1,21, Нью-Йорке — 0,5, в Москве — 0,26. Соответственно, пассажиронапряжённость (отношение годового пассажиропотока к общей длине линий метро) составляет: в Лондоне — 1,5 млн пасс/км в год, Нью-Йорке — 2,6, Париже — 4,

Москве — 13,8. То есть в московском метро самая высокая в мире частота движения. Напряжённость в метро снизят развитие его сети и увеличение плотности. Мегалополисы с населением 3–10 млн и более (Сан-Франциско, Вашингтон, Париж, Мюнхен, Токио) строят региональные экспресс-метрополитены. Скоростью 70–82 км/ч они превосходят метро (41 км/ч) и пригородные железные дороги (40–50 км/ч). ЦНИИП градостроительства рекомендует региональные экспресс-метрополитены для городов свыше 2 млн человек с дальностью от городской границы до 30 км, и от центра города до 100–200 км (23). В генеральном плане Ташкента

226,
227

228

запроектированы семь магистралей непрерывного движения с пропускной способностью в пять раз выше, чем у магистралей общегородского значения. Для системы расселения необходимо дублировать их линиями регионального экспресс-метрополитена.

Разуплотнение города за счёт расширения его площади и создания рабочих мест на периферии решает его проблемы с XIX в. Дальности возникающих при этом маятниковых миграций в Москву превысили в 2008 г. её площадь в 2–2,5 раза. Московская агломерация планируется до 20–25 км от Московской кольцевой автомобильной дороги, а в перспективе — до 50 км от МКАД (24). Переуплотнение радиально-кольцевой планировки, которую Москва постановила в XX в. для всех советских городов, усугубило её неэффективность. За решением Москва обратилась к зарубежным специалистам. Созванный 7–9 декабря 2011 г. Московский международный урбанистический форум был призван дать глобальные решения для российских городов. В самом начале форума опрос его участников обнаружил в качестве важных для городов их пригодность для жизни и их транспортную эффективность. Был также проведён опрос по важной проблеме размещения делового центра Москвы. Из трёх вариантов его размещения — в центре, по городу, и на периферии — три четверти опрошенных предпочли второе, то есть то, чего переуплотнённая Москва уже не может себе позволить: с 1 июля 2012 г. её расширяют в 2,4 раза. Согласно генеральному плану 2012 г., Москва вырастет не равномерно по своей периферии, как до этого росла её агломерация и как это происходит со многими столицами, а в одном направлении: на юго-запад. Отклонён проект Москвы на северо-запад, предлагавшийся проектом Н. А. Ладовского 1929–1930 гг. и подтверждённый опорным планом роста Москвы 2011 г. Вместо них Москва займёт сектор между радиальными Варшавским и Троицким шоссе, вплоть до границы с Калужской областью. На этом слабо урбанизированном юго-западе намечено размещение международного финансового центра и инновационного центра Сколково. На «присоединённых территориях», как их определил 9 апреля 2012 г. президент Д. А. Медведев, будет малозэтажное жильё вдоль скоростной магистрали к Москве. То, что юго-западный сектор превышает площадь Москвы и рассматривается как «присоединённая территория» без обоснованной концепции выращивания вызывает сомнения относительно принимаемых мер. «Говорили же, что Москва не резиновая, и вот смотри — лопнула!», — съязвила 13 апреля 2012 г. популярная телепередача «Прожекторперисхилтон». «Присоединять территории» к мегагороду, наращивая протяжённость улично-дорожной сети и уповая на малозэтажный дезурбанизм сейчас нонсенс. Необходимы: ясно выраженная урбанистическая концепция, новые виды общественного транспорта, новые принципы территориальной планировки. Категории и параметры улично-дорожной сети следует определять во взаимосвязи с разработкой планировочных единиц, которые служили бы модулями роста.

Таким образом, советские нормы не выдержали нынешнего роста городов, их переуплотнения и их выхода далеко за пределы кольцевых дорог. Улично-дорожная сеть и застройка городов деградировали, и переуплотнение стало предметом постановлений президентов стран СНГ. Стали необходимы новые решения плотности застройки и плотности магистралей, которые определяют структуру и рост городов. И решаются они планировочными единицами — градостроительными модулями.

Поиски модуля

Города растут не механическим наращиванием территорий, а наследованием присущих только им морфологии и типологии в новых планировочных единицах — модулях, то

229

230

есть стандартах территорий с конкретными единицами измерений. И приверженность модулям была характерна для градостроительства XX в. В начале века исторические морфология или типология отвергались, и города — в виде линии — следовали направлению промышленного конвейера. Туркменскую столицу Чарджоу 1931 г. Ассоциация революционных урбанистов (АРУ) спроектировала вдоль технологической линии по сбору и переработке хлопка. Основатель АРУ Н. А. Ладовский в 1929–1930 гг. (25) «согнул» линейный город в виде параболы и по её оси, вдоль линии метро, предложил рост центра Москвы к Ленинграду. Таким непрерывным полосам роста Ле Корбюзье предпочёл прерывистый рост Москвы 1930 г. в виде районов-модулей. И, действительно, новые города-модули от 10–25 до 60–120 тысяч жителей росли со второй половины XX в. в 20–40 км от Стокгольма, Лондона, Праги, Будапешта (26). В Парижском районе совместили как непрерывный, так и прерывистый рост: новые города здесь расположены в двух полосах роста по сторонам французской столицы — аналогично проекту Н. А. Ладовского.

Дезурбанизм начался с конца XIX в. городами-садами вокруг Лондона, а прогрессировал он в XX в. в США в три этапа. По государственной программе 1930-х гг. после Второй мировой войны усилилось строительство жилья в пригородах (27). И пропагандист дезурбанизации Ф. Л. Райт предложил для каждого американца один акр земли (64 x 64 м): «Будь естествен как дерево в лесу или трава в долине, брось неразбериху городской коммунальной жизни, и на новых землях возроди дух демократии и созидательную цивилизацию» (28). Программа по прокладке с 1956 г. магистралей между штатами вынесла в пригороды 1960–1970-х гг. и торговые центры. А с 1980-х гг. в пригородах возникли и градообразующие предприятия так называемых *edge cities*, — расположенных на периферии авангардных городов. Так, начавшись с дезурбанизма, возник новый урбанизм качественной жизни на новых территориях.

231

232

У авангардных *edge cities* были предшественники в истории: Венеция тоже возникла в результате бегства предприимчивых людей из городов-коммун Италии, чтобы превратиться в динамичный город купцов и товаров. А через пару веков мигранты из Старого Света основали Нью-Йорк — воплощение урбанизма. Авангардные города — это не города-спальни: в них солидные арендуемые площади офисов и розничной торговли, и с 9:00 утра они оживают как места работы (29). Из истории займствуются и параметры *edge cities*.

Ещё в 1933 г. географ В. Кристаллер выявил расположение в Южной Германии вокруг крупных городов пяти типов поселений в 4 км, то есть в 1 часе пути пешком. В истории максимально предпочитаемым временем передвижения были 45 минут: в Стамбуле XVI в. человек проходил 4,83 км от периферии к центру города за 45 минут. Поэтому в *edge cities* США тоже ищут 45-минутную доступность дома и работы (30). В Европе, однако, доказывают формирование Стамбула окружностями радиусом 3 км (31). Максимальная пешеходная дистанция в европейских городах — 3 км за 40 минут, предпочтительная же — 750–1200 метров за 10–15 минут (32). В США 10 минут — это средняя продолжительность поездок (33). От ходьбы там давно отвыкли: в американском варианте английского языка слово *pedestrian* (пешеходный) означает также банальный, скучный, тупой. Потому максимальная пешеходная дистанция в *edge cities* США — 465 метров (34), то есть чуть более радиуса 400 м от жилых до общественных зданий в новых городах Европы (35). Таким образом, вполне определённые параметры модуля, пешеходного и транспортного, определяли и определяют планировку городов мира.

233

Недостатки советской радиально-кольцевой планировки усилили поиски для городов других моделей, то есть образцов плана. И регионализм, набиравший силу во всём мире со второй половины XX в., обнаружил такую полезную модель города в Узбекистане.

Модель Хивы, исторического города Узбекистана, была использована японскими специалистами для Астаны — новой столицы Казахстана. До обретения независимости, видеть Среднюю Азию японцам мешал советский «железный занавес». В Исследованиях исламского градостроительства (1994 г.) доцент Токийского университета зарубежных исследований Хисао Комацу сетовал по этому поводу: «Хотя Средняя Азия важна на востоке исламского мира, всё же очень мало известно о достигнутом там в области исследований городов» (36). В международном конкурсе на генеральный план Астаны приняли участие зодчие 27 стран. В феврале 2000 г. работа была начата исследовательской группой Японского агентства по международному сотрудничеству (JICA), возглавлявшейся Кишо Курокавой (1934–2007 гг.), который стал почётным членом Союза архитекторов Казахстана и советником премьер-министра республики. Кишо Курокава считал функционализм Кендзо Танге механистичным, и потому проповедовал регионализм, но не замкнутый, а открытый миру. Вдохновляясь метаболизмом (от греческого *metabole* — изменение), то есть обменными процессами в живых организмах и их клетках, Курокава развивал похожие процессы и формы симбиоза в архитектуре и градостроительстве. Такими стали, например, промежуточные пространства *engawa* между частным и общественным (37). Курокава считал главным не форму, а рост города и место человека в этом процессе: «Жители воспринимают город как пешеходы и форма города им не важна, ибо она меняется. Город — это набор многих составляющих, поэтому я проектировал Астану не как завершённое целое, а как способный к росту город. Органично разрастающиеся города являются выражением метаболизма, за ними — будущее. Поэтому нам следует переориентироваться с генерального плана в его классическом смысле на систему организации процессов, исходящую от самого общества и гибко реагирующую на перемены. Открытый в своей планировке город можно развивать в любом направлении — и тогда новые районы не будут ему чужеродными» (38).

Радиально-кольцевым городам, переполненным транспортными пробками, Курокава предложил попеременный линейный рост, обнаруженный им в Хиве. Модель такого роста исторического города Хивы была выведена доктором архитектуры И. И. Ноткиным и опубликована в Узбекистане (39) и затем в Гарвардском университете США. Модель отражает процесс попеременного приращения (*incremental process*) к городу в его в широтном и меридиональном направлениях новых и новых территорий. В Хиве это было зафиксировано её планами 1740, 1842 и 1873 гг. Этим модель Хивы и стала ценной альтернативой несостоявшейся радиально-кольцевой планировке. Астана была спланирована русскими в конце XIX в. как Акмолинск, и росла на восток и запад между рекой Ишим на юге и железной дорогой на севере, за которой была промышленная зона. Теперь же, согласно идее метаболизма, город разрастается линейно в попеременных, то есть взаимно перпендикулярных, направлениях. К 2030 г. территория столицы вырастет до 710 кв. км. При детальной же планировке Астаны, от модели Хивы перешли к модулю районов: улично-дорожная сеть развивается на основе модуля из районов с микрорайонами (40).

Пока модель Хивы применялась в Астане, Япония предприняла исследование ценностей и образа жизни жителей городов в Узбекистане. Оно было проведено в 2003 г. Институтом восточной культуры Университета Токио в рамках более широкого опроса о ценно-

234

235-237

стях и стилях жизни в городах Азии. Опрос в Узбекистане привёл к следующим выводам.

Узбекские родители прежде всего желают детям — и сыновьям и дочерям — заботиться о семье. Самой важной ценностью, по результатам опроса, большинство наших соотечественников назвали семью, и далее, среди важных, были названы родственники. Вслед за этим, в убывающем порядке, но очень близко в процентном отношении, среди важных ценностей названы: место работы, место детства, *махалля*. Вывод: ценности и образ жизни узбеков сосредоточены в семье и родственниках, они также привязаны к понятию места: работы или детства. Таким образом, все названные ценности объединяются понятием места, чаще всего места проживания, а именно — *махалля* (41).

Как развитая страна, первой сталкивающаяся со многими мировыми проблемами и, к тому же, первой находящая им эффективные решения, Япония и проблемы градостроительства видит под другим углом и решает их иначе, чем Запад. Поэтому Япония и принимает в последние десятилетия международные программы по обмену опытом, пропаганде своих достижений и предложению своей помощи регионам, как правило, Азии. Двумя выделяющимися приоритетами в действиях Японии являются экология и общины. Архитектурный институт Японии (AIJ) с 1999 г. организовывал серии программ по международному сотрудничеству «Форум по международной политике в области роста и охране городов в Евразийском коридоре». Форум проводился в разных странах, в том числе в 2005 г. в Самарканде, и Узбекистан был представлен также на конференции в Стамбуле 2010 г. «VIII в. для достижения благосостояния обществ будет необходимо исправить и регулировать созданное человеком окружение. Важно охранять окружающую среду и управлять ростом городов. Они растут быстро, необратимо воздействуя на окружение, прежде всего выбросами углерода — неметаллического химического элемента, содержащегося в угле, коксе, древесном угле, саже. Необходимо сотрудничество развитых и развивающихся регионов мира. Национальные скоростные системы транспорта, — продолжает профессор Университета Саппоро Мияки Риичи, исходя из опыта Японии, — привели к обратному результату: к концентрации нескольких развитых городов-ядер и к спаду остальных крупных городов. Усложнились землепользование и управление общинами. Для обновления обществ важны системы их общин. А для установления общей политики в области окружающей среды необходимо международное сотрудничество на основе местной самобытности» (42). «Экономическое развитие вносит новые функции в городские общины, и их культура может стать при этом благотворной. Новое раскрывает общины в окружение, активисты же общин стараются оторгнуть их чрезмерное развитие. В Токио внимательное отношение к проблемам общин помогло поддержать местные традиции. Местное должно стать приоритетом, его надо защищать и лелеять, поскольку именно в нём — путь к обновлению города силами его горожан» (43). Так, в действиях Японии прослеживается эффективная последовательность для решения проблем градостроительства на трёх важных уровнях: современном — региональном — местном.

С 2008 г. правительство Японии поощряет экологичные и компактные города, а с 2010 г. разработаны передовые технологические и градостроительные модели для новой социально-экономической системы, ознакомиться с которыми в феврале 2012 г. были приглашены представители двух десятков стран, включая Узбекистан. Исходя из новых приоритетов, созданы «городские прототипы» для планировки. Разработана «Всеобъемлющая система оценки эффективности городской среды» (*Comprehensive Assessment System for Building Environmental Efficiency — CASBEE*): для здания, комплекса, района, города, а также для продвижения на рынке и для оценки собственности. Экологичный и компактный город осуществляется посредством эффективных жилых районов. Их жилые дома снабжа-

ются энергией из предприятий, питающихся энергией солнца и ветра. Для сейсмоопасных зон разработана модель самодостаточной городской общины с мерами предупреждения и противодействия катастрофам, сетью медицинской помощи, собственной системой энергоснабжения и своей промышленностью. В компактных городах дистанции коротки и плотность высока, поощряются пешеходное движение и езда на велосипедах, потребление энергии снижено, загрязнения сокращены, и людям обеспечена безопасность. В них восстанавливается престиж общин и местных связей. Для экономии энергии дома одиночек неэффективны, поэтому они проживают в коллективных домах со своей системой отопления и электричества. Поздние браки, падение рождаемости, стремление молодых жить отдельно от родителей и отчуждение при этом старших по возрасту разрушают не только семейные, соседские и общинные связи, но и сам дух нации. Поэтому в компактных городах старшие по возрасту, семьи с детьми и студенты живут вблизи для взаимопомощи. Старших по возрасту обслуживают в городском и общинном центрах и на дому.

239,
240

Япония — как до неё и США — использует методы дезурбанизации для того, чтобы прийти к урбанизации нового типа. Образец компактных экологических городов — город-сад с населением в один миллион жителей. При этом новые города США и новые районы городов Китая признаны Японией не учитываемыми проблем людей старшего возраста. Предоставляя жизнь в пешеходной общине на лоне природы, районы компактных экологических городов облегчают старшим по возрасту доступ к общественному транспорту: на станциях транзитного скоростного транспорта сосредоточены их учреждения здравоохранения и социального обеспечения, торговли и бизнеса, а также правительственные учреждения. То есть, в сравнении с новыми городами США и Китая, в компактных экологических городах Японии ясно выраженная пешеходная община эффективнее подключена к сети скоростного транспорта. Над станциями и перекрёстками транспорта в городах Японии уже строятся пешеходные кольца, облегчающие связь пешеходных районов с сетью городских магистралей. Формирующиеся таким образом на перекрёстках зоны центральности, вместе с зонами общин внутри межмагистральных территорий, обеспечивают гармоничный и открытый рост города.

Эти прогрессивные новшества в корректировке Японией мирового градостроительства актуальны для решения центральных и жилых районов в обновляемых городах Узбекистана. Составной частью наших жилых районов являются *махалля*, которые рассматриваются у нас как базис социальной сплочённости и государственности, что весьма близко понимание общин в Японии. Наши жилые районы получили в период независимости новый радиус обслуживания и теперь нуждаются в детализации планировки и застройки. В проекте К. Курокавы для Астаны эта задача провозглашена, но не разработана детально. Модель территории, учитывающей традиции местного образа жизни, важно определять в сети магистралей города. На рубеже 1980–1990-х гг. оптимальным был выявлен район с радиусом 1500 метров, который и был нормирован. Район такого размера снижает плотность магистралей с нынешних 3,9 до 2,9, а среднее время трудовых передвижений — с 48–50 мин. до 25,7 мин., предпочитаемым же временем передвижения пешком и на транспорте являются 10–15 мин., следовательно, сеть нужно совершенствовать. Главные показатели города — плотность и время — зависят от его модуля. А модуль определяется параметрами — пешеходными радиусами доступности и транспортными полосами доступности. Эффективность города выражают показатель протяженности магистралей на квадратный километр и затраты времени и энергии на пешеходные и транспортные передвижения. Следовательно, от состыкованности пешеходной сети района и транспортной сети города зависит время передвижений. Важно предопределять закономерное расположение функций в простран-

241

стве города и следить за «созреванием» его сети районов и магистралей. Важно уметь управлять образцами, величинами и ритмами этого процесса, детализировать модель в номенклатурах планировочных структур. Градостроительству ближайшего будущего предстоит заняться этой детализацией.

СОХРАНЕНИЕ ГОРОДОВ

Не взрыв, как в 1917–1933 гг., не ограничение, как в 1934–1954 гг. и не реконструкция, как в 1955–1990 гг., — а сохранение исторических городов стало с 1991 г. целью государственной политики Республики Узбекистан. Переоценка градостроительных методов XX века ради выработки цельной методологии охраны и реконструкции стала необходимой для 20 исторических городов Узбекистана. В существующих Строительных нормах и правилах раздел Охрана памятников истории и культуры рекомендует их градостроительную охрану. Раздел следует расширить рекомендациями градостроительной науки Узбекистана о свойственных историческим городам закономерностях планировки. После целого века отрицательного отношения Советов, исторические города нуждаются в сохранении в качестве преобладающе пешеходного района в сети городских магистралей. Рассмотрим последовательно три типа объектов охраны: археологические заповедники, города-заповедники и активно функционирующие исторические города.

Раскопки древнейших городищ начала нашей эры ведутся в Республике Узбекистан с археологами Германии, Италии, Японии, Франции и других стран. Только в 2000 г. такие международные группы работали на городище Дальверзинтепа, буддийском комплексе Каратепа в старом Термезе и древнем городе Кампыртепа в 20 км от современного Термеза. На раскопках вскрыты цельные пласты, свидетельствующие о происхождении у нас городской культуры. Вместе с этим задача консервации и экспозиции археологических участков как заповедников не ставится даже на всемирно известном Афросиабе в непосредственной близости к историческому Самарканду. Археологические участки нуждаются в консервации, последующей реставрации и музеефикации для населения и туристов. «Этим древним памятникам, больше всего нуждающимся в защите, Министерство по делам культуры и спорта всё ещё недостаточно уделяет внимания» (1).

Несколько десятков городов-заповедников Узбекистана занимают среднюю позицию между археологическими заповедниками, не включающими в себя современную жизнь, и историческими городами, развивающимися с современной жизнью. Сохранности городов-заповедников способствует их планировочная обособленность от современности. В Хиве это — обнесённая оборонительной стеной Ичан Кала, единственный сохранившийся в Средней Азии *шахристан*. В план реконструкции Ичан Калы в 1980–1990 гг. было включено проведение водопровода, канализации, электричества и телефонизации со строительством комплекса десяти малоэтажных жилых домов на юго-востоке. Мавзолей Саида Оловуддина начала XIV в. расчистили от культурных наслоений, реставрировали и благоустроили. Большие работы проведены в Джума-мечети. Медресе Матниёз Девон Беги и Мухаммад Аминхана приспособили под гостиницу, и двор первого покрыли для ресторана. *Медресе, тим и караван-сарай* Аллакулихана после реставрации заняла торговля. *Медресе* Матрасулбая приспособлено для народных ремесел. На территории внешнего города Дишан Кала расширен общественный центр. Новые здания контрастны масштабам и стилям исторических зданий, а традиционные жилые дома почти все перестраиваются (2). Помимо этих оценок узбекистанских специалистов, их зарубежные коллеги тоже указывают на важность не унификации, а сохранения каждой планировочной или архитектурной особенности. Город-заповедник слишком отреставрирован, считают они, обезлюдел и,

следовательно, нуждается в наполнении жизнью. Поэтому вычищенную новым градостроительством и нивелированную реставрацией Ичан Калу западные туристские путеводители по Узбекистану назвали в конце 1990-х гг. «витринным городом без души» (3). Требования консервации, реставрации и музеификации, жесткие в археологических заповедниках, смягчаются в городах-заповедниках и становятся вовсе либеральными в активно развивающихся исторических городах. Между тем они все подлежат классификации и включению в целостную систему охранных мер.

Исторические города сохраняются согласно Республиканскому закону об охране памятников, связанному с международными нормами. Международная связь в советское время осуществлялась посредством Всесоюзного закона об охране памятников. Памятники архитектуры Узбекистана входят в поле деятельности международных организаций, таких, как Международный центр по изучению сохранения и реставрации культурной собственности (ICCROM), Международный совет по памятникам и участкам (ICOMOS) и Организация ООН по образованию, науке и культуре (UNESCO). Разработанное ими в январе 1993 г. Руководство по управлению участками памятников общемировой культурной ценности содержит перечень участков мирового культурного наследия. В нём представлены и исторические города Узбекистана. В первые годы обретения Республикой независимости прежняя всесоюзная связь с международными нормами оборвалась, и Узбекистан не успел своевременно включиться в международные охранные организации. И ЮНЕСКО в 1993 г. озаботилась по этому поводу: «Со времени образования Содружества независимых государств не получена декларация Узбекистана о его вхождении или не вхождении в Конвенцию по мировому наследию» (4). Ныне республиканское законодательство совершенствуется в сотрудничестве с международными программами, и деятельность в этой области сверяется с международными стандартами. Руководство, изданное ICCROM, ICOMOS и UNESCO, а также предшествовавший ему Венецианский Устав предоставляют общую канву для разработки странами мира охранных законоположений по своим объектам культуры, в том числе архитектуры и градостроительства. В этом смысле Закон Республики Узбекистан об охране памятников следует привести в соответствие с Рекомендациями ЮНЕСКО 1976 г. по самосохранению и современной роли исторических зон. Поступая так, важно осознавать, что в международных документах приводятся самые общие принципы охраны. Методология же в деталях определяется Республикой и её специализированными институтами, и Министерство по делам культуры и спорта контролирует осуществление методологии в рамках закона.

Методология охраны со второй половины XX в. находилась в состоянии трансформации. Венецианский Устав 1964 г. разрешил, при недостаточности традиционных технологий, использовать для укрепления памятника современные технологии сохранения и строительства. Любая консервация, считал К.С. Крюков (1987 г.), переходит в частичную реставрацию: укрепление несущих конструкций в расчёте на сейсмические воздействия, создание водонепроницаемых покрытий кровель, восстановление облицовок. То есть реставрация не есть нечто статичное, её методы постоянно подвергаются усовершенствованию. Ещё более широкого взгляда на наследие потребовало его функциональное приспособление для современной жизни. По Л.Ю. Маньковской, «новым смыслом наполняются реставрационные работы с приспособлением памятников под музеи, выставочные залы, туристские гостиницы, учебные заведения, — то есть, учитывая их тип и функцию, не изменяя их структуру и эстетические достоинства. Объективная реальность диктует реставраторам методику, ранее исключавшуюся правилами строгой реставрационной науки: стилизацию, воссоздание копий в иных конструкциях или же перепланировку, зачастую с иной функцией» (5). В градостроительной же охране, детально разрабатывавшейся в 1970–1980-е гг.

в институте УзНИИП градостроительства, выявились четыре метода охраны: 1 — строгой градостроительной охраны, 2 — возрождения исторической застройки, 3 — визуального контроля исторической и новой застройки, 4 — высотного и функционального контроля исторической и новой застройки. Эти методы применяли к охраняемому зданию, кварталу или району, всей исторической застройки. В 1994–1995 гг. в Самарканде восстановлены четыре минарета Гури Амира с мавзолеем и медресе Рухабад. На реконструкцию в это время мавзолея Гури Амир и мечети Биби Ханым лондонский журнал Экономист отозвался статьёй, озаглавленной «Без бетона, пожалуйста», а академик Г. А. Пугаченкова назвала памятники «жертвами амбициозной реставрации»: «Главное достояние былых эпох — это донесённые до наших дней остатки подлинников, как бы незначительными они ни были» (6).

До обретения независимости консервация и реставрация памятников архитектуры следовали тому благоговейному отношению к руинам, которое установилось в европейских нормах с XVIII–XIX вв. В наше время, однако, добившиеся независимости страны стремятся не к сохранению руин, а к их возрождению. Биби Ханым, запрещённая к использованию в XX в. как мечеть, снова стала местом обращения к Богу. И вызов Темуридов: «Если сомневаешься в нашем могуществе — взгляни на наши постройки» — воплощают, естественно, не руины мечети, а её реконструируемые мощные объёмы, необходимые для независимой страны. От использования бетона, неизбежного при среднеазиатской сейсмичности, ожидают способности поддержать и восстановить облик памятника, не навредив работе его древних конструкций. С такой реставрацией в самом конце XX в. согласились и те, кто формирует на Западе общественное мнение об Узбекистане: «Каковы бы ни были мнения об этике и качестве реставрации, эти ведущиеся работы дают путешественнику потрясающий взгляд на темуровский центр Вселенной» (7). 2001 г. в странах СНГ стал временем инициатив по отношению к историческим городам. В России в этом году была принята федеральная программа «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов». В Республике Узбекистан по инициативе Президента был принят Закон «Об охране и использовании объектов культурного наследия». Государственной охраной было охвачено 7570 памятников истории и культуры (8). Вместе с этим «недостаточно обосновываются проекты реставрации и приспособления памятников, низко качество строительных работ, наблюдается злоупотребление современными строительными материалами, такими, как бетон и железобетон, культура эксплуатации памятников находится не на должном уровне» (9). В 2008 г., констатировали в России, «сорвано» выполнение принятой в 2001 г. федеральной программы Сохранение и развитие архитектуры исторических городов, инфраструктура большинства исторических малых и средних городов имеет крайне низкую степень обеспеченности инженерным оборудованием (10). Инженерная инфраструктура является важнейшей и в исторических городах Узбекистана. Обеспеченный современной инфраструктурой исторический город сможет стать составной частью динамического роста всего города. Всё это — насущные проблемы. С 1990-х гг., однако, градостроительное проектирование сокращалось, и мониторинг, то есть контроль практики прекратился. Выполнявшее эту работу научное подразделение в УзНИИП градостроительства было закрыто, а издававшиеся в 1990-е и 2000-е гг. Нормы и правила, а также Концепции градостроительства повторяли положения 1980-х гг., не поднявшись на уровень проблем новой жизни.

«Самарканд предлагает самое грандиозное, Бухара — самое разнообразное, Хива — самое однородное», — предлагает справочник по Узбекистану западному туристу (11). Реставрация памятников и частей города — недостаточна, — нужно наполнить жизнью опустошённый в прошлом веке Советами исторический город. Этому будет способствовать анализ функционального состояния его памятников, улиц и площадей и продуманное на-

существование их оживляющими функциями. Соответственно сложившейся морфологии наших исторических городов в каждом из них формируется своя методология охраны. Рассмотрим эволюцию этих методологий.

Ташкент

Необходимость сохранения улично-дорожной сети стала на рубеже XX–XXI вв. примечательным выводом специалистов по транспорту и новым магистралям городов. Важно сохранять сложившуюся улично-дорожную сеть, а новую сеть магистралей создавать вне уровня земли и вне застроенных территорий: над железными дорогами, над природными комплексами и охранными зонами, на неудобных землях. Такими внеуличными, с ограниченным доступом, магистралями над сохраняемыми существующими сетями улиц и над железными дорогами дополнены магистрали Генерального плана Москвы до 2025 г. (12). В этом отношении планировка исторической части Ташкента спрямила и расширила древние улицы, назвав их «стволовыми» для выборочной реконструкции жилой застройки. Сохранение улично-дорожной сети есть предпосылка к целостному сохранению города как памятника истории и культуры.

242-245

Самарканд

Целостности городов способствует сохранение закономерностей их исторически сложившихся пешеходных планов. В Самарканде и Ташкенте большинство махаллинских и узарных центров концентрируется в 700 метрах от их исторического ядра. В Ташкенте там проходила стена между его внутренним и внешним городами. Стены теперь нет, но остались улочки и центры вдоль неё, такие, как самый крупный ансамбль Хазрати Имом. В Самарканде тоже в таком радиусе проходят концентрические улицы с центрами, сохранившими истинно местный быт. Радиальные же улицы имеют в своём начале и конце центры городского значения, а посередине — такие махаллинские центры, как Ёмини и Мирзо Пулод (XV–XIX вв.) на Пенджикентской улице Самарканда. Радиальные улицы — это городские транзиты, дублируемые параллельными им махаллинскими пешеходными улицами. Такие улицы-дубли имеются на северо-востоке, востоке, юге и юго-западе Самарканда.

246,
247

Методология охраны исторического Самарканда конкретизировалась с проводившихся в 1991–1995 гг. работ городского хокимията с Фондом Ага Хана, которые были развиты в международном конкурсе 1992 г. на реконструкцию территории между Регистаном и некогда цитаделью. Международный конкурс 1992 г. на возрождение исторического центра был проведён по инициативе Фонда Ага Хана по культуре. Поступило несколько сот проектов и, из премированных, город получил оригинальные идеи для сохранения исторических памятников, для типов общественной и жилой застройки и для ландшафтной архитектуры. В 1995 г. международными организациями ПРООН и ЮНЕСКО совместно с архитекторами Самарканда исследованы три махалля (Богимайдон-1, -2, -3) севернее Серебряных рядов. В советский период здесь была снесена окружавшая памятники жилая застройка, тем самым нарушена градостроительная масштабность и возведены случайные корпуса новостроек. В махаллях были изучены сохранность зданий, приспособление улиц к новым функциям, их реконструкции. Жилые дома классифицированы как находящиеся в хорошем состоянии, нуждающиеся в частичном или капитальном ремонте, или же рекомендуемые к сносу. Выявлена необходимость программы комплексной реконструкции и специализированных строительных подразделений для реконструкции, контроля, методического руководства и координации

(13). В 1997 г. проведён семинар по проблемам сохранения городской среды; в 1998 г., при поддержке *хокима* города, создана общественная организация Центр по возрождению исторической части Самарканда; в 1999 г. создан Проект планирования центральной части города (совместно с Союзом архитекторов Республики Узбекистан, институтом Узшахарсослик ЛИТИ, ГлавАПУ Самаркандского городского хокимията).

Методология охраны исторического Самарканда охватила, в результате, следующее:

I — Реорганизацию государственного административного управления.

II — Самосохранение *махалля* частным сектором.

III — Совершенствование генеральных планов и проектов детальной планировки:

1 — вынос общегородских функций из исторического города;

2 — недопущение транзита через исторический город и обеспечение его тупиковыми въездами и периферийными стоянками;

3 — совершенствование инфраструктуры и контроль численности населения;

4 — восстановление *махалля*, *гузаров* и *даха*; реконструкция исторических улиц, возрождение ремесленных центров, благоустройство;

5 — установление уровней охраны; контроль масштаба и высоты, материалов и конструкций; обеспечение традиционного восприятия города.

I — Реорганизация государственного административного управления необходима из-за недостатков координации и финансирования. Необходимо инвестирование в проекты для исторических зон и поощрение в них местной инициативы и малого бизнеса. Комитет при хокимияте по работе с *махалля* и некоммерческий центр по историческому городу координируют действия государственных и неправительственных учреждений.

II — Самосохранение *махалля* частным сектором началось вокруг Гури Амира, Регистана, Биби Ханым и Пенджикентской улицы. При Советах перспектива сноса сдерживала население от вложения денег в реконструкцию. Правительственное решение о предоставлении гражданам права на владение землей способствует проявлению инициативы домовладельцев.

III — Совершенствование генеральных планов и проектов детальной планировки.

1 — вынос общегородских функций оставит только те, что присущи историческому городу. Общегородские функции вторглись в историческое ядро, тогда как остальные его земли и периферия не использованы. Общегородским функциям — место на периферийной магистрали исторического города. Там следует поощрять новые полюса развития, помня, что исторический город — это система разных центров в пешеходных дистанциях друг от друга.

2 — недопущение транзита и обеспечение исторического города периферийными стоянками и тупиковыми въездами. Нужно восстановить пешеходный исторический город и обслуживать его транспортными вводами. При мини-автобусах и маршрутных такси частные автомашины станут невыгодными в историческом городе. На его периферию следует выносить конечные остановки-терминалы.

3 — совершенствование инфраструктуры и контроль численности населения. Восстановление систем ирригации и дренажа, а также канализация зависят от совершенствования периферийных коллекторов. Электро- и газоснабжению «по воздуху» следует предпочесть их подземные линии. Исторический город местами обезлюден, а местами перенаселён, — оба эти фактора угрожают его сохранению, — необходим мониторинг, или иначе постоянный контроль, численности населения.

4 — восстановление *махалля*, *гузаров* и *даха*; реконструкция исторических улиц, возрождение ремесленных центров. Исторический город не хаотичен, и его планировке присущи закономерности, выявленные градостроительной наукой. Градостроительному

СНИПу следует учесть их и рекомендовать сохранение не только памятников, но и исторического города в целом.

5 — обновление уровней охраны; контроль масштаба и высоты, материалов и конструкций; обеспечение традиционного восприятия города. Реставрация памятника перерастает в реконструкцию его среды. Важно соблюдать охранные зоны вокруг памятников, регулировать высоты новых объектов, применять традиционные материалы и методы строительства.

Практикуются иные охранные зоны памятников: сохранявшие окружение памятников, они становятся зонами расчистки. Отчёт Главного научно-производственного управления по охране и использованию объектов культурного наследия (2009 г.) О реализации Менеджмент-плана по сохранению и реабилитации исторического центра Самарканда направлен в Центр всемирного наследия. Отчёт сообщает: «Расчистка охранной зоны мечети Хазрет Хизр проведена, расчистка охранных зон городища Афросиаб от малоценной стихийной хаотичной застройки будет продолжена» (стр. 36). Генеральным планом Самарканда до 2020 г. центральный планировочный район, состоящий из административного центра города, темуридского города, Афросиаба и русского города колониального периода, охвачен кольцом проектной магистрали непрерывного движения, являющейся одновременно и буферным поясом по контуру исторического ядра (14).

248

Бухара

За исключительные усилия по сохранению культурного своеобразия и многолетние работы по градостроительной охране и реставрации памятников Бухара была удостоена в 1995 г. Премии Ага Хана по архитектуре. Ни одна из республик бывшего СССР и стран СНГ не получала эту самую крупную в мире премию, присуждаемую каждые три года. Реставрация Бухары заняла приоритетное место среди премировавшихся объектов, и представителям Бухары был оказан тёплый приём на церемонии присуждения Премии в Индонезии. Экспертное заключение Премии оценило проводившиеся в городе многолетние работы, отметив, в частности, следующее: «Государственные правила требуют, чтобы во всех памятниках для несущих стен и порталов был использован предварительно напряжённый железобетон в качестве необходимой предосторожности против землетрясений и, в соответствии с этим, конструкции памятников перестроены в этом материале. Качество реставрации является адекватным и, что важно, оно совершенствуется, демонстрируя преданность узбеков своему наследию. Работы по возрождению города ведутся по обновлённой и расширенной программе, начатой серией реставраций в конце 1960-х годов. Сегодня главное внимание уделяется жизнедеятельности памятников и окружающей их застройке города. Со времени обретения независимости, Узбекистан стремится определить свой национальный образ, а сохранение и использование архитектурного наследия являются важными в этих усилиях» (15).

В 2002 г. учёными университета германского города Бохум были проведены обследования исторического города Бухары. Из сопоставления нынешнего состояния с картой конца XIX в. было обнаружено мизерное число дошедших до нас памятников: 22% (16). То есть с конца XIX в. и на всём протяжении XX в. Бухара претерпевала катастрофические потери, что возлагает серьёзную ответственность при восстановлении этого великого города ислама. В течение XX в. историческая застройка исчезала следующим образом. На юго-западе, между двумя протяжёнными 2-этажными жилыми домами 1930-х гг. и медресе Турсунжон, поднялись здания 9-й и 10-й средних школ, затем клиника, аптека, интернет-кафе. А с 1960-х гг. на северо-востоке исторического города — 5-я

249,
250

общеобразовательная школа среди плановых домов с больницей, индпошивом, архивом, мелкими магазинами. В отличие от *гузаров* и *махалля*, эти новые микрорайонные, как их называют, центры открыли исторический город сквозному транспортному движению. Историческое ядро утеряло пешеходный характер, и нынешние бухарцы едва ли отождествляют себя с историческими *махалля*. Даже на северо-западе *шахристана*, где повышенный рельеф сдерживал проникновение транспорта и сохранилась регулярная планировка эллинистической эпохи, центры *махалля* исчезают и многие их *ховузы* давно засыпаны. Проблема транспорта не решается на градостроительном уровне, поэтому город ограждает своё ядро барьерами, преграждающими въезд машин: перед Арком и Лабии Ховузом, между Токи Телпак Фурушон и Токи Саррафон. Барьеры неэффективны, поскольку создают видимость сдерживания транспорта в ожидании фундаментальных мер по сохранению исторической Бухары.

Государственная политика по сохранению памятников истории и культуры подняла из тлена забвения знаменитые ансамбли Чор Бакр и Бохоуддин Накшбанд и способствовала созданию новых — таков мемориал Иمامу Аль Бухари (2001 г., З. Клычев и З. Шарипова) в ансамбле *кош* с мавзолеем Чашма Аюб. Восстановлению исторической топографии Бухары XVI века послужили работы 2009 г. по реставрации городских ворот Дарвозаи Шайх Жалол и реконструкции Дарвозаи Самарканд (ППП Курилишлойиха ГлавУАС Бухарской области, М. К. Ахмедов, О. А. Рашидов, Т. Х. Набиев, Ж. Роттохов, О. Абдиев, М. Мирзхаев). Реконструирован и примыкающий к Дарвозаи Шайх Жалол южный отрезок городской оборонительной стены протяжённостью 850 метров: укреплены основания стены, и она облицована до зубцов на высоте 11 метров. С реконструкцией городских ворот Хазрати Имом (XVI в.), благоустроено расположенное за ним древнее кладбище, в нём возведены мавзолеем Имама Абу Хафс Кабира и соборная мечеть (2010 г., ППП Курилишлойиха ГлавУАС Бухарской области, М. К. Ахмедов, О. А. Рашидов). Имам Абу Хафс Кабир Бухари, известный также как Хожатбарор (Выручающий из беды, Благодетель) родился в 767 г. и умер в 832 г. Авторитетный в исламском мире знаток *шариата*, то есть основанных на Коране норм исламского права, он систематизировал их для практического применения в жизненных ситуациях. Благодаря этому основоположнику исламского правоведения, как полагают, Бухара и прославилась как Куббат-уль-Ислам, то есть Купол ислама. Имам, свидетельствует знаменитый историк города Наршахи, был похоронен на возвышении к северу от бухарских ворот Хазрати Имом. У могилы и близрасположенной мечети в конце каждой недели население Бухары почитало его память. Это древнее кладбище знаменито захоронениями легендарных правителей и суфиев. С сыном Имама Абу Хафс Сагиром (умер в 877 г.) связывают становление государства Саманидов (17). Мавзолеем построен на месте, определённом архитектором-реставратором В. М. Филимоновым как холм Абу Хафса, однако упоминаемая источниками близрасположенная мечеть являлась, очевидно, не крытой соборной мечетью, а открытым и просторным *идгохом*. Этот *идгох* В. М. Филимонов располагал несколько южнее, так что у Бухары есть ещё возможность воссоздания этого исторического грандиозного ансамбля для городских торжеств.

Ядро Бухары развивалось от цитадели Арк на севере в виде протяжённого базара через весь город до ансамбля Лабии Ховуз на юге. Во всём мире только в сирийском городе Халеб был находившийся под охраной ЮНЕСКО подобный классический ансамбль базара, — да и тот безвозвратно разбомблён в сентябре 2012 г. Главную улицу базара Бухары в советское время не осмелились реконструировать. Время же рыночной экономики и туризма вызвало строительство на этой улице десятка отелей. Восток улицы застроен отелями новой планировки, на её западе

251,
252

253

они возведены как последовательность традиционных двори­ков. Ансамбль улицы не решён: стиль отелей не бухарский и чужд историческому ядру. Стереотипные порталы отелей возвышаются над памятниками и, по выражению одного из жителей, душат город. Исключениями являются два отеля этого планировочного стержня ядра Бухары: Заргарон и, особенно, Атлас (2000–2007 гг., Э. Клычев и З. Шарипова). Они оба вдохновлены традиционным бухарским жилищем, но второй ещё и превосходно вписан в своё историческое окружение. В застройке ансамбля Арк — Лаби Ховуз не воссозданы выдающиеся, но исчезнувшие памятники, такие, как медресе Назар Элчи над Лаби Ховузом. *Элчи* значит посол. Знаменитое медресе его имени было построено на деньги императрицы России как признание Её вклада посла Бухарии в двусторонние отношения. Историческое ядро, согласно международным стандартам, подлежит тщательному сохранению, без вторжения нового. Образцом этого являются стро­го сохраняемые руины античного Форума в самом центре итальянской столицы Рима.

254-257

Позитивной чертой в историческом городе последних лет становится возвращение воды по каналу Шахруд и мимо Лаби Ховуза в ховуз на площади Гаукушон. Наполненный водой Шахруд оживил протяжённый ансамбль крохотных мечетей и медресе XVI–XIX вв. на востоке Бухары. В качестве следующего шага следует возродить и давно засыпанные знаменитые внутриквартальные ховузы Бухары.

258-260

Сохранить типологию

«Систематический анализ типологии застройки и её физического состояния» должен быть главным в сохранении мирового культурного наследия, согласно международным стандартам (18). Типология имеет дело с формами, размерами, образцами, а также качеством архитектурных сооружений. И узбекистанская архитектурная наука прошлых лет выявляла не только типы жилых домов Бухары, но даже их стереотипы, то есть неизменные формы или образцы (19). С 2008 г. проводятся исследования по систематизации типологии исторической застройки Бухары. Их осуществляют Представительство ЮНЕСКО в Узбекистане, Главное научно-производственное управление по охране и использованию объектов культурного наследия Министерства по делам культуры и спорта (ГлавНПУ объектов культурного наследия) и Ташкентский архитектурно-строительный институт. Проведённые обследования раскрыли многообразие типов жилых домов и общественных зданий Бухары, которые заслуживают классификации, учёта в генеральном плане города, сохранения и должной презентации.

Каждый бухарский дом — это конструктивно независимая от соседних строений единица. Благодаря такой традиции безболезненно происходит обновление этих ячеек городской ткани. Между домами оставляются щели, через которые, при необходимости, можно расширить дом в соседние дворы. Так трансформируется типология застройки в городской ткани. Сокровищем архитектуры бухарского жилища является *мехмонхона*. Она — центр семейной жизни, в ней для почётных гостей вознесена специальная комнатка *шахнишин*, *мехмонхона* — место творческого труда, интимности, в ней находят убежище от летней жары и посажающих мух и комаров, на её полках хранят ценную утварь, и при ней комнатка *мадон* служит омовению, а также кладовой.

261

Есть жилые дома градостроительной важности, как дома на южном обрыве *шахристана*. Их владельцы приглашают насладиться видами города из ресторанов на крышах, как в жилом доме, названном Долон. Дом супругов-учителей находится на кровлях Токи Телпак фурушон и *караван-сарая* Кулета, и с этих кровель раскрываются восхитительные виды на окружающие древности.

262

В ткани исторического города прячутся изобретательные жилища, почти лачуги. Из улицы близ ансамбля Ходжа Зайнуддин низкая калитка ведёт в длинный и тёмный проход между соседними домами и завершается крохотными двориками с тесными комнатками вокруг — таков дом *имама* медресе Мири Араб. Урбанизированную Бухару характеризуют и простейшие дома от двух до четырёх этажей, демонстрирующие поразительную виртуозность их строителей. Композиция некогда 4-этажного, но теперь 2-этажного жилого дома Усто Абдухамид-наккоша на Самаркандской улице достойна развития в современной практике.

Дом № 75–77 торговца на Самаркандской улице и дом №22 торговца шерстью на улице Гулобод — исключительно развитые по своим композициям и богатые жилые дома, схожие с теми жилищами, что были моделированы в 1960-е гг. Г. А. Пугаченковой и Л. И. Ремпелем как типичные для Бухары. Аналогичный им дом № 5 состоятельного купца по улице Саррофон реконструирован ЮНЕСКО и Посольством Израиля в 2006–2007 гг. Все дома, скромные или впечатляющие, оригинально трактуют бухарские традиции и хранят присутствие своих владельцев. В еврейских *махалля*, южнее Лаби Ховуза, некоторые из хозяев, ныне за рубежом, вместо превращения их домов в отели предлагают их скупку и создание в них музеев еврейской семьи, литературы, предметов быта, что создаст, в итоге, этнографическую зону. То есть этнографическая зона — после предложения её для Самарканды в первой половине 1970-х гг. УзНИИПом градостроительства (см. раздел Региональное предыдущей главы) — продолжает оставаться важным методом в сохранении исторического города.

Пиком в эволюции традиционного бухарского жилища следует считать грандиозный дом семьи Файзуллы Ходжаева, пожалуй, с самым широким в Бухаре *айваном*. При доме организован исторический музей. В тематическом осмыслении нуждается и церемониально спланированный дом одного из придворных бухарского *амира*, уцелевший на улице Усто Ширин и весьма тактично реставрированный.

Дальнейшую эволюцию архитектуры бухарского жилища являют несколько домов состоятельных бухарских купцов, построенные на рубеже XIX–XX вв. русскими из привнесённых ими строительных материалов. Современное заброшенное состояние этих домов, в прошлом поистине дворцов, должно быть сигналом тревоги для всех, кого заботит культурное лицо Бухары.

Традиции бухарского жилого дома продолжают и в новых постройках. Есть дома в нескольких уровнях, демонстрирующие следование многовековым композициям. Таков жилой дом сегодняшнего 45-летнего профессионального строителя. В обновлённых домах на востоке исторического ядра Бухары часто встречаются очень хорошие решения *долона*. *Долон* — входной крытый проход жилого дома, соединяющий улицу со двором так, что тень и сквозняк, а также вентилятор под потолком, превращают его в сезон летнего зноя в убежище для семьи и соседей.

В *махаллях* исторического ядра города искусственно занижают цены жилых домов, обитателей выживают, и дома продают частным гостиницам. Одним лицом порой скупаются несколько домов, и в результате меняется облик и домов, и всех *махалля*. Это угрожает преемственности в архитектуре бухарского жилья и обесценивает исторический город в целом. Необходимо культивировать разнообразие жилых домов. Для этого нужно типологически систематизировать все обследованные жилые дома на генеральном плане, что предопределил степень сохранения и функции зон исторического города.

263-265

266

267,
268

В результате миссий ЮНЕСКО в Бухару с 2008 г. выявлено около 100 жилых домов высокой и около 140 жилых домов средней ценности. Лучшие дома показаны в морфологии жилых кварталов исторического города. Этот документ, выделяющий лучшее в морфологии, должен быть использован в качестве основы для следующего градостроительного документа. Сохраняя лучшие дома, следует проектировать новые малоэтажные дома на месте разрушающихся или же покинутых домов, а также, чтобы заполнить бреши в морфологии. При этом заполнении сохраняемые дома следует обеспечить современными удобствами или же дополнительной площадью, это можно сделать за счёт сносимых разрушающихся или покинутых домов. Такое новое малоэтажное строительство должно быть в согласии с сохранёнными старыми домами. Оно не должно подавлять морфологию лучших сохранённых домов, помогая, скорее, в их соответствующем восприятии. Сохраняя морфологию лучших домов, новое малоэтажное строительство должно, в то же время, оставаться невидимым за сохранёнными постройками и окаймлять сохранённые постройки.

269-271

Сохранить морфологию

Планированием следует предупредить дальнейшее разрушение морфологии, то есть формы и структуры исторического ядра. Транспорт должен стать средством культивирования пешеходности, сформировавшей это историческое ядро. На это указывают и международные организации по охране наследия UNESCO, ICCROM, ICOMOS. Они называют параметры исторического города и его зон первостепенными для обеспечения их доступностью и обслуживанием (20). Поэтому нужно восстановить прерванный мониторинг, то есть контроль, города: внедрять результаты исследовательских работ, в частности, структуру пешеходного района, в генеральные планы и контролировать их осуществление.

Края исторического города уже разрушены и заняты новым строительством, но ещё есть шанс сохранить жизнеспособность и облик ядра в радиусе 700 метров. В этом радиусе есть пять ключевых зон, внутрь которых новое не должно вторгаться. Ансамбль базара от Арка до Лаби Ховуза заслуживает того, чтобы на его реконструкцию объявить всемирный конкурс. Зона же от этого базара вовне на расстоянии 250 метров должна строго охраняться как пешеходная с тщательным восстановлением исторического облика здешних *махалля*. Эти параметры должны стать основой для генерального плана сохранения Бухары и для норм по его внедрению в жизнь, как то предписывают международные стандарты.

272

В Бухаре предпринимаются определённые действия по сохранению пешеходной сети исторического города посредством восстановления его ворот и проектирования плотных малоэтажных жилых комплексов, напоминающих традиционные кварталы. Проблема, однако, в том, что эти действия, всё же, недооценивают пешеходную сеть. Ворота спроектированы и построены согласно архитектурной традиции, но размещены против традиции градостроительной. Ворота не регулируют движение. Они заперты на замок и высятся посреди дороги, а потоки пешеходов и машин обходят их с обеих сторон и несутся напрямую в пыль ветхих глиняных улочек исторического ядра. Другими словами, вместо функционирования, ворота превращены в макет. Это — против исторического города, его жизни, его сохранения.

273

Что же следует предпринять? Транспорт следует убрать от исторических ворот и направить в новые улицы, параллельные сохраняемым историческим улицам. Другими словами, транспорт должен обслуживать исторические улицы с тыла, как это показано для

сохранения Самаркандской улицы. За этими историческими улицами XX в. изменил многое в морфологии Бухары, проникнув очень глубоко и создав пять ключевых зон, которые являются решающими для дальнейшей судьбы города. В этих пяти зонах были построены новые (микрорайонные, как их называют) общественные и жилые здания, поэтому именно эти территории следует перепланировать и перестроить для того, чтобы исторический город сохранить. Транспорт должен остановиться в этих зонах, и из них обслуживать историческое ядро, оставаясь, по возможности, невидимым.

Выработана оригинальная модель главных узлов и направлений роста Бухары. Рост Бухары от Токи Заргарон на юг простирался до радиуса 700 метров. Затем, в XVI в., город дважды вырос на запад. Вплоть до XIX в. отцы Бухары контролировали рост города по его диаметру восток-запад. А накануне колонизации Бухара выросла на восток в виде целого ряда крошечных общественных зданий вдоль канала Шахруд.

В соответствии с логикой исторического развития Бухары её сохранение предлагается в пределах следующих присущих ей пешеходных радиусов: 250, 700, 1200 (1500), 2000 метров. До 250 метров — только пешеходное историческое окружение, допускается только транспорт местных жителей. До 700 метров — восстановление исторической морфологии, регулируемый доступ транспорта. До 1200 (1500) метров — строгое сохранение исторической морфологии, любое новое строительство обязано соответствовать архитектурным типологиям Бухары. До 2000 метров — контроль морфологии, контроль высот нового строительства.

Модель сохранения и роста

В модели сохранения и роста исторического города Бухары рассмотренные выше её параметры рекомендуются для сохранения уникальной планировки, а типология домов — для своеобразия новой архитектуры. Модель детализируется ниже следующими рекомендациями по семи аспектам сохранения исторического города.

1. Нормы и закон. Исторический город Бухары находится в состоянии, нарушающем не только нормы ЮНЕСКО, но и нормы Республики Узбекистан «XII. Охрана территорий памятников культуры при развитии населённых мест», учреждённые Государственным комитетом по архитектуре и строительству, Постановление № 59 от 27 июня 2008 г. Необходимо привести Закон Республики Узбекистан об охране памятников культурного наследия Республики Узбекистан 2001 г. в соответствие с Рекомендациями ЮНЕСКО 1976 г. по самосохранению и современной роли исторических зон. Это будет содействовать реорганизации административного управления историческим городом, предоставлению ему юридического статуса и своего аппарата специалистов управления. Такой центр городского *хокимията* будет ориентировать жителей и предпринимателей на активизацию экономического потенциала *махалля* и на общинную политику самосохранения, включая реконструкцию частного сектором и предпринимателями.

2. Проектирование. Необходимо точно определить памятники в области, городе и его историческом ядре, составить генеральный план с границами охраны, территориями буферных зон, точками обозрения. Перейти — в рамках совершенствования технического состояния исторического города — на подземные линии снабжения в соответствии с самим смыслом слова инфраструктура (то, что находится под землёй), ибо электро- и газоснабжение «по воздуху», как и множасься гаражи, разрушают исторический облик. Проектирование исторического ядра следует вести на основе его компьютеризованного сценария — этот документ должен посредничать между генеральным планом и застройщиками для того, чтобы соблюдались функции, пространства и формы в стилях, харак-

терных для Бухары, чтобы контролировались масштабы и высоты, а также материалы и конструкции.

3. Обезлюдение и транспорт. Остановить обезлюдение в историческом ядре путём контроля численности населения, создания центров его притяжения и трудоустройства. Дорога вокруг севера Бухары, возникнув с 1930-х гг., не защищала исторический город. Транспорт должен представлять систему тактичных улиц-вводов, подходящих к историческому ядру и обслуживающих его, но не доминирующих в нём. Ядро должно оставаться пешеходным, территории на периферии защищать такой характер ядра и быть перепланированы для новых центров притяжения горожан. Сквозные улицы необходимо рассматривать как серьёзное нарушение, и транспортные вводы в ядро следует выполнять как тупики и/или петли.

4. Воды. Вода является скудным резервом Бухары. Исторические ховузы засыпаны и их махаллинские центры исчезли. Необходимо возобновить орошение исторических ховузов и не допускать наблюдающейся ирригации близ стен архитектурных памятников. Высокий уровень грунтовых вод засоляет монументальные и жилые постройки, вызывает трещины и разрушает их. Город борется за подобающее санитарное состояние. Прошлые системы дренажа уже не функционируют. Необходимы гидрогеологические изыскания с целью снижения грунтовых вод посредством очистки прошлых систем и введения в строй новых. Водоснабжение и канализацию следует довести до современных стандартов.

5. Отели. Рыночная экономика ввела туристские отели прямо в историческое ядро. Возвышаясь над памятниками прошлого, они навязали им чуждые масштабы и стили. Отели должны быть за историческим ядром, не посреди него. Необходим контроль землепользования.

6. Жилые дома. Бухара всегда славилась самыми изысканными в Средней Азии жилыми домами. Они и целые махалля трансформируются сегодня индустрией туризма. Чтобы выгодно сдать дом, владельцы надстраивают его, и новая архитектура разрушает традиционный стиль. Дома, как и отели, стараются возвыситься над историческим ядром, чтобы с них продавать лучшие виды на город. История этого великого города должна быть спасена от разрушительного хаоса зарабатывания денег на туризме.

7. Сырец. Дома в махаллях перестраивают в жёном кирпиче или облицовывают этим кирпичём глинобитные с деревянным каркасом стены. Историческое ядро лишается веками сохранявшегося целостного глинобитного облика. Важно уважать этот традиционный для города строительный материал. Он требует культуры постоянной заботы о нём. Его обязательное использование должно быть предписано для важных фрагментов исторического города. Специальный персонал должен быть подготовлен для поддержки глинобитных конструкций, как это рекомендовано международными нормами ЮНЕСКО.

Заключительная модель роста и сохранения состоит из следующих главных факторов: 1) сеть транспортных магистралей в 2,5-километровом радиусе, 2) отели вне исторического ядра, 3) тупики и петли как средства транспортной гибкости внутри исторического ядра, 4) рабочие места при махаллинских центрах, возрождаемых по всему историческому ядру, 5) водоснабжение, дренаж и канализация, и 6) сценарий базара и махалля для того, чтобы должным образом проектировать функции, пространства и формы, а затем управлять их осуществлением.

Градостроительство требует постоянный мониторинг развития исторического города, и этот мониторинг следует основывать на градостроительной науке — памяти о городе. Упадок или отсутствие науки приводят к потере градостроительной памяти и к разрушению городов. Генеральные планы городов в этом случае составляются на неполной информации. Рынок и демократические перемены, самоуправление, рост среднего класса, транспортный бум, — всё это нуждается в крупномасштабном понимании и управлении. Необходимы разработки жизнеспособных планировочно-пространственных структур махалля, гузаров, районов и центров городов. Это предотвратит в городе конфликт нового со старым. Пешеходность

формирует планировочные ткани районов и центров, а транспорт выполняет обслуживающую функцию, становясь средством культивирования пешеходности, у которой свои, веками закрепившиеся нормы. На стадиях принятия решений и проектирования важно примирять пешеход и транспорт, сохраняя преемственность с тем лучшим, что мы имеем.

ТИПОЛОГИИ, АНСАМБЛИ, СТИЛИ

К своеобразию новой архитектуры в Узбекистане стремились со второй половины XIX в., и его поиски велись согласно стилям мировой архитектуры, будь то модерн, конструктивизм, классицизм, современная архитектура или пост-модернизм. Типологически архитектура развивалась, и в стилистике времён воскрешались традиции, но у советских провинций за «железным занавесом» отсутствовало главное — собственная инициатива. Распад СССР и образование среди стран СНГ Республики Узбекистан открыли новые перспективы. Республика стала распорядителем собственных ресурсов, определила связи с зарубежными странами и обрела своё место в мире, новые социальные и экономические программы изменяют её жизнь. Архитектура стала выразителем этих перемен, ибо базируется на новом социальном заказе, обновлённых возможностях строительства и духовно новых устремлениях независимости.

Площадь Мустакиллик

Расположенный к северу от центральной площади Ташкента в начале Аллеи парадов дворец Туркистон 1989–1992 гг. стал первым общественным зданием независимого Узбекистана. Для этого места ещё в 1966 году архитектор Ю. В. Халдеев спроектировал театр кукол в виде распускающегося цветка. Театр-цветок трансформировался к 1977 г. в приземистое здание с гигантскими сталактитами на фасаде: так первоначально лёгкую современную архитектуру отсталая строительная техника переродила в тяжёлые формы. Совершенствовать стиль театра поручили мастерской архитектора Ф. Ю. Турсунова. Зрительный зал покрыт голубым плафоном с резьбой по ганчу и позолотой в технике кундаль. Над вестибюлем и фойе вознесено панно: белый тюркский палас с рельефом птицы счастья Хумо и панорамой исторических городов Туркестана. Ленточное остекление второго этажа фойе раскрывает панораму Аллеи парадов и далее площади Мустакиллик. «Я от всей души желал бы, — сказал Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов на торжественном открытии здания, — чтобы по всей нашей стране развернулись архитектурные работы, чтобы во всех областных центрах были такие же величественные дворцы, как Туркистон. Чтобы наша страна была прекрасным, вольным, справедливым краем, чтобы после нас остались полезные народу строения, чтобы потомкам мы дали свободную и благоустроенную Родину» (1).

Накануне распада СССР на правительственной площади Ташкента прошёл, после Москвы и Ленинграда, фестиваль индийской культуры Утсав. Для него индийцы собрали на северо-востоке площади сборно-разборные металлические башни и вывесили на них произведения декоративно-прикладного искусства своей страны. Когда же площадь стала зваться Мустакиллик, подобные башни с куполами поднялись над её амфитеатром и открытой сценой, чтобы в последнюю ночь лета праздновать независимость республики. Навруз первой весны независимости отпраздновали на западе улицы Узбекистанской, за Дворцом дружбы народов, — дешный парк Комсомольское озеро расширили в Национальный парк имени Алишера Навои (Ф. Ю. Турсунов). С севера на юг размещены круглый водоём с фонтаном, амфитеатр

275

276

со сценой среди башен с куполами, мост через канал, и на холме — скульптура Алишера Навои в павильоне с куполом от Гури Амира, на внутренней поверхности которого выведено на нескольких языках: «Поймите люди всей земли: вражда — плохое дело. Живите в дружбе меж собой — нет лучшего удела». К востоку от амфитеатра расположен ресторан Навруз (1995 г., Р. Якубов, В. Островерхов, Н. Баторин) и к западу — здание Олий Мажлиса (1997 г., В. А. Аюпджанян). К Наврузу-2000 для 11 тысяч выступавших сцена и амфитеатр Национального театра были расширены.

Днём памяти и почестей назван День победы 9 мая в войне 1941–1945 гг., и в Ташкенте 1999 г. мемориал Вечного огня памяти неизвестного солдата преобразован в комплекс Скорбящей матери. Мемориал находился севернее площади и своей открытостью добавлял ей простора. Иной характер у комплекса Скорбящей матери. Вечный огонь замкнут с востока скульптурой склонившейся узбекской матери (скульптор И. Джаббаров), продолжившей образ узбекской матери на полотне художника Р. Ахмедова. С запада же к огню ведет аллея длиной 60 метров. Архитекторы В. А. Аюпджанян и М. Мусаев предполагали ограничить аллею невысокими мемориальными стенами. Президент республики предложил *айваны* узбекской народной архитектуры. Они создали торжественное архитектурное пространство в духе классических ритуальных композиций. *Айваны*, возведённые мастерами со всей республики, сообщили мемориалу тепло народного участия. Их строительством руководил кокандский мастер резьбы по дереву Абдугани Абдуллаев. Ландшафт комплекса тщательно благоустроен, а его архитектура повторилась в областных центрах, везде со своими вариациями. Архитектура комплекса Скорбящей матери в Ташкенте отозвалась и в мемориале Павшим в мировых войнах солдатам, сооружённом в Конье, пятом по величине городе Турции. Мемориал создали турецкие архитекторы М. и Х. Озтоглу совместно с мастерами из Узбекистана — самаркандцем Мирджалолом Асадовым (резные колонны) и ташкентцем Махмудом Касымовым (резьба по ганчу). Архитектуру мемориала на церемонии его открытия в декабре 2008 г. высоко оценил Премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган. В сравнении с открытым ташкентским комплексом мемориал в Конье создан по подобию замкнутых сельджукидских *караван-сараяв* с восхитительной резьбой колонн по обе стороны протяжённого внутреннего двора.

К северо-востоку от площади Мустакиллик, на перекрёстке улиц А. Навои и Ш. Рашидова высился советский долгострой — высотное здание Вычислительного центра Академии наук (1975 г., Р.М. Блезе и др.). Навесные, на металлическом каркасе, бетонные панели стен и вертикали лифтов придавали ему вид суровой крепости. В 1997–1999 гг. компания Daewoo предложила обновление небоскреба и прилегающего квартала. С высоты сбросили навесные панели, перепроверили прочность каркаса и спроектировали шестнадцатизатяжную стеклянную призму. Генеральный план квартала предусматривал центральную площадь и вокруг неё торговый центр, бизнес-центр, 22-этажное административное здание и 9–18-этажные здания гостиничного типа. Теперь же некогда мрачная башня преобразилась в белое высотное здание бизнес-центра Пойтахт с необычным силуэтом и продуманными пропорциональными членениями фасадов (2006 г., Г.И. Магаметова, А.М. Мамедов). Бизнес-центр составил ансамбль с расположенным к югу от него комплексом Госплана УзССР, реконструированным в 2009 г. для Казначейства Республики Узбекистан (А.И. Калисламов, В.Н. Бреусенко, В.С. Рыжов, А.И. Марин).

С реконструкцией в 2000 г. протяжённого здания Совета Министров началось обновление стиля правительственной площади Ташкента, формировавшейся зданиями конца XIX века, 1930–1950-х и 1960–1970-х гг. Первый этаж здания с открытыми V-образными опорами был обстроено стенами красного гранита; над его прямоугольным силуэтом поднят портал с гербом и флагом

277

278,
279

280,
281

республики; прежде ленточное, с бирюзовыми простенками, остекление заменено сплошным золотистым (В. А. Аюпджанян, А. Саакян). Блистающий фасад расчленён тонкими простенками с полуколоннами. Чистым и абстрактным формам советской современной архитектуры здесь предпочтена конкретная символика, открытости — закрытость, динамизму — солидность, а скромно понятому национальному — богатое интернациональное. По проекту института Ташгипрогор реконструирована и высотная доминанта площади — 14-этажное административное здание с 8-этажной пристройкой по проспекту Шарафа Рашидова: между этими корпусами образован атриум до 11 этажей, и на верхних этажах размещены министерства, комитеты, акционерные компании. В 2005 г. завершено строительство главного на площади здания высшего органа власти Республики Узбекистан — Сената (Верхней Палаты) Олий Мажлиса. От здания Дома правительства 1930–1950-х гг. сохранены два крайних корпуса столовой и концертного зала Бахор, ценные декором интерьеров. Поднявшееся между ними здание Сената четырёхэтажно, в его центральном блоке размещены вестибюль, холл, рабочие кабинеты, на четвёртом этаже — холл, залы совещаний и рабочие кабинеты. Центральный вход обращён колонным порталом на площадь Мустакиллик. Вход в Конституционный суд с юга и вход в зал Бахор с севера тоже выделены выступающими порталами. На западе здание обращено к каналу Анхор традиционным колонным айваном. Центральное фойе украшают монументальные живописные панно Время пробуждения и Гимн независимости. Главный зал заседаний имеет 172 места и балкон для прессы. Интерьеры с национальным декором отделаны светлым деревом с гипсовыми деталями и тканевыми обоями.

282

Проспект Амира Темура

Начатая в советское время застройка скоростных магистралей продолжила формировать новый образ столицы. Возникший в конце XIX в. на границе нового и старого городов Ташкента Московский проспект (затем советская улица имени Ф. Энгельса) преобразился в проспект Амира Темура. К 2000 г. под проспектом прошла линия метро, которая дойдёт до окружной дороги, выходящей на Чимкентский тракт в направлении Казахстана. Международный торгово-выставочный комплекс 1995–2000 гг. — с отелем Интерконтиненталь, небоскрёбом Национального банка Узбекистана, торговым центром Ташкент-плаза и Бизнес-центром — стал витриной Ташкента времени перехода к рыночной экономике. Проспект застроен также музеем Темуридов, гостиницами Марказий (бывший Шератон) и Рэдисон, Теннисным кортом у телевизионной башни и Аква-парком, Мемориалом жертвам репрессий, новыми комплексами Алайского и Юнусабадского рынков. Эта важная планировочная ось Ташкента начала обновляться ещё столетие назад, в 1924 г. (см. раздел Урбанизм и дезурбанизм), когда от железнодорожного вокзала до центрального сквера она преобразовывалась в образцовую социалистическую витрину города. Ныне же этот проспект становится витриной переходящего к рыночной экономике государства.

Первым к магистрали Амира Темура обратился Алайский базар своей двухэтажной торговой галереей, покрытой зелёными светопрозрачными листами лексана по аркам металлических ферм (Е. Калишер и др.). Со становлением рыночных отношений стали преобразовываться многовековые базары на главных магистралях столицы. На старогородском базаре Ташкента поднялись железобетонные большепролётные купола с красочными керамическими покрытиями (В. Азимов). Зонтичные и складчатые большепролётные светопрозрачные покрытия обрели Мирабадский (бывший Тезиков) (Р. А. Хайрулдинов и др.) и Паркентский базары. Комплексом крытых павильонов обновился базар ташкентского Ипподрома. Бектемирский (Куйлюкский) базар, крупнейший на внешнем транспортном узле Ташкента, расположен

283

на юго-восточном выходе Ферганской магистрали к кольцевой автодороге. К этому месту на берегу реки Чирчик стекается продукция сельскохозяйственных пригородов. Комплекс базара на крупной транспортной развязке включает автостоянку, дехканский и оптовый рынки, гостиницу и мотель. Дехканский базар имеет двухэтажные магазины и объекты обслуживания по периферии, а в середине — торговые ряды. Они образованы взаимоперпендикулярными крытыми торговыми улицами шириной 12 метров. Над ними поднята конструкция светопрозрачных листов на арочных фермах, что создало новый образ восточного базара (1998 г., В. А. Акопджанян). В октябре 1998 г. открыта первая очередь расположенного на кольцевой магистрали Ташкента Караван-базара с 2000 торговых точек (М. Ганиева и др.), а в 2000 г. ледовый дворец спорта Юбилейный перестроен в Выставочный центр малых технологий по производству различной продукции (Я. Кадыров и др.). Подобные центры для связи производителя и торговца без посредников призваны снижать цену товара и развивать малый и средний бизнес.

Республика воздаёт должное среднеазиатскому государственному деятелю Амиру Темуру, в эпоху которого государственность и искусства достигли апогея. В Ташкенте, Самарканде, и на родине Сахибкирана в Шахрисабзе открылись памятники, впервые трактующие для широких масс его скульптурный образ. Ташкентский памятник (1995 г., И. Джаббаров, Ф. М. Ашрафи, Б. М. Усманов) возведён в Сквере, который со времени своей распланировки в конце XIX в. являлся местом для скульптур-символов сменявшихся времен. Динамичная, особенно при восприятии с южной стороны, конная статуя высится на постаменте из красного мрамора и обращена с востока на запад, в сторону улицы Сайилгох, — с которой хорошо воспринимаются скульптура с поднятой правой рукой, уверенная поступь коня, и слова на постаменте: Сила — в справедливости.

Над расположенным к северо-западу от сквера Амира Темура Музеем Темуридов (1995 г., А. Турдиев) развит тип купола Гури Амира, который до этого был интерпретирован над павильоном со скульптурой Алишера Навои в Национальном парке. Над 20-колонным *айваном* музея купол высотой 30 метров расширен до диаметра 24 метра. В интерьере он украшен резьбой по *ганчу* в растительном стиле *ислими* по технике *кундал*: на голубом фоне позолотой выделены акценты. При входе в музей, в полированном бело-сером интерьере из мрамора и гранита, взгляд приковывает живописный триптих о значении Темура и его государства. Первая часть — Рождение сообщает о приходе этой личности в мир, вторая часть — Возрождение изображает Темура на троне, и третья — Наследие повествует о ценностях эпохи Темура. Работы художников объединения Усто и приземистая композиция роднят музей с постройками в национальном стиле, строившимися народными мастерами в противовес советским рецептам монументальной национальной архитектуры. В архитектуре и декоративном убранстве Музея Темуридов и последовавших за ним мемориальных комплексов Аль-Бухари и Аль-Фаргона — налицо сотрудничество с народными мастерами ради возрождения народной архитектуры.

На севере проспекта Амира Темура, под телевизионной башней высотой 375 м (1984 г., архитекторы Н. Терзиев-Царуков, Ю. Семашко, В. Русанов, В. Ким; инженеры-конструкторы Е. Морозов, М. Мушеев; художник А. Бухарбаев, дизайнер И. Липене) расположились открытые теннисные корты Юнусабадского спорткомплекса. За кортами построен крытый универсальный корт с трибунами на 3000 зрителей (1997 г., В. А. Акопджанян). Покрывающие его железобетонные полуарки со сводчатыми листами светопрозрачного лексана создали динамичную пластичную здания. Здание находится внутри спортивного комплекса, но заслуживало бы постановки на раскрытой к магистрали площади.

12 мая 2000 г. на берегу канала Бозсу Юнусабадского тумана Ташкента открыт Мемориал *шахидам* — жертвам исполнившихся здесь расстрелов советского периода. Идея, концепция и детали композиции мемориала были определены Президентом (2). Бирюзовый купол на колоннах, как в Национальном парке, высится теперь над благоустроенными газонами на берегах изгибающегося канала Бозсу. Музей в этом комплексе возведен в августе 2002 г. при участии руководителя народных мастеров А. Абдуллаева (Коканд), резчика по дереву Х. Одилова и скульптора Р. Шоабдурасуловой. Мемориал *шахидам* завершил ряд новостроек на севере проспекта Амира Темура.

286

Обычно камерная народная архитектура стала в это время обретать монументальность профессиональной архитектуры. Возведённым в дорогих строительных материалах формам народного стиля недостаёт гармонии частей и целого, которая восхищает в памятниках профессионального зодчества прошлого Средней Азии. Наряду с поисками национального в народном зодчестве, осознаётся и крупный вклад страны в классическую архитектуру ислама. Республика продолжает изучать свидетельства этого вклада.

Классицизм

Стиль классицизма беспримыслен для административных зданий, — потому здания Хокимията Ташкента (1997 г., Ф. Ю. Турсунов) и Олий Мажлиса Республики Узбекистан (1997 г., В. А. Аюпджанян) обнесены колоннами — визитной карточкой классицизма. Золотистое остекление фасадов Олий Мажлиса западает тремя ступенями по мере спуска к полу *айванов* по периметру здания. Архитектура узбекского парламента детально в выражении национального характера: над бирюзовым куполом возведён традиционный фонарь. Здание Хокимията (теперь это банковское здание) первоначально предполагалась построить симметрично ташкентским Курантам на противоположном углу улицы Амира Темура. Строительство здания на его нынешнем месте — южной линии бывшего Городского сада — решило несколько градостроительных задач. Продолжив с Курантами линию застройки, здание составило ансамбль с ними. С Курантов соскоблили слои штукатурки, обнажили кирпичные стены, заменили окна и двери с решётками-*панджара*, а фасады облицовали итальянскими бежевыми плитками. Здание составило ансамбль и с улицей Бухоро: центральный купол здания завершил перспективу этой улицы. Более всего здание изменило Сад: заняв место кинотеатра, кафе и иных ветхих построек, оно не нанесло, таким образом, урона его зелёным насаждениям. План имеет форму буквы Т: два административных блока вдоль улицы и между ними от главного входа — два блока общественных служб вводят здание в Сад. При главном входе — круглый и на три этажа атриум. Пять лестниц и два лифта при входе обеспечивают вертикальные связи. Вдающийся в Сад трёхэтажный блок имеет форму восьмигранника. По его периферии размещены офисы, в центре первого и третьего этажей — залы заседаний. Двери, стеновые деревянные панели и мебель офисов — итальянские, потолки — работы узбекских резчиков по *ганчу*. Интерьеры облицованы итальянским и уральским мрамором. Цоколь фасадов здания облицован чёрным, а базы колонн на его фоне — тёмно-красным южноафриканским мрамором. Все купола в здании — из металлических ферм с сетками для лепных работ в интерьере. Круглый атриум при входе завершён пологим куполом с очень красивым плафоном. Его бело-голубой, с позолотой, растительный орнамент усеян лампами освещения — звездами Самарканда, по словам архитектора. Фойе четвертого этажа покрыто куполом с арочной световой галереей барабана. Купол расписан в бежево-коричне-

287

во-оранжевых растительных формах с позолотой. Росписи вдохновлены образцами самаркандских Гури Амира, Шохи Зинды, Тилля Кори, и хивинского Тош Ховли.

Здание это было создано Ф. Ю. Турсуновым двумя годами позже Республиканского биржевого центра, расположенного на улице Бухоро: построенный в самом начале XX в. цирк-варьерте Колизей, впоследствии театр, был переоборудован для биржи. Под 30-метрового диаметра куполом из металлических ферм организован зал. Он окаймлён фоновыми магазинами, отделами обслуживания фондов, сберегательной кассой, банком, помещением нотариуса, и пр. Фасад имеет два боковых и центральный порталы со входами в вестибюль. Полукольцо фасада прорезано высокими, на два этажа, арочными проёмами с полуколоннами в простенках. Гигантский купол Колизея в стиле архитектурных исканий начала XX в. подтянут к основанию высокого фонаря, который просматривается с ближайших улиц. Найденный в биржевом центре сдержанный (а, следовательно, и экономичный) плоскостной и с полукруглыми романскими арками стиль классицизма и был развит в здании Хокимията. Этот приём популярен и может использоваться для зданий любой планировки и композиции. Он стал продолжением фасадов-ширм советских времён и широко распространился в период независимости. Приём заявил о себе сначала навесными *панджара* Музея В. И. Ленина, а затем — отяжелевшими *панджара* Дворца дружбы народов. Ширмой, но уже из стрельчатых арок, Ф. Ю. Турсунов обернул затем Выставочный зал Союза художников, и потом гигантская плоскостная стрельчатая арка обернула фасады гостиницы Чор Су В. Л. Спивака. В здании Республиканского биржевого центра Ф. Ю. Турсунов нашёл ту уравновешенную (идущую от характера самого архитектора) интерпретацию романского классицизма, которая впоследствии и стала расхожей в архитектуре Узбекистана первых десятилетий независимости.

288

Наряду с традициями, архитектура здания Хокимията вобрала стилиевые черты новых зданий Ташкента этого времени. Некоторые мотивы фасада здания были до этого заявлены самим архитектором в здании Биржи на улице Бухоро: центральный портал с гербом Республики, два меньших портала по фасадам, и между порталами — белые колоннады девяти арок на высоту трёх этажей. Сдвоенные оконца мезонина, то есть верхнего этажа, Хокимията заимствованы из здания Совплститала на аллее Сайилгох. А зубчатый парапет фасадов — из Музея Темуридов. Завершено здание Хокимията ребристым бирюзовым куполом от Гури Амира, который был заявлен сначала в павильоне Национального парка и затем — над Музеем Темуридов. То есть, уже в первые годы независимого развития республики архитекторы обменивались найденными приёмами с целью выработки стиля, особенности которого и были тиражированы впоследствии как стереотипы.

289

Обретшие независимость страны СНГ вышли на международную арену, где сфера дипломатии имеет свои установившиеся архитектурные стереотипы. Поэтому вскоре стиль президентских резиденций стал ассоциироваться с традицией классицизма США XVIII в. Вдохновившись творениями выдающегося итальянского архитектора эпохи Возрождения Андреа Палладио, третий президент США и автор Декларации Независимости Томас Джефферсон набросал в 1770–1771 гг. эскиз своего дома в имении Монтичелло вблизи Шарлотсвилла, штат Вирджиния. И под влиянием стиля дома Джефферсона в 1792 г. в столице Вашингтоне ирландским архитектором Джеймсом Хобаном была построена официальная резиденция Президента США Белый Дом. В президентских резиденциях у нас вместе с белым цветом повторился и полукруглый колонный объём в центре главного фасада. Офис Ак Сарай (Белый Дворец) Президента Республики Узбекистан (1999 г., Ташгипрогор) имеет холл, залы переговоров,

290

помещения канцелярии, а его центральный колонный объём завершён шатровым покрытием, символизирующим тюркскую традицию. Президентский Дворец Ак Орда (Белая Резиденция) в Астане построен в 2004 г. с полукруглым колонным объёмом по 5-этажному фасаду и завершён куполом с 80-метровой высоты шпилем.

Полукруглый колонный объём перешёл затем в многочисленные общественные здания. Реконструированный — на месте кинотеатра Ватан 1939 г. и театра Хамзы 1969 г. — Узбекский Академический драматический театр (2001 г., У.Х. Рахимов) имеет полукруглую колоннаду овального фасада. Главный зал на 540 мест, в подвале малый зал на 110 мест, расши-

291

ренное фойе, а также музей на втором и третьем этажах. В декоре театра росписи и резьба по дереву и ганчу выполнены мастерами объединения Усто, а керамика — Экспериментальным скульптурным производственным комбинатом и Керамическим заводом. Проект нового здания Государственной консерватории Узбекистана (1996–2002 гг., В.Л. Спивак) отобран по результатам конкурса Президентом Республики Узбекистан И.А. Каримовым. Архитектуру в стиле сдержанного классицизма венчает распространившийся этаж-мезонин и в центре главного фасада выступает полукруглая колоннада. Лаконична и композиция Президент-отеля (2004 г., В.А. Аюпджанян) у Университетского бульвара Самарканда. Периметр 7-этажного атриума образован 164 номерами, имеются залы, комнаты совещаний, в подвальном этаже бассейн, сауна, бар и дискотека. Отель обращён на бульвар тем же полукруглым объёмом, суровая сдержанность которого продолжена ордерной системой пилястр на красном основании здания, его четырёх основных этажах и завершающем мезонине.

По Постановлению Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова от 5 июня 2008 г. «О строительстве в Ташкенте здания Дворца форумов Узбекистан», в границах улиц Тарракиёт, Хорезмской, Мустакиллик и сквера имени Амира Темура отведён участок трапециевидной формы 2,7 га. Вокруг расположены гостиница Узбекистан, дом Радио, бывшее здание библиотеки А. Навои, здание фонда Соглом авлод учун, ресторан Шарк, музей и кафе Истаравшан (бывшее Буратино) и сад городского Хокимията, ныне банка. Главный вход ориентирован на ось памятника Амира Темура, тогда как вход со стороны улицы Хорезмской предназначен для протокольных и торжественных встреч. К северной улице Мустакиллик раскрыты концертные и административные вестибюли и служебный вход. К южной улице Тараккиёт открыты служебные вестибюли и пандус ресторана и буфета. Дворец форумов Узбекистан возвышается над окружением и имеет план 112,40 × 86,50 метра (2009 г., У.Х. Рахимов, В.Г. Ким). Замысел Президента и архитекторов конкретизирован проектной организацией «Проект-стальконструкция» (Узбекистан) и совершенствован фирмой «Ипполит» по интерьерам, дизайну и отделочным материалам (Германия). Дворец возведён на монолитном железобетоне внизу и металлических колоннах с ригелями и фермами сверху. Купол центрального зала имеет диаметр 52,5 м. Две функциональные зоны Дворца технологически связаны коридором. Первая, обращённая к Хорезмской улице, представительская часть Дворца состоит из вестибюля (с парадными лестницами, восемью лифтами, сануздами), зала заседаний на 300 мест и двух малых залов для совещаний. Банкетный зал на 300 мест с эстрадой и сценой имеет сервировочные, раздаточные, артистические помещения. Вторая, ориентированная на сквер Амира Темура, концертная часть Дворца состоит из зала на 2200 мест с вестибюлем и фойе, кулуаров, гардеробной, входа в партер, двух парадных лестниц и двух эскалаторов. В подвале размещены буфет и санитарные узлы. Имеются технические помещения по обслуживанию сцены и репетиционный зал. Архитектурный ордер фасадов выполнен в виде колоннады из пилястр с полуколоннами, имитирующими традиционные деревянные, а также из угловых мраморных панелей с орнаментом из поливной

292

керамики. Антаблемент над ордером прочерчен в виде архитравной балки, фриза и карниза из европейских и восточных элементов. Колоннада и панели перемежаются витражами из алюминиевых профилей серого цвета с тонированным стеклом синего цвета. Облицованный белым мрамором купол на высоте 48 метров завершён скульптурами аистов. Наружные лестницы из гранита красного цвета, а цоколь из гранитных плит чёрного цвета. Архитектуру следовало исполнить белой, как до этого в реконструкции театра имени Хамзы. Поэтому, стены исполнены из так называемого «жидкого металла» светло-серебристого оттенка; в 2–3 раза дороже «жидкого металла» обои, тоже с элементами серебра. В интерьерах сдержанных форм и светлой тональности присутствуют также следующие материалы: полы из белого и зелёного мрамора, паркет, ковроткань, керамические плитки; стены концертного зала — из акустического дерева, керамики, гипса; ограждения лестниц — из нержавеющей стали и стекла белого, золотистого и бирюзового цветов; потолок — из гипсокартона с гипсовыми тягами и лепниной.

Одним из проявлений узбекского менталитета в архитектуре издревле были понятия пара и парный. Означающие их слова *кош* и *жуфт* выражают целое мировосприятие нации: от парности всего в мироздании (муж и жена — пара волос) до обожания повтора (*жуфт булсин!*, что значит ещё!, бис!). Кош в исторических архитектурных ансамблях — это обращённые друг к другу и часто зеркально схожие фасады зданий. Примеры воссоздания подобных парных ансамблей были в советской архитектуре республики: театр Навои и гостиница Ташкент, например. На зодчество же периода независимости понятия пара и парный воздействовали непринуждённое и невзирая на архитектурные каноны. Так, с расширением площади Хадра к имевшемуся на ней фонтану перед цирком симметрично добавили второй фонтан. С преобразованием на главной площади столицы мемориала Вечного огня в памятник Скорбящей матери, неподалеку от него поднялся памятник Счастливой матери. Со строительством Зала конгрессов рядом с послевоенными Курантами была построена копия на месте кафе Буратино. В этих ансамблях *кош* и *жуфт* отражают непосредственные импульсы национальной психологии. Такая непосредственность является в определённой степени выражением долго сковывавшегося и теперь раскрепощённого зодческого мышления, поддерживает живую реакцию на жизнь и позволяет идеалам людей иметь право гражданства в архитектуре. Пока — приёмом повтора, без вникания в закономерности канонов ансамблевости.

Здание Дворца симпозиумов с Национальной библиотекой имени Алишера Навои (ноябрь 2011 г., Н.Н. Алимов) в стилизованном отношении тоже стало *жуфт*-ом ранее построенному Дворцу форумов Узбекистан, повторив его: гигантский плоский купол, резные деревянные двери на стеклянном фасаде, белоснежность стен с романскими арочными и прямоугольными проёмами. За цветомузыкальными фонтанами — колоссальный ордер вдоль фасадов и по углам арочных вьездов. Фасады объединены полосой кронштейнов. Вне и внутри Дворца — беломраморная прямо- и криволинейность. Жёлтые люстры, коричневые резные двери, голубые стёкла проёмов, позолота перил, серебро поверхностей, два цветных панно вестибюля: справа — композиция из цветов Узбекистан, слева — аллегория с гранатами Сад познания. Большой зал на 1000 мест и малые залы, компьютеризованные читальные залы, кинозал. В этом комплексе предстоит внедрять зарубежный опыт библиотечного дела.

Переход к рыночной экономике, сопровождающийся иностранными инвестициями в республику, трансформирует её архитектурный стиль классицизма. Совместные предприятия строят здания средней этажности, компактные и схожие по функциональной программе: это — офисы, совмещённые с гостиничными номерами или квартирами, а также учреждениями торговли. Офисы и гостиничные номера вокруг холлов спланированы по этажам

гостиницы Австрия на улице Садыка Азимова (2005 г., Адылов Р.Н., Дадаян А.А.). Новый для Ташкента образ этого здания вдохновлён неповторимой помпезностью классицизма Вены. Классицизм же трёхэтажного жилого дома (1946 г., М.С. Булатов) на улице Навои Ташкента вдохновил архитектурный стиль нового, на его месте, 4-этажного здания (2011 г., А.Д. Акмалаев) для совместного узбекско-итальянского предприятия. Обветшавшее здание патриарха нашей архитектуры было снесено, но мотив его лоджий из трёх арок повторился с максимальной лояльностью в новом, по словам молодого архитектора, ориентальном палаццо. Палаццо потому, что, предприняв поездку по Италии, архитектор уточнил стиль колонн таких лоджий, которые затем узбекские мастера вырезали из кыргызстанского травертина. От средневекового итальянского керамического блюда с признаками арабского влияния

293

архитектор перенял контрастный орнамент для первого этажа здания с магазином *Ermenegildo Zegna*, а весь фасад построил, действительно, как венецианское палаццо. Очарование классицизма, достигнутое здесь многократным повторением мотива арочно-колонных лоджий, в другом здании этого же архитектора исполнено, наоборот, гипертрофией профиля капители классической колонны. Семизатяжный общественный центр Султан-Дарваза (2012 г.) на Шахрисабзской улице создал — как фантастическое видение — образ новых Царских ворот Ташкента, имевшего некогда 12 ворот. Предназначенный для офисов и досуга, центр имеет и мемориальное значение: мотив Бахчисарайского фонтана на фасадах напоминает о трагической, в сталинское время, судьбе крымско-татарского народа, нашедшего кров на узбекской земле. Универсальные каноны классицизма в этих зданиях переосмыслены глубже, детальнее и требовательнее, и в них внесены свежие мотивы уже не только узбекистанские, но и дальних стран — законодательниц этого стиля. Классицизм таких зданий не копирует образцы, а расширяет границы, трактуя стиль свободнее и в связи с современной жизнью. О классицизме таких зданий можно сказать, что он и интеллектуальнее остальных. И это тоже важно для прогресса архитектуры.

Павильоны республик СССР на Выставке достижений народного хозяйства в Москве В. В. Путин предожил 19 ноября 2010 г. сдать на 50-летнюю аренду нынешним странам СНГ в качестве их бизнес-представительств с символической платой 1 рубль в год. Павильон Узбекской ССР (1939–1954 гг., С.Н. Полупанов) в стиле классицизма наш тогдашний архитектурный авторитет Б. Н. Засыпкин признавал как успех, ибо не видел в нём мавританщины и «изолированного решения несуществующего ордера». То есть органичность здания и жизненность его архитектурного ордера приветствовались уже тогда. В подлинной классике архитектурный ордер конструктивен — как в удачно найденном решении мемориала Вечного огня. В классицизме же архитектурный ордер теряет конструктивный смысл и становится украшением, декоративно упорядочивая фасады. В обоих случаях архитектурный ордер является средством совершенствования установившейся традиции, нежели непременно изобретением нового. При синтезе классического и национально-го архитекторы зачастую отбирают местный исторический тип объёмной композиции, а архитектурный ордер либо приставляется к нему, как в здании Олий Мажлиса, либо декорирует навесные панели фасадов, как во Дворце форумов. В этой трактовке классицизм консервативен. В архитектуре, тем не менее, преобладает стремление к естественному выражению структуры здания в его облике. Когда в очень редких случаях эту структуру заимствуют из наследия классики, — как А. В. Шусев в театре оперы и балета имени А. Навои (1937–1947 гг.), — успех предreshён. Чаще же синтез структуры и облика архитекторы осуществляют на свой манер. Этим и интересны трудности каждого этапа эволюции архитектуры. И этим трудностям — при любых стилевых вариациях — и подчиняется в настоящей архитектуре всё.

Одновременно с классицизмом набирал силу корпоративный стиль архитектуры, обычный для стран с развитой рыночной экономикой и новый у нас. К середине 1990-х гг. индийской корпорацией Тата построены три гостиницы: отель Меридиен в новгородском центре Ташкента в комплексе со зданием Культурно-информационного центра конца 1980-х гг.; самаркандский отель Афросиаб на территории некогда цитадели Амира Темура; отель Бухоро (1996 г., М. Вахидов, В. Ципишев, Р. Янбулатов) на территории нового административного центра Бухары. Различны композиции отелей: ступенчатая пирамида Меридиен, распластанный корпус Афросиаба, мощная вертикаль Бухоро. Стиль корпорации выражен мощными каркасами, крупными объёмами бежевого или оранжевого цветов и контрастирующими на их фоне стеклянными и бетонными скрупулами балконов и карнизов. Такой стиль архитектуры новых отелей, банков, деловых и торговых центров стал свидетельством раскрытия республики миру и её активных экономических взаимосвязей с ним. Здания стиля осуществляются международными строительными корпорациями для функционирующих также в международном масштабе финансовых корпораций. Строительные корпорации через филиалы в разных странах распространяют этот интернационализированный стиль архитектуры.

294

Композиционными контрастами и дорогими строительными материалами отличились отель Интерконтиненталь и 23-этажный высота 106 м) небоскреб Национального банка Узбекистана, воздвигнутые специалистами проектного института ТашНИИ-ПИгенплан и турецкой корпорации Айсель (1995 г., А. Р. Тохтаев, Ф. Э. Пакдемирли, Э. Яман). Здания являются крайними в полукруге комплекса Узэкспоцентра вдоль проспекта Амира Темура на месте советской Выставки достижений народного хозяйства и парка Победы. За этим Международным торгово-выставочным комплексом распланированы Детский парк на 5000 человек в сутки и Аква-парк на 2000 человек в сутки (1995 г.). При входе в отель — атриум под скатной остеклённой металлической фермой. Здание облицовано полированными светло-серыми плитами с крупной ритмикой на них синего остекления. Сплошные же стены зала конференций перед фасадом выделены оранжевой полосой и коричневыми панелями. Башня Национального банка поднята на квадратном плане с угловыми железобетонными пилонами на всю высоту и со сплошным зелёным остеклением фасадов и кровли. Последняя на каждом фасаде имеет форму арок с аббревиатурой NBU под ними. Остекление фасадов трижды западает по мере спуска вниз. А нижние этажи несколько выступают наружу, контрастируя с геометрией верхней призмы. К сентябрю 1999 г. в этом комплексе открылся и торговый центр Ташкент-плаза. Двухэтажная торговая галерея завершена стеклянным атриумом с льющимися от его зенита водными струями. В согласии с типологическим смыслом слова *plaza*, она связывает два городских пространства: площади на проспекте Амира Темура и аллеи перед главным павильоном выставочного комплекса. В апреле 2000 г. открылся высотный корпус Бизнес-центра между небоскребом NBU и Ташкент-плаза. Семнадцать этажей монолитного железобетонного каркаса с солнцезащитными и светоотражающими стеклопакетами в алюминиевых переплетах вонзились в небо крупными объёмами, — так в Ташкенте начала XXI в. осуществились конструктивистские мечты архитекторов начала XX в. Из общей площади 60000 кв. м, первый этаж отведён для кафе на 180 мест, кафетерия на 200 мест, бара, парикмахерской, химчистки; второй этаж — выставочный зал на 700 кв. м, конференц-зал на 100 мест, услуги почты-телекса-факса; остальные этажи предоставлены международным офисам с современными видами связи.

295

Корпоративный стиль отразился и в 15-этажном административном здании Центрального банка (1997–1998 гг., А. Черников, Р. Шакиров, А. Тараненко, и др.), построенном на Узбекистанском проспекте. Высотная новостройка блистает колоссальным ордером и монументальной аркой над ним, фоном же им являются голубые и золотистые стеклопакеты. Столичные стили повторились и в областях: вход в Андижанский лицей бытового обслуживания повторил форму стеклянного небоскреба NBU, а арки колледжа в Джалолкудукском районе Андижанской области последовали ташкентским Хокимияту и Бирже. То есть, если народные мастера одухотворяли своим искусством величие столичных построек, то столичные стили стали придавать монументальность архитектуре областей. И в этом смысле стилиевой обмен между столицей и областями сблизил технический и смысловой уровни их архитектур.

Отель Марказий (первоначально Шератон) возведён бельгийской корпорацией Буйг в конце 1999 г. (архитектор Р.М. Валиев). Его план в форме «галочки» раскрыт к перекрестку проспектов Алишера Навои и Амира Темура. Двадцатизэтажная светло-серая призма имеет гранёные фасады, и через их зеленоватое остекление на город смотрят гостиничные номера на 250 мест. Гранёная композиция выразительна настолько, что с разных точек города воспринимается по-разному. Вестибюль, как и в Интерконтинентале, покрыт остеклённой скатной металлической фермой, а декорирован самаркандскими мотивами. От него стеклянный коридор, огибая банкетную ротонду, ведёт в конференц-зал. Коридор и зал украшают миниатюры на шёлке — копии дальневосточных и среднеазиатских оригиналов. Банкетная ротонда покрыта стеклянным куполом, в её центре — небольшой фонтан, стены раздаточной украшены стрельчатыми нишами. Помещения первого этажа открываются в вестибюль стрельчатыми арками с расписными *тимпанами*. По обе стороны вестибюля поставлены расписные минареты, и левый из них имеет наружную винтовую лестницу на галерею второго этажа. У центральной стены — журчащий фонтан. Стеклянный лифт вылетает из уютного вестибюля наверх над всё более захватывающими панорамами города. Типовые этажи спланированы компактно: площадка перед лифтами и два направления коридора с деревянными панелями стен, лампами освещения на них и миниатюрами о Темуридах. Гостиница имеет открытый и крытый бассейны, сауну, теннисный корт, рестораны, кафе-бар.

В марте 2000 г. открыт Межбанковский центр финансовых услуг, возведённый по заказу Ассоциации банков Республики Узбекистан югославским архитектором Драганом Манасевичем и корпорацией Энергопроект Холдинг АО. Финансовым организациям в Межбанковском центре предоставляются лизинговые, страховые, информационные, юридические и прочие услуги. Два подземных гаража, атриум в шесть этажей и с рестораном, 12 типовых этажей, 5 лифтов, конференц-зал на 450 мест, кабинеты деловых переговоров, пресс-центр и, наконец, вращающийся ресторан 19-го этажа. Подобно тому, как высотная гостиница Чор Су завершила на западе перспективу улицы Навои, высотный Межбанковский центр завершил перспективу Узбекистанского проспекта. Эти две параллельные улицы идут по северному и южному периметру центральной линейной зоны столицы. Примечательны прототипы стилей этих двух высотных зданий. Гостиница Чор Су 1980-х гг. стала копией гостиниц в Лондоне и Бухаресте 1960–1970-х гг. с добавлением мотива гигантских стрельчатых арок. Небоскреб Межбанковского центра тоже имеет восточный мотив. Центральная вертикаль его композиции подобна минарету и завершена куполом, на котором установлен шпиль (98,7 м), повторяющий форму знаменитых водонапорных башен Кувейта 1980-х гг. Отель же Марказий своей композицией обязан 40-этажному на 1000 мест токийскому отелю Акасака Принс (1972–1982 гг., К. Танге). Все эти примеры убеждают, что корпоративный стиль откровенно тиражирует достижения новой архитектуры XX в.

296

297

Не эмоциональное выражение конструкций, как в начале XX в., а всё чаще стеклянная оболочка становится приоритетом корпоративного стиля. С этой целью и были сброшены навесные бетонные панели с башни Вычислительного центра Академии наук, чтобы каркас призмы обернуть в стеклянную оболочку. Присущий нашему времени культ обёрток потребительских товаров, кино, видео и компьютеризация усилили значение поверхности и знаков на ней. В архитектуре тоже делается акцент на знаках фасадов, на их «чтении». Корпоративный стиль возводит каркасные конструкции, обёртывая их в изысканные оболочки. Он словно следует логике немецких слов *wand* — стена и *gewand* — одежда из ткани. Как одежда для тела, так и оболочки обёртывают в корпоративном стиле каркас зданий. Одежда сегодняшнего корпоративного стиля подогнана столь рационально, что её сравнивают с кожей (3). Архитектуре Средней Азии, произошедшей от тканей-перегородок кочевников, весьма близка такая корпоративная концепция одежды и кожи. Важно не свести всё к технизированному украшательству поверхностей, потому что формирование зданиями как интерьеров, так и пространств городской среды остается незыблемым приоритетом. Мировой архитектуре редко удаётся связать блеск корпоративных зданий с местными городами. Выразить в этом общемировом стиле высоких технологий собственную культуру остается вызовом, достойным каждого государства. И по очень простой причине: прогресс архитектуры и, следовательно, лицо страны всегда обеспечиваются освоением новых строительных материалов и конструкций из них. Сейчас подобные стилизации тиражируются в республике. Так, вслед за небоскребом NBU его трижды западающее вниз остекление повторилось на фасадах Олий Мажлис. А идущий от классицизма полукруглый выступ в центре фасада уже превратился в стандарт для многих административных и учебных зданий республики. Корпоративная архитектура способна урбанизировать центры наших городов, подняв их ввысь и наполнив новыми функциями. Но её космополитизм останется очередной модой, если не будет осмысляться согласно политическим и культурным целям республики.

И классицизм, и корпоративность — это ширмы. Из-за того ли это, что концепция плоскости, декоративного покрывала или даже конструктивной ширмы — при неизменяемых до консерватизма планах и композициях — исторически характерна для монументальной архитектуры Узбекистана и, следовательно, живуча в сегодняшнем национальном менталитете?

Архитектура жилья

С развитием рыночной экономики государство перестаёт быть в градостроительстве единственным заказчиком, инвестором, исполнителем и гарантом. В жилищном строительстве проблемы легли на плечи самого населения, и это проявилось в повсеместном развитии малоэтажного индивидуального строительства (4). В рыночной экономике жилище — предмет спроса и предложения, купли и продажи. Наряду с государственным строительством многоэтажных экономических жилых домов, определялись потенциальные заказчики для новых типов малоэтажного жилья, формировались схемы их финансирования, и совершенствовались методы строительства. Ташкентские эксперименты начались в 1990 г. с проектирования институтом СредазНИИТАГ махалли Гулбозор на *шахристане*. На основе советских норм были спроектированы и построены двухэтажные дома проезда Хакикат. Семьи, купившие их, перестроили тесные жилища, указав строителям на необходимость не типового, а индивидуального проектирования. Так и возводили следующий массив Урикзор в Акмал Икрамовском районе. По генеральному плану института Ташгипрогор, на территории 248 га были обеспечены инфраструктура,

объекты культурно-бытового обслуживания, детские учреждения, поликлиника, мечеть, махаллинские центры на 2–2,5 тысячи жителей с помещениями для отдыха, клубной работы, массовых мероприятий. Предложенные 15 проектов жилых домов не удовлетворили всех требований застройщиков — нужно было учесть пожелания каждого. Выводом для будущего стала необходимость создания гибкого механизма: застройщик — архитектор — строительная база. Эксперимент, начатый в махалле Гулбозор, был продолжен институтом СредазНИИТАГ совместно с трестом Тошкенттикланиш в махалле Караташ (1991 г., С. Р. Адылов, В. Н. Бреусенко). Вскоре он был остановлен городским Хокимиятом, начатые строительством малоэтажные дома продали, как ранее в махалле Гулбозор, и застройку района завершили не только 2–3-х, но и 5-этажными жилыми домами (Х. Абдураимов, Р. А. Хайрулдинов, Г. П. Костина).

299

Республиканские строительные нормы и правила КМК 2.08.01–1994 Жилые здания предписали, что в условиях Узбекистана минимальная норма общей площади на одного человека должна быть не менее 16 кв. м, а высота от пола до потолка не менее 3 м. А к 1996 г. для индивидуальных застройщиков были разработаны проекты малоэтажных жилых домов для больших семей. Они исходили из того, что быт и уклад жизни больших семей отличаются от быта семей малых и средних. Для больших семей необходима общая комната площадью 30–35 кв. м и гостиная, площадью не менее 30 кв. м. Комфортный быт предполагает благоустроенную кухню, санитарные узлы, надворные подсобные и хозяйственные помещения, такие, как сауна, летняя кухня, *тандырная* для выпечки лепёшек и др. Для быта больших семей с соответствующими жилыми, подсобными и хозяйственными помещениями необходима расчётная общая площадь 25–30 кв. м на одного человека (5). В последовавших 1996–2008 гг. объём вводившегося в городах жилья снижался.

300

Если архитектурный облик малоэтажных жилых домов махалли Гулбозор — это осовременённое традиционное узбекское жилище, то для квартала на улице Хусанбаева были спроектированы элитные дома международных стандартов (1999–2000 гг., Ф. Ю. Турсунов). Десяток домов из семи типов имеет площадь от 220 до 600 кв. м. Дома разной этажности блокированы по двое и четверо, с раскрытием на прилегающие участки. В подвалах — гараж, сауна, тренажёры. Первые этажи — вход с каминным залом, кабинет, столовая и кухня, комната прислуги. Вторые этажи — спальни, которых всего от трёх до шести. Третьи этажи — студия, кухня, плоская используемая кровля. Элитный жилой дом, спроектированный этим же архитектором (2002 г.) для Мирзо-Улугбекского района Ташкента, имеет вход на углу прямоугольного участка, который ведёт в просторный овальный холл типа хорошо проветриваемых *долон*ов народного жилища. Отсюда овальная галерея расходится по обе стороны дома, а прямая дорожка во двор завершается у круглого бассейна. К бассейну открыты, с одной стороны, овальная гостиная и, с другой стороны, кухня при гараже дома. Прямоугольный по периметру и непримечательный извне, этот дом раскрывается внутри уютом своих пластичных пространств. Подобные жилые дома со стремлением к почти барочной *свободе* композиций возникают и в *махаллах*, как например дом на исторической — от *Амира* Темура — самаркандской улице Хакикат (2002 г.). И если в Ташкенте свобода вызывает восхищение, то в Самарканде она поднимает проблему сохранения характера исторической застройки этого города.

301

Коттеджи на ташкентской улице имени генерала Узакова и в Кибрайском районе (2007 и 2008 гг., Ш. Ш. Хидоят) представляют двух характерных типов индивидуальных застройщиков. Первый коттедж является минималистским и хорошо знакомым по составу помещений. Второй же исполнен по щепетильному заказу и в национальных традициях: в нём два двора — передний парадный и сугубо семейный в глубине дома, оба двора связаны меж собой через кухню с террасой и холл

302,
303

с гостиной, на втором этаже тщательно продумано размещение спален родителей с детьми, а также комнаты для гостей.

Большое внимание в индивидуальных коттеджах стало уделяться главной ценности узбекского жилища — двору. Согласно опросам, многоэтажному дому предпочли традиционный дом 90% опрошенных старше 40 лет, согласились же на многоэтажный дом 10% молодых. В многоэтажном доме не провести обряды для 57% опрошенных, там не заняться огородом для 27%, и в нём не сохранить большую семью для 16% опрошенных (6). К 2006 г., за счёт индивидуальных застройщиков, объём жилищного строительства увеличился, но в целом он продолжал снижаться. Индивидуальное строительство, однако, не решает проблему, обеспечение жильём в городах идёт преимущественно за счёт приобретения населением высвобождаемого старого жилого фонда. Для решения этого аспекта урбанизации необходимы новые подходы и инструменты. И одним из них могло бы стать строительство социального жилья на средства как центрального, так и местного бюджетов (7).

Вкладом в возрождение наших строительных традиций, в реконструкцию и реставрацию исторического наследия стали научные и практические работы Представительства ЮНЕСКО в Узбекистане. Для республики последовательно разрабатывались проекты, и по ним осуществлялись постройки в традиционных для народной архитектуры материалах: *пахсе*, то есть глинобитной стене, и кирпиче-сырце. Среди таких работ — мастерская натуральных красителей по улице Заркайнар в реконструируемом районе старого Ташкента, а также проекты и постройки в областях республики. ЮНЕСКО издало «Всеобъемлющее руководство» о мировой практике и способах глинобитного строительства (8). Книга иллюстрирована многочисленными глинобитными постройками, осуществлёнными в Узбекистане под руководством Представительства ЮНЕСКО. Одним из ярких примеров возрождения традиционной технологии глинобитного строительства является комплекс Культурного центра Бактрия в Мозори Шариф, Афганистан (2007 г., М. Барри Лейн, С. Кабилов, Б. Юльчиев, Р. Юсупов). Центр в новом дипломатическом квартале города предназначен для образовательной и культурной активности. Традиционные своды и купола возведены организацией АКТЕД по проекту ЮНЕСКО. Строительные технологии в странах Центральной Азии, а рабочий проект разработан ООО Arx Dizaun San'ati по письму-заказу ЮНЕСКО. Параметры комплекса 33 x 43 м и его средняя высота 6 м. Под фундаментами — подготовка из известково-золяного раствора. Фундаменты ленточные из бутовых камней на ганчевом растворе. Цоколь из тёсаных известняковых каменных блоков на ганчевом растворе. Горизонтальная гидроизоляция из пропитанного битумом камыша. Полы из жжёного кирпича на песчаной подготовке. Интерьеры оштукатурены глиносаманным раствором. Стены из сырцового, а кровля и купола из жжёного квадратного кирпича. Углы стен усилены пропитанными битумом прокладками из камыша. Антисейсмический пояс из железобетона. Комнаты покрыты куполами на пересекающихся арках, усиленных контрфорсами. Опорное кольцо и сердечники купольного покрытия — из железобетона. Есть электричество, водопровод, канализация.

Архитектура сельских районов Узбекистана получила стимул развития в 2009 г., объявленном годом развития и благоустройства села. Застройка районных центров, средних и малых городов и посёлков начала соответствовать происходящим социально-экономическим переменам. Поднялись новые типы общественных зданий, обновлялась архитектура жилища. При соответствии современным стандартам, в планировках жилых домов сохраняются традиции быта населения. За два года реализации Программы строительства на селе индивидуального

304

305

306

алюкапон, алютекс, гипсокартон, металлочерепица, сопровождается иногда такой нежелательной тенденцией, как строительство псевдоготических остроконечных чердачных крыш, башенок, игнорируя замечательные традиции народного жилища. Архитектурные вузы республики недостаточно обращают на это внимание, а архитекторы-проектировщики на местах не занимаются повышением квалификации» (11).

Учебные здания

Изменилась архитектура учебных заведений для молодого поколения, составляющего более 70% населения республики. В осуществление Национальной программы по подготовке кадров в 1997–2005 гг. прошло несколько этапов конкурсов на проекты колледжей и лицеев, которые были довершены как базовые институтом УзЛИТИ. В феврале 1998 г. Министерством высшего образования утверждены Основные положения по проектированию академических лицеев и профессиональных колледжей. Под руководством Госкомархитектстра, АО УзЛИТИ были разработаны базовые проекты для привязки в городах и населенных пунктах республики, рабочие же чертежи колледжей разного профиля и вместимости разработаны институтом Ташгипрогор. В трёх-четырёхэтажных колледжах и лицеях из отдельных блоков вокруг двора или атриума получившим девятилетнее образование учащимся преподаётся профессиональная подготовка. Академические лицеи предназначены для 375, 600, 825 и 1050 учащихся. Лицеи трёхэтажные, в монолитном каркасе и кирпичных стенах. Архитектура блочная, с восьмигранным портиком фасада, ведущего в вестибюль с расположенными по его сторонам кабинетами, лабораториями и помещениями занятий. Ядром здания является его двор, и замыкает композицию общественный блок со столовой на первом этаже и спортивным залом на втором этаже. Лицей для 375, 600 и 825 учащихся имеет Т-образный план с гранёным портиком входа. Самый крупный академический лицей на 1050 учащихся состоит из пяти отдельных блоков, имеет план в форме буквы Ш из пяти корпусов с аркадами на главном фасаде. В каждом из планов выделяется широкий корпус актового, спортивного залов и столовой, узкие корпуса аудиторий с коридорной планировкой, и расположенные между ними фойе или внутренние дворы. В 1999 г. лицеи построены в Ташкенте, Фергане, Андижане, Термезе, Джизаке, Ургенче. Одним из первых стал построенный на месте пионерлагеря Костёр Строительно-коммунальный лицей на 600 мест по улице Уйгура Акмал-Икрамовского района Ташкента. Это четырёхэтажное с подвалом здание (Р. Искандаров, Л. Сердюк, и др.) имеет на третьем этаже дворики выставок строительных материалов и макетов, покрытые металлическими фермами и прозрачными листами лексана. Введённый в строй в начале 2000 г. Андижанский профессиональный лицей бытового обслуживания на 300 учащихся (Т. Максумов, А. Ракутин, и др.) обращён на центральную улицу Навои. Он состоит из трёхэтажных корпусов, и их светлые плоскости над входом главного фасада прерваны выступающей вперёд и вверх стеклянной башней со скатной кровлей. Это — подражание небоскребу NBU в Ташкенте. А трёхэтажный протяжённый фасад колледжа на 300 учащихся в центре Джалолкудукского района Андижанской области разбит аркадами наподобие ташкентских зданий архитектора Ф. Турсунова. Так не крупная архитектура областных лицеев и колледжей заимствовала монументальность столичных объектов. В марте 2000 г. сдан в эксплуатацию расположенный в Шейхантаурской части Ташкента академический лицей при Университете мировой экономики и дипломатии. Четырёхэтажный лицей на 825 учащихся оснащён учебными средствами, имеет лекционные аудитории, зал заседаний, столовую, спортзалы и площадки. Наряду с новыми зданиями, для академических лицеев реконструируются существующие и приспособляются незавершённые строительством. Предстоит уточнение состава и площадей лицеев

и колледжей в соответствии с реальными учебными планами, а также совершенствование технико-экономических показателей зданий (12).

Указом Президента Республики Узбекистан И. А. Каримова от 21 мая 2004 г., Национальная программа школьного образования на 2004–2009 гг. охватила выпускников 9-х классов системой профессионального образования для овладения ими и среднего образования, и профессии. Госархитектстрой и институт УзЛИТИ с другими институтами разработали нормы проектирования и типовые проекты общеобразовательных школ-девятилеток и школ-интернатов на 27 классов и 945 учащихся (13). Если школы 1960-х гг. имели лаборатории естественных наук, трудовые мастерские, актовый и спортивный залы, столовые, то школы 1970-х гг., в соответствии с их экспериментальными программами, имели плавательные бассейны. Школы же 1980-х гг. для 11-летнего образования и обучения с 6-летнего возраста имели кабинетную, с техническими средствами, систему обучения, а также группы продлённого дня для физического и творческого развития детей. Класс до 60 кв. м. рассчитывался на 30 учащихся. В начале XXI в. многие школы были переуплотнены, занятия проводились в 1,5–2 смены, классы наполнялись до 40–45 учащихся вместо 30–35. В 2005–2010 гг. в Ташкенте общеобразовательные школы-9-летки планировались из расчёта 150–160 учащихся на 1000 человек населения (14). Коллективом УзЛИТИ (Ходжаев С. А., Мухамедшин Л. А., Зимакова Т. П., и др.) были выработаны ведомственные строительные нормы проектирования — ВСН 1–04 Общеобразовательные школы и школы-интернаты, утверждённые Министерством народного образования Республики Узбекистан. Типовой проект городской общеобразовательной школы разработан на три потока учащихся 1–9 классов, каждый на 35 учащихся, — всего 27 классов на 945 учащихся. Учебные, административные и бытовые помещения — в 3-этажном корпусе с внутренним двором. За ним — 2-этажный корпус с залом. На первом этаже — учебные мастерские и столовая. На втором этаже — актовый зал и спортивные большой и малый залы (15).

По заказу Министерства культуры и спорта в результате большого конкурса спроектировано и построено новое здание Консерватории (1996–2002 гг. архитектор В. Л. Спивак). Строительство финансировалось также хокимиятом Ташкента. Каркас протяжённого пятиэтажного здания усилен согласно сейсмическим требованиям. Конкурсные варианты предлагали для здания один зал. Замыслив Консерваторию как храм искусств, В. Л. Спивак добавил три дополнительных зала. В целом в здании четыре зала: самый большой оперный, органный, экспериментальный и малый. Они с прочими помещениями сгруппированы вокруг атриумов Т-образного плана. Интерьеры украшены произведениями монументально-декоративного искусства.

В республике становится больше учреждений высшего образования, функционирующих совместно с ведущими зарубежными университетами. В целях дальнейшего развития и совершенствования подготовки специалистов с высшим образованием для высокотехнологических отраслей промышленности, гражданского и промышленного проектирования и строительства на уровне передовых образовательных стандартов, расширения международного сотрудничества в сфере высшего образования в 2009 г. открыт Туринский политехнический университет (ОАО Ташгипрогор, У. А. Музаффаров, М. С. Тунеева). Для него, реконструкцию и расширение бывшего комплекса зданий ТашЗНИИЭП осуществили АК Узавтосаноат и проектная организация ОАО Ташгипрогор. Главный вход расположен с малой кольцевой автодороги столицы, со стороны 4-этажного учебного корпуса и 7-этажного административного блока. К административному блоку пристроены вестибюль, две аудитории и библиотека. С севера административного блока находится спортивный блок с 3-этажным корпусом.

В 2009 г. открыт новый корпус в комплексе Исламского университета в Ташкенте. Университет расположен между улицами А. Навои и А. Кадыри и занимает построенные в разные годы и даже века здания квартала на месте древнего Шейхантаурского кладбища. Так, в комплекс университета вошли: мавзолей Юнусхана XV в., рассматривавшееся нами здание Кооперативного техникума 1927 г. и здание Института реставрации 1970-х гг. По одной линии с последним зданием и расположился новый корпус Исламского университета, обратившись фасадом к бульвару А. Кадыри. Фасады обоих зданий исполнены в открытой кирпичной кладке, но в сравнении с советским зданием 1970-х гг. во входном здании Исламского университета вариация национального стиля дана детально и в цвете, в центре фасада возвышается *пештак*, а за ним — ребристый купол в стиле мавзолея Гури Амир.

Претворяя в жизнь Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 27 мая 1999 г. «О мерах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта Узбекистана» и Указ Президента Республики Узбекистан от 24 октября 2002 г. «О создании фонда развития спорта», во всех областях республики построены спорткомплексы, теннисные корты, плавательные бассейны, детские спортивные сооружения. Регулярно проводимые в Ташкенте международные соревнования по теннису на Кубок Президента способствовали популяризации этого вида спорта и строительству кортов в Андижане, Намангане, Карши и других городах. За открытыми кортами Юнусабадского спорткомплекса построен крытый универсальный корт с трибунами на 3000 зрителей (1997 г., В. А. Аюпджанян). Ко Дню независимости в 1999 г. в Бухаре для городских и международных турниров открыт теннисный комплекс Хумо с крытым залом на 250 мест и открытым стадионом на 500 мест, тренажёрным залом, массажными, здравпунктом, сауной и фитобаром. Металлический каркас стен и потолка оставлен открытым в интерьере крытого зала — так необрутализм — грубый стиль Англии середины XX в. к его концу пришёл и в древнюю Бухару.

Реконструкции

В колониальном городе Ташкента его утраченную после землетрясения 1966 г. среду попытались воссоздать в районе улицы Сайилгох. На ней, некогда плотно застроенной и бурлившей жизнью, осталось три-четыре здания и вековые деревья вдоль тротуаров. Комплекс ресторанов Зарафшан (1982 г., В. Л. Спивак) раскрылся на эти улицы играющими светом и тенью галереями и *айванами*. Напротив, вокруг внутреннего дворика с фонарём верхнего освещения, возведён магазин Совпластитал (1997 г., С. М. Сутягин). Его фасады украшены аркадой первого этажа, квадратными окнами второго, арочными сдвоенными оконцами третьего, а также угловой башенкой с часами. Фасады из керамики зеленого цвета объединяют здание с лиственной деревьями на улице. Этот пост-модернистский стиль повторен в соседнем магазине (1998 г., В. Н. Бреусенко). Колониального времени и со 120-метровой длины фасадом пассаж купца первой гильдии Орифходжи (1897–1910 гг.) возрождён в протяжённом Столичном торговом центре на соседней улице Матбуотчилар (1997–2010 гг., В. Н. Бреусенко). Подобные примеры воссоздания функций, пространств и стиля воскрешают утраченный город, обогащают сегодняшнюю жизнь и потому заслуживают внимания и поддержки.

Реставрированы несколько крупных зданий Ташкента рубежа XIX–XX вв. Здание Маринского училища (1910 г., Г. М. Сваричевский) на углу улиц Ахунбабаева и Гоголя реконструировано для Посольства Франции архитектором Кристианом Гийёмом. Сохранены кирпичные фасады, внутренние же конструкции заменены современными. Фасады конструктивно укреплены, с них убраны излишний декор и надписи из кирпича, они расчи-

щены и в ночное время подсвечены лампами газонов. Металлические оконные проёмы с коричневатым стеклом и новый подвесной стеклянный навес над угловым главным входом усилили стиль здания. Этот блестящий образец архитектурного обновления вдохнов-

314

лял местных строителей в реконструкции колониального периода зданий Финансовой академии на улице Х. Алимджана и Юридического института на сквере Амира Темура. Другое, 1906 г., здание Г.М. Сваричевского с элементами стиля модерн — аптекарский магазин фирмы Филипп Каплан и сыновья на углу улиц Шахрисабзской и Мустакиллик — реставрирован с пристройкой к нему корпуса в аналогичном стиле. В здании теперь находится Ипотека-Банк, и его новый корпус (архитектор З.Ю. Абдуганиева, Ташгипрогор) повторил архитектуру Г.М. Сваричевского — только простенки шире между окнами с характерными круглыми проёмами-люкарнами. Новый корпус имеет свой центральный вход с двухколонным порталом и связан со старым зданием арочным проездом во двор. В прошлом здание имело характерный для той эпохи голубой цвет, ныне оно и его новый корпус бежево-золотистые. Подражание стилю модерн аптеки начала XX в. в стиле пост-модернизм конца XX в. оказалось, таким образом, уместным. Стилевое единство было продолжено на западе этого ряда застройки в помпезном здании Bank Land начала XXI в. Здание розового, голубого и золотистого цветов с протяжёнными мезонинами и люкарнами 4-го и 5-го и верхнего 6-го этажей. Над угловым входом вознесены похожие на минареты стволы с куполами, как над Межбанковским центром. В 2012 г. помпа здания сменена на ставший стандартом стиль плоскостного классицизма с романскими арками и порталами.

С первых лет независимости Министерство внешнеэкономических связей республики, занимало некрупное обновлённое здание на улице Буюк Ипак Йули, и в марте 2000 г. вселилось в реконструированное для него здание Реального училища (1898 г., В.С. Гейцельман). Это распластанное в форме буквы Н и солидно выстроенное кирпичное здание с несколькими дворами открыто на городской перекресток представительной площадкой перед главным фасадом. По соседству расположены Центральный банк, Представительство ООН, районный хокимият и прочие городские, республиканские и международные организации.

Мемориалы

Крупнейшими событиями в обращении республики к духовным истокам стали проводившиеся в республике с 1994 г. мероприятия, посвящённые 660-летию Амира Темура, 600-летию Мирзо Улугбека, 1225-летию Имама Аль-Бухари, 1200-летию Ахмада Аль-Фаргони, 900-летию Абдухолика Гиждуваний, 600-летию Ходжа Ахрора Вали, 2500-летию Бухары, Хивы и Термеза, 2700-летию Шахрисабза и Карши, 2750-летию Самарканда, 2000-летию

315

Маргилана, 2200-летию Ташкента. Мероприятия одобрены решениями сессий Генеральной конференции ЮНЕСКО (16). В начале 1998 г., с президентского одобрения архитектурных проектов двух комплексов, за рекордно короткие восемь месяцев методами народной стройки возведены мемориалы Аль-Бухари в селении Хартанг Самаркандской области и Аль-Фаргони в 1,5 км от районного центра Кувы. От прежнего комплекса в селении Хартанг сохранены захоронение, водоём и пять чинар во дворе. Территория нового комплекса составляет 10 га. Квадратный двор имеет четыре газона в соответствии с традицией сада *чор-баг*. К старому водоёму среди чинар симметрично спланирован новый. По одну сторону двора — крытая металлическими фермами мечеть на 800 человек 30 x 20 метров в плане. Мечеть с *айваном* перед ней вмещает до 1500 молящихся. По другую сторону — зал приёмов на 100–150 человек с библиотекой и столовой. При входе во двор — администрация и несколько

апартаментов для кратковременного отдыха. Колонные *айваны* двора завершены по главной оси комплекса павильоном над могилой Имама Аль-Бухари. Комплекс в Куве находится между магистралью в районный центр и территорией древнего *шахристана* с участками археологических раскопок. Восстановлена зубчатая крепостная стена *шахристана*, и на её фоне распланирован сад протяженностью 350 метров с фонтанами по оси. Отсюда к центральному возвышению *шахристана* и павильону со статуей Аль-Фаргони ведут две овальные в плане лестницы. Планировался и музей, строительство которого отложено до укомплектования экспозиции материалами, значительная часть которых находится в Египте. Комплексы в Хартанге и Куве построены в традициях национальной архитектуры: на сочетаниях порталов, арок, куполов и *айванов*. Древесина колонн *айванов*, кирпич стеновой кладки, облицовочный мрамор и мощение известняком выдержаны в традиционной серо-бежевой гамме. Павильоны обоих комплексов схожи, имеют купола диаметром 9 метров и высоты 17 метров. Купола дюралюминиевые, штампованные и окрашены в бирюзовый цвет; купол над могилой имама Аль-Бухари облицован керамикой. Портал же — светло-зелёным ониксом из Ирана. Оникс портала, трёхслойный резной рельеф дверей мечети, капители и базы колонн в павильоне Аль-Фаргони вдохновлены образцами мавзолея Гури Амир. Сталактиты-*мукарнас* порталов комплекса Аль-Бухари выполнены в гипсе самаркандским мастером среднего поколения по своим чертежам, до этого полагали, что древняя техника построения *мукарнас* утрачена. Расписные *айваны* с резными колоннами и резьбой по ганчу выполнены народными мастерами из областей Ферганской долины. Бригады мастеров под руководством архитектора А. Турдиева лишь в пределах «трёх-пяти процентов» считали возможным новаторство. Такой метод создал мемориальную архитектуру, идущую от истоков народного искусства, человечную и лишённую надменной монументальности.

5 ноября 1999 г. в Ургенче, на берегу канала Шават, открыт мемориал 800-летия полководца и государственного деятеля Джалолиддина Мангуберди. К центральному фонтану обращены две колонные галереи, они объединены аркой с ребристым зелёным куполом, охваченным внизу белым кольцевым карнизом. Центр мемориала — поставленная на символический кочевнический курган скульптура султана Джалолиддина, его рука — на рукоятки меча. Одиннадцатилетняя борьба султана с ордами Чингизхана вошла в мировую историю. Его пример борьбы за свободу, как отметил Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов, был продолжен столетие спустя Амиром Темуром, «освободившим нашу землю от захватчиков и образовавшим мощное централизованное государство» (17). На большой территории мемориала расположены теннисный корт, Аква-парк, павильоны с куполами, как на ташкентской площади Мустакиллик, и навесы. В дни празднования юбилея Мангуберды на автостраде между аэропортом и городом Ургенч открыты мемориальные сады Аль-Хорезми и Аль-Беруни с символическими мавзолеями этих учёных. Другой крупный памятник, посвящённый 1000-летию *достона* Алпомыш, открыт в Термезе 6 ноября этого же года. С птицей счастья Хумо в одной руке и луком с другой, скульптура Алпомыша возвышается на колонне, у подножия которой декоративные рельефы воспроизводят персонажей *достона*. В новый комплекс городского парка вошли также сцена для празднеств с восемью открытыми и закрытыми теннисными кортами по одну сторону и городским рынком — по другую. В ноябре этого же 1999 г., в Хорезмской области народными мастерами в саду имени поэта Огахи построен его мавзолей из современного кирпича с порталом входной арки, расположенным за ним кубообразным помещением, гранёным барабаном и венчающим куполом.

Комплекс мавзолея Абу Мансура Аль-Матуриди возведён в Самарканде в парке между улицами Бухоро, Гиждуван и Вабкент (2002 г., Р.О. Салахудинов, УзЛИТИ градостроительства). У западных ворот расположены помещения администрации и комнаты омовения. Три

айвана обращены к мавзолею с кубическим объёмом мавзолея Саманидов и ребристым куполом Гури Амира. Беломраморные колонны в углах, три полосы сталактитов по верху и П-образный портал в центре каждого фасада. Бирюзовая керамика выделяется на фоне жёлтого кирпича стен.

Таким образом, ребристый купол Гури Амира впервые воспарил в Ташкенте над павильоном Национального парка имени Навои. Через три года — над музеем Темуридов, и ещё через год — над Хокимиятом. Ребристые купола комплексов аль-Бухари и аль-Фаргони дюралюминиевые, штампованные окрашены в бирюзовый цвет. Серебристым гладким куполом завершён небоскреб Межбанковского центра. Ребристый и зелёный купол ургенчского мемориала 800-летия султана Джалолиддина Мангуберди, мужественное сопротивление которого ордам Чингизхана вошло в мировую историю, схож с кочевнической шапкой, как и символический кочевнический курган, на который поставлена скульптура султана с мечом. Затем ребристый бирюзовый купол на колоннах возведён над Мемориалом *шахидам*, и снова в родном Самарканде — над мавзолеем Матуриди. Так происходила трансформация этого символа в зависимости от контекста.

Медресе и мечети

Самое крупное в Ташкенте медресе Саид Абул-Касыма (XIX в.) впервые обследовано в 1970-е гг. Реставрированное, оно введено в ансамбль Национального парка имени Алишера Навои как Дом пропаганды памятников истории и культуры Узбекистана. Медресе Кукельдаш (XVI в.) на площади Чорсу сохранилось ко времени независимости полуразрушенным и захлапленным. Его стены и купола отстроены, *худжры* расчищены и обжиты. Мечеть Джами (XV в.) является единственной в Ташкенте пятничной мечетью дворового типа и дошла до независимости со следами европеизированной реставрации конца XIX в. В 1998–1999 гг. она полностью перестроена (А. Турдиев, К. Шорахмедов). Над холмом *шахристана* старого Ташкента вознеслись серебристые, в металлических листах, купола её трёх молельных залов: центрального размером 18 × 18 метров и боковых 15 × 15 метров. Покрытия залов конструктивно новы: два сужающихся кольца металлических ферм обеспечивают переход от периметра каждого зала к диаметру купола.

В районах жилой застройки новые мечети построены на месте зачехнувших советских центров, таких, как зимние или летние кинотеатры. Последний в завершении протяжённой ташкентской улицы имени Сабира Рахимова был снесен, и на его месте построена пятничная мечеть Умар бин Хаттоб (1992 г.). Финансированная узбеком, гражданином Кувейта, мечеть имеет просторный восьмигранный молельный зал и позади него — дворик с библиотекой, административными и хозяйственными комнатами. На улицу обращены купол зала, два минарета и ворота. Мечети возводятся в общественных центрах новых районов. Центр, названный *гузаром* махалли Караташ Ташкента, состоит из просторного и светлого зала собраний и торжеств, кухни, магазина, аптеки и небольшой мечети. Многие ташкентские *гузары* построены на городских магистралях (*гузары* Нур, NBU, Урда, 1998 г.) и имеют модернистскую архитектуру (*гузар* Истиклол, 1999 г.).

316

На месте обветшавшей мечети ташкентского кладбища Кукча построена Джума-мечеть *шайха* Зайнуддина-бобо (1998 г., А. Турдиев, К. Х. Мухамеджанов). Мечеть обращена на перекрёсток и хорошо воспринимается с улиц. На них открыты два портала двора, в глубине которого третьи ворота ведут на аллею кладбища к мавзолею *шайха* Зайнуддина-бобо (XII–XIX вв.). С юга-запада обнесённого аркадами двора высится главный корпус с тремя

залами, боковыми галереями над ними и просторным подвальным залом для молитвы. Центральный зал размером 24 x 24 метра покрыт куполом диаметром 22 и высотой 30 метров. Он покоится на таких же кольцах металлических ферм, что и в Джума-мечети *шахристана*. Минарет к югу от главного корпуса имеет высоту 50 метров, и стиль его близок арабским типам. Интерьеры залов белые с фрагментами ганчевой геометрической и растительной резьбы по зеркалу и с подкупольными столактитам. Фасады выполнены в светло-серой штукатурке. Порталы ворот и главного корпуса облицованы серо-голубым мрамором. Их тимпаны в тёмно-синей, тёмно-зелёной и сине-зелёной керамике заполнены мелким орнаментальным фоном, на котором крупно выведены арабские надписи. Здание мечети первоначально было обращено во двор стоечно-балочной колоннадой с угловым ступенчатым переходом от колонн к балкам. Стоечно-балочная система здесь была призвана обновить традиционную стрельчато-арочную. Аналогично действовал и реформатор Индии император Акбар в ордерных системах дворцового комплекса Фотихпур Сикри. Его новшество распространилось в архитектуре той страны, что и запечатлено индийской миниатюрой школы Мальва 1680 г. Возникнув в Джума-мечети *шайха* Зайнуддина-бобо, стоечно-балочная система с угловым ступенчатым переходом от колонн к балке трансформировалась в декорированные углы Арки доброты — колоннады, открывшей с 2009 г. доступ на центральную торжественную ось площади Мустакилик. Этим обновлялись вековые средства выразительности архитектуры. В настоящее время обращённая во двор Джума-мечети стоечно-балочная колоннада заполнена традиционными для мечетей стрельчатыми проёмами.

317

На рубеже XX–XXI вв. по-новому решённые соборные мечети поднялись в центре микрорайона *махалля* Ц-27 Ташкента и на периферии города Навои, причём во втором примере свежести решения способствовала восьмигранная планировка мечети (Турматов А. С., 2004–2006 гг.). С реконструкцией, с 2006 г., мемориального комплекса Хазрати Имом в Ташкенте здесь построена соборная мечеть этого же названия. Её П-образный план охватывает двор посредством высоких колонных *айванов* и обращён к выпрямленной и расширенной Карасарайской улице тремя порталами, являющими собой новые варианты традиционного *пештака*. Два минарета высотой 54 метра возвышаются по сторонам главного фасада, а над зданием — два голубых купола, изысканно расписанные в интерьере большого молельного зала. Тектоника остальных трёх фасадов мечети исполнена сугубо традиционными членениями порталов, арочных ниш и керамических фрагментов — для гармонии с окружающими историческими постройками комплекса.

318

Возрождение архитектуры мечетей началось с периода независимости Узбекистана, и к своему двадцатилетию Республика насчитывала две тысячи функционирующих мечетей.

Сады и парки

Одним из первых в пригороде Андижана на возвышенности, открытой ветрам с окружающих полей и гор, был сооружен Боги Бобур: здесь любил отдыхать будущий основатель империи Темуридов Индии. Посередине возвышенности построено мемориал, на вершину сада ведёт канатная дорога, и там, в тени деревьев — много мест отдыха с очагами для приготовления национальных блюд. В парках советского и даже колониального периодов были снесены архаичные сооружения, расчищены и перепланированы территории, построены сооружения из новейших материалов и конструкций.

319,
320

Неузнаваемо изменился ташкентский парк имени Бобура, раньше имени Кирова. Бывший сквер Революции лишился кафе Дружба и Буратино, а также крошечного цветочного

павильона купца Филатова, чудом уцелевшего ещё с колониальных ярмарок. Новый сквер Амира Темура стал обозреваемым, его украсили несколько фонтанов с чашами из нура-тинского мрамора, а с возведением Дворца форумов Узбекистан сквер раскрыл виды на него. Соседний парк за зданием городского Хокимията, ныне банка, тоже стал просторнее, чище и тише, располагая к спокойному отдыху.

В 1999 г. реконструирован парк имени Тельмана, переименованный в Боги Эрам: архитектор Н. Зацерковная обновила сложный рельеф парка и ввела новые павильоны. В Термезе всегда стремились смягчить климат лета каналами и водоёмами и, по рекомендации Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова в июне 1999 г., газоны вокруг них благоустроены малыми архитектурными формами. Этому последовали и в Коканде к празднику независимости 2000 г.: сады имени Мукуми и Фуркат обогатились амфитеатром, павильонами бассейнов и Аква-парком.

Независимость преобразила архитектуру Узбекистана. Нация утвердила себя и проявила способность создавать разнообразную архитектуру. Её зодчество в буквальном смысле страхнуло с себя шелуху строительной отсталости советской провинции. Тяжеловесные железобетонные фасады сброшены ради новейших каркасных решений и вариантов их панелей. Заявил о себе новый стиль — пространственной ясности, регулярных планов, геометрической чистоты поверхностей, лёгких и прозрачных конструкций, новых типов зданий и нового отношения к историческим городам и памятникам прошлого, новой монументальности в духе свойственной мусульманской культуре сдержанности. Участие народных мастеров одухотворило монументальность корпоративных построек, а столичные стили технически совершенствовали архитектуру областей. Такой стилевой обмен между столицей и областями способствовал сближению уровней их архитектуры. На земле Узбекистана великие культуры достигали апогея своего развития и оказывали благотворное влияние на соседние и отдалённые страны. Продолжила такую эволюцию и новая архитектура Республики Узбекистан. Здесь, как нигде в мире, в лоне наследия зрелой исламской архитектуры и градостроительства проходил процесс становления и интенсивного развития новой архитектуры. Благодаря этой уникальной практике новая архитектура и градостроительство накопили исключительно ценный опыт перехода от прошлого к настоящему. Прогресс архитектуры, отношение к прошлому и его интерпретация зависят от конкретного на данном этапе социального заказа, который необходимо качественно реализовывать при условии широкого кругозора архитекторов и возможностей строительной индустрии. Следует повысить роль архитекторов в процессе государственного строительства, чтобы независимая республика продолжила прогрессивные достижения своих выдающихся зодчих прошлого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Узбекистан является наследником древнейших цивилизаций протогородов и протогосударств кочевых и оседлых народов вдоль Амударьи, одной из великих рек, качавших колыбель человеческой расы.

В период античности Средняя Азия была урбанизирована как и Средиземноморье и развивала классику архитектуры Месопотамии, Индии и Ирана.

В три века эллинизма урбанизированные оазисы оградилась от кочевников стенами, регулярность эллинских поселений принял Хорезм, и классика Греции повлияла на буддийские монастыри-*вихара* из Индии и на исламские мавзолеи.

Феодалная архитектура церемониала Сасанидов под куполом на квадратном основании достигла кульминации в базилике Св. Софии. В литургиях в ней мир увидел путь к Богу, «знаком Бога» назвал путь той литургии Коран, и суфизм перенёс его в *хонаках*. Архитектура протогородов продолжилась в *деханских* замках-*кёшках*, становившихся цитаделями выроставших городов. Города и пригороды делились на внутренние и внешние.

В VII в. шаманизм, зороастризм, христианство и суфизм Средней Азии встретились с исламом в *хонаках* Баба Ата, — он определил архитектуру *хонаках* по XVI в. Радиус 1,3 км столицы Аббасидского халифата Багдада стал характерным для городов ислама.

Бухара стала центром тюркской экспансии: с X в. Гуриды несли в Индию план этого города и архитектуру его мавзолея Саманидов, а с XI в. Сельджукиды несли в Малую Азию и возвеличили там крытую караханидскую мечеть с одним куполом перед михрабом. Так тюрки распространяли второй, после Омейядов и Аббасидов, исламский классицизм Бухары на юг и запад.

С приглашением в монгольскую Азию христианских миссионеров теперь уже не планировка, а конструкции базилики Св. Софии усовершенствовались *хонаках*, и мечеть в нём уступила место суфийской *чиллахоне*.

Кочевники доминировали в связях города и оазиса, и ради этой связи Амир Темур заимствовал от капитализировавшейся Европы эпохи Возрождения радиальность города Витрувия и Флоренции для Балха и Самарканда. Шатёр-резиденцию Темура украсили серафимы от Св. Софии, а архитектура мавзолея-*хонаках* Яссави бросила вызов её величию. Дворовую мечеть Сельджукидов Темур вознёс до апогея в соборной мечети Биби Ханым. Центральные ансамбли его Кеша и Самарканда развиты с запада на восток и с севера на юг соборной мечетью в начале оси, суфийской усыпальницей в середине и его собственной в завершении.

Шейбанидская Бухара всеузбекского Абдуллахана II стала вновь центром державы. Великий шёлковый путь, однако, увял в центрах городов, *караван-сарай* стали не нужны, а имевшиеся обращались в *медресе*, превратив Бухару и Хиву в два религиозных центра Средней Азии. Утерев размах и качество, архитектура усиливала исламские основы. Мавзолеи отвергались ради захоронений под открытым небом или, как в раннем исламе, в *медресе* и *хонаках*. Наличие *хонаках* давало поселениям право называться городом, *хонаках* переместились из окраин в центры городов, и официоз власти стал довлеть над их суфийской сущностью.

В XVIII–XIX вв. Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств *медресе* переживали золотой век в Бухаре и Хиве, превывсивших широтный диаметр 3000 м. Вслед за Кешем и Самаркандом, градостроительная ось Хивы росла минаретами с востока на запад. В будничных и многоликих ансамблях этих веков пространства городов формировались зачастую не объёмами зданий, а маскирующими их архитектуру стенками-кулисами. Тюркские орда

превращались во дворцы и европеизировались, платформы перед зданиями уподоблялись французским парадным дворам *cour d'honneur*, и вернувшись к будничному масштабу архитектура копировала колоссы стран-соседей, — так, как Чор Минор Бухары повторил Чор Минор индийского Хайдарабада. *Караван-сарай* окраин обращались в крепости-*рубаты* — оплоты против извечных кочевников, а теперь и российской экспансии.

Узбекистан XI–XIX вв. являлся перекрёстком архитектур великих цивилизаций. Пекинский дворец-*мандала*, через монгольские монастыри, повлиял на тюркскую орду. Её оси церемоний, гарема, хозяйств, духовности завершились в Стамбуле и Шахджаханбаде дворцами над водами Рая, обещанными Кораном. Из Центральной Азии Флоренция заимствовала пилоны, барабан, ребра, кладку и даже терминологию для базилики Санта Мария дель Фиоре. Бухара же в течение семи веков воспроизводилась в мусульманских государствах как модель праведного города с усыпальницами от Саманидов и стиливым величием от Темура. Всего за два десятилетия Россия, Бухария и Индия возвели новаторские национальные храмы, и архитектуру оси Рим — Москва — Бухара — Дели завершил Таж Махал. Балх, этот духовный центр Темуридов, Шахджахан повторил в своей новой столице, обратив этим свою цивилизацию, зародившуюся в Бактрии, к её истоку.

Новая история и новая архитектура Узбекистана начались с принятия центричного храма Возрождения как символа единства государства и религии, а также с ростом пешеходных планов городов. В Бухаре, Самарканде и Ташкенте формировались центры радиуса 700 м, и к XIX в. широтный диаметр планов Бухары и Хивы превысил 3000 м. Пешеходные нормы городов — 1200–1500 метров или 10–15 минут — подтверждаются в XX веке пешеходами и на транспорте.

Российский колониальный город тоже вырос до пешеходного радиуса 1500 м с архитектурой, весьма близко следовавшей Западной Европе. Крупнейшую в Европе, а сегодня четвёртую в России, соборную мечеть в Санкт-Петербурге возвёл *Амир* Бухары.

С рубежа XIX–XX вв. и до середины XX в. города-сады являлись локомотивом градостроительного развития. В стиль национальной архитектуры народов СССР М. Я. Гинзбург ввёл народное жилище. Продолжая близко следовать Европе — архитектуре Баухауза и градостроительству Ле Корбюзье — утвердился стиль среднеазиатского конструктивизма, а из урбанизма и дезурбанизма определилась последовательность реконструкции Ташкента.

Послереволюционные идеи «взрыва» исторических городов магистралями сменились их игнорированием и затем заменой *махалля* и *гузаров* кварталами, микрорайонами, районами. «Заокеанский свет» классицизма Публичной библиотеки Нью-Йорка вдохновил театр имени Алишера Навои, но как средство против провинциализма А. В. Щусев рекомендовал зодчим Узбекистана изучать собственную классику XIII–XVII вв.

Сквозь «железный занавес» в сталинские радиально-кольцевые города пробилась прямоугольные сети магистралей и планировочные районы-*borough* Англии и США. Для упорядочения районов в нормы введён пешеходный радиус 1500 м. Среднее время трудовых передвижений метро сократило вдвое, и половину населения Ташкента стали планировать в километре от его линий. Совершенствовались «каркас и ткань» города: его магистрали и застройка. Архитектура политизировалась: домами фирмы Камю дружественной Франции и зданиями бразильского коммуниста О. Нимейера. Архитекторы и население выступили против союзных норм: разрабатывалось вертикальное проветривание *соябон*, регулируемое как климатрон, строились экспериментальные жилища и новые *махалля*, сокращалось типизированное строительство.

Коллапс радиально-кольцевых городов СССР обратил внимание градостроителей Японии и Республики Казахстан к модели попеременного роста исторических городов

Узбекистана. Продолжая скоростные диаметры и хорды региональными экспрессами, а также сохраняя улицы и дороги, особенно исторических городов, города-сады возрождаются для обновления планировочной ткани городов и как их спутники, но с учётом обновлённого транспорта и совершенствования в них местного образа жизни. Управление историческими городами реорганизуется компьютеризованными базами данных, сценариями, центрами притяжения и трудоустройств, восстановлением ирригации и понижением грунтовых вод. Классицизм и корпоративность архитектуры по-прежнему одухотворяются народными мастерами, и стилевые обмены между столицей и областями сближают уровень их архитектур. Совершенствование роли архитекторов в государственном строительстве остаётся важным.

•

1

“

ИСТОКИ

1. Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана. М.: Искусство, 1967, с. 12–18.
2. Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. М.: Наука, 1984, с. 181–183.
3. Гундогдыев О. А., Мурадов Р. Г., и др. Историко-культурное наследие Туркменистана. Istanbul: UNDP, 2000, с. 102, 204.
4. Мухминова Р. Г., Филанович М. И. Ташкент на перекрестке истории. Ташкент: Фан, 2001, с. 13.
5. Kinder H., Hilgeman W. The Penguin Atlas of World History. Volume 1. London: Penguin Books, 1964–2003, p. 17, 21.
6. Нусов В. Е. Архитектура Киргизии с древнейших времён до наших дней. Фрунзе: Кыргызстан, 1971, с. 5–13.
7. Ртвеладзе Э. В. Древние города Среднеазиатского Двуречья // Народное слово, 20 июля 1999 г., с. 3.
8. Ртвеладзе Э. В. Цивилизации, государства, культуры Средней Азии. Ташкент: Университет мировой экономики и дипломатии, 2005, с. 24–32.
9. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М.: Искусство, 1965, с. 26.
10. Сагдуллаев А. С. Древние поселения Кашкадары // Строительство и архитектура Узбекистана, 1979, 7, с. 34–36.
11. См. 1, с. 27.
12. См. 9, с. 35–36.
13. Grubè E. J., Dickie J., Grabar O., et al. Architecture of the Islamic World. London: Thames and Hudson, 1974, pp. 99.
14. Бородина И. Ф., Воронина Л. Архитектура Ирана // Всеобщая история архитектуры. Т. 1. М.: Издательство литературы по строительству, 1975, с. 291–347.
15. См. 1, с. 26.
16. Нурмухамедова Ш. З. Проблемы античной и средневековой архитектуры Средней Азии в исследованиях Г. А. Пугаченковой. Ташкент: Nihol, 2009, с. 46.
17. Щусев А. В. Вопросы архитектурной композиции в национальных республиках // Мастера архитектуры об архитектуре. Т. 1. М.: Искусство, 1975, с. 182–183.
18. The World Almanac and Book of Facts. New York: World Almanac, 1993, p. 492.
19. Lebling R. W.; Briant P., Kuhrt A. Alexander the Great and His Empire. A Short Introduction. Princeton, 2010. — In: Saudi Aramco World. September/October 2013, p. 40.
20. Сарияниди В. И. Бактрия сквозь мглу веков. М.: Мысль, 1984, с. 119.
21. Амиров Ш. Тайны хорезмских царей // Uzbekistan Airways, 2013, 3, p. 34–41.
22. См. 20, с. 154.
23. Рзаева В. По следам Великого индийского пути // Uzbekistan Airways, 2013, 3, p. 42–49.
24. См. 9, с. 46–47.
25. Там же, с. 42.
26. Там же, с. 39–43.
27. Массон М. Е. По поводу далёкого прошлого Самарканда. // Из истории искусства великого города. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1972, с. 3–35.
28. Там же.
29. См. 6, с. 5–13.
30. См. 20, с. 123.
31. Mumtaz, Kamil Khan. Architecture in Pakistan. Singapore: A Mimar Book, 1985, p. 19.
32. Пугаченкова Г. А. Бактрийский жилой дом (к вопросу об архитектурной типологии). // История и культура народов Средней Азии. М.: Наука, 1976, с. 38–42.
33. Левек П. Эллинистический мир. М.: Наука, 1989, с. 213.
34. См. 16, с. 85–86.
35. См. 31, p. 39.
36. Тохаристанская археологическая экспедиция. Выпуск VII. Ташкент: «Nihol» nashriyoti, 2009.
37. Веселовский В. Г., Мукимов Р. С., Мамадназаров М. Х., Мамаджанова С. М. Архитектура

советского Таджикистана. М.: Стройиздат, 1987, с. 19–20.

38. Ртвеладзе Э. В. Великий шёлковый путь. Ташкент: Узбекистон миллий энциклопедияси, 1999, с. 135–144.
39. См. 14, с. 291–347.
40. Брунов Н. И. Архитектура Византии // Всеобщая история архитектуры. Т. 3. М.: Издатель-

ство литературы по строительству, 1966, с. 16–160.

41. См. 10.
42. См. 38, с. 32.
43. Там же, с. 135–144.
44. См. 3, с. 114.
45. См. 9, с. 107–108, 111–116.

ИСЛАМ

VII–VIII вв.

ВСТРЕЧА ШАМАНИЗМА, ЗОРОАСТРИЗМА, ХРИСТИАНСТВА И СУФИЗМА С ИСЛАМОМ

1. Kinder H., Hilgemann W. The Penguin Atlas of World History. V. 1. London: Penguin Books, 1964–2003, p. 113.
2. The World Almanac and Book of Facts. New York: World Almanac, 1993, p. 497.
3. Турганбаева Л. Р. Архитектурно-пространственная организация системы традиционного казахского поселения // Диссертация на соискание учёной степени доктора архитектуры. Алматы: Казахский национальный технический университет им. К. И. Сатпаева, 2009, с. 38, 41.
4. Там же, с. 39.
5. Там же, с. 56.
6. Гундогдыев О. А., Мурадов Р. Г., и др. Историко-культурное наследие Туркменистана. Istanbul: UNDP, 2000, с. 102–103.
7. Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана. М.: Искусство, 1967, с. 86.
8. Boyce M. Zoroastrians. Their Religious Beliefs and Practices. London-New York: Routledge, 2001, p. 14.
9. Clark P. Zoroastrianism. An Introduction to an Ancient Faith. Brighton-Portland: Sussex Academic Press, 1998, p. 116.
10. Zoroastrian Rituals in Context. Edited by M. Stausberg. Leiden-Boston: Brill, 2004, p. 619, 620.
11. Хрестоматия по исламу. М: Наука, 1994, с. 139.
12. Kahler H. Haghia Sophia. New York — Washington: Frederich A. Praeger Publishers, 1967, p. 66–67.
13. Watt W. M. Muhammad. Prophet and Statesman. London-New York: Oxford University Press, 1961, p. 14, 30.
14. The Koran. Translated by N. J. Dawood. London: Penguin Books, 1956–1999. 18. The Cave, p. 206, 18: 14–18–17.
15. Там же, p. 207 (18: 21).
16. Grube E. J., Dickie J., Grabar O., et al. Architecture of the Islamic World. London: Thames and Hudson, 1974, p. 77.
17. Mozatti L. Islam. Roma: Electa, 2002, p. 54.

IX–X вв.

СТАНОВЛЕНИЕ

1. Scerrato U., Ettinghausen R. Monuments of Civilization. Islam. London: The Reader's Digest, 1976, p. 66.
2. Hambly G. Cities of Mughal India. New Delhi-Kanpur: Vikas Publishing House, 1977, p. 14.
3. Frye R. Notes on the Renaissance of the 10th and 11th Centuries in Eastern Iran // Central Asiatic Journal. The Hague-Wiesbaden. 1955, V. 1, 2, p. 137 (137–143).
4. Уотт У. М. Влияние ислама на средневековую Европу. Москва: Наука, 1976, с. 54–56.
5. Mozatti L. Islam. Roma: Electa, 2002, p. 46, 728–729.
6. Пугаченкова Г. А. Термез. Шахрисябз. Хива. М.: Искусство, 1976, с. 25–27.
7. Гундогдыев О. А., Мурадов Р. Г., и др. Историко-культурное наследие Туркменистана. Istanbul: UNDP, 2000, p. 277.
8. Нурмухамедова Ш. З. Проблемы античной и средневековой архитектуры Средней Азии в исследованиях Г. А. Пугаченковой. Ташкент: Nihol, 2009, с. 99–101.

9. Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана. М.: Искусство, 1967, с. 82–86.
10. Ремпель Л. И. Далёкое и близкое. Бухарские записи. Ташкент: Издательство литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1981, с. 106.
11. Муминов И. М., Аскарлов А. А., Лев Д. Н., и др. История Самарканда. Т. 1. Ташкент: Фан, 1969, с. 12–13.
12. Филимонов В. М. Регистан-майдан — древнейший градоформирующий элемент Бухары // Архитектура и строительство Узбекистана, 1986, 6, с. 11–14.
13. Бартольд В. В. Сочинения. Т. VII. Москва: Наука, 1971, с. 42.
14. Материалы по истории туркмен и Туркмени. Т. 1. Москва-Ленинград, 1939, с. 149 // цитируется по: Мухтаров А. М. Позднесредневековый Балх (материалы к исторической топографии города в XVI–XVIII вв.). — Душанбе: Дониш, 1980, с. 17.
15. Ртвеладзе Э. В. Великий шелковый путь. Ташкент: Узбекистон миллий энциклопедияси, с. 195.
16. Вамбери Г. История Бохары с древнейших времен до наших дней. Санкт-Петербург: Типография Скарятина, 1873, с. 42–43.
17. Ал-Бухорий, Хофиз Таниш. Абдуллонома. Шарфномаи шохий. Иккинчи китоб. Тошкент: Шарк, 2000, 79 б.
18. Хмельницкий С. Г. Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии. — Берлин-Рига: Гамажун, 1992, с. 33.
19. Togan Z. V. The Topography of Balkh Down to the Middle of the Seventeenth century // Central Asiatic Journal, Wiesbaden, 1970, V. XIV, 4, p. 278 (277–88).
20. Массон М. Е. Архитектурно-планировочный облик Самарканда эпохи Навои (вторая половина XV в.) // Труды САГУ. Археология Средней Азии. Новая серия, выпуск 81, Исторические науки, книга 12. Ташкент: Издательство САГУ, 1956, с. 83 (57–84).
21. Нурмухамедова Ш. З. Проблемы античной и средневековой архитектуры Средней Азии в исследованиях Г. А. Пугаченковой // Диссертация на соискание учёной степени кандидата архитектуры. Ташкент: ТАСИ, 2008, с. 109.
22. St. Sophia. The Chora Church. Istanbul: Mert Basim Yayincilik Dagitim ve Reclamcilik Tic. Ltd. Sti., 2007, p. 27.
23. Агеева Е. И. Цитадель // Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1962, с. 125.
24. Onder O. Mevlana, Mevlevi Order, and Mevlana Museum. Ankara: Donmez Offset, 2007, p. 20.
25. Кныш А. Д. Мусульманский мистицизм. Москва — Санкт-Петербург: Диля, 2004, с. 118, 194.
26. Al-Geyoushi M. I. Al-Tirmidhi's Conception of the Areas of Interiority. The Islamic Quarterly, 1972, V. 16, 3–4, p. 168–188.

XI–XII вв.

РАСЦВЕТ

1. Абу Тахир Ходжа. «Самария», Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда. Перевод В. Л. Вяткина // Справочная книга Самаркандской области 1898. Самарканд: Типография К. М. Фёдорова, 1899, с. 223 (153–259).
2. Sawthorne N. Tyrants. History's 100 Most Evil Despots & Dictators. New York: Barnes & Noble, 2005, p. 39.
3. Timur Gorgani. The Mulfizat Timury, or Autobiographical Memoirs of the Moghul Emperor Timur. Translated by Ch. Stewart. Lahore: Sang-e-Meel Publications, (1830) — 2000, p. 90.
4. О классовой борьбе в Самарканде в 1365–1366 гг. Ташкент: Издательство Комитета наук, 1936, с. 14.
5. Bonine M. E. The Morphogenesis of Iranian Cities // Annals of the Association of American Geographers, 1979, V. 69, 2, p. 208–224.
6. Altun A. An Outline of Turkish Architecture in the Middle Ages. Istanbul: Arkeoloji ve sanat yayinlari, 1990, p. 8–12.
7. Агеева Е. И. Цитадель // Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1962, с. 148 (117–153).

8. Там же, с. 120, 146, 153 (117–153).
9. Esin E. *Baliq and Ordu (The Early Turkic Circumvallations in Architectural Aspects) // Central Asiatic Journal. Wiesbaden. 1983, V. 27, 3–4, p. 168–208.*
10. Ходжаев М. К. К генезису мавзолея Саманидов // *Архитектура и строительство Узбекистана, 1984, 2, с. 6–8.*
11. Шарденова З. *Архитектура средневековых городов южного Казахстана. Алматы: Кумбиз, 1997, 2, с. 34–39.*
12. Нильсен В. А. *Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI–XII вв. Ташкент, Издательство Академии Наук УзССР, 1956, с. 61.*

XIII–XIV вв.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ

1. Пугаченкова Г. А. К проблеме средневековых архитектурных школ Центральной Азии // *Архитектура и строительство Узбекистана, 1999, 3–4, с. 35–36.*
2. Wilber D. N. *The Architecture of Islamic Iran. The Ilkhanid Period. Princeton: University Press, 1995, p. 16, 23.*
3. Blair S. S. *The Mongol Capital of Sultaniya, "the Imperial" // Iran. Journal of the British Institute of Persian studies. 1986, V. 24, p. 146 (139–151).*
4. Гумилёв Л. Н. *Древние турки. М: Айрис Пресс, 2004, с. 421, 466.*
5. Ням-Осорын Цултэм. *Искусство Монголии с древнейших времён до начала XX века. Москва: Изобразительное искусство, 1982, с. 37.*
6. Даркевич В. П. *Аргонавты средневековья. М: Наука, 1976, с. 144–145.*
7. Мухтаров А. М. *Позднесредневековый Балх. Душанбе: Дониш, 1980, с. 17.*
8. MacLeod C., Mayhew B. *Uzbekistan: The Golden Road to Samarkand. Hong-Kong: Odissey, 1999, p. 224.*
9. Petrushevsky I. P. *The town in the Fourteenth Century // The Cambridge History of Iran. V. 5. The Saljuq and Mongol periods. London-New York: Cambridge University Press, 1968, p. 509(505–14).*
10. Муминов И. *Роль и место Амира Темура в истории Средней Азии в свете данных письменных источников. Ташкент: Фан, 1963, с. 15–16.*
11. Ryan J. D. *Conversion or the Crown of Martyrdom: Conflicting Goals for Fourteenth-Century Missionaries in Central Asia // Medieval Cultures in Contact. Edited by Richard F. Gyug. New York: Fordham University Press, 2003, p. 19–38.*
12. Хмельницкий С. Г. *Между саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI — начала XIII вв. Ч. 1. — Берлин-Рига: Гамажун, 1996, с. 117–120.*
13. Ноткин И. И. К производству работ на комплексе Шейх-Мухтар-Вали в кишлаке Остана // *Ташкент: Главное управление по охране памятников и изобразительного искусства Министерства культуры Республики Узбекистан, 1973, с. 12–13.*
14. Кныш А. Д. *Мусульманский мистицизм. Москва — Санкт-Петербург: Диля, 2004, с. 367.*
15. Там же, с. 237, 239, 370.
16. *Мудрость суфиев. Пер. с персид. Санкт-Петербург: Азбука, 2001, с. 24.*
17. *The Koran. Translated by N. J. Dawood. London: Penquin Books, 1956–1999.*
18. *The Cave, p. 207, 18: 18.*
18. Clark P. *Zoroastrianism. An Introduction to an Ancient Faith. Brighton-Portland: Sussex Academic Press, 1998, p. 116.*
19. O'Kane, B. *Chaghatai architecture and the tomb of Tughluq Temur at Almalik // Muqarnas. Annual on the visual culture of the Islamic world. V. 21, Leiden: Brill, 2004, p. 277 (277–288).*
20. *Темур ва Улугбек даври тарихи. Тошкент, Қрмуслар бош тахририяти, 1996, 12, 72 б.*
21. *Timur Gorgani. The Mulfuzat Timury, or Autobiographical Memoirs of the Moghul Emperor Timur. Translated by Ch. Stewart. Lahore: Sang-e-Meel Publications, (1830) — 2000, p. 54.*
22. Ноткин И. И. *Архитектура Средней Азии XIII–XIV вв // Всеобщая история архитектуры. Москва: Издательство литературы по строительству, 1969, Т. 8, с. 272–273.*
23. Немцева Н. Б. *Ханака Сайф ад-Дина Бахарзи в Бухаре. Бухара: Бухоро, 2003, с. 108.*

XV в.

КУЛЬМИНАЦИЯ

1. Хофиз Абру. "Зайли Зафарномаи Шомий"-дан. Форс тилидан О. Бўриев тарж // Темурийлар бунёдкорлиги давр манбаларида. Тошкент: А. Кодирий номидаги халк Мероси нашриёти, 1997, 78 б.
2. Клавиho, Руи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Темура (1403–1406). Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990, с. 114–132.
3. Wilber D. N. The Timurid Court: Life in Gardens and Tents // Iran. Journal of the British Institute of Persian Studies. 1979, V. 17, p. 127–134.
4. Даркевич В. П. Аргонавты средневековья. Москва: Наука, 1976, с. 147.
5. Malla B. L. Trees in Indian Art Mythology and Folklore. New Delhi: Aryan Books International, 2000, p. 3.
6. См. 2, с. 117.
7. Брунов Н. И. Архитектура Византии // Всеобщая история архитектуры. Т. 3. М.: Издательство литературы по строительству, 1966, с. 55.
8. Neufeldt V., Guralnik D. Webster's New World Dictionary of American English. Cleveland & New York: Webster's New World, 1989, p. 241, 1224.
9. Нильсен В. А. Обсерватория Улугбека в Самарканде. Ташкент: Узбекистан, 1986, с. 38.
10. Timur Gorgani. The Mulfuzat Timury, or Autobiographical Memoirs of the Moghul Emperor Timur. Translated by Ch. Stewart. Lahore: Sang-e-Meel Publications, (1830) — 2000, p. 54–56.
11. Там же, p. 119.
12. Manz B. F. The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge: University Press, 1989, p. 54–57, 78–79.
13. Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. 1. Москва: Наука, 1964, с. 324, 332.
14. Фёдоров-Давыдов Г. А. Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII–XIV вв // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алматы: Наука, 1983, с. 215, 218 (215–20).
15. Ал-Бухорий, Хофиз Таниш. Абдулломома. Шарафномаи шохий. Иккинчи китоб. Тошкент: Шарк, 2000, 403 б.
16. Togan Z. V. The Topography of Balkh Down to the Middle of the Seventeenth century // Central Asiatic Journal, Wiesbaden, 1970, V. XIV, 4, p. 278 (277–88).
17. Массон М. Е. Архитектурно-планировочный облик Самарканда эпохи Навои (вторая половина XV в.) // Труды САГУ. Археология Средней Азии. Новая серия, выпуск 81, Исторические науки, кн. 12. Ташкент: Издательство САГУ, 1956, с. 83 (57–84).
18. Али, Гиясиддин. Дневник похода в Индию. М: Издательство восточной литературы, 1958, с. 190.
19. Сухарева О. А. Оборонительные стены Самарканда // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М: Наука, 1979, с. 91–93 (85–95).
20. Массон М. Е. К периодизации древней истории Самарканда // Вестник древней истории. Москва: Издательство АН СССР, 1950, 4, с. 155–166.
21. См. 17, с. 57–84.
22. Пугаченкова Г. А. Среднеазиатские сады и парки // Пугаченкова Г. А. Из истории сокровищницы Среднего Востока. Ташкент: Издательство литературы и искусства, 1987, с. 184 (172–185).
23. Adorno F., Adriani M., Apollonio M., et al. The World of Renaissance Florence. Florence: Cuinti, 1999, p. 31–32. •
24. Древнетюркский словарь. Ленинград: Наука, 1969, с. 200.
25. Encyclopedia of the Renaissance. P. F. Grendler, Editor in chief. V. 2/6. New York: Charles Scribner's Sons, 1999, p. 389.
26. Там же, p. 382.
27. См. 23, p. 31–32.
28. Golombek L., Wilber D. The Temurid Architecture of Iran and Turan. Princeton-New Jersey: Princeton University Press, 1988, p. XXIII.
29. Бухари, Хафиз-и Таныш. Шараф-нама-йи шахи (Книга царской славы). Ч. I. М: Наука, 1983, с. 195.
30. См. 2, с. 102.
31. Там же, с. 134.
32. Там же, с. 135.

33. Вамбери Г. История Бохары с древнейших времён до наших дней. Санкт Петербург: Типография Скарятина, 1873, с. 158.
34. Кляшторный С. Г., Султанов Г. И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб: Петербургское востоковедение, 2004, с. 187, 189.
35. Аскарлов А. А., Мухминова Р. Г., Ахмедов Б. А., Камалов С. К., и др. История Узбекистана. Т. 3. Ташкент: Фан, 1993, с. 343.
36. Гундогдыев О. А., Мурадов Р. Г., и др. Историко-культурное наследие Туркменистана. Istanbul: UNDP, 2000, р. 341–343.
37. Захидов П. Ш. Дворец или мавзолей? // Строительство и архитектура Узбекистана, 1974, 9, с. 32–34.
38. Пугаченкова Г. А. И всё-таки — мавзолей! // Строительство и архитектура Узбекистана, 1975, 12, с. 10–13.
39. Зохидов П. Ш. Темур даврининг меъморий кахкашони. Тошкент: Шарк, 1996, 69–73 б.
40. Массон М. Е., Пугаченкова Г. А., Засыпкин Б. Н., и др. Мавзолей Ишратхана. Ташкент: Государственное издательство художественной литературы, 1958, с. 67.
41. Вяткин В. Л. Вакуфный документ Ишратхана. Там же, с. 124 (111–136).
42. Там же, с. 124, 131, 132, 135.
43. Там же, с. 26, 29, 111, 122, 132, 135.
44. Пугаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии. XV век. Ведущие тенденции и черты. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Г. Гуляма, 1976.
45. Al-Geyoushi M. I. Al-Tirmidhi's Conception of the Areas of Interiority // The Islamic Quarterly, 1972, V. 16, 3–4, p. 72.
46. Шихаб-ад-дин ибн бинт амир Хамза. Жизнь Амира Купала. См. 32, с. 230, 260, 262 (27–270).
47. The Letters of Kwaja Ubayd Allah Ahrar and His Associates. By A. Urinbaev and J. — A. Gross. Leiden-Boston-Koln: Brill, 2002, p. 163, 272.
48. Пугаченкова Г. А. Самарканд — Бухара. М. Искусство, 1968, с. 86.
49. Pope A. U. Persian architecture. Shiraz: Pahlavi University, 1969, p. 76.
50. Dupree L. Afghanistan. Princeton and New Jersey: Princeton University Press, 1973, p. 317.
51. Subtelny M. E. The Poetic Circle at the Court of the Timurid Sultan Husain Bayqara and its Political Significance // Dissertation. Harvard University, Cambridge, Massachusetts, May 1979, p. 1–3, 149.
52. Аскарлов Ш. Д. Архитектура Темуридов. Ташкент: Санъат, 2009.

XVI–XVII вв. ШЕЙБАНИДЫ

1. Ремпель Л. И. Далекое и близкое. Бухарские записи. Ташкент: Изд-во литературы и искусства имени Г. Гуляма, 1981, с. 133.
2. Albaum L., Brentjes V. Herren der Steppes. Berlin: Deuther Verlag, 1976, p. 223.
3. Бурякова Э. Ю. К планировке и фортификации Самаркандской цитадели XIV–XIX вв // Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура. Ташкент: Фан, 1989, с. 121(115–125).
4. Curzon G. Russia in Central Asia. 1899. Цитируется по: MacLeod C., Mayhew. Uzbekistan: The Golden Road to Samarkand. Hong-Kong: Odissey, 1999, p. 248.
5. Воронина В. Л. Архитектура Средней Азии XVI–XVII вв // Всеобщая история архитек- туры, Т. VIII. М: Издательство литературы по строительству, 1969, с. 305 (304–331).
6. Ласовская Н. В. Изучение и реставрация мечети Намазгох в Самарканде // Архитектура и строительство Узбекистана, 1989, 7, с. 30–32.
7. Нильсен В. А., Гаузен А. В. Архитектурные памятники Ура-Тюбе // Архитектура и строительство Узбекистана, 1989, 2, с. 16–23.
8. Гундогдыев О. А., Мурадов Р. Г., и др. Историко-культурное наследие Туркменистана. Istanbul: UNDP, 2000, с. 307–308.
9. Bernardini M. The ceremonial function of markets in the Timurid city // Environmental design. Roma: 1984, 11, p. 91 (90–97).
10. Ласовская Н. В. К реставрации ансамбля Ходжа Абди Бирун // Архитектура и строительство Узбекистана, 1984, 1, с. 25–28.

11. См. 8, с. 202–203.
12. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусства Узбекистана. М.: Искусство, 1965, с. 324.
13. Ardalan N., Bakhtiar L. The sense of unity: the Sufi traditions in Persian architecture. Chicago-

London: The University of Chicago Press, 1975, p. 48–49.

14. См. 5, с. 327.
15. См. 12, с. 332.
16. См. 13, p. 48–49.

XVIII–XIX вв. ХАНСТВА

1. Mozatti L. Islam. Roma: Electa, 2002, p. 236.
2. Сухарева О. А. Очерки по истории среднеазиатских городов // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века), М.: Наука, 1976, с. 136 (132–148).
3. См. 1.
4. Ноткин И. И. Динамика градостроительного развития Хивы // Строительство и архитектура Узбекистана, 1983, 10, с. 9–12.
5. Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент: Издательство Академии Наук Узбекской ССР, 1958, с. 130.
6. Там же, с. 132.
7. Ремпель Л. И. Далекое и близкое. Бухарские записи. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Г. Гуляма, 1981, с. 133.
8. Маньковская Л. Ю., Булатова В. А. Памятники зодчества Хорезма. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Г. Гуляма, 1978, с. 36.
9. Чехович О. Д. Городское самоуправление в Ташкенте XVIII в // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М.: Наука, 1976, с. 158 (149–160).
10. Мамаджанов И. М. Преемственность исторических градостроительных традиций (на примере Коканда) // Архитектура и строительство Узбекистана, 1988, 4. с. 25–28.
11. Писарчик А. К. Народная архитектура Самарканда. Душанбе, 1974. с. 13. Приводится по: Смагулов Е., Григорьев Ф., Итенов А. Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана. Алматы: Гылым, 1998, с. 232.
12. См. 5, с. 130.
13. См. 7, с. 48, 52, 118.
14. Там же, с. 63.
15. См. 5, с. 68–69.
16. Яхьяев А. Г. Самый крупный архитектурный памятник Андижана (комплекс Джамы: исследование и реставрация) // Архитектура и строительство Узбекистана, 1989, 3, с. 14–16.
17. Газиназарова Н. Т. Новое о мечети Ата-Валихон-Тура в Намангане // Архитектура и строительство Узбекистана, 1986, 12, с. 11–14.
18. Яхьяев А. Г. Самое крупное медресе Ташкента // Архитектура и строительство Узбекистана, 1984, 12, с. 8–12.
19. См. 5, с. 135.
20. См. 8, с. 67.
21. Воронина В. Л. Архитектура Средней Азии XVIII–XIX вв // Всеобщая история архитектуры, Т. VIII. М.: Издательство литературы по строительству, 1969, с. 336 (331–346).
22. См. 7, с. 49.
23. Немцева Н. Б., Шваб Ю. З. Ансамбль Шахи Зинда. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Г. Гуляма, 1979, с. 39.
24. Клаудинов Б. Пути развития архитектуры Казахстана с древних времен до начала XX в. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора архитектуры. Ташкент: 1999. Нусов В. Е. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. Фрунзе: Кыргызстан, 1971. Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана. М.: Искусство, 1967.
25. См. 7, с. 81.
26. Grousset R. Empire of the Steppes. 1939. Цитируется по: MacLeod C., Mayhew B. Uzbekistan: The Golden Road to Samarkand. Hong-Kong: Odissey, 1999, p. 292.
27. Пугаченкова Г. А. Термез-Шахрисабз-Хива. М.: Искусство, 1976, с. 163.
28. Ardalan N., Bakhtiar L. The sense of unity: the Sufi traditions in Persian architecture. Chicago-London: The University of Chicago Press, 1975, p. 7.
29. Маньковская Л. Ю. Об изучении и сохранении архитектурного наследия Наманган-

ской области // Строительство и архитектура Узбекистана, 1972, 9, с. 27–30.

30. Азимов И. М. Черты поздней мемориальной архитектуры Ферганской долины // Строи-

тельство и архитектура Узбекистана, 1980, 12, с. 30–34.

XI–XIX вв.

ПЕРЕКРЁСТОК АРХИТЕКТУР

- ИЗ КИТАЯ В ТУРЦИЮ И ИНДИЮ

1. Вамбери Г. История Бохары или Трансоксиани с древнейших времен до наших дней. — Санкт-Петербург: Типография Скарятина, 1873, с. 223.
2. Бабур З. М. Бабур-наме. Записки Бабура. Т.: Главная редакция энциклопедий, 1993, с. 73.
3. Клавихо Руи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Темура (1403–06). М.: Наука, 1990, с. 121.
4. Йаздий, Шарафуддин Али. Зафарнома. Т.: Шарк, 1997, б. 298 а.
5. Хофизии Абури. «Зайли Зафарномаи Шомий»-дан (форс тилидан О. Буриев таржимаси). Темурийлар бунедкорлиги давр манбаларида. Тошкент: А. Кодирий номидаги халк Мероси нашриети, 1997, 78 б. (75–81 бб).
6. Timur Gorgani. The Mulfuzat Timury, or autobiographical memoirs of the Moghul emperor Timur. Translated by Ch. Stewart. Lahore: Sang-e-Meel Publications, (1830) — 2000, pp. 72, 79, 88.
7. См. 2, с. 48.
8. См. 3, с. 112.
9. Там же, с. 114–132.
10. Гундогдыев О. А., Мурадов Р. Г., и др. Историко-культурное наследие Туркменистана. Istanbul: UNDP, 2000, с. 127–128.
11. См. 3, с. 108.
12. Бунин А. В., Саваренская Т. Ф. История градостроительного искусства. Т. 1. М.: Стройиздат, 1979, с. 185; Rossabi, M. Khubilai Khan. His Life and Time. London: The Folio Society, 2005, p. X, 2, 175–176.
13. Минерт Л. К. Монгольское градостроительство XIII–XIV вв // История и культура Востока Азии. Новосибирск: Наука, 1990, с. 102 (89–106).

- ИЗ МОНГОЛИИ В ИТАЛИЮ

1. King R. Brunelleschi's dome. Penguin Books, London, 2000, p. 6–9, 10, 25, 32, 49, 74, 91–92.
2. Там же.
3. D'Epiro P., Desmond Pinkowish M. Spezzatura. 50 Ways Italian Genius Shaped the World. Anchor Books, New York, 2001, p. 92.
4. См. 1.
5. Ryan J. D. Conversion or the Crown of Martyrdom: Conflicting Goals for Fourteenth-Century Missionaries in Central Asia // Medieval Cultures in Contact. Fordham University Press, New York, 2003, p. 27.
6. Howard D. Venice and the East. The Impact of the Islamic World on Venetian Architecture 1100–1500. Yale University Press, New Haven and London, 2000, p. xii, 173, 178, 179, 222.
7. Pope A. U. Persian architecture. Pahlavi University, Shiraz, 1969, p. 67.
8. См. 6.
9. См. 1.
10. Колли Н. Д. Всеобщая история архитектуры. М.: Издательство литературы по строительству, 1967, с. 61.
11. См. 1.
12. См. 1.
13. Machhi V. English-Italian, Italian-English. Firenze: Sansoni Editore, 1992, p. 2163.
14. Il Novellino. М.: Наука, 1984, p. 47, 275.
15. Neufeldt V. and Guralnik D. B. Webster's New World Dictionary of American English. Cleveland-New York: Webster's New World, 1989, p. 1366.
16. Русско-узбекский словарь. М.: Издательство интернациональных и национальных словарей, 1954, с. 36.
17. Young Ch. R. The Twelfth Century Renaissance. Huntington-New York: Robert E. Krieger Publishing Company, 1977, p. 131.

18. Swanson R. N. The Twelfth-Century Renaissance. Manchester-New York: Manchester University Press, 1999, p. 156, 172.
19. Previte-Orton C. W. The Shorter Cambridge Medieval History. V. 1. The Later Roman Empire to the Twelfth Century. Cambridge, U. K.: Cambridge University Press, 1952, p. 639.
20. Frankle P. Gothic architecture. Baltimore-Maryland: Penquin Books, 1962, p. 1–2.
21. См. 19.
22. См. 20.
23. См. 6, xii, 173, 178, 179, 222.
24. Hill D. R. Islamic science and engineering. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1993, p. 232.
25. См. 1.
26. Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана. М.: Искусство, 1967, с. 122.
27. Gargiani R. Principi e costruzione nell'architettura italiana del Quattrocento. Roma-Bari: Laterza, 2003, p. 613–614.
28. Bartoli L. Il disegno della cupola del Brunelleschi. Firenze: Leo S. Olschki Editore, 1994, p. 86–87.
29. Capretti E. Brunelleschi. Firenze-Milano: Giunti, 2003, p. 42, 86.

- ИЗ БУХАРЫ В ИНДИЮ

1. The Koran. Translated by N. J. Dawood. London: Penquin Books, 1956–1999. The Heights, p. (7: 3) 109.
2. Ахмедов Б. Икки оғиз сўз // Ал-Бухорий, Хофиз Таниш. Абдулломома. Шарафномаи шохий. Иккинчи китоб. Тошкент: Шарқ, 2000, 270 б.
3. Chaliand G. Nomadic Empires. From Mongolia to the Danube. New Brunswick — London: Transaction Publishers, 2004, p. 78.
4. См. 1, The City, p. (90: 1, 90: 8) 426.
5. Althamry, E. The Civilization History of Bukhara City from Arabic Period up to the End of the Xth Century // MA thesis in Yanmok University, Amman, Jordan, 1997.
6. Hambley G. Cities of Mughul India. New Delhi-Kanpur: Vikas, 1977, p. 14.
7. Ikram S. M. Muslim Civilization in India. New York-London: Columbia University Press, 1964, p. 114.
8. Islamic Heritage of the Deccan. Guest editor G. Michell. Bombay: Marg Publications, 1986, p. 28.
9. Rehman A. Historic towns of Punjab. Rawalpindi-Lahore-Karachi. Ferozsons, 1997, p. 169–178.
10. Michell G., Eaton R. Firuzabad. Palace City of the Deccan. Oxford: University Press, 1992, p. 89.
11. Brown P. Indian Architecture (Islamic period). Mumbai: Taraporevala, 1956–1997, p. 70.
12. См. 8, p. 55–57.
13. Werner L., Wells D. H. Bijapur: Gem of the Deccan // Saudi Aramco World, 2013, March/April, p. 2–11.
14. См. 9.
15. См. 8, p. 74.
16. Филимонов В. М. Регистан-Майдан — древнейший градоформирующий элемент Бухары // Архитектура и строительство Узбекистана, 1986, 6, с. 11–14.
17. Safrani Sh. H. The Deccan. A Nucleus of Culture // Golkonda and Hyderabad. Edited by Sh. H. Safrani. Bombay: Marg Publications, 1992, p. 16 (1–18).
18. Ал-Бухорий, Хофиз Таниш. Абдулломома. Шарафномаи шохий. Иккинчи китоб. Тошкент: Шарқ, 2000, 211, 285 б.

- ИЗ ИТАЛИИ И РОССИИ В ИНДИЮ

1. Руми Дж. Поэта о скрытом смысле. Избранные притчи. М.: Наука, 1986, с. 259.
2. Brotton J. The Renaissance Bazaar. From the Silk Road to Michelangelo. New York: Oxford University Press, 2002, p. 155.

НОВОЕ

XV–XIX: РОСТ ГОРОДОВ УЗБЕКИСТАНА

1. Давидович Е. А. Дискуссионные вопросы в книге А. М. Беленицкого, И. Б. Бентович, О. Г. Большакова Средневековый город Средней Азии // Древность и средневековье

- народов Средней Азии (история и культура). М.: Наука, 1978, с. 103–116.
2. Филимонов В. М. Регистан-майдан — древнейший градоформирующий элемент Бухары // Архитектура и строительство Узбекистана, 1986, 6, с. 11–14.
  3. Филимонов В. М. Градостроительная структура северной части Бухары IX–XV вв. // Архитектура и строительство Узбекистана, 1988, 9, с. 11–13.
  4. Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII–середина XIII вв. М.: Наука, 1984, с. 116, 118.
  5. Аскарлов Ш. Д. Исторический Худжанд: концепция восстановления // Маскан. Архитектура и строительство Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, 1993, 1–2, с. 2–3.
  6. Аскарлов А. А., Мухминова Р. Г., Ахмедов Б. А. и др. История Узбекистана. Т. 3 (XVI — первая половина XIX века). Ташкент: Фан, 1993, с. 104–277.
  7. Булатова В. А., Маньковская Л. Ю. Памятники зодчества Ташкента XIV–XIX вв. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1983, с. 32–109.
  8. См. 6.
  9. Brotton J. The Renaissance Bazaar. From the Silk Road to Michelangelo. New York: Oxford University Press, 2002, p. 149.
  10. Аскарлов Ш. Д. Архитектура Темуридов. Ташкент: Сан'ат, 2009, с. 17, 30–39, 51–59.
  11. H. Gaube. Iranian cities. New York: New York University Press, 1979, p. 56.
  12. Ремпель Л. И. Далёкое и близкое. Бухарские записи. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1981, с. 133.
  13. См. 7, с. 37–40.
  14. Гольц Г. А. Транспорт и расселение. М.: Наука, 1981, с. 159–160.
  15. Мани Л. Транспорт, энергетика и будущее. М.: Мир, 1987, с. 110–119; Money L. J. Transportation, Energy, and Future. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey 07632, 1984.

ХІХ–ХХ: ИЗМЕНЕНИЯ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

1. Иконников А. В. Петербург и Москва (к вопросу о русской градостроительной традиции) // Эстетическая выразительность города. М.: Наука, 1986, с. 103–129.
2. Lugli P. M. Urbanistica di Roma. Trenta planimetrie per trenta secoli di storia. Roma: Bardi Editore, 1998, p. 62.
3. Бунин А. В., Круглова М. Г. Архитектура ансамблей Ренессанса. М., 1935.
4. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982, с. 93.
5. Булатов М. С. Урда и крепость 1865 года в Ташкенте // Строительство и архитектура Узбекистана, 1979, 6, с. 32–34.
6. Чабров Г. Н. Очерк истории планировки и строительства русских городов Туркестанского края (1865–1916) // Дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1946, с. 34.
7. Нильсен В. А. У истоков современного градостроительства Узбекистана (XIX – начало XX века). Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1988.
8. Ванке А. И. Ташкент — планировочный анализ взаимного развития города и транспорта // Строительство и архитектура Узбекистана, 1987, 6, с. 17–18.
9. Бирюков В., Лескова Н. Католики в окружении мусульман // Труд, 20 июня 1998 г.
10. Chad Sh. Russia's Wider Window // Saudi Aramco World, 2010, November/December, p. 33–43.

1917–1933: ТРИ ЭТАПА К КОММУНЕ

1. ЦГА УзССР, ф. Р-34, оп. 1, д. 233, л. 42.
2. ЦГА УзССР, ф. Р-1, оп. 1, д. 681, л. 6.
3. ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 3, д. 140, л. 41.
4. ЦГА УзССР, ф. Р-2242, оп. 1, д. 88, л. 23.
5. ЦГА ТуркжССР, ф. Р-309, оп. 3, д. 246, л. 89.
6. Внимание красным чайханам! // Правда Востока, 14 сентября 1925 г.
7. Кольцов, Путилин. Шовинисты из Востока и беспризорные чайханы // Правда Востока, 13 апреля 1932 г.

8. ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 3006, лл. 6–18.
9. Сваричевский Г. М. Значение искусств в нашей жизни и современная архитектура. Рукопись 1923 г. ЦГА УзССР, ф. Р-2242, оп. 1, д. 88, л. 20.
10. ЦГА УзССР, ф. Р-1, оп. 1, д. 681, л. 110.
11. ЦГА УзССР, ф. Р-1, оп. 1, д. 661, л. 110.
12. ЦГА УзССР, ф. Р-2242, оп. 1, д. 133, л. 1.
13. Там же, л. 2.
14. Там же, л. 1.
15. Сваричевский Г. М. Итоги жилищного строительства за истекший сезон // Правда Востока, 27 октября 1925 г.
16. Рюмков. Программа капитального строительства должна быть выполнена // Правда Востока, 25 октября 1931 г.
17. ЦГА УзССР, ф. Р-9, оп. 1, д. 448, л. 3.
18. ЦГА УзССР, ф. Р-2242, оп. 1, д. 90, л. 23.
19. ЦГА УзССР, ф. Р-2242, оп. 1, д. 89, лл. 1–22.
20. Ускорить темп жилищного строительства // Правда Востока, 29 ноября 1927 г.
21. Фридман Д. Дом-коммуна или квартал-коммуна // Строительство Москвы, 1929, 12, с. 16.
22. Там же, с. 1.
23. Там же, с. 15.
24. ЦГА УзССР, Р-2532, оп. 1, д. 4, л. 169.
25. ЦГА ТаджССР, ф. Р-408, оп. 1, д. 5, л. 60.
26. Былинкин Н. П., Володин П. А., Корнфельд Я. А., Михайлов А. И., Савицкий Ю. Ю. История советской архитектуры. М.: Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1962, с. 60.
27. Вопросы проектирования домов переходного типа и домов-коммун // Советская архитектура, 1931, 1–2, с. 5.
28. Свирский Я. Издать альбом типовых проектов // Правда Востока, 16 сентября 1931 г.
29. ЦГА ТаджССР, ф. Р-408, оп. 1, д. 5, л. 97.
30. Там же, л. 304.

УРБАНИЗМ И ДЕЗУРБАНИЗМ

1. Амир Саид Олимхон. Бухоро халқининг ҳасрати тарихи. Тошкент: Фан, 1991, б. 15, 28.
2. Открытие рабочего городка // Туркестанская правда, 15 апреля 1922 г.
3. ЦГА УзССР, ф. Р-1, оп. 1, д. 681, л. 95.
4. Курбатов В. М. Архитектура Советской Киргизии. М.: Издательство литературы по строительству, 1972, с. 18.
5. ЦГА КиргССР, ф. Р-2152, оп. 1, д. 96, л. 97.
6. См. 4.
7. Сваричевский Г. М. Итоги жилищного строительства за истекший сезон // Правда Востока, 27 октября 1925 г.
8. ГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 8, д. 253, л. 117.
9. Там же, л. 126.
10. Ходжаев Ф. Избранные труды. Т. 2. Ташкент: Фан, 1972, с. 259.
11. ГА Бухарской области, ф. Р-26, оп. 1, д. 12, л. 75.
12. ЦГА УзССР, ф. Р-1, оп. 1, д. 681, л. 7.
13. ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 4708, л. 81.
14. Новые поселения в Казакстане. Кызыл-Орда: Издание Госплана КАСССР, 1929, с. 1.
15. Там же, с. 51.
16. Лоповок Л. И., Ох А. В., Циперсон Л. О., Ниппельбаум Л. М. Промышленное жилищное строительство цветной металлургии СССР. М., 1930, с. 55.
17. ЦГА УзССР, ф. Р-2242, оп. 1, д. 90, л. 21.
18. Там же.
19. См. 16, с. 11.
20. Там же, с. 45–46.
21. Справочник партийного работника. Вып. 6. М., 1934, с. 733–734.
22. См. 6, с. 19.
23. Бунин А. А., Саваренская Т. Ф. Градостроительство XX века в странах капиталистического мира. М.: Стройиздат, 1979, с. 75–77.
24. ЦГА УзССР, ф. Р-9, оп. 1, д. 2708, л. 76.
25. См. 10, с. 377.
26. Там же, с. 258–260.
27. Кузнецов М. и др. К проекту социалистического расселения по долине Аму-Дарьи // Советская архитектура, 1931, 1–2, с. 120.
28. Там же, с. 20.
29. Шевцов А. Чарджуй // Советская архитектура, 1931, 1–2, с. 91.
30. Лавров В., Попов В. К проблеме реконструкции городов в условиях Средней Азии // Советская архитектура, 1931, 3, с. 34.
31. Там же, с. 35.
32. ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 10, д. 1167, л. 127.
33. Булатов М. С. Ярослав Карлович Гаазенкопф — первый ландшафтный архитектор

- Ташкента // Архитектура и строительство Узбекистана, 1989, 4, с. 17–18.
34. Гаазенкоф О. Я. Мой отец // Архитектура и строительство Узбекистана, 1989, 4, с. 23.
  35. Сильченков А. А. Пояснительная записка к проекту перепланировки Ташкента. Ташкент, 1933, с. 84.
  36. Оловецкий В. Проблема старого Ташкента // Кизил Узбекистон, 17 феврал 1931 г.
  37. См. 33, с. 17–18.
  38. См. 34, с. 23.
  39. Аскарлов Ш. Д. Первый проект перепланировки Ташкента // Строительство и архитектура Узбекистана, 1973, 7, с. 33–36.
  40. Лунц Л. Планировка и архитектура Ташкента // Архитектурная газета, 1937, приложение №17 Строительной газеты.
  41. Gropius W. Scope of Total Architecture. New York: Collier Books, 1943–1970, p. 121. На русском языке: Вальтер Гропиус. Границы архитектуры. М., 1971, с. 182.

НАЦИОНАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА

1. ЦГА УзССР, ф. Р-34, оп. 1, д. 407, л. 110.
2. ГА Самаркандской обл., ф. Р-46, оп. 1, д. 37, л. 9.
3. ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 682, л. 513.
4. ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 6, д. 121, л. 12.
5. Frampton K. Modern Architecture. A Critical History. London: Thames and Hudson, 1992, p. 69.
6. ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 682, л. 513.
7. Итоги и проблемы изучения архитектуры Узбекистана. 1940 // ЦГА РУ, ф. Р-2406, оп. 1, ед. хр. 198. С. 2.
8. Р. и Ч. Национальная архитектура в Средней Азии // Искусство в массы, 1930, 8(16), с. 10–11.
9. Воронин Л. Н. Проблема национальной архитектуры. Рукопись. 1937, ЦГА РУ, ф. Р-2532, оп. 1, ед. хр. 6, стр. 11, 12.
10. Яралов Ю. С. Национальное и интернациональное в советской архитектуре. М.: Стройиздат, 1971.

АГИТПРОП И КОНСТРУКТИВИЗМ

1. Белов А. Дорогой образ // Экономическая газета, 10 апреля 1970 г., с. 5.
2. Чумичев В. Стихия и разум // Строительная газета, 23 января 1972 г.
3. Нусов В. Е. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. Фрунзе, 1971, с. 94.
4. Гинзбург М. Я. Национальная архитектура народов СССР // Современная архитектура, 1926, 5–6, с. 114.
5. Там же, с. 114.
6. Там же, с. 113.
7. См. 4.
8. Мастера советской архитектуры об архитектуре. Т. 2. Под общей редакцией Бархина М. Г., Иконникова А. В., Маца И. Л. и др. М.: Искусство, 1975, с. 176–179.
9. Там же, с. 14–25.
10. Там же, с. 162.
11. Там же, с. 163.
12. Там же, с. 286, 289.
13. Там же, с. 156–175.
14. Стригалёв А. А. Творчество и литературное наследие К. С. Мельникова // Константин Степанович Мельников. М.: Искусство, 1985, с. 38 (3–53).
15. См. 8, с. 156–175.
16. ЦГА УзССР, ф. Р-2242, оп. 1, д. 130, лл. 10–14.
17. Мельников К. С. Архитектуре первое место // Строительство Москвы, 1934, № 1, с. 10.
18. Там же, с. 11.
19. Там же.
20. Там же, с. 9.
21. См. 8, с. 173.

1934–1954: ПО ГЕНПЛАНУ МОСКВЫ

1. Владимир Николаевич Семёнов // Мастера советской архитектуры об архитектуре. Т. 1. М.: Искусство, 1975, с. 230 (220–243).
2. Жолтовский И. В. Из статьи «Принцип зодчества» (Архитектура СССР, 1933, 5) // Мастера советской архитектуры об архитектуре. М. 1975, с. 44 (21–55).
3. Джахангиров В. А., Хазанов Д. Б. Архитектура Узбекской ССР // Архитектура республик Средней Азии. М.: Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1951, с. 14.
4. Там же.
5. Малозёмов И. И. Композиционное соотношение жилых и общественных территорий социалистического города // Проблемы архитектуры. Под ред. Милонова Ю. К. Т. 2, кн. 1. М.: Издательство Всесоюзной Академии архитектуры, 1937, с. 201–218.
6. Бунин А. А., Саваренская Т. Ф. Градостроительство XX века в странах капиталистического мира. М.: Стройиздат, 1979, с. 75–77.
7. Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодалного города Бухары. М.: Наука, 1976, с. 64–65; История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент: Фан, 1968, с. 456.
8. Ремпель Л. И. Далекое и близкое. Бухарские записи. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Г. Гуляма, 1981, с. 116.
9. Антонини А. С. Метеорологические предпосылки к генеральному плану озеленения Ташкента // Социалистическая наука и техника, Ташкент, 1936, 8, с. 42–48.
10. См. 3, с. 19–20.
11. Бабаханов А. Б. Малоэтажное строительство в Узбекистане. Ташкент: Государственное издательство УзССР, 1960.

ВОСТОК ПЛЮС КЛАССИКА

1. Проблемы национальной архитектуры Советского Востока // Архитектура СССР, 1934, 8, с. 1–3.
2. Щусев А. В. Пути советской архитектуры // Архитектурная газета, 17 декабря 1935 г.
3. Мастера советской архитектуры об архитектуре. Т. 1. М.: Искусство, 1975, с. 183.
4. Там же, с. 191.
5. Там же, с. 25–26, 36, 49, 50.
6. Из доклада «Воспитание мастера архитектуры» на 1-м съезде архитекторов СССР // Архитектура СССР. 1937. 26 июня. Иван Владиславович Жолтовский (1867–1959) // Мастера советской архитектуры об архитектуре. Т. 1. М.: Искусство, 1975, с. 38–39 (23–55).
7. См. 3, с. 164.
8. Whittick A. European architecture in the XX-th century. London: Leonard Hill Books, 1974.
9. Джахангиров В. А., Хазанов Д. Б. Архитектура Узбекской ССР // Архитектура республик Средней Азии. М.: Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1951, с. 55. Со ссылкой на «Архитектура СССР», 1934, 8.
10. Воронин Л. Н. Проблема национальной архитектуры. Рукопись 1937 года. // ЦГА РУ, ф. Р-2532, оп. 1, ед. хр. 6, стр. 11–12.
11. См. 9, с. 36.
12. Засыпкин Б. Н. Национальный стиль в архитектуре Узбекистана. 1946. // ЦГА РУ, ф. Р-2406, оп. 1, ед. хр. 256, стр. 9–12.
13. Там же, с. 9–12.
14. См. 9, с. 7–72.
15. Павлов А. И. К проблеме современной национальной архитектуры // Архитектура и строительство Узбекистана, 1982, 1, с. 11–17.
16. Summerson J. The classical language of architecture. London: Thames and Hudson, 1963, p. 27.

1955–1990: СОВРЕМЕННОЕ

1. Крюкова Е. Р. Некоторые вопросы традиций в архитектурной критике Узбекистана // Архитектура и строительство Узбекистана, 1986, 10, с. 8–12.

2. Кензо Танге. 1949–1969. Архитектура и градостроительство. Составитель У. Культерман. М.: Стройиздат, 1978, с. 90–94.
3. Всеобщая история архитектуры. Т. 12, Кн. 1: Архитектура СССР. М.: Издательство литературы по строительству, 1975, с. 446.
4. Михазлян В. М. Перспективное развитие транспортной сети // Строительство и архитектура Узбекистана, 1974, 7, с. 29.
5. Адылов С. Р., Максумов П. М., Турсунов Ф. Ю. Город, рожденный дважды. М: Знание, 1970, с. 36.
6. Ванке А. И. Ташкент — планировочный анализ взаимного развития города и транспорта // Архитектура и строительство Узбекистана, 1987, 6, с. 17–18.
7. Ноткин И. И., Аскарлов Ш. Д. О качестве архитектуры // Строительство и архитектура Узбекистана, 1981, 4, с. 7–9.
8. Строительные нормы и правила. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. СНиП 2.07.01–89. Издание официальное. М.: Государственный строительный комитет СССР, 1989.
9. Богдасаров А. М., Гаганов Е. Г. Перспектива развития транспорта Ташкентской системы расселения // Строительство и архитектура Узбекистана, 1987, 6, с. 25–26.
10. Варианты будущего Москвы // Известия, 11 июля 1988 г.
11. Бабаханов А. Б. Малоэтажное строительство в Узбекистане. Ташкент: Государственное издательство Узбекской ССР, 1960.
12. Гутчов К. Градостроительные основы (планировка и застройка жилых районов). М.: Стройиздат, 1967, с. 48, 50.
13. См. 5, с. 26, 30–32.
14. Там же, с. 35.
15. Мухамеджанов К. Х. О технико-экономических показателях жилой застройки микрорайонов // Строительство и архитектура Узбекистана, 1978, 1, с. 32–35.
16. Строительство и реконструкция городов: 1945–1967. М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1958.
17. Шевченко Э. А., Плесневич Е. В., Шорахмедов К. Д. Совершенствование принципов и методов пространственно-планировочного формирования селитебных территорий и разработка предложений по повышению эффективности их использования в городах среднеазиатского региона // Научно-технический отчет ТашЗНИИ-ЭП-СредазНИИТАГ, 1989.
18. Крюкова Е. Р. Некоторые вопросы традиций в архитектурной критике Узбекистана // Архитектура и строительство Узбекистана, 1986, 10, с. 8–12.
19. Конкурс проектов ансамблевой застройки Узбекстанского проспекта, торговых рядов улицы Навои и массива Караташ // Архитектура и строительство Узбекистана, 1987, 3, с. 16–30.
20. Sagar S. Celebrating Chandigarh: 50 Years of the Idea. Chandigarh For or Against? Architecture and Urbanism, 1999, 344, p. 129–134.

РЕГИОНАЛЬНОЕ

1. Захидов П. Ш., Исраилов И. В. Хивинские узоры // Строительство и архитектура Узбекистана, 1983, 10, с. 17–25.
2. Кадырова Т. Ф. Архитектура Советского Узбекистана. М.: Стройиздат, 1987, с. 92.
3. Аюпджанян В. А. Градостроительные вопросы реконструкции старгородской части Ташкента // Строительство и архитектура Узбекистана, 1987, 6, с. 13–17.
4. Бухара: прошлое и будущее // Архитектура и строительство Узбекистана, 1990, 10, с. 12.
5. Анализ генпланов городов Узбекистана и их реализации за период 1970–1985 годов и установление эффективности градостроительного прогноза. Ташкент: УзНИИП градостроительства, 1986–1990; Разработка дополнений к проекту Единых СНиП с учётом региональных особенностей УзССР. Ташкент: УзНИИП градостроительства, 1989 / руководитель тем Аскарлов Ш. Д. /
6. Аскарлов Ш. Д. Псевдо- и саморегуляция // Архитектура и строительство Узбекистана, 1990, 12, с. 25–31.

7. Чеботарева З. Н. Кварталы под жарким солнцем. Ташкент: Узбекистан, 1985, с. 21, 28.
8. Адылов С. Р., Максумов П. М., Турсунов Ф. Ю. Город, рождённый дважды. М.: Знание, 1970, с. 35.
9. Аскарлов Ш. Д. Регион-пространство-город. М.: Стройиздат, 1988, с. 184.
10. Конторович И. Я., Ривкин А. Б. Рациональное использование территории городов. М.: Стройиздат, 1986, с. 6.
11. Строительные нормы и правила. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. КМК 2.07.01-94. Ташкент: Государственный комитет Республики Узбекистан по архитектуре и градостроительству, 1994, с. 40.
12. Адылов С. Р. Институт времени перестройки // Архитектура и строительство Узбекистана, 1991, 1, с. 2-4.
13. Аскарлов Ш. Д. Исторический Худжанд: концепция восстановления // Маскан. Архитектура и строительство Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, 1993, 1-2, с. 2-3.
14. Мельникова Л. Н., Яворская И. С. Город как проекция социальных реальностей // Архитектура и строительство Узбекистана, 1991, 1, с. 17-23.
15. Манакова В. Н. Архитектура кафе «Голубые купола» и чайханы на бульваре имени В. И. Ленина // Строительство и архитектура Узбекистана, 1971, 7, с. 33-35.
16. Жаббор У. С., Жаббор С. У. Метаморфозы крупнопанельных башен Ташкента. Ташкент: ТММ-АРХ, 2007, с. 3-4.
17. Джаббар О. С. Типы планировочных структур квартир многоэтажных домов для Ташкента // Строительство и архитектура Узбекистана, 1975, 2, с. 15-19.
18. Жаббор У. С., Жаббор С. У. К социально-экологическим проблемам крупнопанельного высотного жилища Ташкента // Архитектура и строительство Узбекистана, 2005, 3-4, с. 42-45.
19. Джаббар О. С. Практика проектирования и строительства в Ташкенте крупнопанельных домов с квартирами для средних семей // Строительство и архитектура Узбекистана, 1975, 11, с. 9-15.
20. См. 16.
21. Русанова Л. Н., Таут М. П. Современные проблемы повышения комфортности жилища в условиях городского строительства в Средней Азии. Ташкент: НИИ научно-технической информации и технико-экономических исследований Госплана Узбекской ССР, 1980, с. 28, 34.
22. Жаббор У. С. Современные проблемы многоэтажного жилища Ташкента // Автореф. дисс. докт. архитектуры. Ташкент, ТАСИ, 1998, с. 11-12.
23. См. 21, с. 16.
24. Чеботарева З. Н. В защиту плотной малоэтажной застройки // Архитектура и строительство Узбекистана, 1974, 11, с. 14-23.
25. Захаров Г., Чернышева З. Опыт проектирования жилища для Средней Азии // Архитектура СССР, 1943, 4, с. 22.
26. См. 22, с. 32.
27. См. 14.
28. Адылов С. Р. Реконструкция районов жилой застройки в крупнейших городах Средней Азии. Автореф. канд. дисс. // Ленинград: ЛИСИ, 1987, с. 13-15.

МЕСТНОЕ

1. Арифханова З. Х., Зуннунова Г. Ш., Камаритдинова М. С. Современные этнокультурные процессы в махаллах Ташкента. Ташкент: Фан, 2005, с. 54, 61, 62.
2. Русанова Л. Н., Таут М. П. Современные проблемы повышения комфортности жилища в условиях городского строительства в Средней Азии. Ташкент: НИИ научно-технической информации и технико-экономических исследований Госплана Узбекской ССР, 1980, с. 4-25.
3. Адылов С. Р. Экспериментальный жилой микрорайон «Калькауз» в Ташкенте // Строительство и архитектура Узбекистана, 1978, 4, с. 12-15.
4. Косинский А. С. Живой источник. Разговор о национальных традициях в советском зодчестве // «Архитектура» (приложение к «Строительной газете»), 22 января 1978 г.
5. Аскарлов Ш. Д. Архитектура местной инициативы // Архитектура и строительство Узбекистана, 1986, 10, с. 3-8.

6. Березин В. В. Возвращаясь к напечатанному // Архитектура и строительство Узбекистана, 1986, 11, с. 26.
7. Конкурс проектов ансамблевой застройки Узбекистанского проспекта, торговых рядов улицы Навои и массива Караташ // Архитектура и строительство Узбекистана, 1987, 3, с. 16–30.

1991–2011: РОСТ ГОРОДОВ

1. Совершенствование системы городского управления в малых и средних городах Узбекистана — основные направления, механизмы, инструменты. — Доклад. Центр экономических исследований при Службе государственного советника Президента Республики Узбекистан по вопросам социально-экономической политики. №ОПИ/01–10–05, 15 января 2011 г., с. 11–12, 13, 24, 27, 47, 48, 60, 61.
2. Тохтаев А. Р. Узбекистан строит своё будущее // Архитектура и строительство Узбекистана, 2007, 2, с. 4–8.
3. Тохтаев А. Р. Основные принципы организации архитектурно-градостроительной деятельности в Республике Узбекистан // Архитектура и строительство Узбекистана, 2006, 2, с. 4–7.
4. Строительные нормы и правила. Градостроительство. Ташкент, Госкомитет Республики Узбекистан по архитектуре и градостроительству. 1994, с. 41.
5. Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-1355 от 18 июня 2010 года «О мерах по развитию коммунальной инфраструктуры для жилых массивов Андижанской области на 2011–2015 годы» // Архитектура и строительство Узбекистана, 2010, 3, с. 3.
6. Аюпджанян В. А. Архитектура нового времени // Архитектура и строительство Узбекистана, 2006, 3, с. 91–100.
7. Адыходжаев Б. Н. Ташипрогор проектирует будущее Ташкента // Архитектура и строительство Узбекистана, 2006, 3, с. 101–104.
8. В. Аюпджанян. О некоторых проблемах градостроительного проектирования // Архитектура и строительство Узбекистана, 2007, 2, с. 9–10.
9. Кудрявцев А. А., Сдобнов Ю. А. Градостроительная деятельность: основные проблемы // Жилищное строительство, 2008, 3, с. 2–3.
10. См. 4, с. 7.
11. Строительные нормы и правила. Градостроительство. Планирование развития и застройки территорий городских и сельских населённых пунктов. ШНК 2.07.01–03. — Ташкент: Государственный комитет Республики Узбекистан по архитектуре и градостроительству, 2003, с. 3.
12. Концепция развития градостроительства Узбекистана в условиях формирования новых социально-экономических отношений (Основные положения). Утверждена Республиканским архитектурно-градостроительным Советом при Кабинете Министров Республики Узбекистан. Протокол №27. Ташкент: 25.09.2001, с. 38.
13. Концепция развития градостроительства Узбекистана в условиях формирования новых социально-экономических отношений. Ташкент: Издательство Ташкентского архитектурно-строительного института, 2008, с. 186–196.
14. Feilden B. M. and Jukka Jokilehto. Management Guidelines for World Cultural Heritage Sites. By ICCROM, UNESCO, ICOMOS. Rome: ICCROM, 1993, p. 88–89.
15. См. 4, с. 7.
16. Там же, с. 12, 16.
17. Михаэзлян В. М. Транспортные развязки Ташкента // Архитектура и строительство Узбекистана, 1999, 3–4, с. 24.
18. Бахирев И. Основные транспортные проблемы крупнейших городов. // Архитектура — строительство — дизайн, 2008, 3(52), с. 60–63.
19. Гаганов Е. Г. Система улично-дорожной сети Ташкента // Архитектура и строительство Узбекистана, 1999, 3–4, с. 24–25.
20. См. 18.
21. В сфере строительства усилена ответственность // Сегодня, 11 января 2012 г., 3 (105), с. 3.
22. См. 18.

23. Азаренкова Э. В. Экспресс-метрополитен для мегаполиса // Жилищное строительство, 2010, 6, с. 14–17.
24. См. 18.
25. Хан-Магомедов С. О. Николай Ладовский. М.: Знание, 1984, с. 44, 46, 47.
26. Мерлен П. Новые города. М.: Прогресс, 1975, с. 218, 219, 221.
27. Carreau J. Edge City: Life on the New Frontier. New York — Auckland: Anchor Books, 1992, p. 4–5, 14–15, 12.
28. Wright F. L. The Living City. New York: Horizon Press, 1958, p. 81.
29. См. 27, p. 10–11, 425, 464.
30. Там же, p. 89, 515. Reference: Vance J. E. This Scene of Man: The Role of Structure of the City in the Geography of Western Civilization. New York: Harper & Row, 1977.
31. Concina E. La Citta Bizantina. Roma-Bari: Editori Laterza, 2003, p. 13–14.
32. Мерлен П. Город. Количественные методы изучения. Москва: Прогресс, 1977, с. 161, 207.
33. Мани Л. Дж. Транспорт, энергетика и будущее. Москва: Мир, 1987, с. 115–116.
34. См. 27, p. 425, 464.
35. См. 26, с. 174.
36. Islamic urban studies. Historical review and perspectives. Edited by Haneda M. and Miura T. London and New York: Kegan Paul International, 1994, p. 282.
37. Аскарлов Ш. Д. Японский камертон // Архитектура и строительство Узбекистана, 1983, 6, с. 8–15.
38. Кишо Курокава: мегаполис XXI века никогда не остановится в росте // Проект Россия, 2003, 4, с. 21–24 (Уточнённый перевод с английского автора — Ш. А.).
39. Ноткин И. И. Динамика градостроительного развития Хивы // Архитектура и строительство Узбекистана, 1983, 10, с. 9–12.
40. Осипова И. В. Эволюция генерального плана города Астаны в XIX–XXI вв. Дисс. канд. архитектуры. Астана: Казахский агротехнический университет, 2010, с. 100–112.
41. Dadabaev T. Uzbekistan: Post-Soviet Realities. — Values and lifestyles in urban Asia. A cross-cultural analysis and sourcebook based on the Asia parameter survey of 2003. — Edited by Takashi Inoguchi, Miguel Basanez, Akihiko Tanaka, and Timur Dadabaev. Institute of Oriental Culture, The University of Tokyo. Mexico, 2005, p. 207–235.
42. Miyake Riichi, Professor at Fuji Women's University, Sapporo. Growth and Stagnation: Changing Global Map. — The Architectural Institute of Japan. International Policy Forum on Urban Growth and Conservation in Euro-Asian Corridor, Istanbul Conference, May 20–21, 2010.
43. Boontharm Davisi, Associate Professor, National University of Singapore. Creative Urban Regeneration: Learning from Tokyo and Bangkok. — The Architectural Institute of Japan. International Policy Forum on Urban Growth and Conservation in Euro-Asian Corridor, Istanbul Conference, May 20–21, 2010.

СОХРАНЕНИЕ ГОРОДОВ

1. Ртвеладзе Э. В. Древний форпост узбекской земли. Кампиртепа — бактрийская крепость на Оксе // Народное слово, 6 мая 2000 г.
2. Азимов И. М. Архитектура Узбекистана XVIII–начала XX вв. Автореф. дисс. докт. архитектуры. Москва, 2000, с. 3–4.
3. MacLeod C., Mayhew V. Uzbekistan: The Golden Road to Samarkand. — Hong-Kong: Odyssey, 1999, p. 280.
4. Feilden B. M., Jokilehto J. Management guidelines for world cultural heritage sites. Rome: ICCROM, 1993, p. 122.
5. Маньковская Л. Ю. Проблемы архитектуры Средней Азии: наследие и современность // Культура Среднего Востока — развитие, связи и взаимодействия. Градостроительство и архитектура. Ташкент: Фан, 1989, с. 191 (180–191).
6. Пугаченкова Г. А. Архитектурные руины: реставрация или консервация // Строительство и архитектура Узбекистана, 1995, 1–2, с. 37–39.
7. См. 3, p. 156.
8. Рахманов А. Р. Созидательство в нашей крови // Архитектура и строительство Узбекистана, 2009, 4, с. 38–40.

9. Кадырова Т. Ф. Пути архитектурного возрождения Узбекистана за XX-начало XXI в. (Традиции и современность). Ташкент: Издательство Ташкентского архитектурно-строительного института, 2007, с. 132.
10. Кудрявцев А. А., Сдобнов Ю. А. Градостроительная деятельность: основные проблемы // Жилищное строительство, 2008, 3, с. 2–3.
11. См. 3, р. 40.
12. Бахирев И. Основные транспортные проблемы крупнейших городов // Архитектура — строительство — дизайн, 2008, 3 (52), с. 60–63.
13. Соатова Д. А. Махалла как главная социальная инфраструктура реконструируемых городов Средней Азии // Архитектура и строительство Узбекистана. 2000. №4. С. 8–10.
14. Аюпджанян В. А. Концепция генерального плана Самарканда в аспекте сохранения его исторического наследия // Архитектура и строительство Узбекистана, 2005, 1, с. 42–45.
15. Al-Radi S. Restauration of Bukhara Old City. — Davidson C., Serageldin I. Architecture beyond Architecture. Academy Edition. — London, 1995, p. 28–38.
16. Gangler A, Gaube H, Petruccioli A. Bukhara — The Eastern Dome of Islam. — Stuttgart-London: Edition Axel Menges, 2004, p. 72.
17. Йулдошев Н., Курбонов Х. Бухоро шаҳри ва унинг атрофидаги зияратгоҳлар тарихи. Бухоро: Бухоро, 2001, б. 61–65.
18. См. 4, р. 88–89.
19. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М.: Искусство, 1965.
20. См. 4, р. 88–89.

ТИПОЛОГИИ, АНСАМБЛИ, СТИЛИ

1. Ислам Каримов. Наша цель: свободная и процветающая родина. Т. 2. Ташкент: 1996, с. 36.
2. Хотамов Г. Шахидлар хотираси // Халк сузи, 29 феврал 2000 й.
3. Guiheux A. Vers l'invisibilité constructive. — Technique et architecture, 1991, 445, p. 20–25.
4. Аюпджанян В. О некоторых проблемах градостроительного проектирования // Архитектура и строительство Узбекистана, 2007, 2, с. 9–10.
5. В помощь индивидуальному застройщику. Дом для большой семьи // Архитектура и строительство Узбекистана, 1996, 2–3, с. 54–55.
6. Арифханова З. Х., Зуннунова Г. Ш., Камаритдинова М. С. Современные этнокультурные процессы в махаллах Ташкента. Ташкент: Фан, 2005, с. 62.
7. Центр экономических исследований при Службе государственного советника Президента Республики Узбекистан по вопросам социально-экономической политики: доклад «Совершенствование системы городского управления в малых и средних городах Узбекистана — основные направления, механизмы, инструменты», №ОПИ/01–10–05 от 15 января 2011 г., с. 28.
8. Глинобитное строительство. Всеобъемлющее руководство. Перевод с английского. Ташкент, Представительство ЮНЕСКО в Узбекистане, 2007. — Hugo Houben and Hubert Guiland. Earth construction. A comprehensive guide. ITDG Publishing, Marseille-London, 1989.
9. Жаббор У. С., Жаббор С. У. Элита и лимита жилища Ташкента. Ташкент: АИ Жахон, 2008, с. 4, 29, 45.
10. Усманов Б. М. Улучшение архитектурного облика городов Республики путём расширения строительства жилья с объектами сферы услуг и сервиса // Архитектура и строительство Узбекистана, 2010, 3, с. 5–7.
11. Тохтаев А. Р. О перспективах развития строительства индивидуального жилья в комплексе с объектами сферы услуг и сервиса, отвечающих современным градостроительным нормам с учётом требований, высказанных Президентом Республики Узбекистан И. А. Каримовым в г. Андижане 26 мая 2010 года // Архитектура и строительство Узбекистана, 2010, 3, с. 5–7.
12. Ходжаев С. А. Нормативная и проектная база академических лицеев и профессиональных

- колледжей // Архитектура и строительство Узбекистана, 1999, 3–4, с. 3–4.
13. Тахтаев А. Р. Архитектурно-градостроительные аспекты Государственной общенациональной Программы развития школьного образования в Республике Узбекистан // Архитектура и строительство Узбекистана, 2005, 2–3–4, с. 2–3.
14. Шагаев М. М. Пути совершенствования сетей и типов зданий общеобразовательных школ г. Ташкента // Архитектура и строительство Узбекистана, 2005, 2–3–4, с. 13–14.
15. Ходжаев С. А. Нормативная и проектная база — основа для нового строительства и реконструкции общеобразовательных школ // Архитектура и строительство Узбекистана, 2005, 2–3–4, с. 7–12.
16. Рахманов А. Р. Созидательство в нашей крови // Архитектура и строительство Узбекистана, 2009, 4, с. 38–40.
17. Выступление Президента Ислама Каримова на торжественной церемонии, посвященной 800-летию юбилею Джалалиддина Мангуберды // Правда Востока, 11 июня 1999 г.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

(н, с, в – низ, середина, верх таблиц)

- Автор бв, 10с, 16, 17, 22, 23с, в, 24н, в, 26, 27, 28, 29в, 31в, 32, 35в, 36, 37н, в, 38, 43н, 45н, с, 48в, 49в, 50с, в, 51в, 54н (на плане Филимонова В. М.), 56–58, 59н (на плане Santacuzino Sh.), в, 60, 62, 63н, 64, 65, 67с, в, 70в, 71, 73, 74н, с, 77с, 84, 89в, 91в, 94, 96, 110в, 111н, 112с, в, 115, 117, 120н, 121н, 122в, 126, 128в, 129н, 132в, 142с, 150с, в, 151в, 152н, в, 153, 154н, 155в, 157, 159н, 160, 170н, с, 178н, с, 183, 184с (на плане Кадыровой Т. Ф.), в, 185в, 186–188 (с Зайнуддиновой М. А.), 191с, в, 194в, 197в, 199н, 200н, в, 202н, 203, 205н, с, 208 (рисунки Джаббара О. С. и Коробовцева Г. И.), 211–213, 214с, 219 (на планах Зияева А.), 224, 227, 228н, в, 232н, 241в, 242н, 243н, 244–246, 249, 253, 254с, в, 255, 257в, 258, 259в, 260–268, 272, 273в, 274н (на плане Филимонова В. М.), в, 276–280, 282, 284в, 286, 287н, 288с, 289н, в, 292, 291н, в, 299, 313, 314с, в, 315, 316, 317н, в, 318, 319, 320в.
- Абдуллаева Д. 35с.
- Азаренкова З. В. 228с.
- Академия строительства и архитектуры СССР 134, 139в, 195н.
- Акматаев А. Д. 293.
- Алимов Н. Н. 308.
- Ан Т. и Пулатов Х. М. 256с, в.
- Архив Управления по охране исторических памятников при Министерстве культуры Республики Узбекистан 35н, 37с, 48н.
- Архитектура и строительство Узбекистана 137в, 147в, 154в, 172, 176с, 179, 184н, 191н, 192, 198, 201, 205в, 209н, 216, 218в, 220, 223, 237в, 242с, 243с, 248, 275в, 283, 284н, 285, 287в, 288н, 289с, 290с, 291в, 294–296, 298с, 300, 306.
- Архитектура, приложение к Строительной газете 135н, 137с, 139н, 161с, 218н.
- Бабаханов А. Б. 140, 147н, с, 167н.
- Бархин М. Г. 130в.
- Басенов Т. К. 148.
- Бахирев И. 229.
- Большаков О. Г. 20.
- Бунин А. В., Саваренская Т. Ф. 39с, 50в, 51в.
- Всеобщая история архитектуры 10н, с, 41н, 167с, 173с, 190, 218с.
- Герасимов М. М. 34в. •
- Глаудинов Б. 4с.
- Головченко В. Э. 26н, 27н, в, 34н.
- Госплан АССР 98, 99.
- Государственный музей искусств Каракалпакской АССР им. Савицкого И. В., Нукус 78с, в, 101н, 111с.
- Государственный музей искусств народов Востока, Москва 128н.
- Государственный музей изобразительных искусств Республики Узбекистан 79в, 113н.
- Государственный научно-исследовательский музей архитектуры (ГНИМА) имени А. В. Щусева, Москва 122н, с, 123н, с, 124в.
- Гутнов А. Э. 101в.
- Де Арсе Р. П. 181в.
- Джаббар О. С. 202с, в, 206, 312.

- Джахангиров В. А. 137в, 138в, 139с, 146в, 146н, 155н, 162н, 214н, 218с.
- Дрягин А. 67н.
- Ергеодакадастр-2010 169, 174с, в, 176в, 177в, 242в, 297н.
- Ешимбетова С. И. 307, 309-311.
- Зияев А. 99с, в, 96, 139н, 143н, 219.
- Институт восточной культуры Университета Токио 238.
- Интернет 10с, в, 15в, 23с, 30в, 177н, 193, 199в, 200с, 290н, в.
- Кагал К. 46в, 50н, 163, 181н.
- Кадырова Т. Ф. 85в, 146н, с, 147в, 161в, 164с, в, 167н, в, 171в, 173в, 174н, с, 175, 176н, в178в, 185с, 189с, в, 190, 194н, с, 195в, 197с, 204, 207, 214в, 243в.
- Калисламов А. И. 281.
- Калмыков В. П. 100, 105в.
- Клычев З. и Шарипова З. 74в, 110с, 141, 185н, 254н, 256н, 270, 273н.
- Кожушко Д. П. 259н.
- Коробовцев Г. И. 210.
- Крамаренко Л. Ю. 33н.
- Культерман У. 165.
- Куренной В. Н. 14.
- Курьер ЮНЕСКО 297в.
- Майдар Д. 39с.
- Мани Л. Дж. 233н.
- Московское архитектурное общество (МАО), Москва 113с, в.
- Мерлен П. 230в, 233в.
- Минерт Л. К. 39н.
- Мирхамидова Ш. М. 271.
- Нильсен В. А. 34в, 55, 68в, 110н, 111н, 145н.
- Ноткин И. И. 61, 170в, 209в, 234н, 241н.
- Нусов В. Е. 6с.
- ОАО Узшахарсозлик ЛИТИ 164н, с.
- Организация Объединённых Наций 217.
- Осипова И. В. 234в, 236, 237н.
- Правда Востока и Кизил Узбекистон 78н, 112н, 137н, 145в.
- Проект Россия 235.
- Пугаченкова Г. А. 4в, 5, 6н, 7н, 13н, с, 19н, в, 33в.
- Рахимов У. Х. 291с.
- Ртвеладзе Э. В. 8н, с, в.
- Савон И. К. 16н.
- Сагдуллаев А. С. 11.
- Саламов Р. Б. 16в.
- Самаркандский институт археологии 21.
- Сильченков А. А. 66в, 106в, 107, 108.
- Смирнова О. В. 129в.
- Советская архитектура 102-104.
- Современная архитектура 119, 121с, в, 123н, с, 124с.
- Социалистическая наука и техника 144в, 197н.
- Сухарева О. А. 31н.
- Ташкент путеводитель 168.
- Телегин В. П. 275у, 287с, 288в.
- Торопов С. А. 48в.
- Трудолюбова Т. Р. 27н, в.
- Турганбаева Л. Р. 15с.
- Турдиев А. А. 37с, в.
- Турсунов Ф. Ю. 289с, 301н.
- УзНИИПградостроительства 142, 143в, 182в, 215н.
- Узшахарсозлик ЛИТИ 221, 222в.
- Филимонов В. М. 20.
- Хабарова А. В. 26в.
- Хан-Магомедов С. О. 116н, 129с, в, 130, 189в, 230н, с.
- Хидоятлов Ш. Ш. 302, 303.
- Центральный государственный архив (ЦГА) КиргССР 66н, 76, 88н, 118.
- Центральный государственный архив (ЦГА) ТаджССР 80н, 88н, 117, 118.
- Центральный государственный архив (ЦГА) ТуркмССР 76, 77в, 79с, 80с, в, 87, 111в, 116с, 125.
- Центральный государственный архив (ЦГА) УзССР 68н, с, 69, 76, 77н, 81-83, 85н, с, 86, 87, 88в, 89с, 90, 91н, 92, 93, 97, 111с, 114, 116в, 117, 123в, 124в, 125, 127, 131, 132н, с, 135в, 136, 140с, 144с, 145с, 149, 150н, 156, 158, 159в, 161н, 162в, 314н.
- Центральный научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры (ЦНИИТИА), Москва 109.
- Центральный научно-исследовательский институт проектирования градостроительства (ЦНИИП градостроительства), Москва 166, 231.
- Черников Я. 128н.
- Юдицкий Е. Н. 42в.
- ЮНЕСКО Ташкент 304, 305.
- Aga Khan Award for Architecture (АКАА) 182н, 247, 320н.
- Albaum L., Brentjes B. 39в.

- Altun A. 23н, 24с.
 Archaeological Survey of India 45н.
 Ardalan N. and Bakhtiyar L. 43в, 138н, 222н.
 Bartoli L. 43в.
 Basilov U. N. 12.
 Brown P. 45в.
 Capretti E. 43в.
 Casa Editrice Bonechi 151н.
 Carreau J. 232в.
 Chad Sh. 75.
 Dacens B., Berre M., Schlumberger D. 30н, 52н.
 Dayton J. E. 42н.
 Di. Edit Roma 257н.
 Droste M. 127.
 Dupree L. 3в, 9.
 Fanshawe H. C. 52н, в.
 Ganpatye P. 317с.
 Gargiani R. 43в.
 GIUSTI di Becocci 42н, в, 43н.
 Lenormand B., Quiec C., et al. 152с.
 Grabar O. 40н.
 Grendler P. F. 31в.
 Grover S. 45в, 50в, 51н.
 Hillenbrand R. 4н.
 Huff D. 4с.
 Ipsilanti A., Ghloni S. 10с.
 Japan International Cooperation Agency (JICA) 239, 240.
 Kinder H., Hilgemann W. 1в, 2, 3н, 15н, 18н, 29н.
 King R. 41в.
 MacLeod C. 29в.
 Manz B. F. 25.
 Mozatti L. 18в, 19н, 23н, 43в, н.
 Mumtaz K. K. 6н, 7с, в.
 Najimi A. W. 13в, 53н.
 Nath R. 49в.
 Nicholson L. 40в.
 Pal P., Ledshko J., Dye J. M., Markel S. 39в, 51н.
 Pistolessi A. 42в, 138с.
 Pope A. U. 42н.
 Prost H. 63в.
 Raymond A. 53в.
 Rehman A. 47н, в.
 Sagar S. 180.
 Safrani Sh. H. 44, 59в.
 Sykes E., Sykes P. 1н.
 Tepe Center 63в.
 Thiebaut Ph. 70н.
 Werner L., Wells D. H. 46н.
 Wilber D. N. 28н.

Шукур Джураевич Аскарлов
 Генезис архитектуры Узбекистана

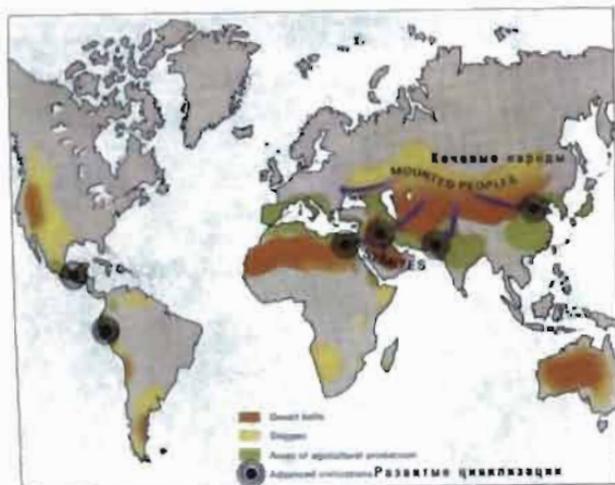
Издательство журнала "San'at", 2014
 Ташкент, 100047, ул. Истикбол, 4.
 Тел, факс: 233-97-43
 Лицензия AI №130 от 03.11.2008.
 e-mail: sanatys@globalnet.uz

Подписано в печать. 07.02.2014 г. Формат 70 x 100 1/16.

Печать офсетная. Усл. л. 24. Уч. изд. л. 14

Тираж 200

Отпечатано в типографии Mega Basim
 Baha Is Merkezi, Haramidere, Istanbul, Turkey
 www.mega.com.tr

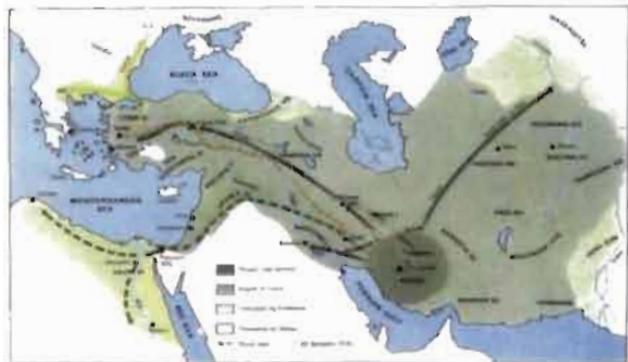

Середина XX в.

вырываются кочевники (Оаз) и богатые арабы (Ирак)
с югой на яглыхах и месолотамским коридором.

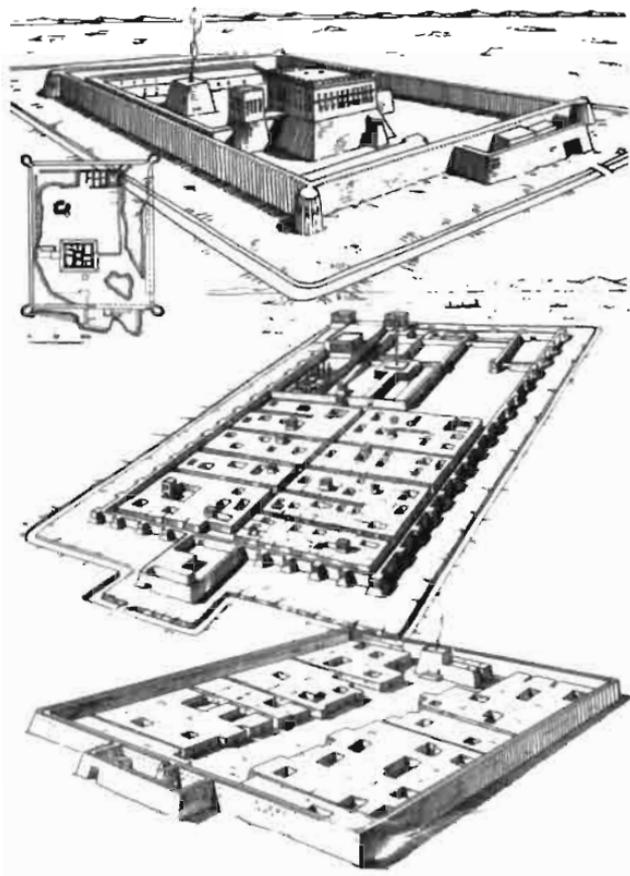

1. КОЧЕВЫЕ НАРОДЫ И ОСЕДЛЫЕ РАЗВИТЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

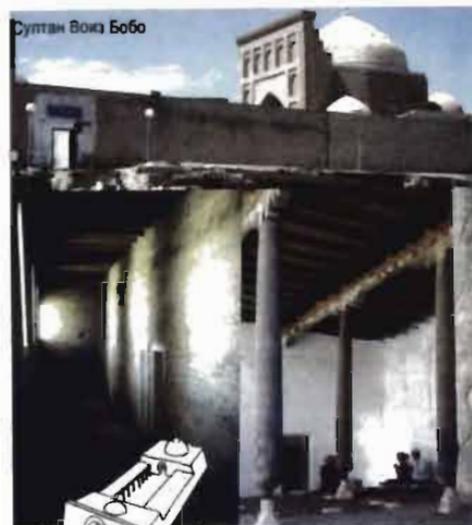

2. КАРТЫ: РОСТ ПЕРСИДСКОЙ ИМПЕРИИ (ВНИЗУ),
ПОХОДЫ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО (ВВЕРХУ)

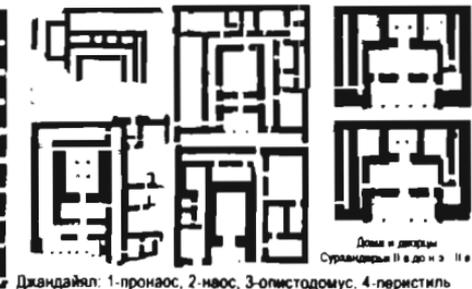
5 ВЛИЯНИЕ ЭЛЛИНИЗМА НА ГОРОДА И КЕШХ ХОРЕЗМА (СНИЗУ ВВЕРХ):
 ДЖАНБАС КАЛА III в. ДО Н.Э., ТОПРАК КАЛА III в., ТЕШИК КАЛА VI-VII вв.

Ак Бешим

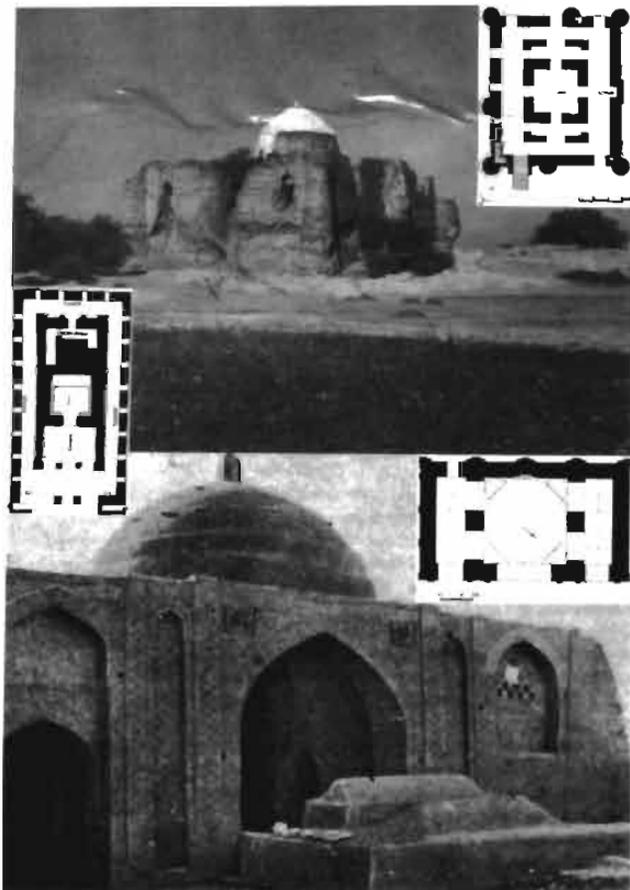

Домы и дворцы
 Сураходарья II в до н.э. II в.

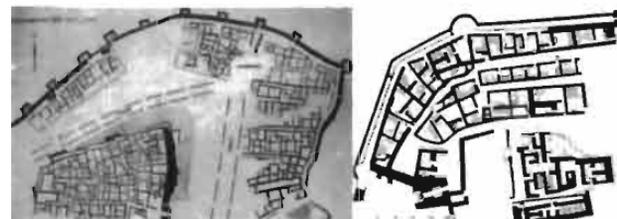

Джандайул: 1-пронаос, 2-навс, 3-олистоформус, 4-перистиль

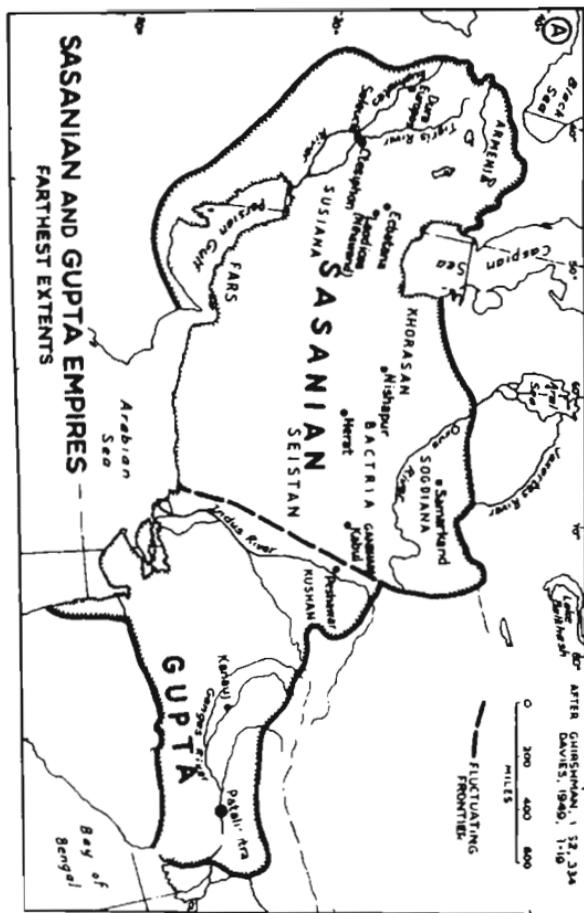
6 ГЕНЕЗИС ГРЕЧЕСКИХ, БУДДИЙСКИХ И ИСЛАМСКИХ ХРАМОВ II в до н.э. XIV в

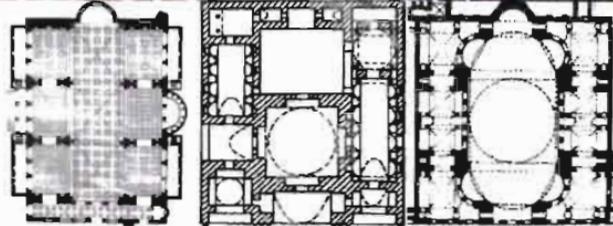
7. ГРЕЧЕСКОЕ В ТАЛХАТАН IX В. (ВНИЗУ) И ХАЛИД ВАЛИД XI-XII ВВ. (ВВЕРХУ)

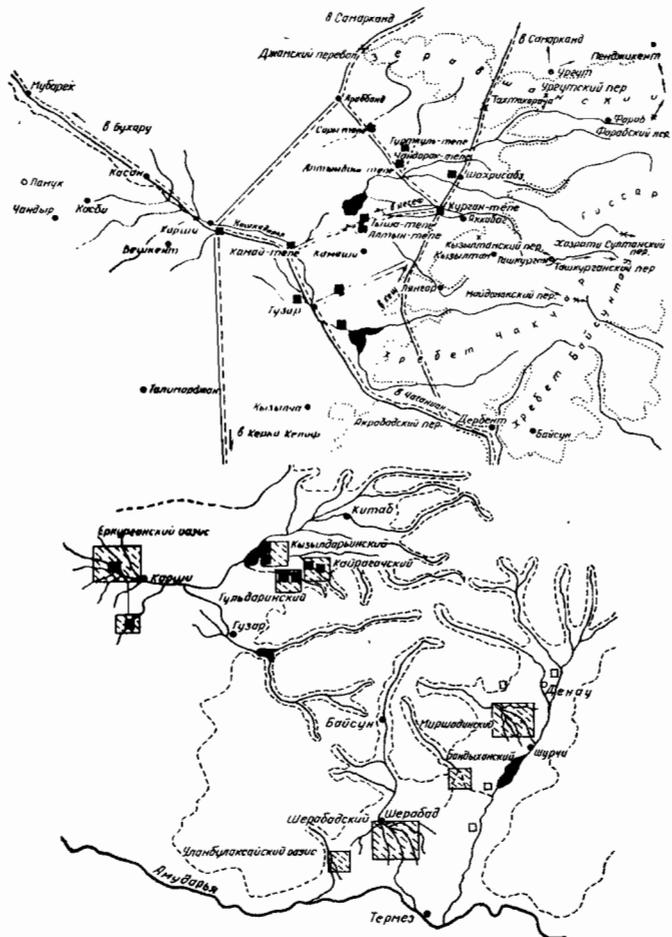
8. РУБЕЖ ЭЛЛИНИЗМА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ,
ЗАРОЖДЕНИЕ НОВОЙ ПЛАНИРОВКИ ГОРОДА:
КАМПЫРТЕПА III В ДО Н.Э.-II В. (ВНИЗУ И СЛЕВА) И ГАРДАНИ ХИСОР V-VII ВВ. (СПРАВА)

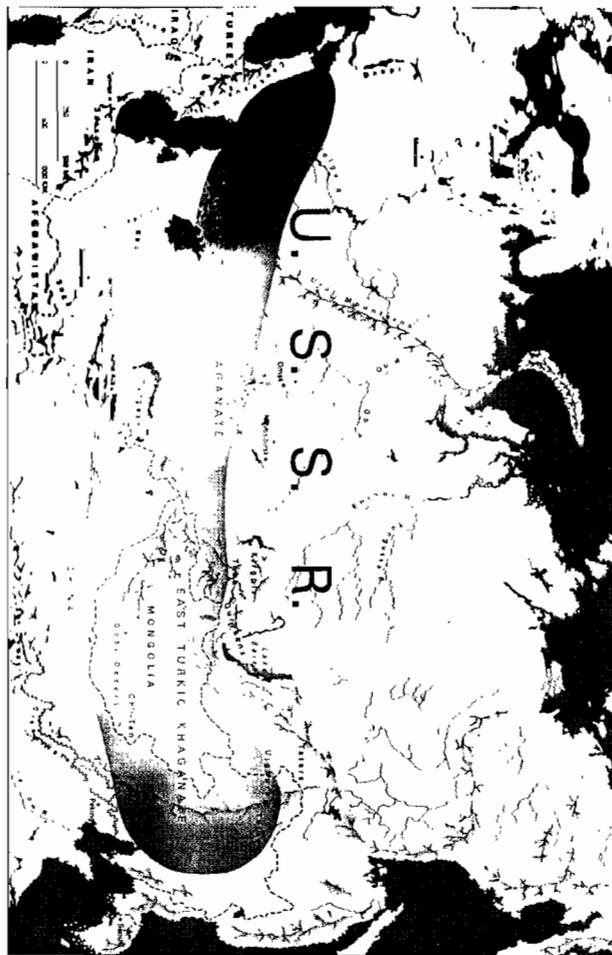
9. САСАНИДСКАЯ ИМПЕРИЯ III-VII ВВ.

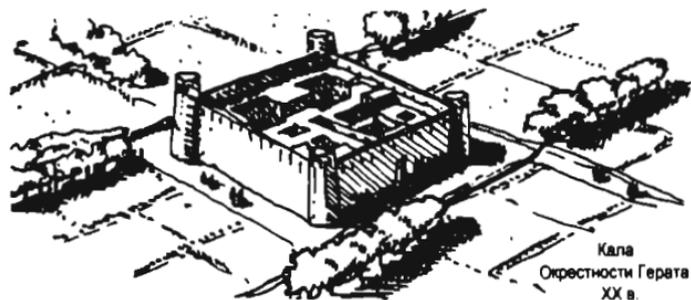
10. РОЖДЕНИЕ АРХИТЕКТУРЫ НОВОЙ ВЕРЫ:
БАЗИЛИКА МАКСЕНЦИЯ IV В., ДВОРЕЦ В САРВИСТАНЕ V В., БАЗИЛИКА СВ.СОФИИ VI В

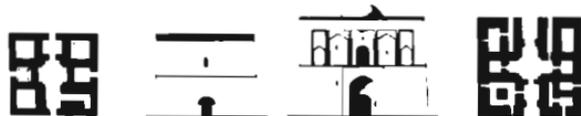
11. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЮГ УЗБЕКИСТАНА:
ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОАЗИСЫ, КАРАВАННЫЕ ДОРОГИ, ГОРОДА И ПОСЕЛЕНИЯ

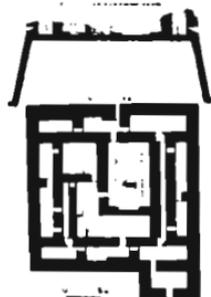
12. ТЮРКСКИЕ НАРОДЫ И ИХ СОСЕДИ КОНЦА VI - НАЧАЛА VII ВВ.

Кала
Окрестности Герата
XX в.

1:100

Балалык Тепе
Севернее Термеза
V-VI вв.

Жилые дома
Мерв
XI-XII вв.

Сельская усадьба
под Сп. арканом
VII в.

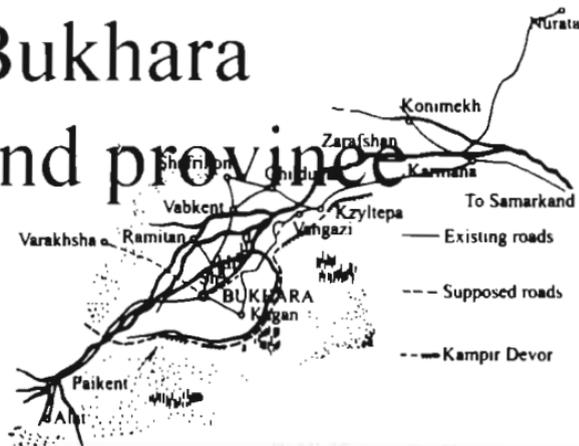

Саққаллитела
Сурхандарья
II тыс. до н.э.

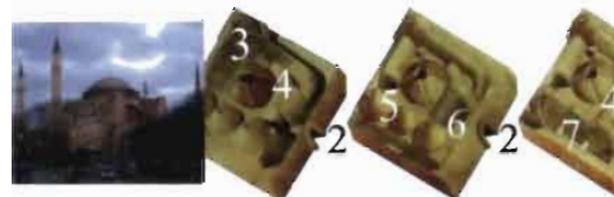
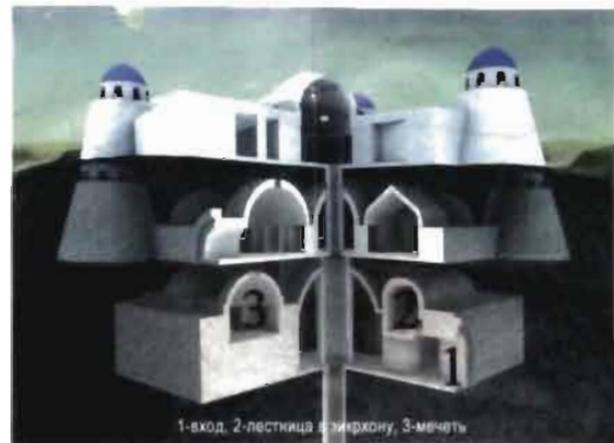
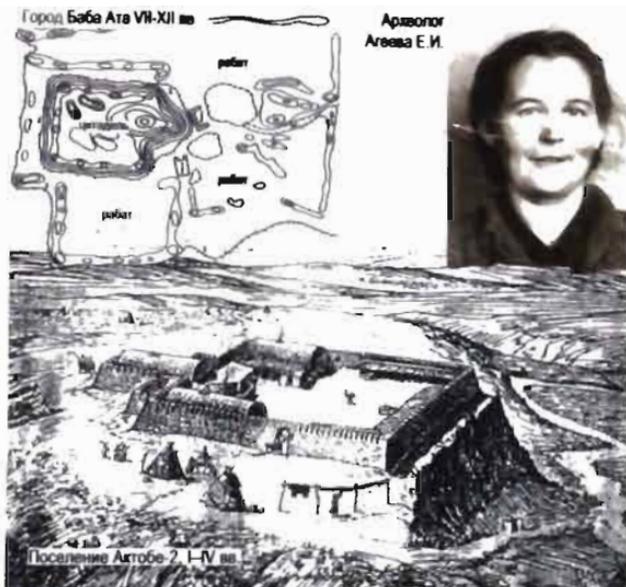
13. ПРОТОГОРОД И КЕШК. ТЫСЯЧЕЛИТИЯ ТИПОЛОГИИ

Bukhara

and province

14. БУХАРА И БУХАРСКАЯ ОБЛАСТЬ

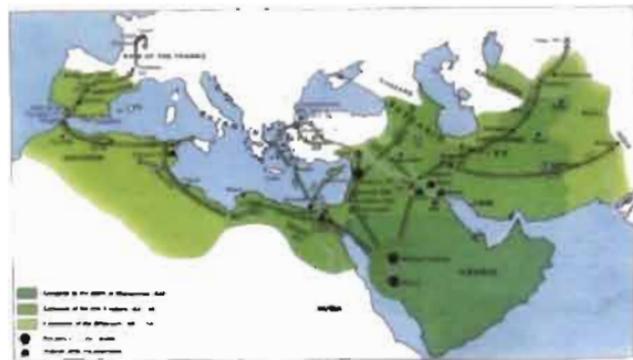
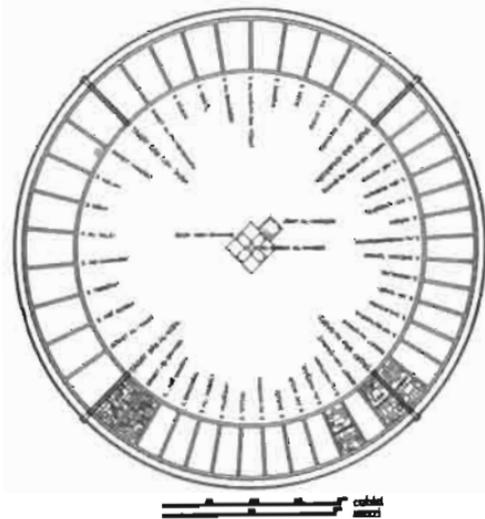
1-ополчение, 2-вход, 3-коридор на кровлю, 4-переход, 5-выход на кровлю, 6-зирхон (место императора в Св.Софии), 7-мечеть, 8-аттика в Св.Софии

15. ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ, ХАЗАРСКОЕ ХАНСТВО И ГОРОД БАБА АТА VI-XII ВВ.

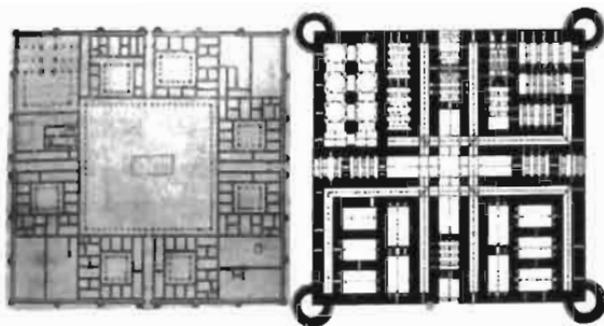
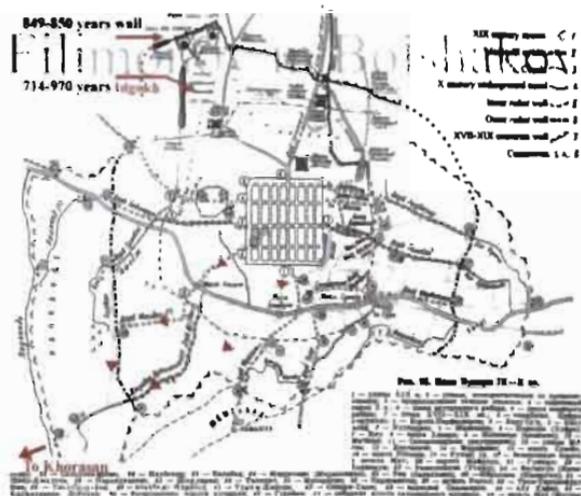
16. БАЗИЛИКА СВ.СОФИИ И ХРАМ БАБА АТА

17. ПРАВЫЙ ГАЛЕРЕЯ ВТОРОГО ЭТАЖА БАЗИЛИКИ СВ.СОФИИ

18. КАРТА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСЛАМА ДО 750 Г. И ПЛАН БАГДАДА 759-769 ГГ.

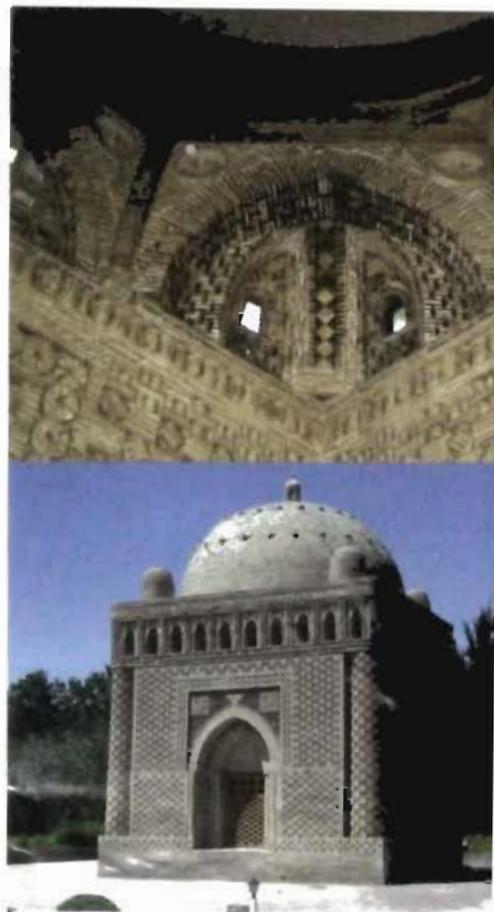

19. КАСР АЛ-ХАЙР АШ-ШАРКИ VIII В. (СЛЕВА) И КЫРК КЫЗ IX В. (СПРАВА)

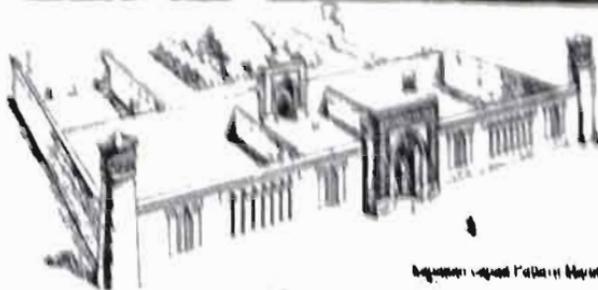
20. БУХАРА IX-X ВВ.
ПЛАН БОЛЬШАКОВА О.Г. С КОРРЕКТИВАМИ ПО ФИЛИМОНОВУ В.М.

21 ПЛАН САМАРКАНДА IX-XIX ВВ

22 МАВЗОЛЕЙ САМАНИДОВ БУХАРА X В

Минареты Самаркандской Баракхан

24 МИНАРЕТЫ БАРАХАН САРАЯ РАКАТИ МАШИНИ И МИНАРЕТ ВАЛИИ 1127 1128 11

Дворик

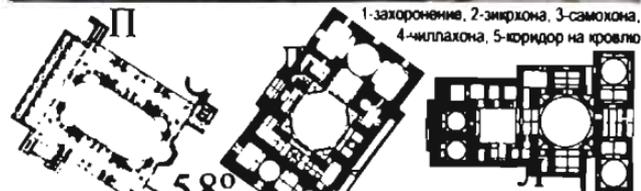
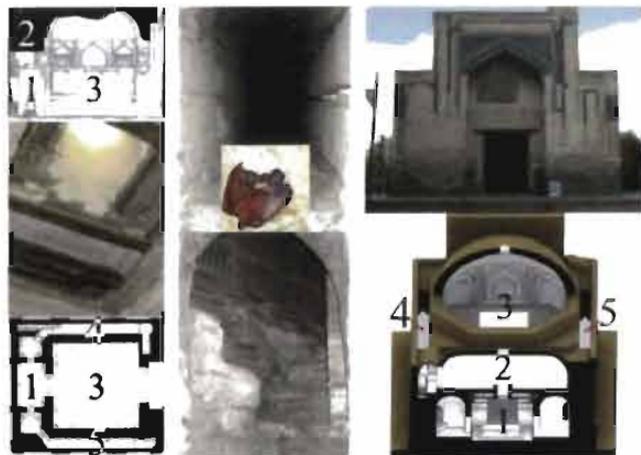

Архивные

23. МЕНЕТИ ЮГА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ VIII-XI ВВ. ТАРИХСАНА (ИРАН), ГО ГУМБАД (АФГАНИСТАН), ДЕГАРОН (БУХАРСКАЯ ОБЛАСТЬ)

25. УЛУС ЧАГАТАЙ В 1380 Г.

1-захоронение, 2-зирхона, 3-самохона,
4-чиллахона, 5-коридор на кровлю

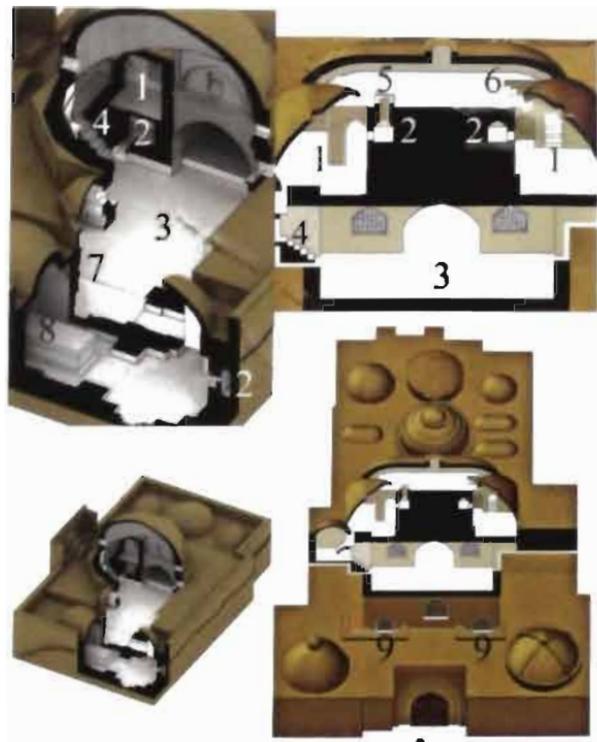
П-пакудус,
П-постниці

Св.София

М.Бошаро

М.Вали

26. БАЗИЛИКА И ХОНАХОХ:
СВ.СОФИЯ, МУХАММАД БОШАРО, МУХТОР ВАЛИ, БАЕНКУЛИХАН

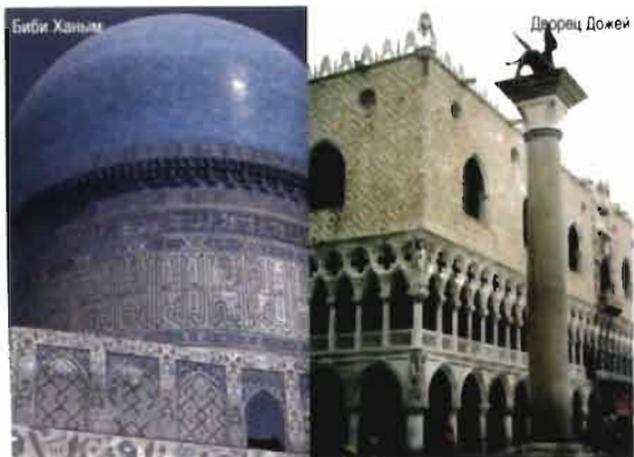

1-зиркона, 2-челлякона, 3-самокон, 4-лестница в зиркону,
5-кладенец над чепляковой, 6-лестница в северную зиркону, 7-мозаи-
8-захоронение, 9-ступки к восточным окнам самокони

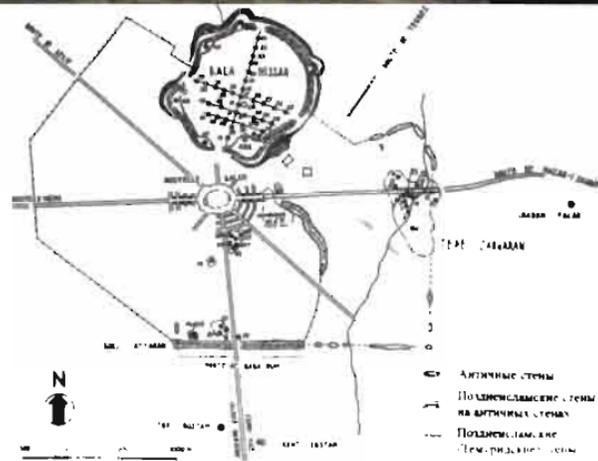
27. РАЗРЕЗЫ ХОНАКОХ: МУХАММАДА БОШАРО (СЛЕВА) И МУХТОРА ВАЛИ (СПРАВА)

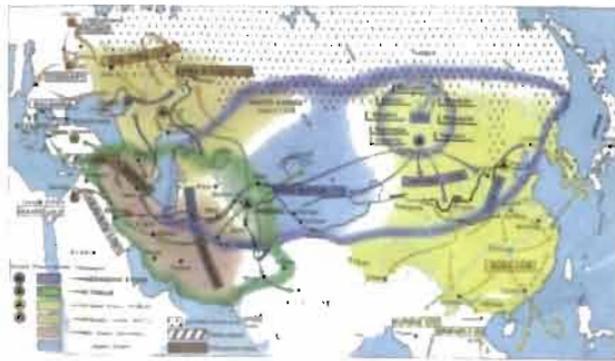
28. БАЗИЛИКА СВ. СОФИИ И ШАТЕР АМИРА ТЕМУРА:
ОКРУЖНОСТЬЮ УКАЗАНЫ СЕРАФИМЫ НА ПОДКУПОЛЬНЫХ ПАРУСАХ БАЗИЛИКИ

Под мозаичными орнаментами фасадов Дворца Дожей (1340-1441 гг.) Венеции «заимствованными от архитектуры Темура XV в. капители колонн изображают латинян, тартар и тюрков» - Дебора Ховард

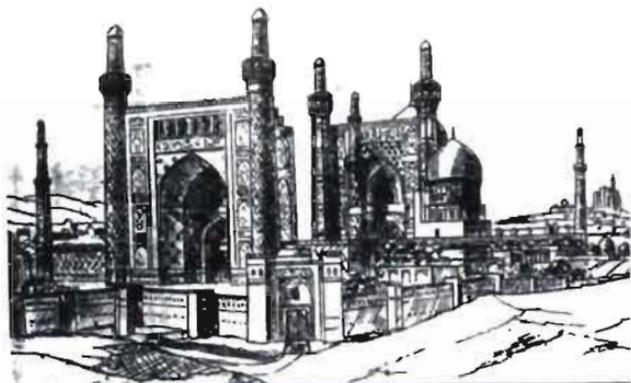

30. СТЕНЫ ТЕМУРИДСКОГО БАЛХА

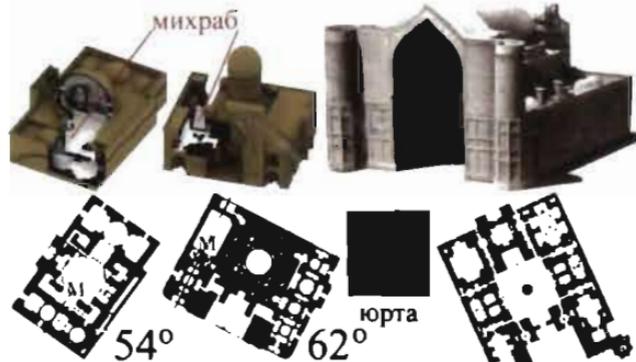
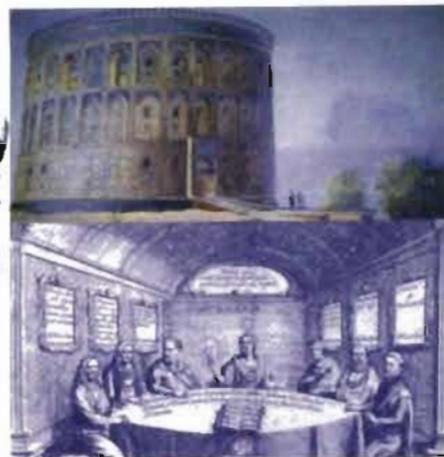

29. КАРТА ИМПЕРИИ ЧИНГИЗХАНА И АМИРА ТЕМУРА

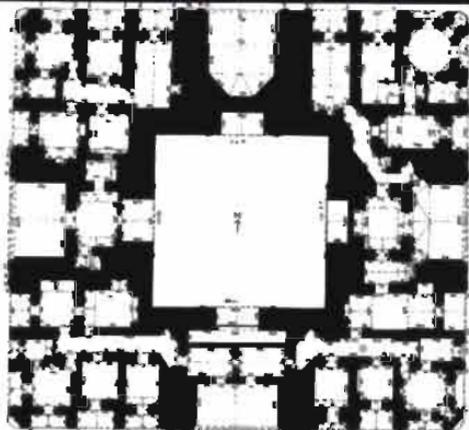
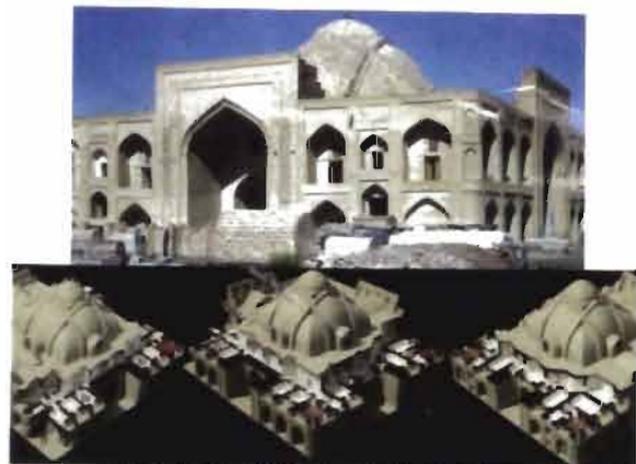

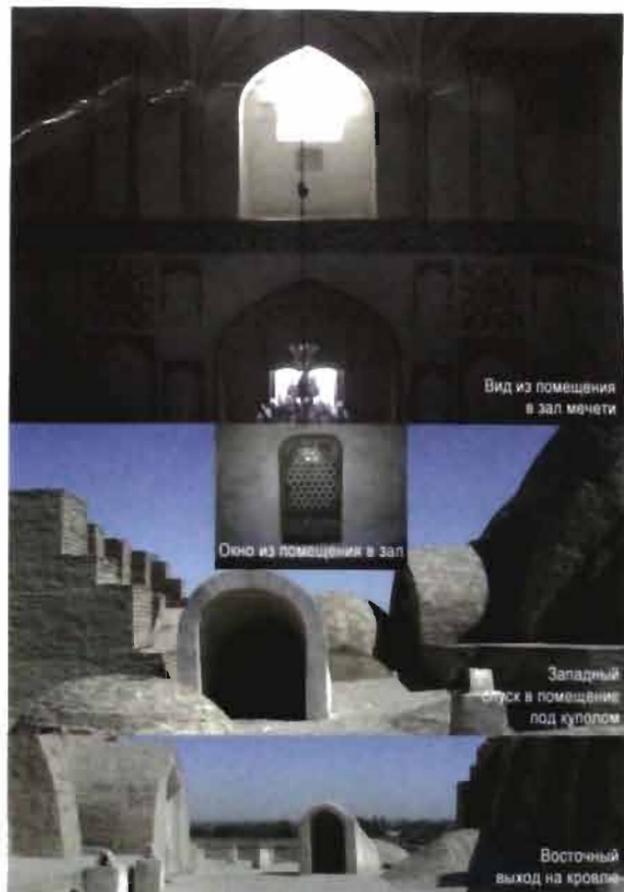
33. МЕЧЕТЬ БИБИ ХАНЫМ (1399-1404 ГГ.)
НА ПОЛОТНЕ КРАМАРЕНКО Л.Ю. (1934 Г.) И РИСУНКЕ ПУГАЧЕНКОВОЙ Г.А. (1946 Г.)

М.Бошаро Ишоратхона А.Яссави 32°
34. ХОНАКОХ МУХАММАДА БОШАРО, ИШОРАТХОНА, АХМАДА ЯССАВИ
ОБСЕРВАТОРИЯ УЛУГБЕКА (1424-1429 ГГ.) В РЕКОНСТРУКЦИИ НИЛЬСЕНА В.А. (1948 Г.)

35. ХОНАКОХ АБДУЛАЗИЗХАНА В КОМПЛЕКСЕ БОХОУДДИНА НАКШБАНДА, 1544-1545 ГГ.

Вид из помещения
в зал мечети

Одно из помещений в зал

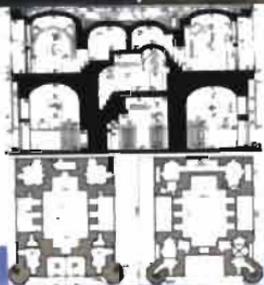
Западный
выход в помещении
под куполом

Восточный
выход на кровлю

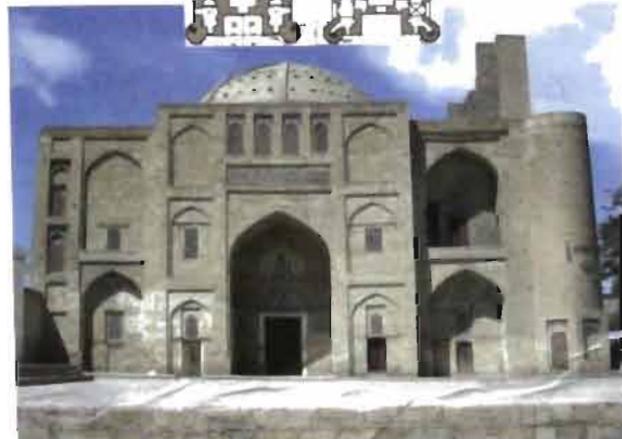
36. ХОНАКОХ АБДУЛАЗИЗХАНА В КОМПЛЕКСЕ БОХОУДДИНА НАКШБАНДА, 1544-1545 ГГ.

Нодир Девон Бег:
боковой южный фасад
(вниз)
и вид с северо-запада
(вверх)

Хайям Мулло Мир:
планы 1 и 2 этажей
(слева вниз),
поперечный разрез
(слева вверх)
и задней фасад
(вверх)

37. ДВА ХОНАХОХ - ДЛЯ ОФИЦИОЗА И БУДНЕЙ:
НОДИР ДЕВОН БЕГИ (1619-1620 ГГ., БУХАРА) И ХАЙЯМ МУЛЛО МИР (1680-Е ГГ., ЧИЛАНГУ)

38. ДЕКОР МЕДРЕСЕ АБДУЛАЗИЗХАНА, 1651-1652 ГГ., БУХАРА
СЛЕВА ВВЕРХ: ПОРТАЛ, МЕЧЕТЬ, ДАРСХОНА

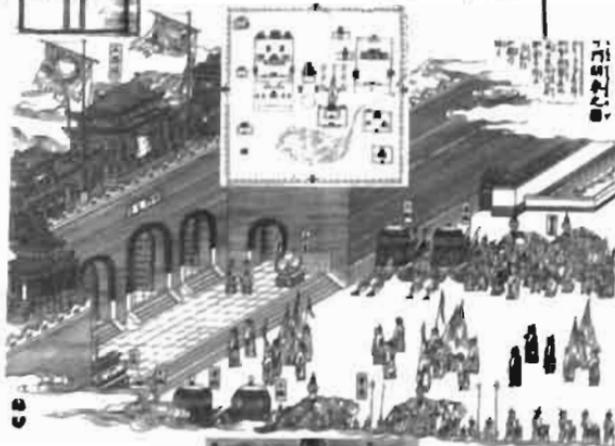

Тадж Махал
1631-1648 гг., Агра
Генеральный план

Урда
Худоярхана
1863-1873, Кошнд

Монгольский
монастырь
XIII-XVI вв.

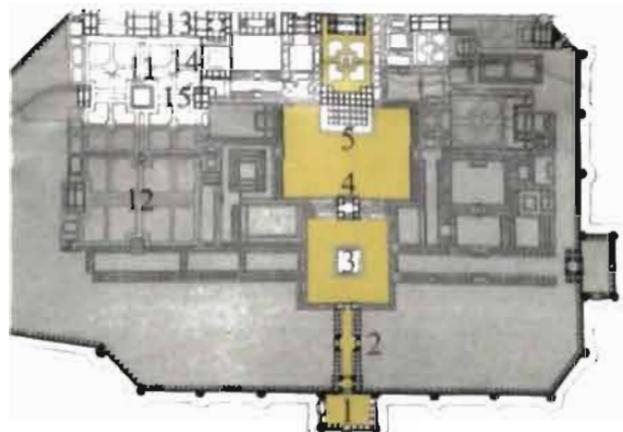

Пашан
План-макет
Императорского дворца
Гравюра
травката 18-19 вв. до н.э.

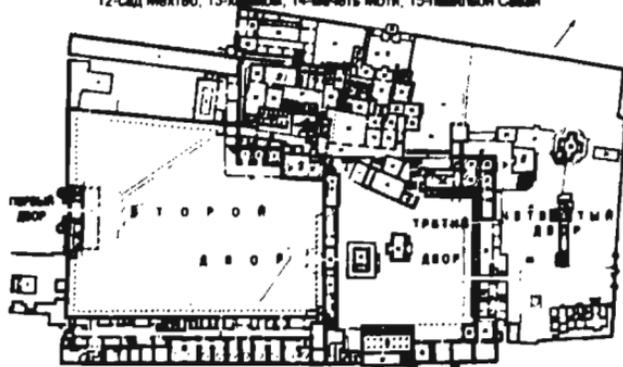

Слоны
Перед Южными Воротами
Императорского дворца
Гравюра 18в.

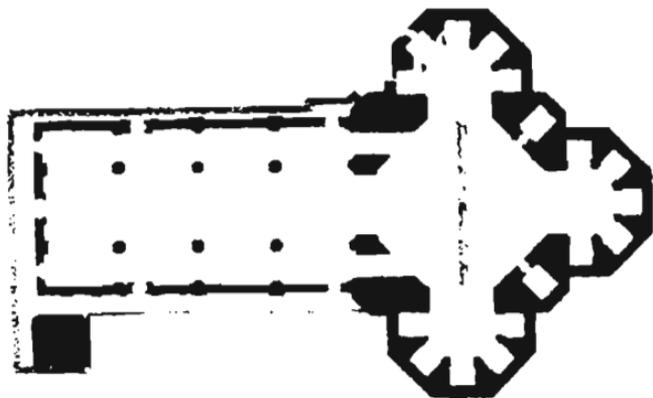
39. ЭВОЛЮЦИЯ ПЛАНИРОВОК
ОТ МАНДАЛЫ ПЕКИНСКОГО ДВОРЦА XIII-XV ВВ. ДО УРДЫ ХУДОЯРХАНА 1863-1873 ГГ.

1-Левковские ворота, 2-базар, 3-Дюмлюкочина, 4-Ногораконна, 5-Девонн Оым, 6-Шах Бурдж,
7-Девонн Хос, 8-Мусамман Бурдж, 9-Ренг Махал, 10-Асад Бурдж, 11-сад Хафт Бешш,
12-сад Мехтеб, 13-камалы, 14-мечеть Моти, 15-павильон Саван

40. КУЛЬМИНАЦИИ ПЛАНИРОВОК ТЮРКСКИХ ОРДА:
ДВОРЕЦ ТОПКАЛЫ, XVI-XIX ВВ., СТАМБУЛ (ВНИЗУ)
И ЦИТАДЕЛЬ ШАХДЖАХАНАБАДА, 1636-1648 ГГ. (ВВЕРХУ)

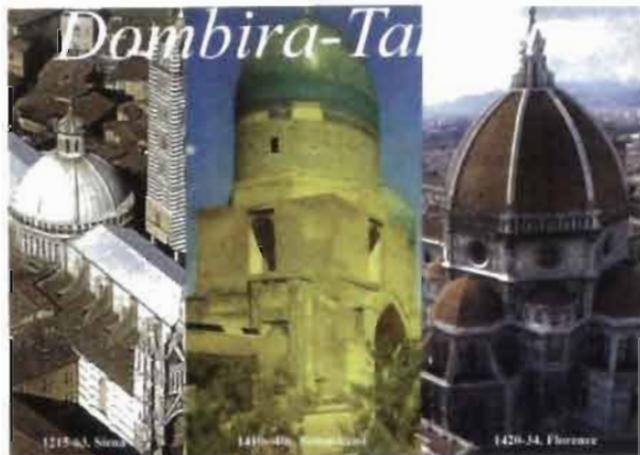

1350, Arnolfo di Cambio

1307-13, Sultaniya

41 ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ НАЧАЛА КУПОЛА БРУНЕЛЛЕСКИ:
ПИЛОНЫ ПЛАНОВ МАВЗОЛЕЯ ОЛЖЕИТУ В СУЛТАНИИ, 1307-1313 ГГ. (ВНИЗУ)
И БАЗИЛИКИ САНТА МАРИЯ ДЕЛЬ ФИОРЕ ВО ФЛОРЕНЦИИ,
ЧЕРТЁЖ АРНОЛЬФО ДИ КАМБИО 1350 Г (ВВЕРХУ)

42. ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ НАЧАЛА КУПОЛА БРУНЕЛЛЕСКИ:
ВЛИЯНИЕ МОНГОЛЬСКОЙ КОМПОЗИЦИИ И ТЕМУРИДСКОГО БАРАБАНА

43. ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ НАЧАЛА КУПОЛА БРУНелЛЕСКИ:
ВЛИЯНИЕ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОЙ ЮРТЫ И СЕЛЬДЖУКИДСКОЙ КЛАДКИ КУПОЛА

1-цитадель

2-мечеть Джамия

3-Чанд Минор
(в Давлатабаде),
мечеть Шах Базар
(в Гульберга)
и Идрох
(в Биджапуре)

4-мавзолей
первых султанов
(в Гульберга)
и мавзолеей
Ибрагима Одиш Шаха
(в Биджапуре)

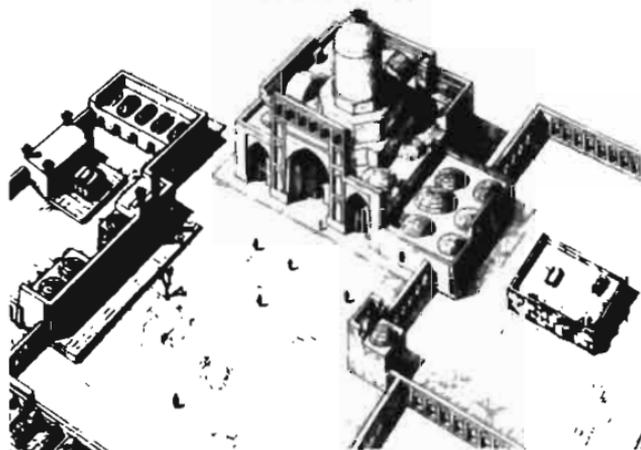
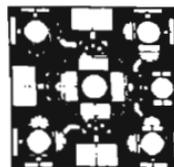
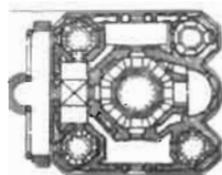
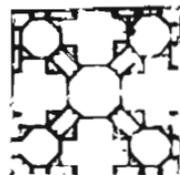
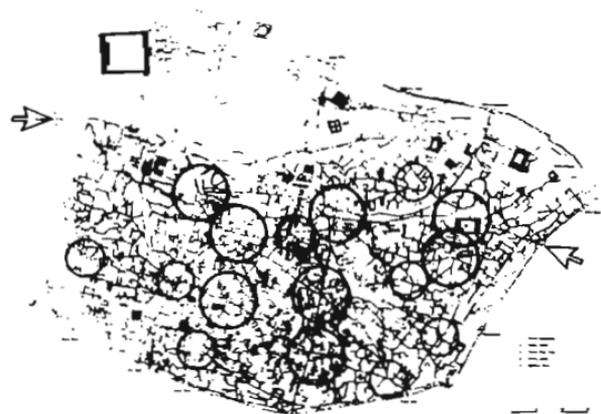
5-мемориальный комплекс:
Хазрет Газу Дарез
(в Гульберга)
и мавзолеей Гол Гулибиз
(в Биджапуре)

6-Джаказ Махал

7-Мюстар Махал

44. БУХАРА И САМАРКАНД
В ПЛАНИРОВКЕ И АРХИТЕКТУРЕ ГОРОДОВ ИНДИИ 1294-1580 ГГ.

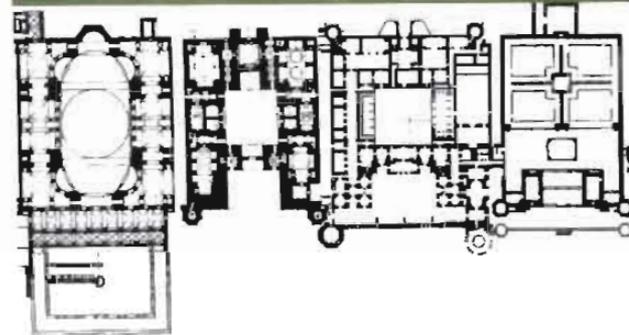

47. ЛАХОР 1548-1588 ГГ., СТОЛИЦА ИМПЕРАТОРА АКБАРА:
ГУЗАРЫ (ВНИЗУ)
И ТРАССА ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ С ГЛАВНЫМИ ПЕРЕКРЁСТКАМИ (ВВЕРХУ)

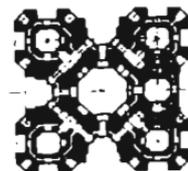
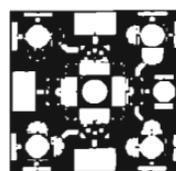
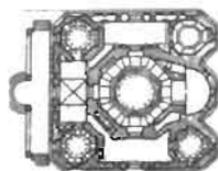
48. ХОНАКОХ ОБНОВЛЯЕТСЯ В КОНТАКТАХ С МОСКВОЙ:
ХРАМ ФИЛАРЕТЕ 1481-1484 ГГ., ЦЕРКОВЬ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ 1547 Г.,
И ХОНАКОХ КОСИМ ШАЙХА 1558 Г.

Дажхонгири Махал

49. ТРАНСФОРМАЦИЯ ХОНАКОХ ЯССАВИ В ИНДИИ:
 БАЗИЛИКА СВ.СОФИИ (532-537 ГГ.), ХОНАКОХ ЯССАВИ (1389-1399 ГГ.),
 ДЖАХОНГИРИ МАХАЛ (1565-1569 ГГ.), ПАЛ МАХАЛ (1637)

Храмы
 в Москве, Бухаре и Дели
 отличаются
 техническими нововведениями.
 Справа
 каминь помещений
 и выходные отверстия
 воздухопроводов хатаба
 в зонах Косим Шайха

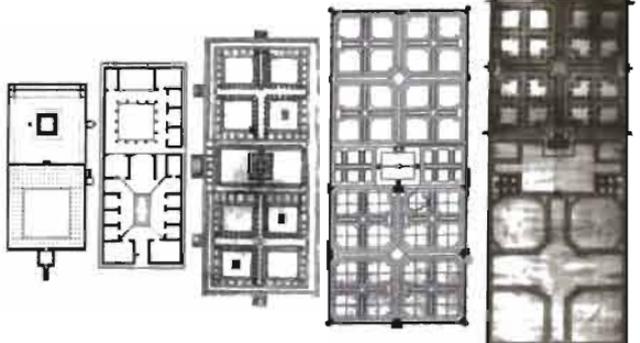

50. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ХРАМОВ РОССИИ И БУХАРИИ В ИНДИИ:
 МАВЗОЛЕЙ ХУМАЮНА В ДЕЛИ (1556-1565 ГГ.)

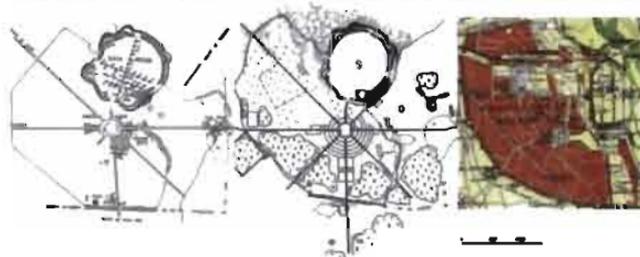
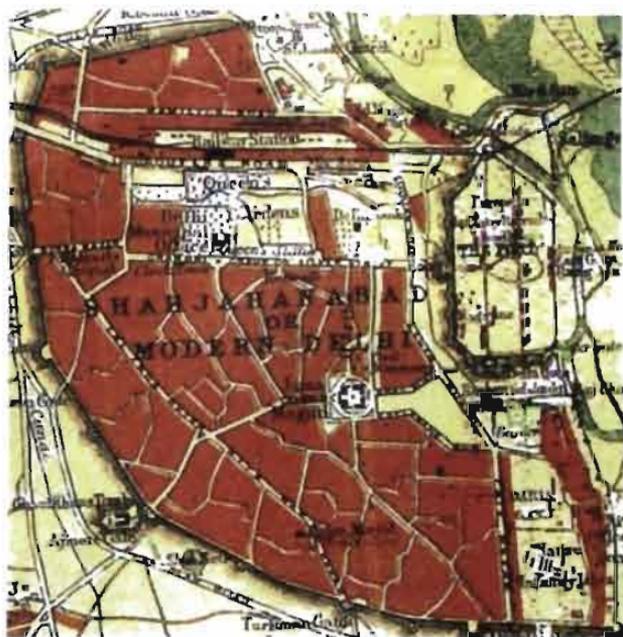

Храм Филарета для идеального города Плюскаполис (1461-1464 гг.) -
 церковь Иоанна Предтечи (1547 г.) в Дьякове под Москвой -
 хонакя Космы Шайба (1558 г.) в Кармана Бухарской области -
 мавзолей Хуманюна (1556-1565 гг.) в Дали -
 Тадж Махал (1631-1648 гг.) в Агре

Мечеть и мавзолей Хушанг Шаха (около 1440 г.) в Манду -
 древнеримский жилой дом таблিনিум -
 Оспедале Малжоре - Главная больница (1456-1465 гг.) в Милане -
 сад Шалимар (1642 г.) в Лакхоре -
 Тадж Махал (1631-1648 гг.) в Агре

51. КУЛЬМИНАЦИЯ ГЕНЕЗИСА ХРАМОВ - ТАДЖ МАХАЛ (1631-1648 ГГ.)

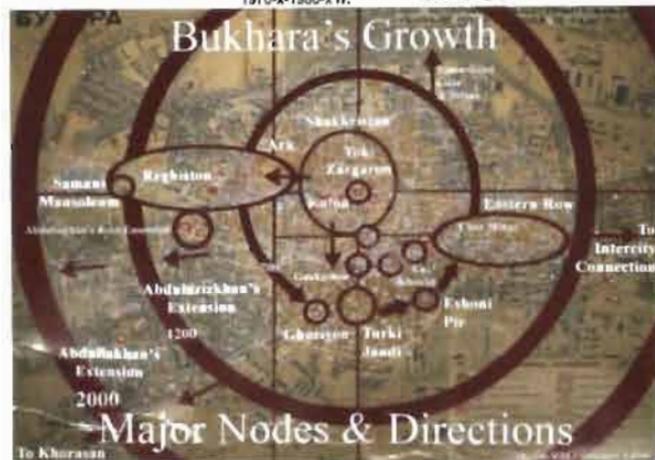
52. ШАХДЖАХАН ОБРАЩАЕТ ГЕНЕЗИС ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА К ИСТОКАМ:
 БАЛХ (НА РУБЕЖЕ ХIV-ХV ВВ. И В СЕРЕДИНЕ ХХ В.) И ШАХДЖАХАНАБАД (1638-1648 ГГ.)

53. ГЕРАТ. ПЛАН. 1381-1504 ГГ. ХАЛЕБ: СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ПРИГОРОД. ПЛАН. 1811 Г.

1970-х-1980-х гг.

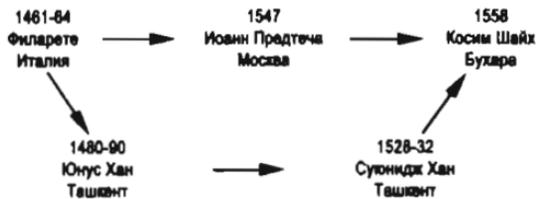
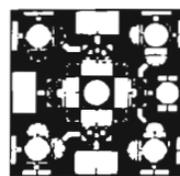
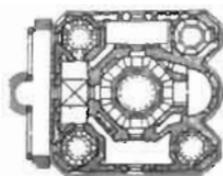
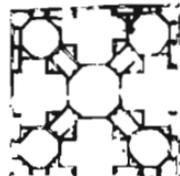
54. РОСТ БУХАРЫ: ГЛАВНЫЕ УЗЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ. ПЛАН.

55. ХОДЖЕНТ. ПЛАН. ЦИТАДЕЛЬ. 1888 Г.

56. БУХАРА: УЛИЦА В 700 М. ЮЖНЕЕ ТОКИ ЗАРГАРОН. ТАШКЕНТ: АРЫК КАЛКОВУЗ.

57 ТАШКЕНТ ПЛАН 1890 Г КОНЦЕНТРИЧЕСКИЕ УЛИЦЫ ФОТО 2000 Г

58. РАСПРОСТРАНЕНИЕ МОДЕЛИ ЦЕНТРИЧНОГО ХРАМА XV-XVI ВВ

Иррегулярная
планировка
северо-запада

59. ИСФАХАН. ПЛАН. XVI-XVII ВВ. ЧОР МИНОРЫ ХАЙДАРАБАДА И БУХАРЫ. 1582-1807 ГГ.

Ташкент:
религиозный центр
и концентрические улицы
в 700-метровом радиусе

Самарканд:
квартальные центры
и концентрические улицы
в 700-метровом радиусе,
в также
радиальные улицы

Бухара:
рост на юг
вдоль концентрической улицы
в 700-метровом радиусе

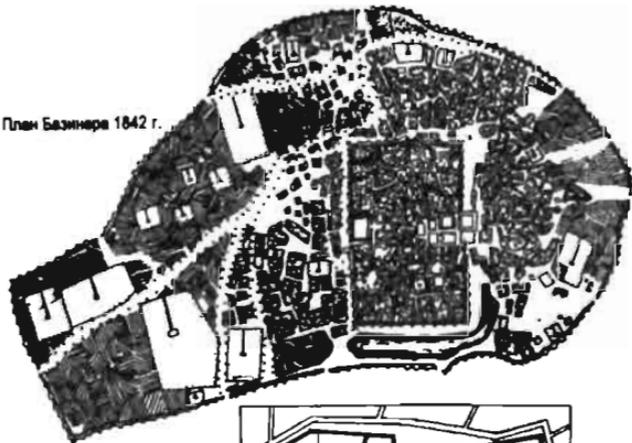
60. БУХАРА, САМАРКАНД, ТАШКЕНТ: ЦЕНТРЫ РАДИУСА 700 М. ПЛАНЫ.

Радиусы внутреннего работа / внешнего работа

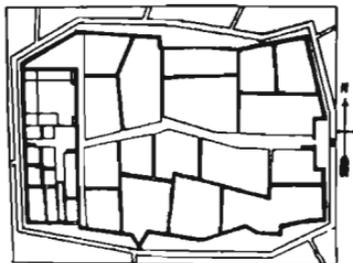
Модель И.И.Ноткина 1983 г.

План Базинара 1842 г.

План Назимова 1740 г.

81. ХИВА. ПЛАНЫ 1740, 1842 ГГ МОДЕЛЬ РОСТА. 1983 Г

VIII-XVI Бухара

XIII-XIV Султания

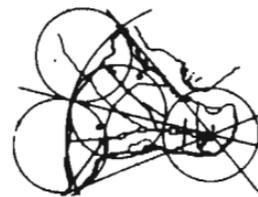
I Рим

X-XIX Ташкент

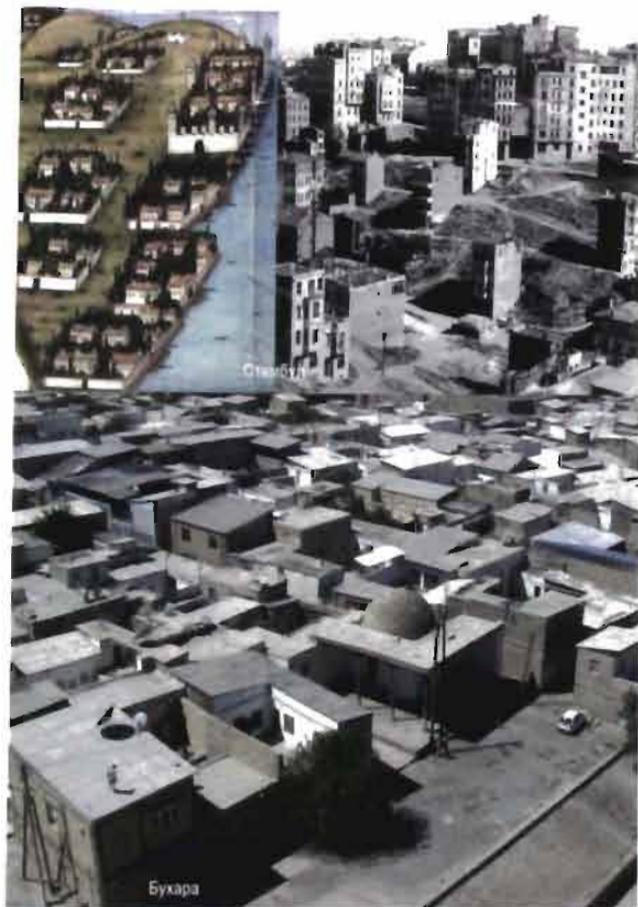
X-XVII Исфахан

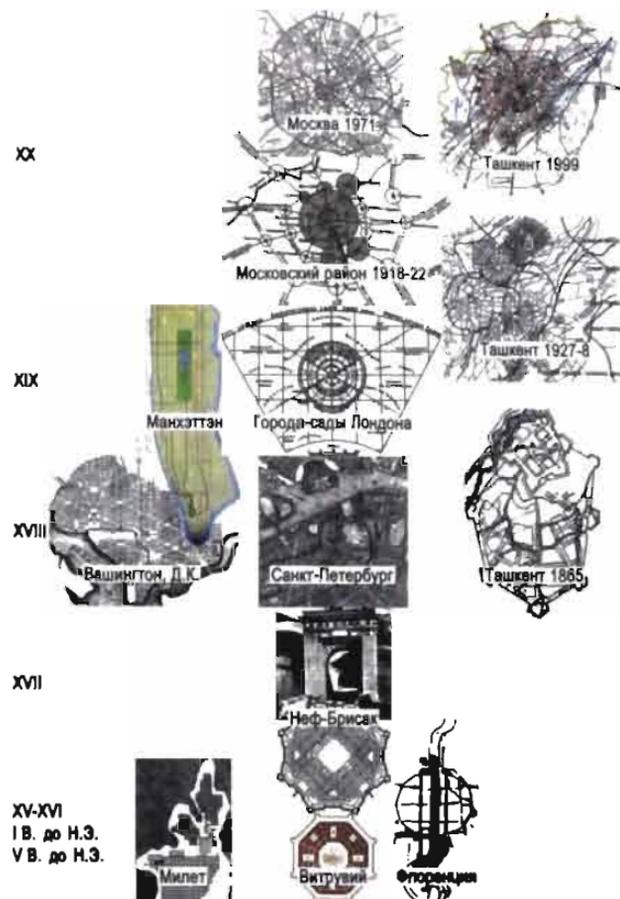
V Константинополь

82. ГОРОДА ЕВРАЗИЙСКОГО КОРИДОРА. РАДИУСЫ РАБОТОВ I-XIX ВВ.

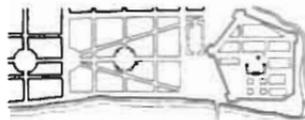

63. ПЛОТНОСТЬ ЗАСТРОЙКИ. БУХАРА И СТАМБУЛ. МИНИАТЮРА XVIII В., ФОТО 1940 Г.

64. ИСТОКИ НОВОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА УЗБЕКИСТАНА. ПЛАНЫ.

Ярославль

Санкт-Петербург

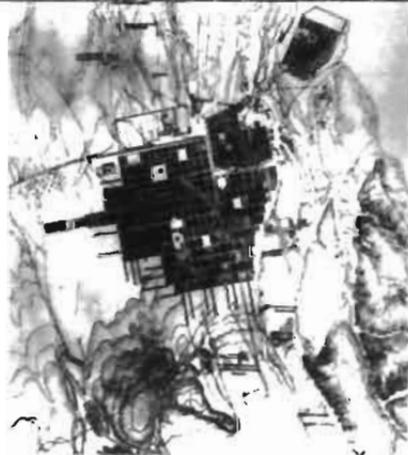

Рим Планини Старшего

Санкт-Петербург Ж.-Б. Леблон

85. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПЛАНА НОВОГО ГОРОДА ТАШКЕНТА.

86. НОВЫЕ ГОРОДА ВЕРНЫЙ И ТАШКЕНТ. ПЛАНЫ. КОНЕЦ XIX В.

План Самарканда
Мурья-Дав и Машайлова
1873-1878 гг.

Урал
1810 г.

Генеральный план
А.В.Мещеряева
1870 г.

Школьная планировка
М.Н.Колосников

Город-крепость
по генплану
Писаревского
1885 г.

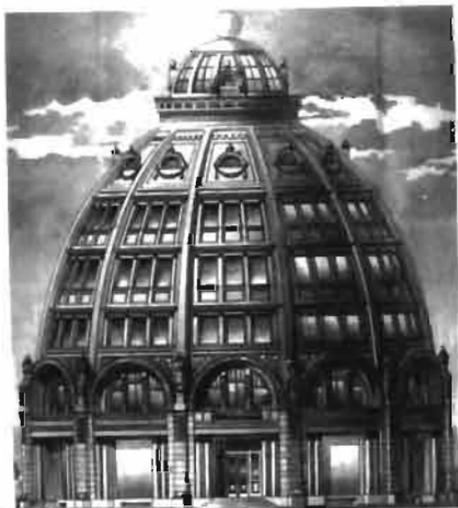

Акмолинск,
генплан 1886 г.

67. НОВЫЕ ГОРОДА АКМОЛИНСК, ТАШКЕНТ, САМАРКАНД. ПЛАНЫ. КОНЕЦ XIX В.

68. ТАШКЕНТ. ЦЕРКОВЬ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО. 1897 Г.

69. ТАШКЕНТ. Г.М.СВАРИЧЕВСКИЙ. КИНОТЕАТР ХИВА. 1910. ПРОЕКТ МУЗЕЯ. 1915.

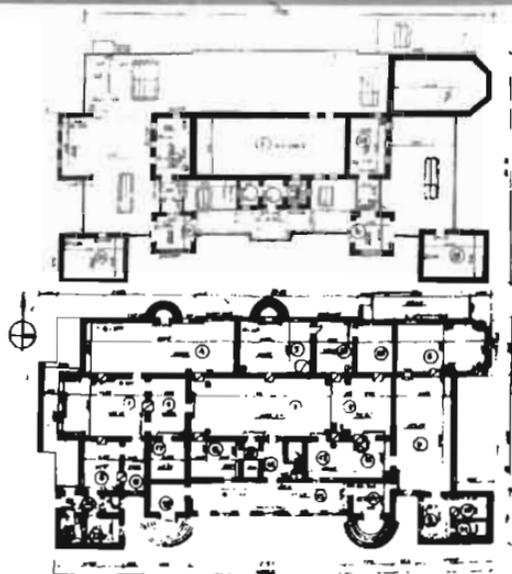

Ташкент

Барселона

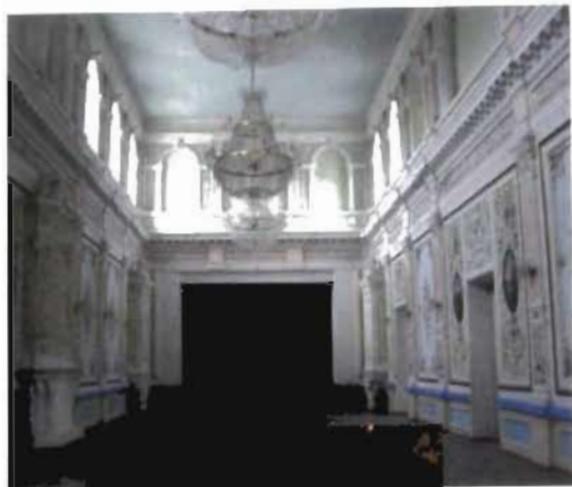
70. А.ГАУДИ. КОЛЛЕДЖ. 1888-1890. Г.М.СВАРИЧЕВСКОЙ. ГИМНАЗИЯ. 1912.

71. КАГАН. ДВОРЕЦ РУБЕЖ XIX-XX ВВ.

72. КАГАН. ДВОРЕЦ РУБЕЖ XIX-XX ВВ.

73 ДВОРЦЫ В СИТОРАИ МОХИ ХОСА И КАГАНЕ ЗАЛЫ РУБЕЖ XIX XX ВВ

74 БУХАРА СИТОРАИ МОХИ ХОСА И НАРОДНЫЙ ДОМ ФОНАРИ РУБЕЖ XIX-XX ВВ

75 САНКТ-ПЕТЕРБУРГ СОБОРНАЯ МЕЧЕТЬ 1906-1920 ГГ

76. ШКОЛЫ НАЧАЛЬНЫЕ И СРЕДНИЕ 1917-1933 ГГ

- 1 классы
- 2 вестибюль
- 3 читальня
- 4 библиотека
- 5 туалеты

- 6 лаборатории
- 7 класс
- 8 физика
- 9 спортзал
- 10 службы

Коммерческо-педагогическая школа. Ташкент

Средне-техническое училище ремесленников. Пышпек

Ремесленное училище. Пышпек

77. ТЕХНИКУМЫ. 1917-1927 ГГ.

Красная чайхана. 1932
М.И.Курган

Чайханчики

В.И.Сулов

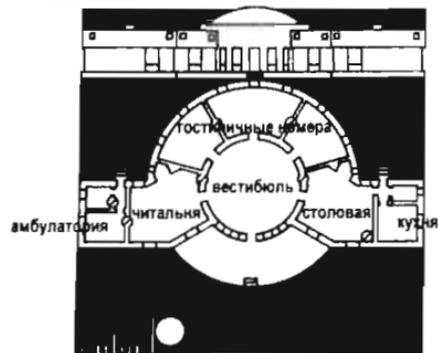
Красная чайхана. 1930
Ташкент

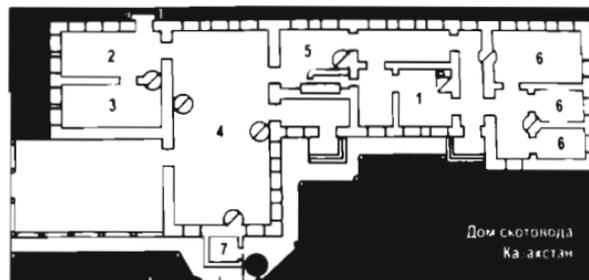
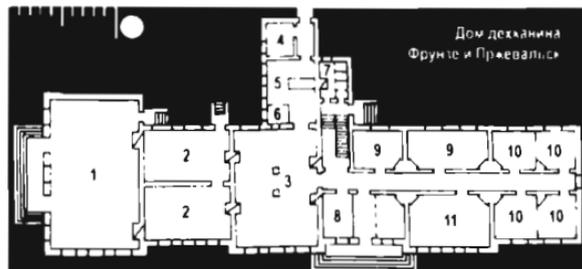
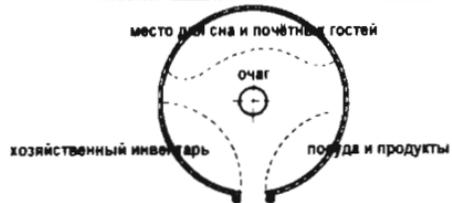
78. КРАСНЫЕ ЧАЙХАНЫ. 1925-1932 ГГ.

Юрты. 1937. Н.Г. Карахан

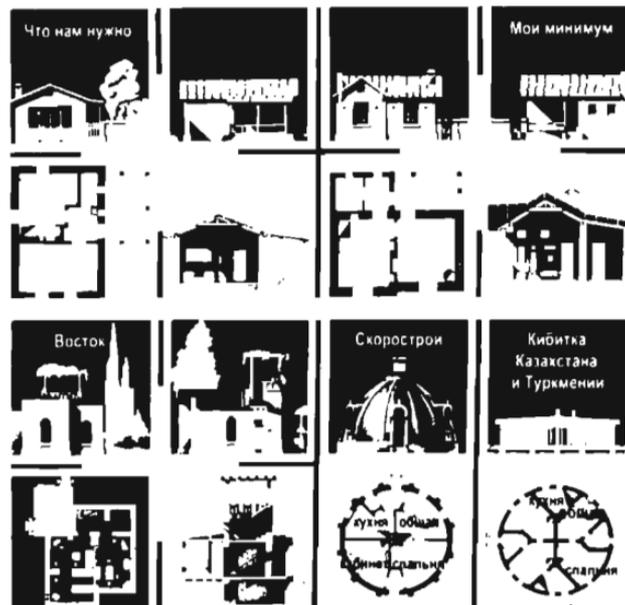
место для сна и почётные гости

- 1 зал
- 2 мужское общежитие
- 3 столовая
- 4 кладовая
- 5 кухня
- 6 мойка
- 7 туалет
- 8 канцелярия
- 9 научно-популярные комнаты
- 10 гостиничные номера
- 11 женское общежитие

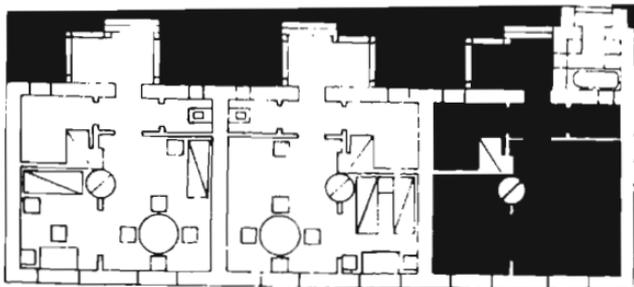

- 1 кухня
- 2 читальня
- 3 библиотека
- 4 красная чайхана - зрительный зал
- 5 буфет
- 6 гостиничные номера
- 7 проекционная

81. АНДИЖАН ДОМ ДЕХКАНИНА С.Н.ПОЛУПАНОВ 1930 Г

82 ТАШКЕНТ КОТТЕДЖИ ЖИЛЫЕ ДОМА ДЛЯ РАБОЧИХ 1924-1925 ГГ

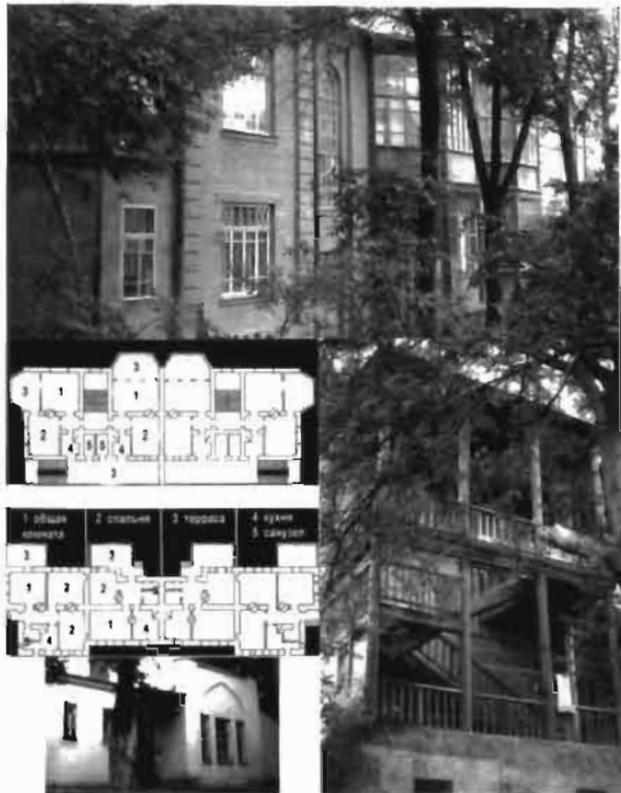

Трёхквартирный жилой дом с ванной как удобством, Ташкент, Г.Левигов

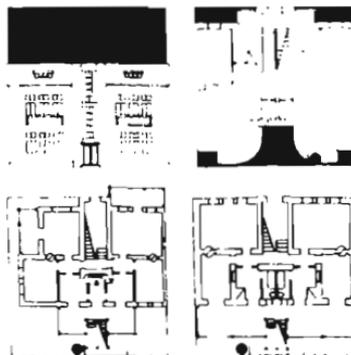
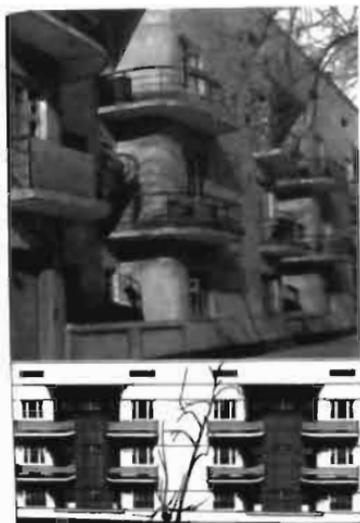
Г.М.Сваричевский на Первом съезде
инженерно-технических сил Союза строительных рабочих УзССР,
Ташкент, 1926

Эскиз жилого дома Скорострой, Г.М.Сваричевский

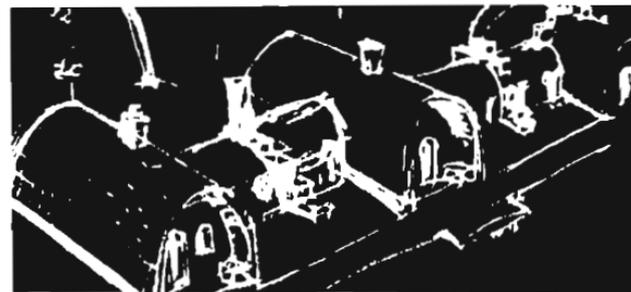
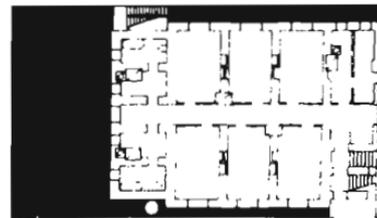
83. ТАШКЕНТ. ДОМА ИЗ МЕСТНЫХ МАТЕРИАЛОВ И С УДОБСТВАМИ 1925-1929 ГГ

84. САМАРКАНД. ЖИЛЫЕ ДОМА ТРЕСТА ХЛОПСТРОЙ 1928-1929 ГГ.

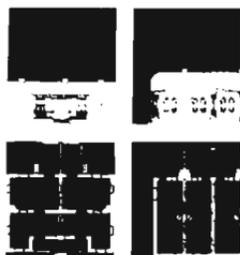
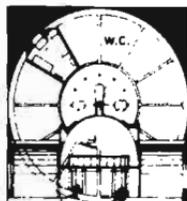
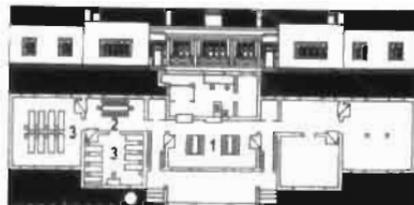
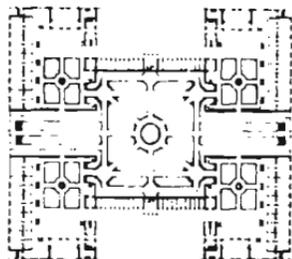

85 ТАШКЕНТ ЖИЛЫЕ СЕКЦИИ К В БАБИЕВСКИЙ 1927-1931 ГГ

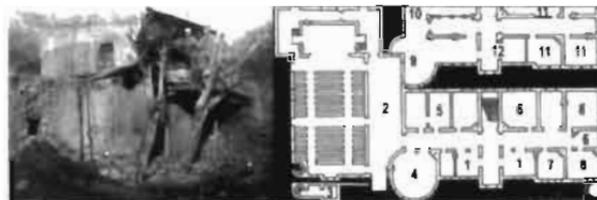
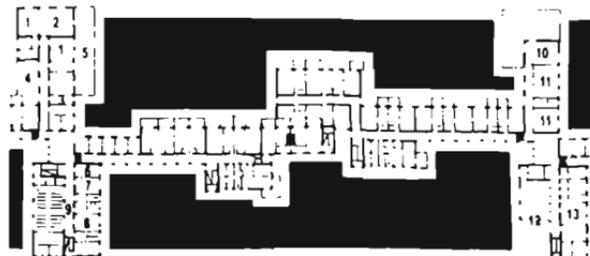

Жилой дом Ташкентского городского Совета. Б.К.Скорняков
 Жилой дом Полушарие. Г.М.Сваричевский
 Жилой дом Юность. Б.Н.Засыпкин

86 ТАШКЕНТ ЖИЛЫЕ ДОМА ИЗ МЕСТНЫХ МАТЕРИАЛОВ И КОНСТРУКЦИЙ 1932 Г

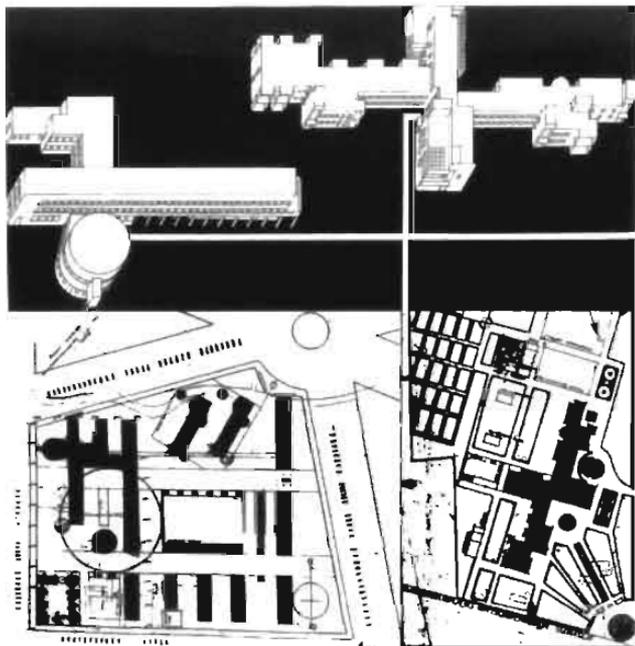
Четырёхсекционный коммунальный жилой дом. Туркменистан
 Коллективный жилой дом Полушарие. Г.М.Сваричевский
 Барак на 32 рабочих Нефтедага, Туркменистан:
 1 - столовая, 2 - досуг, 3 - спальня
 Жилые дома Туркшвлка

Дом-коммуна в Самарканде, планы первого и второго этажей:
 1 - игральные, 2 - шахматная, 3 - врач, 4 - теневая терраса, 5 - солнечная терраса,
 6 - парикмахерская, 7 - зурительная, 8 - спортивный инвентарь, 9 - зал, 10 - читальня,
 11 - кружки, 12 - столовая, 13 - кухня

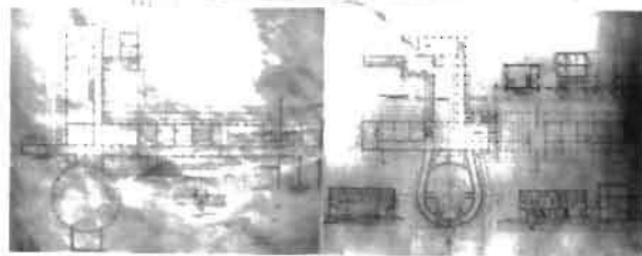
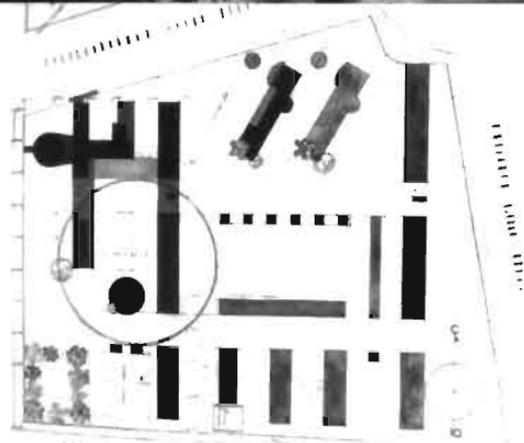
Киргизская областная совпартшкола:
 1 - гардероб, 2 - фойе, 3 - проекционная, 4 - шахматная, 5 - кружковая, 6 - учительская,
 7 - заочное обучение, 8 - хозяйственная часть, 9 - читальня, 10 - библиотека,
 11 - аудитория, 12 - комната отдыха

Гостиница ОГПУ в Душанбе

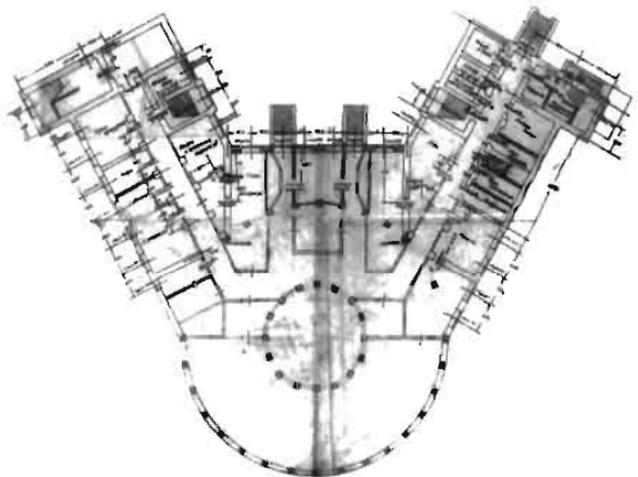

Аксометрии и генеральные планы:
дом-коммуна в Самарканде (справа)
и дом гостиничного типа в квартале-коммуна в Ташкенте (слева)

89. ОТ ДОМОВ-КОММУН К КВАРТАЛАМ-КОММУНАМ. 1929-1931 ГГ.

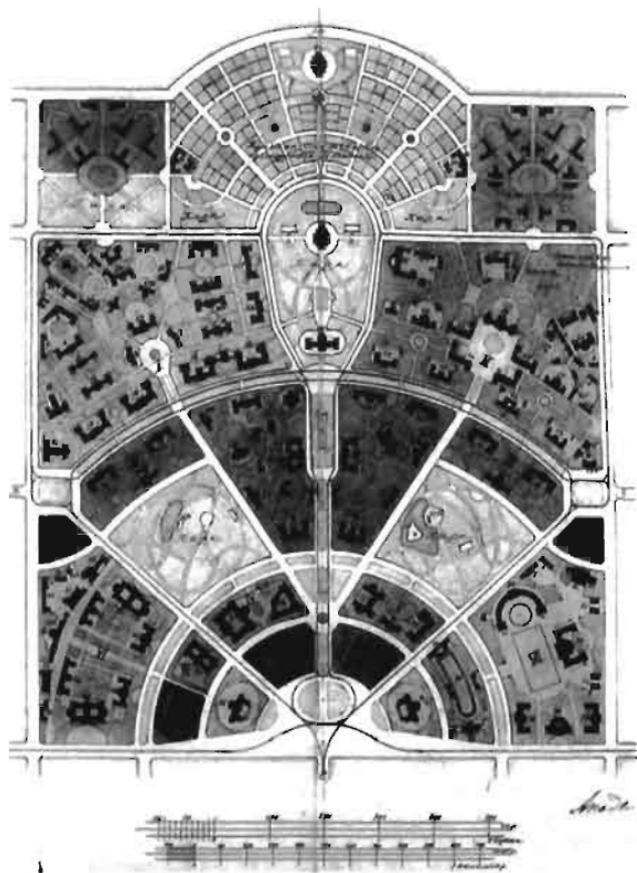

90. ТАШКЕНТ. КВАРТАЛ-КОММУНА. С.Н.ПОЛУПАНОВ. 1931 Г.

Вид с улицы Узбекистанской. Общий вид.
План второго этажа.

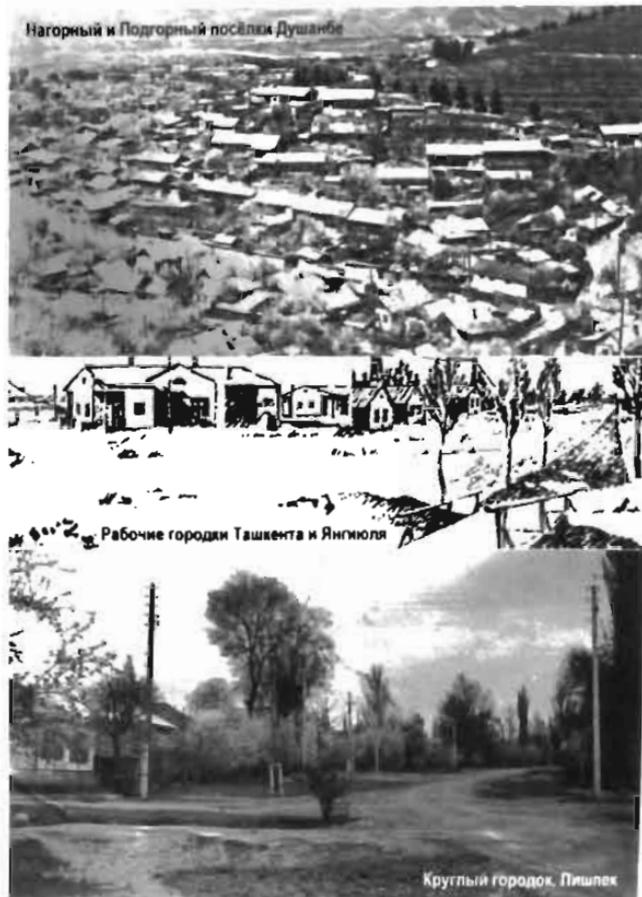
91. ТАШКЕНТ. ФАБРИКА-КУХНЯ. С. ЧЕРНЯВСКИЙ. 1930-1933 ГГ.

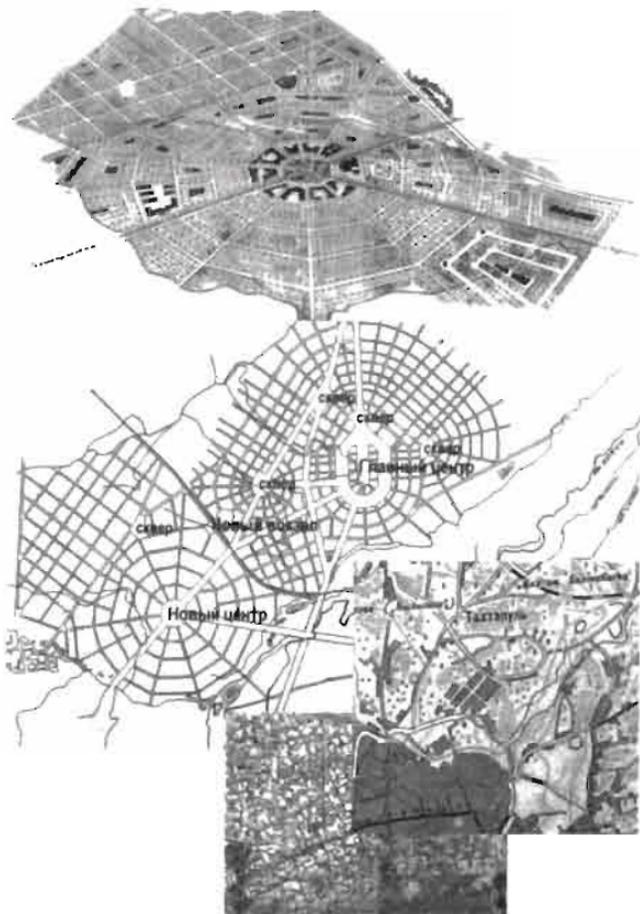
92. ТАШКЕНТ. ТУРКЕСТАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ. ГЕНПЛАН. Ф. О. ШЕХТЕЛЬ. 1921 Г.

93 ПЛАН РЕГУЛИРОВКИ ЧАСТИ НОВОГО ГОРОДА ТАШКЕНТА 1924 Г.

94 РАБОЧИЕ ГОРОДКИ СТИХИЙНЫЕ И ПЛАНОВЫЕ 1920-Е ГГ

95. РАСПЛАНИРОВКА СТАРОГО ТАШКЕНТА ДЛЯ ДВУХ РАБОЧИХ ГОРОДКОВ. 1927-1928 ГГ

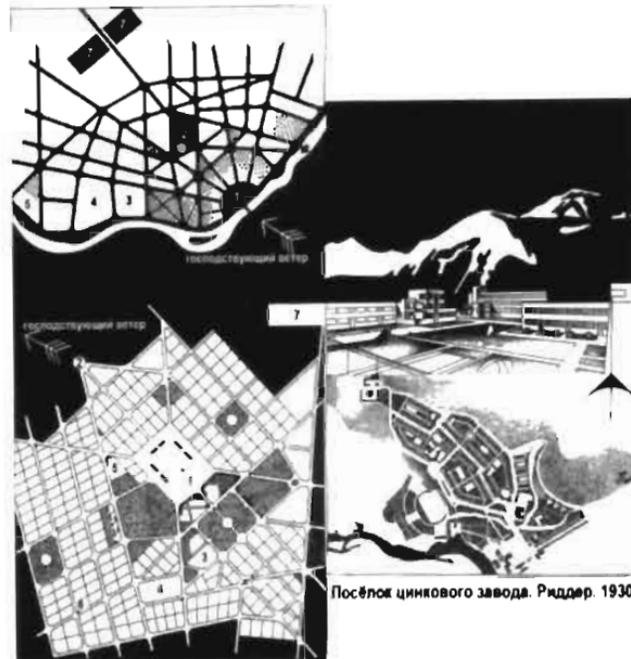

Планы Нового и Главного центров совмещены с планами Ташкента 1904 г. - Ш.А.

96. РАСПЛАНИРОВКА НОВОГО ОБЪЕДИНЕННОГО ЦЕНТРА ГОРОДА ТАШКЕНТА. 1927-1928 ГГ.

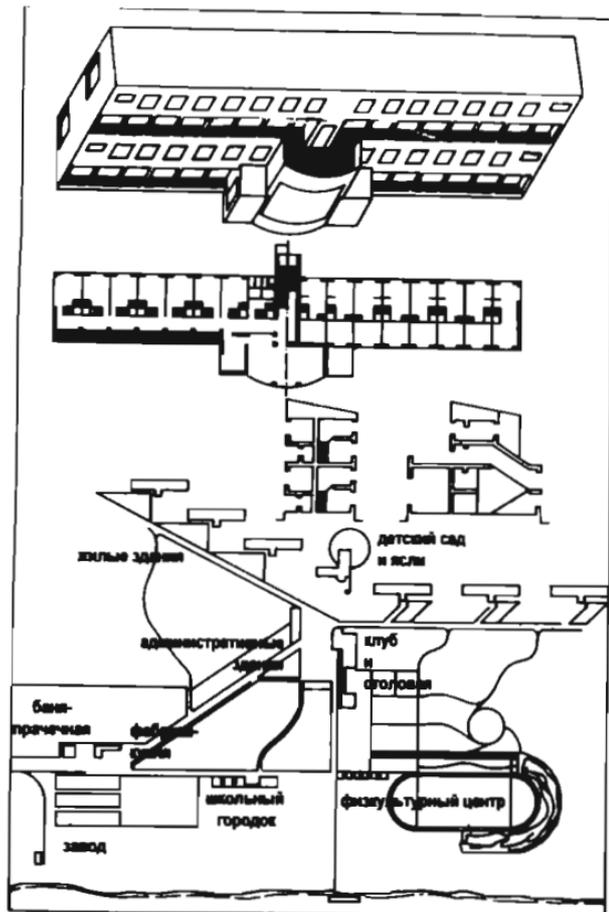
- 1 фабрика
- 2 памятник
- 3 общежитие холостяков
- 4 8-квартирные дома
- 5 2-квартирные дома
- 6 лужайка
- 7 службы

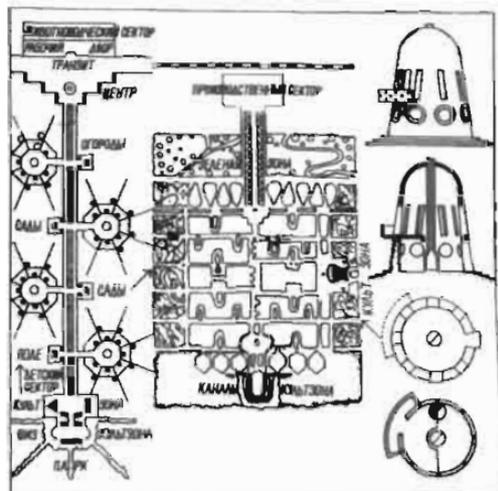
Посёлок цинкового завода. Риддер. 1930

Культурные аулы Госплана КазАССР. 1929

- 1 главная площадь с Домом Советов и Домом Скотовода
- 2 промышленный центр
- 3 школьный городок
- 4 спортивная зона
- 5 баня
- 6 воллады
- 7 кладбище и скотомогильник

99. ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОСЁЛОК - ПЕРВАЯ СТАДИЯ СОЦГОРОДА. 1927-1929 ГГ.

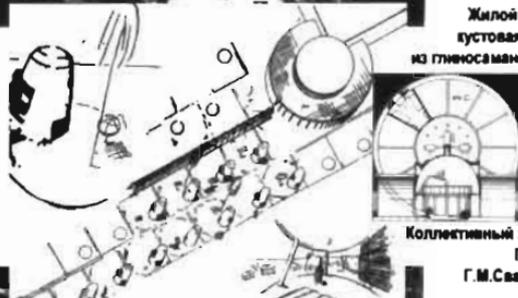
100. НАЦИОНАЛЬНО-ПРИВЫЧНЫЕ ФОРМЫ КОЛХОЗОВ. В. П. КАЛМЫКОВ. 1932-1933 ГГ.

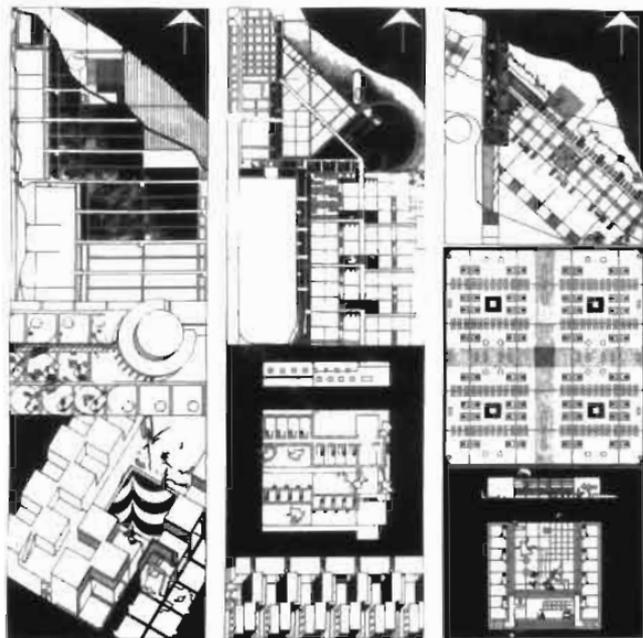
101. САМАРКАНД. ТРАНСПОРТ В СТАРОМ И НОВОМ ГОРОДАХ. 1926-1930 гг.

Вид города
ВОПРА

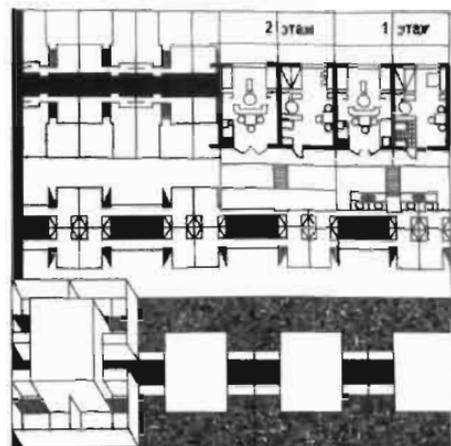
102. ДЕЗУРБАНИЗАЦИЯ ДЛЯ ТУРКМЕНСКОЙ СТОЛИЦЫ ЧАРДЖОУ. 1931 г

АРУ -
Ассоциация
революционных
урбанистов

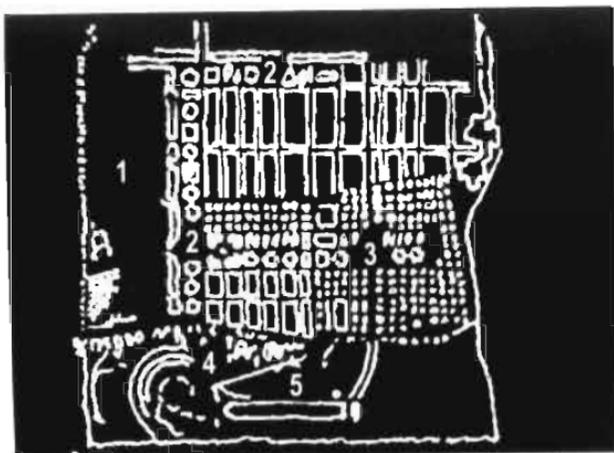
ВОПРА -
Всесоюзное
объединение
пролетарских
архитекторов

САСС -
Совет
архитекторов
социалистического
строительства

104. **АНДИЖАН И НАМАНГАН. КОМПАКТНЫЕ ГОРОДА ВДОЛЬ МАГИСТРАЛИ. 1931-1932 ГГ.**

103. **ЛИНЕЙНЫЙ ГОРОД ЧАРДЖОУ КАК СЛЕДСТВИЕ ПЛАНИРОВКИ РАЙОНА. 1931 Г.**

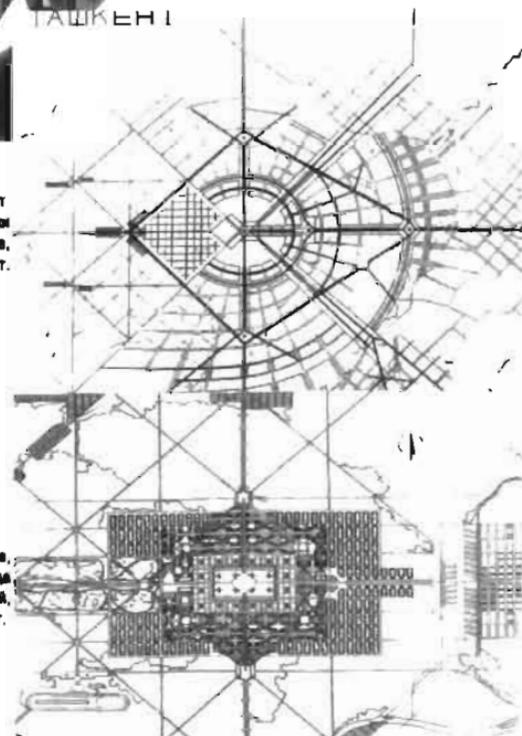

1 - Парк культуры и отдыха, 2 и 3 - шестиугольные кварталы, 4 и 5 - скотчменная зона

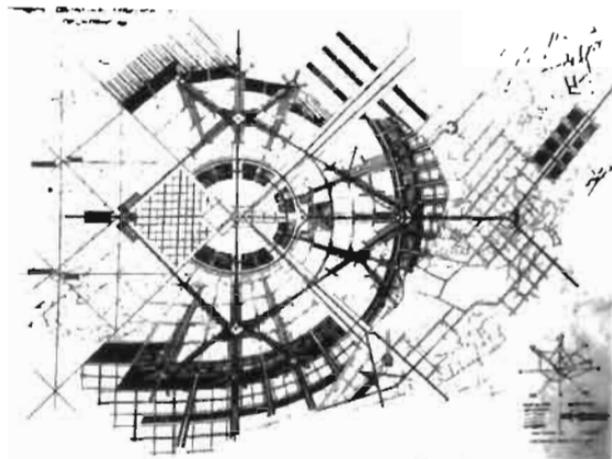

А.А.Сильченко в мастерской, Ташкент

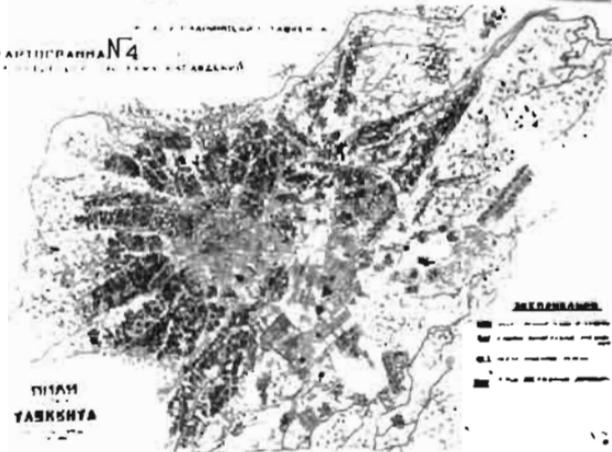
Первый проект
перепланировки
Ташкента,
1928-1933 гг.

Ле Корбюзье,
проект города
на 3 млн. жителей,
1922 г.

КАРТИГРАФ №4
ТАШКЕНТ. ОЗЕЛЕНИЕ. ДВИЖЕНИЕ РАБОЧИХ К ПРОМЫШЛЕННОСТИ. 1929-1933 ГГ.

ПЛАМ
ТАШКЕНТА

ЛЕГЕНДА
 [Symbol] [Symbol] [Symbol] [Symbol]
 [Symbol] [Symbol] [Symbol] [Symbol]
 [Symbol] [Symbol] [Symbol] [Symbol]
 [Symbol] [Symbol] [Symbol] [Symbol]

107. ТАШКЕНТ. ОЗЕЛЕНИЕ. ДВИЖЕНИЕ РАБОЧИХ К ПРОМЫШЛЕННОСТИ. 1929-1933 ГГ.

Жилые комплексы парадного типа в реконструируемой застройке старого города

Сдвиги галерей относительно уровня жилых ячеек

Дипломный проект городского общественного центра

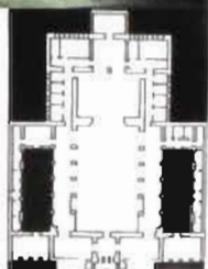
108. ТАШКЕНТ. РЕКОНСТРУКЦИЯ ОТ ПРИГОРОДОВ К ЦЕНТРУ. 1929-1933 ГГ.

108. МОСКВА. ТУРКЕСТАНСКИЙ ПАВИЛЬОН. 1923 Г.

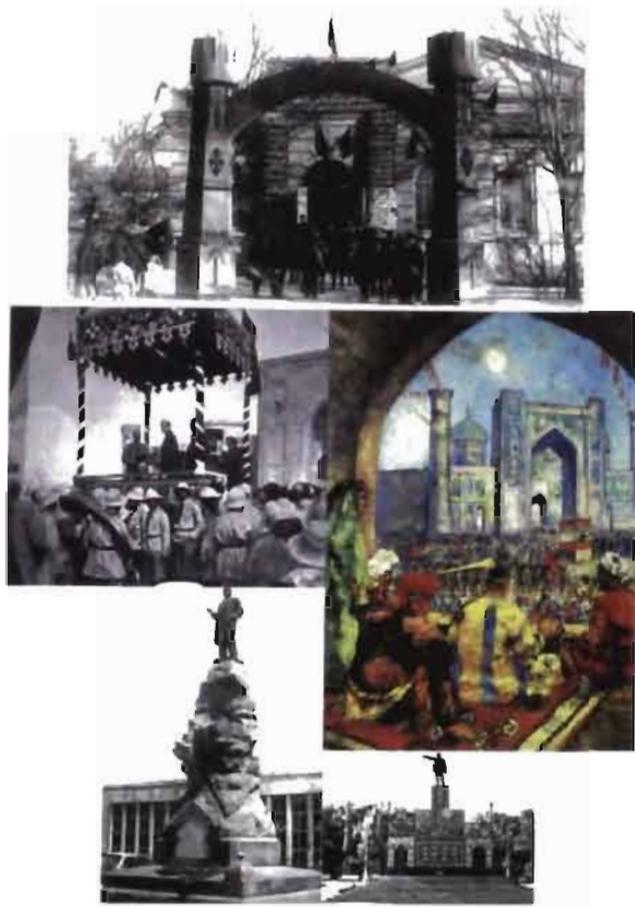

Народный дом в Ташкенте. 1915

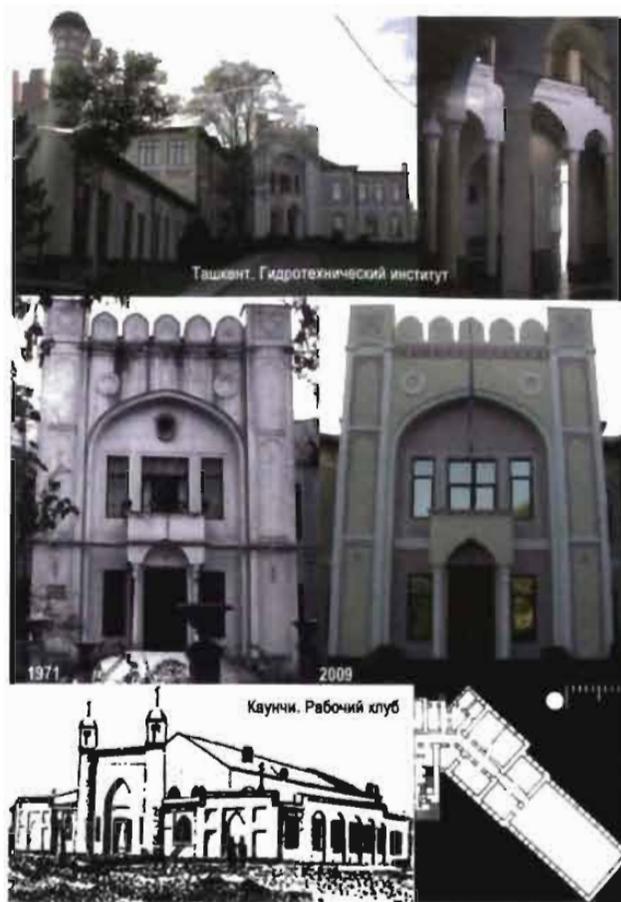

Народный дом в Бухаре. 1923

110. ТАШКЕНТ - БУХАРА. НАРОДНЫЕ ДОМА. 1915 - 1923 ГГ.

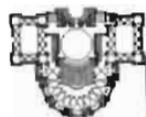

111. МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА. 1924-1925 ГГ.

112. КАУНИЧИ - ТАШКЕНТ. НАЦИОНАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА. 1924 - 1925 ГГ.

Театр в Мерве
А.П.Удаленков
1927

Дворец труда
в Ашхабаде
А.П.Удаленков
1927

Республиканская
больница
в Самарканде
А.П.Удаленков
К.И.Бондренко
1926

Изгнание беса
О.К.Татковський
1919

Б.Н.Засыпкин
над бухарской
мечетью
Калын

Театр в Самарканде: слева проект Б.Н.Засыпкина, справа конкурсный проект

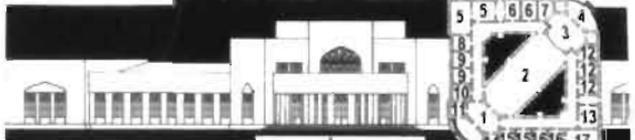
Дом Советов в новом городе

Общественное здание на университетском бульваре

115. НАЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ В СТОЛИЦЕ УЗССР САМАРКАНДЕ. 1927-1928 ГГ.

Управление
аударынскими
языкскими
Ташент
Г.М.Сваричевский
1932

- 1 - вестибюль
- 2 - зал
- 3 - сцена
- 4 - терраса
- 5 - городской комитет партии
- 6 - городской отдел образования
- 7 - статистическое бюро
- 8 - партийный комитет
- 9 - уголовный розыск
- 10 - милиция
- 11 - адресный стол
- 12 - городское коммунальное хозяйство
- 13 - секретариат
- 14 - касса
- 15 - финансовая часть
- 16 - канцелярия
- 17 - председатель городского исполнительного комитета

Городской
исполнительный
комитет
Новый Чардуй
К.С.Мальников
1927

Павильон СССР
на Международной
выставке
в Париже
К.С.Мальников
1925

116. НОВАТОРСКАЯ ДИАГОНАЛЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ АРХИТЕКТУРЫ. 1927-1932 ГГ.

В.Татлин 1919   Карши начало 1930-х   Ирак IX век   Янгиюль начало 1930-х   Ташкент начало XXI века

Хорог 1927   А.Белогруд 1926   Душанбе 1927   Душанбе 1927-1970-е

Ташкент 1924   Самарканд 1918   Бухара 1924

117. МОНОМЕНТАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА. ЭВОЛЮЦИЯ ОБЪЕКТОВ. 1913 - НАЧАЛО XXI В.

Фрунзе, 1926-1928
СНК Киргизской ССР. А.П.Зенков
План, фото символика и приямков
Ниже - план Дома Советов
в Ашхабаде, 1933

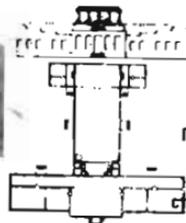
Ташкент, 1929-1933
Парк культуры и отдыха
Я.К.Гаазенкопф

Душанбе, 1926
Здания ЦИК
и Наркомюста

Москва, 1924-1929
Мавзолей Ленина
А.В.Щусев

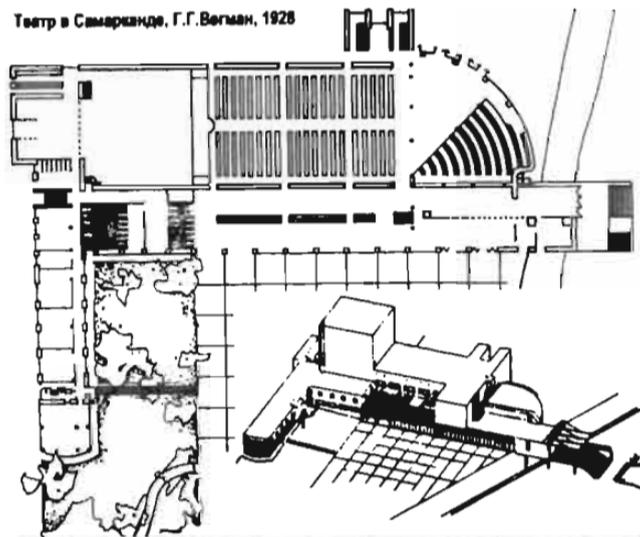

Пишпек, 1927
Клуб
Союза
строительных
рабочих

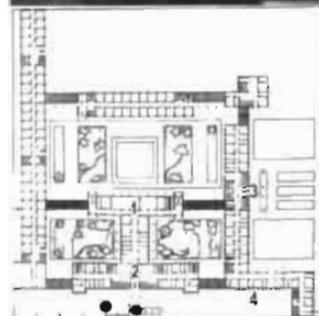
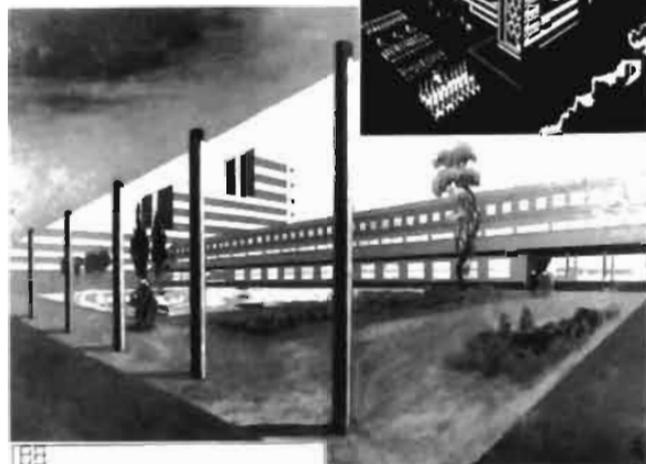
118. МОНОМЕНТАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА И АРХИТЕКТУРНЫЙ СТИЛЬ. 1924 - 1933 ГГ.

Театр в Самарканде, Г.Г.Вегман, 1928

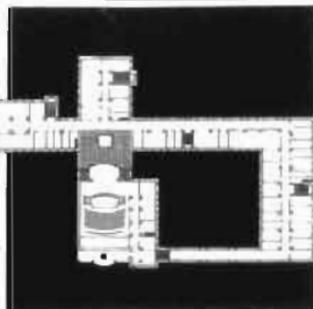
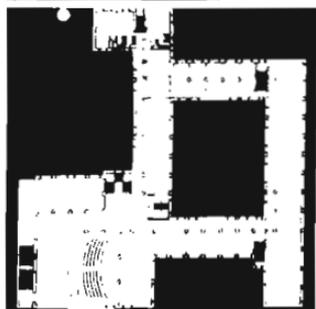

121. ТАШКЕНТ - САМАРКАНД. ВЛИЯНИЕ КОНСТРУКТИВИЗМА ГИНЗБУРГА. 1927-1928 ГГ.

- 1 - Общественная группа
- 2 - Комиссия Центрального исполнительного комитета
- 3 - Совет народных комиссаров
- 4 - Узглавдортранс

122. САМАРКАНД. ДОМ ПРАВИТЕЛЬСТВА. А.В.ЩУСЕВ. 1929 Г.

1931, Дом правительства УзССР в Ташкенте, С.Н.Полупанов

1927, Физический институт
в Ташкенте
А.А. и Л.А.Веснины

1928-1931, Дом правительства
КазССР в Алма-Ате
М.Я.Гинзбург

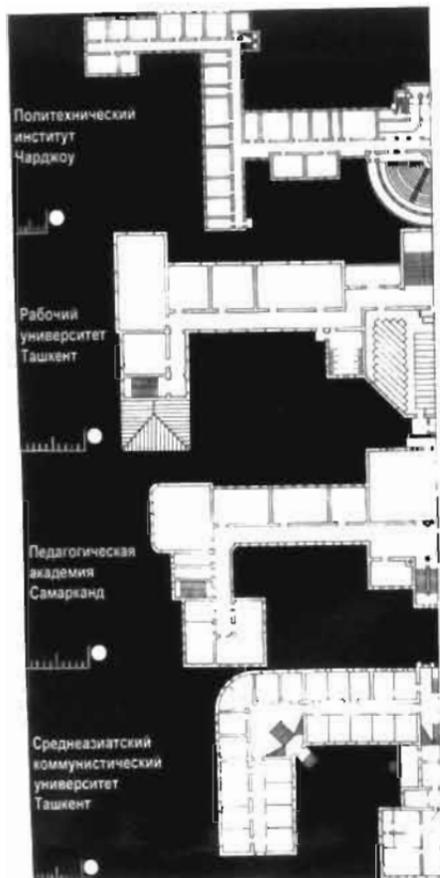

1929, Дом правительства УзССР
в Самарканде
А.В.Щусев

1931, Дом правительства УзССР
в Ташкенте,
С.Н.Полупанов

1928-1931, Дом правительства КазССР
в Алма-Ате,
М.Я.Гинзбург

1927, Физический институт
в Ташкенте
А.А. и Л.А.Веснины

125. ТАШКЕНТ - ЧАРДЖОУ. УНИВЕРСИТЕТЫ. ЭВОЛЮЦИЯ ПЛАНОВ. 1927-1930 ГГ.

Рабочий университет, Ташкент

Педагогическая академия, Самарканд

126. САМАРКАНД - ТАШКЕНТ. УНИВЕРСИТЕТЫ. 1928 - 1929 ГГ.

Баухус, автотометрия

Художественно-технический музей, вестибюль

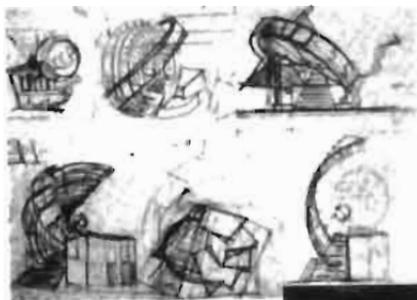
127. ДЕССАУ - САМАРКАНД. БАУХАУС И ХУДОЖЕСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ. 1925 - 1930 ГГ

**Восточный город - Бухара
П.В.Кузнецов, 1912**

**Город Востока
Я.Г.Черняков, 1931**

128. БУХАРА - НЬЮ-ЙОРК. КУБИЗМ И АРХИТЕКТУРА. 1912 Г. - СЕР. XX В.

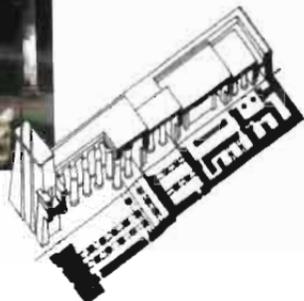

К.С.Мельников:
динамика
диска и разлетающихся
прямоугольников, -
она воплотится в проекте
Дворца культуры и труда
в Ташкенте

Интерьер клуба
братьев Вескиных
для завода имени Лихачёва:
переплывание пространств,
как у Ле Корбюзье

Вилла Адриана в Тиволи: гармония

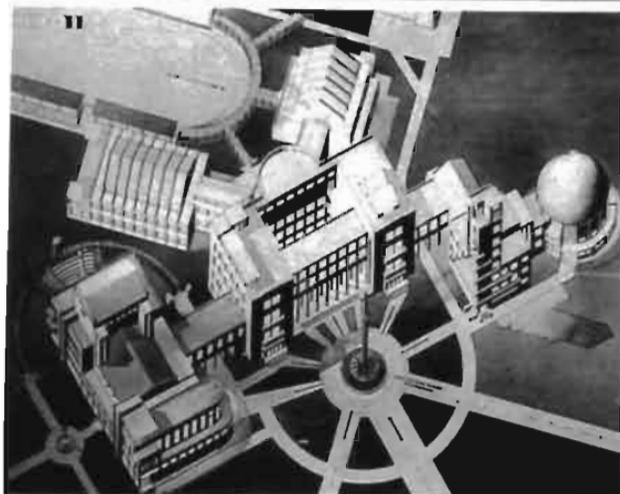
Египетский храм: сжатие и подавление

129. МОСКВА - ТАШКЕНТ ЭНЕРГЕТИКА АРХИТЕКТОНОВ. 1931-1934 ГГ

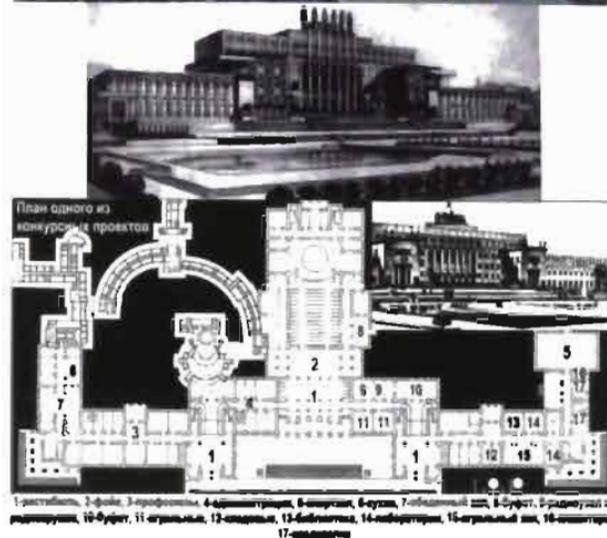
Дворец культуры и труда в Ташкенте

130. К.С.МЕЛЬНИКОВ. ВЫВЕДЕНИЕ ФОРМЫ ИЗ СОДЕРЖАНИЯ С ВООБРАЖЕНИЕМ. 1934 Г

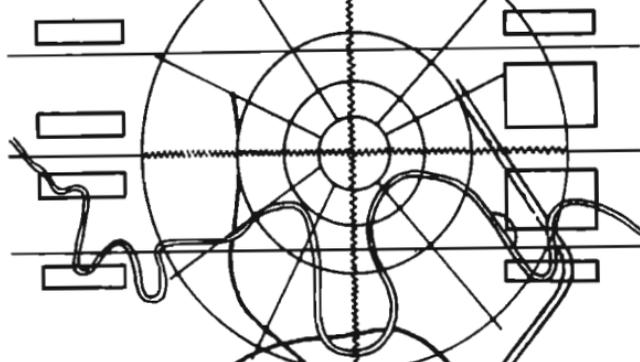
Дворец культуры и труда в Ташкенте
 Вверху - проект С.Н.Полупанова в стиле классицизма
 Внизу - один из конкурсных конструктивистских проектов
 Очевидно заимствование центрального объема с колоннадой

131. ТАШКЕНТ. КОНСТРУКТИВИЗМ И КЛАССИЦИЗМ. ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ И ТРУДА. 1934 Г.

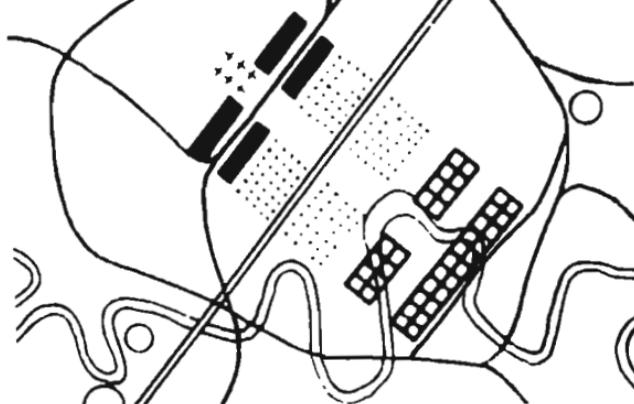

132. ТАШКЕНТ. ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ И ТРУДА. С.Н.ПОЛУПАНОВ. 1934 Г.

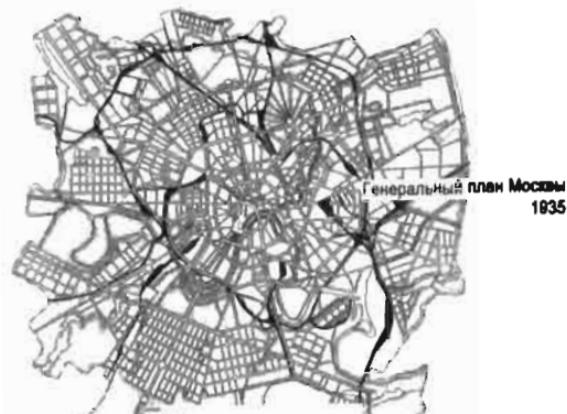
1933, В.Н.Семёнов, Теоретическая схема Москвы
 Расширение колец создаёт направления, параллельные главной оси роста

1930, Ле Корбюзье, Проект реконструкции Москвы
 Рост на свободные северо-западные территории параллельными блоками

133. МОСКВА. НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ РОСТА. ЛЕ КОРБЮЗЬЕ И В.Н.СЕМЁНОВ. 1930-1933 ГГ

Генеральный план Москвы
 1935

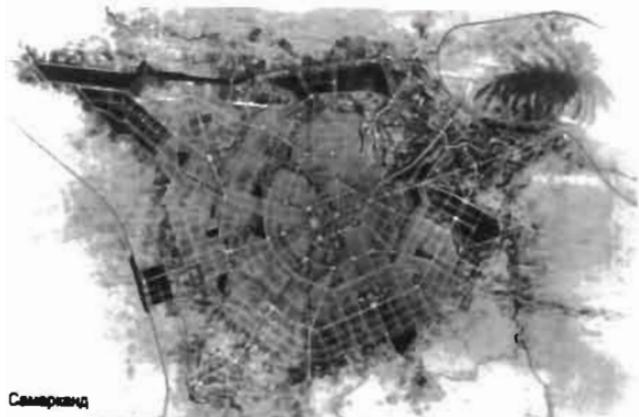
Метрополитен Москвы
 1935-1938

Границы Москвы
 1931 года
 и по генеральному плану
 1935 года

Теоретическая схема Москвы
 1931
 Расширение колец
 создаёт новые направления,
 параллельные главной оси

134. МОСКВА. ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СХЕМЫ ДО ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА. 1931 - 1935 ГГ

Самарканд

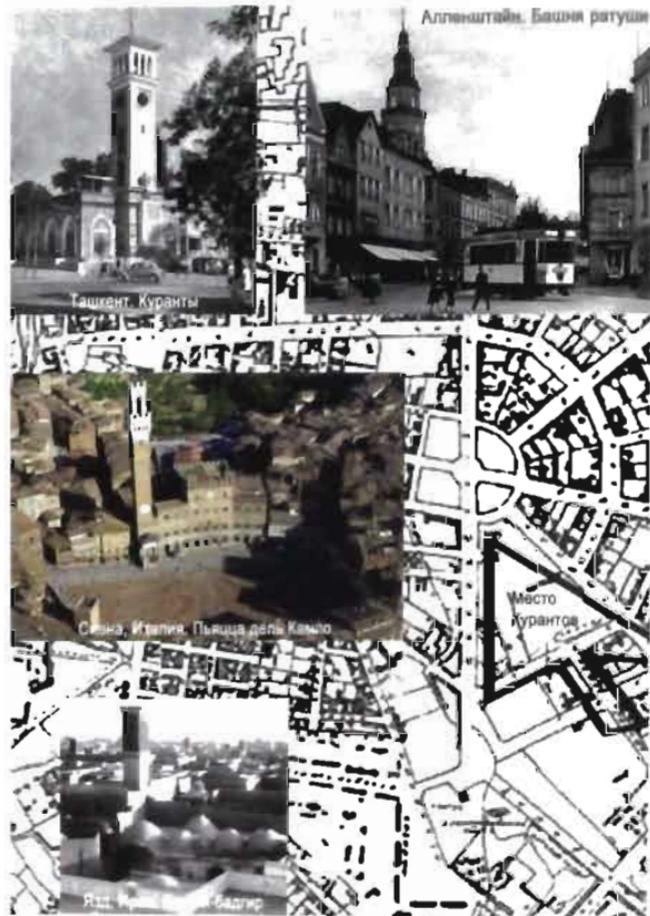
135. ТАШКЕНТ-САМАРКАНД. ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ПЛАНЫ. 1937-1939 ГГ.

136. ТАШКЕНТ. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПЛОЩАДЬ. ЭВОЛЮЦИЯ АНСАМБЛЯ. 1934-1947 ГГ.

137 ТАШКЕНТ ЗАСТРОЙКА УЛИЦЫ НАВОИ КОНЕЦ 1930-Х НАЧАЛО 1950-Х Г

138 ТАШКЕНТ КУРАНТЫ И ПРОТОТИПЫ 1947 Г

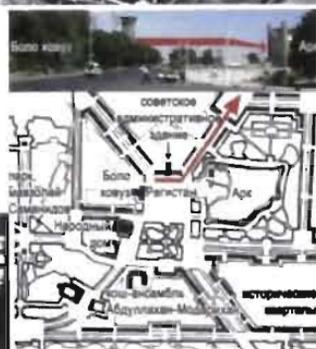
1-Льви Хона
2-Новая площадь

141. БУХАРА. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН. И.В.ЖОЛТОВСКИЙ. ПЕРВАЯ ПОЛ.1930-Х ГГ

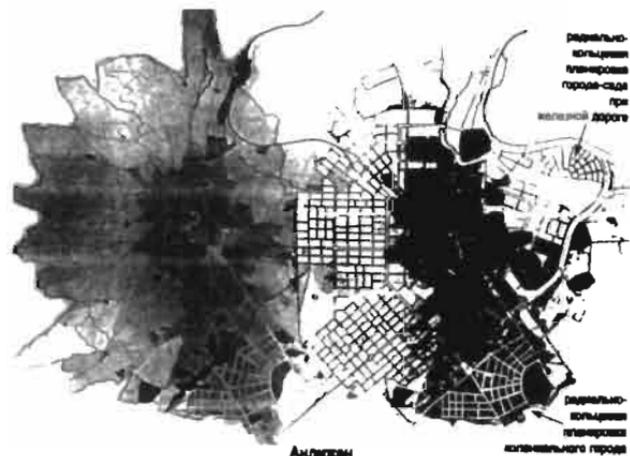

1937 г. Бухара

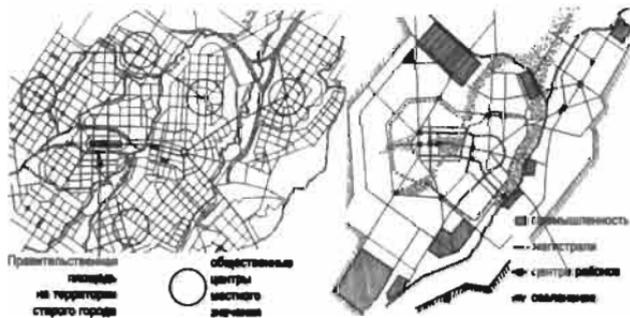
Центральный парк
перед новой
административной
площадью

142 БУХАРА-ХИВА-УРГУЕНЧ. КОНЦЕПЦИИ ВЗРЫВА. 1937-1948 ГГ

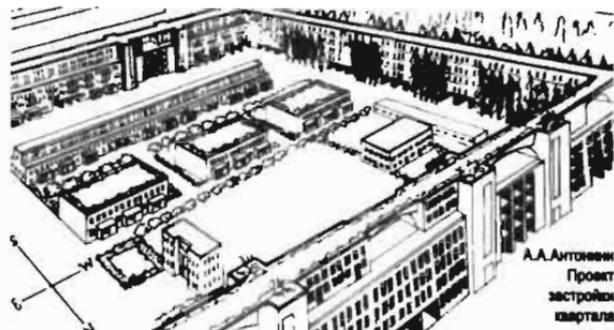

Андижан
опорный план и первая очередь реконструкции
1941

Ташкент
проект перепланировки АПУ Ташгорсовета
1934

Ташкент
генеральный план А.В.Кузнецова
1935-1939

144. КВАРТАЛЫ. ПРЖЕВАЛЬСК 1948 Г. (НИЗ). ТАШКЕНТ 1936 Г. (ВЕРХ).

145 ЭВОЛЮЦИЯ ВЕРАНДЫ НА КРЫШЕ ЖИЛОГО Д. 1924-1925-1935 гг.

146 БЕКАБАД-ТАШКЕНТ СВОДЫ ЖИЛЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ. 1945-Е ГГ.

147. ЖИЛЫЕ СЕКЦИИ ГОРОДОВ УЗБЕКИСТАНА. ПЛАНИРОВКА И АРХИТЕКТУРА 1936-1954 ГГ.

148. КЛАССИЦИЗМ КОНСТРУКТИВИСТСКИХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ФОРМ. 1946-1954 ГГ

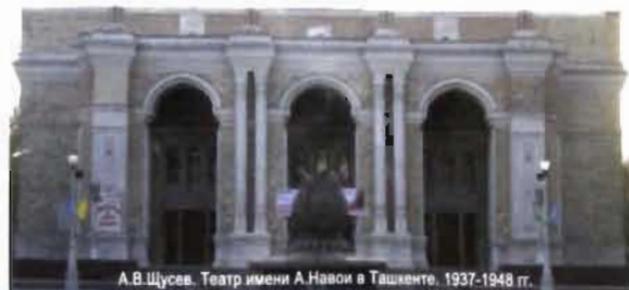
149 ТАШКЕНТ ТЕАТР НАВОИ ПРОЕКТЫ КОНКУРСА 1937 Г.

Библиотека
имени А. Навои
в Ташкенте
В. М. Дмитриев
1948 г.

150 ТАШКЕНТ. БИБЛИОТЕКА (НИЗ) И ТЕАТР (ВЕРХ). А. В. ЩУСЕВ. 1937-1948 ГГ

151. ФЛОРЕНЦИЯ-ТАШКЕНТ. ЛОДЖИИ. 1445-1948 ГГ.

152. НЬЮ-ЙОРК-ТАШКЕНТ. ГЛАВНЫЕ ФАСАДЫ. 1897-1948 ГГ.

Дворец культуры железнодорожников

Клуб обучающихся

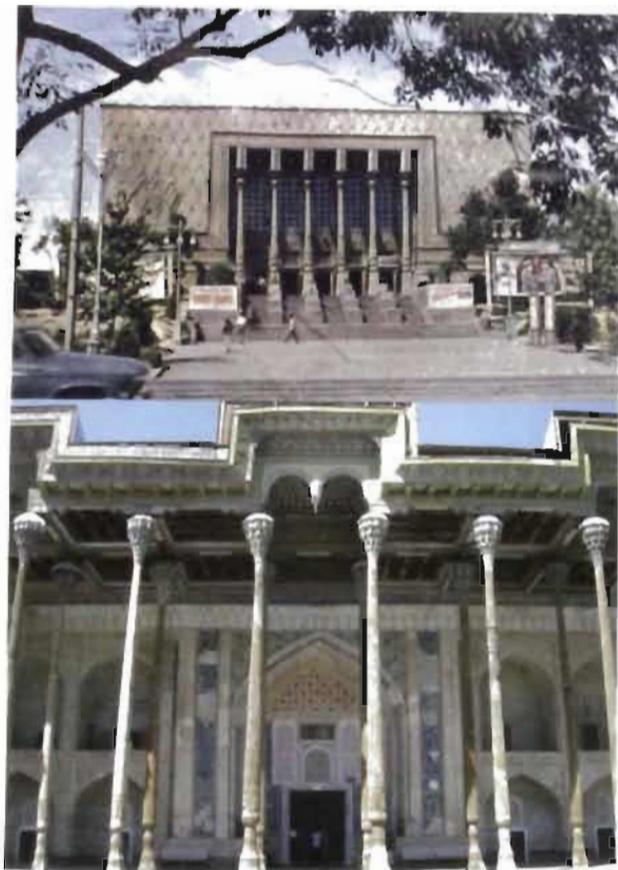

Ситораи Милии Хоса

153. БУХАРА-ТАШКЕНТ. КОМПОЗИЦИИ ПЕШТАКА. НАЧАЛО XX В.-1930 Г.

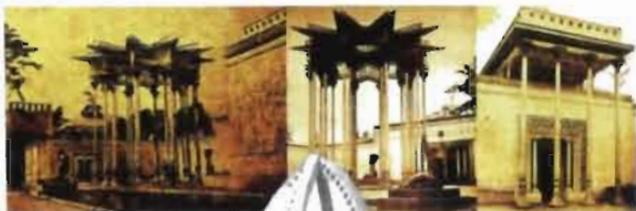
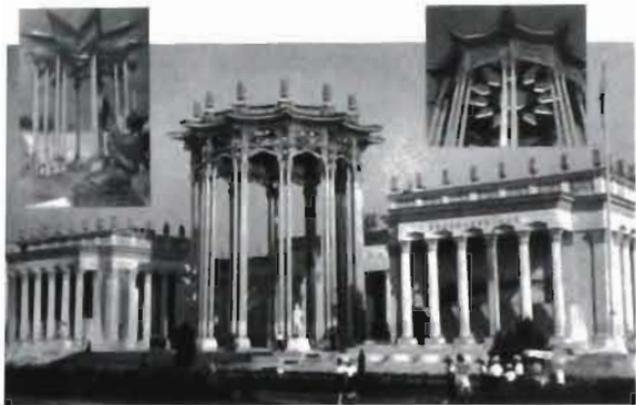
154. ТАШКЕНТ. ЗДАНИЕ КОМИТЕТА КОМПАРТИИ. 1938 Г.

159. БУХАРА-ТАШКЕНТ. МЕЧЕТЬ БОЛО ХОВУЗ И КИНО ВАТАН. 1712-1839 ГГ.

160. ТАШКЕНТ. ЗДАНИЯ СРЕДАЗУГЛЯ И ГОРНОГО ТЕХНИКУМА. 1939 Г.

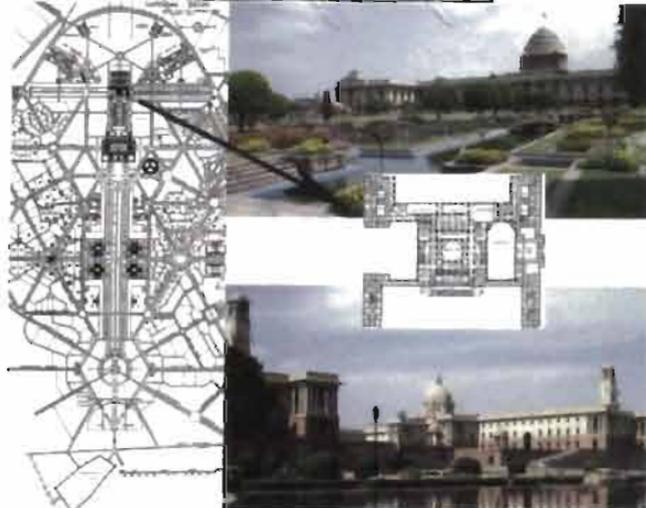
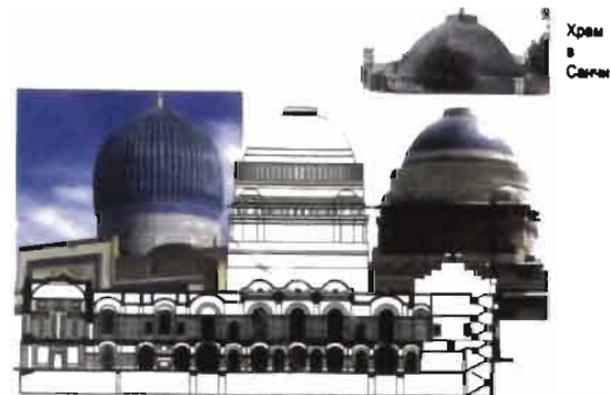
161. АНДЖУКАН-МОСКВА. ПАВИЛЬОНЫ. С.Н.ЛОЛУТАНОВ. 1928-1954 ГГ.

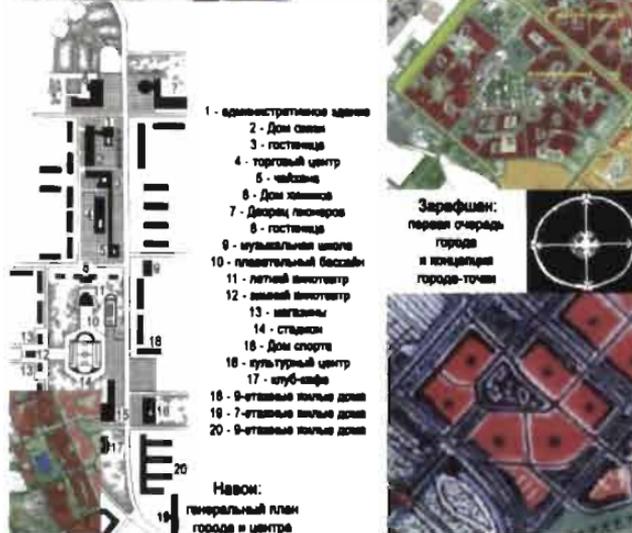
Театр ТашСовета,
план

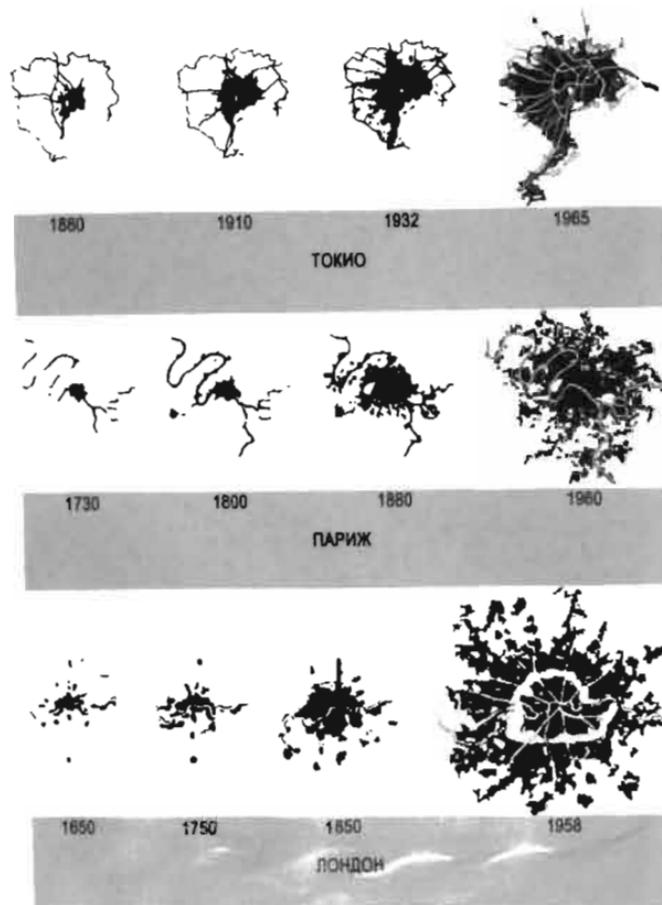
162. ТАШКЕНТ. КИНО ВАТАН И ТЕАТР ТАШСОВЕТА. 1939-1944 ГГ

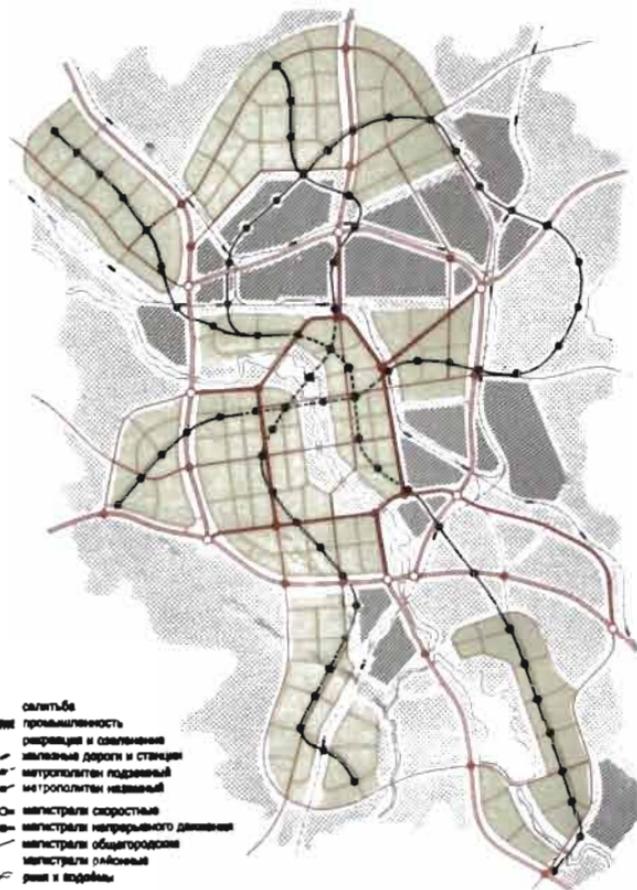
163. САМАРКАНД-ДЕЛИ. КУПОЛА ГУРИ АМИРА И РАШТРАПАТИ БХАВАН. 1404 Г.-1920-Е Г

164. НОВЫЕ ГОРОДА НАОИЙ (1958 Г.) И ЗАРАФШАН (1961 Г.).

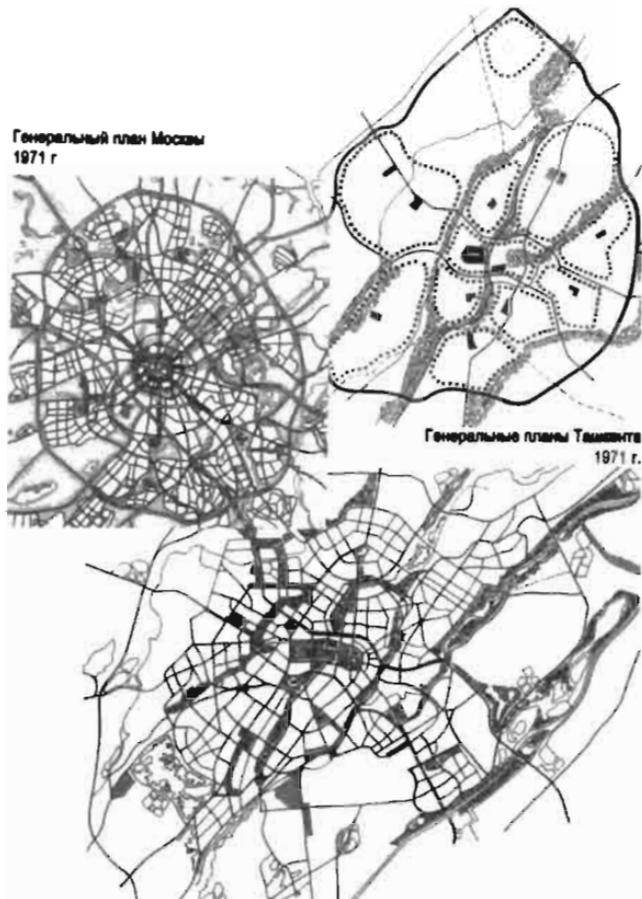

165. РОСТ МИРОВЫХ СТОЛИЦ К СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА.

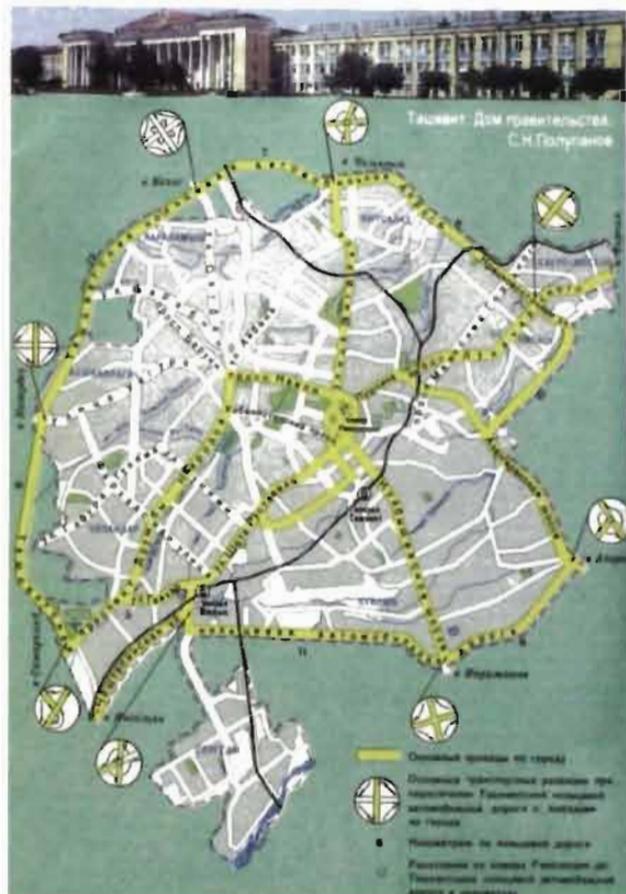

166. КЛАССИФИКАЦИЯ МАГИСТРАЛЕЙ В СОВЕТСКОМ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ 1966 Г

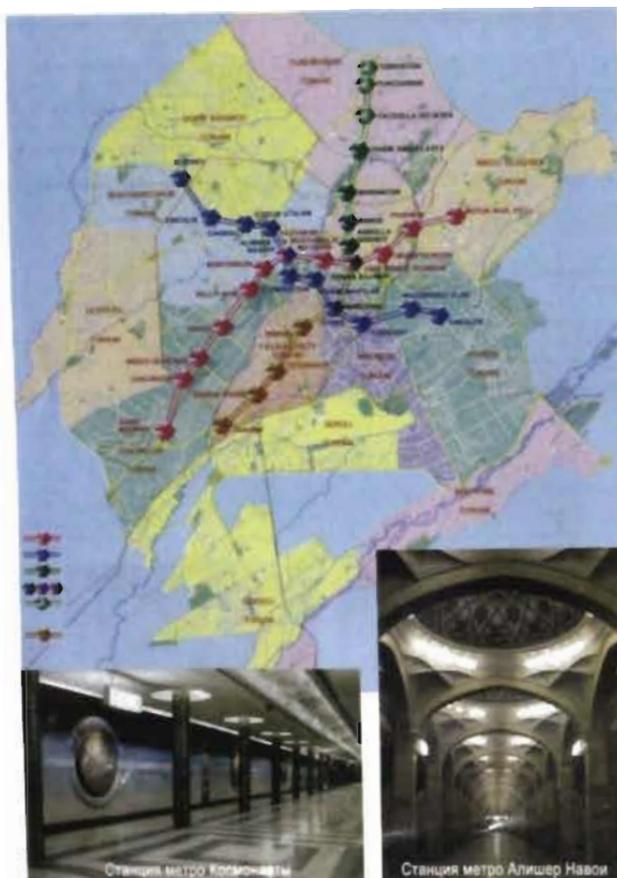
Генеральный план Москвы
1971 г

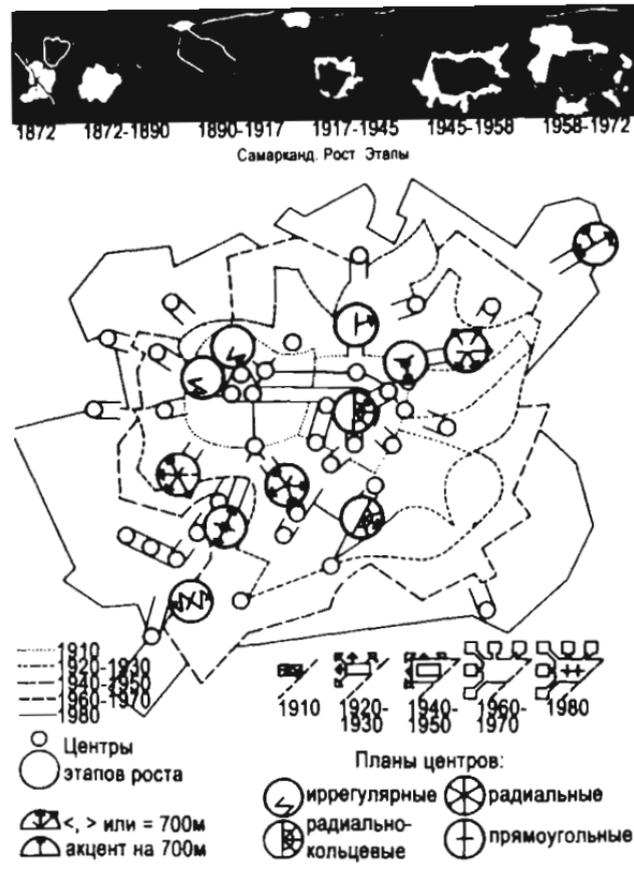
167. МОСКВА-ТАШКЕНТ. РАДИАЛЬНЫЕ И ПРЯМОУГОЛЬНЫЕ СЕТИ МАГИСТРАЛЕЙ. 1971 Г

168. УЛИЧНАЯ СЕТЬ ТАШКЕНТА ПО СОСТОЯНИЮ НА 1968 Г.

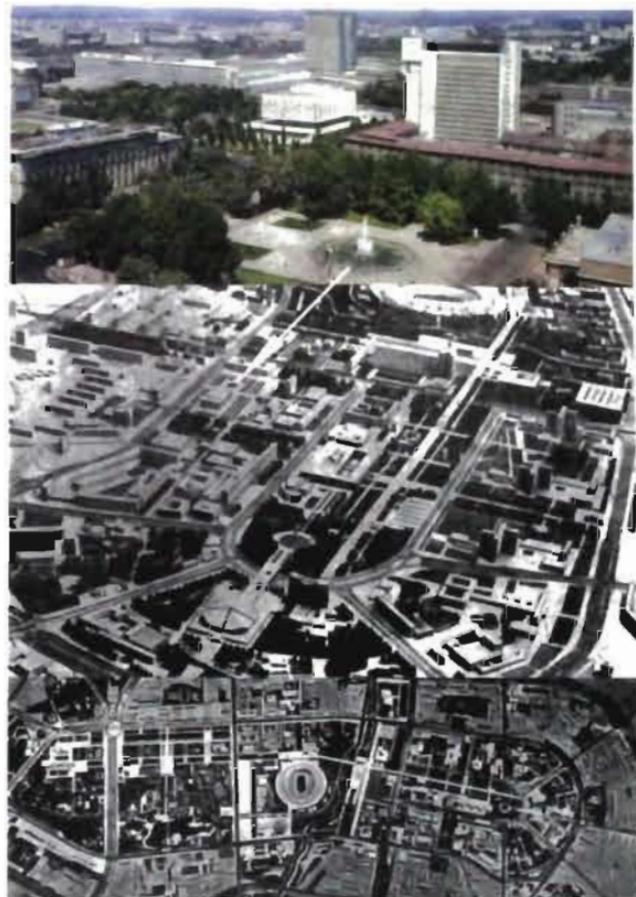
169 ТАШКЕНТ: МЕТРОПОЛИТЕН И ПЛАНИРОВОЧНЫЕ РАЙОНЫ 2010 Г

170 ТАШКЕНТ. ФОРМИРОВАНИЕ УЗЛОВ ЦЕНТРАЛЬНОСТИ 1980-Е ГГ

171. ПЕРВЫЕ МИКРОРАЙОНЫ ЯНГИЕРА И ЧИЛАНЗАРА. РУБЕЖ 1950-1960-Х ГГ.

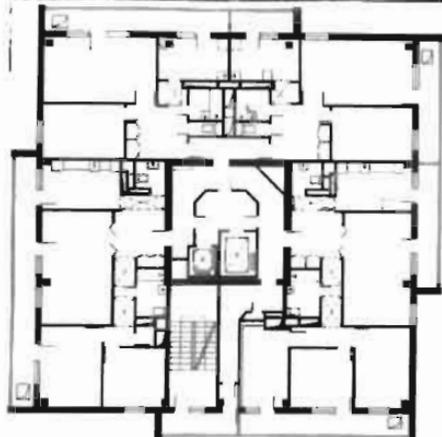
172. РАЗВИТИЕ АНСАМБЛЕЙ ЦЕНТРА ТАШКЕНТА С 1950 ПО 1974 ГГ.

173. ЗДАНИЯ О.ИМЕЙЕРА 1961-1980 ГГ. НА ПЛОЩАДИ ТАШКЕНТА 1966-1974 ГГ.

174. ВЫСОТЫЕ ЗДАНИЯ МАГИСТРАЛЕЙ ТАШКЕНТА 1970-Х ГГ.

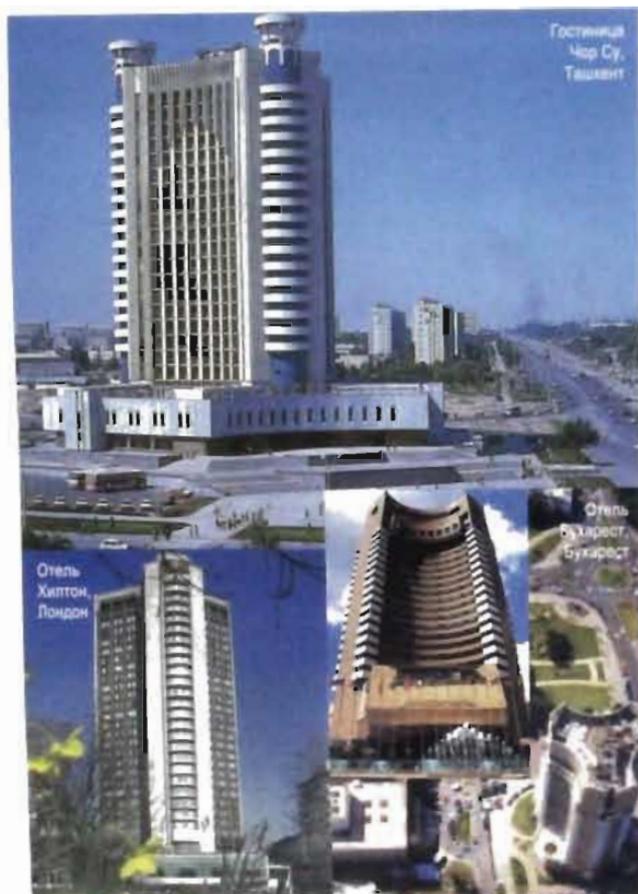
175. ТАШКЕНТ. ЖИЛЫЕ ДОМА НА ПЛОЩАДИ Х.АЛИМДЖАНА. 1980-1984 ГГ.

Ресторан Зарифшан | Гостиница Чор Су

Гостиница Узбекистан

176. ОБЪЕКТЫ ЦЕНТРА, СВЯЗУЮЩЕГО НОВЫЙ И СТАРЫЙ ТАШКЕНТ. 1970-1980-Е ГГ.

177. ТАШКЕНТ, ЧОР СУ (1963) И ПРОТОТИПЫ В ЛОНДОНЕ (1963) И БУХАРЕСТЕ (1967-1970).

178. ТАШКЕНТ. ПЛОЩАДЬ И ДВОРЕЦ ДРУЖБЫ НАРОДОВ. 1981 Г.

Узунная мечеть
Алмазар-Учи

Старая застройка прилегающей территории Алмазар-Учи

Маяк
застройки
проспекта

Вид проспекта

Аллея
Алмазар-Учи

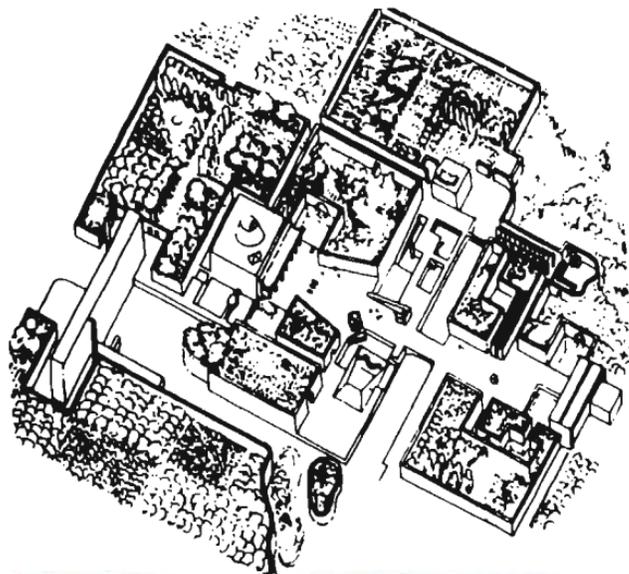
179. ТАШКЕНТ. УЗБЕКИСТАНСКИЙ ПРОСПЕКТ. 1970-1987 ГТ.

Один из входов в сектор

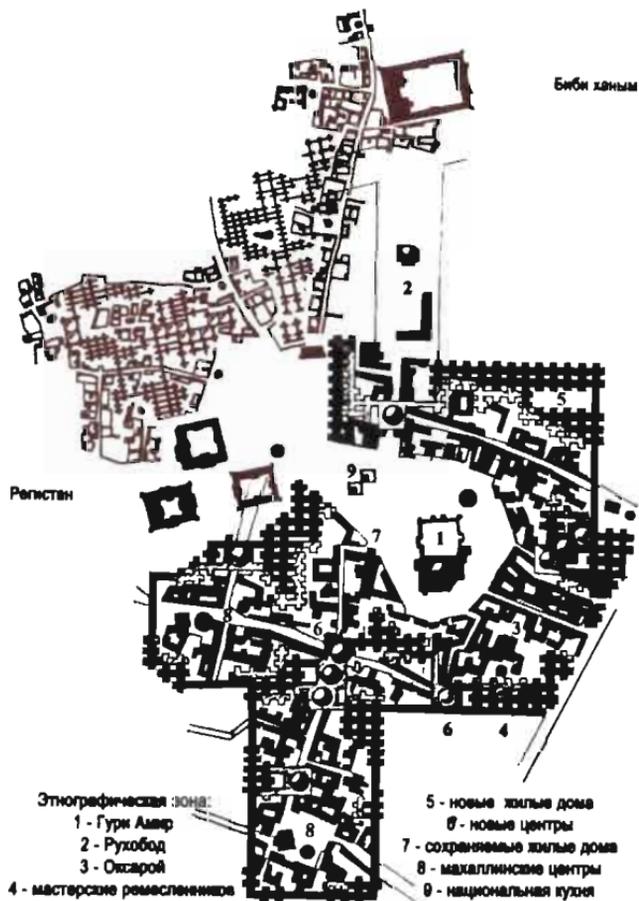

180. ЧАНДИГАРХ. ПЛАНИРОВКА ГОРОДА И ЕГО СЕКТОРА. ЛЕ КОРБЮЗЬЕ. 1947 Г.

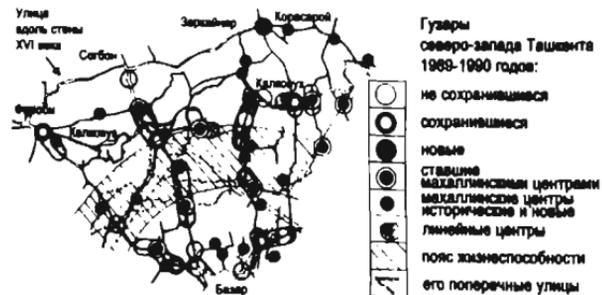

181. ЧАНДИГАРХ. ПЛОЩАДЬ 1947 Г И ПРОЕКТ САДОВ НА НЕЙ 1980 Г

182. САМАРКАНД. РЕГИСТАН. НОВАЯ ЗАСТРОЙКА И ЭСПЛАДА. РУБЕЖ 1950-1960-Х ГГ

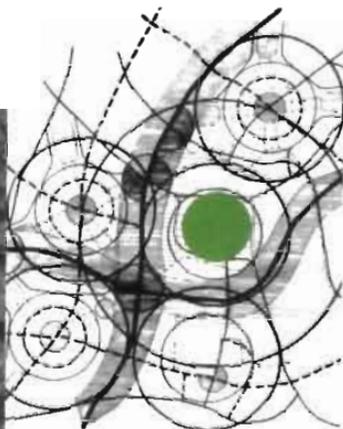
183. ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЗОНА ВОКРУГ ГУРИ АМИРА. ПДП САМАРКАНДА. 1980 Г.

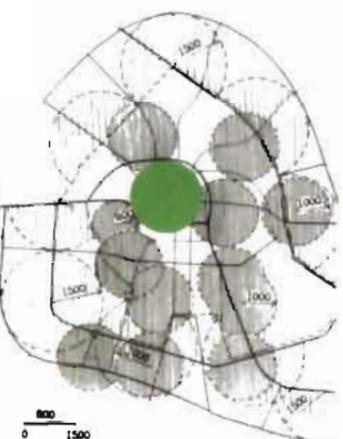
184. МАГИСТРАЛЬ АХАНГАРАН-САРЫБАГАЧ И СТАРЫЙ ГОРОД ТАШКЕНТА. 1980-Е ГГ

Исследуемый район города
и схема укрупнённых районов
с транспортными коридорами

Принятые в генеральных планах
радиусы обслуживания 800 и 1000 м
и охватываемые ими территории

185. ПОДЪЕМНАЯ УРБАНИЗАЦИЯ - ТУННЕЛИ - В ПЛ. ХАРЫ 1977 Г.

186. РАДИУСЫ 800, 1000, 1500 М. В ЖИЛЫХ РАЙОНАХ БУХАРЫ. 1980-Е-1990-Й ГГ

Областной и городской комитеты КП Узбекистана, 1971 г.

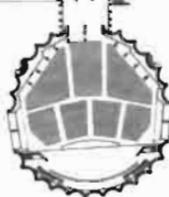
Реконструкция вено Ватан для театра имени Хамзы (1969 г.), сверху, по Дворцу культуры завода им.Людского (1831-1937 гг.), внизу

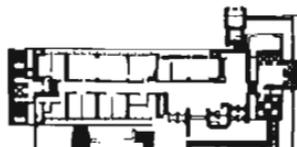
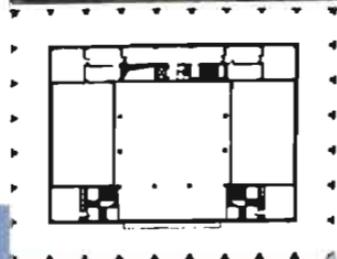
ЦК КП Узбекистана, 1964 г.

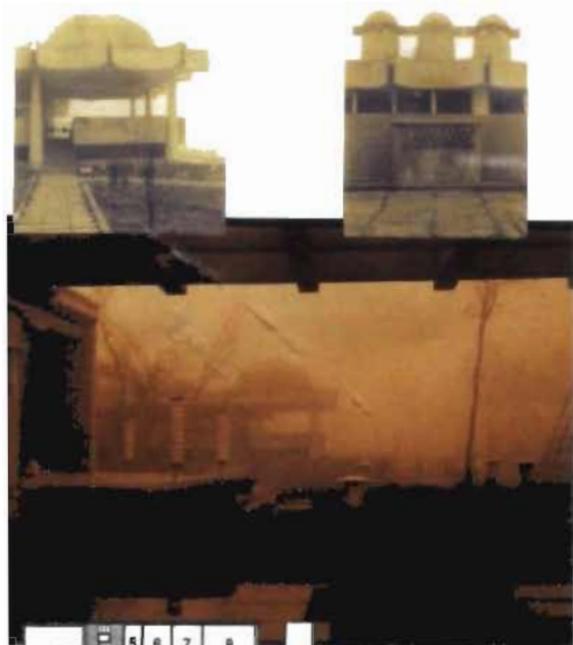
Дворец искусств, 1965 г.

Выставочный зал Союз художников

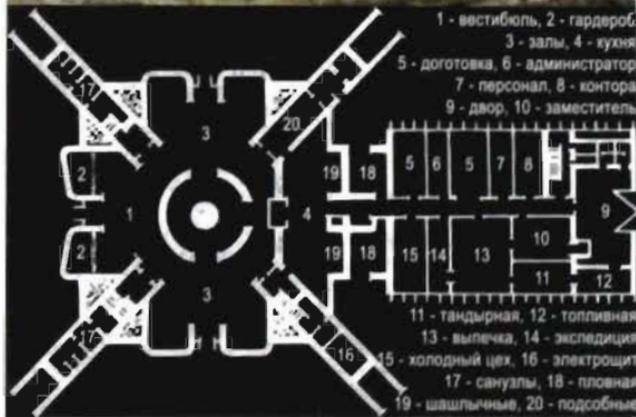

Музей имени Ленина и Издательство Шарк

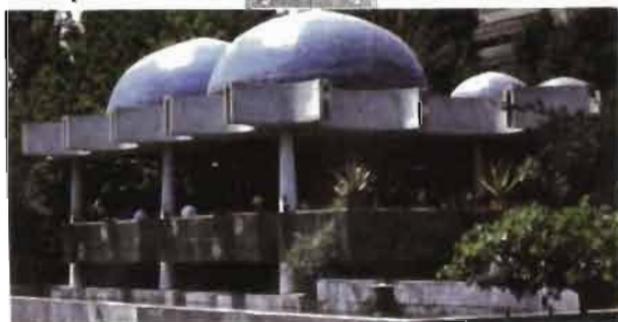
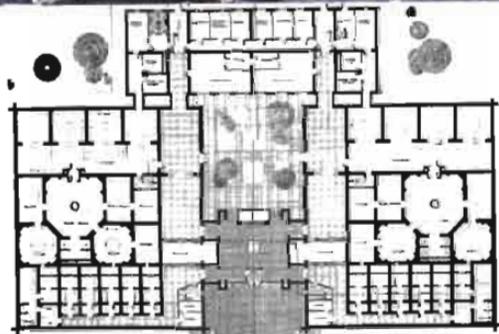
- 1 - зимний зал
- 2 - летний зал
- 3 - вестибюль
- 4 - гардероб
- 5 - контора
- 6 - заготовка овощей
- 7 - заготовка мяса
- 8 - заготовка теста и выпечка лепёшек и самсы
- 9 - дворик, 10 - моечная
- 11 - очки, 12 - буфет

191 ТАШКЕНТ КАФЕ ГОЛУБЫЕ КУПОЛА В.А МУРАТОВ 1970 Г

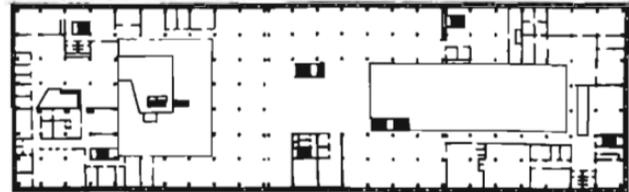

- 1 - вестибюль, 2 - гардероб
- 3 - залы, 4 - кухня
- 5 - дготовка, 6 - администратор
- 7 - персонал, 8 - контора
- 9 - двор, 10 - заместитель
- 11 - такдырная, 12 - топливная
- 13 - выльчка, 14 - экспедиция
- 15 - холодный цех, 16 - электросит
- 17 - санузлы, 18 - пловная
- 19 - шашлычные, 20 - подсобные

192 ЧАЙХАНА САМАРКАНД-ДАРВАЗА В ТАШКЕНТЕ С.М СУТЯГИН 1968-1976 ГГ

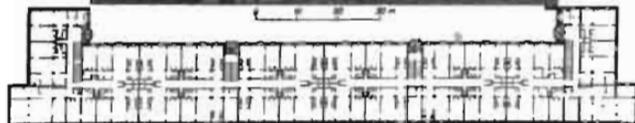
193. ГОЛУБЫЕ КУПОЛА. БАНЯ-ХАММОМ НА ЧОР СУ. А. С. КОСИНСКИЙ. 1977 Г.

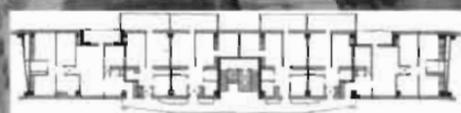
194. ТАШКЕНТ. РЕСТОРАН ЗАРАФШАН. В. Л. СПИВАК. 1982 Г. РЕКОНСТРУКЦИЯ НАЧАЛА XXI В.

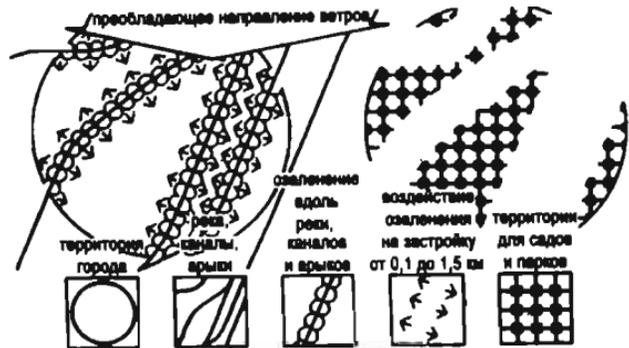
Ташкент,
жылой дом в микрорайоне Ц-7
Москва, жылой дом на
Большой Калужской
улице

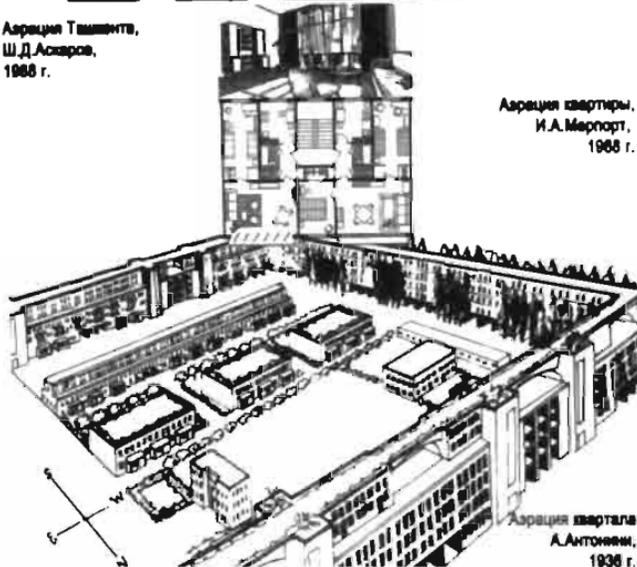
195. МОСКВА-ТАШКЕНТ. ЖИЛЫЕ ДОМА С ШИРОКОМ КОРПУСОМ. 1948-1968 ГГ.

196. 9-ЭТАЖНЫЕ ДОМА КАМЮ В ЗАСТРОЙКЕ УЛИЦ И ПЛОЩАДЕЙ. РУБЕЖ 1960-1970-Х ГГ.

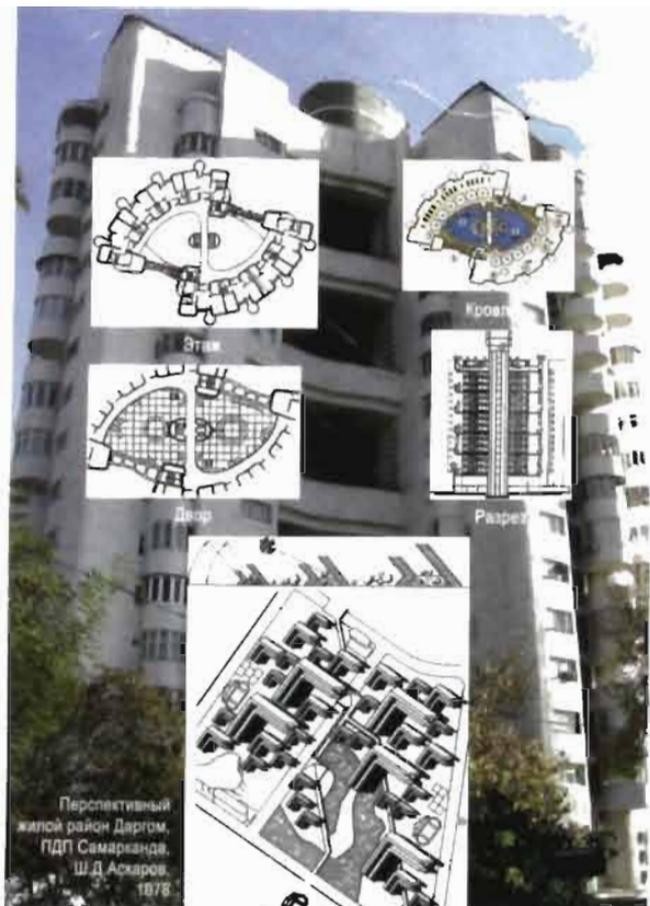
Аэрация Ташкента,
Ш.Д.Аскарбе, 1968 г.

Аэрация кварталы,
И.А.Мерпарт, 1968 г.

Аэрация кварталы
А.Антонов, 1936 г.

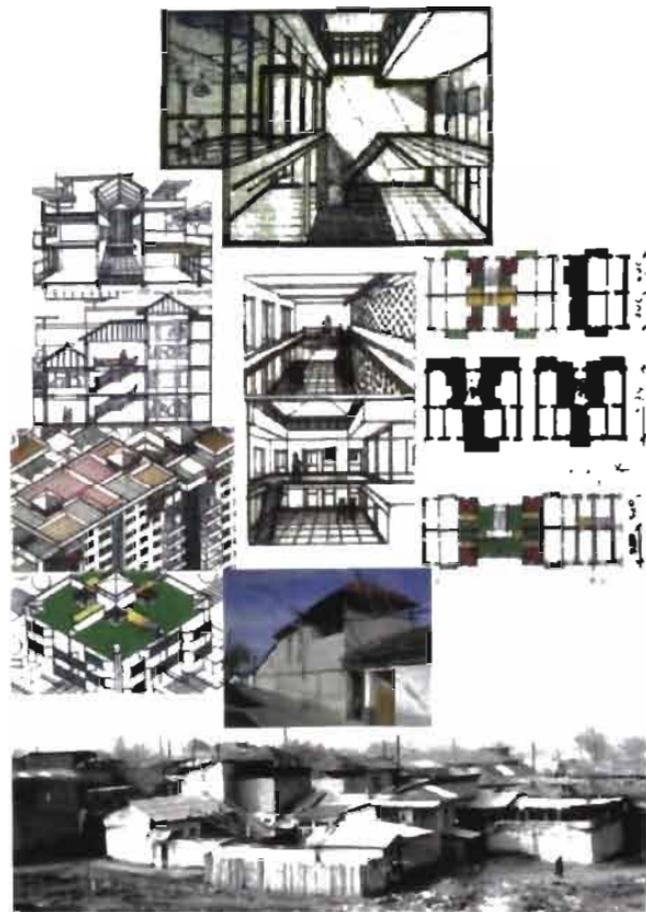
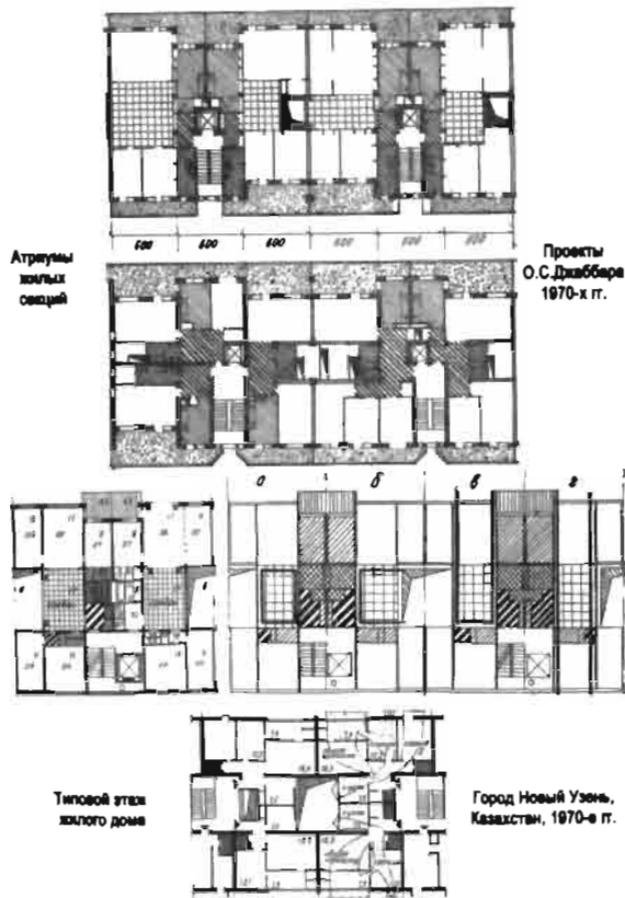

199. АЗРАЦИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДОМОВ САМАРКАНДА И ТАШКЕНТА. 1978 И 1985 ГГ.

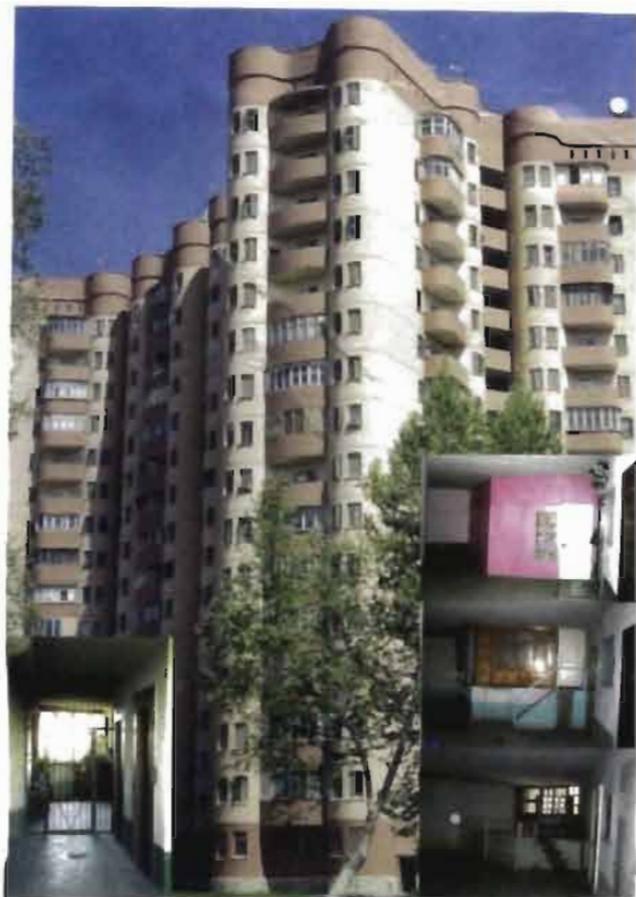

200. ТАШКЕНТ. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ 16-ЭТАЖНЫЙ ДОМ С ДВОРАМИ. О.АЙДИНОВА. 1985 Г.

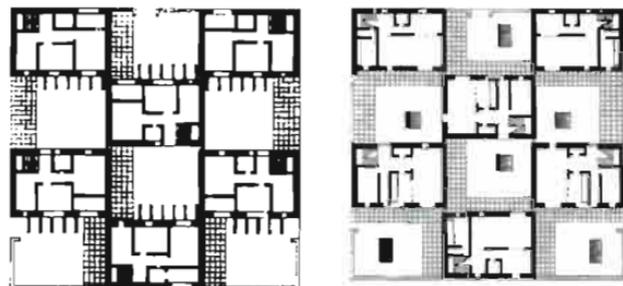
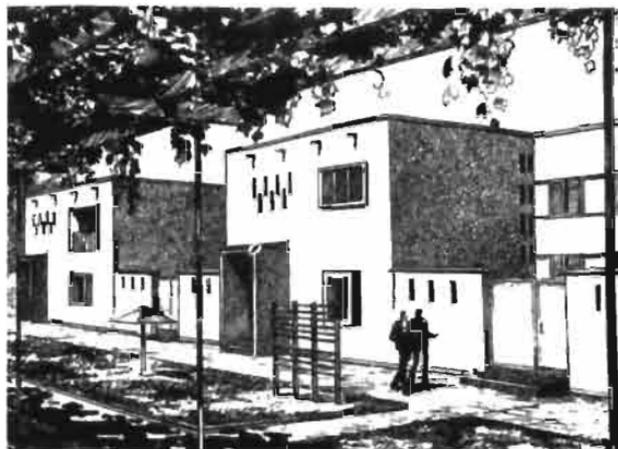

201. АТРИУМЫ-СОЯБОН ПРИ АЗРАЦИОННЫХ ШАХТАХ КВАРТИР. О.С.ДЖАББАР 1990-1970 ГГ.

202. АТРИУМЫ-СОЯБОН ПРИ АЗРАЦИОННЫХ ШАХТАХ КВАРТИР. О.С.ДЖАББАР. 1990-2000 ГГ.

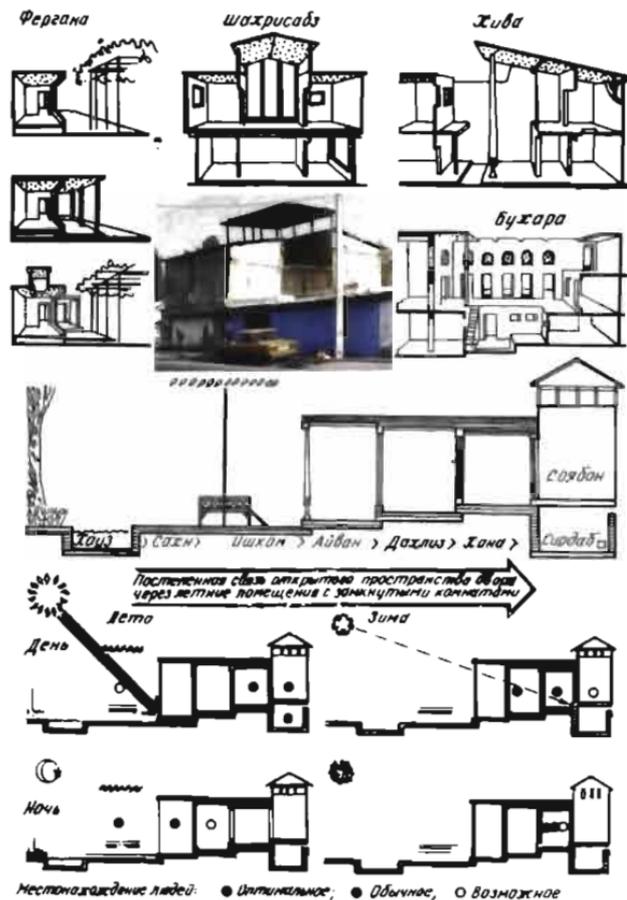
203. ТАШКЕНТ. 16-ЭТАЖНЫЕ ДОМА И САМОСТРОЙ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ. 2000-Е ГГ.

204. 2-ЭТАЖНЫЕ 4-5-КОМНАТНЫЕ ДОМА МИРОРАЙОНОВ ТАШКЕНТА 1987-1988 ГГ.

205. МАЛОЭТАЖНАЯ ПЛОТНАЯ ЗАСТРОЙКА ДРЕВНЕЙ БУХАРЫ И ТАШЗНИИЭП 1970-Х ГГ.

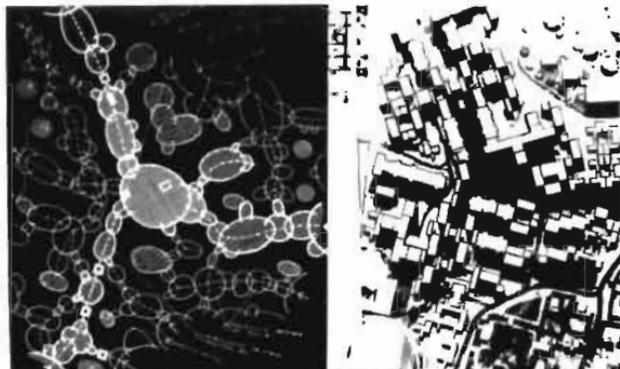
206. БОГАТСТВО ПРОСТРАНСТВ УЗБЕКСКОГО ДОМА В РИСУНКАХ О.С. ДЖАББАРА. 1990-Е ГГ

207. ТАШКЕНТ. ПРОЕКТ МИКРОРАЙОНА-МАХАЛЛЯ КАЛЬКАУЗ (Ц-19). НАЧАЛО 1970-Х ГГ.

208. ТАШКЕНТ. ДВОРИКИ ДОМОВ ТЕКСТИЛЬКОМБИНАТА (1930-Е ГГ.) И Ц-27 (1975).

Пульсация пространства улочек
жилого района Кунджимала, Бухара,
И.И.Ноткин, 1980-е гг.

Первоначальный макет
микрорайона-махалля Ц-27, Ташкент,
Г.И.Коровцов, 1971 г.

209. ИМИТАЦИЯ СТАРОГОРОДСКИХ УЛОЧЕК В Ц-27 И ДЛЯ БУХАРЫ. 1971-1980-Е ГГ.

А - общественные здания
Б - микрорайон-махалля

1 - 9-этажные
жильные дома

2 - 4-этажные
жильные дома

3 - 4-этажные
жильные дома
60-квартирные
с 5,6,7-этажными
квартирами
в одном уровне
и с двухэтажными
двориками
на этажах

4 - 2-этажные
блокированные
жильные дома-коттеджи
с двориками

5 - существующие
сохранившиеся
жильные дома

6 - общественные
центры махалля

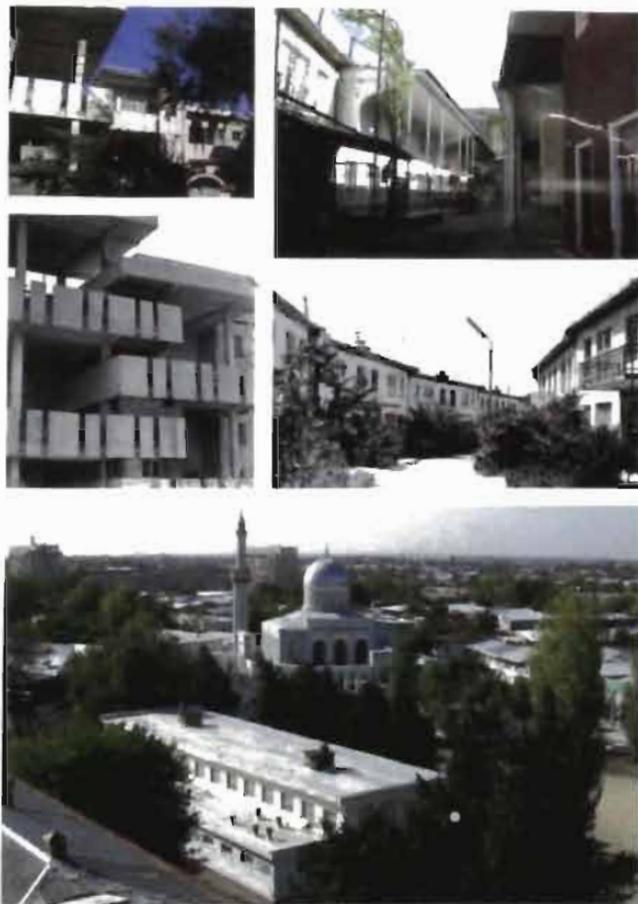
7 - обще-
образовательная
школа

8 - музыкальная
школа-семилетка

9 - детские
дошкольные
комбинаты

210. МИКРОРАЙОН-МАХАЛЛЯ Ц-27. ПЛАНЫ. Г.И.КОРОВЦОВ И ДР. 1971-1975 ГГ.

211. ТАШКЕНТ. МИКРОРАЙОН-МАХАЛЛА Ц-27. ПЕРЕМЕНЫ 1975-2011 ГГ.

212. УРГУТ. ХАРАКТЕР ЗАСТРОЙКИ ГОРОДА И ПРЕДГОРЬИЙ. ЧАЙХАНА ТОПТЕПА. 1970-Е ГГ.

213. УРГУТ. ОКРУЖАЮЩИЕ ГОРОД ПОЛЯ ПРЕДГОРИЙ И ГОРЫ. 1970-Е ГГ.

Афшона, Бухарская область

Ташкент, ул. Б. Хмельницкого

Наманган,
озеро отдыха

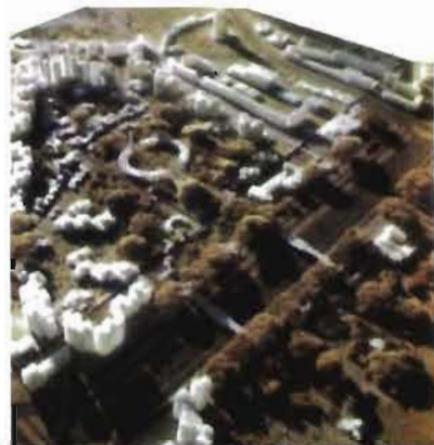

Ташкентская область, 1950-е гг.

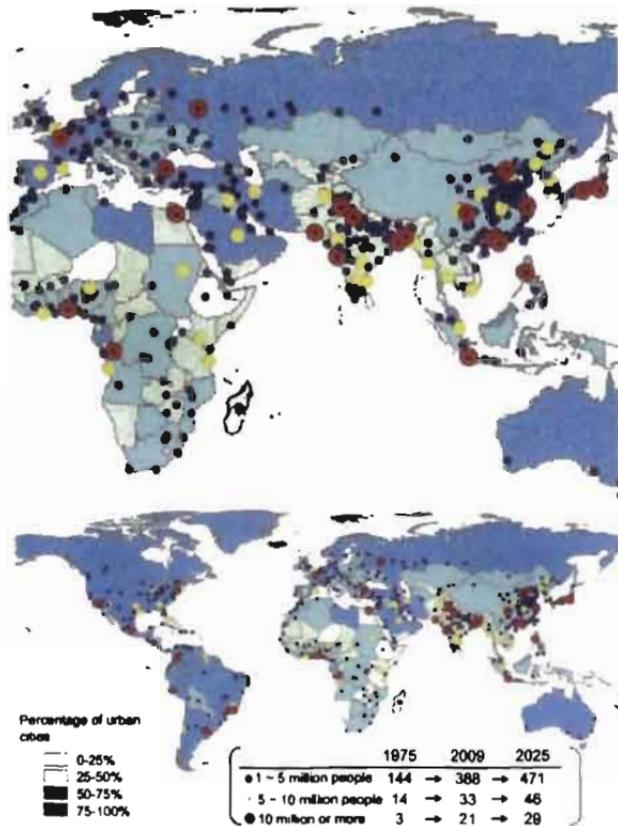
214. МЕСТНАЯ ИНИЦИАТИВА В ЗАСТРОЙКЕ ГОРОДОВ И СЕЛ УЗБЕКИСТАНА. 1950-1980 ГГ

215. ДЖИЗАК. ЧАЙХАНА НА 200 МЕСТ. Р.В.БЛЕЗЕ. 1985 Г

216. ТАШКЕНТ. КОНКУРС ПРОЕКТОВ ЗАСТРОЙКИ РАЙОНА КАРАТАШ. 1987 Г

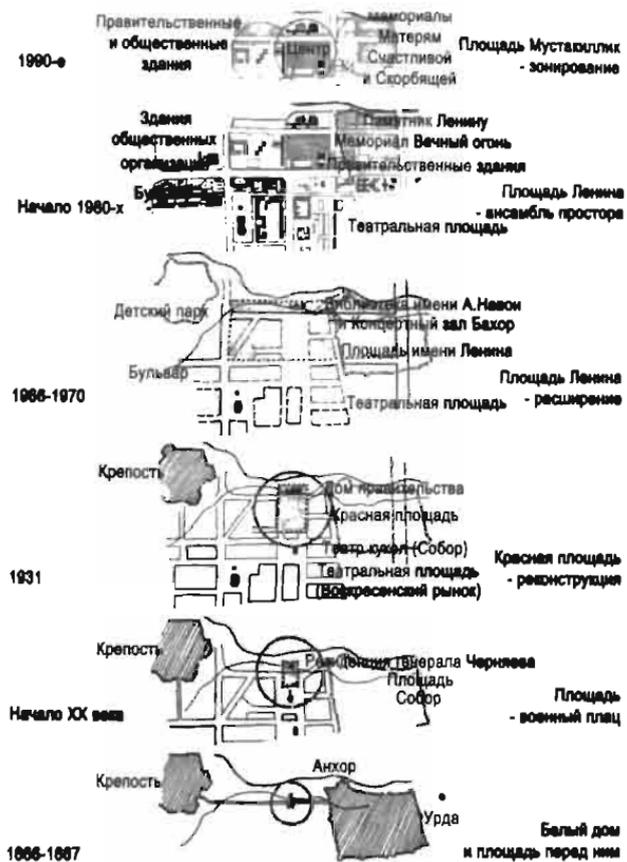

Источник: United Nations, World Urbanization Prospects, The 2008 Revision, 2010.

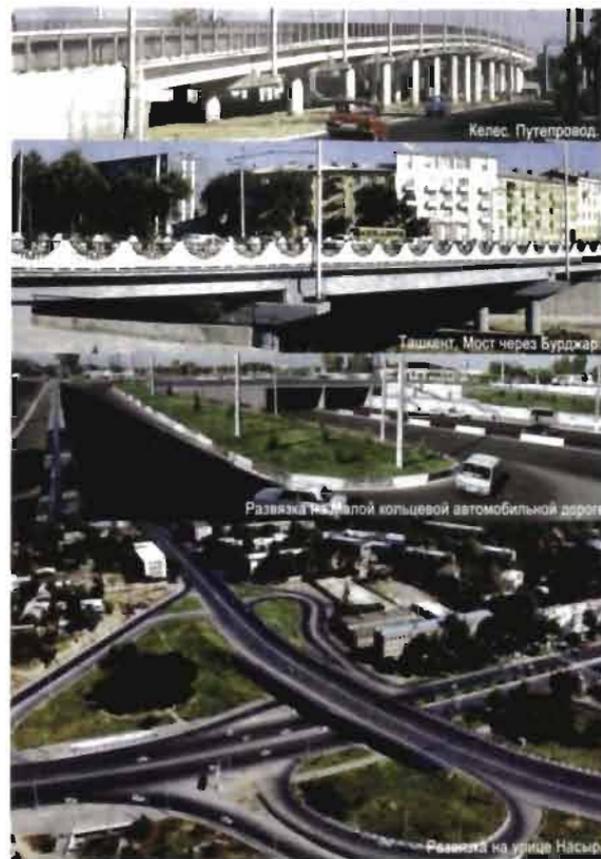
217. ГОРОДА-МИЛЛИОНЕРЫ МИРА, СРЕДНЕЙ АЗИИ, УЗБЕКИСТАНА К 2025 Г.

218. ТАШКЕНТ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЗОНА И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПЛОЩАДЬ. 1936-1994 ГГ.

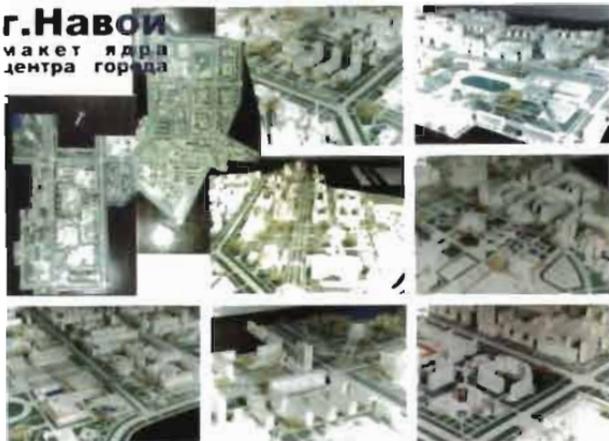

219. ТАШКЕНТ. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПЛОЩАДЬ. ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ 1866-1990-Х ГГ.

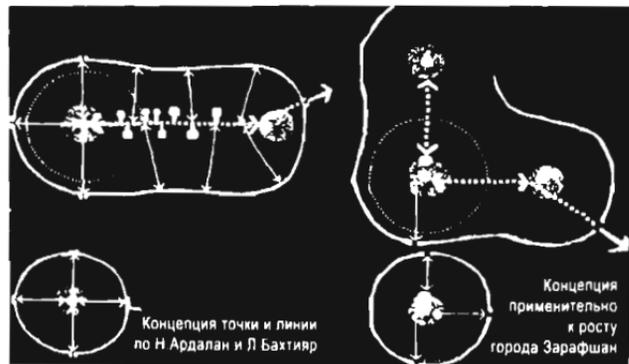

220. ТАШКЕНТ. МОСТЫ И ПУТЬПЕРОВОДЫ СКОРОСТНЫХ МАГИСТРАЛЕЙ. 1991-2002 ГГ.

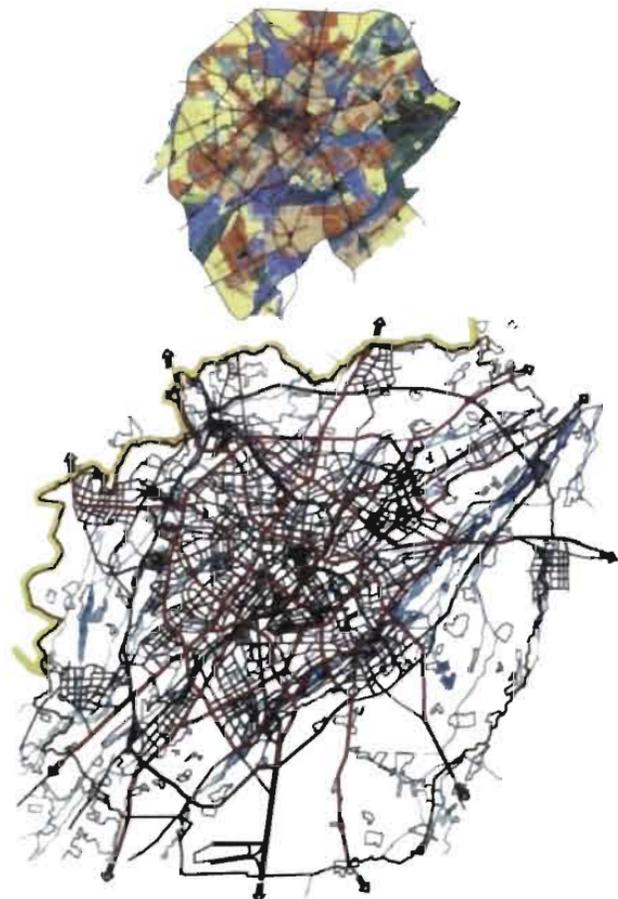
г.Навои
макет ядра
центра города

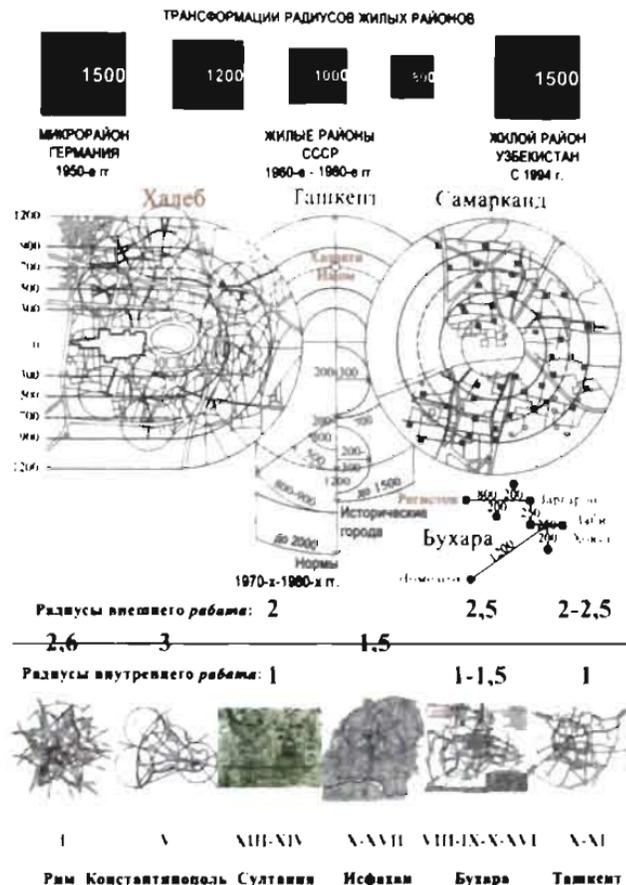
221 НАВОИ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН И МАКЕТ ЯДРА ЦЕНТРА 2002 Г

222 КОНЦЕПЦИЯ ГОРОДА ТОЧКА И ЛИНИЯ ЗАРАФШАН ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН 2006 Г

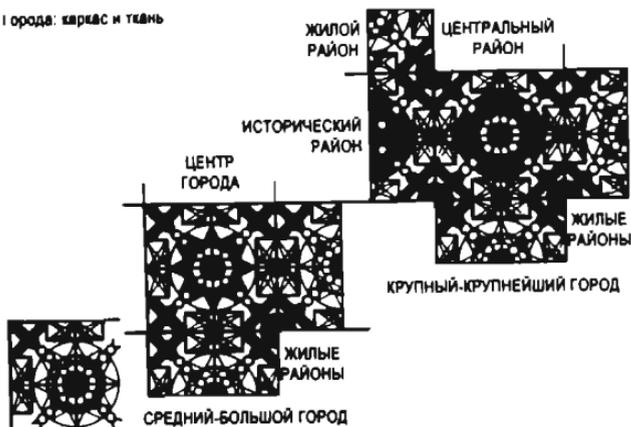

223. ТАШКЕНТ. МАГИСТРАЛИ НЕПРЕРЫВНОГО ДВИЖЕНИЯ. ГЕНПЛАН. 1999-2015 ГГ

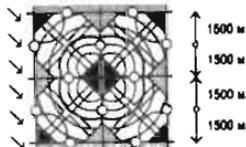
224. РАДИУСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ГОРОДОВ И ЖИЛЫХ РАЙОНОВ. I-XXI ВВ.

Города: каркас и ткань

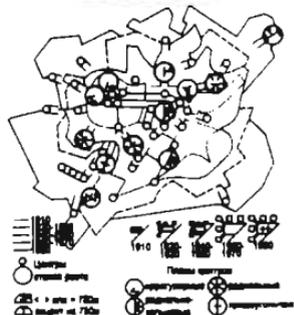
МАЛЫЙ ГОРОД

Районы: каркас и ткань

Ташкент:

зоны центральности

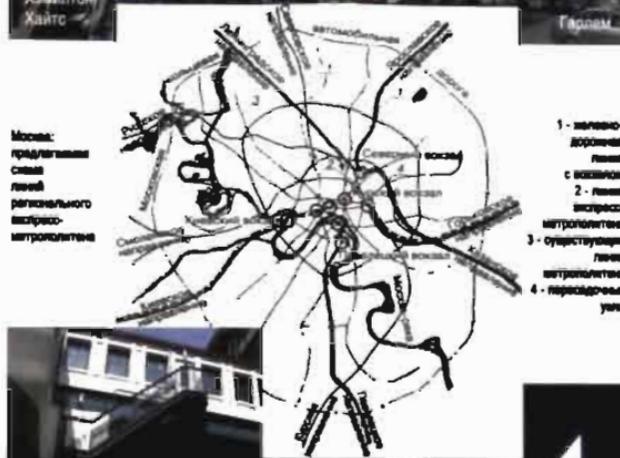

Отражение парка Тахтагуль под строительный объект

Автосервис на засыпанном арыке Лабзак

227. ТАШКЕНТ. ЗАСЫПАННЫЙ АРЫК ЛАБЗАК И ЗАСТРАИВАЕМЫЙ ПАРК ТАХТАГУЛЬ. 2011 Г.

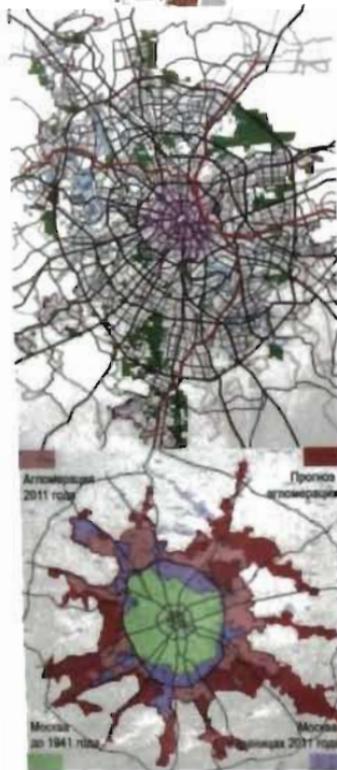
228. НЬЮ ЙОРК-МОСКВА. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭКСПРЕСС-МЕТРОПОЛИТЕНА. 1904-2010 ГГ.

Москва 2011:

расширение

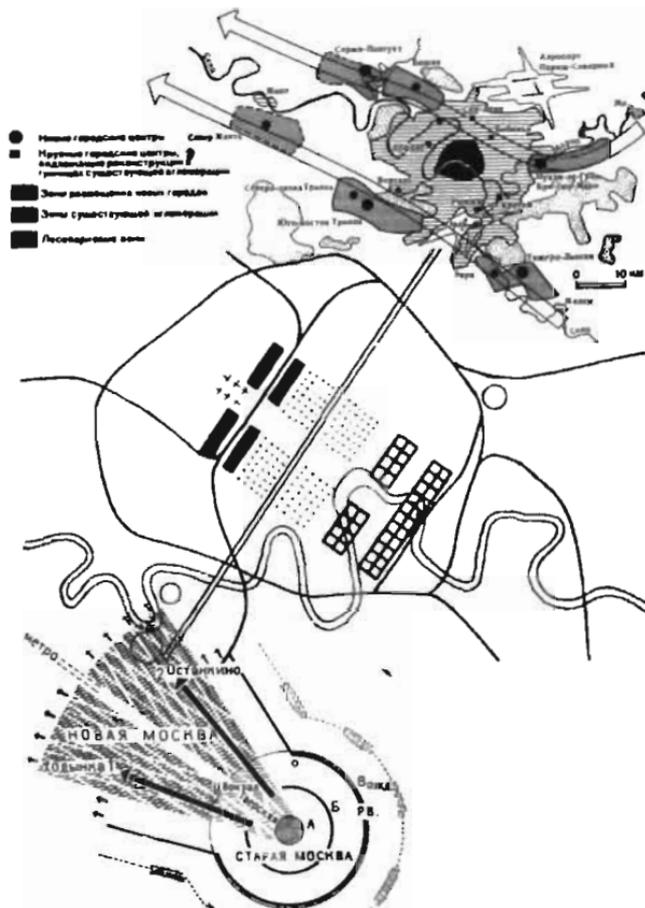
Магистралек:

перспектив

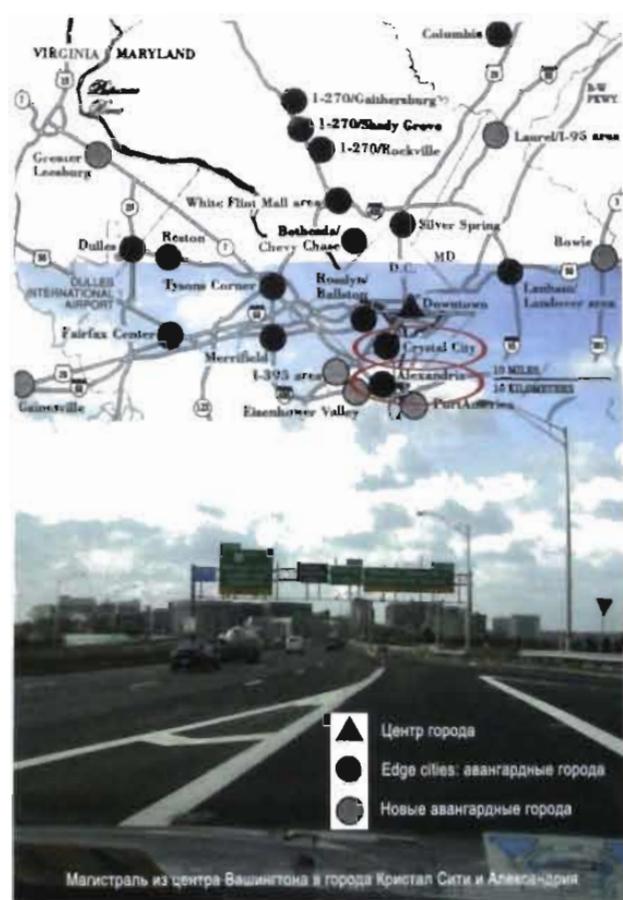
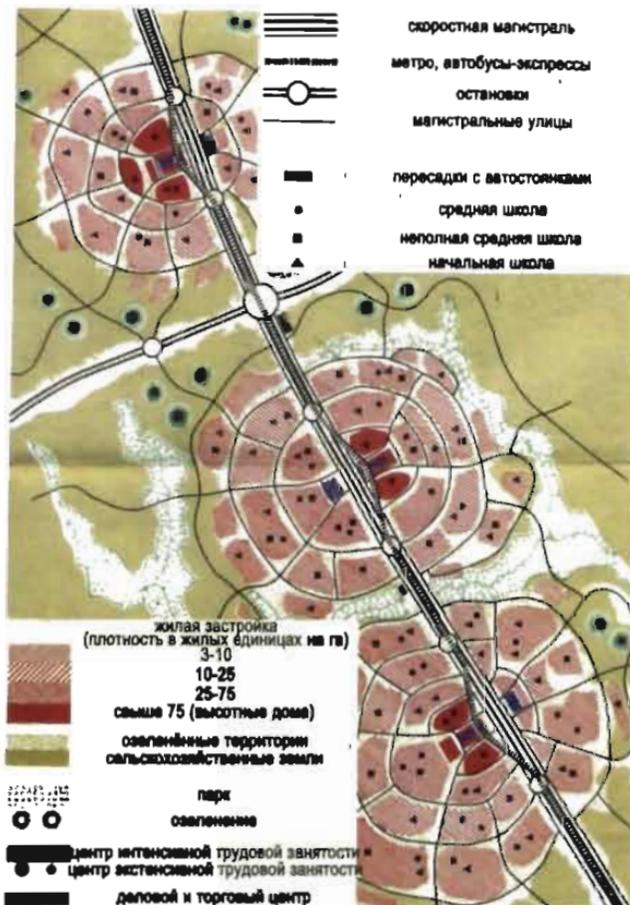
Агломерация:

границы

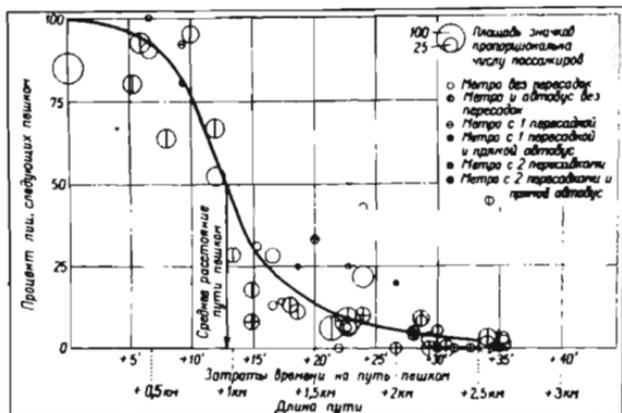
229. МОСКВА. РАСШИРЕНИЕ СТОЛИЦЫ В 2,4 РАЗА НА ЮГО-ЗАПАД С 1 ИЮЛЯ 2012 Г.

230. МОСКВА-ПАРК. ГОРОД-ЛИНИЯ И РАЙОНЫ-МОДУЛИ. 1929-1970-Е ГГ.

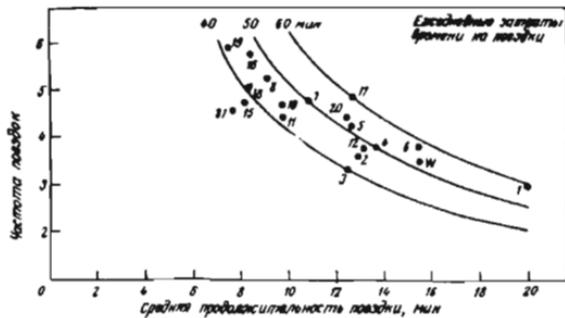

231. ВАШИНГТОН. НОВЫЕ ГОРОДА НА СКОРОСТНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ. 1960-Е ГГ.

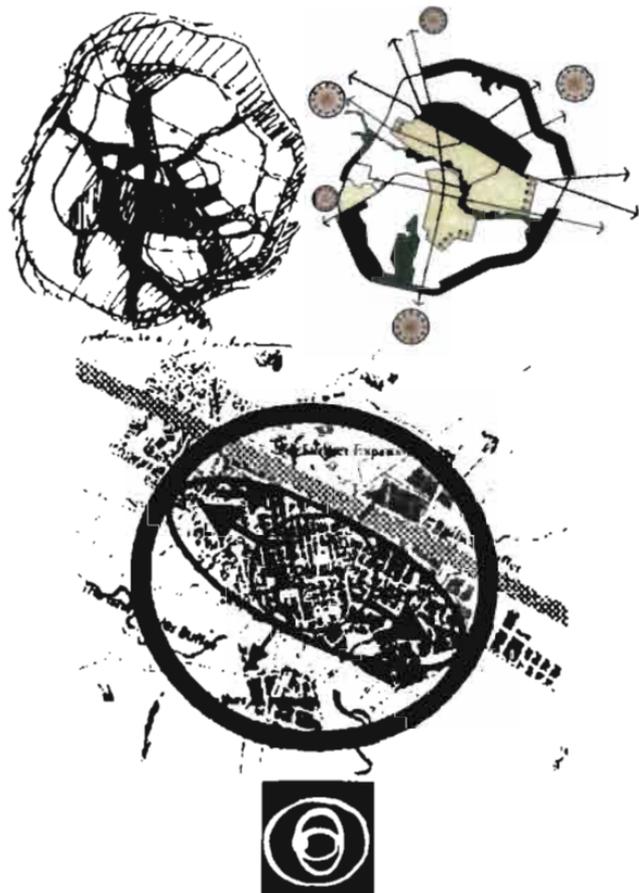
232. ВАШИНГТОН. EDGE CITIES: АВАНГАРДНЫЕ ГОРОДА. С 1980-Х ГГ.

Франция, Париж. Параметры предпочтения транспорта и пешего пути. Источники: П.Мерлен.

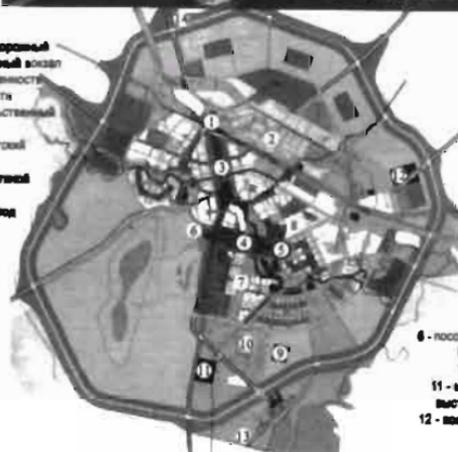
США. Средняя продолжительность поездов. Источники: Л.Дж.Мэнн.

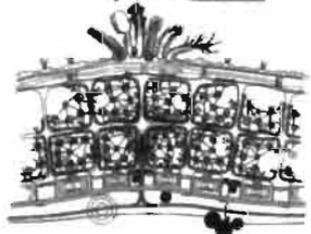
Макет центра Астаны

- 1 - железнодорожный и автобусный вокзал
- 2 - промышленность
- 3 - бизнес-сити
- 4 - правительственный центр
- 5 - президентский дворец
- 6 - офис нефтяной компании
- 7 - речной порт

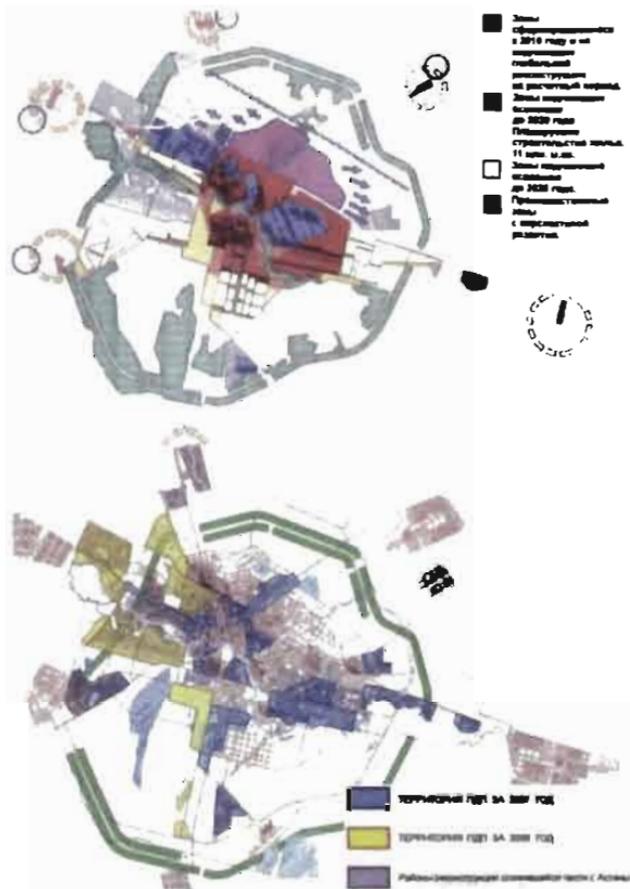

- 8 - посольский квартал
- 9 - университет
- 10 - спорт - сити
- 11 - международный выставочный центр
- 12 - парковая зона
- 13 - парк
- 14 - стадион

Проект
метаболического
города

235. МЕТАБОЛИЧЕСКИЙ ГОРОД И АСТАНА. ЮИЦО КУРОКАВА. 1985-2030 ГГ.

- Зоны сформированные в 2010 году и не подвергшиеся дальнейшей реконструкции на расчетный период.
- Зоны сформированные до 2020 года подвергшиеся структурной реконструкции.
- Зоны сформированные до 2020 года.
- Промышленные зоны с перспективой развития.

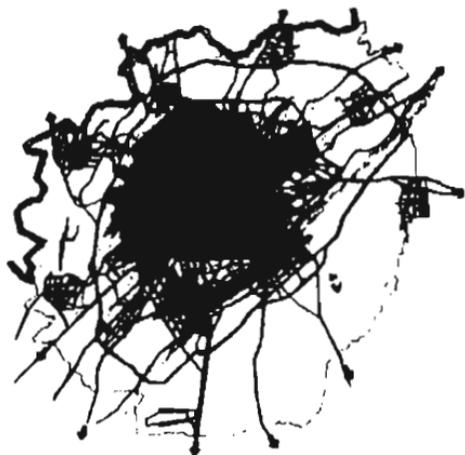

Территориальный план на 2010 год

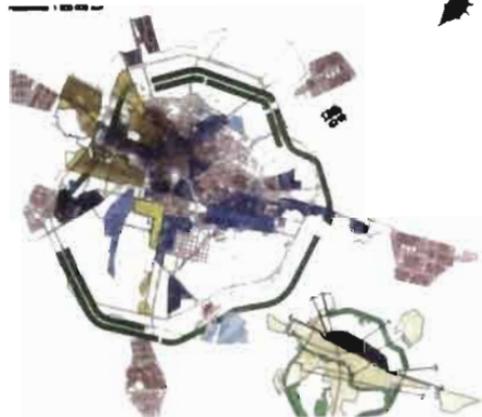
Территориальный план на 2020 год

Районы структурной реконструкции части г. Астана

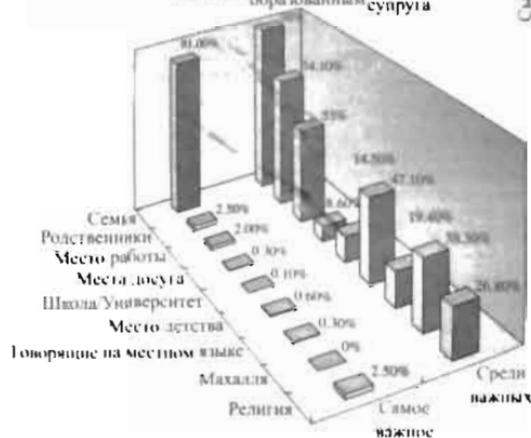
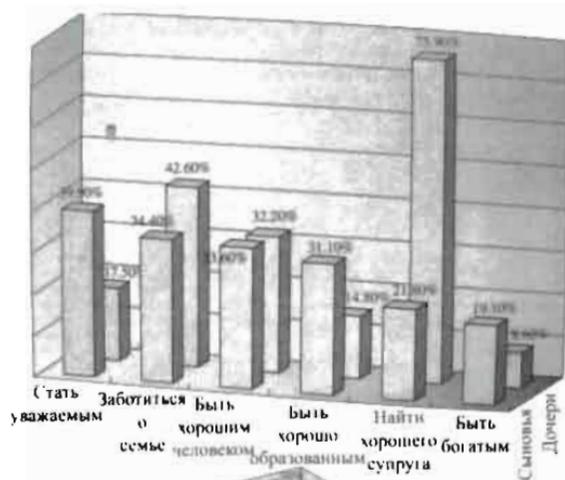
236. АСТАНА. ГДЛ РАЙОНОВ 2007-2008 ГГ. ЗОНЫ ГОРОДА 2010-2030 ГГ.

2000 м

237. АСТАНА. РАЙОНЫ-СПУТНИКИ. 2010 Г. ТАШКЕНТ. ГОРОДА-СПУТНИКИ. 2015 Г.

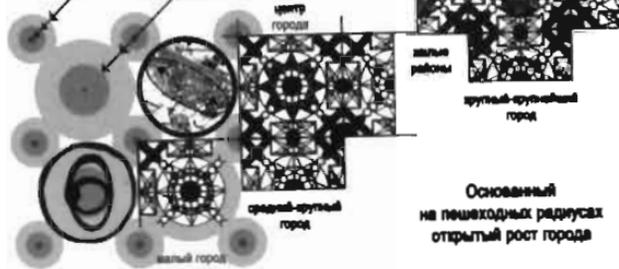
Источники: Values and Values in Uzbekistan. Dardashev, T. 2005

238. ВАЖНОЕ В ЖИЗНИ УЗБЕКОВ И ИХ ПОЖЕЛАНИЯ СЫНОВЬЯМ И ДОЧЕРЯМ. 2005 Г.

Радиусы центральности:
 300-700 м - городская культура и ландшафтно-ландшафтная
 100-300 м - городская торговля
 100 м - городской транспортный охват

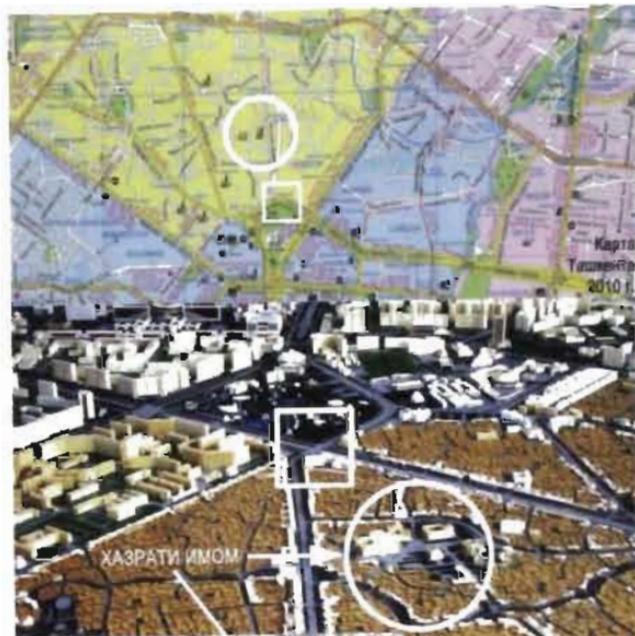
Радиусы обсервы:
 1800 м - площадь пешеходной обсервы
 700 м - диаметр обсервы

Основанный на пешеходных радиусах открытый рост города

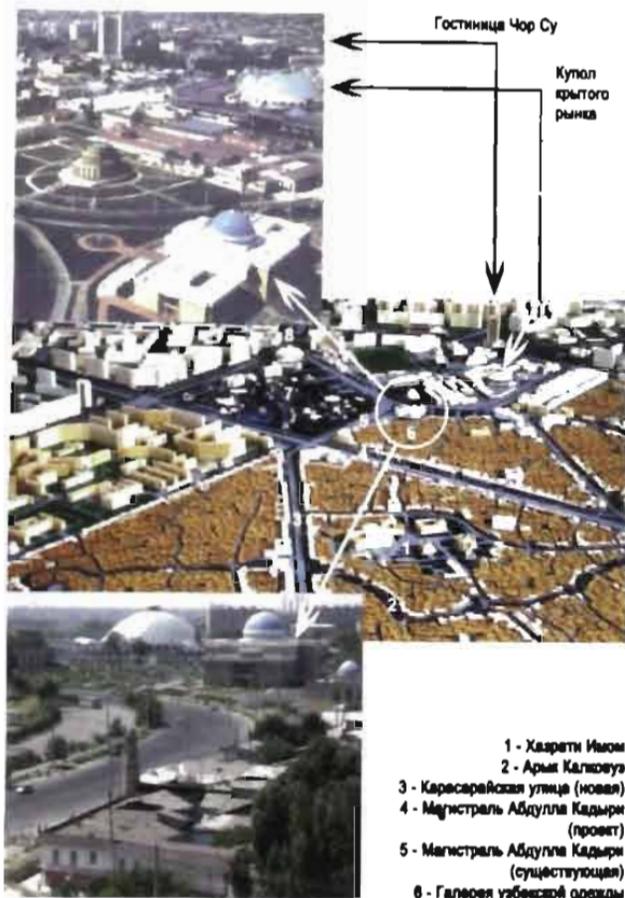
241. ТРИ МОДЕЛИ: ПОПЕРЕМЕННОГО И ОТКРЫТОГО РОСТА ГОРОДА 1740-2012 ГГ

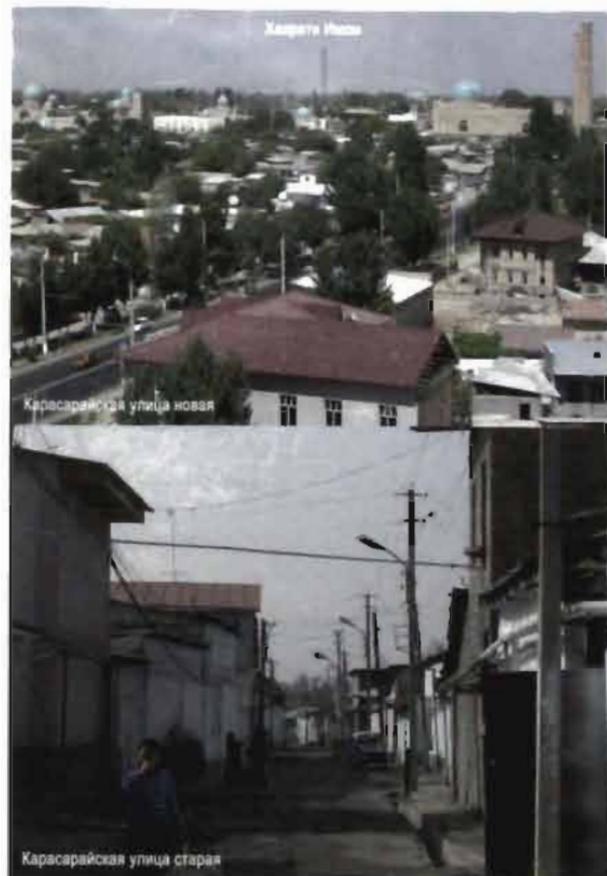
Проект
 детальной планировки
 исторической части
 Ташкента, 2004 г.

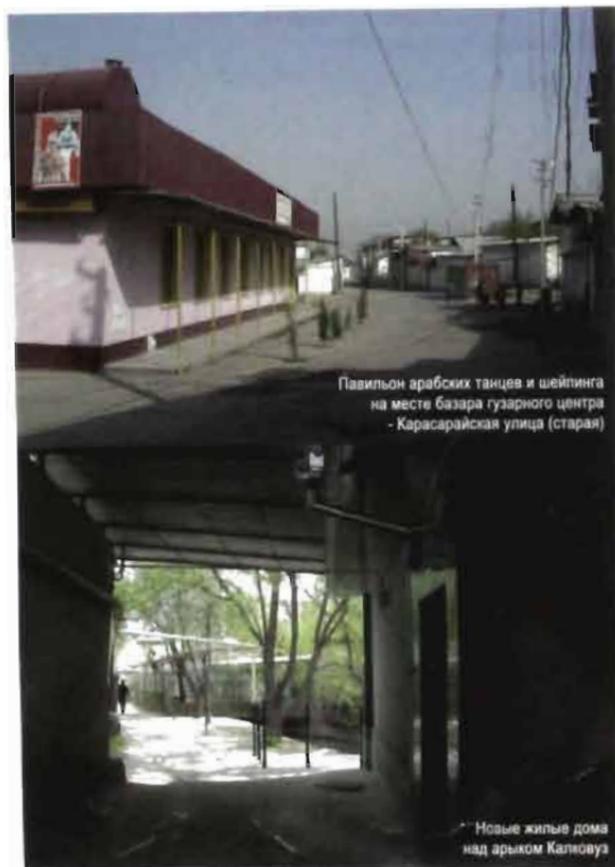
242. ТАШКЕНТ. РЕКОНСТРУКЦИЯ. СПРЯМЛЕНИЕ И РАСШИРЕНИЕ УЛИЦ, С 1994 Г.

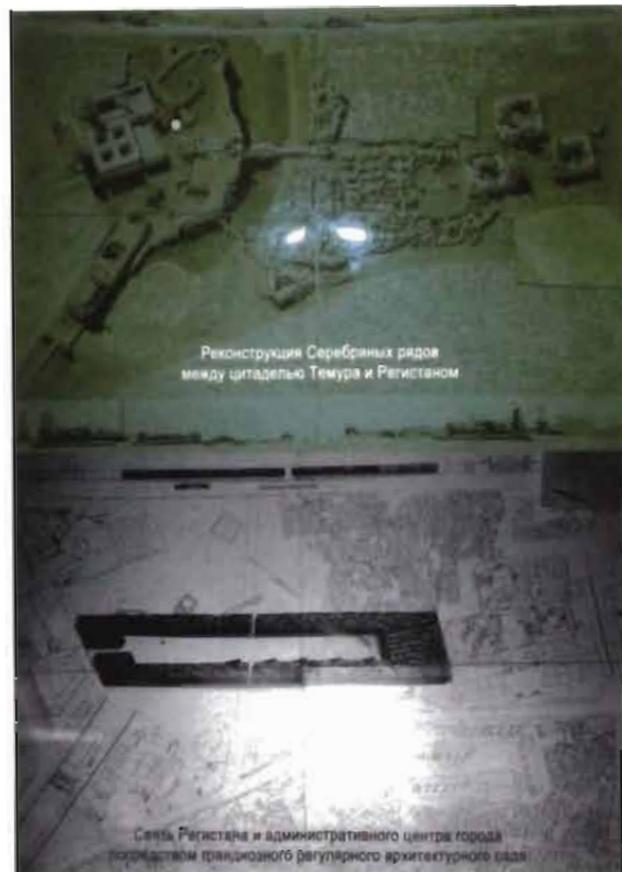
243. ТАШКЕНТ. ПДП СТАРОГОРОДСКОЙ ЧАСТИ. 2004 Г.

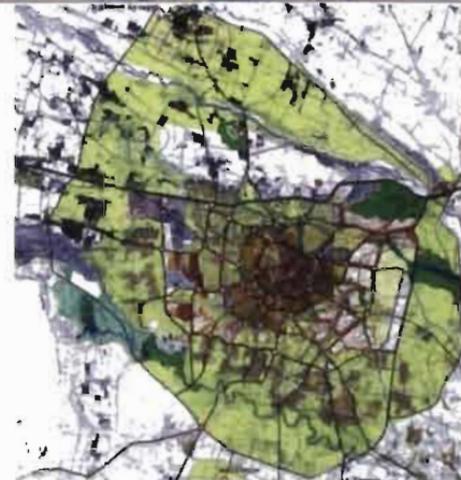
244. ТАШКЕНТ. СТАРАЯ КАРАСАРАЙСКАЯ УЛИЦА ПОСЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ НОВОЙ (ВВЕРХУ).

245. СТАРЫЙ ТАШКЕНТ. НОВОЕ СОСТОЯНИЕ ГУЗАРНОГО ЦЕНТРА И АРЫКА КАЛКОВУЗ.

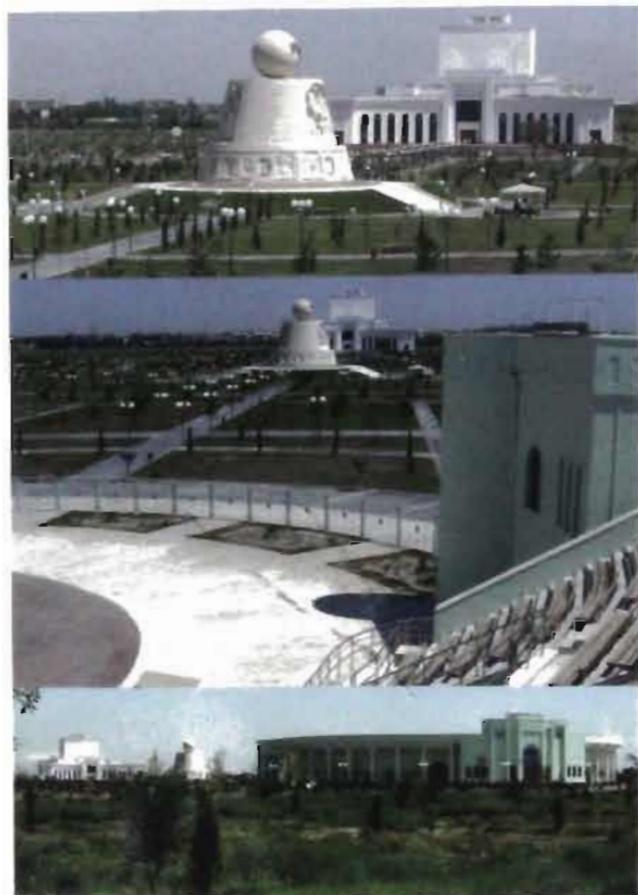
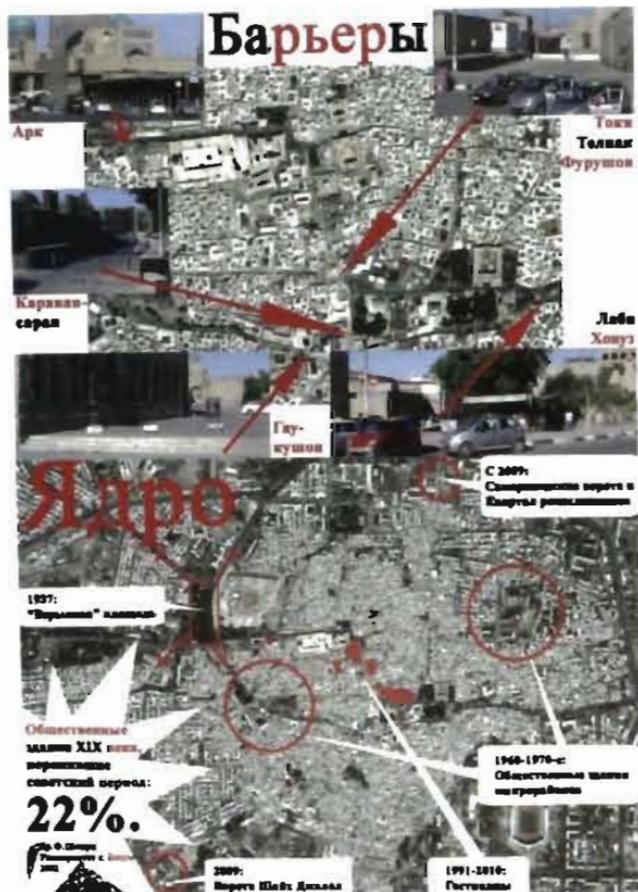

246. САМАРКАНД. РЕКОНСТРУКЦИЯ. ПРОЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА 1992 Г

247. САМАРКАНД. ПЛАН ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ И ОКРУЖЕНИЕ АК САРАЯ. 1991-1995 ГГ.

248. САМАРКАНД. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН ГОРОДА И ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РАЙОН ДО 2020 Г.

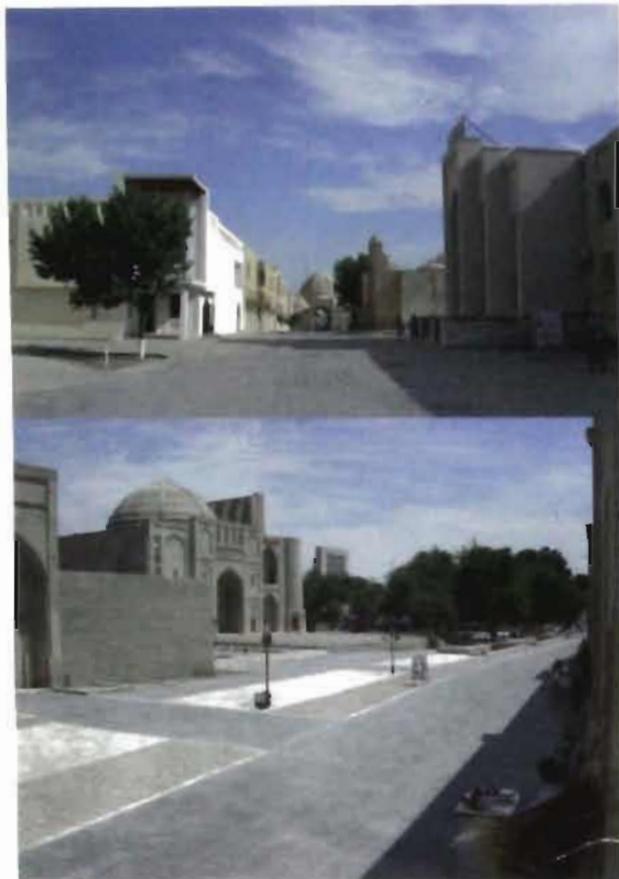

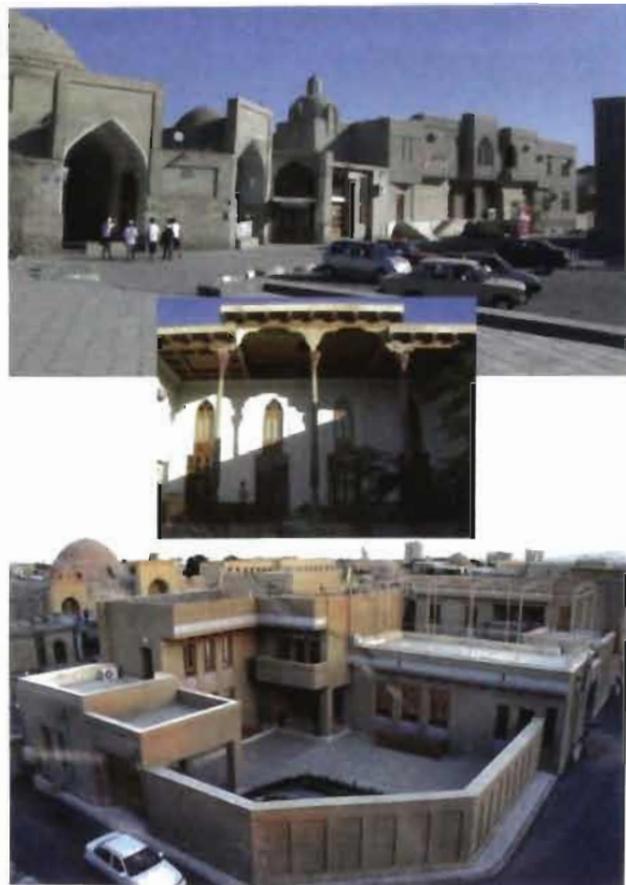
251. БУХАРА. МАВЗОЛЕЙ ИМАМА АБУ ХАФС КАБИРА. МАСТЕРА ЗА РАБОТОЙ. 2010 Г.

252. БУХАРА. СОБОРНАЯ МЕЧЕТЬ И МАВЗОЛЕЙ ИМАМА АБУ ХАФС КАБИРА. 2010 Г.

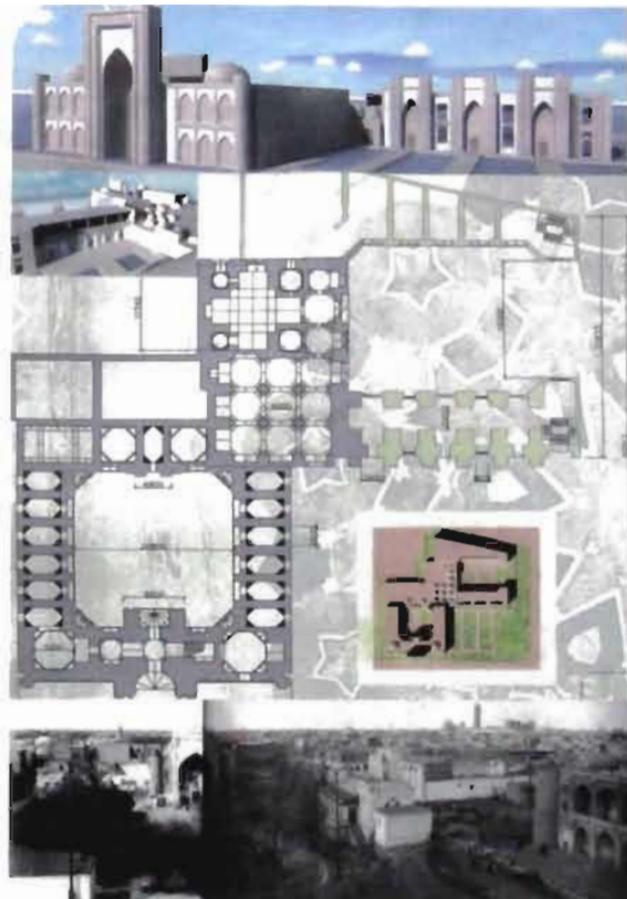
253. БУХАРА. РЕКОНСТРУКЦИЯ УЛИЦЫ ДРЕВНЕГО БАЗАРА ОТ АРКА ДО ЛАБИ ХОВУЗ. 2010 Г.

254. БУХАРА. ОТЕЛИ ЗАРГАРОН (НИЗ) И АТЛАС, С АЙВАНОМ ДВОРА (ВЕРХ). 2007 Г.

255. БУХАРА. ПАМЯТНИКИ ДРЕВНОСТИ НА ФОНЕ НОВЫХ ОТЕЛЕЙ НАЧАЛА 2000-Х ГГ.

256. БУХАРА. МЕДРЕСЕ КАЗАР ЗУЛФИ. ФОТО НАЧАЛА ХХ В. И ПРОЕКТ 2009 Г.

hotels
hotels

Toki Zargaron Khaqiqat Street Toki Telpak Furushon

hotels

Miri Arab Madrasa

Said Olimkhon Madrasa

257. ФОРУМ РИМА И ЯДРО БУХАРЫ. РАЗЛИЧНЫЕ ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ.

258. БУХАРА. ВОДА КАНАЛА ШАХРУД И ХОВУЗА ПЛОЩАДИ ГАУКУШОН. 2010 Г.

259. БУХАРА. ЛАБИ ХОВУЗ: ПУБЛИКА НАЧАЛА XX ВЕКА И 2009 Г.

260. БУХАРА. САМАРКАНДСКАЯ УЛИЦА. ЗАБРОШЕННЫЙ И ЖИВУЩИЙ ЦЕНТРЫ КВАРТАЛОВ.

261. СОКРОВИЩЕ БУХАРСКОГО ЖИЛИЩА - МЕХМОНХОНА. 2009 Г.

262. БУХАРА. ЖИЛОЙ ДОМ НА ЮЖНОМ ОБРЫВЕ ШАХРИСТАНА. 2009 Г.

263 БУХАРА. ЖИЛОЙ ДОМ 75-77 НА САМАРКАНДСКОЙ УЛИЦЕ 2011 Г

264. БУХАРА. ЖИЛОЙ ДОМ 22 НА УЛИЦЕ ГУЛОБОД 2011 Г

265. БУХАРА. ЖИЛОЙ ДОМ 5 НА УЛИЦЕ САРРОФОН. 2010 Г.

266. БУХАРА. ДОМ ЭМИРСКОГО САНОВНИКА НА УЛИЦЕ УСТО ШИРИН. 2010 Г.

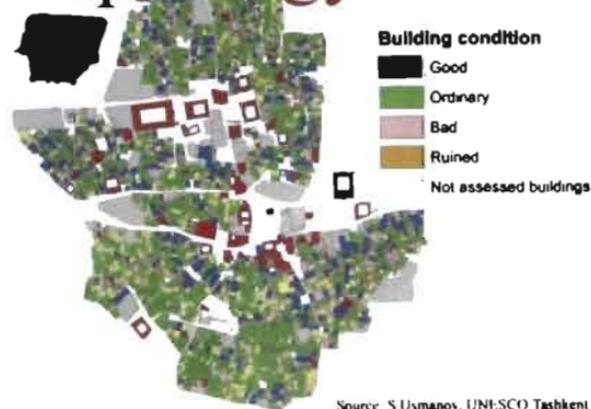
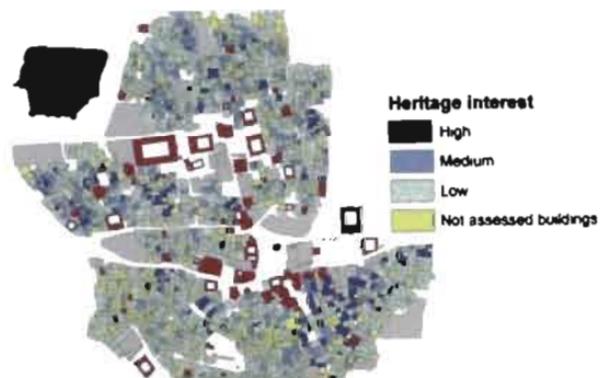

267. БУХАРА. ПРИМЕР НОВОГО ДОМА В ТРАДИЦИЯХ МНОГОВЕКОВЫХ КОМПОЗИЦИЙ.

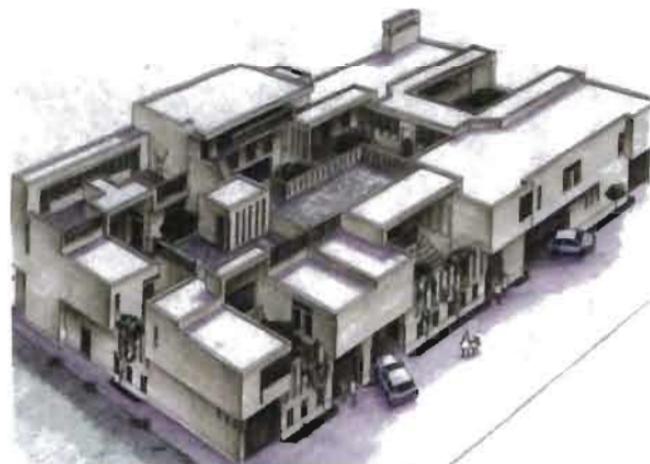

268. БУХАРА. ДОПОН - ПРОХОД ИЗ УЛИЦЫ ВО ДВОР ЖИЛОГО ДОМА. 2010 Г.

Morphology's Best

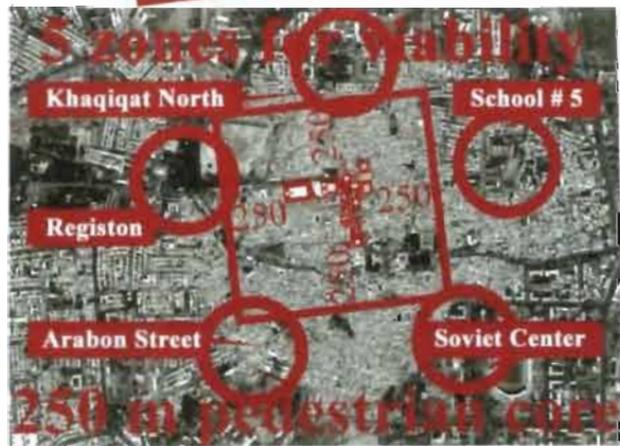

Source: S Usmanov, UNESCO Tashkent

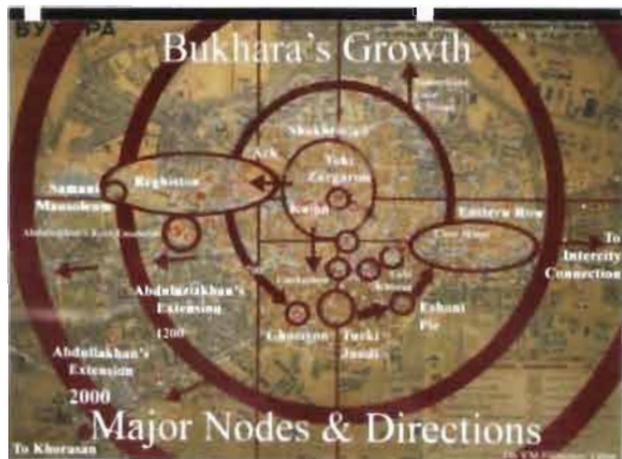
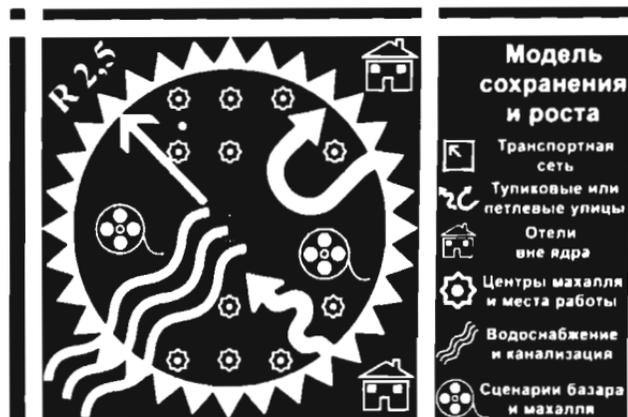
271. БУХАРА. ГОСТИНИЧНЫЙ КОМПЛЕКС. ДИПЛОМНИЦА Ш.МИРХАМИДОВА. 2011 Г

272. БУХАРА. 5 ЗОН ИСТОРИЧЕСКОГО ЯДРА И 250-МЕТРОВАЯ ПЕШЕХОДНАЯ ЗОНА. 2011 Г

7/3 БУХАРА ПРИМЕР СОХРАНЕНИЯ САМАРКАНДСКОЙ УЛИЦЫ 2011 Г

274 БУХАРА ГЛАВНЫЕ УЗЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ. МОДЕЛЬ СОХРАНЕНИЯ И РОСТА 2011 Г

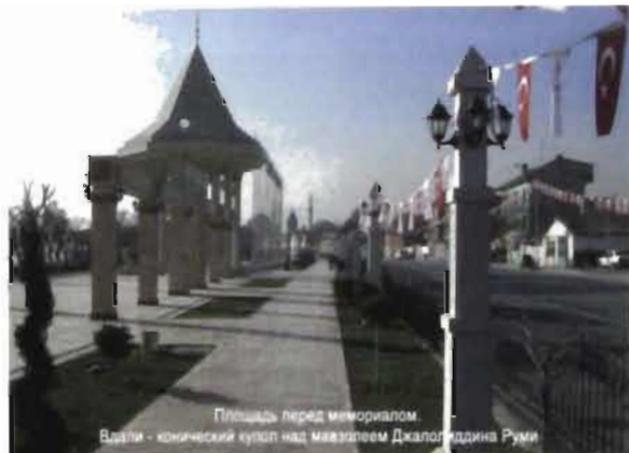
275. ТАШКЕНТ. ДВОРЕЦ ТУРКИСТОН. ХАЛДЕЕВ Ю.В., ТУРСУНОВ Ф.Ю. 1966-1982 ГГ.

276. ТАШКЕНТ. ПЛОЩАДЬ МУСТАЖИЛПИК. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК 1981-1987 ГГ

277. ТАШКЕНТ. КОМПЛЕКС СКОРБЯЩЕЙ МАТЕРИ. АХОПДЖАНИН В.А. И ДР. 1999 Г.

278. КОНЬЯ, ТУРЦИЯ. МЕМОРИАЛ ПАВШИМ В ВОЙНАХ. ОЗТОКЛУ М.Х. 2008 Г.

Портал мемориала в Конье

Абдугани Абдуллаев

Мирджалил Асадов

279. ТАШКЕНТ-КОНЬЯ. КОЛОННЫ А.АБДУЛЛАЕВА И М.АСАДОВА. 1999-2006 ГГ.

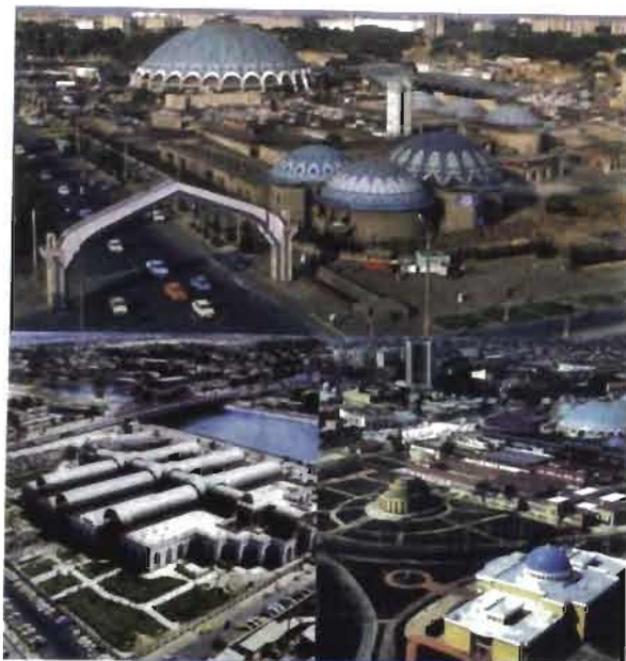
280. ЦЕНТР ПРОСВЕЩЕНИЯ. 2012 Г. БИЗНЕС-ЦЕНТР. 2006 Г. ГАЛЕРЕЯ ИСКУССТВ. 2004 Г.

281. ТАШКЕНТ. КАЗНАЧЕЙСТВО. КАЛИСЛАМОВ А.И., БРЕУСЕНКО В.Н. И ДР. 2009 Г.

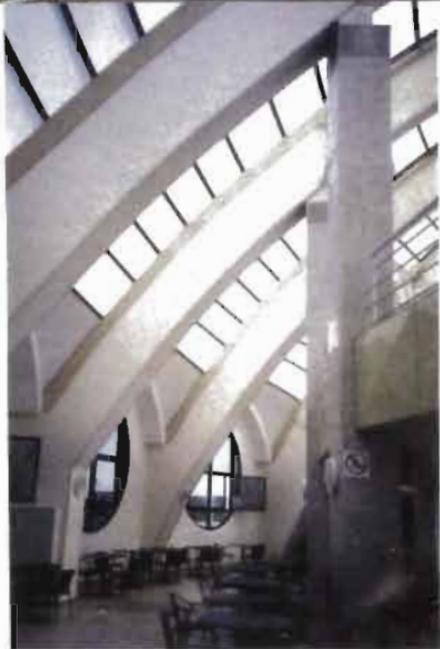

282. ТАШКЕНТ. ПЛОЩАДЬ МУСТАЖИПЛИК. 1991-2005 ГГ.

283. ТАШКЕНТ. БАЗАРЫ АЛАЙСКИЙ, БЕКТЕМИРОВСКИЙ, СТАРОГОРОДСКОЙ. 1990-Е ГГ.

284. ТАШКЕНТ-САМАРКАНД. МУЗЕЙ ТЕМУРИДОВ. ПАМЯТНИК АМИРУ ТЕМУРУ. 1995 Г.

285. ТАШКЕНТ. КРЫТЫЙ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КОРТ. АКОПДЖАНЯН В.А. 1997 Г

286. ТАШКЕНТ. МЕМОРИАЛ ШАХИДАМ, ЖЕРТВАМ РЕПРЕССИЙ. 2002 Г.

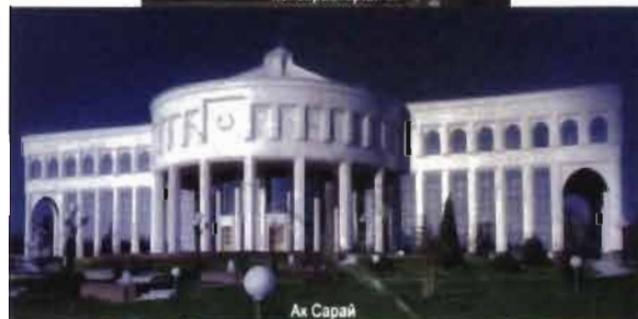
287. ТАШКЕНТ. ОЛИЙ МАЖЛИС. 1997 Г. ГОРОДСКОЙ ХОКИМИЯТ. 1997 Г.

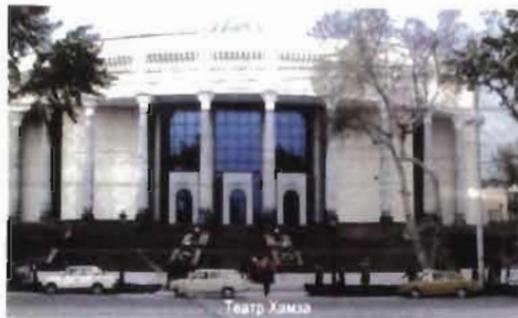
288. ТАШКЕНТ. ОТ СОВЕТСКИХ ФАСАДОВ-ШИРМ К КЛАССИЦИЗМУ НЕЗАВИСИМОСТИ.

289. ТАШКЕНТ. МЕЗОНИНЫ В АРХИТЕКТУРЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ. 1991-2011 ГГ.

290. ВАШИНГТОН-АСТАНА. ВЛИЯНИЕ ДИПЛОМАТИИ НА КЛАССИЦИЗМ. 1792-2004 ГГ.

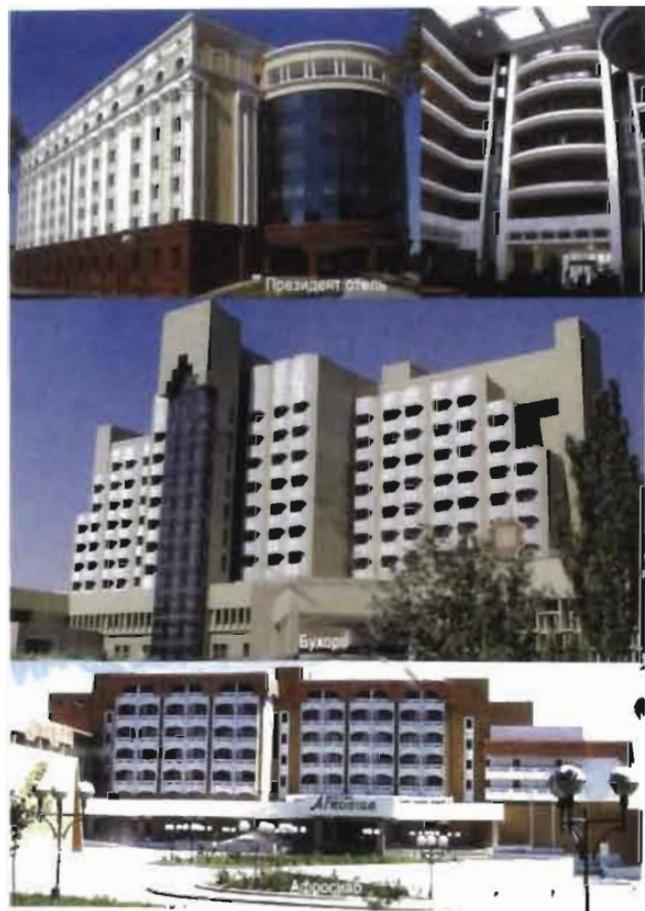
291. ТАШКЕНТ. ОТ КИНО ВАТАН (1939 Г.) К ТЕАТРУ ХАМЗА (2001 Г.). РАХИМОВ У.Х.

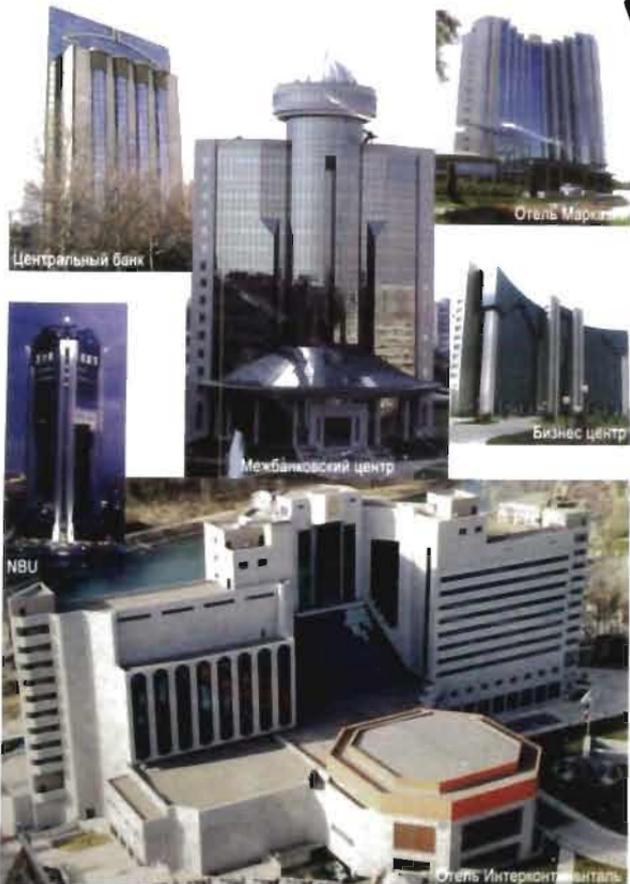
292. ТАШКЕНТ. ДВОРЕЦ ФОРУМОВ УЗБЕКИСТАН. РАХИМОВ У.Х., КИМ В.Г. 2009 Г.

293. ТАШКЕНТ. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЦЕНТР СУЛТАН-ДАРВАЗА. АЮМАЛАЕВ А.Д. 2012 Г

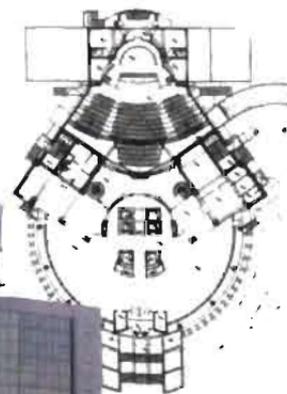
294. САМАРКАНД-БУХАРА. ГОСТИНИЦЫ АФРОСИАБ, БУХОРО, ПРЕЗИДЕНТСКАЯ.

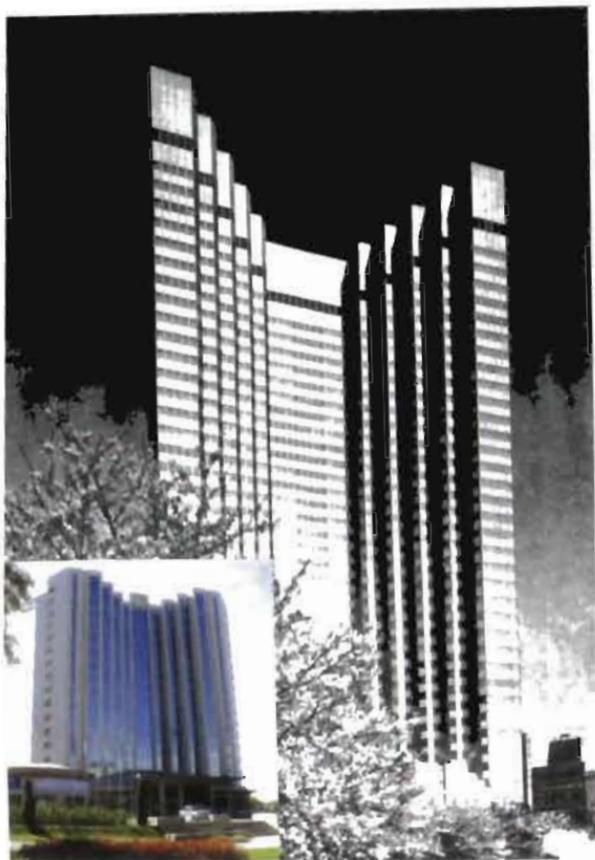
295. ТАШКЕНТ. НОВАЯ АРХИТЕКТУРА КОРПОРАТИВНОГО СТИЛЯ. 1985-2000 ГГ.

Водонапорные башни, Кувейт, конец 1970-х гг.

296. ТАШКЕНТ. МЕЖБАНКОВСКИЙ ЦЕНТР. МАНАСЕВИЧ Д. И ЭНЕРГОПРОЕКТ. 2000 Г.

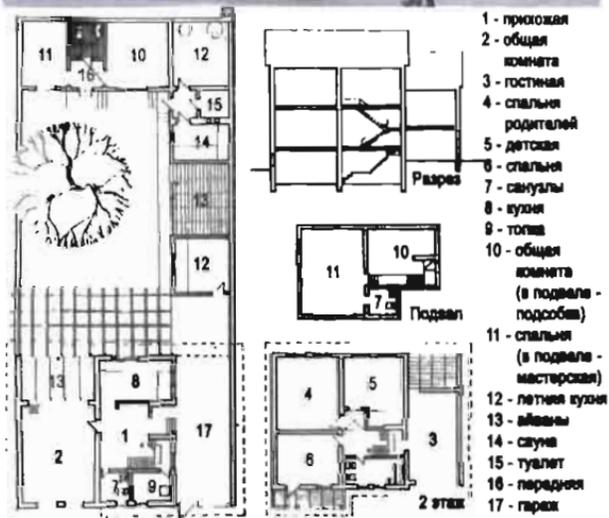
297 ТОКИО-ТАШКЕНТ ОТЕЛИ АКАСАКА ПРИНС (1972-82 ГГ.) И МАРКАЗИК (1999 Г.)

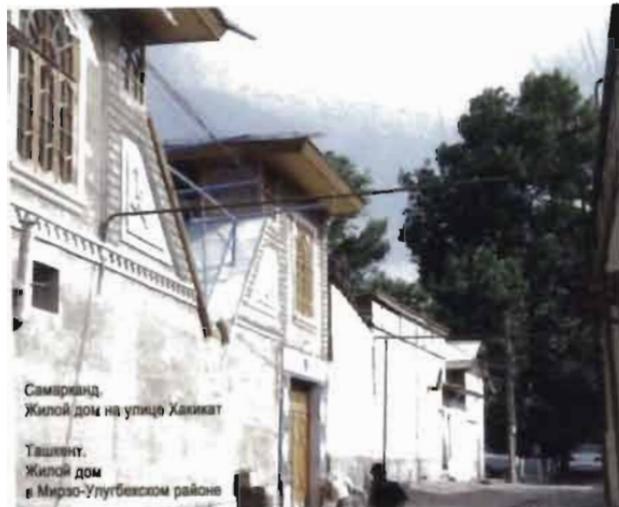
298 ТАШКЕНТ МАХАЛЛЯ ГУЛБУЗОР МАКЕТ И ЗАСТРОЙКА НАЧАЛО 1990-Х ГГ.

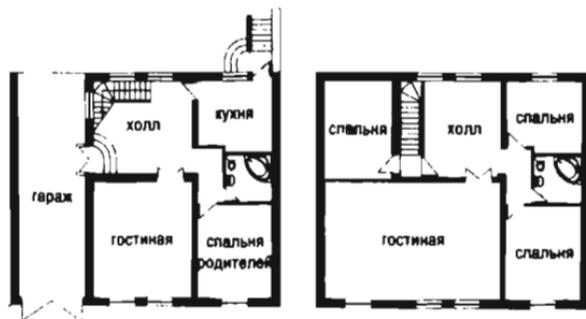
299. ТАШКЕНТ. МАХАЛЛЯ КАРАТАШ. МЕЧЕТЬ И ЖИЛАЯ ЗАСТРОЙКА. НАЧАЛО 1990-Х ГГ.

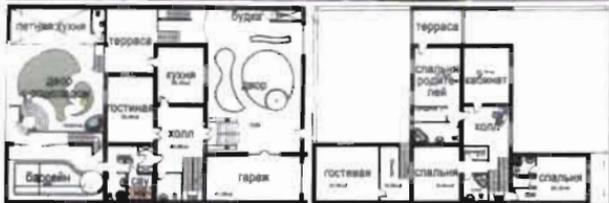
300. ПРОЕКТ ЖИЛОГО ДОМА С ИСПОЛЬЗУЕМОЙ КРЫШЕЙ ДЛЯ БОЛЬШИХ СЕМЕЙ. 1986 Г.

301. ТАШКЕНТ-САМАРКАНД. БАРОЧНОСТЬ СТИЛЕЙ ЖИЛЫХ ДОМОВ 2002 Г

302. ТАШКЕНТ. ДОМ НА УЛИЦЕ ГЕНЕРАЛА УЗАКОВА. ХИДОЯТОВ Ш.Ш. 2007 Г.

303. ДОМА: ТАШКЕНТ (2009 Г.), КИБРАЙСКИЙ РАЙОН (2008 Г.), ХИДЯТОВ Ш.Ш.

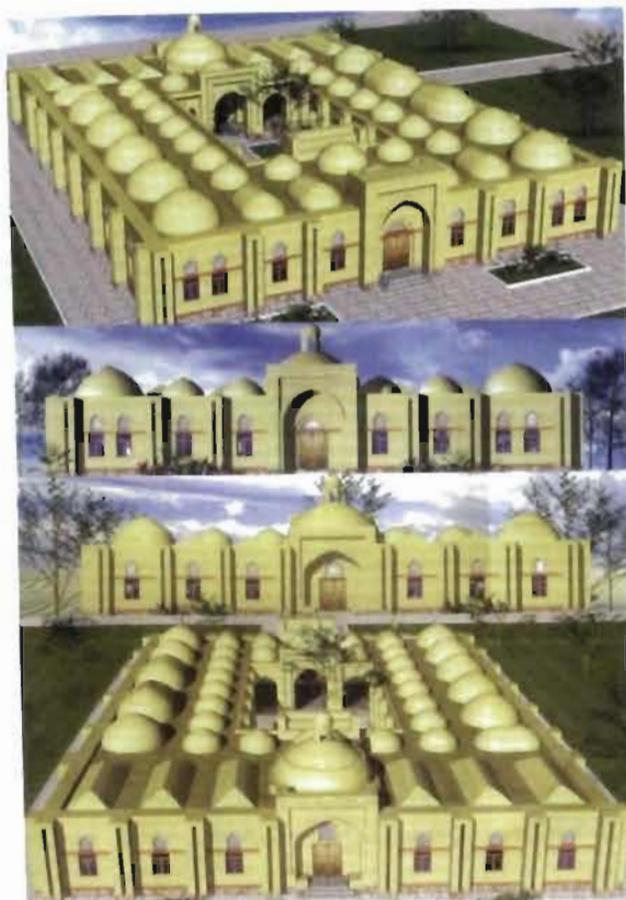

Ташкент, улица Заркайнар, проезд Уйғаничи
2-й тулик, дом 1

Жилой дом в сельской местности

304. ЮНЕСКО: ПОСТРОЙКИ В ПАХСЕ И ГЛИНОБИТНОМ КИРПИЧЕ. 2000-Е ГГ.

305. ЮНЕСКО ТАШКЕНТ: КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР В МОЗОРИ ШАРИФ. 2007 Г.

Дома Боготского района, Хорезм

3-4-комнатные 1-этажные и 5-комнатные 2-этажные дома, Каракалпакстан

4-комнатный дом Боготского район Хорезм

4-комнатный дом, Каракалпакстан

306. 2009 - ГОД РАЗВИТИЯ И БЛАГОУСТРОЙСТВА СЕЛА.

307. ТАШКЕНТ. ДОМ НА УЛИЦЕ ЧЕХОВА. ЕШИМБЕТОВА С.И., ХОРУНОВ И.Р. 1986 Г.

308. ТАШКЕНТ. ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС ШЕДЕВР. АЛИМОВ Н.Н., РАСУЛОВ Т.М. 2008-2010 ГГ.

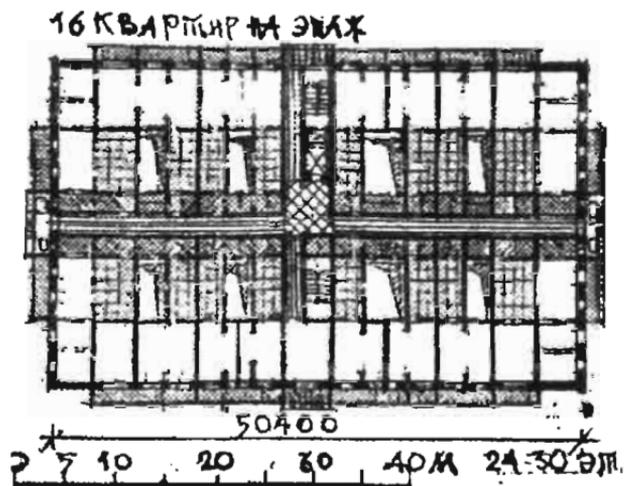
309. ТАШКЕНТ. ЖИЛОЙ ДОМ В ДЖАНГОХ. ЕШИМБЕТОВА С.И., ТУНЕЕВА М.С. 2008-2011 ГГ.

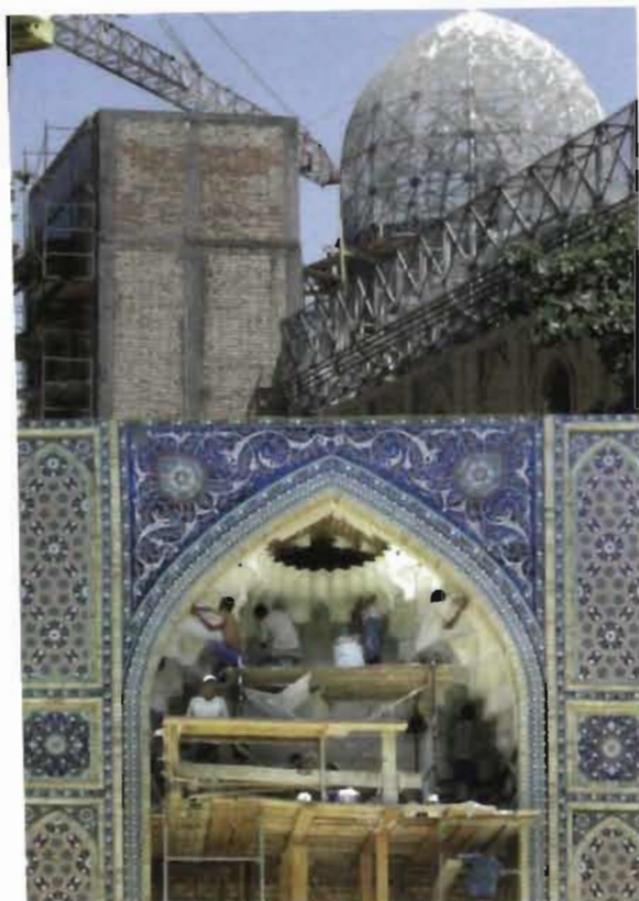
310. ТАШКЕНТ. ДОМ НА УЛИЦЕ А.КАДЫРИ. ЕШИМБЕТОВА С.И. И ДР. 2008-2011 ГГ.

311. ЖИЛАЯ ЗАСТРОЙКА УЛИЦЫ А.КАДЫРИ. ЕШИМБЕТОВА С.И. И ДР. 2008-2011 ГГ.

312. МНОГОЭТАЖНЫЙ ДОМ С 8 АЭРОШАХТАМИ И КЛИМАТРОНАМИ. ДЖАББАР О.С. 1999 Г.

313. ТАШКЕНТ. ПРОЦЕСС СТРОИТЕЛЬСТВА ИСЛАМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. 2008 Г

Bank Land

Ипотeka банк, его новый корпус 1990-х гг., и Bank Land

Аллея Кавлани в Дворце

314. ТАШКЕНТ. НАСЛЕДОВАНИЕ СТИЛЯ МОДЕРН В НОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ. 1908-2011 ГГ

Соборная мечеть Хайраты Имом

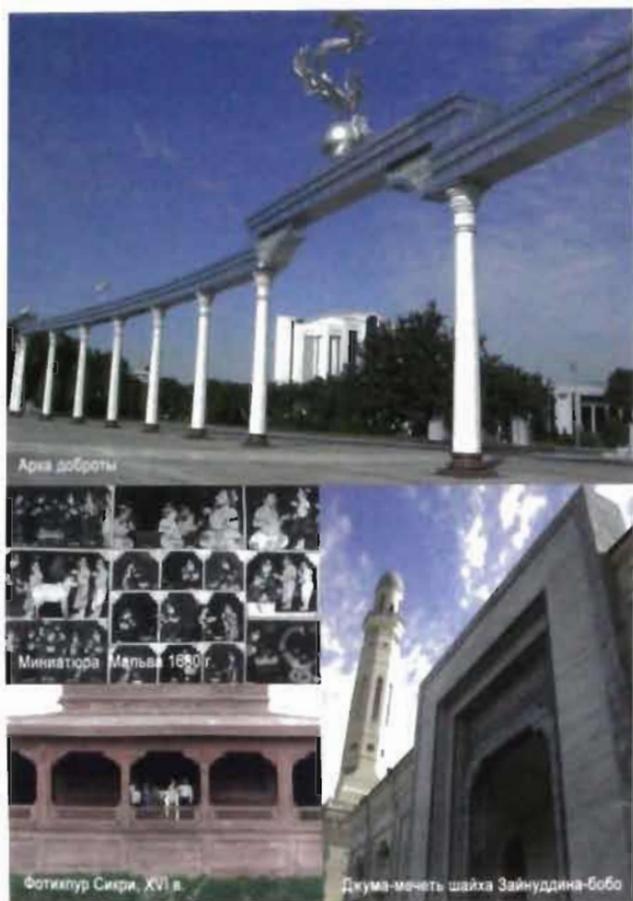
Театр Хамза

Мемориал Имомга бузари

315. САМАРКАНД-ТАШКЕНТ. ОРДЕРНЫЕ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СТИЛЯ.

316. ТАШКЕНТ. МЕЧЕТИ КАРАТАШ (НАЧАЛО 1990-Х) И ДЖАМИ (XV В.-1990 Г.).

317. СТОЕЧНО-БАЛОЧНЫЕ СИСТЕМЫ ВМЕСТО СТРЕЛЧАТО-АРОЧНЫХ. XVI В.-2008 Г

318. ТАШКЕНТ. СОБОРНАЯ МЕЧЕТЬ ХАЗРАТИ ИМОМ. 2006-2007 ГГ.

319. АНДИЖАН БОГИ БОБУР ПАМЯТНИК МУЗЕЙ МЕЧЕТЬ ОКРЕСТНОСТИ 1990-Е ГГ

320. МОГИЛА БОБУРА В КАБУЛЕ И СИМВОЛИЧЕСКАЯ В БОГИ БОБУР АНДИЖАНА.

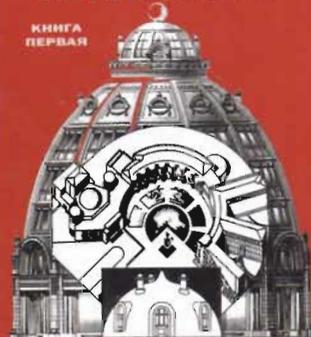

ШУКУР АСКАРОВ

АРХИТЕКТУРА УЗБЕКИСТАНА И СТРАН СНГ

АРХИТЕКТУРА И
ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО
СРЕДНЕЙ АЗИИ
НАЧАЛА XX ВЕКА

КНИГА
ПЕРВАЯ

Об авторе

Доктор архитектуры, профессор,

академик Международной академии архитектуры стран Востока.

Приглашённый профессор университетов Ирландии, Индии, Италии, США, Германии.

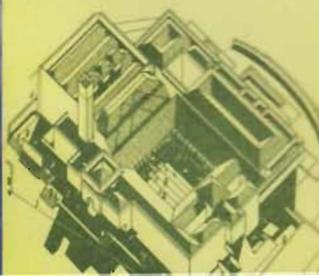
Член научных комитетов Всемирных конгрессов: Архитектуры и «Купола в мире».

Технический эксперт Премии Ага Хана по архитектуре. Консультант ЮНЕСКО.

Эксперт и член Президиума ВАК Республики Узбекистан.

Ш. Д. АСКАРОВ

РЕГИОН— ПРОСТРАНСТВО— ГОРОД

АРХИТЕКТУРА ТЕМУРИДОВ

9 789943 388550